5034

АНТРОПОЛОГО-ПОЗИТИВНАЯ

ШКОЛА

УГОЛОВНАГО ПРАВА

ВЪ ИТАЛІИ.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Вульферта.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Присяжный Повѣренный
НИКОЛАЙ ІОСИФОВИЧЪ
ХАЖЕВА
С.П.Б. Троицкій пер. №3.

Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова.
1887.

HV
5038

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
227
30

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. . . . . V—VIII.

Глава первая. Возникновеніе новой антрополого-позитивной школы уголовнаго права. Ломброзо и его сочиненія. L'uomo delinquente изд. 3-е 1884 г. Журналъ Ломброзо Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale per servir allo studio dell' uomo alienato e delinquente. Lombroso e Bianchi Misdea e la nuova scuola penale 1884. Прирожденный преступникъ, какъ особый видъ преступнаго человѣка, посредствующій между дикаремъ съ одной стороны, нравственно-помѣшаннымъ съ другой. Тождество прирожденной преступности и эпилепсіи. . . . . 1—151.

Глава вторая. Изслѣдованіе вопроса о свободѣ воли въ антрополого-позитивной школѣ. Ферри и его сочиненіе «La teorica dell'imputabilità e la negazione del libero arbitrio. Теорія вмѣняемости и вмѣненія, основанная на отрицаніи нравственной свободы. . . 152—252.

Глава третья. Второй фазисъ научной дѣятельности Ферри. Изученіе явленія преступности по антропологическому и статистическому методу. Обоснованіе соціальной отвѣтственности, классификаціи преступниковъ, предупрежденія преступности. Сочиненія Ферри: Nuovi orizzonti di diritto e della procedura penale 1881 г. Diritto penale ed antropologia criminale (Archivio di psichiatria 1881 г.), Il diritto di punire come funzione sociale, тамъ же 1882 г. La Scuola positiva di diritto criminale 1883. Socialismo

e criminalità 1883 г., 2 изданіе Nuovi orizzonti 1884 г., Polemica in difesa della scuola criminale positiva 1886 г. (Polemica di Enrico Ferri стр. 153—177). . . . . 253—370.

Глава четвертая. Гарофало и его работы: о позитивномъ критеріѣ наказуемости (Di un criterio positivo della penalità 1880 г.) Criminologia, studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repressione. Biblioteca antropologico—giuridica Seria I Vol. II 1885. Le délit naturel (Revue philosophique 1887 г. № 1) Изслѣдованіе естественнаго преступленія, классификаціи преступниковъ, критерія наказуемости, очеркъ общей части уголовнаго права. . . . . 371—500.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ для настоящей работы послужило новое теченіе научной мысли въ сферѣ уголовнаго права, весьма недавно, въ концѣ 70-хъ годовъ возникшее въ Италіи и создавшее школу криминалистовъ, которая стремится, при помощи антропологическихъ, опытно-психологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій, перестроить уголовное право ab imis fundamentis. Къ развертывающемуся передъ глазами современниковъ новому научному движенію, какъ бы ни смотрѣть на него, нельзя относиться иначе, какъ съ глубокимъ интересомъ. Капитальный вопросъ, возбуждаемый новой школой уголовнаго права, заключается въ томъ, есть ли достаточное основаніе вмѣсто прогрессивнаго движенія, примыкающаго къ исторически сложившимся современнымъ законодательствамъ и преемственно развившимся кореннымъ научнымъ началамъ, прибѣгнуть къ радикальной ломкѣ въ области науки, признать существующую классическую или юридическую школу уголовнаго права—nulle et comme non avenue? Такой вопросъ разрѣшается внимательнымъ анализомъ всѣхъ построеній новой итальянской школы сравнительно съ коренными основаніями классической или юридической школы, которому и посвященъ мой трудъ. Такой анализъ приводитъ меня къ тому, что новое научное направленіе не доказало своего права стать на мѣсто господствующаго направленія, что между его притязаніями на исключительное научное господство и между добытыми имъ научными и практическими результатами полное несоотвѣтствіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ я показываю въ своей работѣ, новое направленіе погрѣшаетъ въ своихъ исходныхъ точкахъ въ виду допускаемой имъ логической ошибки—смѣшенія юридической дисциплины уголовнаго права съ несомнѣнно важными, но все же вспомогательными и отличными отъ первой дисциплинами антропологіи, психологіи, соціологіи; оно, далѣе, крайне преувеличиваетъ значеніе требуемаго имъ для уголовнаго права опытнаго метода естественныхъ наукъ, забывая о существенныхъ отличіяхъ наукъ естественныхъ и нравственныхъ, вслѣдствіе которыхъ первый методъ въ наукѣ уголовнаго

права не можетъ имѣть исключительнаго господства, а можетъ единственно сочетаться, притомъ въ качествѣ дополнительнаго, съ присущими этой наукѣ самостоятельными методами историческаго и логическаго изслѣдованія; наконецъ, новое направленіе несостоятельно въ своихъ коренныхъ выводахъ, каковы: біопатологическій генезисъ преступности, соціальная отвѣтственность, классификація преступниковъ, естественное преступленіе и позитивный критерій наказуемости,—каковые выводы представляютъ крайне искусственныя обобщенія фактовъ біологическаго и соціологическаго порядковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду проявляющихся въ нихъ рѣзкихъ противурѣчій между отдѣльными изслѣдователями, выдаютъ несогласованность почерпнутыхъ изъ разнообразныхъ сферъ знанія началъ.

Авторъ думаетъ, что главнѣйшія положенія классической или юридической школы выходятъ неприкосновенными изъ ожесточенной борьбы, которая ведется противъ нихъ новой антрополого-позитивной школой. Сюда относятся: нравственная свобода и нравственная вмѣняемость, изслѣдованіе и установленіе понятія не преступности и преступника, а преступленія, только въ связи съ которымъ можетъизучаться и преступникъ, идеальныя черты, присущія наказанію и уголовному процессу—отнюдь не противорѣчащія, впрочемъ, практическому и цѣлесообразному характеру карательной дѣятельности—въ противуположность утилитаризму и эмпиризму новой школы, разумно-гуманное отношеніе къ преступнику, одинаково чуждое воззрѣнія на него, какъ на дикаго звѣря, равно какъ и на больное существо, настоятельная необходимость въ дальнѣйшемъ сохраненіи репрессивно-пенитенціарной системы въ смыслѣ Lucas, какъ кореннаго типа карательной дѣятельности. Отрицая, такимъ образомъ, значеніе антрополого-позитивной школы по части успѣшнаго созданія цѣльной и строго-научной теоріи уголовнаго права, я не думаю отрицать болѣе ограниченнаго значенія ея изслѣдованій въ смыслѣ обработки вспомогательныхъ дисциплинъ, въ смыслѣ вѣрной критики отдѣльныхъ положеній существующей науки и учрежденій положительнаго законодательства. Огромное множество собранныхъ и обработанныхъ ею фактовъ, если и не поддерживаетъ ея радикальныхъ главныхъ положеній, составляетъ богатый матеріалъ, который, при меньшей односторонности въ пользованіи имъ, можетъ оказаться весьма цѣннымъ для науки.

Указавъ на поставленную мною себѣ задачу, я долженъ коснуться способа ея исполненія. Критику новой Итальянской школы уголовнаго права приходится въ значительной степени выходить изъ рамки юридической области знаній, вступать на почву вопросовъ, разрѣша-

емыхъ при помощи антропологіи, физіологіи, психологіи, психопатологіи. Это обстоятельство представляло значительныя трудности для автора. Удачно ли обойдены онѣ, объ этомъ, конечно, судить не ему. Авторъ можетъ единственно сказать, что, по мѣрѣ силъ и возможности, онъ постарался усвоить себѣ необходимыя элементарныя свѣдѣнія для сознательнаго отношенія къ теоріи Ломброзо, далѣе, что, разбирая выводы, построенные на естественныхъ и медицинскихъ наукахъ, авторъ противупоставлялъ наведеніямъ Итальянскихъ ученыхъ новой школы изслѣдованія и выводы другихъ, столь же компетентныхъ въ тѣхъ же наукахъ ученыхъ. Вообще, по чисто-спеціальнымъ вопросамъ (медицины, антропологіи, психологіи), авторъ относился къ разбираемымъ имъ ученіямъ, какъ относится судья или адвокатъ къ эксперту. Юристы лишены свѣдѣній, коими обладаетъ экспертъ, но не лишены возможности контролировать его выводовъ съ логической стороны, не лишены возможности обсуждать ихъ при помощи всѣхъ иныхъ, сверхъ экспертизы, доступныхъ имъ средствъ удостовѣренія и убѣжденія. Авторъ весьма ясно сознаетъ, что именно въ указанной области свѣдущіе люди найдутъ у него наиболѣе техническихъ неточностей и ошибокъ—явленіе впрочемъ, неизбѣжно обусловливаемое для юриста самымъ методомъ новой школы, которая стремится, по вѣрному выраженію Сергѣевскаго и Листа, сдѣлать изъ уголовнаго права науку общественной патологіи и, поэтому, изъять его радикальнымъ образомъ изъ вѣдѣнія науки права и юристовъ.

Было бы излишне распространяться о томъ, что авторъ считаетъ свой трудъ весьма скромной попыткой, исполненіе которой мало соотвѣтствуетъ важности поставленной имъ задачи и вѣчному величію затронутыхъ ею вопросовъ. Онъ будетъ считать себя удовлетвореннымъ, если, при всѣхъ недостаткахъ его работы, ему удалось дать сколько нибудь полное представленіе о существенномъ характерѣ новой школы и о состоятельности ея выводовъ, и содѣйствовать разъясненію вопроса, дѣйствительно ли единственно научнымъ методомъ въ области уголовнаго права долженъ считаться въ наши дни методъ изслѣдованія Итальянской новой школы. Въ заключеніе должно сказать, что, при довольно продолжительномъ печатаніи настоящей работы, мнѣ не удалось или удалось лишь въ ограниченной мѣрѣ воспользоваться нѣкоторыми изъ появляющихся въ огромномъ числѣ работами, относящимся къ ученіямъ новой Итальянской школы. Сюда относятся: изслѣдованіе Bähr'a о преступности, Il delinquente, начатое, но не оконченное печатаніемъ въ Rivista di discipline carcerarie 1886 г., статьи Desjardins о книгѣ Ломброзо въ Bulletin de la Société generale des prisons 1886 г., d' Haussonville Le

combat contre le vice (Revue des deux mondes 1887 г.), работы Tenchini о cresta frontale и fossetta mediana, 1887 г.—различныя статьи въ Archivio di Psichiatria 1886 г. и въ 1 № 1887, (здѣсь между прочимъ напечатано новое изслѣдованіе Ломброзо о татуировкѣ). Весьма замѣчательной книгой Marro (Caratteri dei delinquenti) я могъ воспользоваться лишь въ незначительной мѣрѣ, такъ какъ отдѣлъ моей работы, къ которой она преимущественно относится,—біологическое изслѣдованіе преступника въ книгѣ Ломброзо—былъ уже напечатанъ, когда она появилась въ печати. Точно также я не могъ уже воспользоваться 4-мъ изданіемъ L'uomo delinquente на французскомъ языкѣ, что, впрочемъ, не составляетъ важнаго пробѣла, такъ какъ вновь введенныя въ него изслѣдованія объ эпилепсіи въ связи съ преступностью были разобраны мною при первоначальномъ появленіи ихъ въ видѣ монографій о Misdea и отдѣльныхъ статей въ Archivio di Psichiatria. Наконецъ, о весьма интересной статьѣ г. Мечникова объ уголовной антропологіи въ Русскомъ Богатствѣ 1886 № 3—4 я узналъ лишь по окончаніи печатанія моей книги. Эта прекрасная работа нашего, столь компетентнаго естествоиспытателя, должна разсѣять много иллюзій о «неумирающей заслугѣ» Ломброзо. Не могу не привести здѣсь однаго общаго, чрезвычайно вѣрнаго отзыва г. Мечникова. Говоря о громадномъ матеріалѣ, вошедшемъ въ первое изданіе L'uomo delinquente, авторъ замѣчаетъ: «изъ всего этого матеріала ярко выступала на видъ личность автора, фанатика, поглощеннаго одною идеей до забвенія многихъ изъ тѣхъ элементарныхъ положеній науки и логики, знаніе которыхъ безусловно предполагается..... у самаго зауряднаго писателя и врача (Рус. Богат. № 3. стр. 204). И далѣе авторъ указываетъ на то, что при обильномъ матеріалѣ, собранномъ въ L'uomo delinquente, у Ломброзо «на возведеніе стройнаго научнаго зданія изъ этого матеріала не имѣется ни готоваго плана, ни свободныхъ силъ (тамъ же № 4, стр. 110).

Настоящая книга составляетъ лишь первый выпускъ моей работы, посвященный изложенію общаго ученія: Ломброзо, Ферри, Гарофало. Во второмъ выпускѣ будетъ изложена особая часть антропологопозитивнаго построенія уголовнаго права: о лѣстницѣ наказаній, о реформѣ уголовнаго процесса, о попыткахъ практическаго примѣненія коренныхъ выводовъ новой школы, вмѣстѣ съ общей оцѣнкой новаго научнаго движенія какъ среди Итальянскихъ, такъ и родственныхъ имъ по направленію другихъ Европейскихъ криминалистовъ.

А. Вульфертъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПИСКИ и ОПЕЧАТКИ.

Страница	строка	Напечатано:	Должно быть:
4	4	сверху: душевная болѣзнь	преступность
10 примѣч. 10	12	снизу: Bevue	Revue
26	13	снизу: Le criminalite	La criminalité
	8	снизу: преступнымъ	непреступнымъ
30 примѣч. 39	1	сверху: среднезатылочная	среднезатылочная ямка
39	19	снизу: преступниковъ	3839 живыхъ преступниковъ
49	15	снизу: родахъ	рядахъ
53	19	снизу: самоубійцей	убійцей
55 примѣч. 74	1	сверху: Le physionomie	La physionomie
		Тоже на стр. 60 примѣч. 81	
59	14	снизу: (143% противъ 27%)	(42% противъ 28)
61	1	сверху: свѣдѣнія	данныя
72	22	сверху: изъ 47....29	изъ 46....28
80	7	сверху: достопочтеннаго	заслуженнаго
96	5	сверху: физіономія	внѣшность
121	11—14	сверху: несмотря на признаніе нравственнаго помѣшательства усматриваетъ въ немъ признаки разстройства разума.	Это предложеніе должно быть исключено, такъ какъ оно повторяется на строкахъ 15—19 той-же страницы.
148	7	сверху: и не будетъ замѣщено	и не можетъ быть замѣнено
159	7	снизу: о пользѣ ихъ	о пользѣ
161	16	сверху: отвлечетъ	не отвлечетъ
162	1	снизу: соотвѣтствующихъ	соприсутствующимъ воленію
167	6	сверху: V гл. VI	VI гл. III
180	14	сверху: равныя	разныя
189	16	сверху: изъ отрицанія	при отрицаніи
191 прим. 41	1 и 2	сверху: это—оно все	эта—она вся
197	19	сверху: такъ	такъ какъ
208	15	сверху: статистиками	статистики
213	17	сверху: внутреннихъ	частныхъ
214	11 и 12	сверху: истинно нравственнымъ, бываютъ лишь дѣяніе, осуществляющіе добро	истинно нравственными бываютъ лишь дѣянія, осуществляющія добро
215 прим. 68—3	4	снизу: Letournea Physiologie des volontes	Letourneau Physiologie de la volonté
217	21	сверху: слѣдуютъ	слѣдуетъ

218	7	сверху: дѣлаемыя	дѣлаемые
250	3	снизу: противная	позитивная
255	2	снизу: уголовнаго права ея	уголовнаго права
261 примѣч. 71	1	сверху: опущенному	не опущенному и
267 примѣч. 12 и 3		снизу: äct	Act
272	8	снизу: или силѣ	и силѣ
273	7	снизу: совершенно безпричинную въ какихъ либо опредѣленіхъ свободы	совершенно безпричинную отъ какихъ либо опредѣленій свободу
275 примѣч. 22	6	снизу: отмѣняетъ ли невмѣняемость	отмѣняютъ ли вмѣняемость
тамъ же	6	снизу: удачной борьбы или	удачной борьбы
347	8	сверху: увеличивающую	увеличивающаго
366	6	снизу: опьяняющихъ	неопьяняющихъ
377	17	сверху: и субъективной опасности преступника различается	и субъективный—опасности преступника различаются
382	15	сверху: времени расы	времени, расѣ
432 примѣч. 103	3	сверху: auxquelless sort est remis	aux quelles son sort est remis
432	8	сверху: непреодолимой	необходимой
450	21	сверху: діяній	дѣяній

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновеніе новой антрополого-позитивной школы уголовнаго права. Ломброзо и его сочиненія: L'uomo delinquente, изд. 3-е 1884 г. Журналъ Ломброзо Archivio di Psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale per servir allo studio del l'uomo alienato e delinquente. Lombroso e Bianchi Misdea e la nuova scuola penale 1884. Прирожденный преступникъ, какъ особый видъ преступнаго человѣка, посредствующій между дикаремъ съ одной стороны,—нравственно-помѣшаннымъ съ другой. Тождество прирожденной преступности и эпилепсіи.

Возникновеніе новой антрополого-позитивной школы уголовнаго права въ Италіи связывается съ именемъ профессора судебной медицины въ Туринѣ Cesare Lombroso и съ его сочиненіями, изъ которыхъ выдается его извѣстный трудъ «L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, giurisprudenza ed alle discipline carcerarie, выходившій съ 1871 по 1876 годъ въ Atti del Istituto Lombardo, вышедшій вторымъ, вполнѣ обработаннымъ вновь изданіемъ въ 1878-омъ году, и наконецъ 3-ьимъ изданіемъ въ видѣ перваго тома, трактующаго объ одномъ видѣ преступнаго человѣка, — delinquente nato, онъ же pazzo morale, въ 1884 году. Наряду съ указаннымъ сочиненіемъ должно упомянуть объ издаваемомъ Ломброзо, при участіи Гарофало, Ферри и Морселли, органѣ новой школы: Archivio di Psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale per servir allo studio del Uomo alienato e delinquente, котораго въ настоящее время вышло 6 томовъ (1880—1885 г.). Этотъ журналъ—складъ отдѣльныхъ небольшихъ работъ членовъ новой школы. Начало новой школы можетъ быть справедливо отнесено къ сочиненіямъ Ломброзо, такъ какъ этотъ ученый попытался слить опытныя естественно-историческія дисциплины съ наукой уголовнаго права съ такой смѣлостью и рѣшительностью, какъ этого до него не было, и такъ какъ сверхъ того Ломброзо вызвалъ своей книгой рядъ работъ антропологовъ, медиковъ и юристовъ, тѣсно связавшихъ свое научное направленіе съ его рабо-

тами и признавшихъ въ немъ главу и зачинателя новой школы [1]). Самъ Ломброзо въ составленной имъ характеристикѣ собственной теоріи въ Zeitschrift Листа связываетъ свои работы съ антропологическимъ или антропометрическимъ изученіемъ человѣка, возникшимъ въ 40-хъ годахъ по примѣру Virchow'a въ Германіи, Брока во Франціи, Davis въ Англіи. — Въ числѣ своихъ предшественниковъ въ Италіи, Ломброзо называетъ Maggiorani, Nicoluccі, Mantegazza, Morselli, Riccardi, коимъ принадлежитъ честь основательныхъ работъ о древнихъ и новыхъ черепахъ, брахи— и долихокефаліи, о половыхъ различіяхъ и аномаліяхъ, объ іерархической классификаціи черепныхъ формъ, и т. д.

---

[1]) Главными дѣятелями новой школы кромѣ антрополога-психіатра Ломброзо являются юристы: профессоръ Сіенскаго университета Enrico Ferri, товарищъ прокурора баронъ Rafaello Garofalo, профессоръ мессинскаго университета Ferdinando Puglia, далѣе медики: Bianchi, Mosso, Virgilio, Sepilli, Amadei, Romiti, Marro, Morselli, Tamburini, Tanzi, юристы Porto, Barzilai, Lestinghi, Fioretti, Venezian, Setti.

Книга Lombroso вызвала очень много работъ: критическихъ разборовъ и очерковъ, излагающихъ теорію автора.—Вотъ важнѣйшіе, которыми я могъ воспользоваться: Dr. Kornfeld, Zur Kriminalpsychologie (изложеніе содержанія 2-го изд. Uomo delinquente въ Gerichtsaal 1879 г.). Lombroso, Über den Ursprung, das Wesen und die Bestrebungen der neuen antropologisch-criminalistischen Schule in Italien (Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft Листа T. I 1881 г. (изложеніе собственной теоріи, также воззрѣній другихъ членовъ новой школы),—далѣе статья Ломброзо «Pro schola mea въ томъ же журналѣ T. III. 1883 г. (та же работа по итальянски въ Archivio di Psichiatria T. V вып. I. 1884 г.). Öttingen, Moralstatistik als Socialethik изд. 3-ье 1882 г. § 38 стр. 447. E. Kräpelin, Lombroso's Uomo delinquente въ Zeistchrift Листъ т. V 1885, вып. 6-ой. Талантливую критику послѣдняго изданія Uomo delinqueute представляетъ статья Tarde, Le type criminel въ Revue Philosophique (Juin 1885 г.)—Изъ многочисленныхъ работъ противъ теоріи Ломброзо въ итальянской литературѣ укажу на слѣдующія: Siciliani, Socialismo, darwinismo e sociologia moderna 1879 г. II. l'Uomo delinquente, il gius criminale e la psicofisiologia nella societa moderna (стр. 196—262). Brusa, La morale ed il diritto penale al limbo. 1880 (вступит. лекція), Fulci, L'evoluzione nel diritto penale 1881 гл. XI и XII. Francesco Poletti, Il sentimento nella scienza di diritto penale. 1882. (книга, замѣчательная тѣмъ, что авторъ, склонявшійся прежде къ антрополого-позитивной теоріи, выступаетъ въ ней убѣжденнымъ противникомъ ея крайностей и преувеличеній).—Mecacci, Teorica de l'imputabilita morale 1882 г. глав. XVI—XVIII, Mario del Mauro, Sull'moderno materialismo in diritto penale 1883 г. Buccellati, Il nihilismo e la ragione del diritto penale 1883, а также Istituzioni del diritto e procedura penale 1884, Brusa, Saggio di nna dottrina generale

Кромѣ названныхъ антропологовъ Ломброзо называетъ еще филолога Марцоло, который «стремился наполнить пропасть между психологическимъ и соматическимъ ученіемъ посредствомъ своихъ изслѣдованій о первобытныхъ языкахъ» [2]). Примыкая къ своимъ предшественникамъ Ломброзо задался мыслью перенести нормы антропологическаго изслѣдованія въ область психіатріи и связать ихъ съ собственно клинической методой. Результатомъ этого метода были изслѣдованія о тѣлесномъ вѣсѣ, о силѣ мускуловъ (динамометрія), относительно измѣренія болевыхъ ощущеній путемъ аппарата Дюбуа (альгометрія), переведенныя на нѣмецкій языкъ Френкелемъ подъ названіемъ «Klinische Beiträge zur Psychiatrie». Примѣняя такіе пріемы къ изслѣдованію преступниковъ, подававшихъ поводъ къ

---

delreato 1884 г., Aristide Gabelli, La nuova scuola di diritto penale in Italia въ Nuova Antologia 1885 г., Fas. XVI 16 Agosto, одна изъ наиболѣе остроумныхъ критикъ новой школы. Указанные противники антрополого-позитивной школы—публицисты и криминалисты; изъ противниковъ ея среди врачей можно указать на Ziino, Fisio-potologia del delitto 1881, далѣе Giacchi, Pazzi e birbanti. 1885,—среди антропологовъ Monti, Studio antropologico sui crani dei delinquenti Bologna 1884, (къ сожалѣнію этого весьма важнаго труда я достать никакъ не могъ). Наконецъ въ русской литературѣ можно указать слѣдующія работы, посвященныя Ломброзо и его книгѣ или вызванныя работами Ломброзо: Минцловъ, Особенности класса преступниковъ (Юрид. Вѣст. 1881), статья, написанная по преимуществу подъ вліяніемъ Ломброзо и исполненная крайнихъ увлеченій, основательно опровергаемыхъ Garofalo въ Archivio di Psichiatria V, вып. II и III (La nuova scuola positiva russa), Н. С. Антропологическое направленіе въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи (Юридич. Вѣстникъ 1882), Лихачевъ, новыя работы въ области уголовной статистики (Журналъ Гражд. и Угол. права 1883 г. книга 1-ая.) Д. Дриль, Малолѣтніе преступники. Москва 1884 г. глава V Lombroso, Virgilio, 2-oe изд. l'Uomo delinquente.

[2]) Uber der Ursprung... der neuen antropologischen Schule in Italien стр. 108. Это указаніе подало поводъ Эттингену зачислить Marzolo въ число медиковъ-антропологовъ, каковая ошибка указана Ломброзо въ Pro Schola mea». Въ ту же ошибку впадаетъ и г. Дриль (указ. соч. стр. 160). Вліяніе филолога Марцоло отразилось на отдѣлѣ «L'uomo delinquente» о преступности у дикарей, гдѣ Ломброзо ссылками на Потта, Пикте и Беттлинга объясняетъ этимологически названія разныхъ преступленій. Затѣмъ Марцоло натолкнулъ Ломброзо на смѣшную догадку: въ отдѣлѣ Delitti di libidine Pudore на стр. 33 L'uomo delinquente 1884 г. Ломброзо говоритъ слѣдующее: La parola stessa pudore verrebbe secondo il mio Marzolo da putere (!?), sicché l'idea parrebbesi originata nella donna per nascondere e mascherare gli effetti ingrat delle secrezioni vaginali. Хорошій образчикъ антропологической филологіи! Самъ Ломброзо называетъ себя психіатромъ, естествоиспытателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ филологомъ (см. вышеуказанную статью въ Zeitschrift Листа стр. 109).

заподозрѣнію душевной болѣзни,—Ломброзо пришелъ къ заключенію, что душевно-больной и преступникъ, за немногими исключеніями, отличаются другъ отъ друга и отъ нормальнаго человѣка рѣзкими признаками, что только рѣдко помѣшательство и душевная болѣзнь незамѣтно переходятъ другъ въ друга. Этотъ результатъ былъ исходной точкой обширныхъ антропологическихъ изслѣдованій о преступникѣ.—Мысль эта была не новая: изслѣдованія въ этомъ направленіи были сдѣланы Касперомъ (Mörderphysionomien 1854) и позднѣе въ Novellen, Клефэмъ и Клэркъ (The cranial outlines of insane and criminal (1846), Брока (Bulletin de la Societé d'antropologie 1867—1870), Винсловъ (Lectures on insanity 1854). Маудсли (Mental responsability 1873), Томсономъ (Psychology of Criminal 1870 г.), Ловернь (Sur les forçats 1843 г.) и Деспиномъ (Psychologie naturelle 1868). Многіе изъ названныхъ писателей больше думали о томъ, чтобы указать аналогію преступленія съ сумасшествіемъ или точнѣе съ слабоуміемъ, чѣмъ различія между этими явленіями, и стремились свести преступленіе къ душевной болѣзни. Не доставало твердой эмпирической точки опоры, пріобрѣтенной путемъ многочисленныхъ наблюденій. Это побудило автора къ его труду «L'uomo delinquente», при второмъ изданіи котораго онъ воспользовался наблюденіями надъ 1200 живыхъ и 101 мертвымъ преступникомъ [3]).

Приступая къ разсмотрѣнію и разбору «L'uomo delinquente» Lombroso,—я буду имѣть въ виду послѣднее изданіе 1884 года,—какъ полнѣйшее и современное выраженіе доктрины автора, — при чемъ мнѣ придется пользоваться журналомъ «Archivio di psichiatria» для указанія самыхъ недавнихъ видоизмѣненій этой доктрины.

I.

Новое изданіе L'uomo delinquente снабжено обширнымъ введеніемъ, гдѣ Ломброзо прежде всего указываетъ на измѣненіе нѣкоторыхъ своихъ коренныхъ воззрѣній сравнительно со 2-ымъ изданіемъ: такъ, авторъ въ настоящемъ изданіи различаетъ delinquenti nati отъ delinquenti d'occasione, pazzi и alcoolisti, которые будутъ изучены въ от-

---

[3]) Таковъ генезисъ ученія Ломброзо, изложенный по статьѣ самого автора въ Zeitschrift Листа (стр. 108—111). Генезисъ антрополого-позитивной школы уголовнаго права въ обширномъ смыслѣ будетъ показанъ мною въ заключительной главѣ 2-аго выпуска моего труда: «общіе выводы и соображенія», такъ какъ лишь по изложеніи работъ членовъ новой школы по перестройкѣ уголовнаго права дѣлается возможнымъ указать, откуда заимствованы исходныя точки.

дѣльныхъ монографіяхъ. Но главное нововведеніе состоитъ въ томъ, что delinquente nato (прирожденный преступникъ) и pazzo morale (нравственно помѣшанный) сливаются въ одинъ типъ,—въ которомъ къ прирожденной болѣзни присоединяется атавизмъ. Авторъ сознается, что онъ прежде былъ горячимъ противникомъ отождествленія указанныхъ двухъ понятій. Прирожденный характеръ delinquente nato, большая крѣпость его физической организаціи, его страсти и инстинкты, равно физіономія, напоминающія лѣснаго человѣка гораздо болѣе, чѣмъ душевно-больнаго,—всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ съ невольнымъ отвращеніемъ къ отождествленію delinquente nato съ душевно-больнымъ, по случаю общественной опасности, къ которой оно повидимому вело, побуждали автора освѣтить гораздо болѣе различія, чѣмъ сходства между этими двумя патологическими душевными состояніями. Но мнѣнія автора кореннымъ образомъ измѣнились, вслѣдствіе послѣдовавшаго различенія между delinquente d'occasione и abituale, открытія новыхъ преступныхъ типовъ, (Аньолетти, Верцени, Гито), въ которыхъ невозможно было отмѣтить черты отличія отъ pazzi morali, наконецъ вслѣдствіе изученія новыхъ, найденныхъ у преступниковъ Крафтомъ—Эббингомъ, Голлендеромъ и Менделемъ свойствъ и признаковъ [4]).

Остальная часть обширнаго введенія занята возраженіями на критики, которымъ подверглось 2-ое изданіе L'uomo delinquente. Такъ, на возраженіе, сдѣланное автору и его послѣдователямъ, что они дѣлаютъ наведенія изъ изолированныхъ явленій антропологическихъ признаковъ, авторъ возражаетъ, что эти явленія открывались ему у преступниковъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ у непреступныхъ людей,—что отдѣльныя аномаліи принимались какъ указанія, коими можно пользоваться лишь совмѣстно съ другими указаніями.

На замѣчаніе о невозможности установленія преступнаго типа,—при доказанности, что 60% на 100 преступниковъ лишено таковаго, Ломброзо возражаетъ, что 40% значительная доля и что незначительные переходы отъ одного характеристическаго вида къ другому, замѣченные въ царствѣ растеній и животныхъ, съ еще большей силой обнаруживаются въ антропологической области, гдѣ индивидуальныя видоизмѣненія усиливаются въ прямомъ отношеніи къ высшему совершенству и высшей гражданственности. Типъ слѣдуетъ принимать съ тѣмъ ограниченіемъ, съ которымъ въ статистикѣ принимаются среднія

---

[4]) Стр. X.

числа,—опредѣляя среднюю жизнь въ 32 года, никто не утверждаетъ, что всѣ должны умирать на этомъ году [5]).

Ломброзо далѣе возражаетъ на упрекъ въ томъ, что юридическія дисциплины подвергаются вторженію совершенно чуждыхъ имъ лицъ, замѣчая, что химики точно такимъ же образомъ занимаются промышленностью, — а механики гидравликой и технологіей [6]). — Не малое число юристовъ упрекали автора за то что уголовное право становится отдѣломъ психіатріи. Но это справедливо лишь отчасти: delinquenti d'occasione не выходятъ за предѣлы общихъ законовъ, а delinquenti nati по мысли новой школы должны подлежать вѣчному заключенію, у котораго недоставало бы лишь имени тюремнаго. На упрекъ въ страсти къ нововведеніямъ авторъ возражаетъ, что многіе выводы новой школы могутъ быть сведены къ отдаленнымъ эпохамъ, къ Соломону (Екклес. XIII, 3), къ Аристотелю и Авиценнѣ, которые обстоятельно касались «уголовной физіогноміи». Народъ давно отмѣтилъ неисправимость преступниковъ и безполезность тюремъ, что сильно говоритъ противъ упрека, что выводы новой школы противны общественному мнѣнію. Ломброзо отвергаетъ упрекъ въ революціонномъ характерѣ защищаемой имъ теоріи, потому что цѣлый кругъ ученыхъ Франціи, Англіи и Германіи поддерживаютъ при помощи новаго оружія древнее п р е д а н і е, которое энергически начатое трудами Беккаріа Романьози, Карминьяни,—и восходящее къ Казобону, Св. Бернарду и Бл. Августину, всегда имѣло приверженцевъ въ Италіи [7]).

---

[5]) Стр. XI, XII и XII. Можно замѣтить, что здѣсь относительно понятія п р е с т у п н а г о т и п а авторъ дѣлаетъ такую уступку, которая лишаетъ всякой возможности положить различеніе преступниковъ по типамъ или категоріямъ въ основу положительнаго законодательства, чего добивается антрополого-позитивная школа. Нельзя утверждать, что всякій въ 32 года долженъ умирать; но законодателю придется утверждать, что всякій, принадлежащій, напр., къ типу d e l i n q u e n t e n a t o за извѣстное преступленіе долженъ быть казненъ смертной казнью. (См. Garofalo C i ò c h e d o v r e b b e e s s e r e u n g i u d i z i o p e n a l e, гдѣ принадлежность къ типу delinquente nato признается въ извѣстномъ случаѣ условіемъ смертной казни (Archivio di Psich. T. III стр. 85).

[6]) Это возраженіе представляется крайне слабымъ. Что гидравлика — прикладная область механики, въ этомъ никто не сомнѣвается. Что уголовное право — прикладная область психіатріи и антропологіи, это еще требуется доказать, das ist die Braut, um die wir tanzen, какъ любятъ говорить нѣмцы.

[7]) Стр. XVII—XX. Авторъ называетъ сверхъ Беккаріа, Романьози, Карминьяни, которые принадлежатъ къ наиболѣе значительнымъ основателямъ господствующаго, такъ называемаго к л а с с и ч е с к а г о направленія въ наукѣ уголовнаго права,—еще O r t o l a n, T a r d e, D e s p i n e во Франціи, H o l t z e n d o r f f, G r o l m a n n, H o m m e l,

Послѣ этихъ возраженій, сдѣланныхъ ему серьезными учеными, авторъ обращается къ возраженіямъ, сдѣланнымъ другими авторами, гораздо низшими, по учености и честности (in dottrina e onestà), и которыя Ломброзо называетъ легендой.—Возраженія этихъ лицъ сводятся къ тому, что новая доктрина хочетъ разрушить уголовный кодексъ, освободить всѣхъ злодѣевъ и подкопаться подъ человѣческую свободу. Авторъ по этому поводу горячо заявляетъ,—что если «мы» и уменьшаемъ индивидуальную отвѣтственность,—то подставляемъ въ замѣну ея отвѣтственность соціальную; если уменьшается отвѣтственность нѣкоторой группы преступниковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ создается непрерывное заточеніе для нея, вмѣсто разнообразныхъ наказаній, не доставлявшихъ обезпеченія для общества. Конечно при отождествленіи pazzo morale съ delinquente nato, при признаніи типа mattoidi, экспертъ можетъ парализовать юстицію, показывая больнаго человѣка тамъ, гдѣ другіе видятъ преступника. Но нельзя отрицать истины потому только, что люди не позаботились изучать преступника прежде изученія преступленія. Законы должны приспособляться къ фактамъ, вмѣсто того,

---

Ruf, Feuerbach въ Германіи, Ellero, Poletti въ Италіи. Кто знаетъ сочиненія этихъ авторовъ, не можетъ не подивиться этому неразборчивому собранію въ одну группу писателей разныхъ направленій. — Правда, у многихъ изъ указанныхъ писателей, новая школа многое заимствовала, въ особенности у Фейербаха и Романьози. Но ни тотъ, ни другой не даютъ права своими сочиненіями видѣть въ нихъ первыхъ зачинателей новаго направленія. Гольцендорфъ никакъ не можетъ считаться адептомъ антрополого-позитивной школы. Ortolan, представитель классическаго съ одной стороны,—Hommel и Ruf,—приверженцы матеріалистическаго построенія уголовнаго права съ другой, представляютъ самый рѣзкій контрастъ. Эллеро, искренній противникъ смертной казни, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ классической школѣ (см. его Opuscoli criminali). Poletti, приближавшійся къ антрополого-позитивной теоріи въ Teoria della tutela penale (прибавленіе ко 2-ому изданію L'uomo delinquente) въ сочиненіи «Il sentimento nella scienza di diritto penale» весьма сильно высказывается противъ главнѣйшихъ положеній новой школы.—Указанныя ссылки на приверженцевъ новой школы, очевидно свидѣтельствуютъ о маломъ изученіи цитованныхъ писателей съ одной стороны, и о желаніи преувеличить силы новой школы съ другой.—Изъ русскихъ писателей незаслуженно причисляются къ антрополого-позитивной школѣ гг. Колоколовъ, Фойницкій и Сергѣевскій, см. Rivista di discipline carcerarie 1885 г. выпускъ 4-й. Lombroso и Marro, Sugli ultimi studi di antropologia criminale in Europa стр. 150. Внимательный и точный анализъ сочиненій Бл. Августина и Св. Бернарда, сдѣланный Buccellati показываетъ,—что почтенныя имена ихъ поминаются всуе (см. Il nihilismo e la ragione del diritto penale Parte I. cap. 2, стр. 199).

чтобы приспособлять факты путемъ фальсификаціи ихъ къ закономъ. — Съ другой стороны современное законодательство представляетъ нецѣлесообразныя средства борьбы съ преступностью. Нельзя сказать того же о средствахъ, предлагаемыхъ новой школой, каковы: manicomio criminale, тюрьма для неисправимыхъ, денежная пеня или тѣлесное наказаніе вмѣсто тюремнаго заключеніи за совершеніе проступка впервые, законы о разводѣ, работы малолѣтнихъ и т. д.

По мнѣнію автора, научныя изслѣдованія новой школы имѣютъ широкое примѣненіе: таковы—теорія соціальной защиты, подставляемая на мѣсто церковной теоріи грѣха [8]) — теорія temibilità (внушаемаго преступникомъ страха), замѣняющая теорію свободы воли. Ломброзо при этомъ вспоминаетъ брошенное новой школѣ обвиненіе въ покровительствѣ преступникамъ.—Пусть намъ скажутъ, когда кто нибудь изъ насъ дѣйствовалъ во вредъ юстиціи, замѣчаетъ онъ, прибавляя, что приверженцы новой школы, эксперты — медики пользовались ея результатами только въ пользу юстиціи, воздерживаясь выступать въ уголовныхъ процессахъ, к о г д а в ы с к а з ы в а т ь и с т и н у было бы вредно для общественнаго порядка. Но если такая сдержанность будетъ оставаться незамѣченной или даже дурно истолкованной, безъ вліянія на общественное мнѣніе,—то, говоритъ авторъ, «намъ» придется отказаться отъ нея въ надеждѣ, что «скандальныя оправданія» наконецъ заставятъ поспѣшить устройствомъ manicomi criminali и вѣчнаго заточенія.

II.

Книга Ломброзо по изд. 1884 г. раздѣляется на слѣдующія части: 1-ая, Эмбріологія преступленія. 2-ая, Патологическая анатомія и антропометрія преступленія. 3-ья—Біологія и психологія п р и р о ж д е н-

---

8) Стр. XXI—XXVIII. Говоря о существующей будто бы въ современномъ уголовномъ правѣ теоріи грѣха,—Ломброзо впадаетъ въ одну изъ тѣхъ непростительныхъ неточностей, которыя такъ часто встрѣчаются у приверженцевъ новой школы и которыя свидѣтельствуютъ о крайне смутномъ знаніи литературы противниковъ.—Совершенно лишнее говорить, что ни одинъ криминалистъ не отождествляетъ грѣха и преступленія;—чтобы не впасть въ ошибку, Ломброзо стоило бы раскрыть Programma del corso di diritto criminale, Parte generale Каррара, и тамъ бы онъ увидѣлъ, какъ, исходя въ опредѣленіи преступленія отъ понятія противорѣчія съ юридическимъ закономъ,—Каррара различаетъ преступленіе, безнравственный поступокъ и грѣхъ, смотря по свойству нарушаемаго закона, т. е. со-

наго преступника. Часть 1-ая начинается съ изслѣдованія преступленія въ низшихъ организмахъ [9]), съ преступности растеній и животныхъ (глав. 1-ая, отд. I). Авторъ перечисляетъ извѣстныя насѣкомоядныя растенія по Дарвину и Друду.—Переходя къ царству животныхъ, авторъ указываетъ на многочисленные виды убійства, которыхъ по исчисленію Ферри не менѣе 22-хъ.—Таковы: убійство ради пропитанія, убійство ради пользованія самками, убійство изъ корысти (у мексиканскихъ муравьевъ ради высасыванія сладкаго сока у самокъ), убійство воинственное, каннибализмъ простой и квалифицированный дѣтоубійствомъ и отцеубійствомъ (у крокодиловъ, нѣкоторыхъ обезьянъ, кошекъ, волковъ).—Авторъ замѣчаетъ, что говорить о преступленіяхъ животныхъ,—о кражѣ, совершаемой шайкой обезьянъ, домашней кражѣ, произведенной кошкой, казалось бы ребячествомъ, такъ какъ эти явленія необходимый продуктъ физическихъ причинъ. Однако, съ другой стороны, указанные факты, по мнѣнію Ломброзо, содѣйствуютъ разоблаченію тщеты абсолютной идеи юстиціи и объясняютъ появленіе постоянныхъ криминальныхъ тенденцій въ самыхъ гражданственныхъ расахъ, не поддающихся сильнѣйшей реакціи,—а также фактъ наказуемости у древнихъ, болѣе логичныхъ, чѣмъ люди новаго времени, животныхъ за поврежденіе вещей, признававшихся священными [10]).

Ломброзо отличаетъ delinquenti nati среди животныхъ, отмѣченныхъ аномаліями черепа. Таковы лошади, (норовистыя, злыя), съ узкимъ, убѣгающимъ лбомъ, съ nez busqué, по терминологіи французскихъ ветеринаровъ, слоны, ведущіе противуестественную пустынническую жизнь. Какъ обстоятельства, обусловливающія преступность животныхъ, Ломброзо называетъ старость (производящую свирѣпость у животныхъ и жестокосердіе у человѣка), безумный инстинктъ (случаи забоданія людей коровами, до того времени совершенно спокойными), непреодолимыя страсти, (такъ слоны

образно тому, будетъ ли нарушено предписаніе гражданскаго, нравственнаго, или религіознаго закона. (Programma изд. 1877 г. § 35—39). Итакъ слова Ломброзо по части теоріи грѣха — одно изъ тѣхъ стереотипныхъ «жалкихъ словъ», на которыя не скупится новая школа.

[9]) Parte I, Embriologia des delitto, c. I II delitto e gli organismi minori 1. Le apparenze del delitto nelle piante e negli animali стр. 1—8-ая.

[10]) Назв. соч. стр. 9. Это замѣчаніе Ломброзо, свидѣтельствующее о нѣкоторомъ невольномъ чувствѣ смущенія при подведеніи разныхъ животныхъ дѣйствій подъ понятіе преступности, ровно ничего не разъясняетъ.—Между преступностью животныхъ и преступностью человѣка остается пропасть, которая не пополняется и фактомъ нака-

предаются инстинкту мести), физическія страданія, половые побуды, приводящіе къ убійству. Углубляясь въ животный міръ преступности, Ломброзо находитъ у животныхъ преступныя сообщества, мошенничество (truffa), кражу, и открываетъ у животныхъ алькоголиковъ (кофе найденъ вслѣдствіе наблюденій за козами, щипавшими кофейные кусты).—Авторъ по поводу преступности животныхъ приходитъ къ заключенію, что въ ней обнаруживается нечувствительный переходъ отъ актовъ, называемыхъ преступными, къ актамъ, составляющимъ преступленія единственно для человѣка, и на оборотъ. Многіе случаи убійствъ съ каннибализ-

---

зуемости животныхъ въ древнія времена. Безпомощность автора хорошо обнаруживается на слѣдующей страницѣ (10-й), гдѣ, чтобы приблизиться къ человѣческимъ преступленіямъ, авторъ считаетъ нужнымъ обратиться къ домашнимъ животнымъ и дикимъ животнымъ, живущимъ стадами. — Создавъ такое ограниченіе, которое съ точки зрѣнія автора ничѣмъ не оправдывается, Ломброзо указываетъ на прирученіе человѣкомъ животныхъ, создающее спеціальныя привычки, отъ которыхъ животныя освобождаются лишь при особенныхъ условіяхъ, подобно нашимъ преступникамъ. Такимъ образомъ авторъ переходитъ уже съ своей первоначальной точки изъясненія преступности животныхъ изъ природныхъ побудовъ къ иной точкѣ зрѣнія, гдѣ преступность связывается съ человѣческой культурой. Вообще къ нашему автору совершенно идутъ слова доктора Камерано въ статьѣ его «Amori anomali degli anfibi, напеч.въ Archivio Lombroso V fasc. II и III. «Lo studio dei costumi d'animali ha acquistato oggigiorno una speciale importanza ..... Affinchè tuttavia lo studio dei costumi degli animali possa offrire una base sicura e necessario che sia fatto con diligenza somma e coscienza grandissima;chi studia e descrive gli atti degli animali deve mettere cura particolare a non esagerare nella descrizione di tali atti. Ora cio non si verifica frequentemente nelle desscrizioni dei costumi di molti animali, sopra tutto in quelle, che si leggono nelle numerose opere relative alla vita psichica degli animali, fatte da chi e piu filosofo, che naturalista (стр. 300 и 301).—Эти прекрасныя слова, направленныя противъ зоологическихъ увлеченій, точно написаны по поводу изслѣдованія Ломброзо о преступности животныхъ. Къ Итальянскому автору приближается по своимъ воззрѣніямъ Лакассань (Le criminalité chez les animaux Revue Scientifique 1882 г. № 2), у котораго Ломброзо въ значительной степени заимствуетъ разные факты въ разбираемой главѣ. Лакассань начинаетъ съ того, что «нравственность волковъ можетъ просвѣтить насъ насчетъ нравственности людей» — и приходитъ къ слѣдующему выводу: Nous pensons avoir montré dans cette etude que si les actes, les pensées, les sentiments des animaux sont semblables aux notres, il en est de même pour leurs delits ou crimes, qui sont en rapport avec leurs interêts et leurs passions. Comme dans notre espèce l' animal criminel est parfois un type apparaissant tout a coup avec des passions, des desirs, des instincts, qui ne sont pas de sa race.—Ces defauts sont transmissibles et héréditaires. La domestication, le regime alimentaire diminuent, font disparaitre ou transforment quelques unes de ces dispositions, (стр 42). Чтобы видѣть, до какой степени натянуты изслѣдованія Лакассаня—достаточно убѣдиться въ апріорич-

момъ, какъ напримѣръ, у волковъ, у медвѣдей происходятъ вслѣдствіе жизненной конкурренціи и уничтоженіе недѣлимыхъ служитъ поддержанію вида; самое частое повтореніе такихъ преступленій свидѣтельствуетъ о томъ, что они не всегда анормальныя явленія. Далѣе ничѣмъ необусловленные акты жестокости среди домашнихъ животныхъ могутъ быть объяснены атавистическою тенденціею (переданною по наслѣдству собакѣ, напримѣръ, отъ волка) или органическими условіями мозга (у лошадей съ nez busqué). Итакъ въ первыхъ формахъ своего проявленія преступленіе тѣсно связывается съ организмомъ и является прямо послѣдствіемъ его [11]). Переходя къ вопросу объ эквивалентѣ наказанія у животныхъ (III. Equivalente della pena negli animali e nell' uomo), авторъ, къ чести своей, является скептикомъ по отношенію къ утвержденіямъ Ферри и Брэма относительно наличности раскаянія и наказаній, налагаемыхъ животными на себя подобныхъ. По поводу сообщеній о наказаніяхъ, практикуемыхъ у аистовъ надъ самками, нарушившими супружескую вѣрность, авторъ замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ человѣческимъ истолкованіемъ животныхъ актовъ. — Ломброзо переходитъ далѣе къ наказаніямъ, исполняемымъ человѣкомъ надъ домашними животными, и указываетъ, что вообще они дѣйствительно измѣняютъ нѣкоторыя привычки. Но затѣмъ наказанія относительно другихъ животныхъ не достигаютъ цѣли, которая напротивъ достигается извѣстными благоразумными мѣрами, такъ что въ мірѣ животныхъ, по мнѣнію Ломброзо, подтверждается доказанный Ферри законъ малой пользы наказанія и возмож-

---

ности многихъ его положеній: такъ, въ началѣ своей статьи онъ спрашиваетъ, почему судебные врачи и криминалисты не занимались до сихъ поръ преступностью у животныхъ? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ (самый отвѣтъ насъ мало интересуетъ, какъ и слѣдовало ожидать весь вредъ въ метафизикѣ), авторъ замѣчаетъ слѣдующее: Si les animaux ont comme nous la plupart des maladies organiques, s'ils sont atteints de maladies epidemiques ou contagieuses, on ne voit pas pourquoi ils seriaent a l'abri des maladies mentales, de la folie et de ses varietés.—И дальше: Puisque nous reconnaissons que chez d'homme il survient tout a coup des individus mal formés, organiquement defecueux ..... il doit en être de même chez les animaux ou tout au moins dans les espèces, qui par leur constitution se rapprochent de l'homme» (стр. 34). Экспериментальный методъ требовалъ бы первоначально тщательнаго фактическаго изслѣдованія вопроса о помѣшательствѣ у животныхъ, а не перенесенія этого явленія на животныхъ только потому, что оно констатируется у человѣка. Далѣе послѣ первоначальнаго широкаго обобщенія непослѣдовательно говорить о видахъ, приближающихся по своему строенію къ человѣку, что также противорѣчитъ и дальнѣйшему изложенію, гдѣ идетъ рѣчь о пчелахъ, муравьяхъ, чижикахъ и пр. и пр.

[11]) II. Il vero equivalente del delitto e delle pene negli animali стр. 9—25.

ности достиженія болѣе дѣйствительныхъ результатовъ менѣе насильственными средствами—уголовными замѣстителями наказанія (sostitutivi penali) [12]).

2-я глава трактуетъ о преступленіи и проституціи у дикарей.— Она начинается съ замѣчанія, что при изслѣдованіи преступности у дикарей оказывается, что преступленіе не есть исключеніе, а общее правило и потому сливается съ другими, наименѣе преступными дѣйствіями.—Въ подтвержденіе этой мысли авторъ дѣлаетъ рядъ выписокъ санскритскихъ, греческихъ и коптскихъ терминовъ изъ трудовъ Пикте, Ваничека и Беттлинга [13]). Изслѣдованіе преступности у дикихъ начинается съ delitti di libidine. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно явленія гостепріимной, противуестественной, религіозной проституціи, поліан-

---

12) Стр. 26—29. По поводу преступности и наказуемости животныхъ см. рѣзкія, но вѣрныя возраженія у Brusa, Saggio di una dottrina generale del reato, esposto nella Reale universita di Torino 1884 г. Nota sulla nozione del reato стр. 26—31. Бруза, справедливо связывая представленіе о животной преступности съ теоріей Дарвина, замѣчаетъ, что вмѣсто «скучныхъ и нестерпимыхъ фантазій (romanzi) схоластической метафизики» въ наше время любятъ создавать фантазіи по части феноменовъ внѣшней природы; но фантазіями не создается наука, хотя бы уголовнаго права, на знаніе которой всякій считаетъ себя въ правѣ претендовать (стр. 31). См. также Tarde, Quelques Criminalistes Italiens de la nouvelle ecole Revue philosophique 1883 Juin; авторъ также объясняетъ изслѣдованіе животныхъ преступленій дарвинизмомъ, и замѣчаетъ, что изъ подобныхъ изслѣдованій нельзя извлечь никакой пользы ни практической, ни теоретической.—Какъ указано выше, Tarde зачисляется Ломброзо въ число приверженцевъ новой школы!

13) Сар. II. стр. 31—33. Можно замѣтить, что термины, выбираемые авторомъ, вовсе не подтверждаютъ его мысли: такъ, что доказываетъ ссылка на Пикте въ подтвержденіе того,—что crimen происходитъ отъ санскритскаго karman дѣлать, какъ facinus отъ facere? Единственно то, что настоящія преступленія и дѣянія вообще тѣсно связаны. Но это справедливо и въ наши дни, за преступныя помышленія никто не наказывается, древность отличается отъ нашего времени развѣ тѣмъ, что первоначально преступленіе преимущественно разсматривалось съ объективной стороны и различіе dolus, culpa, и casus относится къ позднѣйшему времени. Указывая на связь терминовъ для понятія воровства и понятія скрытія предметовъ (κλέπτω греч. языка, stehlen нѣмецк. съ связи съ stjäla швед. latro латинскаго, производимаго отъ latet), авторъ опровергаетъ собственную мысль о сліяніи преступныхъ и непреступныхъ дѣяній. Въ приведенныхъ примѣрахъ наоборотъ рѣзко обнаруживается особое-ніе извѣстнаго преступнаго дѣянія (воровства), согласно характеристическому признаку тайнаго похищенія, вполнѣ сохранившемуся въ отечественномъ законодательствѣ (ст. 1644 уложенія о наказ. изд. 1885 года).

дріи, кровосмѣшенія, похищенія женщинъ и изнасилованія. [14]).

Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ объ «убійствѣ», заимствованный, какъ говоритъ авторъ, почти цѣликомъ у Ферри, съ дополненіями, по Летурно. Здѣсь излагаются слѣдующія формы убійства у дикарей: 1) истребленіе плода, 2) дѣтоубійство, 3) убійство стариковъ, больныхъ, 4) убійство по гнѣву, капризу, погребальное убійство, убійство для жертвоприношенія, вслѣдствіе предразсудковъ, убійство вслѣдствіе животнаго побуда (per brutale malvagità), убійство ради самопрославленія, вслѣдствіе кровавой мести, 5) каннибализмъ въ разныхъ его видахъ—въ томъ числѣ юридическій каннибализмъ съ цѣлью наказанія преступниковъ (по Letourneau) [15]).

Послѣ краткаго изложенія другихъ преступленій: кражи, прелюбодѣянія, поджога, похиженія женщинъ, лжесвидѣтельства, Ломброзо останавливается на Veri delitti dei selvaggi: contro l'usanza. Основная мысль автора состоитъ въ томъ, что истинныя преступленія у дикарей состоятъ въ отступленіяхъ отъ установившихся обычаевъ и проступкахъ противъ религіи, что въ сущности одно и то же, такъ какъ религія склонна увѣковѣчивать обычаи. Тѣ же дѣянія, которыя представляются преступными въ наше

---

[14]) Стр. 33 — 45. Авторъ, не допуская и тѣни сомнѣнія относительно повсемѣстнаго половаго смѣшенія у древнѣйшихъ людей, совершенно игнорируетъ сдѣланныя по этому предмету Мэномъ возраженія (см. Древній законъ и обычай, переводъ подъ редакціей профессора Ковалевскаго, гл. VII теорія первобытнаго общества, стр. 147 — 176, въ особенности стр. 156, — гдѣ Мэнъ теоріи первобытнаго половаго смѣшенія противупоставляетъ неизбѣжность связаннаго съ этимъ явленіемъ безплодія и вырожденія, а равно невозможность предполагаемаго при этой теоріи отсутствія чувства половой ревности). Мэнъ ссылается между прочимъ на Дарвина, полагавшаго, что половая распущенность дикарей относится къ позднѣйшему времени, когда человѣкъ, умственно подвинувшись впередъ, ретроградировалъ въ своихъ инстинктахъ, Letourneau и Le Bon. Странно, что Ломброзо, столь много заимствовавшій у этихъ авторовъ, не упоминаетъ объ ихъ воззрѣніяхъ по указанному вопросу, распространяясь на 12 стр. о Venere vaga и mista у древнихъ народовъ и дикарей; на стр. 36 и 37, Ломброзо говоритъ о половой распущенности у островитянъ Андаманскихъ острововъ, о прекращеніи у нихъ браковъ при питаніи ребенка грудью матери,—между тѣмъ Мэнъ на основаніи новыхъ и точныхъ свѣдѣній сообщаетъ, что означенные островитяне по части скромности и нравственности приближаются къ нѣкоторымъ слоямъ цивилизованныхъ народовъ, а бракъ является у нихъ постояннымъ институтомъ (прим. къ главѣ VII стр. 178). — А между тѣмъ Ломброзо, упоминувъ объ Андаманскихъ островитянахъ, сейчасъ же дѣлаетъ широкій выводъ: Ecco il principio del matrimonio che nasce da uno stupro e da una prostituzione, come il codice dal delitto (см. 37стр.).

[15]) Стр. 45—74.

время,—признаются у дикарей преступными лишь сравнительно поздно, а иногда совсѣмъ не получаютъ такого характера.

Авторъ объясняетъ указанную имъ спеціальную преступность слѣдующимъ образомъ: дикарь испытываетъ крайнее отвращеніе къ радикальнымъ измѣненіямъ, что объясняется свойственной грубому человѣку и животнымъ инерціей, привычкой къ движеніямъ уже прежде воспроизведеннымъ и атавистическимъ. Такъ, домашнія животныя испытываютъ непріятное чувство при свѣтѣ газа или дѣйствіи паровой машины, такъ женщины противятся религіознымъ и соціальнымъ нововведеніямъ. Человѣкъ, по природѣ консерваторъ, никогда не подвинулся бы впередъ безъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ и нѣкоторыхъ странныхъ людей, каковы pazzi di genio e mattoidi (геніальные сумасшедшіе и не совсѣмъ здравые умомъ), — которые, въ силу значительной дѣятельности мозга, увлекали другихъ за собою. Такъ какъ религія была консервативной хранительницей обычаевъ, отождествляя всякое нарушеніе обычая съ проступкомъ противъ божественной и человѣческой нравственности,—то и жрецы, хранители религіи, сдѣлались священными, а также священными введенныя ими предписанія, нарушенія коихъ и считались преступленіями [16]).

---

[16]) Стран. 78 — 83. Въ этомъ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ обычаевъ на каждомъ шагу читатель встрѣчается съ весьма спорными положеніями.—Авторъ иллюстрируетъ свою мысль ссылками на законы Ману, забывая, что древнихъ индусовъ отожествлять съ selvaggi, лѣсными дикарями не приходится — Максъ Мюллеръ на основаніи изученія терминовъ, сохранившихся въ Санскритѣ, приходитъ къ заключенію, что народъ, создавшій эти термины, не могъ быть «расою дикарей, кочующихъ звѣролововъ (Essai sur le mythologie comparée, traduction Georges Perrot 1834 г., стр. 53).

Ломброзо ссылается на запретъ подъ страхомъ смертной казни, употребленія въ пищу свинины у евреевъ, на запретъ употребленія крови и жира животныхъ (страница 79, 83), не подозрѣвая, что примѣненіе смертной казни въ этихъ случаяхъ подвергается спору. Относящіяся сюда мѣста Библіи толковались раввинами въ смыслѣ естественной смерти безъ потомства (Castelli Sulla pena di morte nella legislazione ebraica въ Rivista penale 1881, стр. 458, далѣе Loiseleur, Les crimes et les peines, стран. 11-я). Странно, что медикъ Ломброзо не обращаетъ никакого вниманія на многочисленныя попытки объяснить запретъ вкушенія извѣстной пищи гигіеническими, а слѣдовательно разумными основаніями.— Укажу на Mesnil Merigny histoire de l'economie politique des anciens peuples. Paris 1872, De le Judée ch. II, стр. 364—372), объясняющаго запретъ по части пищи заботой о предупрежденіи проказы, и доказывающаго современной медецинской статистикой меньшую смертность у евреевъ, соблюдающихъ и нынѣ библейскіе запреты, сравнительно съ прочимъ населеніемъ въ Пруссіи.

Глава 3-ья посвящена «Primordi della pena т. е. возникновенію наказаній. Я укажу единственно на заключеніе, къ которому приходитъ авторъ послѣ чрезвычайно отрывочнаго и поверхностнаго изложенія постановленій leges barbarorum и обычаевъ современныхъ дикарей. Первобытной инстинктъ мести не только живетъ въ низшихъ классахъ,—но даже иногда въ рѣчахъ тѣхъ, кто отправляетъ уголовную юстицію, и даже въ судѣ присяжныхъ.—Такимъ образомъ единогласно возстаютъ противъ оправданія душевно-больнаго, совершившаго тяжкое преступленіе (Пассананте, Верцени, Гито) [17]), обвинительные приговоры тѣмъ строже, чѣмъ ближе моментъ суда къ совершенію преступленія. Остатокъ первобытной юстиціи остался въ судѣ присяжныхъ, который и нынѣ оправдываетъ убійцу, осуждая вора, точно такъ же какъ это дѣлалось на разсвѣтѣ правосудія. Противудѣйствія новой антрополого-юридической школѣ, признающей delinquente nato за больнаго, подлежащаго, однако, вѣчному секвестру, проистекаетъ изъ этого инстинкта мести, который, не довольствуясь однимъ секвестромъ личности, требуетъ тальона. «Нечистый источникъ» правосудія объясняетъ неравенство между бѣднымъ и богатымъ, изъ которыхъ первый рѣдко добивается правосудія, а послѣдній всегда можетъ избѣжать наказанія; помня, что юстиція была часто эманаціей каприза деспота, или первосвященника, или народной ярости, (furore popolano), можно объяснить этимъ, какъ многіе народы не освободились еще отъ атавистическаго учрежденія помилованія, отъ столь подкупнаго и невѣрнаго атавистическаго учрежденія, какъ судъ присяжныхъ. [18]) Эти заключительныя соображенія ученаго антрополога, гдѣ странно переплетаются между собою, и ожесточенная, доходящая до научнаго неприличія, вражда къ суду присяжныхъ, и искаженіе воззрѣній противниковъ, приверженцевъ классической школы посредствомъ приписанія имъ защиты тальона, представляются одновременно и комическимъ и печальнымъ явленіемъ.

---

17) Это было напечатано, повидимому, ранѣе монографіи о солдатѣ убійцѣ Мисдеа, котораго Ломброзо признаетъ эпилептикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ опаснаго delinquente nato, заслуживающимъ смертной казни. См. Lombroso e Bianchi Misdea e la nuova scuola penale 1884 (стр. 110 и 112). Классическая школа въ лицѣ профессора Луккини энергически высказалась противъ казни Мисдеа, — такъ что отношеніе ея къ этому дѣлу совершенно опровергаетъ упрекъ относительно атавистическаго чувства мести.—См. Lucchini: Soldati, delinquenti, giudici e carnefici 1884 г.—талантливую и горячую критику веденія дѣла Мисдеа.

18) Стр. 108—111.

Если Ломброзо находитъ возможнымъ связывать все современное правосудіе съ delitto e giustizia zoologica—то это дѣло его и его школы и для нея пусть юстиція будетъ имѣть нечистый источникъ. Отъ автора можно желать и ждать опытныхъ наблюденій по части антропологіи и патологіи преступнаго человѣка; но очевидно, что дѣло историческаго изслѣдованія уголовнаго права, широкій анализъ преступности ему не по силамъ. Странно читать обвиненіе Ломброзо своихъ противниковъ въ сохраненіи инстинкта мести и приверженности къ тальону, если вспомнить, что классическая школа всегда стояла за смягченіе наказаній, за которое ее даже упрекаютъ писатели антрополого-позитивнаго направленія, а въ частности за отмѣну смертной казни, защищаемую, какъ увидимъ ниже, новой школой. Странно вообще сводить глубокія различія мнѣній, коренящіяся въ самыхъ важнѣйшихъ основахъ двухъ міровоззрѣній, къ какому-то чувству, унаслѣдованному отъ предковъ, когда враждебная Ломброзо школа стоитъ во всеоружіи блистательной, многосторонней, стройной системы, выработанной съ половины прошлаго столѣтія, системы, построенной не на воздухѣ, а утвержденной на фундаментѣ наиболѣе прогрессивныхъ современныхъ законодательствъ. При чемъ же тутъ темное чувство? Можно-ли объяснить этимъ чувствомъ институтъ условнаго освобожденія, пенитенціарныя системы, разсчитанныя на возможность нравственнаго поднятія преступника, favor defensionis уголовнаго процесса, противъ котораго тоже возстаютъ приверженцы новой школы? Что касается до delinquente nato, отождествляемаго съ душевно-больнымъ, то съ тѣхъ поръ, какъ Ломброзо пришелъ къ этой мысли, и до настоящаго времени, его главнѣшіе сподвижники Ферри, Гарофало, Пулья съ нимъ вполнѣ не согласились. Не значитъ ли это, что и они одержимы инстинктомъ мести? Что же касается до суда присяжныхъ, составляющаго какое-то больное мѣсто у автора, то отождествленіе его съ первобытными народными судами свидѣтельствуетъ только о томъ, что автору совершенно неизвѣстенъ тотъ длинный, историческій путь преобразованія, который рѣзко отличаетъ первоначальные народные суды отъ современнаго суда присяжныхъ [19]).

---

[19]) Въ сведеніи существующаго права наказанія къ инстинкту мести и тальону Буччеллати, выражаясь весьма энергически, видитъ une semplicità sorprendente. Затѣмъ Буччеллати дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: «Находить основаніе уголовнаго права въ чувствѣ мести,—все

Въ главѣ IV первой части Ломброзо, наконецъ, подходитъ къ главному предмету своей книги; эта глава озаглавлена: Pazzia morale eil delitto nei fanciulli.

Этотъ отдѣлъ начинается съ слѣдующаго положенія: Зародыши нравственнаго помѣшательства (pazzia morale) проявляются обыкновенно въ первомъ человѣческомъ возрастѣ, подобно тому, какъ въ зародышѣ имѣются формы будущихъ уродливостей человѣка; ребенокъ такимъ образомъ представляетъ человѣка, лишеннаго нравственнаго чувства, т. е нравственно помѣшаннаго (folle morale) по терминологіи психіатровъ или delinquente nato, по терминологіи автора [20]).

Вслѣдъ за этимъ тезисомъ идетъ перечисленіе признаковъ этого ненормальнаго душевнаго строя въ ребенкѣ, съ иллюстраціею преимущественно по сочиненіямъ Perez и Moreau. Таковы: 1) Гнѣвъ. Припадки гнѣва наблюдались Perez уже въ теченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ жизни ребенка, когда его купаютъ или отбираютъ у него какой-нибудь предметъ. 2) Чувство мести.—Можно видѣть ребенка шести, восьми мѣсяцевъ, царапающаго кормилицу при отнятіи у него груди. 3) Ревность и зависть. Такъ, мальчикъ трехъ лѣтъ, видя ласки, обращенныя къ его новорожденной сестрѣ, спрашиваетъ, не умретъ ли она въ скоромъ времени. 4) Ложь, на частое появленіе которой у дѣтей указывалъ еще Монтень. Авторъ ссылается на собственное дѣтство, а равно на Бл. Августина (Fallebam innumerabilibus mendaciis pedagogos amore ludendi. 5) Недостатокъ нравственнаго чувства.—Авторъ серьезно ссылается въ подтвержденіе этого положенія на то, что дѣти не понимаютъ добра и зла, — а единственно считаютъ таковыми—что дозволено и запрещено родителями (?!). Однако на слѣдующей страницѣ авторъ замѣчаетъ, что идея справедливости, собственность усвоиваются ребенку путемъ опы-

---

равно, что отыскивать начало телеграфа во времена Агамемнона, давшаго Клитемнестрѣ извѣстіе о взятіи Трои посредствомъ огней, зажигавшихся на высотахъ горъ на всемъ пространствѣ отъ Трои до Аргоса. Значитъ и тогда можно было передавать свѣдѣнія съ большей быстротой, значитъ былъ и тогда телеграфъ». Il Nihilismo a la ragione del diritto penale del Prof. Antonio Buccellati 1882 г. Parte prima. Nihilismo del diritto penale cap. II, 49, стран. 194. Вообще пріемъ отождествленія существующаго карательнаго права государства съ тальономъ—весьма обычный у приверженцевъ новаго направленія антропологіи, а также болѣе или менѣе близкихъ имъ авторовъ. См. прекрасную работу Carrara Guerra agli errori (Reminiscenze di Cattedra e foro 1883) о различныхъ критеріяхъ наказуемости.

20) Глава IV, стр. 112—125.

та, когда онъ испытываетъ огорченіе по поводу отнятія у него принадлежащей вещи. Затѣмъ Ломброзо упоминаетъ, что понятіе добра и зла,—умственный зародышъ нравственнаго чувства, — никогда не обнаруживается ранѣе первыхъ шести, семи мѣсяцевъ жизни ребенка. 6) Слабость привязанности и 7) жестокость—столь обычныя у дѣтей. 8) Лѣность и праздность. 9) Особенный жаргонъ (gergo)—ради избѣжанія надзора старшихъ, явленіе, подмѣченное авторомъ въ школѣ среди дѣтей 7—12 л. 10) Тщеславіе и хвастовство, страсть къ нарядамъ, желаніе выказать себя передъ другими. 11) Алькоголизмъ и страсть къ играмъ (?!) маленькихъ дѣтей. 12) Грязныя тенденціи, обнаруживаемыя у дѣтей съ 3—4-аго года. Всѣ уродливыя половыя склонности начинаются съ наиболѣе ранняго возраста. 13) Инстинктъ подражанія. Всѣ указанные факты объясняютъ, по мнѣнію автора, какъ «нравственное помѣшательство зарождается въ деспотахъ лишь вслѣдствіе отсутствія всякой сдержки у таковыхъ съ дѣтства, представляя продолженіе привычекъ, не пріостановленныхъ воспитаніемъ». Затѣмъ слѣдуетъ длинный отдѣлъ: «Казуистика дѣтской преступности [21]).

Изученіе дѣтской преступности завершается антропологическимъ изслѣдованіемъ малолѣтнихъ преступниковъ (III. Statistica antropometrica стр. 135—142). Ломброзо въ этомъ отдѣлѣ даетъ результаты изслѣдованія 79 несовершеннолѣтнихъ, находившихся подъ стражею преступниковъ, изъ коихъ 40 воровъ, 27 бродягъ, 7 убійцъ и 3 совершившихъ неизвѣстныя преступленія [22]).

Изъ означеннаго числа лишь семь лицъ (8,9%) были свободны отъ физическихъ аномалій. Затѣмъ совмѣщали въ себѣ три и болѣе болѣзненныхъ признаковъ, приближаясь къ истинному преступному ти-

---

21) Стр. 125—135.

22) Стр. 135 и 137. При этомъ изслѣдованіи авторомъ были найдены различныя аномаліи, изъ коихъ важнѣйшія: торчащія уши, (у 30), малый и низкій лобъ (у 21), выдающіяся скулы (у 16), крупныя челюсти (у 14), косоголовіе (у 19), ассиметрія лица (у 14), волосы на лбу (у 10), кретиническое выраженіе лица (у 10), зобъ (у 9), лобные бугры (у 7), гидрокефалія (у 6), косоглазіе (у 5), старческое лицо (у 4), ультродолихокефалія (у 4), ультро-брахикефалія, прогнатизмъ (у 2-хъ), уцѣлѣвшій лобный шовъ (у 2-хъ), у восьми субъектовъ слѣдующія особенности у каждаго: platicefalia, oxicefalia, раннее облысеніе, огромное лицо, перекрещивающіеся зубы, nystagmus, esophtalmus, неравенство зрачковъ.

пу—47, изъ нихъ 27 воровъ. Изъ семи преступниковъ противъ тѣлесной неприкосновенности имѣли три или болѣе болѣзненныхъ признаковъ трое, а также семнадцать среди бродягъ. По вопросу о наслѣдственности авторомъ собраны свѣдѣнія о 59 лицахъ,—изъ коихъ у 27 оказались родители или ближайшіе родственники съ аномаліями нервной системы (душевными болѣзнями, невропатіями, двусмысленными и преступными тенденціями, развратомъ). Случаевъ алкоголизма у восходящихъ найдено до 11. Авторъ приходитъ къ заключенію, что криминальный типъ, характеризуемый плагіокефаліей, крупными челюстями, угловатыми раковинами ушей, лицевой ассиметріею достигаетъ у несовершеннолѣтнихъ до 59%, доходя до 67% у сорока воровъ. Но при этомъ довольно значительное число молодыхъ преступниковъ, 54%, не имѣетъ рѣзко выраженныхъ наслѣдственныхъ аномалій.

Ломброзо далѣе сообщаетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ дѣтьми въ школахъ и пріютахъ.

Изъ изслѣдованія авторомъ 160 дѣтей общинныхъ пріютовъ оказалось, — что нѣсколько менѣе половины всѣхъ изслѣдованныхъ субъектовъ, 44% представляли аномальныя тенденціи (чрезмѣрную раздражительность, настойчивость, странныя привычки), указывающія какъ бы на маттоидовъ. Изъ сравненія дѣтей съ нормальнымъ и аномальнымъ характеромъ оказывается, что у послѣднихъ болѣе чѣмъ вдвое чаще встрѣчаются болѣзненные физическіе признаки, сравнительно съ первыми. Точно также болѣзненная наслѣдственность у послѣднихъ представляетъ 52%, тогда какъ у первыхъ лишь 15%.—У дѣтей съ ненормальнымъ характеромъ, представляющихъ собою полу-преступниковъ, каковы masturbatori (предающіеся онанизму) и ladri (воры) — физическія аномаліи достигаютъ отъ 72 до 83%, а болѣзненная наслѣдственность до 66% и 70%. Наконецъ авторъ изслѣдовалъ въ частномъ пансіонѣ для дѣтей богатыхъ родителей (Collegio internazionale diTorino) 100 несовершеннолѣтнихъ, изъ коихъ 53 оказались нормальными физически и нравственно, а 44 съ нѣкоторыми дегенеративными признаками [23]). Изъ этихъ 44 только шесть обна-

---

23) Стр. 140. Эти признаки были: въ 10 случаяхъ,—выпуклость швовъ черепа и въ 10—угловатость ушей; въ 5 случаяхъ — обиліе волосъ; въ 4 случаяхъ — кефалонія и въ 4 случаяхъ большія челюсти, въ 3 случаяхъ убѣгающій лобъ, выпуклыя скулы, преждевременно сложившаяся физіономія, прогнатизмъ, лицевая ассиметрія, 2 раза плагіокефалія, 2 раза лобные бугры и низкій лобъ, 1 разъ кретиническое выраженіе лица, косоглазіе, платикефалія, дурное строеніе зубовъ.

руживали безнравственныя тенденціи, склонность къ насильственнымъ дѣйствіямъ, драчливость, небрежность къ занятіямъ. — Двое, не смотря на аномальные признаки, были весьма хорошаго характера, а пятеро кромѣ того—замѣчательнаго ума.

По поводу этого изслѣдованія авторъ замѣчаетъ, что результаты его не ослабляютъ сдѣланныхъ имъ прежде выводовъ, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ ему приходилось имѣть дѣло съ нѣкоторымъ подборомъ лицъ, платящихъ за свое образованіе и происходящихъ изъ высшаго общества, съ заведеніемъ, гдѣ малѣйшая провинность влекла къ исключенію изъ заведенія, какъ это случилось незадолго передъ тѣмъ съ мальчикомъ—воромъ, носившимъ всѣ дегенеративные признаки, каковы поставленныя угломъ ушныя раковины, oxicefalia, малый лобъ, выдающаяся скуловая кость.

Подводя итоги изслѣдованія надъ несовершеннолѣтними преступниками, Ломброзо заявляетъ, что аномаліи нравственнаго характера, «которыя составляютъ въ совершеннолѣтнемъ преступность», обнаруживаются въ гораздо большихъ пропорціяхъ и тѣми же признаками, благодаря спеціально наслѣдственнымъ вліяніямъ, въ ребенкѣ.

Физическія аномаліи оказываются въ пропорціи болѣе чѣмъ двойной въ безнравственныхъ мальчикахъ, сравнительно съ нравственными (69% въ сравненіи съ 30%) — а наслѣдственность у первыхъ проявляется въ тройной пропорціи (52 по отношенію къ 15). сравнительно со вторыми. Однако физическія аномаліи и наслѣдственность могутъ оказаться, хотя бы и въ незначительной долѣ, въ самыхъ неприкосновенныхъ отъ порчи (integri) субъектахъ, — подобно тому, какъ много разъ автору удавалось видѣть самыхъ чистыхъ дѣтей, не смотря на пороки родителей; физическія аномаліи и наслѣдственное обремененіе могутъ выразиться еще чаще, чѣмъ въ видѣ уголовныхъ тенденцій, въ нѣкоторыхъ явленіяхъ пріостановки развитія (слѣпотѣ отъ рожденія и глухо-нѣмотѣ). Авторъ наконецъ сообщаетъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ относительно хода развитія 29 дѣтей вплоть до совершеннолѣтія. Изъ 11 физически нормальныхъ 3 были съ дѣтства отмѣчены наклонностями къ жестокости, праздности, насильственнымъ дѣйствіямъ; позднѣе они улучшились, 8 лицъ съ добрыми качествами остались таковыми и по наступленіи совершеннолѣтія.—Анормальныхъ, съ физическими признаками, подобными признакамъ преступниковъ, было 18. Изъ нихъ четверо, — добрые съ дѣтства, остались таковыми и по совершеннолѣтіи. Двое же, выростая, дѣлались безнравственными. Двѣнад-

цать представляли физическія и нравственныя аномаліи: 4 были склонны къ насильственнымъ дѣйствіямъ, 3 предавались онанизму, 2 были завистливы, 1—мстителенъ, 2 наконецъ были воры. — Изъ нихъ шестеро впослѣдствіи исправились (двое дѣтей съ воровскими наклонностями послѣ 16 лѣтъ). И здѣсь ясно, говоритъ авторъ, что физическая аномалія чаще всего совпадаетъ съ безнравственными тенденціями, не исключая, впрочемъ, возможности исправленій (какъ оказывается въ 6 случаяхъ на 12). Когда таковой однако нѣтъ, то характеръ легче измѣняется къ добру. Авторъ добаляетъ, что лицемѣріе у нѣкоторыхъ наблюдавшихся лицъ могло привести его къ заключенію объ исправленіи, котораго въ сущности не было [24]).

Изслѣдованіе преступности у несовершеннолѣтнихъ завершается отдѣломъ о наказаніяхъ и предупредительныхъ средствахъ: IV. Pene e mezzi preventivi del crimine nei fanciulli.

Отмѣтивъ, что преступность въ извѣстной суммѣ случаевъ связывается у дѣтей съ рожденіемъ и не уступаетъ воспитанію, Ломброзо однако заявляетъ, что благодѣтельное дѣйствіе воспитанія именно явствуетъ изъ общности преступныхъ склонностей дѣтей, такъ какъ ничѣмъ кромѣ воспитанія нельзя объяснить благопріятнаго метаморфоза въ большинствѣ случаевъ.

Подъ воспитаніемъ авторъ разумѣетъ не столько обученіе, сколько цѣлесообразное направленіе инстинкта подражанія, — насажденіе добрыхъ правилъ путемъ общенія съ порядочными людьми. Наказаніямъ должны быть предпочтены предупредительныя средства, каковы: благопріятныя условія воздуха и свѣта, преобладаніе растительной надъ животной пищей для нѣкоторыхъ кровожадныхъ темпераментовъ, запретъ спиртныхъ напитковъ. По части нравственной гигіены нужно избѣгать развитія чувства зависти, умѣрять преждевременное чувство гордости. Вмѣсто существующихъ неудовлетворительныхъ case di correzione для малолѣтнихъ преступниковъ, величайшимъ благодѣяніемъ для страны было бы, по мнѣнію автора, учрежденіе manicomio criminale (лѣчебницы для душевно-больныхъ преступниковъ) и еще лучше пріюта вѣчнаго содержанія для несовершеннолѣтнихъ, одержимыхъ настойчивыми преступными тенденціями или pazzia morale.—Польза этого учрежденія состояла бы въ томъ, что оно подавляло бы при самомъ ихъ происхожденіи послѣд-

---

[24]) Стр. 141—142.

ствія тѣхъ тенденцій, противъ которыхъ принимаются мѣры, только когда онѣ дѣлаются роковыми (fatali) [25]).

Это вступленіе въ описаніе «преступнаго человѣка», начинающееся характеристикой дѣтскаго возраста, оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи. — Авторъ рѣшительно отождествляетъ дѣтей съ pazzi morali и преступниками, исходя отъ того, что pazzia morale (нравственное помѣшательство), по опыту зарождается въ дѣтскомъ возрастѣ. Не касаясь существа этого вопроса, въ настоящее время я только отмѣчу странное и безусловное отождествленіе этой формы душевной болѣзни съ дѣтскимъ возрастомъ вообще; аргументы автора въ пользу своего тезиса, выводимые изъ недостатка нравственнаго чувства у дѣтей, поражаютъ своею односторонностью: 8 мѣсячный ребенокъ, царапающій кормилицу, при отнятіи у него груди, другой ребенокъ, склонный къ лѣности и лжи, — все это будущіе кандидаты на pazzia morale.—Но какъ же можно говорить о недостаткѣ нравственнаго смысла, какъ извѣстнаго дефекта, когда нравственный смыслъ, по самой теоріи антрополого-позитивной школы, является послѣднимъ по времени пріобрѣтеніемъ человѣческимъ, и несомнѣнно развивается въ человѣкѣ лишь въ періодъ полнаго развитія умственныхъ способностей. Подъ вліяніемъ мысли о pazzia morale въ дѣтствѣ авторъ совершенно упускаетъ изъ виду здравыя постановленія положительнаго законодательства, по которыхъ отвѣтственность ребенка обусловливается извѣстной способностью разумѣнія (Unterscheidungsvermögen), степенится по извѣстнымъ фазисамъ умственнаго развитія, совпадающимъ съ возрастомъ [26]). Перечисляя разныя дурныя наклонности въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ симптомы нравственнаго помѣшательства,

---

[25]) Стр. 143—144.

[26]) Любопытно сличить характеристику дѣтскаго возраста у другаго изслѣдователя человѣческой преступности, также врача Крауса: Psychologie des Verbrechens 1884. A Die physiologischen Momente geistiger Normabweichung a. Die Kindheit. Краусъ характеризуетъ дѣтскій возрастъ преобладаніемъ ощущеній надъ энергіей представленій, незрѣлостью самосознанія и вслѣдствіе этого и нравственнаго сознанія. Къ этимъ недостаткамъ присоединяется отсутствіе опыта,—т. е. незнаніе опасностей, недостатокъ упражненія въ борьбѣ съ эгоистическими побужденіями (стр. 10 и 11-я). Вообще строгая характеристика дѣтскаго возраста у Ломброзо въ значительной степени внушена Maudsley (Pathologie de l'esprit французскій переводъ Germont 1883 г. Chapitre VI. La folie chez l'enfant).

авторъ не отличаетъ наклонностей, не представляющихъ повода для тревожныхъ ожиданій въ будущемъ, отъ грязныхъ вкусовъ и опасныхъ тенденцій.—Такимъ образомъ лѣность и праздность, хвастливость и тщеславіе ставятся рядомъ съ уродливыми половыми склонностями, инстинктъ подражанія дѣтства уравнивается съ инстинктомъ подражанія у преступника. Эта послѣдняя параллель несправедлива уже потому, что если взрослый человѣкъ поддается этому инстинкту, то очевидно ему при этомъ приходится преодолѣвать чрезвычайно многія и сильныя препятствія (угрозу закона, требованіе общественной среды, обычаи общежитія), самое существованіе которыхъ свидѣтельствуетъ о силѣ превозмогающаго ихъ инстинкта, тогда какъ ребенокъ безсознательно отдается этому инстинкту. — Должно также сказать, что, щедро расточая дѣтскому возрасту зародыши pazzia morale, авторъ въ сущности, при данной, свойственной ему точкѣ зрѣнія, придаетъ несоразмѣрно большое значеніе воспитанію, благодаря которому эти зародыши истребляются, вслѣдствіе чего въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ является меньшая пропорція уголовныхъ типовъ.—Не должно забывать, что зародыши нравственнаго помѣшательства приписываются авторомъ наслѣдственнымъ вліяніямъ, — что эти наслѣдственныя вліянія, по твердо установившемуся въ антрополого-позитивной школѣ положенію, — результатъ накопленныхъ дефектовъ длиннаго ряда поколѣній, а преступность, какъ проявленіе нравственнаго помѣшательства, есть продуктъ аномальныхъ субъектовъ. Какъ же объяснить силу воспитанія относительно уничтоженія зародышей нравственнаго помѣшательства въ дѣтствѣ, — если къ тому же принять въ соображеніе, что огромное множество дѣтей остаются безъ воспитанія? Казалось бы, что при столь общемъ зараженіи нравственнымъ помѣшательствомъ дѣтскаго возраста, о которомъ говоритъ авторъ,—нужно было бы ожидать въ совершеннолѣтнихъ людяхъ несравненно большее развитіе преступности, чѣмъ, къ счастью, таковое бываетъ въ дѣйствительности. Но pazzia morale, которая въ совершенномъ человѣкѣ создаетъ, по ученію самаго Ломброзо, delinquente nato, урожденнаго неисправимаго преступника, какъ видно, въ дѣтствѣ излечивается довольно легко воспитаніемъ[27]). Не трудно видѣть,

---

[27]) Съ этимъ явленіемъ трудно согласить предложеніе автора объ устройствѣ мѣстъ вѣчнаго содержанія и manicomi criminali для несовершеннолѣтнихъ съ сильными преступными тенденціями.—Какъ, спрашивается, уравнивать несовершеннолѣтняго преступника съ неисправимымъ взрослымъ злодѣемъ, для котораго предлагаются, какъ увидимъ,

что туманный и отвлеченный терминъ delinquente nato, въ которомъ метафорическое выраженіе смѣшивается съ реальнымъ фактомъ, повелъ къ чрезвычайному широкому распространенію pazzia morale на дѣтскій возрастъ. «Statistica antropometrica dei fanciulli» представляетъ крайне любопытный и трудолюбиво собранный матеріалъ. Она переноситъ читателя отъ теоретическихъ обобщеній на почву фактовъ,—передъ читателемъ являются дѣти, не зараженные pazzia morale, въ отличіе отъ дѣтей съ дурными наклонностями. Любопытно прослѣдить, на сколько собранные авторомъ факты подтверждаютъ его теорію.

Что даетъ намъ изслѣдованіе 79 преступныхъ дѣтей? Авторъ заявляетъ, что 47 совмѣщали въ себѣ три и болѣе физическія аномаліи, приближаясь къ преступному типу. Но вѣдь должно сказать, что самое понятіе «преступнаго типа» не есть что нибудь — безспорное, что и самая дѣйствительность его въ смыслѣ соотвѣтствія съ истинно преступными наклонностями, вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ всецѣло изслѣдованіемъ автора, поэтому говорить въ самомъ началѣ книги о «преступномъ типѣ», какъ о понятіи вполнѣ доказанномъ, не приходится.—Если придавать значеніе физическимъ аномаліямъ,—то очевидно не всѣ же признаки имѣютъ одинаковое значеніе: нельзя согласиться, напримѣръ, чтобъ густые волосы, мрачный взглядъ, косина глазъ, волосы на лбу, прогнатизмъ и перекрещивающіеся зубы имѣли одинаковое значеніе по вліянію на жизненный строй личности съ золотухой, чахоткой, головными поврежденіями и т. д. — Что же касается до на-

---

тѣ же мѣры — (manicomio или вѣчное заточеніе). До чего доводитъ односторонность воззрѣній *относительно необходимости непремѣнно manicomio для несовершеннолѣтнихъ*, — видно изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго Rivista penale di dottrina, legislazione egiuris prudenza (1885 г. Dispensa 4). Въ Генуѣ нашелся энергичный и почтенный человѣкъ, профессоръ, Garaventa, задумавшій устроить при помощи добровольныхъ пожертвованій пріютъ для заброшенныхъ дѣтей, которыхъ онъ находилъ на улицѣ.—Дѣло пошло удачно и въ апрѣлѣ 1885 г. Garaventa прочелъ въ Римѣ публичную лекцію о своемъ пріютѣ, возбудившую всеобщее сочувствіе. Вслѣдъ за этимъ Ломброзо въ письмѣ въ газетѣ Rassegna di Roma назвалъ учрежденіе Garaventa мистификаціей, и, ссылаясь на личное посѣщеніе пріюта, объявилъ его никуда негоднымъ. Письмо Ломброзо подверглось опроверженію со стороны журнала Caffaro. Редакція Rivista penale, откуда заимствованъ этотъ фактъ, замѣчаетъ, что нельзя повѣрить, чтобы граждане и почтеннѣйшіе литераторы Генуи, оказавшіе сочувствіе новому учрежденію, могли впасть въ грубую ошибку—или чтобъ Garaventa рѣшился съ такою самоувѣренностью мистифицировать правительство и общество (Cronaca стр. 495—496).

слѣдственности, то замѣчательно, что по части очень опредѣленныхъ признаковъ, каковъ алькоголизмъ, наслѣдственность весьма незначительна (11%), относительно же аномалій нервной системы, понимаемыхъ весьма широко и обнимающихъ между прочимъ двусмысленныя и преступныя тенденціи, наслѣдственность представляется значительною (27 случаевъ у 59 лицъ). По части безнравственности у восходящихъ у автора показаны 4 случая безъ обозначенія, въ чемъ состояла безнравственность (!?). Тѣмъ не менѣе авторъ эту неизвѣстную величину спокойно принимаетъ въ счетъ. Наконецъ 54% отсутствія выдающихся физическихъ аномалій у раннихъ преступниковъ — такой крупный фактъ, который сильно говоритъ противъ придаваемаго авторомъ значенія наличности этихъ аномалій. Выводы автора относительно изслѣдованныхъ имъ въ пріютахъ и школахъ непреступныхъ дѣтей несомнѣнно гораздо болѣе благопріятны его теоріи о связи физическихъ аномалій съ нравственными свойствами и относительно значенія наслѣдственности.—Но съ одной стороны большая неустойчивость въ понятіи аномальнаго характера ребенка, зависящая отъ субъективныхъ, часто ошибочныхъ и шаткихъ взглядовъ воспитателей, съ другой стороны эластичность признака наслѣдственности и трудность собранія свѣдѣній о качествахъ родителей оставляютъ значительныя сомнѣнія.—Самъ авторъ впрочемъ чрезвычайно откровенно высказывается относительно многочисленныхъ наблюдавшихся имъ самимъ изъятій изъ закона наслѣдственности и сочетанія нравственныхъ дефектовъ съ физическими.

Противъ теоріи автора говоритъ его изслѣдованіе относительно 100 мальчиковъ въ Collegio internazionale di Torino. Изъ 44, отмѣченныхъ физическими аномаліями, оказываются только шесть съ дурными тенденціями, притомъ весьма неважнаго свойства. — Но замѣчательно, что 2 изъ 44 было положительно хорошаго нрава, а 5 значительнаго ума. Объясненіе, предлагаемое авторомъ этого сильнаго противнаго его теоріи факта, едвали удачно: во первыхъ, указаніе на то,—что въ этомъ случаѣ авторъ имѣлъ дѣло съ нѣкоторымъ подборомъ мальчиковъ изъ высшаго класса, ничего не значитъ. Вѣдь этотъ подборъ не помѣшалъ наличности 44 случаевъ физическихъ аномалій.—Далѣе строгость начальства заведенія къ воспитанникамъ, вслѣдствіе которой недостойные легко изгонялись, тоже ничего не значитъ: вѣдь нельзя же думать, что физическія аномаліи, если допу-

стить, что онѣ связываюся съ дурными тенденціями, могутъ быть парализованы у носителей таковыхъ опасеніемъ изгнанія. Что же касается до развитія 29 дѣтей, наблюдавшихся авторомъ до совершеннолѣтія, то результатъ этого наблюденія крайне неблагопріятенъ для теоріи нравственнаго помѣшательства въ дѣтствѣ и крайне утѣшителенъ: изъ 12 человѣкъ съ аномальными физическими и нравственными особенностями шесть исправляются.

III.

2-я часть книги Ломброзо посвящена патологической анатоміи и антропометріи преступниковъ [28]).

Въ главѣ 1-й авторъ излагаетъ результаты изслѣдованія 350 череповъ преступниковъ.— При сравненіи череповъ 121 итальянскихъ преступниковъ мужскаго пола съ 116 черепами непреступныхъ (normali) итальянцевъ Morselli и 212 черепами Amadei и Mantegazza, авторъ нашелъ, что вообще у преступниковъ преобладаютъ небольшіе черепа, наибольшіе попадаются рѣдко. Въ наименьшихъ серіяхъ величины черепа воры преобладаютъ надъ убійцами,—уступая имъ въ высшихъ. Въ цѣломъ, по мнѣнію автора, оказывается, что преступники, въ частности воры, уступаютъ относительно вмѣстимости черепа здоровымъ преступнымъ лицамъ.

При сравненіи полученныхъ авторомъ данныхъ о вмѣстимости череповъ преступникомъ съ данными Peli и Amadei относительно череповъ душевно-больныхъ, оказывается, что душевно-больные, особенно въ высокихъ серіяхъ измѣреній вмѣстимости черепа, значительно превосходятъ преступниковъ. — У воровъ встрѣчается наименьшая вмѣстимость черепа, которой не оказывается у душевнобольныхъ и здоровыхъ непреступныхъ людей [29]).

---

28) Parte II. Anatomia patologica ed antropometria del delitto стр. 147 и сл. Къ этому отдѣлу Uomo delinquente примыкаетъ изслѣдованіе Ломброзо въ сотрудничествѣ съ докторомъ Marro Sugli ultimi studi di antropologia criminale in Europa (Riviste di discipline carcerarie 1885 Pas. 4—9), а также работы Ломброзо и другихъ ученыхъ въ Archivio di Psichiatria, которыя приводятся у меня для сличенія съ выводами Ломброзо въ «L'uomo delinquente».

29) Стр. 147—155. Самъ авторъ указываетъ на противурѣчащіе повидимому результаты изслѣдованій Bordier, Etudes antropologiques sur une serie de crânes d'assassins въ Revue d'antropologie 1879 г., по которымъ средняя вмѣстимость череповъ у преступниковъ выше нормальной. Ломброзо отмѣчаетъ, что Бордье

По части измѣренія окружности черепа у преступниковъ и непреступныхъ лицъ авторъ находитъ, что въ низшихъ величинахъ первые почти не отличаются отъ вторыхъ, уступая однако таковымъ въ измѣреніяхъ 481—500. Начиная съ величины 501—510 преступники превышаютъ непреступныхъ лицъ почти вдвое; въ величинахъ 511—530 воры уступаютъ людямъ непреступнымъ,—убійцы превосходятъ послѣднихъ; въ величинахъ 531—540 воры даютъ одинаковый процентъ съ непреступными лицами (11,1), убійцы же уступаютъ послѣднимъ относительно этой величины; въ высшихъ величинахъ убійцы либо равняются съ непреступными лицами, либо превосходятъ ихъ[30]). По части преобладанія передней полуокружности

имѣлъ дѣло съ убійцами, дающими высшія среднія сравнительно съ ворами и приближающимися къ нормальнымъ людямъ. Къ сходнымъ съ Ломброзо результатамъ приходитъ Amadei, Crani d'assassini (Archivio di Psich. 1883 г. стр. 98 и слѣд.): изъ четырехъ убійцъ у трехъ вмѣстимость черепа найдена меньше средней нормальной для Италіи (1.474 куб. сант.) и только у одного значится высшая (1.516). Когда большая вмѣстимость черепа не послѣдствіе гидрокефаліи, то она, по мнѣнію Ломброзо, указываетъ на степень разума выше средней; вмѣстимость черепа до 1.600 наблюдалась авторомъ на черепахъ особенно опытныхъ и ловкихъ преступниковъ, подобно тому, какъ Бордье находилъ большіе черепа у атамановъ разбойничьихъ шаекъ.

30) Стр. 155—157. Интересно сличить съ выводами Ломброзо результатъ измѣреній надъ 37 убійцами доктора Бѣлякова въ статьѣ Антропологическое изслѣдованіе убійцъ. (Архивъ психіатріи, патологіи и судеб. психопатологіи Ковалевскаго 1884 г. Т. IV. № 1 и 2). По части curvatura horizontalis totalis г. Бѣляковъ сравниваетъ результаты своихъ наблюденій съ результатами Bordier, замѣчая, что у Bordier наибольшій процентъ убійцъ имѣетъ горизонтальную окружность черепа въ 54—55 сантиметровъ, — по его же собственнымъ изслѣдованіямъ 55—56, разница, по мнѣнію г. Бѣлякова, лишенная значенія, такъ какъ его измѣренія дѣлались съ живыхъ. Сопоставляя затѣмъ таблицы измѣреній Бордье и собственныя относительно преступниковъ съ таблицами измѣреній Вейсбаха и Галля относительно нормальныхъ людей и душевно-больныхъ—г. Бѣляковъ констатируетъ, что maximum и minimum горизонтальной окружности принадлежитъ преступникамъ (стр. 29). При сравненіи измѣреній г. Бѣлякова съ измѣреніями горизонтальной окружности, у Ломброзо оказывается, что величина 55—56, указанная у г. Бѣлякова, не составляетъ характеристической черты убійцъ, такъ какъ относительно соотвѣтствующей величины (54—55) при измѣреніи череповъ, итальянскіе убійцы даютъ почти одинаковый процентъ съ непреступными людьми (таблица измѣреній Morselli окружности черепа у убійцъ, душевно-больныхъ и нормальныхъ людей на стр. 155 L'uomo delinquente). Г. Троицкій (Итоги кефалометріи у преступниковъ, Архивъ Ковалевскаго 1885. Т. V, № 2 и 3, стр. 62), нашелъ у изслѣдованныхъ имъ 300 преступниковъ 155 человѣкъ, превышающихъ среднюю нормальную величину горизонтальной окружности въ 550 м. По измѣреніямъ же надъ черепами Морселли, приведенными у Ломброзо, на ве-

черепа надъ задней, — каковому призраку Bordier придаетъ большое значеніе—авторъ замѣчаетъ, что онъ этого признака на основаніи собственныхъ изслѣдованій демонстрировать не можетъ [31]).

По части головнаго показателя (indice cefalico), авторъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій находитъ преувеличенную брахикефалію въ Піемонтѣ, долихокефалію въ Сардиніи и Сициліи. При сличеніи группы піемонтскихъ преступниковъ (49 человѣкъ) съ нормальными людьми, изслѣдованными Sergi, оказывается извѣстное превосходство брахикефаліи у первыхъ (80% противъ 69%) при значительной рѣдкости долихокефаліи и мезокефаліи. Въ нѣкоторыхъ убійцахъ Піемонтскихъ брахикефалія достигаетъ показателя 90,88. Среди воровъ и виновниковъ подлога преобладаетъ долихокефалія. По поводу даннаго измѣренія Ломброзо полагаетъ, что найденные факты свидѣтельствуютъ о преувеличеніи этническаго показателя, не давая возможности заключать относительно того или другого типа у преступниковъ [32]).

По части вертикальнаго діаметра и показателя, — авторъ заявляетъ, что означенныя измѣренія не даютъ основаній для опредѣленныхъ выводовъ [33]).

На основаніи изслѣдованій челюсти у преступниковъ сравнительно съ непреступными людьми и душевно-больными, авторъ констатируетъ у первыхъ средній вѣсъ челюсти въ 84 grm., у вторыхъ въ 80 и у третьихъ въ 78. Средняя величина челюстнаго діаметра оказывается въ 98,9—у нормальныхъ людей, 103,9 у преступниковъ и 97,8 у сумасшедшихъ [34]).

Измѣреніе вмѣстимости орбитъ, по изслѣдованіямъ Ломброзо, даетъ цифру выше средней у 27 изъ всего числа изслѣдованныхъ имъ 49 преступниковъ, достигая до 60 — 78 cc. Значительность вмѣстимости орбитъ,—проявляющаяся, по словамъ автора, въ большей степени у воровъ, чѣмъ у убійцъ, объясняется Ломброзо приспособленіемъ органа соотвѣтственно большему упражненію [35]).

Въ заключеніе своего антропологическаго изслѣдованія надъ черепами

личины 541—550, 551—560 приходится лишь 3,3% убійцъ, воры же въ этихъ величинахъ отсутствуютъ, на величины 571—580 имѣется 1,6 убійцъ, 3,1 непреступныхъ лицъ.

31) Стр. 157—158.

32) Стр. 161—164.

33) Стр. 164—165.

34) Стр. 168—169.

35) Стр. 171.

преступниковъ авторъ замѣчаетъ, что важность результатовъ, добытыхъ путемъ черепныхъ измѣреній, не соотвѣтствуетъ его желаніямъ. Аномаліи преобладаютъ преимущественно при измѣреніяхъ лица. [36])

За то авторъ приходитъ на основаніи изслѣдованія 350 череповъ (изъ коихъ 177 череповъ итальянцевъ наблюдались Ломброзо и другими итальянскими учеными, а 173 черепа иностранными учеными: Bordier, Benedicte, Ten-Kate, Павловскимъ, Lenhossek и друг.) къ установленію многочисленныхъ и разнообразныхъ аномалій. [37])

Собственныя изслѣдованія автора и его соотечественниковъ обнаружили слѣдующія важнѣйшія явленія, которыя, по мнѣнію Ломброзо, были упущены изъ виду другими учеными: прогнатизмъ въ 69%, эвригнатизмъ 36,1%, большую величину челюсти въ 19,8% и косину глазныхъ орбитъ въ 19,2%. Изъ разнообразныхъ аномалій авторъ придаетъ особенное значеніе зарощенію швовъ въ 44 случаяхъ, наличности срединелобнаго шва въ 12%, срощенію 1-го шейнаго позвонка съ затылочною костью у одного вора и двухъ убійцъ, средней затылочной ямкѣ, которая была найдена въ размѣрѣ 16%, притомъ дважды, на черепахъ одного Болонскаго убійцы и Калабрійскаго вора, особенно большихъ размѣровъ,—скошенному лбу, признаку, оказавшемуся въ 47 изъ 124 изслѣдованныхъ случаевъ, надбровнымъ дугамъ и выдающимся лобнымъ буграмъ, которые оказываются на всѣхъ черепахъ, бывшихъ въ рукахъ автора. Плагіокефалія и ассиметрія черепа найдены авторомъ въ 23%, ossa vormiana найдены въ размѣрѣ до 32,5%. По отдѣльнымъ видамъ преступленій аномаліи распредѣляются такимъ образомъ: на черепахъ воровъ замѣтны: субмикрокефалія, синостозы, скошенный лобъ, оксикефалія, толщина черепныхъ костей, большія орбиты,

---

[36]) Стр. 173.

[37]) II. Anomalie craniche. Стр. 173—175. Главнѣйшія аномаліи слѣдующія: Выдающіяся надбровныя дуги (58,2%), аномаліи въ развитіи зубовъ мудрости (44%), уменьшенная вмѣстимость черепа (32,5%), патологическіе черепа (43%), срощеніе швовъ (28,9%); скошенный лобъ (28%), гиперостозъ швовъ (43,4%), плагіокефалія (23,1%), ossa vormiana (22%), выпуклость затылочнаго бугра (16,6%), средняя затылочная ямка (16%), плоскость затылочной части черепа (13,2%), osteofiti верхней поверхности основной части затылочной кости (10,1%), кости Inca (10,5), трохокефалія (9%), малый, узкій или уплощенный лобъ (8,6%), утоиченіе черепныхъ костей (8,4%), уродливость затылочнаго отверстія—чрезмѣрная округленность и косина (7,3%), слѣды траумы (6,6%), аномаліи клыковъ (6,2%), субскафокефалія (6,1%), ostitis (5,6%), перекрещеніе костей (5,5%), osteoma въ височной и затылочной кости (4,5%), оксикефалія (4,5%).

трококефалія, у убійцъ—большія челюсти, обиліе ossa vormiana, плагикефалія и лобный шовъ [38]).

При сличеніи найденныхъ на черепахъ преступниковъ аномалій съ таковыми же у душевно-больныхъ и здоровыхъ Ломброзо приходитъ къ заключенію, что у преступниковъ сравнительно съ душевно-больными чаще встрѣчается средняя затылочная ямка,—а у послѣднихъ чаще наблюдается преждевременное окостенѣніе швовъ черепа; у тѣхъ и у другихъ, чаще чѣмъ у нормальныхъ людей склерозъ черепа; болѣе часто чѣмъ у душевно-больныхъ у преступниковъ встрѣчаются синостозъ атланта, эвригнатизмъ прогнатизмъ, а равно лобный шовъ и лобные бугры. Изученіе аномалій черепа приближаетъ, по мнѣнію Ломброзо, преступнаго человѣка еще болѣе, чѣмъ къ душевно-больному, — къ дикарю по части височнаго отростка лобной кости, развитія челюстей, выдающихся надбровныхъ дугъ,—въ особенности же по части средней затылочной ямки, находимой въ большей пропорціи сравнительно съ преступниками единственно у американскихъ дикарей (26% и 40%). Признаки, находимые на черепахъ преступниковъ, подходятъ къ черепамъ доисторическаго человѣка Неандертальскому, Энгисскому, Cro Magnon, Cueva de la Mujer, на которыхъ наблюдаются большіе лобные бугры,—убѣгающій лобъ, надбровныя дуги и большая толщина костей черепа [39]).

Во 2-ой главѣ Ломброзо отъ изслѣдованія надъ черепами переходитъ къ изслѣдованію мозга и внутренностей преступниковъ (Anomalie del cervello e dei visceri nei delinquenti. Стр. 193—213). Указавъ, что по изслѣдованіямъ Бишофа преступники по вѣсу мозга мало отличаются отъ нормальныхъ людей въ низшихъ измѣреніяхъ, уступаютъ имъ въ среднихъ и нѣсколько превышаютъ въ высшихъ, Ломброзо заявляетъ, что этотъ фактъ теряетъ всякое значеніе, если вспомнить, что преступники превышаютъ обыкновенныхъ людей ростомъ и что часто встрѣчающійся у преступниковъ способъ смерти (повѣшеніе) содѣйствуетъ увеличенію всего мозга [40]).

---

[38]) Стр. 176—185.

[39]) Стр. 186.—По показанію Ломброзо средне-затылочная была найдена имъ въ черепахъ здоровыхъ европейцевъ въ размѣрѣ 4,1%, въ древнихъ черепахъ—въ размѣрѣ 10%.

[40]) Стр. 193. Замѣчаніе Ломброзо предполагаетъ частое примѣненіе смертной казни,—между тѣмъ, защищая смертную казнь антрополого-позитивные изслѣдователи преступности именно жалуются на ея рѣдкое примѣненіе. Едва-ли поэтому фактъ смертной казни здѣсь приводится съ основаніемъ. По изслѣдованію Tenchini надъ 32 моз-

Авторъ переходитъ далѣе къ изложенію анормальныхъ явленій въ мозгу у преступниковъ, какъ напр. у Г и т о: отдѣленіе центральной борозды отъ Сильвіевой маленькимъ мостикомъ, атрофія темянной области въ правомъ полушаріи, у П р е в о—отдѣленіе затылочной доли отъ темянной, подобное тому, что найдено у обезьянъ, соединеніе 2-й височной и 3-ей затылочной бороздъ (Broca), — у женщины-убійцы перерывъ лѣвой передней темянной извилины на половинѣ ея длины (Huschke), у казненнаго убійцы Фрейда: анормальная длина мозолистаго тѣла, анормальная ширина первой лобной извилины, и сліяніе второй лобной извилины съ третьей лобной извилиной.

Указавъ далѣе на теорію Бенедикта (Anatomische Studien über Verbrechergehirne), пытавшагося установить законъ, что преступники отличаются явленіемъ особо частнаго а н а с т о м о з а бороздъ, Ломброзо припоминаетъ трудъ итальянскаго ученаго G i a c o m i n i, отнявшій много значенія у аномалій извилинъ вслѣдствіе нахожденія такихъ же аномалій у непреступниковъ и даже въ большемъ количествѣ—сравнительно съ первыми.—Такъ на 164 мозгахъ нормальныхъ людей удвоеніе первой лобной извилины оказалось 9 разъ, средней 24 раза, нижней 14 разъ, тогда какъ на мозгахъ 56 преступниковъ первое явленіе обнаруживается одинъ разъ, второе пять разъ, — третье 2 раза [41]).

Авторъ впрочемъ ссылается на нѣкоторыя новѣйшія и з с л ѣ д о в а н і я, благопріятныя теоріи аномаліи мозга у преступниковъ, каковы изслѣдованія Феррье—новыя работы Бенедикта, Марки, Гольги, Флеша.

Отдѣлъ объ аномаліяхъ мозга оканчивается замѣчаніемъ, что было бы слишкомъ смѣло утверждать, что въ настоящее время найдены специфическія аномаліи мозговыхъ извилинъ у преступниковъ,—но несомнѣнно, что у нихъ часто встрѣчаются а т и п і и, напоминающія

гами преступниковъ средній вѣсъ мозга равняется 1346,75 граммамъ, т. е. ниже средняго, принимаемаго Бишофомъ и Мейнертомъ для нормальныхъ людей (1362 гр.) Впрочемъ самъ T e n c h i n i замѣчаетъ, что указанная имъ средняя цифра выше средней найденной имъ при изслѣдованіи мозга непреступныхъ людей (1320 гр.). Средній вѣсъ мозга 7 убійцъ опредѣляется Tenchini въ 1386,21 грамм., значитъ выше средняго вѣса мозга непреступныхъ людей (Cervelli dei delinquenti 1885 стр. 113).

41) Стр. 193—196. Ломброзо возвращается къ изслѣдованію Giacomini въ Sugli ultimi studi di antropologia criminale in Europa въ Rivista di discipline carcerarie 1885 (Fasc. 9). Замѣтивъ, что оно отодвинуло антропологовъ отъ цѣли, которая казалась было достигнута, Ломброзо заявляетъ, что «новый путь изслѣдованія долженъ быть г и с т о л о г и ч е с к і й и н и к а к о й д р у г о й» (стр. 406).

нерѣдко формы низшихъ животныхъ, а иногда эмбріональное строеніе мозга [42]).

Ломброзо затѣмъ переходитъ къ гистологіи и патологической анатоміи, II. Istologia e anatomia patologica. Перечисливъ аномаліи, найденныя при гистологическомъ изслѣдованіи мозга у преступниковъ Гито, Фрейда, Граппо, Лемера, Менклу, авторъ указываетъ на результаты изслѣдованій Giacomini надъ мозгами 90 преступниковъ,— при чемъ оказались въ 33 случаяхъ разнообразныя болѣзненныя явленія, каковы: прирощеніе и воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, кровоизліянія, экхимозы, osteoma, размягченіе мозга, перерожденія артерій,—а равно Флеша, нашедшаго на 28 мозгахъ преступниковъ болѣзненныя измѣненія мозговыхъ оболочекъ въ размѣрѣ 50%.— Самъ авторъ нашелъ три случаи osteoma въ мозгахъ 90 преступниковъ и два случая при 280 вскрытіяхъ душевно-больныхъ. Эти результаты сопоставляются авторомъ съ нахожденіемъ osteoma у ста умершихъ душевно-больныхъ Bottagnoli 3 раза, Adriani — 1 разъ при вскрытіи 200 умершихъ душевно-больныхъ, Salvioli 5 разъ при вскрытіи 49 душевно-больныхъ, Dagonet 16 разъ при вскрытіи 250 душевно-больныхъ. Самъ Ломброзо нашелъ 50% случаевъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ у умершихъ преступниковъ, каковой процентъ при сличеніи съ результатами изслѣдованій надъ душевно-больными Adriani и Raggi, Peli, Hoffmann'a указываетъ на болѣе частое заболѣваніе мозговыхъ оболочекъ у преступниковъ сравнительно съ душевно-больными. Отношеніе это однако измѣняется, если принять въ разсчетъ страданія мозга, обнаруженныя у душевно-больныхъ Raggi и Adriani (кровоизліяніе, размягченія мозга, склерозъ мозга) въ 49 изъ 180 изслѣдованныхъ случаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ Ломброзо, по части болѣзней мозга преступники соперничаютъ съ душевно-больными и иногда превосходятъ ихъ, почти никогда не обнаруживая даже передъ спеціалистомъ, симптомовъ, обыкновенно, сопровождающихъ эти болѣзни [43]).

Авторъ наконецъ переходитъ къ патологической анатоміи сердца, сосудовъ, печени. — Сличая наблюденія Гагена надъ сумасшедшими и здоровыми съ изслѣдованіемъ Флеша надъ преступниками,—авторъ указываетъ на большое преобладаніе преступниковъ надъ душевно-

---

[42]) Стр. 198—200.
[43]) Стр. 201—207.

больными и непреступными лицами по части атрофіи сердца и порочности клапановъ, — бо́льшее сходство первыхъ съ послѣдними, чѣмъ съ здоровыми, по части ожирѣнія и гипертрофіи сердца.—Далѣе, руководствуясь изслѣдованіями Флеша надъ 51 умершимъ преступникомъ, изъ коихъ лишь у шести оказалась здоровая печень, и сравнивая ихъ съ изслѣдованіями Landerer'a, Lutz'a и Adriani, по которымъ страданія печени найдены у душевнобольныхъ весьма рѣдко, Ломброзо находитъ, что страданіи печени преобладаютъ у первыхъ. Наконецъ, авторъ упоминаетъ объ изслѣдованіи половыхъ органовъ у 9 преступниковъ (изъ числа 24-хъ), изъ которыхъ лишь у одного они были найдены нормальными. — При вскрытіи желудка въ 35 случаяхъ,—въ 20 были найдены разныя страданія и аномаліи [44]).

Какъ видно изъ изложенія изслѣдованія Ломброзо череповъ преступниковъ, антропологическій методъ главныхъ измѣреній даетъ мало данныхъ для характеристики преступнаго человѣка,— что признаетъ самъ авторъ. Гораздо большее значеніе приписывается авторомъ патологическимъ особенностямъ черепа и мозга. У автора при изученіи этихъ особенностей явно выдвигается мысль, поставить преступника между душевно-больнымъ и дикаремъ,—при чемъ черепныя аномаліи въ глазахъ Ломброзо склоняютъ преступника больше въ сторону послѣдняго, чѣмъ перваго, не устраняя однако чертъ соприсокновенія между преступными и душевно-больными. Ниже будетъ показана трудность обоснованія этой двойственной аналогіи: здѣсь укажу на ограниченія и возраженія, которымъ подлежатъ выводы автора изъ факта различныхъ аномалій, найденнымъ на 350 черепахъ. Въ этомъ отношеніи я воспользуюсь изслѣдованіями также антропологовъ и анатомовъ, которыя во многихъ отношеніяхъ значительно колеблютъ выводы Ломброзо. Такъ, по мнѣнію Венгерскаго антрополога Lenhossek, находимый у преступниковъ признакъ косины черепа, объясняемый раннимъ зарощеніемъ черепныхъ швовъ, не имѣетъ никакого специфическаго значенія. «Я не могу допустить, чтобъ преждевременный синостозъ, говоритъ Lenhossek, могъ производить инстинктъ преступности». Lenhossek ссылается на принадлежащую ему коллекцію, гдѣ имѣются 12% косыхъ череповъ, притомъ безукоризненныхъ людей, и на черепъ Биша, видѣнный имъ въ Парижѣ, который отличается значительной косиной. Такимъ образомъ, по мнѣ-

[44]) Стр. 209—213.

нію Венгерскаго ученаго антрополога, признакъ черепной ассиметріи, которому Ломброзо придаетъ такое огромное значеніе, отнюдь не составляетъ клейма преступника. Далѣе Lenhossek указываетъ, что въ числѣ 20 череповъ преступниковъ онъ нашелъ четыре черепа съ средней затылочной ямкой;—но тотчасъ же прибавляетъ, что новѣйшія изслѣдованія установили наличность 8 случаевъ средне-затылочной ямки на 15 черепахъ непреступниковъ. Этотъ послѣдній фактъ, засвидѣтельствованный Lenhossek, не требуетъ комментаріевъ: ясно, на сколько указываемый Ломброзо признакъ средней ямки, сближающій будтобы такъ рѣшительно преступника съ дикаремъ, имѣетъ значеніе, въ виду столь значительнаго процента случаевъ среднезатылочной ямки у непреступниковъ [45]).

---

45) Archivio di Psichiatria. T. I. Crani di delinquenti Rumeni, Ungheresi e Croati стр. 332—335. Поразительнымъ примѣромъ по части ассиметріи является черепъ Данте. Такимъ образомъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества, человѣкъ высочайшей и чистѣйшей нравственной доблести, съ именемъ котораго связывается лучшая слава Италіи, представляетъ по особенностямъ черепа сильнѣйшее возраженіе противъ наведеній новой Итальянской школы уголовнаго права. Относительно антропологическаго изслѣдованія черепа Данте см. работу антрополога Велькера въ Jahrbuch der deutschen Dante Gesellschaft (T. I. 1867), Der Shädel Dante's. Статья Велькера основана на изслѣдованіи черепа Данте Nicoluccі (Il cranio di Dante Alighieri. Lettera del Cav. Dr. Guistiniano Nicolucci all'illustre Antropologo Sig. Dr. Pruner—Bey. (1866) и на сравненіи этого изслѣдованія съ маской, снятой съ мертваго поэта. Главные результаты, къ коимъ пришелъ Велькеръ, состоятъ въ слѣдующемъ: по изслѣдованію Nicolucci на черепѣ замѣчается значительная ассиметрія, послѣдовавшая отъ ранняго синостоза. Этотъ признакъ замѣчается весьма явственно на маскѣ, указывающей на ассиметрію костей черепа, каковая наблюдалась часто Велькеромъ при пріостановкѣ развитія лѣвой темянной части вслѣдствіе синостоза шва. (Стр. 44). Сопоставляя этотъ признакъ съ замѣчательно небольшимъ размѣромъ мозга у Данте, вычисленнымъ по емкости черепа (мозгъ Данте представляется наименьшимъ по вѣсу,—1420 гр.—по сравненію съ мозгами другихъ, гораздо менѣе значительныхъ людей и незначительно превосходитъ средній мозгъ въ 1390 гр.) Велькеръ утверждаетъ, что, согласно сдѣланнымъ имъ наблюденіямъ, у многихъ высокоталантливыхъ людей, обладавшихъ малой емкостью черепа и небольшимъ по размѣру мозгомъ (Филиппъ Меккель, Вильгельмъ, Гумбольдтъ), черепъ терпитъ съуженіе вслѣдствіе срощенія швовъ въ дѣтствѣ. Считая себя въ правѣ утверждать, что малая величина черепа, по скольку она не зависитъ отъ задержаннаго развитія черепной чашки вслѣдствіе синостоза, едва ли когда совпадаетъ съ высшими духовными способностями, —авторъ признаетъ, что находящійся въ состояніи развитія, предрасположенный къ высшей умственной мощи мозгъ можетъ ограничиться въ силу наступившаго стѣсненія черепной полости — меньшимъ размѣромъ, сопряженнымъ съ пріостановкой развитія индифферентныхъ для духа и съ

Точно также и другой современный изслѣдователь, Rüdinger въ Германіи, пришелъ къ результатамъ, во многомъ заставляющимъ усумниться относительно выводовъ Ломброзо на основаніи изслѣдованія череповъ преступниковъ. Rüdinger въ лекціи, читанной 2 мая 1884 года въ кругу Мюнхенскихъ антропологовъ, демонстрировалъ 28 череповъ, изъ коихъ 25 принадлежали наиболѣе опаснымъ преступникамъ; при этомъ Рюдингеръ обратилъ вниманіе на черепа преступниковъ съ грубыми, аномальными формами, которыя встрѣчаются однако, по словамъ лектора, и у хорошихъ людей, — а вмѣстѣ съ тѣмъ на изящные черепа преступниковъ, каковъ черепъ Гумпа, по выраженію Rüdinger'a, ein ganz zierliches Schädelchen».—Зарощеніе швовъ было найдено Rüdinger'омъ у 5 преступниковъ; углубленіе подъ вѣнечнымъ швомъ, приписываемое Ломброзо черепамъ преступниковъ, отыскалось у многихъ лысыхъ, присутствовавшихъ на конференціи субъектовъ. — Различіе формы и вѣса череповъ, по удостовѣренію лектора, встрѣчается и у людей высокой нравственности: эти различія не составляютъ причинныхъ моментовъ преступности, если же отклоненія отъ нормы производятъ разстройство въ питаніи мозга,—то симптомы такого разстройства гораздо важнѣе разновидностей череповъ [46]).

Подобно указаннымъ ученымъ весьма извѣстные психіатры—а именно докторъ Giacchi, директоръ лечебницы для душевно-больныхъ въ Racconigi [47]), далѣе докторъ Bonfigli [48]), также директоръ такой же лечебницы

пощадой служащихъ духовнымъ функціямъ частей ткани. стр. (47—53). Отсюда явствуетъ, что у Данте соединялись такимъ образомъ дефективные признаки ассиметріи черепа и синостоза шва въ дѣтствѣ, и что старый извѣстный антропологъ Вельккеръ сходится съ неменѣе извѣстнымъ новымъ антропологомъ Lenhossek въ признаніи весьма относительнаго значенія ассиметріи, какъ дефекта, вліяющаго на психическую сторону человѣка.

[46]) Riassunto di una conferenza del Prof. Rüdinger 2 Maggio 1884, профессора Buccola въ Archivio di Psich. V, II—III, ст. 321—323.

[47]) Giacchi, Pazzi e birbanti (гл. X объ аномаліяхъ черепа въ связи съ душевной болѣзнью и преступностью) заявляетъ, что прямой связи между преступностью и сумасшествіемъ съ одной стороны и физическими аномаліями черепа съ другой не существуетъ: на ряду съ аномальными головами—у душевно-больныхъ и преступниковъ встрѣчаются головы, достойныя самыхъ «почтенныхъ людей», самыхъ значительныхъ научныхъ дѣятелей,—наоборотъ, у послѣднихъ встрѣчаются крайне аномальныя головы.—Авторъ называетъ философа Campanella съ совершенно уродливымъ черепомъ, далѣе извѣстнаго ему профессора-медика съ необыкновенно удлиненной головой—(ст. 240—242).

[48]) Bonfigli, Ulteriori considerazioni sull'argomento dellia cosi detta pazzia morale, перечисливъ аномаліи, которымъ придается первенствующее зна-

въ Феррарѣ, придаютъ лишь весьма условное значеніе аномаліямъ черепа. Въ самое недавнее время теорія Ломброзо о преступномъ человѣкѣ вообще и объ аномаліи череповъ въ частности подверглась сильнѣйшему нападенію со стороны компетентнѣйшаго антрополога Paolo Mantegazza. Въ засѣданіи итальянскаго антропологическаго общества въ Флоренціи Mantegazza счелъ нужнымъ высказаться противъ «опрометчивыхъ» заявленій, сдѣланныхъ на антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я допускаю ..... что всякая отрасль психологіи, всякая соціальная наука должны, слѣдуя опытной наукѣ, усвоивать себѣ ея направленіе, методъ эксперимента и наблюденія.—Но когда я вижу, что во имя позитивной науки утверждаются безсмысленныя вещи, насилуются факты, чтобъ привести ихъ къ соотвѣтствію съ нашими опрометчивыми и преувеличенными теоріями,—я чувствую себя глубоко огорченнымъ и невольно вспоминаю печальную, но краснорѣчивую пословицу «Сохрани насъ Богъ отъ нашихъ друзей, отъ враговъ мы сами съумѣемъ сохранить себя.—Изучая преступнаго человѣка, должно дѣлать наблюденія надъ его черепомъ, но не слѣдуетъ никогда забывать, что черепъ—костяная скорлупа,—которая моделлируется лишь грубымъ образомъ по мыслящему содержимому, истинная структура и физіологія органовъ котораго намъ извѣстны лишь въ высшей степени мало.—До сихъ поръ ни одинъ краніологъ не можетъ отличить на основаніи вѣрныхъ и постоянныхъ признаковъ различія преступнаго человѣка отъ величайшаго мученика за нравственные идеалы.—Кто утверждаетъ противное, поворачиваетъ насъ на полвѣка назадъ, когда френологи, ощупывая черепъ, надѣялись давать діагнозъ способностей и аффектовъ [49]).

ченіе, у Ломброзо (оксикефалія, микрокефалія, уплощеніе затылочной части, ассиметрія лица), утверждаетъ, что всѣ эти аномаліи, за исключеніемъ развитой микрокефаліи, не имѣютъ прямаго отношенія къ органамъ разума и могутъ быть на лицо безъ всякаго поврежденія таковыхъ; по части микрокефаліи,—авторъ полагаетъ, что крайнее проявленіе ея производитъ идіотизмъ, умѣренная же микрокефалія можетъ встрѣчаться у людей совершенно нормальныхъ — Такъ Bonfigli нашелъ окружность головы въ 53 сантиметра, при наличности густыхъ волосъ,—у человѣка, значительнаго научнымъ знаніемъ и весьма хорошей репутаціи. Такъ Рафаэль, Вольтеръ, Наполеонъ обладали головой меньше средней нормальной величины; далѣе, извѣстный современный поэтъ обладаетъ головой истинно-оксикефалическаго типа (стран. 38—39).

[49]) Rivista penale 29 Marzo 1886 Disp. 12 Cronaca Antropologia contra antropologia стр. 244—246. Подъ означеннымъ заголовкомъ указанный журналъ перепечаталъ письмо Mantegazza въ Nazione отъ 28 декабря 1885 г., изъ кото-

Къ чрезвычайно значительнымъ результатамъ, сильно подрывающимъ теорію черепныхъ аномалій преступниковъ, приходитъ въ самое недавнее время Manouvrier въ работѣ «Les crânes des suppliciés», посвященной черепамъ казненныхъ убійцъ изъ корысти (voleurs assassins). Manouvrier утверждаетъ, что черепа преступниковъ съ патологическими признаками страданія мозга крайне рѣдки; ученые придаютъ преувеличенное значеніе особенностямъ череповъ, можетъ быть и патологическимъ, но столь распространеннымъ, что ихъ нельзя считать производящими преступность,—а скорѣе, по ихъ общности, явленіями почти нормальными (à peu près réguliers). Ошибка этихъ ученыхъ, по мнѣнію автора, объясняется ихъ неопытностью. Черепа убійцъ аналогичны черепамъ остальнаго населенія, отличаясь лишь нѣкоторыми признаками. Такъ средняя вмѣстимость 61 черепа казненныхъ убійцъ, по изслѣдованіямъ автора (1573 куб. сант.), даетъ незначительный излишекъ въ 14 сантиметровъ, сравнительно съ черепами непреступныхъ людей,—разницу, находимую при сравненіи двухъ взятыхъ на удачу череповъ парижанъ, отличныхъ по росту на два сантиметра. Небольшое преобладаніе вмѣстимости черепа убійцъ объясняется большимъ ростомъ и вѣсомъ тѣла,—чѣмъ обусловливается и преобладаніе мужскаго надъ женскимъ черепомъ. Manouvrier, правда, признаетъ нѣкоторую мозговую приниженность убійцъ, соотвѣтствующую особенностямъ череповъ ихъ: малому развитію лобной части и черепнаго свода, большому развитію челюсти, но тотчасъ же заявляетъ, что убійцъ въ этомъ отношеніи не только нельзя ставить на ряду съ людьми слабоумными, но даже съ самыми развитыми дикими расами, а развѣ только съ бѣлыми расами крайняго Востока. Психологически, справедливо замѣчаетъ Manouvrier, эта оцѣнка неопре-

---

раго я привелъ выдержку, — далѣе отвѣтъ Lombroso отъ 12 января 1886 года и новое письмо Mantegazza отъ 15 января въ той же газетѣ. Я позднѣе возвращусь не разъ къ этой замѣчательной полемикѣ. Ломброзо въ своемъ отвѣтѣ, приписывая Mantegazza клеветническія заявленія противъ новой школы, преимущественно указываетъ на то, что онъ не придавалъ безусловнаго значенія однимъ признакамъ черепа и головы и никогда не утверждалъ, что таковые признаки изобличаютъ преступника. Однако читатель можетъ усмотрѣть изъ предыдущаго отдѣла, что Ломброзо дѣйствительно не придаетъ особеннаго значенія только извѣстнымъ антропологическимъ даннымъ въ строгомъ смыслѣ, противупоставляя имъ, какъ особенно существенныя для характеристики преступниковъ аномаліи черепа и головы въ смыслѣ патологическихъ явленій. Но вопросъ именно въ томъ,—составляютъ ли извѣстныя особенности всегда патологическія явленія, вліяющія на духовныя силы, или же только индивидуальныя морфологическія явленія индифферентнаго свойства. — На смѣшеніе тѣхъ и другихъ и указываютъ цитованные мною ученые.

дѣленна и весьма безобидна для убійцъ. Изслѣдованіе свое авторъ резюмируетъ въ положеніи, что черепной типъ убійцъ есть грубый типъ расы, и одобряетъ характеристику череповъ преступниковъ, формулированную Bordier въ словахъ: «Moins de reflexion et plus d'action» [50]). Работа Manouvrier освѣжительно дѣйствуетъ на читателя, послѣ натянутыхъ и преувеличенныхъ обобщеній на основаніи данныхъ краніоскопіи и кефалометріи, которыя столь распространились съ легкой руки Ломброзо; отъ туманныхъ построеній душевно-больнаго и дикаря, подставляемыхъ въ основаніе явленій тягчайшей преступности, она переноситъ насъ на почву дѣйствительной жизни и научно доказываетъ очевидную истину, распространенную въ общемъ сознаніи,—что грубый, неразвитый человѣкъ, помимо болѣзни, дегенераціи и атавизма, болѣе легко дѣлается убійцей, чѣмъ человѣкъ высшаго умственнаго и нравственнаго развитія. Изслѣдованіе Manouvrier, совпадая съ вышеприведенными воззрѣніями Mantegazza, Bonfigli, Giacchi, ясно указываетъ, что по вопросу о физическихъ особенностяхъ преступниковъ оказываются совершенно правыми тѣ представители классической школы уголовнаго права (Brusa, Bucellati, Lucchini), которые не перестаютъ настойчиво оспаривать крайнія преувеличенія антрополого-позитивной школы.

Обращаясь къ вопросу объ аномаліяхъ мозга и болѣзненныхъ явленіяхъ другихъ органовъ, найденныхъ у преступниковъ, замѣчу, что послѣ основательныхъ изслѣдованій Giaccomini, предъ которыми преклоняется самъ авторъ, различныя аномаліи въ извилинахъ и бороздахъ, теряютъ значеніе момента, существеннаго для вопроса о преступности. Къ Giaccomini въ этомъ отношеніи примыкаетъ Rüdinger, который въ указанной выше лекціи демонстрировалъ на ряду съ мозгами преступниковъ рисунокъ мозга знаменитаго ученаго, имя котораго осталось неоглашеннымъ. Въ заднихъ доляхъ этого мозга оказываются весьма значительныя отклоненія отъ нормальнаго типа, объясняемыя Рюдингеромъ значительнымъ умственнымъ трудомъ [51]).

---

[50]) Archives d'antropologie criminelle et sciences penales T. I 1886 г. № 2. 15 Mars стр. 119—141.

[51]) Цитата взята изъ вышеуказанной работы Buccola. Въ той же книжкѣ Archivio di Psich. см. отчетъ о двухъ работахъ Rüdinger'a, Ein Beitrag zur Anatomie des Affenspalte und der Intraparietalfurche beim Menschen, nach Race Geschlecht und Individualität, 1883 и Ein Beitrag zur Anatomie des Sprachcentrums. Изъ послѣдней работы явствуетъ, что при изслѣдованіи Rudinger'омъ мозговъ знаменитаго Мюнхенскаго юриста W. и философа H., —

Что касается наконецъ до приводимыхъ Ломброзо многочисленныхъ примѣровъ специфическихъ болѣзней и страданій мозга, сердца, печени, желудка, — то, не оспаривая нисколько ихъ важности, трудно видѣть въ нихъ что нибудь, могущее характеризовать преступнаго человѣка и отличать его отъ нормальныхъ людей; этотъ фактъ въ самомъ дѣлѣ могъ бы имѣть важность лишь при возможности усвоенія ему предрасполагающаго значенія относительно преступности. Но этого авторъ и не пытается установить. Если допустить, что неблагопріятныя условія жизни несомнѣнно содѣйствуютъ развитію тѣхъ или другихъ болѣзней, если принять во вниманіе, что жизнь преступника преизобилуетъ такими условіями, какъ можно убѣдиться изъ отдѣла, гдѣ Ломброзо трактуетъ о психологіи урожденнаго преступника, то указанныя страданія разныхъ тѣлесныхъ органовъ могутъ быть основательно отнесены не къ предрасполагающимъ условіямъ, а къ послѣдствіямъ преступной жизни.

Третья глава посвящена антропометріи и физіономіи 3839 преступниковъ [52]).

Ломброзо воспользовался для этой главы измѣреніями преступниковъ итальянскихъ врачей Pellizzario и Beretta, Virgilio, изслѣдовавшаго не менѣе 266 человѣкъ послѣ 1-го изданія книги автора, Tamburini, доставившаго антропологическое изслѣдованіе 100 анконскихъ каторжниковъ, и наконецъ помощью многихъ другихъ итальянскихъ врачей, произведшихъ вмѣстѣ съ Ломброзо изслѣдованіе 565 преступниковъ. 374 наиболѣе печально извѣстныхъ преступниковъ и рецидивистовъ были изучены въ мѣстахъ отбытія наказанія. Пособіями для автора послужили изслѣдованіе 134 преступниковъ въ Боннѣ Bischof'a, 1000 французскихъ преступниковъ Lacassagne и 699 итальянскихъ преступниковъ Ferri, изучившаго ихъ сравнительно съ 301 душевно-больнымъ и 711 солдатами; сверхъ того Ломброзо были доставлены, благодаря содѣйствію Гольцендорфа, Листа и Корнфельда, экземпляръ альбома нѣмецкихъ преступниковъ, National Police Gazzette of New York, Illustrated Police News of Boston,—а Цюрихскимъ правительствомъ три тома оффиціальнаго альбома преступниковъ [53]).

изъ которыхъ у перваго замѣчается выступъ лѣвой половины черепа — третья лобная извилина оказалась у обоихъ гораздо большею въ лѣвомъ полушаріи, чѣмъ въ правомъ,—при чемъ у W она раздѣлялась бороздками на нѣсколько складокъ.

52) Cap. III. Antropometria e fisionomia di 3839 delinquenti стр. 214—295.

53) Стр. 214—215. См. Ferri Studi di antropometria (Archivio di Psich. T. IV). стр. 110—118).

Авторъ начинаетъ этотъ отдѣлъ съ изслѣдованія роста у несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Сравненіе таковыхъ (въ числѣ 188) съ непреступными несовершеннолѣтними (въ числѣ 437) даетъ преобладаніе роста у первыхъ въ возрастѣ отъ 16—18 лѣтъ надъ послѣдними въ пропорціи 1,54: 1,51; по вѣсу тѣла несовершеннолѣтніе преступники превосходятъ непреступныхъ ровесниковъ, за исключеніемъ возраста 13—16 лѣтъ, уступая послѣднимъ во всѣхъ возрастахъ по части окружности черепа. Длина вытянутыхъ рукъ (grande apertura delle braccie) превышаетъ ростъ у 15 лицъ, изъ числа 20 изслѣдованныхъ, притомъ у 10 на 3 — 6 сантиметровъ, тогда какъ у непреступниковъ никогда больше 2,3 [54]).

Изслѣдованіе роста у преступниковъ приводитъ Ломброзо къ заключенію, что преступники вообще бываютъ роста значительно выше средняго, воспроизводя впрочемъ постоянно областной типъ. Такой результатъ, несогласный съ изслѣдованіями Вильсона и Томсона, по мнѣнію автора, зависитъ отъ того, что онъ измѣрялъ ростъ грабителей и убійцъ вообще болѣе рослыхъ, притомъ лицъ свыше 20 лѣтняго возраста. Измѣренія Ломброзо 112 душевно-больныхъ даютъ среднюю высоту роста, меньшую чѣмъ у преступниковъ разныхъ категорій, кромѣ воровъ. При изслѣдованіи по части тѣлеснаго вѣса преступниковъ и сравненіи ихъ въ этомъ отношеніи съ солдатами и душевно-больными, первые даютъ высшій вѣсъ, что впрочемъ объясняется болѣе зрѣлымъ возрастомъ изслѣдованныхъ преступниковъ сравнительно съ изслѣдованными солдатами; у 105 душевно-больныхъ въ Павіи, средній вѣсъ на 10 килограммовъ ниже вѣса преступниковъ изъ Ломбардіи. Убійцы, грабители, поджигатели, виновники подлога даютъ высшія пропорціи тѣлеснаго вѣса, чѣмъ воры и виновники плотскихъ преступленій [55]).

Ломброзо приводитъ измѣренія Лакассання 800 французскихъ преступниковъ, по коимъ въ 623 случаяхъ длина двухъ вытянутыхъ рукъ значительно превышаетъ тѣлесный ростъ, далѣе изслѣдованія Ферри по тому же предмету: по изслѣдованіямъ Ферри оказывается меньшая длина протянутыхъ рукъ по отношенію къ росту у карманниковъ сравнительно съ другими ворами. При сравненіи преступниковъ съ солдатами оказывается,—что по различію мѣстностей преступники то превосходятъ солдатъ длиной рукъ по отношенію къ росту тѣла, — то уступаютъ имъ относительно этого измѣренія. —

---

54) Стр. 215—216.

55) Стр. 216—222.

Наибольшая разность между длиной рукъ и ростомъ къ выгодѣ перваго измѣренія оказывается единственно у преступниковъ (+19—21) [56]).

По части тѣлосложенія преступниковъ, авторъ утверждаетъ, что грабители, убійцы, поджигатели представляютъ большею частью крѣпкое тѣлосложеніе,—воры, преступники противъ половой чести даютъ большее число случаевъ слабаго сложенія, виновные въ подлогѣ и зажигательствѣ чаще другихъ преступниковъ бываютъ съ сгорбленнымъ туловищемъ [57]).

Наибольшій объемъ грудной клѣтки (894 м.) даютъ убійцы,—за ними слѣдуютъ поджигатели (886 м.), грабители и виновники поджога (875 м.), наконецъ воры (874 м.). Относительно этого признака преступники превышаютъ среднюю цифру (866), найденную при изслѣдованіи 14000 солдатъ. Значеніе этого признака уменьшается впрочемъ вслѣдствіе производства измѣреній надъ преступниками Венеціанской области, представляющихъ высшій ростъ. [58])—По части вмѣстимости черепа—maximum среди преступниковъ оказывается у виновниковъ подлога (1555 с. въ Сициліи и Венец. области, 1582 въ Ломбардіи), во всѣхъ провинціяхъ Италіи, кромѣ Эмиліи и Ломбардіи. За виновниками подлога слѣдуютъ, по вмѣстимости черепа, убійцы и грабители, которые въ 11 изъ 21 областей Италіи превышаютъ цифру 1500 сс. Воры уступаютъ двумъ первымъ категоріямъ повсемѣстно, наконецъ поджигатели и преступники противъ половой чести представляютъ наименьшій объемъ черепа. Однако и здѣсь географическія различія по мѣстности вліяютъ на вмѣстимость черепа, которая значительнѣе въ Венеціи, Ломбардіи, Лигуріи и Пьемонтѣ, сравнительно съ Маркіями, Калабріей, Неаполемъ. Средняя вмѣстимость черепа у 40 душевно-больныхъ изъ Павіи оказывается меньшей сравнительно съ преступниками противъ половой части, виновниками подлога, ворами изъ Ломбардіи, и нѣсколько большей, чѣмъ у грабителей.—

Ломброзо сличаетъ результаты своихъ изслѣдованій съ результатами Ферри, полученными изъ изслѣдованій надъ 699 преступниками, сравнительно съ итальянскими солдатами и душевно-больными.—Ферри нашелъ у солдатъ бо́льшую вмѣстимость черепа, чѣмъ у преступниковъ и душевно-больныхъ; среди послѣднихъ наи-

---

56) Стр. 224—225.
57) Стр. 226—227.
58) Стр. 22

меньшая величина черепа принадлежитъ идіотамъ, а среди важнѣйшихъ преступниковъ (каторжниковъ изъ Pesaro)—въ отличіе отъ изслѣдованій Ломброзо—у б і й ц а м ъ. Среди менѣе важныхъ преступниковъ (сидѣльцевъ тюрьмы Castel Franco) наибольшая вмѣстимость черепа у виновныхъ въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ и наименьшая у карманниковъ, не смотря на ихъ не низкій ростъ.—У преступниковъ рецидивистовъ сравнительно съ нерецидивистами оказывается м а л а я в м ѣ с т и м о с т ь ч е р е п а. По части измѣренія л б а преступниковъ Ломброзо пришелъ къ заключенію, что значительная ширина лба встрѣчается у виновниковъ подлога въ Ломбардіи,—явленіе впрочемъ отсутствующее въ Сициліи и Мархіяхъ.—По изслѣдованіямъ Ферри—по части высоты лба одна категорія изслѣдованныхъ имъ лицъ, состоящая изъ солдатъ и менѣе важныхъ преступниковъ, представляетъ большую высоту лба, — другая (болѣе важные преступники и душевно-больные) представляютъ меньшую в ы с о т у лба.—При изученіи наименьшаго лобнаго діаметра Ферри нашелъ низменность (inferiorità) преступниковъ по части высшаго поперечнаго діаметра головы, сопоставленнаго имъ съ лобнымъ діаметромъ; относительно лобнаго діаметра п р е д у м ы ш л е н н ы е убійцы (assassini) уступаютъ убійцамъ вообще и грабителямъ; воры карманники другимъ ворамъ.—Высшій діаметръ лба у виновниковъ тѣлесныхъ поврежденій и мошенничества. — Среди душевно-больныхъ идіоты представляютъ наименьшую величину лобнаго діаметра при наибольшемъ поперечномъ діаметрѣ головы;—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ менѣе важные преступники уступаютъ по части лобнаго діаметра болѣе важнымъ, не смотря на большій поперечный діаметръ и большую вмѣстимость черепа [59]).

Относительно о к р у ж н о с т и ч е р е п а maximum оказывается у виновниковъ подлога, грабителей, убійцъ; minimum у поджигателей, воровъ, преступниковъ противъ половой чести; отношеніе это видоизмѣняется однако сообразно различію географическихъ мѣстностей.

Изъ сравненія величины окружности черепа преступниковъ съ величиной того же головнаго измѣренія у 14000 солдатъ и 262 душевно-больныхъ, Ломброзо приходитъ къ заключенію, что у здоровыхъ людей сравнительно съ преступниками оказывается втрое большее число объемистыхъ головъ; душевно же больные близко приближаются въ этомъ отношеніи къ преступникамъ. Преступникамъ свойственна субмикрокефалія вдвое болѣе часто, чѣмъ с о л д а т а м ъ,

---

[59]) Стр. 227—231.

но болѣе рѣдко, чѣмъ душевно-больнымъ. Наибольшая микрокефалія встрѣчается у воровъ, за ними слѣдуютъ убійцы и грабители съ небольшимъ процентомъ въ величинѣ окружности череповъ въ 50 сантиметровъ; виновные въ подлогѣ, зажигательствѣ и преступленіяхъ противъ половой чести вовсе не представляютъ такой величины окружности. По изслѣдованіямъ Ферри въ малыхъ величинахъ окружности преступники преобладаютъ надъ солдатами,—обратное явленіе замѣчается въ бо́льшихъ величинахъ окружности, rei d'occasione (преступники по случайному поводу) и abituali (обычные) преобладаютъ надъ nati (прирожденными преступниками) въ среднихъ окружностяхъ и рѣдко даютъ большія величины окружности. По части изученія передней полу-окружности, Ферри нашелъ большую приниженность менѣе важныхъ преступниковъ (воровъ, мошенниковъ), сравнительно съ болѣе важными преступниками (убійцами), при сравненіи тѣхъ и другихъ съ непреступными людьми. Среди душевнобольныхъ идіоты и слабоумные стоятъ ниже другихъ категорій по части этого признака.

Обращаясь къ измѣренію діаметра челюсти, Ломброзо указываетъ, что Ферри было найдено гораздо чаще, чѣмъ имъ самимъ и Manouvrier,—чрезмѣрное развитіе челюсти. Наибольшій діаметръ челюсти найденъ у убійцъ, наименьшій у карманниковъ и виновниковъ тѣлесныхъ поврежденій; среди душевно-больныхъ этотъ признакъ наиболѣе выдается у импульсивныхъ мономановъ. У солдатъ онъ соотвѣтствуетъ различію головнаго показателя, окружности черепа и роста. Убійцы обладаютъ челюстями болѣе развитыми, чѣмъ солдаты въ Ломбардіи, Венеціанской области, Эмиліи, Романьи, Калабріи, менѣе развитыми въ Мархіяхъ, Неаполитанской области и Сициліи—соотвѣтственно меньшему росту и меньшему головному показателю. Другой результатъ изслѣдованій Ферри,—значительность разстоянія между обѣихъ скулъ у преступниковъ, особенно у убійцъ; по части этого признака преступники превосходятъ солдатъ одной съ нимъ мѣстности во всѣхъ областяхъ Италіи [60]).

Ломброзо указываетъ относительно головнаго показателя (indice cefalico) на значительные слѣды географическихъ и этнографическихъ вліяній, постоянно проявляющихся въ этомъ измѣреніи у преступниковъ. По вычисленіямъ автора Пьемонтъ даетъ высшую брахикефалію (86—85°); меньшую Романья,

---

[60]) Стр. 235—236.

Мархіи и Ломбардія (82°), Эмилія (81°); еще меньшую Венеціанская область и Генуя (80°). Напротивъ весьма выдающаяся долихокефалія обнаруживается въ Сициліи (78°), Калабріи и Сардиніи (75°), исключеніе составляетъ Неаполь, дающій значительную брахикефалію (83°), различіе, которое въ извѣстной степени объясняется преобладаніемъ среди Неаполитанскихъ преступниковъ грабителей и убійцъ. При опредѣленіи головнаго показателя преступниковъ Ломброзо считалъ бы возможнымъ принять преобладаніе брахикефаліи среди убійцъ и грабителей, еслибъ въ этомъ отношеніи не составляли исключенія Калабрія, Сардинія и Сицилія, провинціи ультра доликефалическія,—дающія однако въ лицѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ количество брахикефаловъ, превышающее среднюю среди нормальныхъ людей.

Припомнивъ, что частое преобладаніе брахикефаліи среди преступниковъ вообще и убійцъ въ частности было замѣчено еще Касперомъ, Ломброзо признаетъ, что изслѣдованіями Ферри, произведенными въ весьма широкихъ размѣрахъ, это преобладаніе брахикефаліи въ преступленіи убійства не подтверждается: убійцы, сохраняя большую брахикефалію въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Эмиліи, являютъ болѣе низкій показатель въ Венеціанской области, Романьѣ, Мархіяхъ, Неаполѣ, Калабріи и Сициліи,—лишь съ преобладаніемъ въ двухъ послѣднихъ странахъ высшаго мѣстнаго показателя.

Вслѣдствіе этого, по мнѣнію Ломброзо, можно единственно утверждать, что убійцы часто обладаютъ головнымъ показателемъ наиболѣе высокимъ во многихъ, если не во всѣхъ провинціяхъ Италіи [61]). Переходя къ аномаліямъ головы у изслѣдованныхъ имъ преступниковъ, Ломброзо перечисляетъ слѣдующія: ранній атероматозъ височной артеріи (въ 12%), развитіе лобныхъ бугровъ (въ 8%), поврежденіе черепныхъ костей съ ранняго дѣтства (въ 4%), скошеный лобъ въ 9% (28% по Виргиліо). Уродливости черепа встрѣчаются чаще всего у воровъ и поджигателей, притомъ особенно часто у несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. У преступниковъ двухъ указанныхъ категорій аномаліи черепа: лобные бугры, скошеный лобъ, углубленія или возвышенія вдоль швовъ, микрокефалія, плагіокефалія, оксикефалія, трококефалія, скафокефалія оказались въ 43% [62]).

---

61) Стр. 237—239.

62) Стр. 239—242. Ломброзо указываетъ на нахожденіе скафокефаліи челнокообразнаго черепа) у одного преступника,—трококефаліи (круглоголовія) у двоихъ преступниковъ изъ Сициліи и Романьи. Одинъ изъ нихъ трококефалъ, родомъ изъ

Оканчивая изслѣдованіе аномалій черепа, авторъ упоминаетъ объ исключеніяхъ, объ извѣстной части преступниковъ, представляющихъ такъ сказать аристократію преступности, съ значительной вмѣстимостью и правильной формой черепа, съ гармоническими линіями лица. Сопоставляя преступниковъ по части аномаліи черепа съ душевно-больными—авторъ указываетъ, что ассиметрія черепа у послѣднихъ бываетъ въ пятеро чаще, чѣмъ у преступниковъ. Авторомъ найденъ у душевно-больныхъ признакъ скошеннаго лба въ 13%, каковая цифра не представляетъ существеннаго отличія преступниковъ и душевно-больныхъ [63]).

Относительно антропологическихъ измѣреній на живыхъ преступникахъ, сообщаемыхъ авторомъ, слѣдуетъ указать на общую всѣмъ имъ черту, которая очень рельефно выдѣляется, а именно на обнаруживаемый ими, при сравненіи съ изслѣдованіями надъ непреступными людьми, мѣстный, свойственный отдѣльнымъ областямъ Италіи типъ, которымъ преступникъ связывается съ остальнымъ населеніемъ, представляя единственно нѣкоторое отклоненіе отъ этого типа. Такимъ образомъ, строго говоря, получается понятіе не о преступномъ типѣ, какъ особомъ антропологическомъ видѣ, а о разновидности мѣстнаго типа. Такой результатъ очевидно ведетъ къ тому, что особенности преступниковъ представляются весьма относительными,—что наблюденія, сдѣланныя надъ итальянскими преступниками, не могутъ всецѣло примѣняться къ преступникамъ другихъ странъ, напримѣръ русскимъ. Я остановлюсь преимущественно на особенностяхъ большаго роста, тѣлеснаго вѣса, вмѣстимости черепа, измѣреніи головной окружности и головномъ показателѣ. Изъ изложенія Ломброзо видно, что признакъ большаго роста относится пре-

---

Романьи, виновникъ изнасилованія—съ сдавленнымъ лбомъ, съ торчащими ушами, плоскимъ носомъ, раскосыми глазами и огромной челюстью, совершенно чудовищнаго вида (портретъ его на стр. 240 «L'uomo delinquente»). Далѣе авторомъ найдено у 4-хъ грабителей выпуклость въ верхней и углубленіе въ нижней части височной кости,—у 5 убійцъ значительное развитіе височной кости,—у двоихъ уплощеніе затылочной части и у двоихъ уплощеніе правой части головы, съ ассиметріей лица—у двоихъ гидрокефалическій черепъ. Авторъ припоминаетъ извѣстныхъ преступниковъ, у которыхъ встрѣчались эти аномаліи: у Verzeni, напримѣръ, было углубленіе въ темянной части,—у Praitner, сплющенный и косой черепъ,—у Mio, Boutiller, Dumollard, oxycefalia; ассиметрія черепа въ 67% оказывалась у воровъ, изслѣдованныхъ Corre и Roussel во Франціи, скафоидальная аномалія черепа была наблюдаема у тѣхъ же субъектовъ въ 21 случаѣ,—пониженіе темянной части черепа въ 61 случаѣ.

63) Стр. 242—243.

имущественно къ убійцамъ и грабителямъ, — не составляя такимъ образомъ характеристики прирожденнаго преступника вообще. Что касается до большаго тѣлеснаго вѣса у преступниковъ сравнительно съ солдатами, то спрашивается, имѣемъ ли мы въ этомъ случаѣ дѣло съ нѣкоторымъ первичнымъ, антропологическимъ признакомъ, или явленіемъ производнымъ. Въ этомъ отношеніи весьма важенъ вопросъ о вліяніи лишенія свободы на вѣсъ тѣла. По мнѣнію г. Бѣлякова, нашедшаго значительно высшій, сравнительно съ среднимъ, вѣсъ тѣла у 67% изслѣдованныхъ убійцъ, — maximum вѣса тѣла, на ряду съ зависимостью этого признака отъ роста, объясняется долговременной практикой преступнымъ ремесломъ, продолжительнымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ. При этомъ г. Бѣляковъ ссылается на то, что у $^1/_5$ изслѣдованныхъ имъ преступниковъ, не смотря на 5—10 лѣтнее пребываніе въ заключеніи, вѣсъ тѣла значительно превышаетъ средній,—и что бѣжавшіе изъ Сибири бродяги, просидѣвшіе нѣкоторое время въ тюремномъ замкѣ, представляли увеличеніе въ тѣлесномъ вѣсѣ [64]).

Г. Бѣляковъ справедливо замѣчаетъ, что прибавленіе вѣса у бѣжавшихъ изъ Сибири бродягъ можно объяснить полнымъ спокойствіемъ ихъ въ тюрьмѣ послѣ голода и холода, испытаннаго на волѣ [65]). Если такимъ образомъ тѣлесный вѣсъ преступниковъ находится въ извѣстной зависимости отъ тюремнаго заключенія, то увеличеніе тѣлеснаго вѣса должно ожидать именно у рецидивистовъ вслѣдствіе большаго равнодушія таковыхъ лицъ къ лишенію свободы, замѣченнаго у нихъ разными изслѣдователями (Ferri, Sommer). По части вмѣстимости черепа у преступниковъ, тѣ же противурѣчія и колебанія, которыя оказались при изслѣдованіи умершихъ преступниковъ, оказываются и при наблюденіяхъ, сдѣланныхъ на живыхъ. Если Ломброзо на основаніи однихъ изслѣдованій помѣщаетъ

---

64) Указ. сочиненіе стр. 17-ая.

65) Указ. сочиненіе стр. 17-ая.—Фактъ увеличенія вѣса у арестантовъ подтверждается также изслѣдованіемъ произведеннымъ директоромъ цухтгауса въ Людвигсбургѣ въ Вюртембергскомъ королевствѣ, Sichart'омъ; изъ этого любопытнаго изслѣдованія оказывается, что у заключенныхъ всѣхъ возрастовъ, отъ 21 года до свыше 60 л., процентъ арестантовъ съ увеличившимся тѣлеснымъ вѣсомъ превышаетъ слишкомъ вдвое процентъ арестантовъ, потерявшихъ въ тѣлесномъ вѣсѣ, при чемъ пропорціональное отношеніе тѣхъ и другихъ арестантовъ въ возрастѣ отъ 31—40 и отъ 51—60 лѣтъ выражается какъ 3,6: 1. Würtembergische Jahrbücher für Statistik und Landkunde, 1883 г. изданіе королевскаго статистическаго бюро, Die Sterblichkeit im Zuchthause Ludwigsburg. стр. 189.

у б і й ц ъ на второе мѣсто по части этого признака, выше воровъ, занимающихъ третье,—и поджигателей занимающихъ четвертое мѣсто, то напротивъ Ферри отводитъ низшее мѣсто убійцамъ.

Изъ этого очевидно, что признакъ вмѣстимости черепа у преступниковъ даже одной категоріи (убійцы) представляетъ варіяціи, которыя вѣроятно находятся въ зависимости отъ многообразныхъ условій и въ томъ числѣ отъ общихъ антропологическихъ особенностей, присущихъ населенію той или другой мѣстности Италіи, что, далѣе, на основаніи вмѣстимости черепа преступника возможно лишь весьма общее заключеніе объ его психологическомъ состояніи.—Относительно измѣренія лба преступниковъ у Ломброзо должно сказать, что изслѣдованія виновниковъ подлога также прямо указываютъ на большое значеніе о б л а с т н а г о или п л е м е н н а г о т и п а, въ отличіе отъ с п е ц и ф и ч е с к а г о п р е с т у п н а г о т и п а, — явленіе, которое оказывается на лицо и въ изслѣдованіяхъ Ломброзо о к р у ж н о с т и ч е р е п а при сравненіи разныхъ категорій преступниковъ [66]).

Что касается до признака р а з в и т о й ч е л ю с т и, то въ высшей степени важно обнаруживающееся изъ изслѣдованій Ферри, приводимыхъ Ломброзо, соотношеніе этого признака съ извѣстнымъ антропологическимъ типомъ населенія, — вслѣдствіе котораго въ извѣстныхъ мѣстностяхъ непреступные люди (солдаты) превосходятъ въ этомъ отношеніи преступниковъ. По части г о л о в н а г о п о к а з а т е л я (indice cefalico) изъ изложенія Ломброзо съ большой очевидностью явствуетъ, что получаемый путемъ этого измѣренія при-

---

66) Данныя Ломброзо и Ферри, указанныя у меня на ст. 42 и 43 относительно окружности черепа у живыхъ преступниковъ сравнительно съ людьми непреступными, не совпадаютъ съ выводами г. Бѣлякова въ вышеуказанной работѣ— а также съ выводами г. Троицкаго (Итоги кефалометріи у преступниковъ, Архивъ Ковалевскаго Т. V, 1885, № 2 и 3, стр. 62), нашедшаго среди изслѣдованныхъ имъ преступниковъ значительное количество череповъ съ малой величиной, при численномъ перевѣсѣ однако большихъ череповъ, что даетъ автору основаніе, согласно съ данными Мейнерта, Бенедикта и Штейнберга, принимать «въ черепахъ душевно-больныхъ и преступниковъ нѣкоторое преваллированіе, сравнительно съ черепами нормальными, величинъ съ большою окружностью». Должно впрочемъ замѣтить, что частое нахожденіе череповъ съ малою окружностью объясняется самимъ авторомъ большимъ присутствіемъ въ его «матеріалѣ» н е с о в е р ш е н н о л ѣ т н и х ъ,—которые встрѣчаются также въ довольно значительномъ количествѣ у Ломброзо (268 чел.). Далѣе г. Троицкій не дѣлаетъ сравненія изслѣдованныхъ имъ преступниковъ съ нормальными людьми одного съ ними племени,—г. Бѣляковъ относительно разсматриваемаго имъ признака сравниваетъ живыхъ русскихъ преступниковъ съ мертвыми, по изслѣдованіямъ Bordier, и нормальными людьми, по изслѣдованіямъ Broca.

знакъ малоустойчивый. Значитъ связывать то или другое проявленіе преступности съ длиннымъ или короткимъ черепомъ не приходится. — Заслуга демонстраціи условности головнаго показателя для характеристики преступниковъ вообще и отдѣльныхъ категорій преступниковъ въ частности принадлежитъ изслѣдованіямъ Ферри,— ясно указывающимъ на преувеличеніе единственно у преступниковъ того или другаго мѣстнаго показателя [67]).

Къ отдѣлу объ аномаліяхъ черепа у живыхъ преступниковъ очевидно примѣняются всѣ тѣ возраженія, формулированныя итальянскими, нѣмецкими и французскими учеными — противъ преувеличенной и невѣрной оцѣнки этого явленія, приведенныя мною въ отдѣлѣ объ изслѣдованіяхъ надъ мертвыми преступниками. Далѣе укажу на одно обстоятельство, не лишенное значенія въ этомъ вопросѣ: сведеніе различныхъ такъ называемыхъ аномалій черепа къ физическому вырожденію, къ болѣзненной организаціи, къ атавизму должно быть признано одностороннимъ въ виду возможности иныхъ причинъ, которыя при этомъ упускаются изъ виду: одной изъ такихъ причинъ является искусственная деформація головы, наблюдавшаяся у многихъ древнихъ народовъ, современныхъ дикарей и въ нѣкоторыхъ классахъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ [68]). Такимъ объясненіемъ вопросъ о значеніи извѣстныхъ осо-

---

[67]) Г. Бѣляковъ, находя у $^2/_3$ изслѣдованныхъ убійцъ — брахикефалію — замѣчаетъ, что по показателю поперечника итальянскіе преступники Ломброзо и русскіе преступники, по собственнымъ даннымъ автора, — брахикефалы (указ. соч. стр. 34). Изъ изложеннаго въ текстѣ очевидно, насколько неточно заявленіе г. Бѣлякова относительно итальянскихъ преступниковъ. Результаты г. Бѣлякова не совпадаютъ съ результатами г. Троицкаго въ вышеуказанной статьѣ: сопоставляя данныя, полученныя изъ собственнаго изслѣдованія 300 мужчинъ и 58 женщинъ Варшавской тюрьмы съ данными другихъ авторовъ, г. Троицкій находитъ, что у душевно-больныхъ и преступниковъ dolicho— и subdolichocephalia встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ у здоровыхъ людей, напротивъ brachycephalia значительно чаще наблюдаются у психическихъ здоровыхъ людей. Изъ таблицы величинъ показателя поперечника по тремъ категоріямъ (убійцы и грабители, рецидивисты, воры, не бывшіе до того въ тюрьмѣ), г. Троицкій выводитъ, что брахикефалія всего рѣже наблюдается у преступниковъ первой категоріи, долихокефалія одинаково часто, какъ у преступниковъ первой, такъ и третьей категоріи (указ. соч. стр. 66 сл.).

[68]) Объ искусственной деформаціи головы см. Topinard, L'anthropologie Paris, 1884 Deformations artificielles стр. 183 — 199, далѣе изслѣдованіе г. Покровскаго: Физическое воспитаніе дѣтей, въ извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи 1884 года, вып. 2-й глава XIII. Искусственное измѣненіе

бенно значительныхъ аномалій черепа конечно не предрѣшается,—но очевидно у него отнимается слишкомъ общее и мистическое объясненіе, исходящее отъ наслѣдственныхъ и прирожденныхъ недостатковъ [69]).

Приступая къ отдѣлу о физіономіи преступниковъ, (II. Fisionomia dei delinquenti, стр. 243). Ломброзо замѣчаетъ, что у отдѣльныхъ субъектовъ бываетъ совершенно нормальная физіономія; если же отъ отдѣльныхъ лицъ перейти къ массѣ преступниковъ, то окажется, что

формы черепа и глава XIV: Вліяніе укладыванія въ постели на деформацію затылка. — Въ главѣ XIII весьма существенныя свѣдѣнія о деформаціи череповъ въ предѣлахъ Россіи, о приданіи головѣ ребенка шарообразной формы на Кавказѣ и въ Польшѣ,—клинообразной на Кавказѣ (стр. 155—156). Въ XIV главѣ авторъ сообщаетъ результаты изслѣдованія г. Икова надъ коллекціей череповъ Московскаго университета, обнаружившей весьма значительное количество разныхъ видовъ ассиметріи или уплощеній затылка: въ туркестанскихъ черепахъ — 61,5% общаго числа, въ группѣ Монгольскихъ череповъ 32,13%, въ группѣ Кавказскихъ череповъ 42,7%, въ группѣ череповъ южной полосы Россіи 16,7%, въ группѣ череповъ старо-Московскихъ 31,6% (стр. 160, 161). Эти дѣйствительно замѣчательныя данныя сближаются авторомъ съ обычаемъ у разныхъ народовъ укладыванія ребенка, при чемъ затылокъ его постоянно испытываетъ механическое давленіе (стр. 159). Описаніе устройства колыбелей, а также способовъ ношенія ребенка см. въ указаной главѣ XIII, а также въ гл. XV, XVI, XVII, XVIII, представляющихъ превосходную обработку богатаго матеріала.

69) Слѣдуетъ отмѣтить по вопросу объ аномаліяхъ черепа, что г. Троицкій при изслѣдованіи наблюдавшихся имъ преступниковъ нашелъ чрезвычайно большое количество типовъ platy и oxycefalia, а именно въ 1/3 части общаго количества преступниковъ; крайніе типы platy и oxycefalia попадались автору всего чаще у разбойниковъ и воровъ-рецидивистовъ, всего рѣже у случайныхъ воришекъ. Г. Троицкій при этомъ констатируетъ поразительную аналогію, которая оказалась между его цифрами и цифрами г. Штейнберга по изслѣдованію череповъ душевно-больныхъ, особенно въ родахъ показателей поперечника и высоты,—а также совпаденіе типовъ platy и oxycefalia съ патологическими измѣненіями черепныхъ нервовъ, и существованіемъ у изслѣдованныхъ неврозовъ съ патологическою наслѣдственностью (стр. 64—67 и 76 стр.). По поводу уродливостей черепа любопытно замѣчаніе Gabelli въ его работѣ La nuova scuola di diritto penale in Italia (Nuova Antologia 1886 Fasc. XVI 16 Agosto). Указавъ на огромное преобладаніе южныхъ провинцій Италіи и Римской провинціи надъ Ломбардіей по части убійствъ (таковыхъ въ 10, 11 разъ больше въ двухъ первыхъ мѣстностяхъ, чѣмъ въ послѣдней), Габелли ставитъ вопросъ,—соотвѣтствуютъ ли этому особенности череповъ?—Для разрѣшенія этого вопроса Габелли указываетъ на округъ Bergamo, изобилующій иретинами, глухонѣмыми, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются столь уродливыя головы, что они внушаютъ ужасъ,—а все таки тамъ спятъ съ открытыми дверями, можно ночью ходить съ мѣшками золота, въ Римской же провинціи, съ ея великолѣпными типами головы, приходится всего больше беречь карманъ и ребра (стр. 580).

преступники обладаютъ спеціальной для различныхъ видовъ преступленія физіономіей. Такъ у воровъ наблюдаются подвижность лица и рукъ, блуждающіе малые глаза, сдвинутыя брови, рѣдкая борода, ушная раковина, поставленная угломъ. У преступниковъ противъ половой чести блестящіе глаза, изнѣженныя черты лица, — при наличности впрочемъ большой челюсти,—вздутыя губы и рѣсницы, женственное тѣлосложеніе.—К и н е д ы (пассивные педерасты) отличаются женственнымъ изяществомъ, длинными и кудреватыми волосами. Эти же черты, по наблюденіямъ автора, встрѣчаются у поджигателей.—Обычные убійцы отличаются взглядомъ стекловиднымъ, холоднымъ, налитыми кровью глазами, очень часто орлинымъ, загнутымъ къ низу, на подобіе клюва хищной птицы, носомъ [70]), длинными ушами, большими скуловыми дугами, рѣдкой бородой, развитыми клыками.

Наконецъ виновные въ подлогахъ и обманахъ очень часто обладаютъ добродушной физіономіей, многіе изъ нихъ отличаются малыми глазами, кривымъ носомъ, часто длиннымъ и объемистымъ, раннимъ облысеніемъ и преждевременной сѣдиной, наконецъ женственнымъ лицомъ.—Вообще наибольшее число d e l i n q u e n t i n a t i представляется съ угловатыми ушами, съ рѣдкой бородой, огромной челюстью, четвероугольнымъ или выдающимся подбородкомъ, съ крупными скулами,—съ типомъ, подходящимъ къ типу монгольскаго, а иногда негритянскаго племени.

За этимъ описаніемъ физіономическихъ признаковъ слѣдуетъ анализъ разныхъ извѣстныхъ автору преступниковъ, у которыхъ авторъ и констатируетъ описанныя имъ клейма физіономіи [71]).

Ломброзо затѣмъ переходитъ къ изложенію особенностей физіономіи у 360 изслѣдованныхъ преступниковъ.

Сравненіе преступниковъ по ц в ѣ т у в о л о с ъ съ 1468 солдатами обнаружило соотвѣтствіе этого признака у преступниковъ мѣстному господствующему типу,—съ преобладаніемъ ч е р н а г о, съ

---

[70]) По поводу этого признака интересно сличить у Mantegazza, La Physionomie (въ изданіи Bibliotheque scientifique Internationale) многочисленныя наблюденія старинныхъ физіономиковъ относительно остраго носа, какъ признака ж е с т о к а г о, з л а г о человѣка. M a n t e g a z z a относительно этихъ наблюденій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: ..... Sans sortir de ma famille et du cercle de mes plus intimes connaissances, je puis absoudre les nez pointus des graves accusations, portées contre eux depuis Pomponio Garrico juspu'a Niquetius. Toute une famille de gens furibonds a pour caractère un nez très arrondi, et un excellent père de famille ..... a le bout du nez si pointu qu'il pourrait au besoin s'en servir comme d'un poinçon. (Стр. 138-я).

[71]) Стр. 243—251.

уменьшеніемъ бѣлокураго и съ увеличеніемъ рыжаго. — Черные волоса оказываются преимущественно у убійцъ, Рѣдкая борода наблюдалась авторомъ въ 23% (немного меньшій процентъ былъ найденъ у душевно-больныхъ); у преступниковъ и душевно-больныхъ авторомъ было часто найдено обилие волосъ на лбу.—Торчащія угломъ уши оказались въ 28%, (въ 37%, по изслѣдованіямъ Виргилио). У душевно-больныхъ въ Павіи этотъ признакъ оказался въ 25%, въ Пезаро въ 36%.—Nistagmus lateralis былъ найденъ въ 20% у преступниковъ, одинаковый процентъ оказался при изслѣдованіи душевно-больныхъ. Косоглазіе было найдено у пяти воровъ и преступниковъ противъ нравственности; расширенные зрачки были найдены въ 5%, въ той же пропорціи были найдены сжатые зрачки,—неравные зрачки оказались въ 3%, у душевно-больныхъ были найдены расширенные зрачки въ 21%, неравные въ 2%.—У одного виновника изнасилованія съ убійствомъ были: midriasis, чрезмѣрная близорукость, перемежающаяся косина глазъ; чрезмѣрное развитіе клыковъ было найдено въ 4% (почти все у убійцъ). Одинъ преступникъ противъ нравственности изъ Сициліи, далѣе Ломбардскій воръ, Сицилійскій убійца, Неаполитанка изъ разбойничьей шайки, двое убійцъ изъ Лукки, по косинѣ глазныхъ орбитъ, по квадратной формѣ лба, по величинѣ скулъ, по круглому черепу, по огромной челюсти и желтоватому цвѣту кожи представляли точное воспроизведеніе монгольскаго типа [72]).

По поводу антропологическихъ клеймъ физіономіи можно отмѣтить у автора такой пріемъ: Ломброзо распредѣляетъ ихъ между разными категоріями преступниковъ (убійцъ, воровъ, поджигателей, мошенниковъ), считая возможнымъ отличать эти категоріи по признакамъ физіономіи, а затѣмъ возсоединяетъ указанныя категоріи въ общемъ типѣ delinquente-nato, которому приписываются строго опредѣленные признаки. При этомъ оказывается, что этому типу усвоиваются грозныя, устрашающія черты, принадлежащія изъ прежде разсмотрѣнныхъ категорій лишь убійцамъ и ворамъ.

Должно далѣе замѣтить, что демонстрація антропологическихъ клеймъ, приписываемая delinquente nato, грѣшитъ, сверхъ указанной искусственности, еще слѣдующимъ кореннымъ недостаткомъ. Указавъ на физіономическія черты delinquente nato,—авторъ демонстрируетъ рядъ преступниковъ, описывая ихъ на основаніи собственныхъ наблюденій, приложенныхъ въ книгѣ портре-

72) Стр. 251—257.

товъ, и наконецъ сообщеній другихъ лицъ. Дѣйствительно, у нихъ оказываются тѣ спеціальные признаки, которые приписываются delinquente nato. Но если самое понятіе объ урожденномъ преступникѣ (онъ же нравственно-помѣшанный) представляется вовсе небезспорнымъ,—то еще болѣе сомнѣній и трудностей связуется съ подведеніемъ подъ этотъ типъ тѣхъ или другихъ индивидуумовъ. Авторъ повидимому и не подозрѣвалъ возможности этихъ сомнѣній относительно описываемыхъ имъ извѣстныхъ ему преступниковъ; поэтому читателю приходится вѣрить автору на слово, что перечисленные имъ итальянскіе убійцы, разбойники, главы разбойничьихъ шаекъ, воры,—равно субъекты, описываемые Каспером—все это delinquenti nati. При такихъ условіяхъ ученіе Ломброзо о физіономическихъ признакахъ delinquenti nati вертится въ очарованномъ кругу: чтобъ доказать, что извѣстные признаки свойственны delinquente nato, Ломброзо беретъ извѣстныхъ преступниковъ, которые выдаются за delinquenti nati и у нихъ эти признаки оказываются; но съ другой стороны въ подтвержденіе того, что они delinquenti nati весьма часто не существуетъ никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ наличности тѣхъ же признаковъ.

Помимо непосредственнаго изученія физіономіи преступниковъ, авторъ подвергъ изслѣдованію полученный имъ альбомъ нѣмецкихъ преступниковъ, а также изображенія преступниковъ въ Police Journal di New-York, равно портреты преступниковъ, помѣщающіеся на четвертой страницѣ въ газетахъ съ приглашеніемъ о поимкѣ таковыхъ. Всего авторомъ разсмотрѣны изображенія 219 преступниковъ, большинство которыхъ представляютъ нѣмцы (164), затѣмъ слѣдуютъ американцы (23), итальянцы (18), 1 англичанинъ, 2 француза, 1 бельгіецъ, 8 евреевъ, 4 русскіе или поляка. По видамъ преступности въ числѣ этихъ лицъ преобладаютъ воры (108) и убійцы съ виновниками тѣлесныхъ поврежденій (50). Остальные 61 человѣкъ составляются изъ виновниковъ подлога, обмана, банкротства, (54), преступленій противъ нравственности (5) и бигаміи (2).

По означеннымъ изображеніямъ, приложеннымъ къ книгѣ автора и воспроизведеннымъ фотографическимъ способомъ на таблицахъ IV, V, VI и VII, авторъ демонстрируетъ распредѣленіе между преступниками признаковъ физіономіи, при чемъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: изъ физическихъ аномальныхъ признаковъ (caratteri fisici morbosi) у 219 преступниковъ преобладаютъ a) объемистая челюсть, найденная у 81 субъекта т. е. въ пропорціи 37%, b) рѣдкая борода, найденная у 73 лицъ,—т. е. въ 32%, c) лоб-

ные бугры въ 28%, d) темные, зловѣщіе глаза (occhio sinistro o fosco), въ 23%, e) густые волосы въ 21%, f) угловатыя уши въ 18%, g) выдающіяся скулы въ 10%, h) страбизмъ въ 10%, i) скошенный лобъ въ 8%, j) прогнатизмъ въ 4%, k) ассиметрія лица въ 3%. Замѣтно женственная физіономія обнаруживалась въ 9%. Аномаліи физіономіи встрѣчались въ количествѣ 2—5 у одного и того же субъекта, давая ему типичный характеръ преступнаго человѣка, который среди 219 преступниковъ даетъ 52 случая т. е. 23%.

Нормальную, даже красивую физіономію авторъ отмѣчаетъ среди разсмотрѣнныхъ имъ изображеній у немногихъ лицъ, весьма интеллигентныхъ, преимущественно у мошенниковъ.—Къ нимъ присоединяются двое двоеженцевъ. Полное отсутствіе аномальныхъ признаковъ авторъ нашелъ не въ маломъ количествѣ случаевъ—въ 16%. Сюда принадлежатъ два вора, одаренные большою хитростью, далѣе одинъ поддѣлыватель монеты—талантливый артистъ, затѣмъ наибольшее число лицъ, склонныхъ къ мошенничеству. Отсутствіе преступнаго типа во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ спеціальности преступленія, объясняется либо значительностью разума у преступниковъ, либо случайнымъ характеромъ преступленія (la causa d occasione)»: таковъ Пельцеръ, убійца, вовлеченный въ преступленіе отчаяннымъ имущественнымъ положеніемъ, несмотря на предшествующую честную жизнь, и контрабандистъ, сдѣлавшійся самоубійцей изъ самосохраненія. Авторъ сознается, что отсутствіе преступнаго типа представляется необъяснимымъ у двухъ разбойниковъ изъ Сициліи, у шести воровъ рецидивистовъ, у одного убійцы, совершившаго изнасилованіе, и у двухъ воровъ. Впрочемъ авторъ старается ослабить этотъ фактъ по отношенію по крайней мѣрѣ къ Сицилійскимъ разбойникамъ, замѣчая, что, «какъ извѣстно, въ Сициліи, разбойничество, за исключеніемъ званія атамана шайки, составляетъ delitto d'occasione». Однако у преступниковъ, представляющихъ нормальную физіономію, замѣчается странное взаимное сходство, удостовѣряющее ихъ антропологическое сродство. Типическое сродство еще болѣе выдѣляется у лицъ, соединяющихъ въ себѣ преступный типъ. Переходя къ описанію признаковъ физіономіи по общимъ категоріямъ преступности, установляемымъ въ антропологo—позитивной школѣ уголовнаго права (delinquenti nati, d'occasione, per passione) Ломброзо среди delinquenti d'occasione усматриваетъ у Арманда Пельцера только обиліе черныхъ волосъ и нѣсколько выдающіеся лобные бугры; изъ пяти банкротовъ только одинъ, нашъ соотечественникъ В. представляетъ преступный

типъ. Вообще у delinquenti d'occasione типъ можетъ быть отмѣченъ лишь у 17%.—Изъ delinquenti per passione только одинъ обладаетъ полнымъ преступнымъ типомъ, — другой приближается къ этому типу. Итакъ въ этой категоріи полный преступный типъ открывается на двоихъ изъ 8, т. е. въ 25%; что касается до delinquenti nati,—то среди 50 убійцъ преступный антропологическій типъ достигаетъ до 36%.—У остальныхъ, при отсутствіи преступнаго типа, на лицо отдѣльные спеціальные признаки, какъ то: густые волосы, объемистыя челюсти, угловатыя уши и т. д. У воровъ преступный типъ представляется въ пропорціи 25%, у мошенниковъ и виновниковъ подлога въ 6%. Относительно послѣдняго факта, повидимому противорѣчащаго выводамъ автора, Ломброзо замѣчаетъ, что таковой пріобрѣтаетъ иное значеніе, если вспомнить, что выраженіе чрезмѣрнаго добродушія, коимъ запечатлѣвается лице мошенниковъ и виновниковъ подлоговъ, представляется типическимъ, какъ необходимое средство для достиженія ихъ преступныхъ цѣлей.

Наконецъ у преступниковъ, совершившихъ преступленіе вслѣдствіе чувственнаго побуда (di libidine), преступный типъ преобладаетъ въ 4 на 5.

И такъ, заключаетъ авторъ, преступный типъ, какъ наличность извѣстныхъ антропологическихъ признаковъ физіономіи, имѣется въ 23%; немногіе душевно-больные преступники даютъ большій контингентъ, наибольшій процентъ по части наличности типа даютъ убійцы (36) и воры (25); наименьшій—банкроты (1 случай на 8); мошенники и двоеженцы 6%—и rei d'occasione 17% [73]).

Между отдѣльными признаками у наблюдавшихся преступниковъ въ особенности у убійцъ, преобладаютъ: отсутствіе племеннаго типа (tipo etnico), огромныя челюсти въ 37%; рѣдкая борода (32); выпуклые лобные бугры (28%); фальшивый взглядъ (23%); густые волосы (21%); поставленные угломъ уши (18%). Въ меньшей пропорціи встрѣчаются: ассиметрія, женственность наружности, скошенный лобъ, прогнатизмъ.

---

73) III. Fotografie e tipi di criminali. Стран. 258—268.

Изслѣдованіе и оцѣнка физіономическихъ аномалій преступниковъ по фотографіямъ вызываетъ немало сомнѣній. Кто же не знаетъ тѣхъ погрѣшностей въ изображеніи человѣческихъ физіономій, въ которыя впадаетъ фотографія, тѣхъ многочисленныхъ неблагопріятныхъ условій, которыя могутъ исказить общій характеръ физіономіи на фотографіи? Очевидно, что эти неблагопріятныя случайности въ особенно сильной степени возможны при фотографическихъ снимкахъ въ интересахъ полицейской службы, для которой требуется извѣстное грубое воспроизведеніе физіономіи преступниковъ [74]). Кромѣ того весьма важно, что множество фотографій, разсмотрѣнныхъ Ломброзо, изображаютъ преступниковъ de face, при чемъ теряются существенныя особенности [75]). При этихъ условіяхъ трудно довѣрять достовѣрности по крайней мѣрѣ всѣхъ найденныхъ авторомъ признаковъ. Еще большія сомнѣнія возбуждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ не только по фотографіямъ разбираетъ отдѣльные аномальные признаки, но и классифицируетъ разныхъ изображенныхъ на фотографіи преступниковъ по тремъ категоріямъ delinquenti nati (преступниковъ прирожденныхъ), delinquenti d'occasione (преступниковъ по случайному поводу) и per passione (по страсти).

Должно замѣтить, какъ это показано будетъ ниже, что раздѣленіе на категоріи въ новой школѣ неустойчиво и вызываетъ многочисленныя сомнѣнія и колебанія. Во всякомъ случаѣ отнесеніе того или другаго субъекта къ той или другой категоріи, согласно исходнымъ началамъ новой школы, должно быть сдѣлано на основаніи обширнаго психо-физическаго изслѣдованія отдѣльнаго подсудимаго въ связи съ полнымъ судебнымъ изслѣдованіемъ всей фактической обстановки преступленія. Ломброзо

---

74) Mantegazza, «Le Physionomie». La plupart de nos photographes possedent le talent precieux de transformer en idiot un homme de genie (стр. 224).

75) Извѣстный редакторъ Revue d'anthropologie, Paul Topinard признаетъ за фотографіей, какъ она обыкновенно практикуется, сомнительную цѣнность для изображенія типа; исключеніе дѣлается имъ для фотографій, снятыхъ съ соблюденіемъ техническихъ пріемовъ, первоначально de face, а затѣмъ de profil, притомъ въ обоихъ случаяхъ съ постановкой головы въ то положеніе, которое соблюдается при измѣреніи проэкціи кефалометрическимъ наугольникомъ (Revue d'anthropologie 1885 № 2, отчетъ Topinard о книгѣ Prince Bonaparte, Les habitants de Surinam стр. 254). Приверженцы школы, называющей себя антропологической, какъ видно, мало заботятся о строгихъ требованіяхъ антропологіи.

же относительно изображенныхъ на фотографіи субъектовъ не имѣлъ такого матеріала, и могъ довольствоваться только скудными свѣдѣніями. Если на время устранить всѣ эти сомнѣнія и возраженія по поводу изученія фотографій преступниковъ и стать на точку зрѣнія автора, то немало найдется основаній усумниться въ значеніи физіономическихъ особенностей преступниковъ въ виду показаній самого Ломброзо. Во первыхъ, отсутствіе всякаго преступнаго типа отмѣчается авторомъ у тягчайшихъ преступниковъ, каковы двое разбойниковъ изъ Сициліи, шесть воровъ рецидивистовъ, у одного лица виновнаго въ изнасилованіи, отягченнаго убійствомъ. Самъ авторъ считаетъ этотъ фактъ необъяснимымъ и чрезвычайно неудачно ссылается на то, что разбойничество въ Сициліи, за исключеніемъ дѣятельности атамана шайки, составляетъ delitto d'occasione — Если это такъ, если переходъ отъ delinquente nato къ delinquente d'occasione столь неуловимъ, что отдѣльный разбойникъ, становясь атаманомъ или выходя изъ этого званія, мѣняетъ и категорію преступности,—то тогда распредѣленіе антропологическихъ признаковъ по категоріямъ и выводимыя отсюда статистическія данныя — миражъ. Кто, далѣе, поручится, что 36 убійцъ съ антропологическими признаками—прирожденные преступники и что между ними нѣтъ преступниковъ по случайному поводу и по страсти? Шесть воровъ рецидивистовъ безъ клеймъ преступности,—сильнѣйшіе факты.—Въ самомъ цѣлѣ въ главѣ о рецидивистахъ авторъ признаетъ рецидиву юридическимъ условіемъ для конструкціи категоріи delinquenti nati[76]).

Въ четвертомъ отдѣлѣ гл. III Sulle donne criminal авторъ изслѣдуетъ женщинъ преступницъ съ анатомической и антропометрической сторонъ.—Ломброзо было изслѣдовано 258 преступницъ,—далѣе онъ воспользовался для сравненія—изслѣдованіями докторовъ Sorresina и Bongiovanni надъ 250 Ломбардскихъ и Туринскихъ проститутокъ, изслѣдованіями доктора Andronico надъ 230 Сицилійскихъ проститутокъ, 253 преступницами Мессинской тюрьмы,—и наконецъ изслѣдованіями профессора Ziino надъ 188 преступницами въ Мессиніѣ.

---

76) До какой степени Ломброзо произвольно оперируетъ категоріями преступниковъ въ связи съ признаками физіономіи, это можно видѣть на описаніи упоминаемаго на страницѣ 266 подстрекателя къ убійству Арманда Пельцера. Въ указанномъ мѣстѣ Ломброзо называетъ Пельцера delinquente d'occasione и находитъ у него два признака: обиліе черныхъ волосъ и нѣсколько значительные лобные бугры (un po'i seni fronta-

По тѣлесному вѣсу нормальныя женщины при сравненіи ихъ съ преступницами, проститутками, душевно-больными—превосходятъ эти три категоріи. Проститутки и преступницы даютъ наиболѣе объемистыя головы, представляя одновременно вдвое большую субмикрокефалію сравнительно съ душевно-больными. Изъ 65 преступницъ 20 представляютъ долихокефалическій, — а 40 брахикефалическій типъ. Впрочемъ, по мнѣнію Ломброзо, эти цифры лишены всякаго значенія въ силу соотвѣтствія указанныхъ результатовъ изслѣдованій съ господствующимъ въ той или другой мѣстности общимъ типомъ [77]).

По части аномалій черепа Ломброзо заимствуетъ у Ziino (Fisiopatologia del delitto), слѣдующія данныя: изъ 188 преступницъ — 7 представляютъ уродливости черепа, 17—ассиметрію лица, 19—торчащія угломъ или аномальныя уши, гипертрофію печени и огромныя челюсти, 13—окружность черепа въ 48 сантиметровъ, 2—окружность черепа въ 47 сантиметровъ, 24 — окружность черепа въ 49 сантиметровъ [78]).

---

li).—Если захотѣть узнать большія подробности объ этомъ преступникѣ, — то стоитъ обратиться къ IV т. Archivio di Psich., гдѣ на стр. 130 и сл. Ломброзо даетъ антропологическій анализъ процесса двухъ братьевъ Пельцеръ, (Processi criminali studiati antropologicamente).—Въ этой работѣ, говоря объ Арандѣ Пельцерѣ, Ломброзо заявляетъ, что большое развитіе лобныхъ пазухъ и челюсти, темный цвѣтъ волосъ и бороды, а также сращеніе бровей составляютъ у него отличія отъ типа германской расы.—И такъ, къ двумъ признакамъ, указаннымъ въ L'uomo delinquente у Пельцера, прибавляются еще два,—при чемъ незначительные лобные бугры, о которыхъ говорится на стран. 266 этого сочиненія, признаются уже большими въ Archivio. Ломброзо, далѣе, утверждаетъ, что обиліе бороды, прекрасное развитіе лба, симметрія лица у Пельцера не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, но черезъ нѣсколько строкъ читатель узнаетъ, что бредъ, замѣченный у Пельцера въ тюрьмѣ, а равно чрезмѣрный духъ мести обнаруживаютъ въ немъ преступника и вмѣстѣ нравственно-помѣшаннаго. Впрочемъ въ виду волненія, охватившаго Арманда Пельцера въ моментъ ареста, несовмѣстнаго съ свойствами delinquente nato, Ломброзо окончательно приходитъ къ заключенію,—что надо видѣть въ немъ на половину delinquente nato, на половину delinquente d'occasione. Когда встрѣчаешься съ такими натяжками и такими колебаніями,—то спрашивается, съ какимъ правомъ новая школа претендуетъ на принятіе законодательствомъ ея классификаціи преступниковъ, съ какимъ правомъ она возражаетъ противъ неопредѣленности постановленій о вмѣняемости и вмѣненіи въ существующей теоріи и практикѣ уголовнаго права?

77) Стр. 270.

78) Стр. 274. Должно замѣтить, что самъ Ziino въ своей книгѣ вслѣдъ за таблицей аномалій, найденныхъ имъ у преступныхъ женщинъ, положительно говоритъ, что, за исключеніемъ душевно-больныхъ, невропатокъ и нравственно-помѣшанныхъ женщинъ, ему

По собственнымъ изслѣдованіямъ Ломброзо надъ 122 преступницами, — онъ нашелъ слѣдующія аномаліи: ассиметрію черепа (50 разъ) преимущественно у воровокъ, большое изобиліе волосъ (30 разъ), эвригнатизмъ (18 разъ) у убійцъ и воровокъ, монгольскую физіономію (5 разъ) у четырехъ убійцъ и одной воровки, — аномальныя уши (7 разъ), всего болѣе у воровокъ, волосы на лицѣ и на лбу (16 разъ) — всего больше у дѣтоубійцъ, верхнюю тонкую губу (19 разъ)—наиболѣе у убійцъ, мужественное лице (12 разъ) у убійцъ и воровокъ, нижнюю аномальную, всего чаще объемистую челюсть (12 разъ), аномаліи глазъ (30 разъ), аномаліи зубовъ (5 разъ)—у убійцъ, дѣтоубійцъ и воровокъ, скошенный, узкій, уродливый лобъ у убійцъ, воровокъ, дѣтоубійцъ (12 разъ), гидрокефалическій лобъ, горбъ и зобъ — у убійцъ (14 разъ) [79]).

Авторъ приложилъ къ своей книгѣ фотографіи преступницъ, въ числѣ 83, нѣмецкаго, итальянскаго и американскаго происхожденія и распредѣлилъ ихъ по категоріямъ delinquente nate, d'occasione и per passione. У трехъ душевно-больныхъ изъ означеннаго числа полный криминальный типъ. Въ небольшомъ количествѣ оказываются лица, которыя по альбому должны быть отнесены къ delinquenti d'occasione — таковыхъ одиннадцать; изъ нихъ три воровки съ преступнымъ типомъ т. е. съ сочетаніемъ нѣсколькихъ физіономическихъ признаковъ. Авторъ опредѣляетъ наличность преступнаго типа въ 42% среди delinquenti d'occasione, замѣчая, впрочемъ, если «краткость и шаткость сообщенныхъ о преступницахъ данныхъ позволяютъ сдѣлать такое заключеніе».

Delinquenti nate оказываются въ числѣ 83 преступницъ въ наибольшемъ числѣ,—авторъ насчитываетъ ихъ 73. У нихъ оказываются многочисленныя физическія аномаліи какъ то: большая челюсть (36%), неподвижный и косой взглядъ (25%), мужественная физіономія (22%), лобныя пазухи (15%), тонкая губа (14%), ассиметрія лица (13%), большія скулы (12%). Сверхъ того встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ явленія прогнатизма, стра-

---

не пришлось наблюдать среди изученныхъ имъ преступницъ антропологическихъ признаковъ, которые бы указывали особый преступный видъ. (Fisio-Patologia del delitto, 1881 г., стр. 191).

79) Стр. 274—278.

бизма, аномальныхъ глазъ и ушей, скошеннаго и малаго лба, субмикрокефаліи, монгольской физіономіи. Указанные признаки часто сочетаются въ количествѣ отъ двухъ до четырехъ у одного лица, создавая типическую физіономію преступной женщины. Таковая имѣется въ 23 случаяхъ (28%). У нѣкоторыхъ преступницъ недостаетъ полнаго типа, но имѣются отдѣльные признаки его;—таковы обманщицы и воровки изъ лавокъ, находящія, по мнѣнію автора, въ благовидной наружности средство внушенія къ себѣ довѣрія. Но 13 лицъ изъ 83, не смотря на извращенныя тенденціи, чужды совершенно физическихъ признаковъ delinquente nato. Ломброзо объясняетъ этотъ отрицательный фактъ у трехъ лицъ внѣшними, толкавшими на преступленіе, обстоятельствами,—относительно же 10 лицъ, (въ числѣ которыхъ имѣются любовница цѣлой шайки американскихъ воровъ, отравительница мужа и двѣ раннія карманницы), авторъ не находитъ никакого уважительнаго объясненія. Красоту нѣкоторыхъ преступницъ авторъ объясняетъ тѣлесной полнотой и обиліемъ волосъ, что маскируетъ, но не уничтожаетъ аномалій [80]).

Отдѣлъ о признакахъ физіономіи преступныхъ женщинъ вызываетъ слѣдующія замѣчанія: и здѣсь Ломброзо различаетъ категоріи преступности (delinquenti nate, per passione, per occasione), но, какъ оказывается, категорія менѣе тяжкихъ преступницъ—по случайному поводу (d'occasione) даетъ большій процентъ преступнаго типа, чѣмъ преступницы прирожденныя (143% противъ 27%). Фактъ этотъ имѣетъ существенное значеніе: если признаки физіономіи, въ связи съ другими особенностями тѣлесной организаціи, выдаютъ преступнаго человѣка,—то трудно объяснить почему, среди женщинъ, лица, менѣе приближающіяся къ виду преступнаго человѣка, носятъ чаще специфическія особенности, чѣмъ лица, представляющія преступнаго человѣка особенно ярко, преступницы по природѣ.—Авторъ правда ссылается въ этомъ отношеніи на недостаточность свѣдѣній, полученныхъ имъ относительно фотографій женщинъ,—но это объясненіе дается только тогда, когда факты становятся поперекъ дороги для его теоріи. Скудость этихъ свѣдѣній въ самомъ дѣлѣ не помѣшала автору дѣлать классификацію преступниковъ по фотографіямъ и исчислять процентное отношеніе физіономическихъ признаковъ въ разныхъ категоріяхъ.

---

[80]) Стр. 278—283.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ теоріи физіономическихъ особенностей, замѣчу, что такая теорія должна начинать съ тщательнаго различенія анатомическихъ и мимическихъ признаковъ. Что касается до анатомическихъ признаковъ (строенія черепа, лица, органовъ внѣшнихъ чувствъ), то они относятся къ предшествующему отдѣлу—анатомическому изслѣдованію преступника [81]). Къ отдѣлу физіономіи преступника принадлежитъ преимущественно изслѣдованіе мимическихъ особенностей, т. е. своеобразной игры физіономіи, по скольку она выражаетъ умственный и нравственный строй, аффекты, эмоціи преступника. Конечно должно признать, что лицо человѣка въ силу того, что процессы психической жизни сопровождаются постоянными мимическими движеніями, сохраняетъ въ застывшихъ, такъ сказать, очертаніяхъ внутренній душевный строй человѣка. Но истолкованіе чертъ физіономіи всегда и вездѣ встрѣчало крайнія трудности, вслѣдствіе разнообразія внутреннихъ процессовъ, вслѣдствіе возможности волеваго воздѣйствія на движенія физіономіи, вслѣдствіе неодинаковой выразительности тѣхъ и другихъ психическихъ фактовъ. Этими причинами объясняется, почему точной науки физіономики не существуетъ, почему истолкованіе физіономическихъ признаковъ—дѣло эмпирическаго навыка, гораздо болѣе искусство, чѣмъ наука. При этихъ условіяхъ не приходится придавать физіономическимъ признакамъ преступниковъ ту важность, которую имъ придаетъ Ломброзо, не приходится въ особенности оперировать ими, какъ критеріями дѣленія категорій преступниковъ, имѣющаго громадную практическую важность по основнымъ положеніямъ антропологопозитивной школы [82]).

---

81) Mantegazza, Le Physionomie et les sentiments, Ch. 2. Le Visage humain называетъ смѣшеніе анатомическихъ признаковъ физіономіи съ признаками движенія ея или экспрессіи—капитальной ошибкой, закравшейся во всѣ трактаты о физіономіи (ст. 23).

82) Цитованное сочиненіе Mantegazza отличается драгоцѣннымъ свойствомъ, выгодно отличающимъ автора отъ другихъ физіономиковъ,—необыкновенной сдержанностью выводовъ съ яснымъ сознаніемъ опасности неосновательныхъ наведеній и увлеченій въ области физіономики. См. въ особенности гл. XXII о критеріѣ сужденія о нравственномъ характерѣ физіономіи, гдѣ авторъ указываетъ на существующія претензіи отгадывать по физіономіи характеръ человѣка,—допускаетъ у нѣкоторыхъ лицъ способность тонкаго наблюденія, изощреннаго опытомъ, и наконецъ дѣлаетъ слѣдующее предостереженіе: «Malheur pourtant a ces mortels privilegiés, s'ils veulent passer de l'art a la science, et traduire en dogmes et préceptes le fruit de leur experience et de leur sagacité. Ils transforment en aphorismes brutaux les divinations les plus delicates et les plus fines de leur esprit observateur, signe certain qu'il peut exister un art, mais non

Вообще Ломброзо, сводя физіономическія свѣдѣнія къ физіо-патологическимъ причинамъ, недостаточно оцѣнилъ разнообразныя соціальныя вліянія, которыя несомнѣнно воздѣйствуютъ на образованіе физіономическихъ чертъ, вслѣдствіе чего таковыя въ значительной степени обусловливаются принадлежностью къ извѣстному общественному кругу, далѣе извѣстной профессіею [83]).—Правда Ломброзо приходится отступать отъ этой точки зрѣнія,—такъ по поводу мошенниковъ онъ заговариваетъ о приспособленіи физіономіи къ специфическому способу дѣйствія въ мошенничествѣ. Если однако это справедливо относительно мошенниковъ, — то нельзя отрицать возможности такого приспособленія у убійцъ. И убійца можетъ имѣть надобность въ маскированіи обычнаго выраженія физіономіи. Явленіе взаимодѣйствія однихъ лицъ на другихъ, вслѣдствіе котораго между такими лицами является сходство въ мимикѣ физіономіи, — инстинктивное подражаніе,—вотъ факторъ, который въ сильной степени можетъ дѣйствовать въ тюремной жизни и объяснять ту общность типа, которую Ломброзо склоненъ объяснять принадлежностью къ одной преступной расѣ.

Физіономическія черты женщинъ играютъ важную роль въ изслѣдованіи наружности преступника; въ самомъ дѣлѣ, какъ это убѣдительно демонстрируетъ Tarde,—изслѣдованіе физіономіи женщинъ подрываетъ значительно всю теорію антропологическихъ особенностей преступника. Нормальный антропологическій типъ женщины представляется съ нѣкоторымъ характеромъ кажущейся приниженности сравнительно съ мужскимъ: этотъ типъ отличается меньшимъ развитіемъ черепа и мозга, болѣе узкимъ лбомъ, замѣтны-

---

une science physionomique». См. также прекрасный отдѣлъ о механизмѣ физіономіи у Мейнерта (Психіатрія, т. I, русскій переводъ. Ліонъ 1885 г.). Въ этомъ отдѣлѣ выдающееся мѣсто отведено изученію человѣка, по скольку онъ является физіономикомъ, съ умозаключеніями, основанными на побочныхъ ассоціаціяхъ. Такія побочныя ассоціаціи, какъ наглядно показываетъ Мейнертъ, ведутъ къ параллельнымъ умозаключеніямъ,—лишеннымъ значенія сознательнаго сужденія (стр. 288—301). По части самообмана въ истолкованіи физіономическихъ признаковъ весьма вѣрно замѣчаніе Gabelli въ вышеуказанной критикѣ новой итальянской школы уголовнаго права: «Когда входишь въ тюрьму, кажется, что преступность написана у всѣхъ на лицѣ,'при этомъ смѣшиваются признаки, обусловленные тюремной жизнью,—съ признаками, зависящими отъ склонности къ преступленію (стр. 583).

83) О профессіональномъ физіономическомъ типѣ преступника см. Tarde Le Type criminel.

ми лобными буграми. Если присоединить къ этому обиліе волосъ на головѣ, отсутствіе волосъ на подбородкѣ и надъ губой, болѣе частое развитіе прогнатизма,—то въ нормальномъ женскомъ типѣ встрѣчаются все черты, приписываемыя преступнымъ въ отличіе отъ непреступныхъ людей [84]). Придавая такимъ чертамъ этіологическое значеніе относительно преступности, можно бы предполагать въ женщинѣ большую склонность къ преступленію, сравнительно съ мужчиной, тогда какъ данныя уголовной статистики показываютъ обратное явленіе,—повсемѣстно меньшую воспріимчивость женщинъ къ преступности. Если это явленіе объяснять соціальными условіями, то должно признать, что такія условія перевѣшиваютъ условія антропологическія.

Послѣдній отдѣлъ гл. 3-ей посвященъ изслѣдованію физіономіи состоящихъ на свободѣ людей сравнительно съ преступниками, народнымъ воззрѣніемъ на физіономію преступниковъ и общимъ выводамъ.

Въ виду сдѣланныхъ автору возраженій, что физіономическія черты преступниковъ могутъ оказываться и у людей непреступныхъ, Ломброзо изслѣдовалъ 418 человѣкъ, посвятившихъ себя умственнымъ занятіямъ, въ возрастѣ отъ 19 до 25 лѣтъ,—частью непосредственно, частью по фотографіямъ. У 256 лицъ изъ всего числа изслѣдованныхъ не оказалось ни одного физіономическаго признака преступниковъ. У остальныхъ 162 человѣкъ 136 разъ оказались признаки физіономіи, подобные найденнымъ у преступниковъ [85]).

Изъ числа 256 человѣкъ шесть подозрѣваются въ преступныхъ тенденціяхъ по части воровства и подлога. Изъ остальныхъ 92 лица представляли одинъ признакъ, 44—два соединенныхъ признака. Изъ этихъ послѣднихъ только 6 являются неблагонадежными (malsicuri: двое подозрѣваются въ воровскихъ тенденціяхъ, третій—интриганъ, четвертый—помѣшанный, съ пре-

---

84). См. Tarde. Le type criminel (стр. 618 и 619). По части размѣра черепа и развитія мозга у женщинъ Meinert цитов. соч. стр. 273. Manouvrier цитов. соч. стр. 184—185. Относительно лба и лобныхъ бугровъ Mantegazza цит. соч. стр. 29. Конечно этимъ не разрѣшается вопросъ о дѣйствительной физіологической приниженности женщины. См. статью доктора Thulié La femme n'est ni inferieure, ni egale a l'homme. 1. Revue d'anthropologie № 2 1885 г.

85). V. Obbiezioni.—Fisionomia degli onesti, Giudizi popolari e proverbi sulla fisionomia criminale—sue cause. Conclusioni generali.

ступными склонностями вообще; пятый—склонный къ гнѣву, шестой—пропойца. По три признака носятъ 10 человѣкъ (одинъ изъ нихъ—Louis, другой—нравственно-помѣшанный, третій—задорный, и развратный). Четыре признака у 4 лицъ (изъ нихъ одно—жестокаго и фальшиваго характера, другое—виновникъ изнасилованія (stupratore). Пять признаковъ соединяются у игрока, и у другаго лица, коего преступныя тенденціи неизвѣстны. Полный преступный типъ физіономіи у 7, по крайней мѣрѣ у 11 человѣкъ изъ 418 [86]).

Ломброзо беретъ другихъ 400 лицъ, относительно коихъ ему удалось собрать болѣе подробныя свѣдѣнія. Изъ нихъ 187 свободны отъ физіономическихъ признаковъ преступника. Въ числѣ этихъ 187 однако встрѣчаются 9 человѣкъ criminali, т. е. съ преступными свойствами; какъ-то: 1 воръ, 1 reo d'occasione и покусившійся на самоубійство, 1 содомитъ, 2 честолюбивыхъ и сладострастныхъ человѣка (ambiziosi e lascivi). 109 представляли одинъ признакъ физіономіи (10 изъ нихъ, называемые авторомъ veri criminali, были повинны: въ кровосмѣшеніи и изнасилованіи—1, въ интригахъ—2, въ мошенничествѣ—7); 22 не были criminali, но за то были одержимы чрезмѣрными страстями (сладострастіемъ и честолюбіемъ). У 73 лицъ были два признака физіономіи; изъ нихъ 31 были veri criminali (интриганы, жестокіе люди, воры, развратная женщина, виновная въ истребленіи плода, одинъ нравственно-помѣшанный, двое убійцъ (?!). У 22 были печальныя страсти. Три признака представляли 23 лица, (18 criminali: въ томъ числѣ 4 лицемѣра, 3 прелюбодѣя, 1 прелюбодѣйка и tribadа). Четыре признака оказывались у 5 лицъ (изъ нихъ 2 виновника подлога, 1 прелюбодѣй). Пять признаковъ носили два и шесть одно лицо; изъ таковыхъ трехъ лицъ лишь одно честное,—революціонный вожакъ (capo rivoluzionario), навлекшій на себя подозрѣнія, можетъ быть, несправедливыя, но во всякомъ случаѣ важныя, относительно тенденціи къ воровству—другое маттоидъ-графоманъ.—Положи-

---

86). Стр. 383—384. Провѣряя исчисленія автора, я нашелъ, что всего среди 162 лицъ клейма преступной физіономіи встрѣчаются не 136 разъ, а 152 раза. Если считать полный преступный типъ при сочетаніи отъ 3—6 признаковъ, то таковыхъ лицъ оказывается шестнадцать, если же принимать типъ при 4—6 признакахъ, то лицъ съ преступнымъ типомъ—шесть. Большинство признаковъ физіономіи патолого-анатомическаго свойства (аномалія черепа, черепныхъ нервовъ, органовъ чувствъ).

тельно честныхъ лицъ съ преступнымъ типомъ авторъ нашелъ только одно среди 400 человѣкъ; 213 человѣкъ обладали тѣмъ или другимъ признакомъ физіономіи преступника. Истинныхъ типовъ съ 4 или 6 признаками оказалось 8 на все число 400 человѣкъ.

Изъ 213 лицъ съ нѣкоторыми физіономическими признаками—75 подозрѣвались въ безчестной жизни. На 400 лицъ приходилось 30 маттоидовъ. И такъ, въ концѣ концовъ, замѣчаетъ Ломброзо, типическая физіономія преступника въ видѣ исключенія встрѣчается одинъ разъ среди 400 лицъ у честнаго человѣка, и въ видѣ общаго правила у людей безчестныхъ. Такъ, среди 8 лицъ, отмѣченныхъ 4 или 6 признаками, приходится 5 съ дурною славою и 1 маттоидъ. Для объясненія часто оказывавшагося несоотвѣтствія между физическими признаками физіономіи и нравственными качествами (таковыхъ случаевъ было болѣе 50%), авторъ ссылается на то, что нравственная безукоризненность бываетъ чаще кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная; такъ люди, представлявшіеся автору честными, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ знакомства, обнаруживали скрытую преступность, ожидавшую лишь случая для проявленія. Одинъ богачъ, даже, говорилъ про себя автору, что будь онъ бѣденъ, онъ былъ бы воромъ и убійцей [87]).

Должно сказать, что своимъ изслѣдованіемъ непреступныхъ людей авторъ не только не достигъ поставленной имъ задачи,—подтвердить наличность у преступниковъ спеціальныхъ особенностей физіономіи, въ отличіе отъ людей непреступныхъ, но впалъ въ непроходимую путаницу. Я намѣренно передалъ изложеніе автора со всѣми подробностями: лишь пристально преслѣдуя процессъ наведеній автора, слѣдя за частичными истолкованіями, можно оцѣнить устойчивость окончательныхъ выводовъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить слабую достовѣрность свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ и дѣяніяхъ изслѣдованныхъ авторомъ лицъ. Спрашивается, на какомъ основаніи Ломброзо, говоря о лицахъ, живущихъ на свободѣ, щедро расточаетъ имъ самыя безпощадныя аттестаціи въ родѣ того, что такой то-виновникъ кровосмѣшенія, другой—убійца, третья—tribada, четвертый—содомитъ и т. д. Такія свѣдѣнія, очевидно, могутъ имѣть гарантію достовѣрности, лишь будучи собраны въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, при соблюденіи условія правильнаго судебнаго разсмотрѣнія. Научное изслѣдованіе, которое величаетъ себя

---

[87]) Стр. 283—286.

опытнымъ и положительнымъ, должно руководствоваться одинаковыми съ судебнымъ изслѣдованіемъ пріемами открытія истины, не можетъ довольствоваться фактами, недостаточно провѣренными и сомнительными. Источникъ свѣдѣній Ломброзо должно искать, напротивъ, или въ полицейскихъ донесеніяхъ и дознаніяхъ, либо въ частныхъ справкахъ и свѣдѣніяхъ. И тотъ и другой источникъ весьма мутные, не исключающіе возможности злостной клеветы. Поэтому никто не обязанъ раздѣлять субъективной увѣренности автора относительно правдивости собранныхъ имъ свѣдѣній объ изслѣдованныхъ лицахъ. Самъ авторъ не замѣчаетъ, какъ странно звучатъ въ научномъ трактатѣ такіе термины, какъ malsicuri, sospetti di tendenze criminali, mal indiziati.—Другой капитальный недостатокъ наведеній автора состоитъ въ томъ, что понятіе о преступности расширено у него до невозможныхъ предѣловъ. И здѣсь оказывается, какъ далеко расходятся слово и дѣло: претензія на точность наблюденій и изслѣдованій съ одной стороны,—и игра словами съ другой. Исходя отъ понятія объ onesti,—людей, живущихъ на свободѣ и полноправныхъ, — авторъ изслѣдуетъ и открываетъ въ нихъ тайныхъ, оффиціально не признанныхъ преступниковъ. Когда же читатель захочетъ поближе взглянуть на этихъ честныхъ людей въ смыслѣ рѣчи Антонія, то авторъ рядомъ съ субъектами, истинно преступными, каковы убійцы, воры и т. д., укрывшіеся отъ юстиціи, но не отъ автора, перечисляетъ рядъ порочныхъ лицъ,—и даже лицъ, которыхъ, строго говоря, нельзя назвать порочными—подводя безразлично тѣхъ и другихъ подъ категорію criminali. Можно видѣть изъ этого,—какъ правъ Бруза, замѣчающій, что антропологого-позитивная школа совпадаетъ въ своихъ стремленіяхъ съ аскетической школой, выставляющей въ основаніе уголовнаго права теорію грѣха, [88]) и какъ не правъ Ломброзо, упрекающій классическую школу въ предисловіи къ L'uomo delinquente, за то, въ чемъ онъ самъ оказывается повиннымъ. Если перейти къ частностямъ изслѣдованія,—то оказывается слѣдующее: изъ первоначальнаго изслѣдованія 418 человѣкъ въ сущности нельзя сдѣлать никакого заключенія. Что касается до другой группы въ 400 человѣкъ, то результаты этого изслѣдованія говорятъ не въ пользу автора. Вѣдь возраженіе, сдѣланное Ломброзо нѣкоторыми учеными, заключалось въ томъ, что особенности физіономіи преступниковъ не могутъ имѣть значенія,

---

[88]) Saggio di Una dottrina generale del reato, стр. 143.

пока не доказано, что онѣ не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, встрѣчаются менѣе часто у людей непреступныхъ. Изъ 400 лицъ, оффиціально преступниками не признанныхъ, авторъ отдѣляетъ 213 человѣкъ, изъ коихъ 109 подозрѣваются въ различныхъ постыдныхъ страстяхъ—[89]), но по поводу этихъ послѣднихъ лицъ должно замѣтить, что если они повинны въ приписываемыхъ имъ преступныхъ дѣяніяхъ и порокахъ, то ихъ нельзя противупоставлять оффиціальнымъ преступникамъ и нельзя считать въ числѣ onesti. Если преступники отличаются дѣйствительно особенностями физіономіи, то и люди преступные, хотя и неуличенные по суду, будутъ представлять такія же особенности. Гдѣ же здѣсь паралель между преступниками и onesti? Далѣе, если выдѣлить изъ числа 213 человѣкъ 109 лицъ съ преступной физіономіей и признаваемыхъ criminali или порочными и противупоставить имъ 104 человѣка, тоже съ преступной физіономіей, но о которыхъ ничего дурнаго по крайней мѣрѣ не говорится, то окажется, что люди неопороченные почти равняются числомъ людямъ дурнымъ, при равенствѣ условія физіономическихъ признаковъ. Изъ лицъ съ четырьмя признаками (таковыхъ 5) только двое criminali, значитъ трое onesti,—шесть признаковъ приходятся на двухъ лицъ, изъ коихъ одинъ—эксцентрикъ (mattoide). Относительно единственнаго праведника, найденнаго Ломброзо съ полнымъ преступнымъ типомъ среди 400 человѣкъ, спрашивается, почему слѣдуетъ считать его несомнѣнно честнымъ, несмотря на павшее на него подозрѣніе въ воровскихъ замашкахъ,—вѣдь множество другихъ лицъ тоже только подозрѣваются въ разныхъ преступленіяхъ? Этотъ революціонный вожакъ такимъ образомъ весьма мало доказываетъ рѣдкость среди onesti полнаго преступнаго типа. Если наконецъ разсматривать 213 человѣкъ изъ общаго числа 400, какъ людей во всякомъ случаѣ оффиціально не признанныхъ преступниками, и могущихъ быть противупоставленными настоящимъ преступникамъ, то выйдетъ, что между непреступными людьми пропорція найденныхъ признаковъ преступной физіономіи превышаетъ 50%. При принятіи даже, въ согласіи съ Ломброзо,—34% случаевъ преступныхъ тенденцій, (стран. 286) этотъ процентъ окажется почти тождественнымъ съ процентомъ физіономическихъ признаковъ у rei d'occasione (17%).

---

[89]) Цифра 109 получается при сложеніи цифръ отдѣльныхъ лицъ, criminali veri или подозрѣваемыхъ въ безчестной жизни, размѣщенныхъ по разрядамъ, согласно количеству признаковъ физіономіи. Самъ авторъ этого разсчета не дѣлаетъ.

Вслѣдъ за изслѣдованіемъ физіономіи непреступныхъ людей, Ломброзо въ опроверженіе упрека, что его теорія противурѣчитъ общественному мнѣнію, цитуетъ рядъ поговорокъ и пословицъ, заимствуемыхъ изъ разныхъ областей Италіи и свидѣтельствующихъ о томъ, что издавна извѣстные антропологическіе признаки лица, волосъ, глазъ приводились въ связи съ характеромъ человѣка, далѣе ссылается на то, что эти примѣты были извѣстны уже древнимъ, что при помощи такихъ примѣтъ въ обыденной жизни нерѣдко отгадываютъ преступныя мысли человѣка (свидѣтельства Lafater'a, показанія сыщика Видока [90]).

Обращаясь къ генезису изслѣдованныхъ имъ физическихъ аномалій, Ломброзо прежде всего указываетъ на атавизмъ и пріостановку развитія, каковыми факторами объясняются мужественный видъ у женщинъ, волосы на лбу, недостатокъ волосъ, выпуклыя скулы, торчащія уши,—такъ что типъ Монгола или Лапландца воспроизводитъ типъ прирожденнаго итальянскаго преступника. Далѣе, выдающійся изъ орбиты глазъ—эффектъ гипереміи мозга; развитіе челюсти, независимо отъ а т а в и з м а и бо̀льшаго развитія системы мускуловъ, объясняется повтореніемъ спеціальнаго жеста человѣка, принимающаго энергичное или насильственное рѣшеніе, или обдумывающаго месть, жеста подобнаго тому, который дѣлается при мускулярномъ усиліи; вслѣдствіе продолжительнаго повторенія этого жеста мускулы и связанныя съ ними костяныя части должны увеличиваться; въ этомъ можетъ быть лежитъ и причина развитія височной кости, въ которой краніологи видѣли органъ склонности къ разрушенію, а равно и болѣе частаго явленія брахикефаліи у урожденныхъ преступниковъ, преимущественно убійцъ, сравнительно съ другими преступниками, не нуждающимися въ особомъ развитіи мускулярной энергіи [91]).

По вопросу о народной мудрости въ пословицахъ и поговоркахъ по части физіономіи—можно замѣтить, что ссылка на это доказательство является крайне характеристичной для теоріи автора. Нельзя забывать, что въ этихъ пословицахъ, помимо частныхъ наблюденій, могли входить многочисленные предразсудки и суевѣрія, остатки старинныхъ вѣрованій, смыслъ которыхъ затерялся. Странно, что теорія, постоянно говорящая о необходимости опыта и наблюденія, прибѣгаетъ по важнѣйшимъ вопросамъ біологіи къ свидѣтельству наиболѣе несвѣдующихъ въ этой области людей. Та народная

[90]) Стр. 286—290.
[91]) Стр. 290—291.

мудрость, на которую ссылается Ломброзо по части распознаванія преступниковъ, не стѣснялась по физіономическимъ особенностямъ распознавать чародѣя и вѣдьму. Очень вѣрно говоритъ Габелли, что къ качествамъ, льстящимъ нашему самолюбію, принадлежитъ способность отгадывать и дѣлать предсказанія, что выражается и въ истолкованіи физіономическихъ признаковъ,—но наука движется впередъ, борясь съ человѣческимъ тщеславіемъ, иначе мы бы держались магіи, алхиміи и астрологіи [92]).

IV.

Третья часть L'uomo delinquente Ломброзо посвящена біологіи и психологіи прирожденнаго преступника. Въ главѣ 1-й авторъ изслѣдуетъ явленіе татуировки у преступниковъ [93]).

Указавъ на явленіе татуировки у первобытнаго лѣснаго человѣка, явленіе, распространенное въ современной Италіи въ низшихъ классахъ, у крестьянъ, моряковъ, рабочихъ, пастуховъ, солдатъ, но преимущественно у преступниковъ, Ломброзо настаиваетъ прежде всего на распространенности и значеніи этого обычая у преступниковъ сравнительно съ нормальными людьми. Авторъ сообщаетъ обширныя наблюденія, произведенныя надъ 9254 лицами, изъ коихъ 3886 солдатъ и 5348 преступниковъ,—проститутокъ и солдатъ-преступниковъ, произведенныя авторомъ, а равно другими итальянскими учеными, и Lacassagne во Франціи. По таблицамъ доктора Марро наибольшее число случаевъ татуировки приходится на рецидивистовъ, преступниковъ противъ лицъ и имуществъ, прирожденныхъ преступниковъ: убійцы преобладаютъ надъ ворами относительно обычая татуировки. Среди непреступниковъ обычай татуировки ослабѣваетъ; напротивъ обычай не только остается, но принимаетъ огромные раз-

---

92) La nuova scuola di diritto penale in Italia (стр. 580 и 581). Mantegazza въ вышеуказанномъ сочиненіи о физіономіи слѣдующимъ образомъ характеризуетъ dictons populaires, встрѣчающіеся въ самыя раннія историческія эпохи: dans ces premières tentatives on rencontre toujours l'inexpérience enfantine de l'ignorance, les sympathies et les antipathies y sont traduites en dogmes indiscutables et en jugements sans appel; l'instinct et le sentiment y tiennent la place du calcul; le tout est assaisonné de cette magie, qui est un des péchés originels de la famille humaine—(La physionomie, стр. 2-я).

93). Parte III. Biologia e psicologia del delinquente nato. Cap. I. Del tatuaggio nei delinquenti. Стр. 297 и слѣд.

мѣры въ преступномъ населеніи, какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомства: на 5348 изслѣдованныхъ приходится 667 татуированныхъ 16,77% среди взрослыхъ, 34% у несовершеннолѣтнихъ [94]). Наибольшее количество татуированныхъ среди солдатъ оказывается у уроженцевъ Ломбардіи, Пьемонта и Мархій, что, по мнѣнію Ломброзо, отчасти объясняется традиціей отъ древнихъ Кельтовъ, отчасти нахожденіемъ въ окрестностяхъ Лорето множества лицъ, занимающихся промысломъ татуировки. Татуировка встрѣчается на верхнихъ частяхъ рукъ, на плечахъ, груди, пальцахъ въ видѣ кольца; рисунокъ татуировки обыкновенно представляетъ любовные, религіозные, воинственные сюжеты, либо указываетъ на извѣстныя ремесла. Въ группѣ преступнаго человѣка татуировка принимаетъ спеціальный характеръ, особую устойчивость и распространенность. Среди солдатъ, подвергнутыхъ заключенію, татуировка встрѣчается въ восемь разъ чаще, чѣмъ у солдатъ, состоящихъ на свободѣ. Такъ, далѣе, въ отличіе отъ того, что наблюдается у дикарей, среди которыхъ татуировка мало распространена у женщинъ, въ отличіе отъ низшихъ классовъ европейскаго населенія, гдѣ татуировка у честныхъ женщинъ является еще болѣе рѣдко, Gamba нашелъ пять татуированныхъ женщинъ изъ числа 300 арестантокъ въ Туринѣ и самъ авторъ одну татуированную изъ 300 женщинъ. Ломброзо сближаетъ этотъ фактъ съ наблюденіями Паранъ-Дюшатле, находившаго обычай татуировки разныхъ частей тѣла у наиболѣе деградированныхъ проститутокъ [95]).

Статистически распространенность татуировки у преступниковъ выражается въ высокихъ процентныхъ пропорціяхъ наблюдавшихся случаевъ (отъ 6% до 40%)—при чемъ оказывается, что наименьшій процентъ гораздо выше процента случаевъ, наблюдавшихся у военнаго класса, наиболѣе склоннаго къ этому обычаю [96]).

Ломброзо крайне обстоятельно разбираетъ различные рисунки татуировки у преступниковъ, по содержащемуся въ нихъ смыслу, далѣе изслѣдуетъ значеніе возраста и ассоціаціи въ этомъ вопросѣ, наконецъ обусловливающія это явленіе причины. Въ четырехъ изъ числа 162 изслѣдованныхъ случаевъ въ татуировкѣ выражается насиль-

---

[94]) Стр. 297—300.

[95]) Стр. 300—305. Положеніе о меньшей распространенности татуировки у женщинъ среди дикарей не согласуется съ показаніемъ Миклухи Маклая, о томъ, что въ Новой Гвинеѣ женщины татуируются чаще, чѣмъ мужчины. Цитата взята у Покровскаго: Физическое воспитаніе дѣтей, вып. III, стр. 288.

[96]) Стр. 306.

ственное, мстительное, направленное на отчаянныя предпріятія настроеніе духа. Таковы слѣдующіе случаи: надпись: Guiro di vendicarmi посреди двухъ кинжаловъ—(у піемонтскаго убійцы на груди), надпись: je finirai mal на груди, а на правой рукѣ: mort a la chiourme у Малессена, убійцы, а въ послѣдствіи палача въ Новой Каледоніи. Изъ числа 111 надписей, записанныхъ Lacassagne и вырѣзанныхъ на тѣлѣ осмотрѣнныхъ имъ преступниковъ, 51 представляютъ указанія на преступленіе, далѣе другія надписи, (тоже въ числѣ 51)—являются крикомъ мести и возстанія противъ закона или содержатъ грязные и преступные намеки. Подобные, иногда весьма сложные рисунки татуировки найдены у Итальянскихъ преступниковъ. Два особенно выдающіеся признака татуировки у преступниковъ — это грязный характеръ рисунковъ какъ по содержанію ихъ, такъ и по свойству росписанной ими части тѣла, и ихъ многочисленность. Такъ изъ 142 изслѣдованныхъ авторомъ лицъ у 5 былъ татуированъ penis. Этимъ случаямъ авторъ придаетъ особенное значеніе въ виду того, что они свидѣтельствуютъ не только о безстыдствѣ, но и о чрезвычайной физической нечувствительности преступниковъ, по части которой они превосходятъ настоящихъ дикарей. Lacassagne нашелъ татуировку penis у 11 среди 1333 татуированныхъ преступниковъ. Другой признакъ преступниковъ выражается въ многочисленности, обнаруженной Lacassagne, тѣлесныхъ частей, подвергаемыхъ татуировкѣ [97]). Переходя къ значенію возраста преступниковъ по отношенію къ татуировкѣ, Ломброзо отмѣчаетъ любопытный фактъ о крайне раннемъ возрастѣ многихъ наблюдавшихся татуированныхъ преступниковъ. Авторъ въ Generale (тюрьмѣ для малолѣтнихъ преступниковъ) видѣлъ татуированныхъ мальчиковъ отъ 7 — 9 лѣтъ; 89 взрослыхъ преступниковъ, по свѣдѣніямъ автора, татуировали себя въ возрастѣ отъ 9—16 лѣтъ. Наконецъ Lacassagne находилъ татуировку у преступниковъ въ возрастѣ отъ 5—10 лѣтъ [98]).

Главными причинами татуировки авторъ признаетъ: а) Религіозное чувство; b) Инстинктъ подражанія. По показанію Lacassagne, въ одной тюрьмѣ десять преступниковъ, увидавъ у товарища надпись: Pas de chance, сдѣлали себѣ подобную. с) Праздность и тщеславіе. Такъ авторъ слышалъ отъ одного преступника, что татуировка служитъ времяпрепровожде-

---

[97]) Стр. 306—313.

[98]) Стр. 313.

ніемъ. d) Далѣе, какъ подозрѣваетъ авторъ, татуировка въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняется духомъ секты. Но главнѣйшая причина явленія татуировки атавизмъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, а равно и историческій атавизмъ, преданіе, такъ какъ татуировка есть одинъ изъ спеціальныхъ признаковъ первобытнаго человѣка — лѣснаго дикаря.

Авторъ находитъ какъ нельзя болѣе естественнымъ, что обычай, столь распространенный у доисторическихъ народовъ и дикарей, вновь усиливается среди человѣческихъ классовъ, которые повторяютъ обычаи, предразсудки, наконецъ пѣсни первоначальныхъ народовъ и раздѣляютъ съ ними одинаково необузданныя страсти, одинаковый обычай обнаженія тѣла (у проститутокъ),—все условія, служившія главнымъ побужденіемъ для этого страннаго обычая. Сопоставляя преступниковъ съ душевно-больными по части татуировки, Ломброзо признаетъ, что этотъ признакъ встрѣчается у послѣднихъ весьма рѣдко: среди 800 душевно-больныхъ авторъ нашелъ только 4 татуированныхъ. Въ этомъ авторъ видитъ новое доказательство вліяніе атавизма на обычай татуировки, такъ какъ душевная болѣзнь (pazzia) никогда не бываетъ прирожденною,— и поэтому весьма рѣдко связывается съ атавизмомъ [99]).

Изслѣдованіе Ломброзо факта татуировки у преступниковъ вызывало и вызываетъ многочисленныя возраженія. Автора, по моему мнѣнію, можно упрекнуть за безусловное и мистическое значеніе, придаваемое татуировкѣ, и за слишкомъ поспѣшное объясненіе этого явленія атавизмомъ. Допустивъ возможность выводовъ Ломброзо о преобладаніи татуировки у преступниковъ, о томъ, что они превосходятъ въ этомъ отношеніи другіе классы, что они подвергаютъ татуировкѣ даже такіе органы, на которыхъ эта операція является крайне болѣзненною,—что изъ этого слѣдуетъ? Едва ли слѣдуетъ, что въ татуировкѣ есть какая нибудь специфическая, психологическая связь съ преступностью. Разъ значительное количество татуированныхъ встрѣчается у моряковъ и солдатъ, — естественно, что занесенный указанными элементами обычай развивается въ тюрьмахъ, благодаря инстинкту подражанія, благодаря бездѣлью, гнетущей скукѣ. Самъ же Ломброзо объясняетъ подобными причинами явленія татуировки, прибавляя только къ нимъ атавизмъ. Совершенно спра-

---

[99]) Стр. 315—326.

ведливо замѣчаетъ Gabelli, что татуировка могла бы быть признана характеристическимъ признакомъ преступности,—еслибъ при осмотрѣ всякаго обвиняемаго въ первый день его задержанія оказалось бы больше татуированныхъ между преступниками, чѣмъ между прочими лицами. Это былъ бы, конечно, рѣшительный экспериментъ. Сочетавая татуировку съ преступностью и объясняя ее атавизмомъ, авторъ старается подкрѣпить свой выводъ отсутствіемъ этого явленія у душевно-больныхъ. Но дѣло въ томъ, что этотъ доводъ въ настоящее время чрезвычайно сильно поколебленъ изслѣдованіемъ доктора Alberto Severi. Severi, осмотрѣвъ лѣчебницы для душевно-больныхъ въ Сіенѣ, Луккѣ и Флоренціи, среди душевно-больныхъ мужскаго пола, всего 1137 душъ, нашелъ 46 татуиро-ванныхъ лицъ [100]). Результаты этого добросовѣстнаго и безпристрастнаго изслѣдованія состоятъ въ слѣдующемъ: около половины этихъ лицъ безграмотны; изъ нихъ 28 находились ранѣе въ тюрьмѣ (60%), но лишь 18 подверглись татуировкѣ въ тюрьмѣ. Изъ числа лицъ, у которыхъ татуировка сдѣлана въ manicomio, находится нѣкто R. S., эпилептикъ, хорошаго нравственнаго характера, весь расписанный самыми разнообразными надписями, рисунками и эмблемами. Вся татуировка исполнена отчасти самимъ R. S., отчасти другими душевно-больными. Значитъ изъ 47 татуированныхъ душевно-больныхъ 29 совершенно чужды вліянію тюрьмы и преступности. Татуировка, по мнѣнію Севера, помимо выраженія индивидуальнаго характера, можетъ носить характеръ, свойственный извѣстной мѣстности: такъ у Луккезцевъ и Ливорнцевъ въ татуировкѣ преобладаетъ религіозный характеръ, — фактъ, объясняемый авторомъ тѣмъ, что татуировка производится въ время мѣстныхъ праздниковъ особыми спеціалистами по этой части, что доказывается тождественностью символовъ. Съ вопросомъ о татуировкѣ значитъ происходитъ то, что и со многими антропологическими отличіями преступниковъ, а именно: мѣстныя и соціальныя условія объясняютъ татуировку по крайней мѣрѣ въ той же степени, какъ и психологическія особенности преступника. Тѣсная связь, предполагаемая Ломброзо между преступностью и обычаемъ татуировки, сильно подвергается сомнѣнію въ виду данныхъ, сообщаемыхъ Тауфферомъ о татуированныхъ преступникахъ

---

100) Archivio di Psichiatria Vol. VI Fasc. I и II. Il tatuaggio nei pazzi. Стр. 43—62.

въ Лепоглавской каторжной тюрьмѣ въ Кроаціи. Таковыхъ найдено 31 декабря 1882 г., среди 743 лицъ, 94 лица (12%). Изъ нихъ подверглись татуировкѣ на военной службѣ 31,—въ судебной тюрьмѣ 37,—находясь на свободѣ 26. Ни одинъ не татуировался въ Лепоглавской тюрьмѣ. Ясно, что число случаевъ татуировки въ тюрьмѣ превышаетъ въ незначительной степени число случаевъ татуировки на военной службѣ.

Что касается до атавизма, какъ явленія, объясняющаго татуировку, то съ этимъ объясненіемъ особенно трудно согласиться. Почему атавизмъ вліяетъ особенно сильно на французскихъ и итальянскихъ преступниковъ, не обнаруживаясь въ преступникахъ другихъ странъ? Къ тому же атавизмъ не объясняетъ религіозной татуировки.

Tarde справедливо указываетъ на существенныя отличія татуировки дикарей: она бываетъ у нихъ печатью принадлежности къ племени, средствомъ устрашенія врага, она является съ артистическимъ характеромъ арабесокъ; напротивъ татуировка преступниковъ невыразительна, она носитъ характеръ подражанія [101]).

Сомнѣнія относительно атавистическаго значенія татуировки у преступниковъ находятъ полное подтвержденіе въ трудѣ Kocher «De la criminalité chez les Arabes».—По свидѣтельству этого автора оказывается, что когда татуировка у арабовъ изображаетъ опредѣленныя фигуры: оружіе, цвѣты, солдата, женщину,—все рисунки, часто находимые у преступниковъ, то можно поручиться, что туземецъ приходилъ въ соприкосновеніе съ Европейской культурой, былъ во французской тюрьмѣ, или французскомъ полку. У туземцевъ, живущихъ вдали отъ европейцевъ, подобной татуировки не бываетъ, они сочли бы безчестіемъ носить на тѣлѣ изображеніе женщины. Авторъ упоминаетъ о туземцѣ Магометѣ, у котораго было изображеніе орла на груди, далѣе изображеніе женщины въ лежачемъ положеніи; этотъ арабъ украсилъ себя такимъ образомъ въ бытность во французской арміи въ Мексикѣ [102]).—Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что татуировка европейскихъ преступниковъ—явленіе совершенно отличное отъ татуировки дикарей.

Глава вторая части 3-ей представляетъ изслѣдованіе общей чувствительности, чувствительности къ боли, динамометріи, реакціи сосудистой

---

101) Le type criminel (Revue Philosophique Juin, 1885, стр. 615).

102) См. отчетъ о книгѣ Kocher въ Archivio di Psich. T. V, стр. 353.

системы, появленія краски въ лицѣ, продолжительности жизни у преступниковъ [103]).

Авторъ подвергъ изслѣдованію 66 преступниковъ (56 прирожденныхъ или обычныхъ, 4 по случайному поводу, 3 алкоголиста, 1 проститутку-воровку, 2 воровъ-психопатовъ) по части общей чувствительности, а также чувствительности отдѣльныхъ частей тѣла, сравнительно съ людьми непреступными. Изслѣдованіе общей чувствительности снарядомъ Dubois Reymond дало среднюю въ 64,2 мил. для 15 людей непреступныхъ, 49,6 мил. для преступниковъ. Общая чувствительность представляется притупленной у убійцъ, всего менѣе у мошенниковъ; воры занимаютъ среднее мѣсто. Изслѣдованіе чувствительности къ боли на наружной части руки дало среднюю у 21 непреступнаго человѣка въ 49,1 мил., у преступниковъ среднюю въ 34,1 мил. У четырехъ преступниковъ оказалась полная анальгезія; преступники по случайному поводу и алкоголисты не представляли значительнаго притупленія чувствительности, — которое напротивъ было у всѣхъ delinquenti nati, за исключеніемъ одного. При изслѣдованіи осязательной чувствительности у 37 преступниковъ найдена большая тупость у 10 и большая изощренность только у 2-хъ. Значительное различіе осязательной чувствительности найдено авторомъ у 14 изъ 37 преступниковъ въ правой и лѣвой части тѣла, притомъ притупленіе чувствительности оказывалось у изслѣдованныхъ авторомъ преступниковъ значительнѣе съ правой стороны, чѣмъ съ лѣвой, въ отличіе отъ лицъ непреступныхъ. На основаніи изслѣдованій Bono и Holmgren авторъ находитъ у преступниковъ сравнительно съ непреступными лицами,—болѣе частое явленіе дальтонизма и большую остроту зрѣнія. Наоборотъ большая чувствительность найдена авторомъ у преступниковъ сравнительно съ непреступными лицами къ магниту [104]).

При изслѣдованіи тѣлесной силы—241 преступника дали 30 относительно силы кулака и 110 относительно силы тракціи т. е. величины, значительно меньшія, сравнительно съ результатами измѣренія силы у непреступныхъ людей, но превосходящія результаты измѣренія силы у душевно-больныхъ. Самъ авторъ не придаетъ особаго значенія измѣренію тѣлесной силы въ виду возможности истощенія преступниковъ тюремнымъ заключеніемъ, а равно притворства у нѣ-

---

103) Capit. II. Sulla; sensibilitá generale, dolorifica, specifica, ecc: dinanometria: attivita raflessa: reazione vasale: arrossimento: longevita nei delinquenti.

104) Стр. 327—338.

которыхъ изъ нихъ. За то авторъ придаетъ большое значеніе установленному изслѣдованіемъ Marro факту о болѣе частомъ преобладаніи у преступниковъ тѣлесной силы въ лѣвой части тѣла, сравнительно съ непреступными людьми [105]).

Преобладаніе моторныхъ процессовъ съ лѣвой стороны тѣла вмѣсто правой (mancinismo) найдено докторомъ Marro довольно часто у изслѣдованныхъ имъ преступниковъ, а именно 13,9% у мужчинъ, 22,7% у женщинъ — преимущественно среди delinquenti nati, а также при преступленіяхъ, требующихъ особой ловкости. Среди 711 рабочихъ Ломброзо найдено только 4%, среди 238 работницъ—5,8% лѣвшъ [106]).

Ссылаясь на изслѣдованія Виргиліо, Ломброзо признаетъ у преступниковъ наравнѣ съ аномаліями чувствительности различныя многочисленныя аномаліи движенія въ связи съ частымъ появленіемъ у нихъ эпилепсіи, атаксіи и хореи. Значеніе весьма достовѣрнаго критерія аномалій спиннаго мозга придается авторомъ сухожильнымъ рефлексамъ колѣна у 284 преступниковъ. Изслѣдованіе этихъ лицъ обнаружило рефлексы нормальные у 133, слабыс у 67, и преувеличенные у 48.

Къ указаннымъ аномаліямъ у преступниковъ присоединяется признакъ, сочетаемый въ общественномъ мнѣніи съ безчестной жизнью, а именно: они рѣдко краснѣютъ. Изъ 59 осужденныхъ лицъ, изслѣдованныхъ авторомъ, лишь 36 краснѣли (61%), 3 блѣднѣли, 20 не мѣнялись въ лицѣ [107]).

Резюмируя частныя наблюденія, Ломброзо признаетъ, что всѣ виды чувствительности представляются притупленными у преступниковъ, не исключая преступниковъ по случайному поводу (d'occasione) сравнительно съ нормальнымъ человѣкомъ. Недостаточность физической чувствительности и большая острота зрѣнія сближаютъ преступниковъ съ дикарями. Впрочемъ, послѣдній признакъ Ломброзо

---

[103]) Стр. 339—341. По таблицамъ Ломброзо оказывается, что по измѣренію силы тракціи высшая тѣлесная сила принадлежитъ убійцамъ, грабителямъ, виновникамъ подлога: наименьшая—поджигателямъ, разбойникамъ и преступникамъ противъ нравственности. При измѣреніи силы кулака первое мѣсто занимаетъ послѣдняя группа, за которой слѣдуютъ убійцы и грабители и наконецъ воры. По наблюденіямъ Виргиліо у воровъ оказывается большая тѣлесная сила, чѣмъ у убійцъ.

[106]) Стр. 342. По изслѣдованію доктора Andronico (Archivio di Psich. Vol.V. Fasc. IV, стр. 480) въ женской тюрьмѣ въ Мессинѣ манчинизмъ оказался 12 разъ среди 279 преступницъ, т. е. въ пропорціи, мало отличной отъ пропорціи, указываемой Ломброзо для лицъ непреступныхъ.

[107]) Стр. 343—347. По отдѣльнымъ категоріямъ преступниковъ указанный признакъ

болѣе склоненъ объяснить необходимостью изощренія зрѣнія, чѣмъ атавизмомъ. Уменьшенная чувствительность и меньшая реакція сосудовъ, обнаруживаемая сфигмографомъ, вліяютъ на большій вѣсъ тѣла и на долголѣтіе преступниковъ; оба эти признака парализуютъ встрѣчающіяся у преступниковъ разнообразныя патологическія явленія [108]).

Весьма большое значеніе придается Ломброзо манчинизму: опираясь на изслѣдованія Luys, Broca, Exner'a, Gratiolet, Bastian, русскихъ ученыхъ Данилло и Путилова, и признавая, что манчинизмъ зависитъ отъ преобладанія праваго полушарія надъ лѣвымъ, что преобладаніе лѣваго полушарія наблюдается у нормальныхъ людей, Ломброзо заявляетъ, что всѣ эти изслѣдованія достаточно выяснили значеніе лѣваго полушарія мозга для психическихъ функцій нормальнаго человѣка. Достойно вниманія, по мнѣнію автора, что изъ 12 изслѣдованныхъ имъ лѣвшъ 4 были косоглазы, хотя только у двоихъ обнаруживалось косоглазіе съ лѣвой стороны. Въ этомъ случаѣ авторъ усматриваетъ преобладаніе праваго полушарія надъ лѣвымъ. Значеніе манчинизма Ломброзо формулируетъ слѣдующимъ образомъ: непреступный человѣкъ мыслитъ лѣвымъ,—преступникъ правымъ полушаріемъ мозга.

На основаніи изслѣдованій Amadei и собственныхъ изслѣдованій Ломброзо находитъ, что душевно-больные значительно уступаютъ преступникамъ по части преобладанія праваго полушарія надъ лѣвымъ. По изслѣдованіямъ Amadei, Tonnini и Bergesio, преступники краснѣютъ вдвое рѣже сравнительно съ душевно-больными, приближаясь въ этомъ отношеніи единственно къ вырожденнымъ идіотамъ и нынѣшнимъ дикарямъ [109]).

Разсмотрѣннымъ отдѣломъ «L'uomo delinquente», дополняющимъ анатомическое и антропометрическое изслѣдованіе преступника, выясняется вопросъ объ особенностяхъ физической чувствительности

распредѣляется слѣдующимъ образомъ: изъ двухъ убійцъ по страсти одинъ сильно краснѣлъ, другой очень мало. Одинъ бродяга (ozioso) и одинъ виновникъ изнасилованія не краснѣли. Не краснѣли: 9 человѣкъ изъ 36 воровъ, 2 человѣка изъ числа 6 мошенниковъ, 7 человѣкъ изъ 13 виновниковъ тѣлесныхъ поврежденій. Далѣе не краснѣли 20 человѣкъ изъ числа 38 изслѣдованныхъ несовершеннолѣтнихъ изъ Riformatori. Вообще не краснѣютъ 44% изъ 98 молодыхъ мужчинъ. Изъ изслѣдованныхъ авторомъ 32 женщинъ не краснѣвшія составляютъ 81% (убійцы даютъ 79%, отравительницы 80%, дѣтоубійцы 82%, воровки 90%).

108) 358—362.

109) Стр. 362—365.

преступника. Весьма важными являются вопросы, затронутые Ломброзо; о долголѣтіи преступника и о значеніи манчинизма. Первый вопросъ представляетъ большія трудности. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ изъ предшествующихъ отдѣловъ Ломброзо описываетъ преступнаго человѣка, какъ одержимаго разнообразными болѣзнями и тѣлесными недугами. Правда, авторъ думаетъ, что эти благопріятствующія смертности условія перевѣшиваются меньшею физическою и нравственною чувствительностью. Но затѣмъ самъ авторъ указываетъ ниже, въ отдѣлѣ о рецидивѣ, на неблагопріятную обстановку жизни, содѣйствующую смертности преступниковъ. Большая трудность поставленнаго Ломброзо вопроса о долголѣтіи преступника зависитъ въ значительной степени отъ того, что почти невозможно для изслѣдованія этого вопроса изолировать преступника отъ отбываемаго имъ наказанія,—невозможно поэтому и отдѣлять фактора индивидуальнаго отъ фактора соціальнаго относительно продолжительности жизни преступника. Преступникъ, по природѣ своей наиболѣе жизнеспособный, можетъ пострадать отъ отбытія наказанія, — и наоборотъ другой преступникъ, который вслѣдствіе обстановки преступной жизни былъ бы недолговѣченъ, — можетъ оправиться при перемѣнѣ условій, на что указываетъ между прочимъ и увеличеніе вѣса у многихъ преступниковъ въ тюрьмѣ.

Статистическія данныя оставляютъ затронутый вопросъ открытымъ именно въ силу разнообразія условій, съ которыми приходится считаться. Слѣдуетъ единственно замѣтить, что, признавая долголѣтіе преступника, которое въ концѣ концовъ должно быть сведено къ тѣлесному здоровью, нельзя говорить о дегенераціи въ смыслѣ тѣлеснаго вырожденія. Въ разсматриваемомъ изданіи L'uomo delinquente Ломброзо въ послѣдней главѣ опровергаетъ излюбленное понятіе о дегенераціи, но уже въ этюдѣ о Misdea онъ является приверженцемъ этого понятія, которое вноситъ столько неясностей и столько произвольныхъ толкованій въ изслѣдованія о преступности [110]).

---

110) Въ пользу долголѣтія преступниковъ Ломброзо цитуетъ показанія Casanova и Settembrini, видѣвшихъ въ дурно устроенныхъ тюрьмахъ: Венеціанскихъ pozzi и тюрьмѣ St. Stephano людей, пробывшихъ въ нихъ десятки лѣтъ и состарившихся въ заключеніи. Если обратиться къ современной тюремной статистикѣ смертности, по вопросу о долголѣтіи преступниковъ, то получаются слѣдующія данныя: по показанію Бреславскаго тюремнаго директора Shück'a большинство присужденныхъ къ пожизненному заключенію умираютъ въ цвѣтѣ лѣтъ, $^4/_5$ не переживаетъ 6-го года заключенія. Dr.

Другой вопросъ, которому авторомъ придается большое значеніе— это вопросъ о частомъ нахожденіи лѣвшъ среди преступниковъ. Не думая входить въ обсужденіе труднаго и все еще темнаго вопроса о различіяхъ лѣваго и праваго полушарія большаго мозга, о послѣдствіяхъ этого различія, — вопроса, требующаго спеціальныхъ свѣдѣній и разысканій, — я только укажу на выводъ Ломброзо, что тогда какъ честный человѣкъ мыслитъ лѣвымъ полушаріемъ, преступникъ мыслитъ правымъ. Это одно изъ тѣхъ нерѣдкихъ смѣлыхъ и неосторожныхъ обобщеній, которыя невыгодно отличаютъ Ломброзо.

Въ рѣшительномъ положеніи Ломброзо звучитъ крайнее преуве-

Chattinat исчисляетъ смертность въ тюрьмахъ въ 50% противъ 10% въ свободномъ населеніи (цитата взята у Öttingen, Moralstatistik 1883, стр. 724). Beltrani Scalia (Riforma Penitenziaria in Italia 1879),даетъ слѣдующія цифры относительно отбытія наказанія литенія свободы въ Case и Ragni penali: изъ осужденныхъ къ 5 лѣтнему заключенію умираетъ 29%, изъ осужденныхъ къ 10 лѣтнему 42%, изъ осужденныхъ къ 15 лѣтнему, наконецъ, 80% (стр. 241). Если принимать возрастъ наиболѣе причастный преступности между 20 и 30 годами, то окажется въ связи съ указанными цифрами, что о долголѣтіи преступниковъ при отбытіи наказанія говорить трудно. Нѣтъ сомнѣнія, что указанныя данныя могутъ быть объяснены столько же неблагопріятнымъ вліяніемъ тюремнаго заключенія, сколько и меньшимъ долголѣтіемъ преступниковъ. Большее значеніе, можетъ быть, имѣютъ наблюденія нѣмецкаго тюрьмовѣда Sichart'a (въ статистикѣ смертности Вюртембергскаго цухтгауса Ludwigsburg за 1879—1880 г.), что категоріи осужденныхъ долгосрочныхъ даютъ меньшее количество смертныхъ случаевъ, чѣмъ категоріи краткосрочныхъ,—и что значительное большинство смертныхъ случаевъ въ различныхъ по сроку заключенія классахъ гораздо болѣе приближается къ началу отбытія наказанія, чѣмъ къ концу. При этомъ общая смертность исчисляется Sichart'омъ въ 49 pro mille за время 1872 по 1880, въ 41 за время 1880 — 1883 г., (статистика смертности цухтгауса Ludwigsburg въ вышеуказанномъ изданіи). Данныя Sichart'a, не согласуясь съ показаніемъ Beltrani Scalia о смертоносномъ вліяніи наказанія лишенія свободы, особенно долгосрочнаго, говорятъ, по видимому, противъ мнѣнія Ломброзо, такъ какъ наибольшая смертность связывается съ началомъ отбытія наказанія, т. е. съ зародышами смертности, приносимыми преступникомъ съ воли. Съ другой стороны, по показанію доктора Marro (I carcerati. 1885 г. глава VI-ая стр. 79), смертность въ среднемъ ежедневномъ населеніи тюрьмы въ теченіи 3-хъ лѣтъ достигаетъ 14% pro mille, не отличаясь значительно отъ смертности въ войскахъ (11%). Несомнѣнно, множество разнообразныхъ условій, какъ-то различія національностей, климатическихъ условій, пенитенціарныхъ порядковъ вліяютъ на долголѣтіе преступника. Сюда относится и различіе видовъ преступленій, не совпадающее съ различіемъ категорій преступниковъ, принимаемыхъ новой Итальянской школой. См. сочиненіе Ferrus Les Prisonniers 1880 г.: авторъ принимаетъ, что тюрьма всегда вредно вліяетъ на здоровье преступниковъ, но полагаетъ однако, согласно съ докторомъ Jauret, что бродяги и нищіе выигрываютъ отъ режима тюрьмы (стр. 75 и 76).

личеніе теоріи локализаціи функцій мозга. Если теорія такъ называемыхъ центровъ чувствъ (Sinnessphären) до сихъ поръ подвергается существеннымъ ограниченіямъ со стороны такихъ значительныхъ ученыхъ, какъ Brown-Sequard и Goltz,—то локализація мышленія въ разныхъ полушаріяхъ у преступника и честнаго человѣка во всякомъ случаѣ лишенная научнаго значенія гипотеза. Такъ, извѣстный профессоръ Лейпцигскаго университета Paul Flechsig, указавъ на вѣроятность того факта, что каждому чувству (Sinn) отведена извѣстная часть корковаго вещества большаго мозга, въ которой ощущенія вступаютъ въ міръ понятій,—заявляетъ, что въ Sinnessphären нельзя видѣть чего-нибудь болѣе, чѣмъ общую основу для неизбѣжнаго при клиническихъ изслѣдованіяхъ предположенія. «Мы еще совершенно лишены болѣе глубокаго проникновенія въ психологическое значеніе «Sinnesphären», такъ что совокупный процессъ сознанія нельзя переносить въ данную сферу чувствъ,—лишь содержаніе ощущенія, совершенно отдѣленное отъ всякаго соотношенія съ совокупнымъ сознаніемъ, мы нѣкоторымъ образомъ въ правѣ локализировать» [111]). Точно такъ же и по Мейнерту—ассоціирующій и умозаключающій механизмъ имѣется во всѣхъ мѣстахъ полушарій большаго мозга [112]).

3-я глава части III й содержитъ изслѣдованіе вопроса о нравственныхъ чувствованіяхъ преступниковъ (Sensibilita affettiva). Авторъ въ этой главѣ исходитъ отъ всеобщаго, по его мнѣнію, явленія нравственной нечувствительности преступника; тѣ чувства, кои всего сильнѣе бьются въ груди человѣка, представляются у нихъ совершенно нѣмыми, въ особенности въ моментъ возмужалости. Вся настоящая глава состоитъ изъ амальгамы характеристикъ различныхъ

---

111) Die körperlichen Grundlagen der Geistesstörungen. Vortrag beim Antritt des Lehramtes an der Universität Leipzig, 4 März 1882 стр. 29.

112) Психіатрія русскій переводъ Ліона стр. 167. Къ положенію Ломброзо о томъ, что способность мышленія локализируется въ правомъ и лѣвомъ полушаріи соотвѣтственно различію честнаго человѣка или преступника примѣняются прекрасныя слова Гольца, которыя вообще характеризуютъ новую Итальянскую школу уголовнаго права: «преждевременно предъявляемыя, недостаточно обоснованныя попытки объясненія приносятъ тотъ вредъ, что они вызываютъ обманчивый видъ закругленности и исчерпанія знанія. Лишенная способности критики масса, любящая догматическія положенія, клянется ими, въ особенности, если они проповѣдуются слывущими за авторитетовъ людьми. Кто любитъ искренно изслѣдованіе истины, знаетъ, съ какимъ трудомъ у природы вырывается разоблаченіе ея тайнъ, тотъ съ недовольствомъ встрѣчаетъ ученіе, которое слишкомъ гладко и соблазнительно все объясняетъ, не оставляя загадокъ (Über moderne Phrenologie, Deutsche Rundschau 1885. № 2-ой стр. 270).

извѣстныхъ преступниковъ по части нравственной нечувствительности, составленной на основаніи показаній самыхъ преступниковъ, также фактовъ, обнаруженныхъ при процессуальномъ изслѣдованіи, а равно при содержаніи преступниковъ въ заключеніи. Авторъ сообщаетъ весьма много случаевъ равнодушія преступниковъ въ виду смертной казни, передъ самымъ исполненіемъ приговора, заимствованныхъ имъ отъ Пантона, nostro emerito carnefice, (нашего достопочтеннаго палача), а равно изъ Итальянской и Французской судебной практики. Указавъ далѣе на частые случаи совершенія смертной казни надъ лицами, присутствовавшими при ея исполненіи, Ломброзо справедливо, хотя и въ противурѣчіе со многими приверженцами собственной школы и съ собственными заявленіями въ другихъ сочиненіяхъ, замѣчаетъ, что эти данныя служатъ доводомъ въ пользу отмѣны смертной казни, отвращающей отъ преступленія весьма немногихъ и создающей инстинктъ подражанія въ темномъ людѣ [113]).

Въ главѣ IV авторъ разсматриваетъ самоубійство у преступниковъ. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ не приходитъ къ какимъ либо опредѣленнымъ выводамъ. Начавъ съ указанія на преобладаніе самоубійства у преступниковъ вслѣдствіе свойственной имъ нечувствительности, Ломброзо констатируетъ въ Италіи явленіе антагонизма между числомъ совершающихся въ извѣстной мѣстности убійствъ и самоубійствъ, замѣченное Деспиномъ во Франціи, далѣе обратное отношеніе между странами жаркими и съ незначительной культурой и странами прохладными съ развитою культурою: въ первыхъ преобладаютъ убійства, во вторыхъ—самоубійства [114]). Вообще самоубійство, по мнѣнію Ломброзо, болѣе свойственно преступникамъ по страсти, чѣмъ настоящимъ преступникамъ, еще болѣе преступникамъ душевно-больнымъ [115]).

Вопросъ объ обратномъ отношеніи между преступностью вообще и убійствомъ въ частности съ одной стороны, и самоубійствомъ—съ другой, затронутый Ломброзо, основательно изслѣдованъ въ трудѣ Morselli «Del Suicidio». Этотъ ученый признаетъ значительныя колебанія

---

113) Стр. 366—373. Въ вышеуказанной работѣ о Миздеа Ломброзо, оправдывая казнь эпилептика Миздеа, говоритъ, что натуралистическая школа, поставляющая на мѣсто юридической соціальную отвѣтственность, не можетъ отвергать смертной казни (?!) (Стр. 112). Такова устойчивость воззрѣній этого ученаго по части институтовъ уголовнаго права.—3-ье изд. L'Uomo delinquente и этюдъ о Misdea вышли въ одномъ и томъ же 1884 году.

114) Suicidi dei delinquenti. Стр. 374—381.

115) Стр. 385—386.

при сравнительномъ изслѣдованіи этого вопроса въ разныхъ государствахъ. За то антагонизмъ между убійствомъ и самоубійствомъ, по мнѣнію Морзелли, представляется очевиднымъ при сравненіи сѣверныхъ и южныхъ провинцій Италіи, изъ коихъ въ послѣднихъ, въ противуположность первымъ, ясно обнаруживается уменьшеніе самоубійства и увеличеніе убійства. На конгрессѣ уголовной антропологіи въ ноябрѣ 1885 года, въ Римѣ, Морзелли утверждалъ, что между этими двумя явленіями бываетъ параллелизмъ, но чаще антагонизмъ [116]). Вслѣдъ за Морзелли за указанный законъ антагонизма весьма настойчиво высказался Ферри. На основаніи составленной имъ таблицы и картографическаго изображенія хода убійствъ и самоубійствъ въ разныхъ странахъ Европы (Италіи, Франціи, Англіи, Бельгіи и Ирландіи) за продолжительные періоды времени, Ферри демонстрируетъ, преимущественно по даннымъ Французской и Англійской статистики, обратное отношеніе между явленіями убійства и самоубійства [117]). Противъ выводовъ Ферри въ послѣднее время высказался Тардъ [118]). Означенный ученый справедливо замѣтилъ, что на картограммѣ Ферри, вмѣсто противуположности въ изображеніи кривыхъ, изображающихъ ходъ убійства и самоубійства, въ нѣкоторыхъ государствахъ за нѣкоторые года является параллелизмъ. Далѣе, возражая противъ закона обратнаго отношенія, Тардъ указываетъ на извѣстныя причины (температура, времена года, возрастъ), одинаково вліяющія на убійство и на самоубійство и, наконецъ, заявляетъ, что законъ обратнаго отношенія былъ бы единственно возможенъ, если бъ то и другое явленіе могло удовлетворить одной и той же потребности, чего допустить никакъ нельзя. Можно согласиться съ Тардъ относительно трудности перенесенія подмѣченнаго между убійствомъ и самоубійствомъ отношенія чуть не на всѣ европейскія государства. Но онъ едва ли правъ, ссылаясь въ своихъ возраженіяхъ на одинаковые естественные факторы, вліяющіе и на убійство и на самоубійство: въ самомъ дѣлѣ, какъ это признаетъ и самъ Тардъ, соціальные факторы имѣютъ бо́льшее значеніе, въ общемъ и цѣломъ, сравнительно съ естественными, значитъ увеличеніе убійства и уменьшеніе самоубійства или

---

116) Del Suicidio 1879 года, стр. 241 — 243. См. отчетъ о Римскомъ конгрессѣ въ Archives d'anthropologie criminelle et sciences penales 1886 г. № 2 стр. 183—184.

117) Ferri, Omicidio suicidio, изд. 2-ое 1884 г. стр. 118—119.

118) Revue Philosophique 1886 г. № 1. Problèmes de criminalité II. Homicide et suicide, стр. 15—25.

обратное явленіе возможны въ силу спеціальныхъ соціальныхъ факторовъ, благопріятствующихъ одному, препятствующихъ другому явленію, при наличности одинаковыхъ для того и другаго явленія факторовъ естественныхъ. Невѣрно, наконецъ, и возраженіе указаннаго ученаго противъ закона обратнаго отношенія, основанное на невозможности удовлетворенія одной и той же потребности убійствомъ и самоубійствомъ; оно грѣшитъ тѣмъ, что на мѣсто многочисленныхъ и часто неуловимыхъ предрасполагающихъ условій оно выставляетъ понятіе о какой-то опредѣленной неизмѣнной потребности. Что касается до отдѣльныхъ побужденій, то можно указать на одни и тѣ же побужденія для убійства и самоубійства: такъ одинъ прибѣгаетъ къ убійству, чтобъ выйти изъ крайности и стѣсненнаго экономическаго положенія, другой прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ самоубійству, одинъ убиваетъ обидчика въ силу оскорбленнаго чувства чести, другой, считая себя безвозвратно опозореннымъ, убиваетъ себя. По части обратнаго отношенія между убійствомъ и самоубійствомъ любопытно сравненіе Кавказа съ остальными мѣстностями нашего отечества: при усиленномъ развитіи преступленій противъ жизни, Кавказъ даетъ слабую цифру самоубійствъ [119]).

Въ главѣ V излагается изслѣдованіе аффектовъ и страстей преступниковъ [120]). Авторъ начинаетъ съ того, что преступниковъ нельзя считать за людей, лишенныхъ вполнѣ чувства привязанности. Но у большинства таковыхъ даже благородные аффекты либо принимаютъ болѣзненный характеръ, либо отличаются неустойчивостью. За то въ преступникахъ преобладаютъ съ необыкновенной устойчивостью другія страсти и на первомъ мѣстѣ гордость и тщеславіе. Вслѣдствіе этой, присущей имъ страсти тщеславія, преступники съ непонятнымъ легкомысліемъ, легко проговариваются о совершенныхъ ими преступленіяхъ и отдаютъ себя сами въ руки правосудія [121]).

Естественнымъ послѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго тщеславія и пре-

---

[119]) См. сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ медицинскаго департамента. Т. III. 1880 года, изслѣдованіе Пономарева. Самоубійство въ Западной Европѣ и Россіи, стр. 41 и 43; г. Пономаревъ принимаетъ на Кавказѣ вдвое меньшее развитіе самоубійства, чѣмъ въ Европейской Россіи (15% на милліонъ жителей, противъ 31%). Объ обратномъ отношеніи между убійствомъ и самоубійствомъ въ разныхъ климатическихъ полосахъ Россіи, см. книгу г. Лихачева: Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Гл. IV, стр. 84-ая.

[120]) Сар. V Affetti e passioni dei delinquenti.

[121]) Стр. 387—396. Изъ многочисленныхъ примѣровъ тщеславія, сообщаемыхъ Ломброзо, слѣдуетъ остановиться на слѣдующемъ: трое лицъ, заподозрѣнныхъ въ убійствѣ,

увеличеннаго самомнѣнія является у преступниковъ мстительность изъ-за ничтожнѣйшаго повода,—черта, найденная Паранъ-Дюшатле также и у проститутокъ. Необузданность страстей вообще, и въ частности мести, объясняетъ далѣе у преступниковъ черту жестокости. По мнѣнію Ломброзо, въ наши дни и преступникъ рѣдко проявляетъ свирѣпость нрава, при отсутствіи повода, или побужденій корысти; но разъ у преступника проснулась страсть мщенія, неудовлетвореннаго тщеславія, любостяжанія, грубые инстинкты первобытнаго человѣка всплываютъ вверхъ, ничѣмъ не сдерживаемые. Разъ войдя во вкусъ крови, человѣкъ создаетъ себѣ потребность, которую онъ не въ силахъ побороть; къ кровожадной страсти иногда странно примѣшивается эротическая страсть, воспринимающая отъ кровопролитія странное возбужденіе, что наблюдается особенно у людей, подвергавшихся принужденной воздержности (каковы монахи Mingrat, Leotard, отецъ Ceresa, Legier). Немногія женщины преступницы по части жестокости далеко оставляютъ мужчинъ. «Нельзя описать истязаній, говоритъ Ломброзо, придуманныхъ разбойницами (brigantesse) Базиликаты, Палермо и Парижа».

Къ этимъ тремъ главнымъ страстямъ преступниковъ слѣдуетъ присоединить также страсть къ вину и игрѣ. Страстью къ вину должно объяснить часто находимые у преступниковъ парезы и ранніе атероматозы.

сняли съ себя, въ Равеннѣ, фотографію, изображающую ихъ въ моментъ убійства. Дѣло объ этихъ лицахъ было прекращено за умолчаніемъ свидѣтелей объ извѣстныхъ имъ обстоятельствахъ дѣла, тѣмъ не менѣе эта фотографія, по мнѣнію Ломброзо, составляетъ сильнѣйшую улику для антрополога, въ виду тенденціи преступниковъ увѣковѣчивать память преступленія на словахъ или на бумагѣ. Авторъ приложилъ снимокъ съ этой фотографіи, найденной у одного изъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ убійствѣ, къ 3-му изданію L'uomo delinquente (таб. XV къ стр. 396). Фотографическій снимокъ изображаетъ борьбу трехъ людей, изъ коихъ одинъ повергнутъ на землю, другой заноситъ надъ первымъ ножъ, третій хватаетъ втораго за шею. Ломброзо, къ сожалѣнію, не сообщаетъ фактическихъ подробностей этого дѣла, почему читатель и не можетъ судить, точно ли указанная фотографія—драгоцѣнная антропологическая улика, или дикая выдумка, не говорящая въ пользу заподозрѣнныхъ лицъ, хотя и не соотвѣтствующая дѣйствительно случившемуся. «Антропологическая улика» послужила Gabelli въ его талантливой, много разъ цитованной работѣ для слѣдующаго замѣчанія: предполагаемые Равеннскіе убійцы являются на фотографіи съ такими правильными и пріятными чертами лица, какъ будто они созданы для ролей первыхъ любовниковъ (стр. 582). (La nuova scuola di diritto penale, страница 582). На этомъ примѣрѣ можно видѣть, что признакъ крайняго тщеславія совершеннымъ преступленіемъ какъ разъ не совпадаетъ съ криминальнымъ типомъ физіономіи.

Преступникамъ далѣе свойственны страсть къ лакомой ѣдѣ, къ танцамъ и зрѣлищамъ и, наконецъ, половая страсть. Рѣдко преступникъ чувствуетъ истинную страсть къ женщинѣ; его любовь— чувственная, свойственная дикарю, она отличается перемѣнчивостью, вслѣдствіе которой любовь легко смѣняется ненавистью. — Но всѣ частныя страсти преступниковъ объединяются въ одномъ господствующемъ стремленіи къ оргіи, къ шумной, чувственной, разгульной и задорной жизни. Та же страсть обнаруживается въ проституткахъ, не покидая ихъ даже въ домахъ покаянія [122]).

У преступниковъ страсти отливаются въ особенную форму непостоянства и насильственности при отсутствіи всякой предусмотрительности, всякой мысли о будущемъ.

Описанными чертами преступники сближаются съ душевно-больными. Впрочемъ, душевно-больные отличаются отъ преступниковъ меньшею страстью къ игрѣ, къ оргіямъ, болѣе частымъ явленіемъ чувства ненависти, особенно къ близкимъ лицамъ, женѣ и дѣтямъ, далѣе потребностью уединенія, тогда какъ преступникъ не можетъ жить безъ товарищей. Еще ближе, чѣмъ къ душевно-больнымъ, преступникъ подходитъ по характеру своихъ страстей къ дикарямъ, у которыхъ замѣчаются тѣ же черты любопытства, жестокости, мстительности, пристрастія къ игрѣ, крѣпкимъ напиткамъ, пляскамъ, украшеніямъ [123]).

Глава VI посвящена вопросу о рецидивѣ и о нравственности преступниковъ [124]). Указавъ, что уголовная статистика единогласно свидѣтельствуетъ о постоянствѣ и объ увеличивающемся ходѣ рецидивы среди преступниковъ, авторъ, въ под-

---

[122]) Стр. 400—406. Къ означенной главѣ «L'uomo delinquente» примыкаютъ работы Ломброзо въ Archivio di Psichiatria 1883 г. т. IV: Amori anomali e precoci nei pazzi (стр. 17). и Delitti di libidine e di amore (стр. 168 и 820-ая). Въ послѣдней работѣ авторъ анализируетъ любовь у delinquenti nati, d'occasione, per passione и среди послѣднихъ находитъ нѣсколько бандитовъ, сдѣлавшихся таковыми вслѣдствіе ревности или раздраженія по случаю неудовлетворенной страсти (стр. 825).

[123]) Стр. 408—410.

[124]) Сар. VI. Recidiva propria ed impropria. Morale dei delinquenti. Стр. 411—425. Можно замѣтить, что сопоставленіе въ этой главѣ delinquente nato съ данными Французской статистики представляется натянутымъ: трудно сочетать меньшій процентъ по преступленіямъ убійства, зажигательства и половымъ преступленіямъ съ многочисленными указаніями автора на прирожденныхъ преступниковъ, виновныхъ именно въ этихъ преступленіяхъ.

твержденіе этого положенія пространно излагаетъ статистическія данныя о рецидивѣ въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Такъ, въ Италіи рецидивисты, осужденные исправительными судами, давали 19,45% въ 1880 году противъ 18% въ 1878 году, рецидивисты, осужденные ассизами, составляли 13% въ 1878 году, въ 1880 году—22%. Точно также рецидива сильно увеличивается во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Пруссіи, Австріи, Швеціи. Другое основное положеніе автора,—что нѣтъ пенитенціарной системы, которая бы спасала отъ рецидивы; напротивъ тюрьмы составляютъ главную причину рецидивы. Особенное вниманіе обращается авторомъ на значительную рецидиву у женщинъ ($^1/_{10}$ случаевъ рецидивы падаетъ, по Ивернесу, во Франціи на женщинъ), на большое количество случаевъ дисциплинарныхъ проступковъ въ тюрьмахъ. Нельзя, далѣе, надѣяться на уменьшеніе рецидивы путемъ реформы пенитенціарной системы въ виду неблагопріятныхъ результатовъ одиночнаго заключенія въ Пруссіи, гдѣ рецидива равняется 60 — 70%, въ Бельгіи, гдѣ цифра рецидивы—70%, при режимѣ одиночнаго заключенія, въ Виртембергѣ, гдѣ рецидива достигаетъ отъ 34 до 37%, въ Швеціи, гдѣ рецидива доходитъ отъ 45 до 86%. Установивъ затѣмъ, на основаніи французской уголовной статистики за 1874—1878 г., что наибольшій процентъ рецидивы даютъ преступленія, совершаемыя delinquenti nati, какъ то: сопротивленіе властямъ открытою силою и преступныя ассоціаціи, кражи, бродяжество, бигамія, тѣлесныя поврежденія, далѣе гораздо меньше убійство, поддѣлка монеты, отцеубійство, зажигательство, половыя преступленія, подлогъ, — всего меньшій злостное банкротство и вымогательство, Ломброзо сближаетъ процентныя пропорціи рецидивы по этимъ преступленіямъ съ пропорціями, которыя въ предшествующемъ изложеніи установлены относительно наиболѣе частаго проявленія аномалій черепа, физіономіи и явленій физической чувствительности. Эти процентныя величины рецидивы юридически удостовѣряютъ понятіе delinquente nato, который внѣ чисто-антропологической теоріи не можетъ считаться таковымъ при отсутствіи признака повторенной рецидивы. Рецидива, какъ признакъ прирожденнаго преступника, въ особенности существенна при возникновеніи ея съ ранняго дѣтства, что, по мнѣнію Ломброзо, и обнаруживается французской статистикой. Такъ, въ Парижѣ болѣе половины арестованныхъ за преступленія въ 1878 и 1879 г. моложе 21 года, 18% судившихся въ ассизахъ въ 1879 году моложе 16 лѣтъ,—наконецъ 4% изъ судившихся въ исправи-

тельныхъ судахъ были моложе 16 лѣтъ и 15% между 16—21 годомъ. Если ко всѣмъ этимъ цифрамъ присоединить весьма значительную смертность преступниковъ, обусловленную ихъ обычными излишествами, случаи необнаруженія или освобожденія отъ суда, благодаря пріобрѣтенной въ тюрьмѣ ловкости, то должно заключить, что число рецидивистовъ изъ группы прирожденныхъ преступниковъ весьма мало отличается отъ числа освобожденныхъ изъ тюрьмы, или, иными словами, что почти нѣтъ лицъ изъ числа освобожденныхъ преступниковъ, которыя бы вновь не впадали въ преступленіе.

Сдѣлавъ этотъ крайне широкій выводъ, авторъ подкрѣпляетъ его рядомъ народныхъ поговорокъ о неисправимости преступниковъ вообще и воровъ въ частности.

Отдѣлъ о рецидивѣ вообще составленъ у Ломброзо слишкомъ поспѣшно и поверхностно, безъ достаточно зрѣлаго и внимательнаго обсужденія относящихся къ нему данныхъ,—притомъ весьма односторонне съ очевиднымъ намѣреніемъ указать на безсиліе современной юстиціи. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на указаніяхъ автора относительно рецидивы въ Швеціи и Бельгіи. По части Швеціи авторъ ссылается на цифры рецидивы, указанныя у Olivercrona въ сочиненіи «Des causes de la récidive» (французскій переводъ 1873 года). Но онъ упустилъ изъ виду, что наиболѣе высокая редицива относится къ центральнымъ тюрьмамъ, — съ общимъ содержаніемъ, на неудовлетворительность которыхъ указываетъ самъ Olivercrona, и которыя подверглись реформѣ по закону 1873 г. [125]).

Что касается до Бельгіи, то высокій процентъ рецидивы, указываемый Ломброзо, относится ко времени 1851—1860 годовъ, когда не было еще закончено преобразованіе Бельгійской тюремной системы, по методу одиночнаго заключенія. Очевидно и примѣръ Бельгіи, какъ и Швеціи, ничего не говоритъ противъ безсилія хорошей пенитенціарной системы относительно рецидивы [126]). Съ другой стороны

---

[125]) Ср. Fernand Desportes, La réforme penitentiaire en Suède 1882 г.—о новой каторжной тюрьмѣ Nya Varfvet, основанной согласно указанному закону по системѣ первоначальнаго одиночнаго заключенія, съ слѣдующимъ за нимъ общимъ содержаніемъ и съ ночнымъ разобщеніемъ. Значительное улучшеніе нравственности заключенныхъ послѣ этой реформы засвидѣтельствовано однимъ изъ тюремныхъ директоровъ Швеціи Стокгольмскому конгрессу. (Указ. сочиненіе стр. 44).

[126]) По части Бельгіи см. Starke, Das Belgische Gefängnisswesen 1877 г. § 76 стр. 256—267. Starke ссылается на опытъ Лувенской одиночной тюрьмы,—по которому изъ числа, не побывавшихъ ранѣе въ другихъ тюрьмахъ арестантовъ было лишь 4% рецидиви-

Ломброзо игнорируетъ примѣры весьма успѣшной борьбы съ рецидивой. Изъ работы извѣстнаго тюрьмовѣда Эмилія Тауффера, директора каторжной тюрьмы въ Лепоглавѣ въ Кроаціи, устроенной по системѣ Ирландскаго прогрессивнаго заключенія «Die Erfolge des progressiven Strafvollzugs und der eignen Staatsregie in der Königlichen Landesstrafanstalt zu Lepoglava» (подробный отчетъ за 5 лѣтъ), видно, что съ 1878 г. по 1882 г. уменьшеніе рецидивы у взрослыхъ, поступавшихъ въ тюрьму, равняется 8,5%, — у взрослыхъ же, находившихся въ тюрьмѣ, къ концу года въ размѣрѣ 12,3% [127]). Ломброзо точно также игнорируетъ благопріятные результаты такъ называемой прогрессивной или кумулированной системы наказуемости рецидивы въ Англіи. Система эта, выработанная въ графствѣ Глостеръ, преимущественно по мысли мироваго судьи Бэкера, состоитъ въ томъ, что за первую кражу судъ приговариваетъ обвиняемаго къ возможно легчайшему наказанію (нѣсколько дней тюрьмы); при содержаніи виновнаго въ тюрьмѣ ему настойчиво напоминаютъ, что въ случаѣ повторенія проступка онъ непремѣнно будетъ наказанъ лишеніемъ свободы не менѣе года; при второй рецидивѣ онъ подвергается уже уголовному рабству до двухъ лѣтъ. По свидѣтельству Murray Brown и Baker на Стокгольмскомъ конгрессѣ—рецидива значительно уменьшилась, благодаря указанной системѣ; знаніе преступникомъ объ усиленной отвѣтственности при рецидивѣ отразилось на уменьшеніи приговоровъ къ уголовному рабству на 20% [128]).

стовъ,—среди же содержавшихся ранѣе въ другихъ мѣстахъ заключенныхъ было 26% рецидивистовъ (стр. 261). Правда, противъ Бельгійской системы одиночнаго заключенія и приведенныхъ указаній Starke высказывается Beltrani Scalia (Riforma penitenziaria in Italia 1879). Prins, главный инспекторъ Бельгійскихъ тюремъ въ своемъ сочиненіи Criminalité et repression 1886 г., также не вѣритъ въ особенную дѣйствительность Бельгійской системы; — но оба указанные автора, вовсе не думая, подобно Ломброзо, отрицать значеніе всякой пенитенціарной системы,—стоятъ за прогрессивную систему, по образцу Ирландской. По части благодѣтельныхъ результатовъ одиночной системы во Франціи см. статью Rivière (Bulletin de la Société générale des prisons № 6 1885 г.), резюме оффиціальнаго разслѣдованія о примѣненіи одиночной системы.

[127]) Указанное сочиненіе, стр. 51.

[128]) См. La science pénitentiaire au Congrès de Stockholm par Fernand Desportes et Leon Lefebure Chap. VIII стр. 248—249. Почтенное Парижское тюремное общество съ 1878 г. занимается международнымъ слѣдствіемъ о рецидивѣ.—Въ органѣ его «Bulletin de la société générale

Указывая на пропускъ у Ломброзо примѣровъ удачной борьбы съ рецидивой, я конечно, не думаю утверждать, чтобы можно было относиться спокойно къ явленію рецидивы, или подвергать сомнѣнію усиленіе рецидивы въ наше время. Что же касается до борьбы съ рецидивой, то кажется ей суждено, въ противность желаніямъ и ожиданіямъ Ломброзо и его единомышленниковъ, двигаться не въ направленіи, отвергающемъ всякую пенитенціарную систему, а въ духѣ системы, стройно и преемственно развившейся на почвѣ существующаго уголовнаго права,—системы d'emprisonnement préventif, répressif et pénitentiaire, защищаемой маститымъ ученымъ Lucas,—далѣе сенаторами Berenger и Michaux и извѣстнымъ секретаремъ Парижскаго тюремнаго общества Desportes. Эта система стоитъ за репрессію, сочетаемую съ разнообразными мѣрами духовнаго поднятія преступника (умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ и религіознымъ преподаваніемъ, условнымъ освобожденіемъ, патронатомъ для взрослыхъ, ремесленными школами и школами реформы для несовершеннолѣтнихъ, работными домами для нищихъ и бродягъ, отличными отъ настоящихъ мѣстъ заключенія [129]).

---

des prisons» содержится богатый матеріалъ по этому вопросу; во 2-й книжкѣ бюллетеня за 1884 г. напечатанъ дополнительный докладъ о рецидивѣ Desport'a, дающій обстоятельныя свѣдѣнія на основаніи полученныхъ изъ Англіи свѣдѣній о системѣ прогрессивной наказуемости.—Съ 1871 года (когда введена была новая система въ графствѣ Глостеръ) въ теченіе первыхъ семи лѣтъ среднее ежегодное число осужденныхъ было 178.—Въ слѣдующіе 4 года среднее число осужденныхъ было 136 т. е. уменьшилось на 23%. Среднее число заключенныхъ въ Глостерской тюрьмѣ было съ 1861—1871 годъ 202,—съ 1872—1882 г. 164, т. е. оказалось уменьшеніе на 38 человѣкъ (17%).—См. также книгу генеральнаго инспектора англійскихъ тюремъ Du Cane, The punishment and prevention of crime 1885 г.,—гдѣ въ главѣ VI-ой стр. 142 имѣются замѣчательныя данныя объ уменьшеніи приговоровъ, присуждающихъ къ уголовному рабству съ 1859 по 1884 г. Въ пятилѣтіе, окончившееся въ 1859 году,—при населеніи Англіи и Валлиса въ слишкомъ 19 милліоновъ было постановлено 2589 приговоровъ, присуждавшихъ къ уголовному рабству,—въ пятилѣтіе же, окончившееся въ 1884 г. при населеніи въ 26 милліоновъ было постановлено только 1428 приговоровъ, присуждавшихъ къ уголовному рабству. Далѣе въ 1885 году лицъ осужденныхъ къ уголовному рабству и тюремному заключенію было на 5797 человѣкъ менѣе противъ 1878 года.

[129]) Воззрѣнія Lucas, которыя защищались имъ въ рядѣ капитальныхъ работъ съ удивительной преданностью пенитенціарному дѣлу въ теченіи всей его жизни, получили окончательное выраженіе въ его послѣднемъ трудѣ.—«De l'état anormal en France de la répression en matière de crimes capitaux. 1885 г. Стокгольмскій конгрессъ 1878 г. своимъ авторитетомъ освятилъ указанное теченіе мысли, высказавшись за сочетаніе репрессіи и исправительнаго воздѣйствія

Слѣдуетъ остановиться на сочетаніи Ломброзо признака рецидивы съ прирожденнымъ преступникомъ. На стр. 425 Ломброзо приходитъ къ заключенію, что число рецидивистовъ изъ delinquenti nati почти совпадаетъ съ числомъ выпущенныхъ изъ тюрьмы, или точнѣе, что почти ни одинъ изъ нихъ не избѣгаетъ впаденія въ рецидиву. Установляя это положеніе, авторъ въ сущности повторяетъ мысль, высказанную имъ уже во второмъ изданіи 1878 г. «L'uomo delinquente». Противъ этого положенія въ 1882 г. возсталъ совершенно справедливо Ферри въ статьѣ, напечатанной въ Archivio di Psichiatria.—Ошибочность положенія Ломброзо Ферри обнаружилъ наглядной демонстраціей на данныхъ французской статистики за 1875 г. Предположивъ высокую пропорцію $^3/_4$ среди неоткрытыхъ рецидивистовъ, Ферри получилъ незначительную прибавку

на преступника—(см. La science pénitentiaire au congrès de Stockholm, conclusion ст. 344). Вліяніе Стокгольскаго конгресса отражается на рядѣ мѣропріятій, принятыхъ или рекомендуемыхъ во Франціи для борьбы съ рецидивой. Таковъ проэктъ сенатора Berenger 1883 года о предупредительныхъ средствахъ борьбы противъ рецидивы, вводящій liberté conditionelle, patronage съ денежнымъ вспомоществованіемъ отъ правительственной власти, rehabilitation, — принятый уже французскимъ сенатомъ и одобренный въ 1885-омъ г. палатой депутатовъ, проэктъ закона о реформѣ тюремъ краткосрочнаго заключенія, 1883 г., направленный къ частичному осуществленію закона 5 іюня 1875 г. объ одиночномъ заключеніи, и наконецъ проэктъ закона относительно отсрочки отбытія присужденнаго наказанія, представленный французскому сенату въ декабрѣ 1885 года. (Proposition, de loi relative au pardon, au sursis et a l'execution des peines, en cas de premier delit, à l'emprisonnement et al'amende, presentée par M. Michaux, Schoelcher, Béral, Mazeau, Naquet, Tolain, Sénateurs. — Послѣдній законъ допускаетъ возможность прощенія судьей первой вины, влекущей тюрьму или штрафъ при смягчающихъ вину обстоятельствахъ, а также отсрочку исполненія приговора, присуждающаго къ тюремному заключенію или штрафу не далѣе чѣмъ на 5 лѣтъ, съ упраздненіемъ приговора,—если въ теченіе этого срока осужденный не подвергся новому осужденію. — (См. Bulletin de la Societé generale des Prisons 1883, 1884 г. № 2 и 3 Février et Mars, № 4 Avril, № 5 Mai 1886 № 2 Février, а также Tauffer, Beiträge zur neuesten Geschichte des Gefängnisswesens 1885 г.). Указанныя законодательныя работы представляютъ рѣзкій контрастъ съ наиболѣе крупнымъ законодательнымъ актомъ 1885 г.— закономъ о рецидивистахъ, принятымъ Сенатомъ и Палатой Депутатовъ 12 мая 1885 года. Этотъ законъ, связывающій вѣчное интернированіе во французскихъ колоніяхъ съ рецидивой по преступленіямъ, а равно съ многократной рецидивой въ поименованныхъ въ немъ проступкахъ, по отбытіи наказанія за означенные проступки—совершенно въ духѣ итальянской позитивной школы, непреклонно проводя принципъ выдѣленія негодныхъ элементовъ. — А между тѣмъ этотъ законъ представляется весьма мало удовлетворительнымъ: онъ требуетъ отъ правительства громадныхъ суммъ, — не уступающихъ суммамъ, потребнымъ на

къ удостовѣренной рецидивѣ на $^1/_{10}$ % [130]). Но указанное опроверженіе не помѣшало Ломброзо остаться по прежнему вѣрнымъ своей мысли и вновь формулировать ее въ разсматриваемомъ мною изданіи L'uomo delinquente,—въ примѣненіи спеціально къ прирожденному преступнику.—Но во первыхъ, delinquenti nati откры-

---

переустройство внутреннихъ мѣстъ заключенія; онъ даже не опредѣляетъ мѣстъ, предназначенныхъ для ссылки,—такъ какъ въ послѣднюю минуту обсужденія его оказалось неудобнымъ избрать мѣстомъ ссылки Новую Каледонію, и оставляетъ выборъ таковыхъ на усмотрѣніе правительства; парализуя собою дальнѣйшій ходъ реформы пенитенціарной системы внутри Франціи, и слѣдовательно оставляя въ неприкосновенности условія зарожденія рецидивы,—онъ такимъ образомъ мало дастъ ручательствъ относительно достиженія цѣли, которая поставляется ему,—и служитъ единственно, какъ выражается Lucas, политикѣ débarras. Эти темныя стороны новаго закона были рельефно освѣщены при обсужденіи въ Сенатѣ и Палатѣ депутатовъ. Онѣ остаются на лицо—если даже примириться съ главнымъ его недостаткомъ,—сведеніемъ судьи на степень машины въ силу обязанности присуждать къ internement perpetuel при наличности указанныхъ закономъ условій—(по части новаго закона о рецидивистахъ ср. Fernand Desportes, La Récidive (Examen du projet de loi contre les récidivistes 1883 г.),—его же La loi relative aux récidivistes въ Bulletin de la Société des prisons № 6, 1885 г.—Lucas, вышеуказанное новое сочиненіе его, Titre III: Les principales causes de l'etat anormal en France de la répression стр. 39 и сл.—наконецъ Tournade, Commentaire de la loi des récidivistes 1885 г.) Къ противникамъ новаго закона принадлежатъ извѣстнѣйшіе тюрьмовѣды Франціи: кромѣ Desportes и Lucas, сенаторъ Berenger, президентъ трибунала Chauffard, профессоръ Leveillé, посѣтившій по порученію правительства Новую Каледонію—для изученія вопроса на мѣстѣ. Въ письмахъ отъ 7 и 9 мая 1885 г. въ Temps Leveillé самымъ рѣзкимъ образомъ высказался о законѣ противъ рецидивистовъ, указывая, что онъ былъ сочиненъ чиновниками министерства Внутреннихъ дѣлъ и упрекая его за уравненіе обычныхъ преступниковъ (criminels d'habitude) и лицъ, обычно совершающихъ проступки (delinquents d'habitude). Въ особенности новый законъ подвергается упрекамъ за то, что въ числѣ проступковъ, повтореніе которыхъ влечетъ за собой интернированіе въ французскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ, указано бродяжество. По настоянію Bérenger въ послѣднюю минуту законъ былъ исправленъ въ томъ смыслѣ, что его постановленія касаются единственно обычнаго бродяжества.—Въ противуположность грубо-эмпирической системы новаго закона относительно столь важнаго явленія бродяжества—крайне выгодно отличается предложеніе пастора Robin относительно устройства домовъ вспомоществованія и работы для бродягъ и нищихъ (см. замѣчательный докладъ его въ Bulletin de la Société générale des prisons 1885 г. № 4—6). Послѣдній Римскій пенитенціарный конгрессъ косвенно высказался противъ системы закона о рецидивистахъ,—признавъ, что установленіе мѣры наказанія въ предѣлахъ предписываемой закономъ карательной санкціи должно принадлежать судьѣ и отвергнувъ такимъ образомъ понятіе о juge-machine. Великая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Pessina (см. Rivista penale 1886 г. dispensa 12, отчетъ Brusa о Римскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ стр. 235—237, а также ср. «Вѣстникъ Европы 1886 г. № 3 отчетъ г. Фойницкаго.

130) Archivio di Psich. 1882 (Diritto penale ed antropologia criminale стр. 447—483.

ются автору во множествѣ случаевъ среди несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, у которыхъ наклонности къ преступности успѣшно исчезаютъ вслѣдствіе воспитанія. Во вторыхъ, нельзя забывать, что рецидива связывается не только съ извѣстными наклонностями, но и съ извѣстными преступленіями, такъ что при равенствѣ извѣстныхъ условій она, по различію тѣхъ или другихъ преступныхъ дѣяній, является чаще или рѣже; особенно часто, какъ замѣчено, рецидива сочетается съ нѣкоторыми проступками, при чемъ кратковременныя лишенія свободы благопріятствуютъ ея развитію.—Значитъ говорить о рецидивѣ вообще, не различая рецидивы по проступкамъ и рецидивы по преступленіямъ, нельзя. — Если пріурочивать delinquente nato къ той или другой, то окажется среди delinquenti nati съ одной стороны большее, а съ другой меньшее число рецидивистовъ. Самъ авторъ придаетъ внѣшнимъ условіямъ огромное значеніе, допуская возможность delinquenti nati, даже не совершающихъ преступленій въ силу благопріятной жизненной обстановки.— Наконецъ, противъ положенія Ломброзо о томъ, что delinquenti nati почти поголовно рецидивисты, представляется слѣдующее возраженіе: если связывать прирожденную преступность преимущественно съ тягчайшими преступленіями,—что и дѣлаетъ Ломброзо, который постоянно разсматриваетъ убійцъ, преступниковъ противъ нравственности, грабителей, воровъ, — то нужно признать, что delinquenti nati преобладаютъ въ Италіи, занимающей по части тягчайшихъ преступленій одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европейской статистикѣ, между тѣмъ какъ по части рецидивы Италія занимаетъ одно изъ нисшихъ мѣстъ [131]).

---

[131]) По части различія рецидивы въ преступленіяхъ и проступкахъ во Франціи на основаніи Compte rendu за 1826 — 1880 года см. Fernande Desportes, La Récidive 1883 г. Reinach, Les Récidivistes 1882 г. Desportes приходитъ къ заключенію, что récidive criminelle съ 1851 по 1880 г. значительно не измѣнилась, что grande récidive correctionelle удвоилась, увеличившись по отношенію къ общей преступности въ пропорціи 4%,— что petite récidive correctionelle увеличилась болѣе, чѣмъ вдвое (стр. 15-ая). То же признаетъ и Lucas: En ce qui concerne la récidive de crime et de délit, elle ne révèle pas un mouvement d'aggravation et de frequence de crime à crime et de délit a crime. La mouvement se produit au contraire de crime a délit et de delit a délit (Rapport verbal a l'Academie des sciences moraIes et politiques, Bulletin de la Societé générale des prisons 1883 г. стр. 476). Относительно итальянскихъ преступниковъ см. Beltrani Scalia (Riforma penitenziaria in Italia), гдѣ на основаніи сравнительныхъ статистическихъ данныхъ авторъ указываетъ, что по части квалифицированныхъ убійствъ Италія превосходитъ отъ трехъ до четырехъ разъ Бельгію и Францію,— по части же убійства

Отъ рецидивы Ломброзо переходитъ къ нравственности преступниковъ. Нравственное чувство въ большинствѣ преступниковъ отсутствуетъ, понятіе долга извращается до того, что признается какое-то право красть и убивать, а другимъ лицамъ ставится въ вину, что они не даютъ преступнику распоряжаться по произволу. Угрызенія совѣсти недоступны преступникамъ (англійскіе тюремщики говорятъ, что легче собаку превратить въ лисицу, чѣмъ преступника въ честнаго человѣка). Изъ 390 изученныхъ авторомъ преступниковъ только 7 признавали совершеніе ими преступленія [132]). Авторъ знаетъ

вообще она превосходитъ эти двѣ страны отъ трехъ до шести разъ, Пруссію въ три раза,—Швецію въ шесть разъ,—Ирландію въ десять разъ,—Данію въ четырнадцать,—а Англію въ шестнадцать разъ. (стр. 85—93).—Если даже и признать эти отношенія нѣсколько преувеличенными,—то все же первенство остается за Италіей по части тягчайшаго преступленія. Между тѣмъ по части рецидивы, — отношеніе является обратнымъ: тогда какъ движеніе рецидивы представляется въ Англіи съ 1876 г. по 1881 г. въ видѣ 38,8%—42,5%, во Франціи съ 1876 по 1880—41%,—въ Бельгіи 38,98%, въ Австріи отъ 42,78% до 45%, въ Италіи оно является въ видѣ величины отъ 10,98% до 21,99% за періодъ съ 1869 по 1882 г. (Изъ доклада de Renzis 5 іюня 1884 г. въ итальянской палатѣ депутатовъ относительно бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ) см. Rivista penale Vol. XXI 1885 г. Disp. 1 Statistica comparata della recidiva (стр. 147 — 151). По вопросу о рецидивѣ при убійствѣ см. также Ω Σ Zeitschrift. Листа V: Die Verbrecherwelt von Berlin III. Es giebt in Berlin keine gewerbsmässige Räuber und Mörder. (Стр. 423).

132) Стр. 425—437. Опытъ психологическаго изученія нравственнаго характера преступниковъ сдѣланъ Ферри въ статьяхъ: Il contegno dei delinquenti (Archivio di Psich. V. Fasc. I, стр. 81—91) и Il rimorso dei delinquenti, (тамъ же Fas. IV, стр. 464—480), составляющихъ отрывки изъ большаго сочиненія, подготовляемаго къ печати: Del omicidio. Въ первой статьѣ Ферри пытается обосновать нравственную нечувствительность преступниковъ изслѣдованіемъ поведенія ихъ (contegno) во время судебнаго производства и при отбытіи наказанія. Приведя рядъ примѣровъ изъ causes célèbres Франціи, Италіи, Англіи, авторъ сообщаетъ данныя относительно полученныхъ имъ отъ каждаго изъ 700 преступниковъ въ карательныхъ заведеніяхъ Pesaro и Castelfranco отвѣтовъ на вопросы, предложенные имъ, авторомъ, о совершенномъ преступленіи. Эти данныя распредѣлены въ процентныхъ величинахъ по слѣдующимъ рубрикамъ: отрицаніе виновности, сознаніе, притомъ сознаніе съ самоизвиненіемъ, сознаніе равнодушное, сознаніе, сопровождающееся слезами, — разсказъ съ самоизвиненіемъ, разсказъ съ раскаяніемъ, разсказъ равнодушный (indifferente), разсказъ съ нахальствомъ, разсказъ безучастный (impassibile). По составленной такимъ образомъ таблицѣ авторъ демонстрируетъ слѣдующіе результаты: болѣе частое, чѣмъ вообще думаютъ, сознаніе преступниковъ, съ преобладаніемъ такового у менѣе тяжкихъ, (лишь 42% случаевъ запирательства приходится на тягчайшихъ преступниковъ Pesaro, предумышленныхъ убійцъ, грабителей и воровъ, 21% на менѣе тяжкихъ преступниковъ Castelfranco, убійцъ, виновниковъ тѣлесныхъ поврежденій, воровъ, карманниковъ), меньшую склонность къ запирательству у преступниковъ противъ личности,

одинъ только случай совершеннаго метаморфоза преступника: такой случай представился ему въ лицѣ 40 лѣтняго грабителя Mellicone съ нѣсколькими признаками прирожденнаго преступника, который въ тюрьмѣ 20 лѣтъ обнаруживалъ религіозныя галлюцинаціи. Душевная болѣзнь, говоритъ авторъ, стерла у него всякій слѣдъ преступности, сдѣлала изъ него апостола и филантропа (!?). Идея добра и зла не совершенно, впрочемъ, утрачена у всѣхъ преступниковъ, но эта идея безплодна, она въ умѣ, а не въ сердцѣ. Иногда преступники способны поступать нравственно; это бываетъ, когда можно

чѣмъ у преступниковъ противъ имущества. Впрочемъ болѣе частое запирательство у тягчайшихъ преступниковъ сравнительно съ менѣе тяжкими авторъ отчасти объясняетъ различіемъ сѣверныхъ и южныхъ провинцій, по которому уроженцы вторыхъ менѣе откровенны и словоохотливы, чѣмъ уроженцы первыхъ. Нравственная нечувствительность преступниковъ выдаётся въ высокихъ процентныхъ величинахъ равнодушнаго или нахальнаго сознанія и разсказа о совершенномъ преступленіи (23% среди преступниковъ Pesaro и 43% среди преступниковъ Castelfranco). Равнодушное отношеніе къ совершенному дѣянію свойственно болѣе преступникамъ противъ личности, нахальное отношеніе къ совершенному—грабителямъ, ворамъ, карманникамъ. По поводу этого послѣдняго явленія Ферри также указываетъ на преобладаніе словоохотливыхъ сѣверянъ между ворами и карманниками и замкнутыхъ въ себѣ южанъ среди предумышленныхъ и простыхъ убійцъ.—Рецидивисты или виновники нѣсколькихъ не наказанныхъ до того преступныхъ дѣяній составляютъ меньшинство среди лицъ сознающихся и пытающихся при этомъ извинить себя,—и большинство среди не сознающихся или разсказывающихъ о своемъ преступномъ дѣлѣ равнодушно и нахально.—Анализируя этотъ опытъ положительной психологіи, можно спросить,—не представляются ли обманчивыми полученныя Ферри данныя въ силу самого способа изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, для сужденія о раскаяніи, закоренѣлости, безстыдствѣ преступника, очевидно, нужно полное изученіе отдѣльнаго лица во всѣхъ моментахъ уголовнаго процесса, далѣе требуются условія, благопріятствующія довѣрчивости и откровенности преступника: поэтому психологическое изученіе преступника доступно, напримѣръ, защитнику его. Напротивъ преступники съ неискренностью, съ неохотой къ отвѣтамъ встрѣчаютъ непрошеннаго инквизитора. Можно, кажется, сказать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что лучшіе изъ среды заключенныхъ лицъ именно вслѣдствіе сохранившагося чувства самолюбія и чести не станутъ, такъ сказать, открывать душу на вопросы, въ которыхъ они будутъ видѣть лишь праздное любопытство. Наконецъ можно замѣтить, что различныя рубрики, подъ которыя у Ферри подводятся отвѣты преступниковъ, предполагаютъ весьма тонкіе оттѣнки, которые поддаются разнообразнымъ истолкованіямъ: такъ напримѣръ сознаніе съ самоизвиненіемъ, сознаніе, сопровождающееся слезами, могутъ свидѣтельствовать, по различію случаевъ, въ пользу или противъ нравственнаго достоинства извѣстнаго лица.—Въ другой работѣ своей «Délrimorso nei delinquenti», служащей дополненіемъ къ только что разсмотрѣнной, авторъ испытываетъ явленіе раскаянія у преступниковъ. Установивъ, что истинное раскаяніе должно быть отличаемо отъ псевдо-раскаянія,—отъ простаго сожалѣнія по поводу испытанныхъ въ связи съ преступнымъ дѣяніемъ невыгодныхъ послѣдствій,—Ферри показываетъ, что у обыкновенныхъ убійцъ, въ отличіе отъ

подстрекнуть у нихъ чувство гордости и тщеславія. Если сравнить преступника съ душевно-больнымъ по части нравственнаго чувства, то оказываются различія и аналогія. Душевно-больной рѣже преступника родится злобнымъ, развратнымъ; онъ дѣлается таковымъ вслѣдствіе болѣзни; если онъ рѣдко чувствуетъ раскаяніе и хвастается своимъ злодѣяніемъ, подобно преступнику, то все же часто, по совершеніи преступленія, онъ вдругъ вновь пріобрѣтаетъ ясность мысли и чувство справедливости и доноситъ на себя суду съ откровенностью покаявшагося грѣшника. Таковыя черты наблюдались Ломброзо и другими психіатрами у цѣлаго ряда душевнобольныхъ (Fontane, Papavoine, Verger). Если они и скрываютъ собственное преступленіе (Verzeni, Farina), то все же они не обнаруживаютъ при этомъ ни ловкости, ни упорства обычнаго преступника.

Напротивъ преступникъ приближается къ дикарю, человѣку, не знающему раскаянія, хвастающему своими преступленіями, для коего юстиція—синонимъ мести и силы [133]).

Глава VII говоритъ о религіи преступниковъ [134]).

убійцъ по страсти, раскаяніе и угрызенія совѣста отсутствуютъ. Въ доказательство этого положенія приводятся: упорное запирательство, выражающееся процентными величинами, установленными въ предшедствующей работѣ, (признаются лишь 54% преступниковъ Пезаро, 77% преступниковъ Кастельфранко), далѣе отсутствіе у преступниковъ желанія вознаградить пострадавшаго, радость по поводу избѣгнутаго тяжкаго осужденія, чувство комфорта, испытываемое преступникомъ въ тюрьмѣ, отсутствіе сожалѣнія къ жертвѣ преступленія, наконецъ чувство удовлетворенія и тщеславія по случаю совершенія преступленія. Всѣ эти явленія иллюстрируются многочисленными примѣрами изъ судебной практики. Далѣе авторъ, возвращаясь къ своему изслѣдованію о contegno dei delinquenti, напоминаетъ, что изъ преступниковъ Pesaro лишь 1% плачутъ и, разсказывая о совершенномъ преступленіи, выражаютъ раскаяніе,—изъ преступниковъ Castelfranco только 1% преступниковъ плачутъ и 2% раскаиваются при разсказѣ о своемъ преступномъ дѣлѣ. По поводу замѣчанія Ломброзо, что среди изслѣдованныхъ имъ преступниковъ онъ нашелъ только 7 лицъ, которыя допускали совершенное ими преступленіе, Ферри дѣлаетъ замѣчаніе, совпадающее съ возраженіями, которыя были сдѣланы мною выше, а именно: что самый способъ разспроса можетъ иногда возбудить чувство недовѣрчивости у преступниковъ. Далѣе, нельзя смѣшивать сознающихся и раскаявающихся. Изъ изслѣдованныхъ авторомъ преступниковъ въ Pesaro и Castelfranco изъ 700 человѣкъ раскаявались 3% (при томъ убійцы менѣе, чѣмъ грабители и воры), 9% ограничивались простымъ сознаніемъ въ преступленіи, 18% приводили болѣе или менѣе уважительныя объясненія (предумышленные убійцы чаще, чѣмъ грабители и воры, всего чаще непредумышленные убійцы Castelfranco, которымъ въ силу постигшаго ихъ мягкаго наказанія приходится довѣрять).

133) Стр. 436—438.

134) Capitolo VIII, Le religioni dei delinquenti, стр. 439—444.

Авторъ показываетъ на основаніи многочисленныхъ примѣровъ суевѣрное извращеніе религіознаго чувства у преступниковъ и проститутокъ.

Глава VIII содержитъ изслѣдованія объ умственныхъ способностяхъ и образованіи преступниковъ [135]). При преобладаніи у преступниковъ аномаліи въ сферѣ чувствованій, у нихъ замѣчаются также аномаліи умственныхъ способностей, что удостовѣрено наблюденіями въ Цвикауской тюрьмѣ (гдѣ не менѣе 17% преступниковъ оказываются въ нездравомъ умѣ), а также Никольсономъ въ Англіи. Далѣе авторъ отмѣчаетъ существенныя черты преступниковъ, каковы: лѣность, легкомысліе, подвижность намѣреній, непредусмотрительность, облегчающую столь часто дѣятельность правосудія [136]). Ломброзо останавливается на различныхъ категоріяхъ преступниковъ, послѣдовательно разсматривая спеціалистовъ по части преступленія, отравителей, педерастовъ, преступниковъ противъ женской чести, мошенниковъ, убійцъ, бродягъ и, наконецъ преступниковъ изъ числа людей науки или искусства [137]).

Характеристика этихъ категорій преступниковъ, за исключеніемъ послѣдней, не представляетъ ничего особо существеннаго. Отмѣчу только характеристическія заявленія автора относительно педерастовъ и убійцъ: такъ, сообщая о склонности первыхъ къ

---

135) Cap. VIII, Intelligenza ed istruzione dei delinquenti.

136) Стр. 445—450. Положеніе, развиваемое Ломброзо о непредусмотрительности тягчайшихъ преступниковъ въ недавнее время развито Ферри въ статьѣ «L'imprevidenza negli omicidi communi». (Archivio di Psichiatrie Vol. VI fasc. III 1885). Авторъ доказываетъ данными Итальянской (1875—1876 года) и Французской статистики (1877 — 1881 года), — что процентъ случаевъ неоткрытія виновныхъ или освобожденія таковыхъ по недостатку собранныхъ уликъ по преступленіямъ противъ жизни, какъ во Франціи, такъ и Италіи оказывается значительно меньше, чѣмъ по преступленію кражи (стр. 266 — 267). Однако, во первыхъ, такое явленіе можетъ быть объяснено удовлетворительно не однимъ недостаткомъ непредусмотрительности убійцъ,—а бо́льшими усиліями властей къ открытію преступниковъ въ случаяхъ убійства, чѣмъ въ случаяхъ кражи,—бо́льшею трудностью незамѣтнаго совершенія убійства и т. д. Затѣмъ нужно замѣтить, что Ферри относительно своихъ таблицъ Итальянской преступности поступаетъ нѣсколько произвольно: такъ, случаи разбоя съ убійствомъ по Итальянской статистикѣ относительно неоткрытія виновныхъ—не причисляются авторомъ къ случаямъ убійствъ; если же отнести эти случаи, куда слѣдуетъ, то дѣла объ убійствѣ по числу неоткрытія преступниковъ не уступали бы дѣламъ о кражѣ.

137) Стр. 451 и сл.

женскимъ одеждамъ, цвѣтамъ и духамъ, Ломброзо находитъ, что они какъ бы повторяютъ въ силу атавизма вкусы древней Греціи вмѣстѣ съ ея пороками. Въ противуположность характеристикѣ убійцъ, сдѣланной прежде, Ломброзо приписываетъ имъ располагающую въ ихъ пользу физіономію [138]).

Бо́льшаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе о преступникахъ ученыхъ и художникахъ; оно начинается съ того, что хотя геній ничто иное, какъ извѣстный врожденный неврозъ, подобно преступности (тезисъ, развитый авторомъ въ соч. Genio e follia), тѣмъ не менѣе преступники чрезвычайно рѣдки въ мірѣ науки. Ломброзо удалось найдти весьма немногихъ преступниковъ этого рода, и собранныя свѣдѣнія онъ самъ находитъ мало основательными. Авторъ относитъ къ преступникамъ: Бэкона, далѣе Саллюстія и Сенеку, обвинявшихся, хотя бездоказательно въ растратѣ (!?), Кремани, знаменитаго криминалиста, впослѣдствіи поддѣлывателя документовъ, Демме, хирурга, вора и отравителя. Менѣе благопріятнымъ представляется явленіе преступленія въ мірѣ изящной словесности и художествъ. Авторъ причисляетъ къ преступникамъ: Rousseau, Aretino, Brunnetto Latini, Franco, Ugo Foscolo, можетъ быть, какъ говоритъ авторъ, Байрона, далѣе французскаго поэта Villon и журналиста Luciani. Къ этому проскрипціонному списку авторъ присоединяетъ извѣстныхъ убійцъ Lacenaire, Lafarge, Barre, Lebiedze, которые достигли нѣкоторой извѣстности въ поэтическомъ искусствѣ или стихосплетеніи (!?). Еще чаще отыскиваются преступники среди художниковъ; такъ, преступниками были кромѣ Benvenuto Cellini, Andrea Castagno (вѣроломный убійца), Tempesta (женоубійца), Fillippo Lippi, (похититель послушницы изъ монастыря), Andrea del Sarto мошенникъ, Ortolano, Caravaggio, Lebrun, Luino, Curtois, Cloquemine, все убійцы. Живописцы представляютъ бо́льшее количество преступниковъ, чѣмъ скульпторы, этотъ фактъ объясняется пристрастіемъ живописцевъ къ спиртнымъ напиткамъ (!?). Лѣность и страсть къ праздности рѣже встрѣчаются у душевно-больныхъ, чѣмъ у преступниковъ. Далѣе, тогда какъ у преступниковъ мало развита логическая способность, у душевно-больныхъ (мономановъ) она развита черезъ чуръ сильно. Оттого небольшому количеству ученыхъ, склонныхъ къ преступности, можно противупоставить Конта, Сваммердамма, Ампера,

---

138) Стр. 453 и 455.

Ньютона, Паскаля, Тассо, Руссо, Кардано, которые все были болѣе или менѣе мономаны и меланхолики. Среди музыкантовъ, въ отличіе отъ живописцевъ, надъ преступностью преобладаетъ душевная болѣзнь: стоитъ назвать Бетховена, Гуно (!?), Доницетти, Шумана, Моцарта (?!) [139]).

Главы IX, X, XI и XII трактуютъ о жаргонѣ преступниковъ, письмѣ, литературѣ преступниковъ и о преступныхъ сообществахъ.

Глава IX-ая, какъ говоритъ самъ Ломброзо, составляетъ воспроизведеніе работъ Ascoli, Biondelli, Moreau-Christophe, Avé-Lallemant.

---

139) Стр. 461—465. Этотъ отдѣлъ изслѣдованія вызываетъ сильнѣйшія возраженія. Стоитъ обратить вниманіе на помѣщеніе среди преступниковъ Ugo Foscolo и Байрона на ряду съ такими негодяями, какъ Luciani, Lacenaire и т. д. За разжалованіе въ преступники Ugo Foscolo, популярнаго Итальянскаго поэта, авторъ подвергся уже совершенно справедливому упреку со стороны историка Итальянской литературы d'Ancona. Въ примѣчаніи къ стр. 463 Ломброзо возражаетъ d'Ancona, что онъ не только извлекъ изъ стиховъ Foscolo сознаніе въ безнравственныхъ тенденціяхъ (!?), но сверхъ того отъ лица, достойнаго довѣрія, получилъ свѣдѣнія о кутежахъ Foscolo, въ то время, когда его семья нищенствовала, объ исчезновеніи у Foscolo наемнаго экипажа и лошади, можетъ быть, вслѣдствіе разсѣянности; что, далѣе, нельзя отрицать относительно Foscolo факта двойнаго или, можетъ быть, тройнаго прелюбодѣянія почти одновременныхъ, изъ коихъ одно было не безкорыстное (?!). Наконецъ, и это, по мнѣнію автора, особенно важно, по осмотру черепа Foscolo, Mantegazza нашелъ, что это брахикефалическій черепъ, и притомъ, черепъ «аномальный».—Нельзя съ достаточной силой протестовать противъ этого инквизиторскаго осужденія имени одного изъ наиболѣе значительныхъ новѣйшихъ Итальянскихъ поэтовъ, противъ этого антропологическаго обвинительнаго акта. Конечно, авторъ такъ много занимался чтеніемъ стихотвореній помѣшанныхъ и преступниковъ,—что произведенія настоящихъ поэтовъ находятъ у него извращенную оцѣнку. Нужно ли говорить, что, осуждая Фосколо на основаніи содержанія его поэтическихъ произведеній, Ломброзо позволяетъ себѣ безпримѣрный, непростительный пріемъ,—пріемъ на основаніи котораго можно осудить и Шиллера за его «Разбойниковъ», и нашего Пушкина. Весьма характернымъ представляется наконецъ доказательство аномальнаго черепа, приводимое противъ Foscolo.—По части преступленія художниковъ, авторъ неизвѣстно откуда, позаимствовалъ обвиненіе въ убійствѣ противъ Andrea del Sarto. — Въ извѣстномъ трудѣ аббата Lanci объ Итальянской живописи, составляющемъ дополненіе къ труду Vasari и дающемъ біографическія свѣдѣнія о всѣхъ Итальянскихъ художникахъ, — ничего подобнаго не упоминается о del Sarto. Напротивъ авторъ характеризируетъ del Sarto какъ скромнаго, кроткаго и чувствительнаго человѣка. (См. французск. перев. книги Lanci Dieudé 1824 г. Т. I. стр. 243). Вообще при заподозриваніи разныхъ замѣчательныхъ живописцевъ невольно вспоминаются несправедливыя подозрѣнія, павшія на Микель Анджело,—отголоскъ о которыхъ такъ художественно вложенъ Пушкинымъ въ уста Сальери. Ziino, Fisiopatologia del delitto стр. 41 прим. 1, также возражаетъ на основаніи показаній Вазари противъ упрековъ, возводимыхъ Ломброзо на Andrea del Sarto.

Авторъ изслѣдовалъ жаргонъ Калабріи и Lago Maggiore, а равно воспользовался нѣсколькими изслѣдованіями Итальянскаго жаргона, помѣщенными въ Archivio di Psichiatria.

Одна изъ особенностей преступнаго человѣка, рецидивиста и участника преступнаго сообщества—употребленіе своего собственнаго языка, въ которомъ совершенно измѣнена лексикальная сторона народнаго языка. Происхожденіе жаргона преступниковъ объусловливается тенденціей людей одного класса и профессіи создавать свой особенный языкъ, въ особенности, если этотъ классъ находится въ зависимости отъ публики. Посредствомъ спеціальнаго языка утверждается общность интересовъ, устраняется контроль посторонникъ лицъ. Далѣе въ образованіи жаргона играютъ большую роль историческое преданіе, (что доказывается многочисленными, сохранившимися въ современномъ жаргонѣ, древнѣйшими словами), и наконецъ атавизмъ. Преступники говорятъ различно отъ непреступниковъ, потому что чувствуютъ различно; говорятъ какъ дикари, потому что они дикари среди цвѣтущей европейской цивилизаціи. Ломброзо видитъ примѣры атавизма въ выраженіяхъ: «mammella», обозначающемъ землю», serpe (змѣя) для обозначенія года, признавая въ нихъ слѣды культа Кибелы и египетскихъ іероглифовъ [140]).

Въ главѣ X Ломброзо изучаетъ различіе почерка у разныхъ категорій преступниковъ [141]).

На основаніи собраннаго матеріала авторъ считаетъ возможнымъ письмо преступниковъ раздѣлить на двѣ большія группы по почерку. Первая группа (почеркъ убійцъ, разбойниковъ и грабителей), представляетъ удлиненіе буквъ, криволинейность и опредѣленность чертъ, какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ окончаніяхъ буквъ. Изъ 98 убійцъ и грабителей—52 представляютъ эти признаки. Впрочемъ, существуетъ почеркъ извѣстной части убійцъ, отличающійся раздѣльностью и округленностью буквъ и свидѣтельствующій о дрожаніи рукъ у писавшаго (этотъ характеръ почерка найденъ 13 разъ у 90 убійцъ). Вторая группа (почеркъ спеціально воровъ) даетъ буквы расширенныя, безъ острыхъ очертаній и криволинейныхъ окончаній. Преступницы приближаются по почерку къ мужчинамъ; это, впрочемъ, замѣтно и у энергическихъ, непреступныхъ женщинъ.

Что касается до почерка душевно-больныхъ, то таковой носитъ признаки малой опредѣленности, неровности,—смѣшенія заглавныхъ буквъ

---

140) Cap. IX. Gerghi. Стр. 467—490.

141) Cap. X. Scritture dei delinquenti стр. 491 и слѣд.

съ строчными, обилія ненужныхъ точекъ, подчеркиванія и выписыванія печатными буквами нѣкоторыхъ словъ, дрожанія и неустойчивости почерка, неразборчивости окончанія словъ [142]).

Въ главѣ XI (Letteratura dei delinquenti) авторъ трактуетъ о литературѣ преступниковъ. Къ литературѣ преступниковъ авторъ относитъ грязныя книги (libri osceni) Овидія, Петронія, Аретино и множество повѣствованій о преступникахъ, полу-историческаго, полу-фантастическаго содержанія, въ грубыхъ простонародныхъ изданіяхъ, обращающихся въ народѣ «къ великому вреду его». Наиболѣе интересна, по мнѣнію автора, литература, создаваемая самимъ преступникомъ. Въ изданіи Pittré авторъ цитуетъ 41 пѣсню криминальнаго содержанія, изъ которыхъ 27 признаются издателемъ спеціально тюремными [143]). Одна изъ Сицилійскихъ пѣсенъ рисуетъ идеалъ преступника, провозглашая недостойнымъ уваженія того, кто раскаивается.—Въ другой говорится, что тюрьма—счастіе для человѣка, она не караетъ, а обучаетъ воровать и укрываться. Третья—гимнъ въ честь тюрьмы [144]). Авторъ замѣчаетъ, что въ этихъ пѣсняхъ обнаруживается настроеніе преступниковъ, находящихъ себѣ гнѣздо въ тюрьмѣ, и подтверждается высказанное имъ мнѣніе о безсиліи тюрьмы, превращенной въ удобную гостинницу, воздѣйствовать противъ рецидивы [145]).

Отъ тюремныхъ пѣсенъ авторъ переходитъ къ стихотворнымъ произведеніямъ преступниковъ, а равно душевно-больныхъ. Литературныя произведенія послѣднихъ, по мнѣнію Ломброзо, часто превосходятъ сочиненія преступниковъ горячимъ и страстнымъ краснорѣчіемъ, встрѣчающимся единственно у великихъ писателей (sic); они болѣе оригинальны по идеѣ и по формѣ—хотя иногда и выдаютъ своихъ авторовъ игрою словъ и омофоніей [146]).

---

142) Стр. 491—496.

143) Сар. XI. Стр. 497—522. Въ одной сицилійской пѣснѣ выражается протестъ противъ энергическихъ законовъ правительства объединенной Италіи,—введенныхъ въ Сициліи. Sta liggi nuovi di Turinu vinni Ca pr'ún conteddu (coltellu) si va tridici anni (in carcere).

144) Стр. 502. Carcere vita mia, cara, felice!

145) Стр. 503. Авторъ, впрочемъ, рядомъ съ указанными, приводитъ и въ высшей степени поэтическую и исполненную глубокаго человѣческаго чувства пѣсню, въ коей преступникъ обращается мыслью къ матери.

146) Стр. 523. См. также Augusto Tebaldi, Ragione a pazzia 1884, главу VII, I pazzi nella letteratura, гдѣ авторъ чрезмѣрно превозноситъ стихотворенія душевно-больныхъ, и проводитъ между душевно-больнымъ и здоровымъ поэтомъ слѣду-

Въ главѣ XII «о преступныхъ сообществахъ» (associazione al mal fare) описываются разбойничество, каморра и мафія въ Италіи [147]).

ющую параллель къ выгодѣ перваго: «Искусство у душевно-больнаго — откровеніе, у поэта—вымыселъ; у перваго чувствуешь истину, второй вводитъ насъ въ иллюзію, что мы ее чувствуемъ (стр. 186). Странное увлеченіе поэзіей душевно-больныхъ вовлекло Ломброзо въ смѣшную ошибку: въ статьѣ Omicidio e furto per amore pazzesco (Archivio di Psich. 1883 г.), Ломброзо, сообщая высоко-поэтическое стихотвореніе одного больнаго, страдавшаго маніей преслѣдованія,—замѣчаетъ, что ему удавалось быть истиннымъ поэтомъ. Между тѣмъ указанное стихотвореніе, какъ было указано Ломброзо въ печати, оказалось... сонетомъ (XXVIII) Petrarca. (См. поправку въ Archivio того же года на стр. 540).

147) Стр. 524—542. Эта глава представляетъ весьма блѣдную и бѣглую выборку изъ многочисленныхъ сочиненій по важному и любопытному предмету преступныхъ сообществъ профессіональной дѣятельности и быта преступниковъ.—Гораздо болѣе значенія принадлежитъ монографіямъ, напечатаннымъ въ Archivio di Psichiatria, и представляющимъ вполнѣ правильное примѣненіе мысли о законности и необходимости опытнаго изученія преступника, обыкновенно облекающейся въ парадоксальную форму въ новой итальянской школѣ. — Къ этимъ прекраснымъ работамъ — принадлежатъ: Abbatemarco, La camorra in Napoli (Archivio di psichiatria т. I, 1880 г. стр. 60 и сл.), Garofalo, L'assassinio nelle Romagne (тамъ же т. III 1882 г. стр. 99 и сл.). его же Criminalità in Bologna e sue cause (тамъ же т. IV, 1883 г. стр. 118 и сл.). Pugliese, Note sulla criminalità nelle Puglie (тамъ же т. V, 1884 г. стр. 39 и сл.) Lestinghi, L'associazione della Fratellanza nella provincia di Girgenti (тамъ же стр. 452 и сл.). Tammeo, Pensieri sulla criminalità in Italia. (T. VI, 1885 г. стр. 82 и слѣд). Garofalo, Studio della criminalità nell circondario di Santa Maria Capua vetere, тамъ же стр. 299, Allonzi, Maffia тамъ же стр. 440). — При чтеніи этихъ талантливыхъ работъ читатель не можетъ не замѣтить частаго объясненія усилившейся порочности и преступности ослабленіемъ религіознаго чувства; эта глубоко вѣрная мысль пробивается такимъ образомъ наружу, не смотря на явное ея несогласіе съ основнымъ міровоззрѣніемъ этихъ писателей. — По части указаннаго явленія см. въ особенности работы Tammeo и Garofalo; у послѣдняго та же мысль выражается, какъ увидимъ, и къ большихъ его сочиненіяхъ. При всей многочисленности изслѣдованій преступныхъ сообществъ Италіи,— большое значеніе остается и нынѣ за книгой Marc-Monnier, La Camorra. 1863 г.—Изслѣдованія по указанному предмету въ послѣднее время обогатились необыкновенно богатымъ по содержанію и образцовымъ по наблюдательности изслѣдованіемъ Ω Σ въ Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft. Die Verbrecherwelt von Berlin (т. 4, 1884 г. стр. 415 и сл. т. 5,1885 стр. 116—149, 429—450). Изъ богатѣйшаго содержанія укажу на нѣсколько интересныхъ фактовъ: такъ самые деградированные преступники, по удостовѣренію автора, заботятся о добромъ воспитаніи своихъ дѣтей, скрывая отъ нихъ при томъ свой собственный образъ жизни. — Вообще въ Берлинѣ, не смотря на сильнѣйшее развитіе преступности въ видѣ ремесла, не существуетъ преступности, переходящей отъ поколѣнія къ поколѣнію. Weitaus die

V.

Глава XIII «L'uomo delinquente» озаглавлена «Pazzi morali e delinquenti nati. Forza irresistibile».—Эта глава—вмѣстѣ съ послѣдней главой сочиненія XIV (Riassunto), является наиболѣе важной во всемъ трудѣ Ломброзо въ виду обоснованія въ ней положенія о тождествѣ прирожденнаго преступника и нравственно-помѣшаннаго. Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію душевно-больнаго преступника, — говоритъ Ломброзо, мы должны характеризовать или лучше сказать отдѣлить отъ послѣдняго — нравственно-помѣшаннаго (pazzo morale), котораго мы уже изучили,—изучая delinquente nato» [148]).

Аргументація Ломброзо относительно тождества pazzo morale и delinquente nato въ настоящей главѣ состоитъ въ томъ, что онъ находитъ у нравственно-помѣшаннаго совокупность тѣхъ признаковъ, которые, согласно предшествующему изложенію, найдены у прирожденнаго преступника. Прежде всего указывается, на одно изъ косвенныхъ доказательствъ тождественности нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности, а именно что случаи нравственнаго помѣшательства очень рѣдко встрѣчаются въ лѣчебницахъ душевно-больныхъ и очень часто въ тюрьмѣ. Такъ Dagonet насчитываетъ на 3000 душевно-больныхъ только 10 или 12 случаевъ нравственнаго помѣшательства, Adriani и Palmerini среди 888 душевно-больныхъ не нашелъ ни одного, Verga въ публичныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ нашелъ только 0,56 нравственно помѣшанныхъ на 18000 душевно-больныхъ; въ частныхъ лѣчебницахъ—гораздо большій процентъ (3,9%). Напротивъ среди 960 душевно-больныхъ въ тюрьмѣ въ теченіе 10 лѣтъ оффиціально удостовѣренныхъ pazzi morale было 5,2% [149]).

Mehrheit der bestraften Personen stammt aus rechtschaffenen Familien.— Es giebt mithin in Berlin keine eigentlichen Verbrecher—Familien in dem Sinne von Vererbung von Geschlecht zu Geschlecht, der künstlichen Aufzucht in der Blutverwandschaft. — Wohl aber fehlt es niemals an einem alten Stamme (стр. 118 — 119). Несомнѣнно эти наблюденія имѣютъ большое значеніе по вопросу о соотношеніи біологическихъ и соціальныхъ факторовъ преступленія вообще,—по вопросу о типѣ delinquente nato въ частности.

148) Стр. 543. Изслѣдованіе душевно-больнаго преступника Ломброзо предполагаетъ изложить въ слѣдующемъ томѣ L'uomo delinquente», — который до сихъ поръ не появлялся въ печати.

149) Стр. 546.—Можно ли дѣлать основательный выводъ по части отождествленія нравственно помѣшанныхъ и прирожденныхъ преступниковъ,—изъ того обстоятельства, что первые

Отдѣльные признаки нравственно-помѣшанныхъ перечисляются слѣдующимъ образомъ:

Изъ 37 нравственно-помѣшанныхъ 22 по крѣпости сложенія и вѣсу тѣла превосходили, подобно тому, что замѣчено у многихъ преступниковъ, нормальныхъ людей. Amadei въ случаяхъ дегенеративнаго помѣшательства у эпилептиковъ нашелъ увеличеніе вѣса [150]). Авторъ замѣчаетъ, что хотя преобладаніе вѣса, замѣчаемое вообще у преступниковъ, недостаточно засвидѣтельствовано относительно нравственно помѣшанныхъ, но это зависитъ отъ небольшаго числа наблюденій.

По части измѣренія вмѣстимости черепа у pazzi morali (числомъ 23) не оказалось значительнаго различія при сравненіи съ нормальнымъ человѣкомъ, — что авторъ объясняетъ незначительнымъ числомъ произведенныхъ измѣреній, ссылаясь на Крафта Эббинга и Легранъ дю Солль относительно часто замѣченныхъ у нихъ: микро и макрокефаліи, удлиненныхъ или черезъ-чуръ круглыхъ череповъ, ассиметріи лица, большаго рта, дурнаго строенія зубовъ, увеличенныхъ ушей,—аномалій, замѣченныхъ у преступниковъ. Изъ числа 14 pazzi morali, паціентовъ Virgilio 8 имѣли аномаліи черепа, 7 были лишены таковыхъ.

Ломброзо припоминаетъ аномаліи отдѣльныхъ субъектовъ: у Sbro— челнокообразный черепъ (carenato), у Verzeni, Chiappini, Agnoletti лобная кость болѣе развита съ лѣвой стороны сравнительно съ правой, притомъ у перваго имѣется костистый гребень, R — платикефалъ, Bian—оксикефалъ, Sgr—скафокефалъ, у CC—узкій лобъ. Лишь трое свободны отъ черепныхъ аномалій: Perino, далѣе сбиръ, на-

---

встрѣчаются чаще въ тюрьмахъ, чѣмъ въ домахъ умалешенныхъ? — Вѣдь это обстоятельство можетъ единственно указывать на то, что нравственно помѣшанные смѣшиваются съ преступниками. Вся послѣдующая аргументація Ломброзо построена на слѣдующемъ пріемѣ сравненія pazzo morale съ delinquente nato. Для доказательства ихъ тождества берутся преступники,—затѣмъ эти преступники объявляются pazzi morali и у полученныхъ такимъ образомъ pazzi morali естественно получаются черты и признаки преступнаго человѣка.

150) Стр. 547. Въ подтвержденіе сказаннаго въ предшествующемъ примѣчаніи укажу, что по части тѣлеснаго вѣса авторъ перечисляетъ въ числѣ pazzi morali Verzeni, Sbro, Agnoletti, все настоящихъ преступниковъ, описывавшихся въ предшествующемъ изложеніи. Съ Verzeni у автора выходитъ страшная путаница: на стр. 547 онъ pazzo morale — delinquente nato, на стр. 447 онъ grande colpevole, на стр. 436 Verzeni въ компаніи съ Farina объявляется душевно-больнымъ, при чемъ Ломброзо душевно-больныхъ по части меньшаго упорства въ скрытіи преступленій противупоставляетъ обычнымъ преступникамъ.

блюдавшійся Livi, С. Бонвекьято, а съ кліэнтами Virgilio 10 на 24 [151]).

Что касается до физіономіи, то физіономіи нравственно-помѣшанныхъ Sbr... Ross... X. Verzeni воспроизводятъ всѣ признаки преступнаго человѣка. Большія челюсти, ассиметрія лица, неровныя уши, недостатокъ бороды у мужчинъ, мужская физіономія у женщинъ. У нравственно-помѣшаннаго F, изслѣдованнаго Verga, дурно посажены зубы, у Gil. большія скуловыя дуги и челюсти, косые глаза. Въ числѣ изображеній нѣмецкаго альбома имѣются портреты четырехъ pazzi morali съ полнымъ преступнымъ типомъ; изъ 14 pazzi morali Virgilio у 7 были аномаліи ушей, у 3 аномалія зубовъ, у 5 аномалія носа, 9 были свободны отъ аномалій (64%), — идіотовъ свободныхъ отъ аномалій оказывается 55%. Авторъ повидимому неудовлетворенъ этимъ результатомъ и старается смягчить его: если у pazzi morali, говоритъ онъ, встрѣчается менѣе аномалій сравнительно съ преступниками, то это объясняется большимъ количествомъ наблюдавшихся въ manicomi случаевъ pazzia morale,—возникшихъ въ болѣе позднемъ возрастѣ или вслѣдствіе тифа,—почему физіономія не могла сформироваться съ тѣмъ зловѣщимъ характеромъ, который замѣчается у прирожденыхъ преступниковъ.—Не подлежитъ однако сомнѣнію,—что это объясненіе Ломброзо чрезвычайно слабо: во первыхъ онъ самъ въ началѣ своей книги отождествляетъ почти всѣхъ дѣтей съ pazzi morali, признавая нравственное помѣшательство прирожденной болѣзнью; далѣе въ этой же самой XIII главѣ авторъ на страницѣ 570 говоритъ, что delinquente nato и pazzo morale почти всегда являются таковыми съ дѣтства или отрочества.

---

151) Стр. 547—548. Авторъ дѣлаетъ странную ариѳметическую ошибку относительно 14 pazzi morali Virgilio, насчитывая изъ нихъ 8 аномальныхъ и 7 нормальныхъ. Такая же ошибка относительно тѣхъ же кліэнтовъ Виргиліо повторяется ниже: среди 14 насчитывая 7—8 аномальныхъ, 9 свободныхъ отъ аномалій (!?). Замѣчательно, что изслѣдовавшіе Sbro Tamburini и Sepilli нашли у него форму головы leggermente carenata, далѣе, нормальный объемъ черепа (Studio di Psicopatologia criminale стр. 21). Такимъ образомъ отзывъ Ломброзо о Sbro неточенъ. Относительно Agnoletti см. Bonvecchiato, A proposito di un processo scandaloso, гдѣ авторъ настойчиво доказываетъ, что у Аньолетти не было ни прирожденной, ни пріобрѣтенной pazzia morale (119). При этомъ Bonvecchiato упоминаетъ, что по заключенію, данному Ломброзо въ процессѣ Аньолетти, у него были movenze di pazzo, т. е. побужденія обыкновеннаго душевно-больнаго (!?).

Далѣе авторъ указываетъ на аналогію въ функціональныхъ аномаліяхъ, засвидѣтельствованную Крафтъ Эббингомъ, Bonvecchiato, Amadei, Tonnini, Berti, Verga: strabismus nistagmus, конвульсивныя движенія лица, атаксія, гиперестезія временная и постоянная, нетерпимость къ спиртнымъ напиткамъ,—анальгезія, все признаки преступниковъ. Татуировка встрѣчается у pazzi morali: если взять случаи, изслѣдованные де Паоли,—то окажется, что большинство татуированныхъ субъектовъ принадлежатъ къ pazzi morali; единственный pazzo morale, найденный авторомъ въ manicomio Турина, былъ татуированъ. — Въ настоящее время, прибавляетъ авторъ, самые хитрые преступники отказываются отъ татуировки и число случаевъ татуированныхъ лицъ съ каждымъ годомъ даетъ меньшую цифру. [152]).

У pazzi morali далѣе встрѣчается слабая реакція сосудистой системы при испытаніи сфигмографомъ (показаніе Крафтъ Эббинга и опытъ надъ Sbro—[153]), далѣе необыкновенная гибкость тѣла (авторъ нашелъ троихъ pazzi morali, не уступающихъ обезьянѣ по части ловкости въ тѣлесныхъ упражненіяхъ), сильнѣйшіе половые побуды, (замѣченные у Verzeni, Sbro, Bertrand, Menscelou, Lemaitre). Наконецъ сильнѣйшая аномалія встрѣчается у тѣхъ и другихъ по части нравственнаго характера. Такъ Шюле и Крафтъ Эббингъ согласно называютъ ихъ нравственными идіотами, нравственно слѣпыми,—усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ неприкосновенность понятія личнаго интереса, полезнаго и вреднаго).

---

[152]) Стр. 549—551. Это замѣчаніе автора представляется неожиданнымъ, если сопоставить его съ главой 1-й III части о татуировкѣ, гдѣ говорится о распространенности этого признака среди преступниковъ. Затѣмъ странною является ссылка на De Paoli; въ той же главѣ 1-й, III ч. стр. 326, авторъ, упомянувъ о томъ, что татуировка рѣдко встрѣчается у обыкновенныхъ душевно-больныхъ въ отличіе отъ преступниковъ, сообщаетъ о нахожденіи De Paoli 19 татуированныхъ лицъ въ числѣ 278 душевнобольныхъ въ manicomio Генуи. Изъ нихъ 11 происходили изъ тюрьмы, остальные в о с е м ь татуировались, будучи солдатами или моряками. На страницѣ же 551 Ломброзо этихъ 19 субъектовъ уже называетъ pazzi morali, на какомъ основаніи — неизвѣстно. Если вѣрить этому послѣднему показанію, то въ противность сказанному на стр. 546 главы XIII-й, въ manicomi оказывается значительный процентъ pazzi morali.

[153]) Стр. 551. Интересно по части отождествленія pazzo morale съ delinquente nato изслѣдованіе Amadei и Tonnini относительно появленія краски въ лицѣ у 126 душевно-больныхъ (Archivio di Psichiatria т. V fasc. стр. 114). По этому изслѣдованію лица краснѣющія превышаютъ числомъ некраснѣющихъ. Изъ 10 pazzi morali краснѣютъ 8, все молодые субъекты. Этотъ фактъ въ величайшемъ противурѣчіи съ отмѣченнымъ Ломброзо у преступниковъ mancanza del rossore (см. стр. 345 «L'Uomo delinquente»).

Ломброзо напоминаетъ, что признаки, отмѣченные имъ у delinquente nato совершенно сотвѣтствуютъ этому признаку. У прирожденнаго преступника и нравственно помѣшаннаго проявляется ненависть, безъ всякой причины,—ненависть, соединенная съ местью и завистью при наличности ничтожнѣйшихъ причинъ.—Далѣе у нравственно помѣшанныхъ (Agnoletti, Sandou, Faella, Gasparone) подобно преступникамъ развито тщеславіе и мегаломанія, но умственныя способности ихъ во всякомъ случаѣ не повреждены въ той мѣрѣ, какъ нравственное чувство. Упомянувъ о разногласіи психіатровъ относительно неприкосновенности умственныхъ способностей у нравственно помѣшанныхъ, Ломброзо старается примирить эти возрѣнія, указывая на возможность различныхъ видовъ по различію умственныхъ способностей; среди нравственно помѣшанныхъ и преступниковъ—можно, говоритъ Ломброзо, указать на градацію чуть не отъ генія до идіота [154]). Нравственное помѣшательство вообще—родъ, къ которому преступленіе относится какъ видъ; вотъ почему оно представляетъ различные варіанты и среди нихъ такіе, при которыхъ разнообразныя формы или по крайней мѣрѣ разные симптомы душевныхъ болѣзней прививаются къ главной формѣ т. е. pazzia morale, какъ криптогамы живутъ на другихъ криптогамахъ; такъ у одного нравственно-помѣшаннаго, наблюдавшагося авторомъ, была ипохондрія; эпилепсія была у двоихъ кліентовъ Bonvecchiato и Morselli.—Съ другой стороны у преступниковъ, при нормальномъ повидимому состояніи умственныхъ способностей, типическіе случаи связываются съ душевной болѣзнью и съ эпилепсіей [155]).

Напоминая о различіяхъ, которыя пытались установить между нравственно помѣшанными и прирожденными преступниками—Ломброзо утверждаетъ, что эти попытки только доказываютъ тождество тѣхъ и другихъ.—Такъ Крафтъ Эббингъ и Шюле упоминаютъ, говоря о pazzi morali, о слѣдующихъ признакахъ: происхожденіи отъ душевныхъ больныхъ, пьяницъ, эпилептиковъ, о болѣзняхъ мозга, функціональныхъ извращеніяхъ нервной системы, косоглазіи, подверженности неврозамъ и помѣшательству.—Но все это оказывается у прирожденныхъ преступниковъ. Нельзя также въ основаніе различія тѣхъ и другихъ ссылаться на то, что преступники совершаютъ преступное дѣяніе предумышленно, въ тайнѣ, тогда какъ нравственно помѣшанные не скрываютъ преступленія, не сознавая его запрещенности,—такъ какъ у послѣднихъ замѣчается иногда

---

154) См. 551—559.

155) См. 560—561.

чрезвычайное притворство, которое не чуждо и настоящимъ душевнымъ больнымъ,—у первыхъ же нерѣдко замѣчается похвальба передъ совершеніемъ преступленія, внезапныя сознанія — первому встрѣчному.

Въ отличіе отъ душевно-больныхъ, чувствующихъ отвращеніе къ преступникамъ и склонныхъ уединяться—нравственно помѣшанные чувствуютъ потребность, подобно большинству преступниковъ, жить въ обществѣ, столь ими ненавидимомъ. Далѣе у нравственно помѣшанныхъ встрѣчается и тщеславіе относительно преступленій, потребность увѣковѣчить память о немъ на письмѣ (Sbro, Menesclou) [156]).

Переходя къ симптоматикѣ нравственнаго помѣшательства и останавливаясь на возраженіи, что многія душевныя болѣзни обладаютъ въ числѣ ихъ симптомовъ тенденціями p a z z i a m o r a l e,—Ломброзо не считаетъ этого обстоятельства достаточнымъ основаніемъ заподозрѣвать самостоятельнаго существованія ея,—такъ какъ параличъ и эпилепсія являются иногда съ характеромъ истерическимъ и сифилитическимъ [157]).

Что касается этіологіи болѣзни, — то какъ урожденный преступникъ, такъ и истинно нравственно помѣшанный бываютъ таковыми съ дѣтства. У Verzeni, Lemaitre, Sbro,—нравственное помѣшательство связывается съ отрочествомъ,—какъ единственной причиной. Точно также и старческій возрастъ и упадокъ половой функціи можетъ вызвать развитіе тенденціи къ нравственному помѣшательству (Garrayo Saccamanecas, безукоризненный до 40 лѣтъ, и затѣмъ necrofilo maniaco). Происхожденіе отъ душевно-больныхъ родителей встрѣчается у нравственно помѣшанныхъ, но, подобно тому, что замѣчается и у преступниковъ,—въ меньшей пропорціи, чѣмъ у обыкновенныхъ душевно-больныхъ; напротивъ пропорція родителей эгоистовъ, порочныхъ и преступныхъ больше у нравственно помѣшанныхъ; такъ, по изслѣдованіямъ Campagne, среди 15 p a z z i m o r a l i найдены 4 случая, въ коихъ было душевно-больная мать, 2 случая, гдѣ была душевно-больная тетка и 3 случая — гдѣ были душевно-больные двоюродные братья, тогда какъ у 12 отцовъ и 13 матерей оказался э г о и з м ъ, у 3 матерей — апоплексія, у

---

156) См. 566—568.

157) Стр. 569. Это замѣчаніе представляется мало основательнымъ. Вѣдь сифилисъ признается одной изъ возможныхъ причинъ эпилепсіи, имѣетъ этіологическое значеніе для нея, а не составляетъ ея симптома. См. Voisin. L e ç o n s c l i n i q u e s s u r l e s m a l a d i e s m e n t a l e s стр. 588.

15 отцовъ чрезмѣрная нравственная энергія, а у 5—слабость нравственной энергіи. Виргиліо нашелъ у своихъ нравственно помѣшанныхъ паціентовъ: наслѣдственность душевной болѣзни родителей у 1 изъ 14, обычнаго пьянства—у 3, преступныхъ тенденцій—у 2, невропатіи—у 2. Такимъ образомъ наслѣдственное вліяніе душевной болѣзни не столь сильно у нравственно помѣшанныхъ, сколько наслѣдственное вліяніе порока и преступности. Далѣе пропорція наслѣдственной болѣзни у p a z z i m o r a l i совпадаетъ съ наслѣдственностью ея у преступниковъ, у которыхъ она, по изслѣдованію Соммера, является въ размѣрѣ 22%, — въ отличіе обыкновенныхъ душевно-больныхъ, среди которыхъ наслѣдственность даетъ 30% [138]).

Наиболѣе важное значеніе представляетъ, по мнѣнію Ломброзо, незначительная, правда, но несомнѣнно удостовѣренная доля нравственно помѣшанныхъ,—сдѣлавшихся таковыми вслѣдствіе дурнаго воспитанія. Holländer и Savage указываютъ частое появленіе болѣзни у тѣхъ, которые, вслѣдствіе излишней доброты или небрежности родителей, не обуздывались въ дѣтствѣ, не пріучались къ сдержкамъ, налагаемымъ закономъ. Это явленіе объясняется Ломброзо указанными въ первой части l'Uomo delinquente преступными тенденціями дѣтей, представляющими физіологически состояніе, подобное pazzia morale. — Такое состояніе дѣлается современемъ о б ы ч н ы м ъ, что происходитъ тѣмъ легче, чѣмъ больше оно обусловливается скрытыми н а с л ѣ д с т в е н н ы м и вліяніями,—но оно бываетъ и тогда, когда у отдѣльнаго индивидуума нѣтъ спеціальныхъ тенденцій къ преступленію [139]).

Авторъ, далѣе, переходитъ къ изслѣдованію понятія «F o r z a

---

[138]) Стр. 570—572. Указавъ на меньшій процентъ наслѣдственности душевной болѣзни у преступниковъ и pazzi morali, сравнительно съ обыкновенными душевно-больными,—авторъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что наслѣдственность душевной болѣзни можетъ быть (forse) значительнѣе у особенно тяжкихъ преступниковъ и перечисляетъ таковыхъ: Faella Alberti, Mio, Gotting, Agordo, Costa, Militello, Palmerini, Didier, Busu, Brienz, Ceresa, Abbado. Въ статьѣ Ломброзо Pazzia morale e delinquente nato (Archivio III, 1882 стр. 370) прямо говорится, что наслѣдственная передача душевной болѣзни встрѣчается у всѣхъ g r a n d i d e l i n q u e n t i, при чемъ авторъ называетъ всѣхъ только что перечисленныхъ преступниковъ; если припомнить, что перечисленные grandi delinquenti и есть delinquenti nati, они же pazzi morali, — то какимъ образомъ дозволительно утверждать, что наслѣдственность душевной болѣзни у pazzi morali меньше, чѣмъ у душевно-больныхъ? И здѣсь, какъ и постоянно, встрѣчается неустойчивость выводовъ въ силу того, что авторъ хочетъ отличить d e l i n q u e n t e n a t o отъ душевно-больнаго, а между тѣмъ невольно наталкивается на общее понятіе о д у ш е в н о й б о л ѣ з н и.

[139]) Стр. 573.

irresistibile» — (непреодолимой силы), которая, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ извращенной аффективности, изъ чрезмѣрной и безпричинной ненависти, изъ отсутствія сдержекъ. изъ многообразныхъ наслѣдственныхъ тенденцій. Приведя нѣсколько примѣровъ этой неопреодолимой силы, толкающей нравственно помѣшаннаго на безнравственныя, преступныя, импульсивныя дѣйствія, авторъ объясняетъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: въ мозгу, извѣстнымъ образомъ предрасположенномъ дурнымъ питаніемъ, пріостановившемся относительно дальнѣйшаго развитія съ рожденія, всегда есть locus minoris resistentiae, гдѣ укореняется одна изъ тысячи болѣзненныхъ тенденцій, которыя исчезаютъ подъ вліяніемъ хорошаго темперамента и хорошаго воспитанія, — но остаются при наличности благопріятнаго для нихъ организма и при пренебреженіи воспитаніемъ. Подобныя явленія встрѣчаются и въ урожденныхъ преступникахъ, — что доказывается вышеприведенными данными о рецидивѣ, а также заявленіями самихъ преступниковъ; такъ одинъ воръ говорилъ автору, что страсть къ воровству у него въ крови и что онъ не можетъ воздержаться отъ похищенія иголки [160]).

Послѣдняя глава l'Uomo delinquente (XIV)—резюме части II и всего сочиненія (Riassunto).—Она начинается съ того, что изслѣдованія, изложенныя въ 3-й части, замѣчательно связываются съ изслѣдованіями второй относительно выясненія въ преступномъ человѣкѣ дикаря и вмѣстѣ больнаго человѣка. Аналогія и даже полное тождество между pazzo morale u delinquente nato, говоритъ авторъ, навсегда (!?) полагаютъ конецъ спору между моралистами, психіатрами и юристами съ одной, и разными психіатрическими школами съ другой стороны, — спору, въ которомъ, по странному стеченію обстоятельствъ, всѣ были правы, такъ какъ съ одной стороны справедливо, что признаки, относимые къ pazzia morale, свойственны преступнику, съ другой стороны вѣрно и то, что признаки delinquente nato въ точности встрѣчали у нѣкоторыхъ pazzi morali [161]).

Такимъ образомъ понятіемъ о Follia morale дополняется и исправляется теорія атавизма преступленія, съ присоединеніемъ къ

---

160) Стр. 575—582. Авторъ приводитъ по этому поводу длинный рядъ портретовъ преступниковъ, (Don Vincente d'Arragona, страстный библіофилъ, убійца изъ-за рѣдкой книги, купленной другимъ на аукціонѣ, Jegado, служанка — отравительница, Marquis De Sadt, сладострастный убійца). Всѣ эти лица, осужденныя какъ преступники, были folli morali, по мнѣнію Ломброзо.

161) Стр. 583—586.

ней понятія о дурномъ питаніи мозга,—о дурномъ функціонированіи нервовъ; къ явленію уродливости присоединяется явленіе болѣзни. Вліяніемъ болѣзни объясняются плагіокефалія черепа, склерозъ, osteofiti и прочія страданія и болѣзни мозга, болѣзненныя явленія въ сердцѣ, печени, желудкѣ, пигментація нервныхъ клѣтокъ,—отекъ въ корковыхъ слояхъ,—а эти явленія въ свою очередь объясняютъ неравенство или расширеніе зрачковъ, аномаліи сухожильныхъ рефлексовъ, судороги, хорею, анальгезію и анестезію, недостатокъ реакціи сосудовъ, странность душевнаго настроенія, жестокость, пристрастіе ко злу, какъ таковому, аномаліи чувствованій.

По этому поводу Ломброзо дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: мнѣ было бы легко, говорить онъ, объяснять генезисъ болѣзни, присоединяясь къ той группѣ психіатровъ, которые защищаютъ понятіе дегенераціи, искаженіе тѣлеснаго и психическаго вида въ силу болѣзненной наслѣдственности. Эта группа ученыхъ преувеличиваетъ однако о понятіе дегенераціи, довольствуясь для установленія таковаго хотя бы однимъ самымъ незначительнымъ признакомъ. — Но, замѣчаетъ Ломброзо,—въ эпоху, когда наука стремится къ анализу,—мнѣ кажется, что это понятіе слишкомъ расширено, обнимая слишкомъ много отдѣловъ патологической области, начиная отъ кретина до генія, отъ глухонѣмаго до чахоточнаго. Поэтому авторъ отдаетъ предпочтеніе понятію пріостановки развитія, согласующему атавизмъ и болѣзненное явленіе, и состоящему въ томъ, что въ силу пріостановки развитія нѣкоторые органы, въ особенности недостаточно питаемые психологическіе центры открываютъ внѣшнимъ вліяніемъ locum minoris resistentiae, — откуда происходятъ съ одной стороны явленія воспаленія, иереміи, а съ другой непослѣдовательныя идеи, которыя въ своей безконечной прихотливости заслоняютъ связь съ атавизмомъ.

Такимъ образомъ объясняется безконечное разнообразіе въ формахъ преступности и pazzia morale — при чемъ обнаруживается пріостановка въ развитіи извѣстной части организма, въ частности психическихъ центровъ, при неприкосновенности другихъ частей [162]).

Пріостановка развитія согласуетъ болѣзнь съ атавизмомъ, столь преобладающимъ въ преступникѣ, тѣмъ не менѣе атавизмъ остается однимъ изъ наиболѣе коренныхъ отличій прирожденнаго преступника; имъ объясняется распространеніе нѣкоторыхъ преступленій (педера-

---

[162]) Стр. 586—588.

стію, дѣтоубійство можно объяснить единственно обычаями Грековъ, Китайцевъ, Таитянъ). Распространяя аналогію атавизма за предѣлы расы, можно объяснить нѣкоторыя явленія преступнаго міра, которыя иначе были бы непонятны и психіатру: такъ, частыя явленія приростанія атланта къ затылку, величину клыковъ, плоскость нёба, вогнутость apophysis basilaris, развитіе и частое нахожденіе средней затылочной ямки, подобно тому, что встрѣчается у лемуровъ и грызуновъ, тенденцію къ каннибализму безъ побужденія мести, въ особенности факты кровожадной свирѣпости, соединенной съ сладострастіемъ (Gilles, Verzeni, Legier, Bertrand, Marquis de Sadt), у лицъ, у коихъ атавизмъ связывается съ эпилепсіей и идіотизмомъ, но которые все таки напоминаютъ время, гдѣ половыя отношенія связывались съ кровавыми и свирѣпыми актами. Авторъ думаетъ, что слѣды этихъ дикихъ и жестокихъ нравовъ въ скрытомъ состояніи остаются f r a n o i, т. е. среди нормальныхъ людей [163]).

Указанные факты ясно доказываютъ, что наиболѣе страшныя, наиболѣе безчеловѣчныя преступленія имѣютъ исходную точку физіологическую, атавистическую—въ животныхъ инстинктахъ, которые, будучи подавлены на время въ человѣкѣ воспитаніемъ, средой, страхомъ наказанія, размножаются сразу, подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ, каковы: болѣзни, метеорологическія явленія, подражаніе, сперматическое опьяненіе, обусловленное долгимъ воздержаніемъ, вслѣдствіе чего они замѣчаются въ отроческомъ возрастѣ, у людей дикаго состоянія или принужденныхъ къ холостой и уединенной жизни, каковы: духовныя лица, солдаты, пастухи. Зная, что нѣкоторыя болѣзненныя условія (травматическое поврежденіе головы, менингитъ, хроническое отравленіе) производятъ пріостановку въ развитіи психическихъ центровъ и слѣдовательно атавистическія регрессіи, можно понять, какъ онѣ облегчаютъ тенденцію къ преступности. Атавизмъ, наконецъ, помогаетъ понять малую дѣйствительность наказанія, фактъ постояннаго и однообразнаго возвращенія даннаго количества преступленій, удостовѣренный статистикой. На основаніи всего этого авторъ дѣлаетъ слѣдующій, столь извѣстный, сдѣлавшійся любимымъ тезисомъ въ антрополого-

---

163) Стр. 589 — 592. Авторъ знаетъ отъ одного почтеннаго поэта (distinto poeta), что имъ овладѣваетъ сладострастное чувство при видѣ кровавой мясной провизіи; Mantegazza также слышалъ отъ одного пріятеля, что, заколовъ цыпленка, онъ чувствовалъ удовольствіе отъ соприкосновенія съ теплымъ мясомъ и испытывалъ эротическое возбужденіе (?!).

позитивной школѣ, выводъ: «преступленіе въ концѣ концовъ, какъ на основаніи статистики, такъ и на основаніи антропологическихъ изслѣдованій, является естественнымъ феноменомъ,—феноменомъ необходимымъ, какъ зачатіе, какъ рожденіе, какъ смерть, какъ душевныя болѣзни, къ которымъ оно относится часто, какъ печальный варіантъ. Отсюда и самое различіе между актами инстинктивно жестокими животныхъ и растеній и преступностью человѣка совершенно стирается; формула животной злостности (brutale malvagità) въ этомъ смыслѣ указываетъ на тождество, аналогію, о которой и не думали лица, столь часто употребляющія ее»[164]).

Закончивъ такимъ образомъ свой трудъ, авторъ напоминаетъ, что изслѣдованіе его касается только извѣстной доли всѣхъ преступниковъ, которая, если держаться сочетанія физіономическихъ признаковъ, соединенныхъ въ преступномъ типѣ, достигаетъ 23% всѣхъ преступниковъ (съ максимумомъ 36% у убійцъ, 25% у воровъ и 6% у бигамовъ и мошенниковъ), если же останавливаться на наличности отдѣльныхъ признаковъ, то группа delinquenti nati, они же pazzi morali по признаку большой челюсти дойдетъ до 37% у мужчинъ и 36% у женщинъ, по признаку рѣдкой бороды до 32%, по краніологическимъ признакамъ до 58% (по части изолированныхъ аномалій) и до 43% (по части нѣсколькихъ соединенныхъ аномалій), у несовершеннолѣтнихъ до 59%, если соединить физіономическія аномаліи съ аномаліями черепа,—и даже до 91%, если брать аномаліи изолированныя. По признаку рецидивы, комбинированной съ проступками, совершенными въ дѣтствѣ, можно установить среднюю отъ 40 до 50 и даже 78%, которая связывается преимущественно съ преступленіями кражи, бигаміи, тѣлесныхъ поврежденій, подлога и сопротивленія власти.

Многіе признаки сочетаются, укореняются одни на другихъ, давая maximum уродливости; но и отдѣльныя аномаліи не лишены важности, поэтому авторъ не считаетъ рискованнымъ опредѣлить долю прирожденныхъ преступниковъ въ пропорціи свыше 40% [165]).

VI.

Таково ученіе Ломброзо о важнѣйшемъ видѣ «преступнаго человѣка», прирожденномъ преступникѣ, по изданію 1884 г. L'uomo

---

164) Стр. 593— 595.

165) Стр. 595.

delinquente. При изложеніи содержанія этого сочиненія я разбиралъ состоятельность отдѣльныхъ признаковъ, усвоенныхъ прирожденному преступнику и нравственнному помѣшанному; припомню возраженія, возбуждаемыя распространеніемъ follia morale на дѣтскій возрастъ вообще, значительныя колебанія и сомнѣнія, вызываемыя краніо—и кефалометрическими изслѣдованіями, изученіемъ аномалій физіономіи и явленія татуировки, наконецъ слабость доводовъ и доказательствъ въ пользу тождества pazzo morale и delinquente nato. Мнѣ остается сдѣлать цѣлостную оцѣнку типа delinquente nato, онъ же folle morale. Сообразно тому, что въ прирожденномъ преступникѣ соединяются нравственное помѣшательство и атавизмъ, слѣдуетъ провѣрить эти два другъ друга проникающіе субстрата прирожденнаго преступника. Ломброзо, заговоривъ о нравственномъ помѣшательствѣ въ главѣ XIII, не установилъ въ точности, что должно разумѣть подъ этимъ терминомъ, и сдѣлалъ поэтому свою задачу очень легкою. Между тѣмъ понятіе о нравственномъ помѣшательствѣ — есть одно изъ самыхъ спорныхъ и жгучихъ въ современной психопатологіи. Несомнѣнно, отъ того или другаго рѣшенія вопроса объ истинномъ характерѣ этого недуга должно зависѣть то или другое рѣшеніе вопроса о сближеніи прирожденнаго преступника и нравственно-помѣшаннаго. Пріемъ Ломброзо весьма удобный: обойдя молчаніемъ, что такое нравственное помѣшательство, можно втискивать въ эту патологическую форму все что угодно,—признавать нравственно помѣшаннымъ кого угодно,—не зная стѣсненій, налагаемыхъ на изслѣдователя установленіемъ основнаго понятія, отъ котораго онъ отправляется.

Не высказываясь относительно истиннаго содержанія, заключающагося въ терминѣ pazzia morale, авторъ ограничивается не многими намеками, которые дѣлаются, какъ бы мимоходомъ. На стр. 560 говорится, что pazzia morale родъ, къ которому преступность относится какъ видъ, — что существуютъ варіанты pazzia morale, при которыхъ разныя формы душевной болѣзни прививаются къ главной формѣ. На слѣдующей страницѣ говорится, что pazzia morale, бывающая часто прирожденною—грибъ, на которомъ вырастаютъ другіе грибы.—На стр. 569 авторъ настаиваетъ на самостоятельномъ существованіи ея, находя аналогію съ другими невропатіями,—а на слѣдующей страницѣ прямо называетъ ее болѣзнью и говоритъ объ ея этіологіи. Въ Riassunto авторъ говоритъ, что преступникъ представляетъ дикаго человѣка и больнаго (ammalato), а на стр. 587 излагаетъ вліяніе болѣзни на физиче-

скій и психическій строй преступника, — при чемъ указывается въ особенности на нарушеніе нравственнаго чувства, — при отсутствіи видимаго поврежденія разума.—Наконецъ на стр. 583 авторъ видитъ генезисъ страданія въ пріостановкѣ развитія, связывающей атавизмъ съ болѣзненностью.

Очевидно, — ничего опредѣленнаго изъ этихъ бѣглыхъ указаній вывести нельзя; читатель остается въ сомнѣніи, въ чемъ состоитъ главная форма,—нравственное помѣшательство, на которой прививаются другія душевныя болѣзни.

Болѣе опредѣленно высказался Ломброзо относительно pazzia morale въ отвѣтъ на критику L'uomo delinquente французскаго ученаго Tarde—въ Revue philosophique 1885 (Le type criminel). Въ своемъ отвѣтѣ Tarde въ томъ же журналѣ № 8 1885 г., Ломброзо, отвѣчая на возраженія противъ сліянія душевно-больнаго и преступника,—утверждаетъ, что нравственно-помѣшанный не имѣетъ ничего общаго съ душевно-больнымъ: онъ не больной,—онъ кретинъ нравственнаго смысла. Душевная болѣзнь въ большинствѣ случаевъ пріобрѣтенная болѣзнь, она не состоитъ въ связи съ нравственнымъ помѣшательствомъ, которое представляется прирожденнымъ и допускаетъ долгую жизнь именно потому, что оно соединено съ нравственной нечувствительностью.—Наконецъ на замѣчаніе Tarde, что Ломброзо видитъ въ преступникѣ маттоида (mattoide), Ломброзо отвѣчаетъ, что это замѣчаніе не точно, что маттоидъ—спеціальный подвидъ человѣческаго рода, средній между геніемъ, мономаномъ и идіотомъ; въ немъ сохраняется нравственный смыслъ, но за то у него является доза коварства и крайняя самоувѣренность (стр. 186).

Въ отвѣтѣ своемъ Tarde — Ломброзо очевидно становится въ противорѣчіе съ вышеприведенными положеніями, высказанными въ L'uomo delinquente. Нравственно-помѣшанный объявляется кретиномъ нравственнаго смысла, и рѣзко, вполнѣ отдѣляется отъ душевно-больнаго. Къ чему, спрашивается, было указывать на многочисленныя аналогіи съ душевно-больнымъ въ различныхъ главахъ «L'uomo delinquente», если нравственно-помѣшанный, (онъ же прирожденный преступникъ) не имѣетъ ничего общаго съ душевно-больнымъ? Съ другой стороны, признакъ долговременной жизни совершенно стираетъ въ нравственно-помѣшанномъ признакъ порочной, больной тѣлесной организаціи.—Но какъ же поступить тогда съ многочисленными патологическими явленіями, находимыми авторомъ въ нравственно-помѣшанномъ и прирожденномъ преступникѣ и которыя резюмированы

на стр. 587-ой «Riassunto»? Можно ли допустить,—что болѣзни мозга, болѣзненныя явленія въ печени, желудкѣ, сердцѣ, все это не мѣшаетъ долговременности жизни,—или перевѣшивается нравственной нечувствительностью [166])? Что же касается до кореннаго различенія mattoida съ одной, нравственнаго помѣшаннаго, прирожденнаго преступника съ другой стороны,— то это различеніе опять свидѣтельствуетъ о крайней неустойчивости воззрѣній автора.—Ломброзо за два года до 3-го изд. L'uomo delinquente высказался въ пользу слитія урожденнаго преступника и нравственнаго помѣшаннаго въ статьѣ, напечатанной въ Archivio di psichiatria 1882 г. La pazzia morale e il delinquente nato— и назвалъ такихъ лицъ, въ коихъ сливается преступность и нравственное помѣшательство, mattoidi criminali.

Какъ бы то ни было, можно формулировать воззрѣнія Ломброзо на нравственное помѣшательство такимъ образомъ: это преимущественно, хотя не исключительно, прирожденный недугъ, отличный отъ душевной болѣзни въ строгомъ смыслѣ слова, состоящій въ извращеніи нравственнаго смысла и обусловленный пріостановкой органическаго развитія.

Отсюда явствуетъ, что нравственное помѣшательство, по мнѣнію автора, есть самостоятельный недугъ, производящій разстройство совершенно опредѣленныхъ психическихъ процессовъ. Я постараюсь показать, что, во первыхъ, въ виду результатовъ, къ коимъ пришла психіатрическая наука, понятіе о нравственномъ помѣшательствѣ у Ломброзо формулируется невѣрно, и, во вторыхъ, что, отождествляя урожденнаго преступника и нравственно-помѣшаннаго, авторъ долженъ придти къ выводамъ о прирожденномъ преступникѣ, подрывающимъ его теорію. Извѣстно, что понятіе о нравственномъ помѣшательствѣ, какъ болѣзненномъ извращеніи аффектовъ, нравственныхъ побужденій, безъ всякаго замѣтнаго разстройства умственной дѣятельности, было съ особенной силой выставлено Причардомъ. Это представленіе о нравственно-помѣшательствѣ, связывавшееся съ воззрѣніями Пинеля и Эскироля относительно самостоятельной формы душевной болѣзни безъ смятенія разума, безъ бреда, очень скоро

---

166) Другой изслѣдователь преступнаго человѣка докторъ Virgilio въ своемъ Saggio di ricerche sulla natura morbosa del delitto, 1870, находя среди изслѣдованныхъ имъ 265 осужденныхъ преступниковъ не менѣе 195 больныхъ, одержимыхъ патологическимъ наслѣдствомъ вырожденныхъ классовъ,—видитъ въ частомъ явленіи болѣзней страшное предрасположеніе организма къ смерти (стр. 27-ая).

вызвало оживленныя возраженія. Противъ него, между прочимъ, высказался знаменитый Морель, въ засѣданіи Парижскаго общества 1866-го года [167]).

Ходъ развитія психопатологіи до нашего времени вообще клонится къ опроверженію понятія о нравственномъ помѣшательствѣ,—какъ одностороннемъ и исключительномъ извращеніи нравственнаго чувства. Основныя точки зрѣнія, различающія анормальныя явленія, слишкомъ поспѣшно объединенныя подъ именемъ нравственнаго помѣшательства, — усвоены значительнымъ числомъ компетентныхъ психіатровъ [168]).

---

167) См. отчетъ о засѣданіи Парижскаго медико-психологическаго общества 30 апрѣля 1866 г. по вопросу о folie raisonnante въ Annales Medico-Psychologiques того же года, Novembre Tome 8. Сославшись на первый выпускъ своего Traité de medecine legale, гдѣ имъ было установлено, что нѣтъ folie des actes безъ одновременнаго нарушенія умственныхъ способностей, Морель чрезвычайно ясно выразилъ свое воззрѣніе: «on m'accordera facilement qu'il ne faut pas attacher au terme folie des actes l'idée d'une situation mentale, ou l'intelligence ne soit pas ou soit a peine compromise, d'une situation enfin, ou l'on n'aie autre chose a enregistrer que la perversité maladive des actes sans concomitance du trouble des idées, ce qui a fait encore classer ces sortes d'alienés dans une varieté des folie, que l'on a designé sous le nom de folie morale. Lorsque la perversité de actes existe en dehors des conditions pathologiques du systeme nerveux, en dehors d'un trouble intellectuel, qui est l'indice de l'état de souffrance de l'organisme, il y a crime et non folie, si éxtraordinaire que soit l'acte incriminé». Въ заключеніе Морель пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: Folie des actes не должна считаться спеціальнымъ видомъ душевной болѣзни. Воровство, убійство, поджогъ, самоубійство свойственны одинаково преступникамъ и душевно-больнымъ, только первые дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, а вторые—болѣзни. (Стр. 109 и слѣд.).

168) Въ послѣдующемъ изложеніи я руководствовался при указаніи на мнѣнія разныхъ психіатровъ библіографіей Bonfigli въ Ulteriori considerazioni sull'argomento della pazzia morale, напечатанной въ Rivista sperimentale di Freniatria e Medicina legale 1879 г. вып. I—II и III.—а также отдѣльнымъ оттискомъ, заимствуя у него изложеніе ученій, съ которыми я немогъ познакомиться изъ первыхъ рукъ. Работа Bonfigli вызвана его полемикой съ Tamassia, другимъ психіатромъ, признающимъ самостоятельную форму pazzia morale.—Приступая къ своему изслѣдованію о pazzia morale, Bonfigli замѣчаетъ, что понятіе о нравственномъ помѣшательствѣ въ смыслѣ отдѣльной френопатической формы—со временъ Пинеля, Громана и Причарда постоянно теряло почву и не брошено только потому, что не хватило мужества порвать съ старыми пріемами метафизической школы (ст. 73). Bonfigli далѣе указываетъ, что Hoffbauer, Heinroth и Grohmann—защитники самостоятельной формы pazzia morale,—были: первый—приверженецъ трансцендентальнаго идеализма Шеллинга, второй—спиритуалистъ школы Шталя, третій—послѣдователь Гегеля (стр. 74). Эти указанія бросаютъ порази-

Такъ Mac Ferland, Fielding, Blandford, Kirkbride, Balfour, Brown, Ordronaux, высказываются противъ самостоятельной формы moral insanity, указывая, что нравственное извращеніе—симптомъ либо разныхъ душевныхъ болѣзней, либо слабоумія, что въ moral insanity всегда обнаруживается разстройство разума [169]). Изъ французскихъ писателей противъ самостоятельнаго страданія, состоящаго въ извращеніи нравственнаго чувства, — высказываются Trélat, авторъ спеціальнаго сочиненія о folie lucide, приходящій къ заключенію, что aliénés lucides могутъ принадлежать къ разнымъ формамъ душевной болѣзни, Brierre de Boismont, Falret Belloc. Falret, въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Парижскаго медицинскаго общества въ 1866 году, пришелъ къ замѣчательнымъ выводамъ, что manie raisonnante, folie morale—смутныя названія, относящіяся до разнообразныхъ формъ, что физическія клейма, относимыя къ folie morale свойственны разнымъ наслѣдственнымъ формамъ Мореля, и что многія изъ нихъ измѣнчиваго и преходящаго свойства.—При этомъ Falret отмѣтилъ особенно важный фактъ,—связь folie morale съ слабоуміемъ и идіотизмомъ [170]).

Если обратиться къ нѣмецкимъ психіатрамъ, то оказывается, что воззрѣніе, отвергающее нравственное помѣшательство въ смыслѣ самостоятельнаго извращенія нравственнаго чувства, находитъ среди нихъ значительныхъ приверженцевъ. Такъ еще Griesinger высказался противъ mania sine delirio, утверждая, что ни въ одномъ случаѣ маніи не бываетъ отсутствія разстройства разума [171]). Далѣе большое значеніе по разсматриваемому вопросу принадлежитъ изслѣдованіямъ Knop'a, относящаго нравственное помѣшательство

тельный свѣтъ на генезисъ позитивныхъ представленій, установляющихъ тѣснѣйшую связь между преступностью и порочностью психофизической организаціи.

169) См. Bonfigli указ. соч. стр. 79, 83 — 84. См. также рефератъ Briérre de Boismont въ Annales medico-psychologiques Novembre 1866 г. о преніяхъ въ ассоціаціи американскихъ психіатровъ по поводу moral insanity. Въ этомъ рефератѣ излагаются возрѣнія Mac Ferland, Kirkbride, Rannay противъ moral insanity, далѣе воззрѣнія Nichols, Ray, Parigot, защищающихъ самостоятельную форму moral insanity (стр. 442—454).

170) Воззрѣнія Trélat цитируются мною по Bonfigli (вышеуказ. соч. стр. 77). Относит. Falret, Brierre de Boismont, Belloc—см. отчетъ о преніяхъ въ Парижскомъ медико-психологическомъ обществѣ. (Annales medico psychologiques 1866 г. № 1, стр. 379—431, № 3, стр. 107—129).

171) Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten изд. 1845 г. § 115, стр. 237.

къ продромическимъ стадіямъ психозовъ [172]). Leidesdorf не признаетъ нравственнаго помѣшательства за самостоятельную душевную болѣзнь, относя его къ первымъ періодамъ маніи (Tobsucht) [173]). Emminghaus усматриваетъ въ нравственномъ помѣшательствѣ серію психопатологическихъ феноменовъ, въ которыхъ преобладаетъ аномалія чувствованій. Тѣмъ не менѣе Эммингаусъ не стоитъ за понятіе о болѣзни исключительно нравственнаго чувства, — какъ ясно видно изъ того, что, по словамъ его, у нравственныхъ помѣшанныхъ недостаютъ сужденія, происходящія отъ высшихъ интеллектуальныхъ чувствованій, что у нихъ проявляется то въ большей, то въ меньшей степени настоящее слабоуміе (intellectueller Schwachsinn) [174]). Наконецъ Westfal высказался въ 1878 году въ Берлинскомъ медицинскомъ обществѣ въ томъ смыслѣ, что moral insanity, не составляя болѣзни, есть дефектъ, который долженъ быть названъ слабоуміемъ своеобразнаго свойства,—для удостовѣренія котораго требуется много изученія, времени и упражненія. Достойны вниманія выводы, къ которымъ приходятъ относительно moral insanity Meinert и Gauster: первый въ предисловіи къ своему курсу психіатріи говоритъ, что въ означенномъ трудѣ онъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на ложное направленіе ученія о наслѣдственности, которое выразилось допущеніемъ врожденныхъ идей и созданіемъ клинической формы моральнаго помѣшательства [175]). Второй утверждаетъ, что въ нравственномъ помѣшательствѣ, дѣло идетъ не о нравственномъ тупоуміи, а о болѣе или менѣе развитомъ слабоуміи [176]).

Что касается до итальянскихъ психіатровъ, то Verga не видитъ въ moral insanity не только элементарной формы душевной болѣзни, но даже подвида какого-либо изъ главныхъ ти-

---

172) См. Bericht der Sitzungen der Psychiatrischen Section zu Breslau am 19, 21, 23 September 1874 г. въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie т. XXXI стр. 697—704. Кнопъ утверждаетъ, что такъ какъ нравственность покоится на познавательной способности (Erkenntniss), то отдѣльный видъ душевной болѣзни, подъ именемъ нравственнаго помѣшательства, невозможенъ. Характерно обращеніе автора къ юстиціи: «Hüte dich, dass dir die sogenannte Moral insanity das Schwert der Gerechtigkeit nicht aus der Händen windet» (стр. 704).

173) Leidesdorf Lehrbuch der psychischen Krankheiten, Die Exaltations—oder manischen Zustände стр. 186.

174) Emminghaus Allgemeine Psychopathologie стр. 330—331.

175) См. Meynert Психіатрія, перев. Ліона, т. I 1885 г. Предисловіе.

176) Maschka's Handbuch der gerichtlichen Medicin, 4 Band: Psychische Entarturgen, Das Moralische Irrsein.

повъ, замѣчая, что moral insanity можетъ встрѣчаться во всѣхъ типахъ душевной болѣзни. Vigna признаетъ нравственное помѣшательство какъ таковое, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что это страданіе приближается къ наиболѣе деградирующимъ формамъ душевной болѣзни и очень близко подходитъ къ слабоумію [177]). Giacchi, главный врачъ больницы для душевныхъ больныхъ въ Racconigi, рѣшительно высказывается противъ moral insanity при неприкосновенности разума [178]). Наибольшая заслуга относительно тщательнаго сведенія и провѣрки высказанныхъ до него въ литературѣ воззрѣній по поводу moral insanity принадлежитъ Bonfigli, который сдѣлалъ спеціальность по изслѣдованію этой болѣзни. Въ цѣломъ рядѣ сочиненій: Sulla così detta pazzia morale [179]), Ancora sulla questione della pazzia morale [180]), далѣе въ уже нѣсколько разъ цитованной работѣ Ulteriori considerazioni sull' argomento della così detta pazzia morale Bonfigli пришелъ къ окончательному выводу, что въ нравственномъ помѣшательствѣ оказывается на лицо либо душевная болѣзнь, либо слабоуміе въ различныхъ степеняхъ; точный анализъ отдѣльныхъ случаевъ показываетъ, по мнѣнію Bonfigli, что нравственное помѣшательство принадлежитъ къ разнообразнымъ видамъ френозовъ, эпилептическому, истерическому, старческому, наконецъ прогрессивному параличу; случаи же, не могущіе подойти къ указаннымъ формамъ душевной болѣзни, представляютъ слабую дѣятельность элементарныхъ психическихъ процессовъ вслѣдствіе прирожденнаго дефекта въ развитіи мозговой организаціи, т. е. представляются случаями слабоумія, которые подлежатъ классификаціи на основаніи клиническаго наблюденія, физіологіи и патологической анатоміи.

Къ Bonfigli тѣсно примыкаетъ Palmerini, также усматривающій въ нравственномъ помѣшательствѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно придатокъ къ самостоятельнымъ болѣзнямъ, явленіе слабоумія [181]). Наконецъ, психіатры Tamburini и Seppilli, вы-

---

177) Относительно возрѣній Verga и Vigna, см. Bonfigli указ. сочин. стр. 81 и 93.

178) Pazzi e birbanti cap. VII Follia morale e mania transitoria стр. 135.

179) Estratto dall' Archivio italiano per le malatie nervose anno 13 fas. III.

180) Rivista sperimentale di freniatria e di medicina legale Anno III. 1877. Fas. III —IV. стр. 551 — 569. Въ той же книгѣ Rivista напечатана статья Arrigo Tamassia противъ Bonfigli подъ заглавіемъ Pazzia morale e nevrismo (стр. 564—589).

181) См. Palmerini Sulla questione della così detta pazzia morale, lettera al Bonfigli. (Rivista sperimentale di Freniatria, Anno III, 1877 Fasc. III—IV стр. 537—541).

сказываясь въ заключеніи, данномъ по дѣлу братоубійцы Sbro за наличность у обвиняемаго слабоумія (imbecillità), характеризуютъ это патологическое явленіе нѣкоторымъ развитіемъ памяти, даже сужденія, при полномъ отсутствіи нравственныхъ способностей и чувствъ [182]).

Наконецъ, въ послѣднее время къ этимъ указаннымъ трудамъ итальянскихъ психіатровъ, выяснившимъ истинный характеръ нравственнаго помѣшательства не какъ самостоятельной формы, а симптома опредѣленной болѣзни или недостаточнаго развитія, присоединились труды психіатра Bonvecchiato. Въ сочиненіи: «Il senso morale e la follia morale» 1883 г., — Bonvecchiato слѣдующимъ образомъ высказывается противъ ходячаго представленія о pazzia morale, какъ самостоятельнаго страданія: «Созданіе особаго класса изъ чувствованій, сопровождающихся самыми разнообразными аномаліями разума или зависящихъ отъ таковыхъ подъ именемъ нравственнаго помѣшательства, въ силу признака безнравственныхъ тенденцій, противно научной необходимости начинать съ надлежащаго различенія, чтобы прійти къ надлежащему возсоединенію, и заслуженно вызываетъ упрекъ въ созданіи неустойчивой и неуловимой болѣзни, амальгамы патогенически и клинически несовмѣстимыхъ случаевъ, охватывающихъ формы, періоды, преходящія особенности всѣхъ френопатій. Это истинно туманное пятно (nebulosità) на горизонтѣ психіатріи; такъ называемое нравственное помѣшательство есть клиническая, а не носологическая форма, отличная только по степени и обширности симптомовъ отъ вульгарной злоумышленности и преступности, когда не существуетъ умственнаго разстройства или таковое второстепенное и преходящее. Когда же таковое явленіе на лицо, когда разстройство разума, хотя второстепенное, есть непреходящее, а длящееся,—то должно говорить о столькихъ типахъ follia morale, сколько существуетъ френопатическихъ формъ [183]). Въ книгѣ «A proposito di un processo scandaloso 1884 г.» Bonvecchiato прибавляетъ, что особый типъ нравственнаго помѣшательства, представляющій спеціальные симптомы, и патогенезисъ среди явленій нравственнаго извращенія, свойственнаго разнымъ френопатіямъ, есть ничто иное, какъ одна изъ формъ слабоумія [184]).

---

182) Studio di psicopatologia criminale 1883 (Estratto della Rivista Sperimentale di Freniatria, стр. 55—58).

183) Указан. соч. стр. 6-ая, стр. 225-ая.

184) Указан. соч. стр. 185-ая.

Указанному теченію научной мысли относительно генезиса и значенія нравственнаго помѣшательства—противупоставляется иное, исходящее отъ follia morale въ смыслѣ отдѣльной нозологической формы, состоящей въ самостоятельномъ извращеніи нравственнаго чувства. Сюда принадлежатъ: Maudsley [185]), Bucknill и Hack-Tucke [186]), Schüle [187]), Tamassia [188]), Virgilio [189]), Tanzi [190]), Berti, Livi [191]), Delasiauve, Campagne [192]).

Должно однако замѣтить, что ослабленіе дѣятельности разума при нравственномъ помѣшательствѣ допускается даже авторами, которые видятъ въ немъ преимущественно страданіе нравственнаго чувства.— Нѣтъ сомнѣнія, что характеристика нравственнаго помѣшательства, при допущеніи рядомъ съ признакомъ, коему приписывается основное значеніе, второстепеннаго признака—ослабленія разума, дѣлается неустойчивой. Такъ, Крафтъ Эббингъ, связывая нравственное помѣшательство съ порочной организаціей мозга, видитъ въ нравственной нечувствительности, при неприкосновенности логическихъ процессовъ, главную основу нравственнаго помѣшательства. Но нѣсколько далѣе онъ говоритъ, что нравственно-помѣшанные—слабоумные, что въ нихъ замѣчается какъ бы умственный идіотизмъ. Очевидно, какъ вѣрно замѣчаетъ Bonvecchiato, послѣднія положенія не согласуются съ неприкосновенностью логическихъ процессовъ. Наконецъ, Крафтъ Эббингъ указываетъ на формальныя извращенія въ процессѣ мышленія, на скачки въ ходѣ идей, на странныя ассоціаціи идей, на неподвижныя мысли. Нельзя не согласиться съ вѣрной критикой Bonvecchiato, что въ концѣ концовъ, согласно показанію Крафта Эббинга, мы имѣемъ дѣло съ аномаліями разума, къ коимъ слѣдуетъ отнести аномаліи харак-

---

185) См. Crime et folie (французск. переводъ въ Bibliothèque scientifique internationale ch. V. De la folie partielle) и Pathologie de l'esprit, переводъ Germont 1883 г. ch. VII, Folie morale.

186) A manual of medical psychology 1879 г. изд. IV.

187) Handbuch der Geisteskrankheiten 1878 г. Вып. 1-й гл. 20-ая Moralisches Irrsein (стр. 404—406).

188) Pazzia morale e nevrismo (противъ Bonfigli) въ Rivista sperimentale di freniatria e medicina legale 1877 г. Fas. III и IV.

189) Saggio di richerche sulla natura morbosa del delitto 1870 г.

190) Pazzi morali e delinquenti nati 1885 г.

191) Bonfigli, Ulteriori considerazioni sull' argomento della cosí detta pazzia morale стр. 89 и 81.

192) Annales Medico-Psychologiques 1866, № 5 стр. 395—433. Тамъ же Juillet et Septembre 1868 г. (Manie raisonnante).

тера и поведенія, и которыя совершенно уничтожаютъ первоначально допущенную неприкосновенность логическихъ процессовъ; болѣзненная неподвижность идей уже указываетъ на френопатическій процессъ. «Если, замѣчаетъ указанный итальянскій психіатръ, неспособность возвышаться къ нравственнымъ понятіямъ, должна составлять отличительный признакъ, то изъ формы нравственнаго помѣшательства нужно изъять всѣ случаи, гдѣ умственныя поврежденія возбуждаютъ или поддерживаютъ это явленіе; спеціальный признакъ отсутствія нравственныхъ понятій, разъ доказано состояніе слабоумія, совершенно уничтожается вслѣдствіе наличности болѣе широкаго факта— неспособности разсуждать и создавать понятія [193]). Не смотря на признаніе нравственнаго помѣшательства за самостоятельное явленіе страданія или дефекта нравственнаго чувства, усматриваетъ въ немъ признаки разстройства разума. Точно также и другой, столь же почтенный и знаменитый, какъ Крафтъ Эббингъ, психіатръ Maudsley, несмотря на признаніе въ нравственномъ помѣшательствѣ самостоятельнаго явленія страданія или дефекта нравственнаго чувства, находитъ въ немъ признаки разстройства разума. Такъ, въ сочиненіи «Crime et folie» Maudsley выражается слѣдующимъ образомъ: вопреки существующимъ предразсудкамъ бываетъ душевное разстройство безъ бреда, иллюзіи, галлюцинаціи, симптомы коего состоятъ въ извращеніи чувствованій и аффектовъ. Умственныя силы представляются при этомъ болѣе развитыми, чѣмъ при совершенномъ здоровьѣ. Однако, вслѣдъ за тѣмъ Maudsley допускаетъ, что о совершенной ясности и здравости разума говорить нельзя. Сужденія и поведеніе подвергаются вліянію болѣзненныхъ чувствованій, разумъ теряетъ власть надъ страстями и дѣйствіями. Указавъ далѣе на рѣзкую перемѣну характера у больнаго, на связь нравственнаго помѣшательства съ предшествующими припадками эпилепсіи и истеріи, или

---

193) Krafft Ebbing, Lehrbuch der gerichtlichen Psychopatologie стр. 187—189. Bonvecchiato A proposito di un processo scandaloso, semi imbecilli, mattoidi e folli morali Capitolo II. I. Delimitazione del problema della pazzia morale стр. 83—87-ая. Въ Grundzüge der Criminalpsychologie (изд. 2-е 1882 г.). Крафтъ Эббингъ слѣдующимъ образомъ указываетъ на существенныя черты нравственнаго помѣшательства: «Нравственная дѣятельность человѣка, подобно умственной,—функціональное выраженіе его мозга; выпаденіе этой дѣятельности—болѣзненное явленіе, подобное недостатку какого либо чувства, (стр. 108). Но послѣ такого признанія нравственнаго извращенія какъ чего-то первичнаго, Крафтъ Эббингъ далѣе (стр. 112) оспариваетъ понятіе о нравственномъ помѣшательствѣ, какъ чисто нравственной аномаліи, выставляя рядъ признаковъ аномалій въ умственныхъ процессахъ.

же сильной лихорадки, Maudsley прямо приписываетъ нравственному помѣшательству значеніе страданія мозга, явленія предшествующаго опредѣленнымъ формамъ душевной болѣзни, каковы: острая манія, старческое слабоуміе, прогрессивный параличъ. Далѣе Maudsley утверждаетъ, что явленіе нравственнаго помѣшательства всегда сопровождаетъ душевную болѣзнь, цитуя по этому поводу Эскироля. Тѣмъ не менѣе, несмотря на изложенныя соображенія, Maudsley не затрудняется приписывать нравственному помѣшательству значенія прирожденнаго недостатка или полнаго отсутствія нравственнаго чувства, составляющаго, подобно другимъ чувствамъ, функцію организма [194]).

Такимъ образомъ и у Maudsley несомнѣнно замѣчается двойственность въ воззрѣніяхъ на нравственное помѣшательство, вслѣдствіе которой этому явленію приписывается то первичное, то производное значеніе. Во всякомъ случаѣ Maudsley признаетъ по крайней мѣрѣ одинъ подвидъ зависящаго отъ самостоятельныхъ френопатій нравственнаго помѣшательства,

Наиболѣе цѣльное обоснованіе понятія о нравственномъ помѣшательствѣ встрѣчаемъ у Gauster'a, который въ существенныхъ чертахъ сходится съ воззрѣніями Falret во Франціи,—Bonfigli въ Италіи. — Подобно Крафту Эббингу и Gauster помѣщаетъ нравственное помѣшательство въ область психическихъ вырожденій. Нарисовавъ картину субъектовъ, одержимыхъ нравственнымъ помѣшательствомъ и перечисливъ упоминаемые разными изслѣдователями критеріи діагноза (признаки наслѣдственнаго психическаго и тѣлеснаго вырожденія, предшествующіе страданію мозга, не врозы, алкоголизмъ, нравственное извращеніе въ связи съ начальными или послѣдующими стадіями другихъ психозовъ),—Gauster приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ; запечатлѣнные нравственнымъ извращеніемъ случаи суть формы психическихъ страданій, въ которыхъ нравственное извращеніе либо заслоняется картиной остальныхъ симптомовъ (паралитическое и старческое помѣшательство), либо выдается такъ ярко, что ослабленіе разума мало замѣчается. Въ послѣднихъ самостоятельныхъ случаяхъ всегда существуетъ ослабленіе разума въ различной степени,—даже при наличности нѣкотораго остроумія, кажущейся логической правильности образованія мыслей.—

---

194) Указанное сочиненіе въ изданіи Bibliothèque scientifique internationale Ch. V. De la folie partielle II. De la folie morale, стр. 162—165, Chap VI, стр. 169. Относительно первичности нравственнаго чувства см. гл. II-ую: La zone mitoyenne.

Такимъ образомъ въ нравственномъ помѣшательствѣ дѣло идетъ не объ отупѣніи нравственнаго чувства, а объ отклоненіи цѣлостной психической функціи мозга отъ нормы. Обязанности эксперта при постановкѣ діагноза нравственнаго помѣшательства опредѣляются у Gauster'а слѣдующимъ образомъ: при наличности по видимому самостоятельныхъ случаевъ нравственнаго помѣшательства признаки органически-психической дегенераціи должны быть указаны судьѣ не иначе, какъ въ связи съ удостовѣреніемъ наличности прирожденнаго или пріобрѣтеннаго слабоумія (Schwachsinn) или тупоумія (Blödsinn). Діагнозъ долженъ заключаться въ указаніи на слабоуміе или тупоуміе въ формѣ нравственнаго помѣшательства [195]).

Опредѣливъ понятіе о нравственномъ помѣшательствѣ, Gauster напоминаетъ, что лишь при соображеніи совокупности всѣхъ или болѣе важныхъ объективныхъ моментовъ можетъ быть сдѣланъ діагнозъ болѣзни въ указанномъ имъ смыслѣ для разрѣшенія дальнѣйшаго вопроса о вмѣняемости [196]).

---

195) Gauster въ указ. изд. Maschka стр. 463—468.

196) Такимъ образомъ Гаустеръ весьма точно отличаетъ нравственно помѣшаннаго отъ преступника и противодѣйствуетъ произвольному и легкомысленному отождествленію преступности и психической дегенераціи. Весьма поучительна у указаннаго ученаго строгая критика экспертизы по дѣлу объ отцеубійствѣ, разбиравшемся въ одномъ изъ итальянскихъ судовъ: экспертиза по этому дѣлу, опираясь на наслѣдственное болѣзненное извращеніе нравственнаго смысла у обвиняемаго, признала нравственное помѣшательство, остававшееся скрытымъ до 20 лѣтняго возраста. Критика Гаустера —очень поучительна въ смыслѣ предостереженія отъ поспѣшныхъ выводовъ въ пользу moral insanity на основаніи признака наслѣдственности (см.указ. сочиненіе— казуистика, 9 Fall стр. 470—471). Нужно сказать, что Крафтъ-Эббингъ также строго различаетъ нравственно помѣшаннаго въ силу дефективнаго строенія мозга отъ обычнаго преступника. (См. Krafft Ebbing Gerichtsärzliches Gutachten über Alois W. въ Friedreich's Blätter für gerichtliche Medicin. 1883 г. стр. 216 — 225, а равно статью того же автора въ Zeitschrift Листа т. V. 1885 г. «Die gerichtliche Psychopathologie im Jahre» 1883 г. Точно также положительное различеніе нравственнаго помѣшательства отъ порочности и преступности дѣлается въ вышеуказанномъ капитальномъ сочиненіи Hack Tuck и Bucknill главѣ V. Diagnosis of insanity (стр. 459 — 460) обработанной Bucknill; этотъ ученый заявляетъ, что есть существенное различіе между нравственнымъ помѣшательствомъ и порочными наклонностями, обусловленное свойствомъ причины (mode of causation). Нравственному помѣшательству всегда предшествуетъ эффективная причина душевной болѣзни, производящая перемѣну въ чувствованіяхъ и наклонностяхъ заболѣвшаго; напротивъ въ случаяхъ, дурно регулированныхъ, но нормальныхъ чувствованій и инстинктовъ не бываетъ внезапной перемѣны характера послѣ такихъ явленій, какъ лихорадка, апоплексія, головные ушибы или иныя, явныя причины

Предшествующее изложеніе даетъ мнѣ основаніе, опираясь на данныя, выработанныя психіатріей, на разработку точнаго понятія о нравственномъ помѣшательствѣ, благодаря преимущественно трудамъ Morel, Falret, Bonfigli, Gauster, въ силу которой нравственное помѣшательство признается симптомомъ либо самостоятельной душевной болѣзни, либо слабоумія въ разныхъ степеняхъ, оцѣнить теорію Ломброзо о нравственномъ помѣшанномъ, тождественномъ съ прирожденнымъ преступникомъ. Теорія Ломброзо очевидно должна приводить не къ категоріи лицъ, отличающихся только аномаліями нравственнаго чувства, а къ принятію необыкновенно обширной группы лицъ изъ душевно-больныхъ съ одной стороны, и слабоумныхъ съ другой. Что же должно допустить въ этомъ случаѣ? Предшествующее изложеніе показало попытки Ломброзо различить преступника и душевно-больнаго, несмотря на отождествленіе его съ нравственно помѣшаннымъ. Но если нравственное помѣшательство есть между прочимъ симптомъ, встрѣчающійся въ различныхъ френо—и невропатіяхъ, то значитъ эти попытки различенія невозможны. Значитъ delinquente nato, онъ же folle morale во множествѣ случаевъ будетъ душевно-больнымъ. Съ другой стороны, какъ примѣнить понятіе слабоумнаго по природѣ, отъ рожденія ко всѣмъ тѣмъ тягчайшимъ преступникамъ, у которыхъ не окажется душевной болѣзни? Этотъ подвидъ нравственно помѣшанныхъ возбуждаетъ особенно сильныя сомнѣнія. По единодушному заявленію психіатровъ (Bonfigli, Tamassia, Gauster), этотъ подвидъ къ счастью встрѣчается весьма не часто, между тѣмъ Ломброзо исчисляетъ своихъ delinquenti nati не меньше 40—50% всего числа преступниковъ. Если же это такъ, то, отнеся къ этому проценту хотя бы значительную группу больныхъ душевными болѣзнями, остается все-таки слишкомъ много слабоумныхъ отъ рожденія преступниковъ, входящихъ въ категорію folli morali. Куда отнесть въ такомъ случаѣ тягчайшихъ преступниковъ-рецидивистовъ, не представляющихъ ни природнаго слабоумія, ни самостоятельной душевной болѣзни? Правда антрополого-позитивная школа отличаетъ delinquenti nati отъ delinquenti abituali (обычныхъ преступниковъ), но различіе это край-

---

болѣзней; сила желаній и необуздываемыхъ склонностей, въ отличіе отъ случаевъ нравственнаго помѣшательства, постепенно ростетъ вслѣдствіе частаго снисхожденія къ нимъ. Такимъ образомъ существуютъ физіологическія условія порочности въ противуположность патологическимъ условіямъ нравственнаго помѣшательства.

не неустойчиво. Если же различія между двумя категоріями положить нельзя, то классъ delinquenti nati долженъ еще больше расшириться, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиться трудность — подводить столь значительное количество преступниковъ либо подъ формы психопатій и невропатій, либо подъ явленіе прирожденнаго слабоумія [197]).

Наконецъ теорія Ломброзо о тождествѣ delinquente nato и pazzo morale, въ силу указаннаго мною и распространеннаго въ психіатріи объясненія, сталкивается съ слѣдующими трудностями: если pazzia morale—только выдающійся симптомъ въ огромномъ множествѣ случаевъ самостоятельныхъ душевныхъ заболѣваній, если душевныя болѣзни, и по мнѣнію самого Ломброзо, преимущественно болѣзни, пріобрѣтенныя подъ вліяніемъ жизненныхъ условій и обстоятельствъ,—то значитъ и самые тягчайшіе преступники не могутъ быть называемы прирожденными. Правда, и самъ авторъ допускаетъ пріобрѣтенную pazzia morale, наступающую въ позднѣйшій возрастъ. Но онъ безсиленъ объяснить въ этомъ случаѣ тождество ея съ delinquenza-nata. Затѣмъ существуютъ интересные факты, которые разрываютъ связь между прирожденными преступниками и нравственно-помѣшанными. Авторъ, ссылаясь на Крафта Эббинга и Шюле, упоминающихъ о подверженности folli morali неврозамъ, помѣшательству, утверждаетъ, что разныя формы душевныхъ болѣзней прививаются къ главной формѣ. Но вотъ результаты наблюденій Прусскаго врача Зоммера за періодъ съ 1852 по 1882 г. надъ душевно-больными, переводившимися изъ тюрьмы и цухтгауса въ Алленбергскую больницу. Оказывается, что Gelegenheits-verbrecher, преступники по случайному поводу, люди неиспорченные—заболѣваютъ въ мѣстахъ лишенія свободы

---

197) Преобладаніе обычныхъ преступниковъ надъ преступниками по случайному поводу удостовѣрено германской уголовной статистикой. По Прусской статистикѣ 1873 г. изъ числа дѣлъ, разсмотрѣнныхъ судомъ присяжныхъ, не менѣе 75% преступниковъ противъ собственности. Далѣе изъ 15,160 осужд. къ Цухтгаусу по Ваегу—72% обычныхъ преступниковъ. По Гутчу въ Брухсалѣ 62% обычныхъ преступниковъ среди 2560 сидѣльцевъ, несмотря на исключительно большое число преступниковъ по страсти, объясняемое авторомъ событіями Баденской революціи. Дельбрюкъ принимаетъ въ каратель-номъ заведеніи въ Галле 25—80%, Кнехтъ въ Вальдгеймской тюрьмѣ—88% обычныхъ преступниковъ. По Валентини въ Пруссіи приходится на 1000 жит. 6% преступниковъ по случайному поводу и 24, 64 обычныхъ преступниковъ. Цитаты взяты у SommerBeiträge sur Kenntniss der Criminellen Irren, Allgemeine Zeitschrift fur Psychiatrie, 40 B. 1883. 1, 2 Heft. стр. 131.

гораздо чаще, чѣмъ Gewohheitsverbrecher, то есть, чѣмъ преступники, называемые Ломброзо delinquenti nati [198]).

Я знаю, что изложенной критикѣ воззрѣній Ломброзо о pazzia morale можно противупоставить въ видѣ защиты мнѣній Ломброзо, что самъ Ломброзо нерѣдко въ L'uomo delinquente говоритъ о незначительномъ умѣ delinquente nato, о пріостановкѣ развитія психическихъ центровъ. Далѣе, можно сослаться на наблюденія Томсона и Никольсона, Virgilio и равно Кнехта, находившихъ столь много слабоумныхъ среди преступниковъ въ карательныхъ заведеніяхъ. Въ виду этихъ данныхъ можно бы сказать, что отождествленіе прирожденной преступности и нравственаго помѣшательства находитъ себѣ поддержку въ виду объясненія, связующаго нравственное помѣшательство съ прирожденнымъ слабоуміемъ. Но такія возраженія представлялись бы неубѣдительными: во первыхъ, самъ Ломброзо во избѣжаніе возможныхъ затрудненій объявляетъ, что pazzia morale охватываетъ всевозможныхъ субъектовъ, начиная съ генія и до идіота. Что же касается до найденныхъ многочисленныхъ случаевъ слабоумія въ преступникахъ, отбывающихъ наказаніе, то все зависитъ отъ способа истолкованія этого явленія: конечно, легко отсюда вывести, что явленіе преступленія обусловливается слабоуміемъ, что преступность въ огромномъ большинствѣ случаевъ продуктъ слабоумія, имѣетъ условія въ органическомъ дефектѣ, подобно pazzia morale, и значитъ совпадаетъ съ нею. Но этому объясненію можно противупоставить другое, опирающееся на достаточныя основанія: слабоуміе, обнаруживаемое у тягчайшихъ преступниковъ, есть послѣдствіе преступности, соединенной съ ней обстановки, преступной жизни съ ея эксцессами и порочнотворными вліяніями. Здоровая дѣятельность разума предполагаетъ благопріятныя условія жизни. Профессія преступника въ высшей степени неблагопріятна сохраненію неприкосновенности разума: развитію душевныхъ болѣзней у преступниковъ, какъ справедливо говоритъ Соммеръ,—въ значительной степени содѣйствуютъ самое совершеніе преступленія, связанное съ нимъ возбужденіе, раскаяніе и угрызенія совѣсти, заботы о домашнихъ, лишеніе свободы и т. д. На ряду съ душевной болѣзнью, какъ продуктомъ условій преступной жизни, точно также возможно и пріобрѣтенное слабоуміе, тѣсно связанное съ душевными болѣзнями.

---

198) Sommer, указ. соч. стр. 132.

Стоитъ только припомнить бездомную, кочующую жизнь преступника, всякое отсутствіе высшихъ, облагораживающихъ интересовъ, лишенія относительно пищи и другихъ, служащихъ къ поддержанію организма средствъ, смѣняющіяся излишествами всякаго рода, въ особенности по части алкоголя, — чувство страха, которое приходится испытывать при жизни, исключительно направленной на нарушеніе общественныхъ запретовъ, чувство, которое столь часто, по указанію психіатровъ, гибельно вліяетъ на функціи ума,—и тогда станетъ яснымъ, какъ въ множествѣ случаевъ слабоуміе у преступниковъ, вовсе не составляя генезиса преступности, бываетъ напротивъ явленіемъ производнымъ, послѣдствіемъ, подобно тому, какъ слабоуміе въ смыслѣ пошлости и низменности мысли бываетъ у людей непреступныхъ и неглупыхъ отъ природы послѣдствіемъ жизни, отданной разгулу, праздности и грубымъ удовольствіямъ.

Мнѣ приходится оцѣнить другой элементъ, который вносится Ломброзо въ понятіе о прирожденномъ преступникѣ,— а именно атавизмъ.—Возвращеніе преступника къ первобытному человѣку, лѣсному дикарю,—вотъ объясненіе, которое чуть не на каждой страницѣ сквозитъ въ «l'Uomo delinquente».—Первоначальное происхожденіе теоріи атавизма у преступниковъ можно, кажется, объяснить смѣшеніемъ образнаго выраженія, метафоры съ реальнымъ явленіемъ, смѣшеніемъ, дававшимъ нерѣдко начало миѳамъ. Когда мы говоримъ въ обыденной жизни о дикости, объ одичаніи, о дикаряхъ среди нашей цивилизаціи — эти выраженія свидѣтельствуютъ о томъ, что извѣстныя лица, живущія въ обществѣ, чужды понятій, обязанностей, обычаевъ, присущихъ извѣстному уровню цивилизаціи, отличаются отъ прочихъ людей крайней грубостью, беззастѣнчивымъ развратомъ, нравственной нечувствительностью. Но употребляя указанныя выраженія, никто не хочетъ этимъ сказать, чтобъ наши дикари,—подонки общества,—отражали бы въ себѣ непремѣнно какихъ нибудь негровъ или папуасовъ, или первобытныхъ людей. А между тѣмъ Ломброзо именно въ этомъ буквальномъ смыслѣ разумѣетъ термины «одичанія и дикаря».

Въ предшествующемъ изложеніи я оцѣнивалъ состоятельность нѣкоторыхъ частныхъ доказательствъ атавизма у преступниковъ — какъ напр. явленія татуировки. Точно также мало состоятельны другія доказательства, какъ напр., сходство аномалій череповъ преступниковъ съ аномаліями на черепахъ ископаемаго человѣка, обычай обнаженія тѣла у проститутокъ, нѣкоторыя выраженія, попадающіяся въ го-

ворѣ преступниковъ. По части череповъ первобытнаго человѣка (Неандертальскаго, Энжисскаго и т. д.) наблюденія ученыхъ антропологовъ значительно расшатываютъ тезисъ Ломброзо. По словамъ напр. авторитетнаго по данному вопросу Вирхова, если сопоставить сумму извѣстныхъ намъ ископаемыхъ людей съ современными людьми, между послѣдними оказывается гораздо болѣе относительно приниженныхъ людей, чѣмъ между первыми [199]).

Объясненіе обнаженія тѣла у проститутокъ атавизмомъ поражаетъ своею странностью. Это явленіе у различныхъ народовъ объясняется прежде всего климатическими условіями. Непонятно поэтому, при чемъ тутъ проститутки. Атавизмъ есть воспроизведеніе наиболѣе далекихъ по времени феноменовъ, съ опущеніемъ ближайшихъ, воспроизведеніе особенностей не ближайшихъ, а отдаленныхъ предковъ, при томъ безсознательное, — процессъ природы, независящій отъ воли человѣка. У проститутокъ же указанный обычай обнаженія тѣла, проявляющійся при томъ весьма условнымъ образомъ, имѣетъ сознательное и цѣлесообразное значеніе.

Далѣе, усматривая въ преступникѣ возродившагося въ силу атавизма дикаго человѣка, Ломброзо ссылается на сходство нравовъ, физической и нравственной нечувствительности, сходство въ наружности у преступниковъ съ дикарями, — но при этомъ берутся удобные для теоріи примѣры и опускаются неудобные. Наравнѣ съ кровожадными, свирѣпыми, развратными дикарями существуютъ совсѣмъ иные, съ мягкими нравами, съ семейными добродѣтелями, превосходящіе по чистотѣ жизни цивилизованныхъ людей—и мало отличные отъ нихъ по наружности [200]).

---

199) См. Die Freiheit der Wissenschafft im modernem Staat, рѣчь въ собраніи нѣмецкихъ натуралистовъ 1877 г., стр. 31. «Noch vor zehn Jahre, als man einen Schädel im Torfe fand oder in Phalbauten ...glaubte man wunderbare Merkmale eines wilden, noch ganz unentwickelten Zustandes zu sehen. Man witterte eben Affenluft. Die alten Troglodyten, Phalbauer und Torfleute erweisen sich aber als eine ganz respectable Gesellschaft. Sie haben Köpfe von solcher Grösse, dass wohl mancher lebende sich glücklich preisen würde,—einen ähnlichen zu besitzen (стр. 30). Правда черепамъ ископаемаго человѣка приписываются признаки низшей структуры, малое развитіе черепа, выдающіяся надбровныя дуги, прогнатизмъ. (См. Letourneau, La préhistoire vivante въ Revue Scientifique 1885, № 23, стр. 761, и Topinard Anthropologie Ch. IX Préhistorique стр. 447—456). Но по мнѣнію послѣдняго ученаго черепа расы Cro - Magnon, напротивъ, представляютъ правильныя и изящныя очертанія (Topinard, назв. соч. стр. 452). Объ энжисскомъ черепѣ Гёксли говоритъ, что ни въ какой части его незамѣтно дегрэдаціи, это средній типъ черепа, можетъ быть, принадлежавшій философу, а можетъ быть безсмысленному дикарю. (О положеніи человѣка, русск. перев., стр. 176).

200) См. любопытную замѣтку объ Indiens Tobas въ Revue Scientifique № 25, 1885, стр. 796). Это племя весьма дикое, при изслѣдованіи котораго погибъ докторъ Crevaux,

Независимо отъ указанныхъ данныхъ, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что нашихъ современныхъ преступниковъ не приходится уравнивать съ первобытными народами или съ современными дикарями. Странно, что, придавая существенное значеніе соціальному характеру преступленія, Ломброзо не принялъ въ соображеніе, что именно въ силу соціальныхъ условій нельзя современнаго преступника сближать съ людьми первобытной культуры. Говорить, что развитіе преступленія и наказанія соотвѣтствуютъ развитію государственнаго и общественнаго строя, измѣненію научныхъ и нравственныхъ понятій, большей и меньшей утонченности человѣческихъ отношеній, значитъ, повторять общее мѣсто. Очевидно, поэтому, что нашъ современный преступникъ не можетъ отождествляться съ первобытнымъ человѣкомъ. Цивилизація кладетъ свой отпечатокъ на явленіе преступленія, какъ путемъ измѣненія общаго уровня населенія, изъ котораго выходитъ преступникъ, такъ и созданіемъ преступленій, которыя въ древности, по отсутствію извѣстныхъ запретовъ и предписаній, были невозможны. Самъ же Ломброзо говоритъ въ началѣ своей книги, что преступная дѣятельность дикарей и первобытныхъ народовъ специфическая, вслѣдствіе чего у нихъ считались преступными дѣянія, не имѣющія таковаго характера у насъ, — и наоборотъ. Но если это такъ, то нельзя и говорить объ атавизмѣ, воскрешающемъ въ преступникѣ далекаго предка.

Самыя существенныя возраженія возбуждаетъ сочетаніе этого объясненія преступности съ усвоеннымъ прирожденному преступнику нравственнымъ помѣшательствомъ. Нравственное помѣшательство, очевидно, немыслимо внѣ душевнаго недуга и страданія. Такимъ образомъ приходится допускать въ прирожденномъ преступникѣ сочетаніе атавизма и болѣзни. Можетъ быть, вслѣдствіе сознанія необходимости смягчить рѣзкость сочетаемыхъ явленій, Ломброзо объявляетъ нравственно помѣшаннаго единственно уродомъ

по свидѣтельству его уцѣлѣвшаго спутника, Dumarsay, является однимъ изъ наиболѣе изящныхъ по строенію тѣла не только въ Америкѣ, но, можетъ быть, и въ цѣломъ мірѣ. У нихъ правильный лобъ, хотя нѣсколько раскосые глаза, тонкія брови, малыя уши. Примѣръ значительной нравственности у дикарей представляетъ племя Тоддовъ въ Индіи, о которомъ имѣются сонершенно согласныя показанія многихъ путешественниковъ (см. напр. путешествіе Fontanier въ собраніи Montémont: Voyages en Asie 1855 г.). Сводъ извѣстій о дикаряхъ, выгодно отличающихся нравственной чистотой, у Spencer'a La société industrielle въ Revue Philosophique 1881 Novembre; подробное извлеченіе изъ этой статьи сдѣлано у Ферри Socialismo e criminalita.

относительно нравственнаго смысла. Я старался выше показать безплодность этой попытки, противурѣчіе ея съ многочисленными душевными и тѣлесными болѣзнями, свойственными нравственно помѣшанному и прирожденному преступнику, по мнѣнію самого Ломброзо. Во всякомъ случаѣ фактъ подверженности преступника разнымъ заболѣваніямъ, въ особенности душевнымъ болѣзнямъ, удостовѣряемый Ломброзо, въ величайшемъ противурѣчіи съ понятіемъ о дикомъ человѣкѣ. Цѣлый рядъ свидѣтельствъ самыхъ компетентныхъ наблюдателей удостовѣряетъ въ томъ, что люди первобытной культуры рѣдко заболѣваютъ душевными болѣзнями [199]).

Это явленіе понятно въ виду того, что развитіе нервныхъ и душевныхъ страданій связывается съ ходомъ современной цивилизаціи, съ повышеніемъ потребностей жизни, съ напряженнымъ умственнымъ трудомъ, съ многочисленными возбужденіями современной жизни; подобныхъ условій въ жизни дикаря не существуетъ. Такимъ образомъ, атавизмъ и нравственное помѣшательство—два взаимно другъ друга уничтожающія положенія [200]).

---

[199]) См. по этому вопросу интересную статью профессора Мейера «Die Zunahme der Geisteskrankheiten» въ Deutsche Rundschau вып. 1-й октябрь 1885 г. Въ означенной работѣ можно найдти свидѣтельства разныхъ путешественниковъ и врачей (Humboldt, Smith, Guislain, Moreau de Tours) о рѣдкости случаевъ душевной болѣзни у дикихъ народовъ (стр. 81).

[200]) По части сочетанія возродившагося дикаря и душевно-больнаго см. Tarde, Le Type criminel: въ книгѣ Ломброзо, говоритъ Tarde,—deux thèses superposées; душевно-больной—продуктъ цивилизаціи, неизвѣстный низшимъ расамъ. Если преступникъ дикарь, онъ не можетъ быть душевно-больнымъ; если онъ душевно-больной — онъ не можетъ быть дикаремъ (стр. 60). Съ теоріей атавизма не соглашается и сочувствующій вообще Ломброзо докторъ Kräpelin: сходство въ развитіи преступника и дикаря, не смотря на различіе условій культурной жизни и жизни дикарей, указываетъ, по мнѣнію этого ученаго, на различіе коренныхъ основъ въ личности того и другого. (Lombroso's Uomo delinquente въ Zeitschrift Листа т. V стр. 679). Manouvrier усматриваетъ въ теоріи атавизма объясненіе, неудовлетворительное по слишкомъ большой простотѣ, и предпочитаетъ признавать убійцъ за отсталыхъ по отношенію къ среднему уровню общества людей (Cranes des supplicies стран. 125). См. также вѣрныя замѣчанія противъ теоріи атавизма у г. Дриля: Малолѣтніе преступники стр. 177—178). Вопросъ объ атавизмѣ подвергся тщательной разработкѣ на послѣднемъ Римскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи. Профес. Sergi представилъ докладъ о біопатоло-

VII.

Ломброзо не остановился на ученіи о сочетаніи въ прирожденномъ преступникѣ нравственнаго помѣшательства и атавизма и весьма скоро послѣ выхода въ свѣтъ 3-го изданія «L'uomo delinquente» придалъ ему новый, спеціальный признакъ эпилепсическаго страданія.

гическихъ признакахъ преступниковъ (signes biopathologiques), предрасполагающихъ къ преступности. Эти признаки—продукты дегенераціи, атавистически прирожденной или пріобрѣтенной. По мнѣнію Sergi, существуетъ атавизмъ préhumain (survivance des espèces inférieures) и атавизмъ humain, воспроизводящій структуру предковъ и болѣзненныя формы. По поводу этого доклада Lacassagne произнесъ крайне рѣзкую рѣчь; опредѣливъ атавизмъ, какъ héredité a puissances cumulées, Lacassagne назвалъ два вида атавизма, указанные Sergi, гипотезой, на которой нельзя основать научнаго зданія. Теорія эта, далѣе, опасна съ практической точки зрѣнія: терминомъ атавизма будутъ непремѣнно злоупотреблять. Затѣмъ въ ней есть мистическая сторона: атавизмъ—неизгладимое пятно, первородный грѣхъ, противъ котораго ничего нельзя сдѣлать. «Ученые могутъ дѣлать измѣренія, находить углы и показатели, — законодателямъ приходится сложить руки, или строить тюрьмы и пріюты для лицъ дурно организованныхъ (malformés). Разъ существуетъ безпощадное вліяніе предковъ, отъ него отдѣлаться нельзя, и должно всегда ожидать внезапнаго вторженія выходцевъ съ того свѣта, дикихъ типовъ, типовъ Cro—Magnon и полированнаго камня». По мнѣнію Lacassagne, дѣло не въ атавизмѣ, а въ общественной средѣ; le milieu social est le bouillon de culture de la criminalité; le microbe—c'est le criminel, un élément, qui n'a d'importance que le jour on il trouve le bouillon, qui le fait fermenter. Преступникъ же со всѣми его антропометрическими и другими признаками имѣетъ весьма незначительную важность. Всѣ эти признаки могутъ встрѣчаться и у людей непреступныхъ. Поэтому, по мнѣнію Lacassagne, фатализму, неизбѣжно вытекающему изъ антропометрической теоріи, надо противупоставить соціальную инціативу. Вы захотѣли, замѣтилъ указанный французскій ученый, обращаясь къ антропологамъ криминалистамъ, начать съ разрушенія, опрокинуть существующую теорію, отрицать свободу воли. Все это было безполезно, можно опрокидывать что-нибудь, замѣняя его другимъ; нужно указать на существованіе общественной совѣсти и найти ея правила (Congrès d'anthropologie criminelle de Rome въ Archives d'anthropologie criminelle et des sciences pénales № 2 стр. 181—183). Нельзя не признать огромной важности этихъ возраженій Lacassagne противъ новой итальянской школы: они указываютъ на огромное недоразумѣніе тамъ, гдѣ видятъ плодотворное научное теченіе; они звучатъ особенно безпощадно въ устахъ человѣка, компетентность котораго по спеціальнымъ вопросамъ естествоиспытанія и медицины неоспорима. У Lacassagne можно отмѣтить рѣшительный переворотъ въ мнѣніяхъ сравнительно съ его «De la criminalité des animaux», а также съ работой «L'homme criminel, comparé a l'homme primitif» 1882 г., гдѣ авторъ приближался къ воззрѣніямъ Ломброзо, не доходя однако до свойственныхъ послѣднему безусловныхъ выводовъ.

Новое возрѣніе Ломброзо на delinquente nato совпадаетъ съ знаменитымъ процессомъ Misdea, солдата—Калабрійца, получившаго печальную извѣстность вслѣдствіе совершеннаго имъ въ казармѣ Pizzofalcone страшнаго убійства изъ за ссоры, завязавшейся у него съ нѣсколькими товарищами въ первый день Пасхи 1884 года. Въ то время, когда никто изъ окружавшихъ его лицъ не ожидалъ нападенія, Misdea схватилъ ружье и началъ разстрѣливать своихъ товарищей; имъ было сдѣлано 52 выстрѣла, семь человѣкъ было убито, тринадцать ранено, пока наконецъ не удалось обезоружить разъяреннаго убійцу. Misdea судился въ военномъ судѣ и, по приговору суда, былъ разстрѣлянъ.

Въ томъ же году Ломброзо и Бьянки, бывшіе эксперты защиты въ засѣданіяхъ суда по дѣлу Misdea, выпустили въ свѣтъ книгу: «Misdea e la nuova scuola penale», заключающую медико-антропологическое изслѣдованіе Misdea, а также новое обсужденіе, по поводу этого процесса, вопросовъ о дегенераціи, нравственномъ помѣшательствѣ и наслѣдственности въ связи съ эпилепсіей. По изслѣдованію Misdea Ломброзо и Бьянки, они нашли у него признаки прирожденнаго преступника, какъ то: ассиметрію черепа и лица, микрокефалію, значительное развитіе скулъ, легкое косоглазіе, недостатокъ отъ природы двухъ рѣзцовъ (явленіе, которому Ломброзо придаетъ значеніе атавизма, восходящаго къ грызунамъ), альвеолярный прогнатизмъ, большой вѣсъ тѣла, нравственную нечувствительность, тщеславіе преступленіемъ. При этомъ оба эксперта нашли, что въ побужденіяхъ къ преступленію и въ способѣ его совершенія выразились злостность и ярость, не соотвѣтствующія ничтожности повода и превышающія черты патологическаго типа follia morale. Такое явленіе объясняется ими наличностью эпилепсіи, обострившей симптомы нравственнаго помѣшательства [201]).

Въ доказательство эпилепсіи у Misdea приводятся слѣдующія данныя: 1) болѣзненная наслѣдственность, 2) аномаліи черепа и лица, 3) совершеніе нападенія Misdea на товарищей и пріятелей, при томъ съ неслыханной жестокостью и нечувствительностью, свойственной эпилептикамъ, 4) раздражительность и безпощадность характера, 5) удостовѣряемые свидѣтелями факты, предшествующіе преступному дѣянію (порывы къ самоубійству, троекратные случаи обморока,

---

201) Указ. сочиненіе гл. II Esame clinico стр. 16 — 31. III. Analogie anatomiche e biologiche стр. 32—40. IV. Analogie psichiche стр. 41—46.

полнѣйшее затѣмъ безпамятство), далѣе сопровождавшія преступное дѣяніе обстоятельства (перемѣна голоса, краснота лица, глубокій сонъ, въ которомъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть классическій сонъ эпилептиковъ послѣ припадка [202]). У Misdea, по замѣчанію Ломброзо и Бьянки, правда, недостаетъ полнѣйшаго запамятованія о совершенномъ, но оба автора, ссылаясь на изслѣдованія Самта объ эпилепсіи, считаютъ возможнымъ поддерживать существованіе спеціальной формы эпилепсіи, выражающейся убійствомъ и различными припадками, при которыхъ у нѣкоторыхъ субъектовъ память остается неприкосновенной. По мнѣнію Ломброзо и Бьянки, фонъ нравственнаго помѣшательства давалъ колоритъ утонченной злости преступнику, связывалъ эпилептическій припадокъ съ предыдущей жизнью Misdea; гнѣвъ, вызванный у Misdea ссорой, могъ содѣйствовать повторенію прежнихъ припадковъ. Правда, многія данныя для признанія эпилепсіи у Misdea отсутствуютъ, но это объясняется длинными промежутками между припадками, а также тѣмъ, что продромическія явленія часто не замѣчаются медиками,—сами же больные меньше всего знаютъ о своей болѣзни [203]).

Въ главѣ VI-й: Epilessia psichica, epilessia alcoolistica, suicidio, ipnosi negli epiletticі дается обоснованіе генезиса и формы эпилепсіи у Misdea. Означенная глава начинается съ указанія, что публика съ трудомъ вѣритъ въ эпилепсію въ случаяхъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ хладнокровно и притомъ въ точномъ соотвѣтствіи съ преступнымъ мотивомъ, однако, возможна эпилепсія съ рѣдкими судорогами, даже безъ таковыхъ, выражающаяся однимъ головокруженіемъ, съ быстро проходящимъ потемненіемъ сознанія, съ порывами къ самоубійству, съ психическимъ извращеніемъ, окрашивающимъ всю жизнь больнаго. Въ пользу этихъ положеній приводится рядъ случаевъ изъ медицинской казуистики, какъ другихъ врачей, такъ и самого Ломброзо, гдѣ, при отсутствіи рѣзко выраженныхъ признаковъ, эпилепсія проявлялась свирѣпыми дѣйствіями, за которыми потомъ слѣдовали несомнѣнные симптомы: случай, сообщенный Tamburini въ Rivista di freniatria 1876 г., случай Theauviot у Legrand du Saulle, наконецъ, случай, сообщенный г. Боткинымъ въ Архивѣ Ковалевскаго [204]). Что же касается до со-

---

[202]) Гл. V, Epilessia di Misdea, стр. 47—55.

[203]) Гл. V, стр. 53 и 54.

[204]) Гл. VI, стр. 56—65. Интересный случай, сообщенный въ Архивѣ Психіатріи, 1883, т. I, стр. 159—178, въ статьѣ: „Эпилептическое помѣшательство“, не можетъ

знанія Misdea относительно совершеннаго во время припадка, то, въ нѣкоторыхъ случаяхъ epilessia larvata, какъ это удостовѣряется Самтомъ, у эпилептиковъ остается воспоминаніе о совершенномъ [205]).

Далѣе въ дѣлѣ Misdea имѣются указанія на злоупотребленіе имъ спиртными напитками, каковое обстоятельство представляетъ отдаленную причину эпилепсіи, въ виду того, что злоупотребленія алкоголемъ практиковалось Misdea съ младенческаго возраста, а также причину непосредственную, такъ какъ Misdea пилъ много вина въ день преступленія [206]).

Указанный отдѣлъ заканчивается замѣчаніемъ, что многіе откажутся понять, какъ можно въ теченіе нѣсколькихъ дней, при наружной неприкосновенности разума, находиться въ состояніи просонокъ, въ каковомъ состояніи и находился Misdea, тѣмъ не менѣе несомнѣнность этого факта удостовѣряется Krafft Ebbing'омъ, Legrand du Saulle, Leidesdorf'омъ, а также собственными наблюденіями Ломброзо [207]).

Къ этому отдѣлу примыкаетъ изслѣдованіе соотношенія между нравственнымъ помѣшательствомъ и эпилепсіей. Отмѣтивъ, что въ дѣлѣ Misdea эпилепсія присоединяется къ нравственному помѣшательству, преувеличивая, но не измѣняя его чертъ, Ломброзо и Бьянки, ссылаясь на Amadei, Legrand du Saulle и Morel, удостовѣряютъ аналогію между нравственно - помѣшанными и эпилептиками по части физическихъ клеймъ и нравственныхъ особенностей [208]).

Въ главѣ VIII (Eziologia, degenerazione, eredità, provocazione), описывается мѣсторожденіе Misdea, Girifalco, гористая мѣстность съ нездоровымъ климатомъ, съ невѣжественнымъ, грубымъ населеніемъ, среди котораго часто попадаются лица съ признаками вырожденія: субмикрокефалы, шестипалые, съ заячьей губой, съ чрезвычайно сильной преступностью. Далѣе сообщается генеалогическое дерево Misdea: оказывается, что его отецъ чудакъ, пьяница, крайне раздражительный, мать—женщина хорошая, но страдаетъ истеріей, ея

быть приведенъ въ объясненіе случая Misdea. Въ указанномъ случаѣ было доказано врачебнымъ свидѣтельствомъ, что задолго до поступленія X на военную службу, во время которой онъ совершилъ рядъ преступныхъ дѣяній, X страдалъ судорожной эпилепсіей.

205) Стр. 68—69.

206) Стр. 76.

207) Стр. 78—79.

208) Гл. VII Epilessia e pazzia morale стр. 80—85.

братья—одинъ разбойникъ, другой воръ, другіе родственники либо слабоумные, либо раздражительнаго нрава, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Misdea душевно-больной, совершенно нормаленъ лишь одинъ родной братъ его [209]).

Переходя по установленію понятій дегенераціи, Ломброзо и Бьянки заявляютъ, что, когда человѣкъ работаетъ только мускулами, избѣгаетъ усиленной дѣятельности мозга и пользуется мозгомъ лишь въ степени, необходимой для борьбы за существованіе (что бываетъ у дикарей и крестьянъ), онъ подвергается душевнымъ болѣзнямъ лишь вслѣдствіе головныхъ поврежденій солнечнаго удара, нравственныхъ потрясеній; когда же къ злоупотребленіямъ дѣятельностью мозга присоединяется злоупотребленіе опія и алкоголя, тогда наступаетъ дегенерація вида, производящая наиболѣе печальныя явленія пріостановки развитія (микрокефалію, эпилепсію, глухонѣмоту, чахотку, помѣшательство и, наконецъ, нравственный кретинизмъ (pazzia morale).

Преступленіе Misdea, объясняется болѣзненной наслѣдственностью, дикими нравами населенія, среди котораго онъ родился, злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ, раздраженіемъ вслѣдствіе ссоръ, усиленнымъ наличностью эпилепсіи, но больше всего болѣзнью, такъ какъ утромъ въ день происшествія онъ чувствовалъ себя дурно, страдалъ головокруженіями [210]).

Дѣло Misdea и указанное изслѣдованіе Ломброзо и Бьянко дали антрополого-позитивной школѣ новый пароль — эпилепсія. На кличъ передовыхъ людей школы отозвались остальные единомышленные имъ изслѣдователи, закипѣла работа надъ изслѣдованіемъ эпилептиковъ, надъ сравненіемъ ихъ съ folli morali и delinquenti nati. Такимъ образомъ, оказалось, что зданіе, построенное съ такимъ трудомъ, съ такими усиліями въ сочиненіи «L'uomo delinquente», далеко не закончено, что отождествленіе pazzo morale и delinquente nato еще не разрѣшаетъ окончательно вопроса о тягчайшемъ видѣ преступнаго человѣка, что надъ двумя этажами: возродившагося дикаря и нравственнаго помѣшаннаго, надо возвести для увѣнчанія зданія еще третій этажъ подъ вывѣской эпилепсіи. Архитекторы забыли объ одномъ: при прихотливой перестройкѣ зданія оно рѣдко выходитъ стройнымъ и гармоничнымъ, и фундаментъ

---

[209]) Стр. 86—89.
[210]) Стр. 90—95.

иногда можетъ и не выдержать надстройки. Что это именно и случилось съ введеніемъ понятія эпилепсіи въ типъ прирожденнаго преступника,—это будетъ показано ниже.

Я не стану разбирать вопроса, былъ или нѣтъ эпилептикомъ Misdea; правильное разрѣшеніе этого вопроса за казнью Misdea, которую страннымъ образомъ Ломброзо оправдываетъ въ указанномъ изслѣдованіи, сдѣлалось невозможнымъ [211]). Во всякомъ случаѣ этюдъ Ломброзо и Бьянки о Misdea, показываетъ насколько изслѣдованіе преступниковъ по антрополого-позитивному методу можетъ давать солидныя основанія для отнесенія того или другого преступника къ одной изъ категорій преступниковъ, принятыхъ въ новой школѣ. Въ дѣлѣ Misdea Ломброзо и Бьянки воспользовались всѣми средствами научнаго изслѣдованія: они измѣряли черепъ, мускулярную силу, пульсъ, разные виды физической чувствительности, зрѣніе, они свидѣтельствовали сердце, печень Misdea. На чемъ же основаны преимущественно соображенія относительно эпилепсіи и нравственнаго помѣшательства у Misdea? Конечно, указанные авторы-эксперты ссылаются на результаты измѣренія, взвѣшиванія и осмотра, но все-таки наибольшую важность для нихъ имѣли показанія свидѣтелей. На стр. 49 Ломброзо и Бьянки ссылаются на головокруженіе у Misdea, удостовѣренное отчасти сержантомъ du Cane, а равно директоромъ тюрьмы Forte, далѣе, медикомъ, лѣчившимъ Misdea, и многочисленными свидѣтелями. Но директоръ тюрьмы наблюдалъ Misdea уже послѣ преступленія; врачи военнаго вѣдомства, какъ это показываютъ Ломброзо и Бьянки, не находили у Misdea головокруженій; въ числѣ свидѣтелей въ пользу факта головокруженій у Misdea были односеленцы его изъ Girifalco. Самъ Ломброзо говоритъ, что изъ числа благопріятныхъ діагнозу эпилепсіи свидѣтелей трое были заподозрѣны въ лживыхъ показаніяхъ; хотя при этомъ онъ ссылается на согласіе ихъ показаній, на отсутствіе противорѣчій, такъ что единственно психіатръ могъ выучить ихъ дать лживое показаніе, тѣмъ

---

[211]) См. Misdea, гл. X, La nuova scuola penale, difesa sociale, pena di morte, alienisti. Разборъ этой главы будетъ сдѣланъ во второмъ выпускѣ моей работы при обсужденіи смертной казни вообще. Прекрасная аргументація противъ незаконности казни Misdea въ процессуальномъ отношеніи у Lucchini; Soldati, delinquenti, carnefici. Bologna 1884 г.; на стр. 21—26, описаніе казни, при которой черепъ Misdea былъ разнесенъ семью пулями; по поводу этого обстоятельства Lucchini замѣчаетъ: „è stato impossibile alle scienza determinar il peso e il volume del cervello“.

не менѣе доказательная сила этихъ свидѣтельскихъ показаній весьма сомнительна. Такъ, свидѣтели показывали объ амнезіи, о томъ, что Misdea иногда неподвижно смотрѣлъ на пріятелей, не кланяясь имъ, покушался безъ причины поразить себя и другихъ. Очевидно, отъ такихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о нервномъ, раздражительномъ, угрюмомъ человѣкѣ, до эпилептика все-таки очень далеко. Значитъ, вопросъ объ эпилепсіи Misdea, несмотря на антропологo-медицинское освидѣтельствованіе его, остался темнымъ и крайне спорнымъ. Экспертиза не разъяснила его, а только придала обманчивую достовѣрность показаніямъ свидѣтелей аппаратомъ взвѣшиваній и измѣреній. Что же касается до генеалогическаго дерева Misdea, то даже допуская такіе факты, что одинъ изъ родственниковъ его былъ душевно-больной, что двое были осуждены за убійство и нанесеніе ранъ въ дракѣ, все же относительно другихъ родственниковъ остаются эластичныя характеристики слабоумія и раздражительности, свойствъ, допускающихъ многочисленные оттѣнки и переходы, правильная оцѣнка которыхъ можетъ быть сдѣлана лишь при освидѣтельствованіи, произведенномъ свѣдущимъ человѣкомъ, а не при помощи невѣжественныхъ и, можетъ быть, пристрастныхъ обвиняемому свидѣтелей. Но при собираніи свѣдѣній о наслѣдственности психіатры, какъ извѣстно, крайне неразборчивы относительно средствъ удостовѣренія [212]).

---

[212]) См. Virgilio Saggio di ricerche sulla natura morbosa del delitto, 1870 г. У Виргиліо, подвергшаго наблюденію 266 осужденныхъ преступниковъ, въ означенномъ сочиненіи имѣется таблица процентныхъ отношеній разныхъ видовъболѣзненной наслѣдственности среди означенныхъ арестантовъ; процентныя отношенія эти весьма значительны. Такъ душевно-больные родственники въ прямой или боковыхъ линіяхъ встрѣчались въ 14%, эпилептики въ 24,99%, алкоголики въ 20,96%. Эта таблица можетъ показаться весьма наглядным и убѣдительнымъ свидѣтельствомъ въ пользу болѣзненной наслѣдственности; но значеніе ея блѣднѣетъ, если обратить вниманіе на способы, коими получены свѣдѣнія доктора Виргиліо. По словамъ Виргиліо, таблица была составлена на основаніи показаній самихъ арестантовъ; сначала они отказывались давать отвѣты на его вопросы и только спустя 8 мѣсяцевъ, послѣ того, какъ Виргиліо былъ принужденъ обращаться къ разнымъ средствамъ, чтобы внушить имъ къ себѣ довѣріе, они согласились удовлетворить любознательности доктора. (Указ. соч. стр. 30). Разсказъ доктора Виргиліо бросаетъ яркій свѣтъ на многія таблицы наслѣдственности у преступниковъ, которыя приходится видѣть, и на увлеченія психіатровъ. Какъ признавать тюремныхъ сидѣльцевъ компетентными къ діагнозу того или другаго недуга или даже только способными вѣрно передавать тончайшіе признаки нѣкоторыхъ страданій? Но если бы арестанты и были способны сообщать свѣдѣнія о болѣзняхъ и аномаліяхъ своихъ родственниковъ, гдѣ же ручательство ихъ правдивости? Нельзя отри-

Вслѣдъ за этюдомъ о Misdea въ Archivio di Psichiatria за 1885 г. появился рядъ работъ, направленныхъ на доказательство тождественности эпилепсіи и прирожденной преступности [213]).

Въ статьѣ: Identità dell epilessia colle pazzia morale e delinquenza congenita, въ которую Ломброзо внесъ многое изъ изслѣдованія о Misdea и которая открывается съ указанія на фактъ наслоенія эпилепсіи на нравственное помѣшательство (l'epilessia si sovrapone sulla pazzia morale), авторъ доказываетъ тождество эпилепсіи, нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности однородностью тѣлесныхъ аномалій у прирожденныхъ преступниковъ, нравственно помѣшанныхъ и эпилептиковъ. Таковы значительность вѣса тѣла и роста, аномаліи черепа (въ особенности ассиметрія) и мозга, челюстей и скулъ,—случаи средне-затылочной ямки (16%) въ черепахъ, принадлежащихъ Bergonzoli, Tamburini, Morselli и самому автору, малая и чрезвычайно большая вмѣстимость черепа, аномаліи лица, ушей, рта, волосъ, совпадающія съ таковыми же найденными у прирожденныхъ преступниковъ, тупость осязанія, сенсорный манчинизмъ, чрезвычайная гибкость и ловкость въ разныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, исчезновеніе или ослабленіе колѣнныхъ рефлексовъ, неравенство зрачковъ [214]).

цать, чтобы они постепенно не сообразили, что сообщенія извѣстнаго свойства могутъ оказаться имъ полезными, если не для помилованія, то хотя для перевода въ больницу. По части разнообразныхъ ухищреній арестантовъ добиться помѣщенія въ больницу, ради освобожденія отъ обязательнаго труда и полученія улучшенной пищи, см. Marro I Carcerati (гл. IV-я, стр. 47): L'aspirazione piu viva, il sogno di felicità del prigionero è il passagio all'infermeria).

213) Lombroso, Identità dell'epilessia colla pazzia morale e delinquenza congenita (Vol. VI, Fasc. 1—2). Morselli e Lombroso, Epilessia larvata pazzia morale (тамъ же), Lombroso, Nuovi dati sull'identità dell'epilessia e follia morale (Vol. VI, Fasc. III). Tonnini, Le epilessie (Vol. VI, Fasc. IV). Опытъ Ломброзо отождествленія эпилепсіи, нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности, по мнѣнію Tonnini, представляется **не вполнѣ точнымъ**; къ тому же онъ не увѣнчиваетъ зданія, какъ полагаетъ Ломброзо, а составляетъ положеніе фундамента для новаго, открываетъ лучшую эру для судебной психопатологіи (Archivio 1885 г., VI, fasc. IV, стр. 37-я). Несмотря на радужныя надежды Tonnini, замѣчаніе его готовитъ горькое разочарованіе для адептовъ новой антропологической школы. Послѣ громаднаго сочиненія „l'Uomo delinquente", послѣ многочисленныхъ открытій, сдѣланныхъ Ломброзо въ этомъ сочиненіи, по словамъ его приверженцевъ, наполнившихъ шесть томовъ Archivio новыми доказательствами правоты ученія своего учителя, находится безпристрастный человѣкъ, провозглашающій, что единственно положены основы зданія.

214) Указ. ст. стр. 1—9.

Но тождество обнаруживается всего больше съ психологической стороны. Одни эпилептики охватываютъ, подобно pazzi morali, огромное умственное различіе, простирающееся отъ генія (Магометъ, Наполеонъ, Цезарь, Петрарка, Мольеръ) до слабоумія. Авторъ сближаетъ эпилептиковъ и прирожденныхъ преступниковъ по части замѣчаемой у тѣхъ и другихъ лѣни и контраста обычной безпечности съ чрезмѣрной энергіей относительно дурныхъ или странныхъ дѣяній. Частые припадки маніи у эпилептиковъ объясняютъ маніакальные припадки у тюремныхъ заключенныхъ и pazzi morali. Далѣе изъ татуированныхъ душевно-больныхъ, изученныхъ Severi, двое были эпилептики; одинъ изъ нихъ былъ татуированъ на всемъ тѣлѣ, какъ это дѣлаютъ преступники, притомъ оба были татуированы въ manicomio, гдѣ рѣдко практикуется татуировка. Эпилептики, среди другихъ жильцовъ manicomi, сближаются другъ съ другомъ особенно охотно, какъ именно поступаютъ заключенные преступники. Въ высшей степени тождественны феномены чувствованій у эпилептиковъ и pazzi morali; такъ у эпилептиковъ преобладаетъ раздражительность характера, подвижность аффектовъ, извращеніе нравственныхъ способностей (Legrand du Saulle), чрезвычайная измѣнчивость какъ въ области умственныхъ способностей, такъ и чувствованій (Falret); они сознаются въ совершенномъ преступленіи тѣмъ легче, что видятъ въ немъ лишь актъ обороны или невольное дѣйствіе, не заботясь о скрытіи с л ѣ д о в ъ преступленія или п о б ѣ г ѣ (Delasiauve). Никакіе душевно-больные столько не склонны къ кражѣ, какъ эпилептики: они воруютъ что попадется и послѣ ловкой кражи бросаютъ украденное (Schüle). Далѣе, Ломброзо сообщаетъ процентныя отношенія эпилептиковъ въ средѣ тюремныхъ сидѣльцевъ и преступниковъ; по изслѣдованіямъ Knecht'a и Sommer'a эпилептики въ тюрьмахъ встрѣчаются въ пропорціи 5%, по изслѣдованіямъ Виргиліо, 5% эпилептиковъ приходится на сто убійцъ, тогда какъ въ непреступномъ населеніи на 1000 человѣкъ приходится 5—6 эпилептиковъ, на 1000 рекрутовъ Морселли нашелъ только 1,13— эпилептиковъ [214]). Сообщивъ эти данныя, ведущія къ отождествленію эпилептиковъ и прирожденныхъ преступниковъ, Ломброзо напоминаетъ, что эпилепсія бываетъ съ весьма рѣдкими конвульсіями, даже безъ таковыхъ, съ головокруженіями, съ перемежающимися краткими потерями сознанія и памяти, или припадками автоматическихъ попытокъ

---

214) Стр. 9—16.

на самоубійство, наконецъ, съ ночными припадками, кои обнаруживаются единственно непроизвольнымъ отдѣленіемъ мочи и закушеніемъ языка. Чтобъ показать тождество эпилепсіи и pazzia morale, авторъ приводитъ таблицы Herpin, Reynolds, Hammond, Gowers, относительно появленія эпилепсіи въ дѣтскомъ возрастѣ. Приводя далѣе списокъ причинъ, которыя, по наблюденію Leidesdorf'a, а также трехъ послѣднихъ изъ сейчасъ названныхъ ученыхъ, производятъ эпилепсію, авторъ указываетъ, что это тѣ же причины (спиртные напитки, траума, менингитъ, сыпныя и горячечныя болѣзни), которыя производятъ и p a z z i a m o r a l e [215]).

Ломброзо далѣе упоминаетъ о значительной прямой наслѣдственности, найденной Herpin въ 10 случаяхъ изъ 68, Gowers въ 408 случаяхъ изъ 1113, Delasiauve болѣе чѣмъ въ 10%, замѣчая, что этотъ признакъ, впрочемъ, имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе развѣ лишь въ виду нерѣдкаго происхожденія pazzi morali и преступниковъ отъ отцовъ-эпилептиковъ. За то для доказательства связи эпилепсіи и нравственнаго помѣшательства важно происхожденіе эпилептиковъ отъ истеричныхъ и преданныхъ запою родителей—фактъ, наблюдавшійся Voisin [216]).

Наиболѣе важнымъ доказательствомъ тождества эпилепсіи и нравственнаго помѣшательства авторъ признаетъ л о к а л и з а ц і ю эпилепсіи въ мозговой корѣ, положеніе, подтверждаемое опытами Розембаха относительно раздраженія мозговой коры электрическимъ токомъ. Эти опыты въ связи съ изслѣдованіями Albertini и Luciani подтверждаютъ гипотезу Jackson, что эпилептическая феноменологія состоитъ изъ группы симптомовъ, коихъ исходная точка должна отыскиваться въ различныхъ частяхъ мозговой коры, и что частичная эпилепсія есть разряженіе, ограниченное моторнымъ центромъ коры, сенсорная аура—результатъ возбужденія сенсорныхъ центровъ коры, потеря сознанія, преступный импульсъ—результатъ разряженія высшихъ психическихъ центровъ переднихъ мозговыхъ частей. Ломброзо ссылается при этомъ на опыты Розембаха, при которыхъ раздраженіе слабымъ токомъ психо-моторныхъ центровъ производило частичную эпилепсію, напротивъ при болѣе сильномъ токѣ, проходившемъ отъ психомоторныхъ центровъ къ неспособнымъ къ возбужденію з о н а м ъ, наступаетъ неожиданно полный припадокъ эпи-

---

215) Стр. 17—20.
216) Стр. 22.

лепсіи. Конвульсіи, ограниченныя извѣстными членами или половиной тѣла и произведенныя непосредственнымъ, но слабымъ возбужденіемъ психомоторныхъ центровъ, являются безъ потери сознанія; полные припадки эпилепсіи сопровождаются потерей сознанія, а впослѣдствіи признаками возбужденія коры, безпокойствомъ и бредомъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Ломброзо, отъ возбужденія одного и того же корковаго центра получается съ одной стороны конвульсивная эпилепсія, когда на лицо разряженія моторной зоны, и преступная импульсивность, когда возбужденіе и разряженіе происходятъ въ лобныхъ извилинахъ. Между идіопатической и кортикальной эпилепсіей существуютъ переходныя состоянія, начинающіяся съ ауры и психическихъ симптомовъ и оканчивающіяся потерями сознанія и моторными эффектами. Если признать, что сѣдалище психической эпилепсіи въ корѣ и переднихъ доляхъ, то понятно, что разряженіе вмѣсто психическаго припадка можетъ быть припадкомъ преступности (accesso criminoso).

Авторъ объявляетъ, что онъ не хочетъ сказать, что pazzia morale— обыкновенная эпилепсія, или что всякая эпилепсія сводится къ нравственному помѣшательству. Существуетъ форма эпилепсіи маскированная (larvata), съ головокруженіями, составляющая обостренную форму нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности. Есть нѣкоторыя отличія уголовной формы эпилепсіи (varietà criminale) отъ обыкновенной; обыкновенные эпилептики представляютъ меньшую остроту зрѣнія, бо́льшее повышеніе температуры послѣ припадка. У уголовныхъ эпилептиковъ рѣже встрѣчаются ворміанскія косточки и лобная микрокефалія. Дифференціальный характеръ коренится спеціально въ преувеличеніи очертаній; какъ нравственное помѣшательство сливается съ прирожденной преступностью, отличаясь отъ нея тѣмъ, что она преувеличиваетъ его черты, точно также преступники эпилептики, сверхъ преувеличенія чертъ, обусловленныхъ нравственнымъ помѣшательствомъ, хронически предаются свирѣпымъ побужденіямъ острыхъ и скрытыхъ припадковъ; въ менѣе опредѣленныхъ стадіяхъ явленія нравственнаго помѣшательства и эпилепсіи сливаются; а такъ какъ двѣ вещи, равныя третьей, равны между собою, то несомнѣнно, что прирожденная преступность (delinquenza nata) и нравственное помѣшательство (follia morale) только спеціальныя формы эпилепсіи» [217]).

---

[217]) Стр. 22—28. Это заключеніе Ломброзо до того сбивчиво, что читатель можетъ

Должно сказать, что новое теченіе мысли, обнаруживающееся у Ломброзо, со времени дѣла казненнаго Misdea, выразившееся въ присоединеніи эпилепсіи къ типу прирожденнаго преступника наравнѣ съ прежними элементами: нравственнаго помѣшательства и атавизма, составляетъ знаменательный признакъ для Ломброзіанской теоріи; прежде всего оно указываетъ на невозможность удерживаться на прежней позиціи, на шаткость объясненія тягчайшей преступности нравственнымъ помѣшательствомъ. Но, признавъ нужнымъ прибѣгнуть къ признаку эпилепсіи, Ломброзо упустилъ изъ виду, что новая открытая имъ черта въ прирожденномъ преступникѣ разлагаетъ прежде установленныя имъ положенія. Въ L'uomo delinquente прирожденный преступникъ, онъ же нравственно-помѣшанный, отличался отъ душевно-больнаго вообще; при этомъ приводились многочисленныя черты различія того и другаго. Спрашивается, къ чему служатъ эти различія, если прирожденный преступникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и эпилептикъ. Вѣдь самъ же Ломброзо ссылается на Voisin по части того, что раздѣленіе эпилептиковъ на душевно-больныхъ и недушевно-больныхъ—софизмъ, не имѣющій практическаго значенія; самъ же упоминаетъ о резолюціи Парижскаго общества судебной медицины 1875 г., по которой общія правила сужденія объ отвѣтственности душевно-больныхъ примѣняются и къ эпилептикамъ. Значитъ, невозможно различать тягчайшихъ (прирожденныхъ) преступниковъ отъ душевно больныхъ, разъ первые признаются эпилептиками; невозможно поддерживать тезиса, изложеннаго въ отвѣтѣ Ломброзо на критику Тардъ, что pazzi morali не душевно-больные, а здоровые люди, отличающіеся долговременностью жизни и страдающіе прирожденнымъ дефектомъ нравственнаго чувства. Капитальная ошибка Ломброзо состоитъ въ томъ, что онъ хочетъ непремѣнно удержать и связать во единое цѣлое воззрѣнія, высказывавшіяся имъ въ разное время, не замѣчая, что они другъ друга подрываютъ. Отсюда являются чисто механическія сочетанія: въ этюдѣ о Misdea и въ выше приведенной статьѣ о тождествѣ эпилепсіи съ нравственнымъ помѣшательствомъ указывается, что epilessia насѣдаетъ, помѣщается сверху pazzia morale (si sovrapone). Нравственное помѣшательство является такимъ образомъ какою то самостоятельною сущностью, тогда какъ, по весьма согласному сужденію психіатровъ, оно лишь симптомъ

заподозрить вѣрность передачи; поэтому я буквально перевожу это мѣсто, котораго не буквально и передать нельзя.

эпилепсіи, подобно тому, какъ оно симптомъ истеріи, слабоумія, прогрессивнаго паралича. Отсюда понятно, почему попытка показать тождество нравственно-помѣшаннаго, прирожденнаго преступника съ эпилептикомъ вышла поразительно натянутою. Вездѣ сквозятъ бѣлыя нитки, коими наскоро сшиваются факты. Чтобъ показать это, мнѣ вовсе не нужно пускаться въ чуждую юристу область вопросовъ о генезисѣ и истинномъ существѣ эпилепсіи; авторъ въ изобиліи даетъ матеріалъ для критики, направленной на сличеніе и сопоставленіе сообщаемыхъ имъ фактовъ. Прежде разбора отдѣльныхъ наведеній въ этюдѣ о Misdea и статьѣ «Identità dellepilessia con le pazzia morale» замѣчу, что вообще сравненіе эпилептиковъ съ прирожденными преступниками грѣшитъ смѣшеніемъ понятія причины и послѣдствія, подстановкой одновременности двухъ явленій на мѣсто ихъ преемственности. Я не думаю оспаривать, что въ средѣ преступниковъ могутъ оказываться въ значительномъ числѣ эпилептики, но весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли объяснять тягчайшую преступность эпилепсіей, или наоборотъ эпилепсію преступной жизнью, преступнымъ ремесломъ. Авторъ склоненъ къ первому объясненію, объединяя эпилепсію и прирожденную преступность, эпилептическій припадокъ и преступный импульсъ, а между тѣмъ изъ его собственнаго изслѣдованія видно, что эпилепсія съ полнымъ основаніемъ во множествѣ случаевъ можетъ считаться послѣдствіемъ преступной жизни: такъ Ломброзо указываетъ на алкоголизмъ, головныя поврежденія, менингитъ, горячку и сыпныя болѣзни, какъ причины эпилепсіи. Если имѣть въ виду условія жизни обычныхъ преступниковъ, антигигіеническія условія питанія и жилища, злоупотребленіе спиртными напитками, неопрятность, необходимость подвергаться риску разныхъ заболѣваній, то, очевидно, указанныя причины эпилепсіи естественно преобладаютъ у обычныхъ преступниковъ [218]). Поэтому преступники легко подвергаются эпилепсіи. Если допустить этотъ выводъ, то мнимое единство эпилепсіи и преступности рушится. Разумѣется, эпилепсія, подобно другимъ нервнымъ и душевнымъ страданіямъ, можетъ обусловливать ненормальныя, безнравственныя, преступныя дѣй-

---

[218]) По вычисленіямъ Ernst Sichart въ работѣ Die Rückfälligkeit der Verbrecher 1881, изъ числа 1200 арестантовъ, поступившихъ въ цухтгаусъ Людвигсбурга, 542 человѣка предавались до поступленія въ цухтгаусъ тунеядству, 204—прошенію милостыни, — 334 человѣка — пьянству, 184 —половымъ излишествамъ (стр. 16-ая). Понятно, что подобный образъ жизни можетъ вести къ заболѣваніямъ, обнаруживающимся въ тюрьмѣ.

ствія; но самая специфичность преступленій, обусловленныхъ болѣзнью, уже указываетъ на то, что преступленіе, совершаемое здоровымъ человѣкомъ, и преступленіе эпилептика не одно и тоже. Такъ преступленія противъ имущества, совершаемыя эпилептикомъ, характеристичны тѣмъ, что берется все попадающееся подъ рукой, даже негодное, и затѣмъ взятое нерѣдко уничтожается или бросается. Это именно и говоритъ Шюле, на котораго ссылается Ломброзо [219]). Но развѣ такъ поступаетъ обычный преступникъ, не эпилептикъ? Конечно, и онъ тащитъ все, что ему попадется, но, разсчитывая на пользу себѣ, онъ броситъ украденное, если найдетъ его впослѣдствіи негоднымъ; эпилептикъ же бросаетъ и уничтожаетъ самые цѣнные предметы. Ясно, что отождествлять побужденія, внушаемыя эпилепсіей, съ побужденіями здороваго преступника, значитъ, закрывать добровольно глаза, чтобъ не видѣть различія тѣхъ и другихъ.

Ломброзо находитъ поразительное сходство по части роста, вѣса тѣла, аномалій черепа и мозга у эпилептиковъ и нравственно помѣшанныхъ. Не думая оспаривать показанія Ломброзо, я полагаю только, что одного этого факта недостаточно для поддержки теоріи автора, если къ нему не присоединятся другія, болѣе существенныя доказательства. Почти полное тождество открывается Ломброзо между эпилептиками и прирожденными преступниками по части уголовнаго типа. Но здѣсь авторъ дѣлаетъ любопытное открытіе: эпилептики не преступники мало отличаются въ этомъ отношеніи отъ эпилептиковъ-преступниковъ; далѣе, въ числѣ преступниковъ, встрѣчаются субъекты, лишенные полнаго типа, что объясняется авторомъ рѣдкостью у нихъ припадковъ [220]). Но если эпилептики, какъ преступники, такъ и непреступники, обладаютъ общимъ, такъ называемымъ уголовнымъ типомъ (type criminel, терминъ, который незаслуженно примѣняется къ послѣднимъ), то, значитъ, специальный типъ не состоитъ въ необходимой связи съ преступностью. Далѣе объясненіе, почему у преступниковъ-эпилептиковъ иногда и не встрѣчается полный типъ, весьма натянуто: преступный типъ складывается преимущественно изъ прирожденныхъ аномалій и особенностей и, поэтому, рѣдкость припадковъ лишена значенія. Что касается до полнаго тождества по части психическихъ свойствъ нравственно-помѣшанныхъ и эпилептиковъ, то внимательный разборъ доводовъ автора не дозволяетъ согласиться съ нимъ.

---

219) Handbuch des Geisteskrankheiten 1878 г. Вып. 1-й гл. VI, стр. 66.

220) Identità dell'epilessia colla pazzia morale стр. 6.

шеніи. Недостаточно ссылаться на то, что эпилептики, подобно нравственно помѣшаннымъ, обнимаютъ огромную область лежащую между геніемъ (Цезарь, Наполеонъ) и идіотомъ. Пріемомъ Ломброзо можно доказать что угодно: стоитъ только указанныхъ лицъ одинъ разъ назвать нравственно-помѣшанными, другой разъ эпилептиками, и затѣмъ тождество тѣхъ и другихъ показано. Вообще мнѣ кажется, что называть безъ всякихъ оговорокъ эпилептиками людей геніальныхъ способностей, чистѣйшей нравственности (каковы Мольеръ и Петрарка), значитъ, страшно злоупотреблять терминами и уравнивать слабыя явленія болѣзни съ формами, вполнѣ развитыми и законченными. Что касается до сближенія эпилептиковъ съ прирожденными преступниками по части насильственныхъ аффектовъ, извращенія нравственныхъ свойствъ, то, конечно, однѣ и тѣ же черты встрѣчаются у тѣхъ и другихъ; но на томъ же основаніи, съ одинаковомъ правомъ, можно было бы доказывать тождество прирожденныхъ преступниковъ съ меланхоликами, паралитиками и т. д., т. е. со всѣми душевно-больными, у которыхъ встрѣчаются тѣ же черты. Любопытно сближеніе преступниковъ и эпилептиковъ по части татуировки. Ломброзо ссылается на изслѣдованіе докторомъ Severi 46 душевно-больныхъ; но работа Severi говоритъ противъ Ломброзо: въ самомъ дѣлѣ осмотрѣнныя Severi татуированныя лица въ 44 случаяхъ были одержимы иными страданіями, а не эпилепсіею; татуированныхъ эпилептиковъ было только два. Ломброзо пытается воспользоваться изслѣдованіемъ Severi, указывая, что два татуированные эпилептика подверглись татуировкѣ въ manicomio, что встрѣчается рѣдко, но при этомъ онъ невѣрно цитуетъ Severi, у котораго прямо сказано, что одинъ изъ этихъ двухъ субъектовъ былъ татуированъ въ тюрьмѣ, а другой въ manicomio, причемъ въ послѣднемъ случаѣ значительная часть рисунковъ была исполнена другими душевно-больными [220]).

Затѣмъ идутъ двѣ весьма сомнительныя черты аналогіи: по словамъ Ломброзо, эпилептики легко сближаются между собою въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ и тюрьмахъ. Въ L'uomo delinquente, авторъ указываетъ, что именно такъ поступаютъ pazzi morali въ отличіе отъ душевно-больныхъ, склонныхъ уединяться (стр. 566

---

220) См. Severi Il tatuaggio nei pazzi въ Archivio di Psichiatria Vol. VI стр. 51-я: B. C. Diagnosi epilessia; fu tatuato in carcere; стр. 53-я: R. C. a 4 anni fu colto d'accessi epilettici, coperto da simboli, che in piccola parte fece de se, e in grande parte gli tatuarono alcuni alienati nel manicomio.

и 567). Между тѣмъ вотъ, что говоритъ объ эпилептикахъ изслѣдователь тюремной жизни, медикъ Туринской тюрьмы Marro: «Завистливые другъ къ другу, лгуны, склонные къ ссорамъ, они ненавистны товарищамъ» [221]). Другая черта, приписываемая Ломброзо эпилептикамъ, еще менѣе дозволяетъ отождествлять ихъ съ прирожденными преступниками. Ссылаясь на Delasiauve, Ломброзо упоминаетъ о томъ, что эпилептики легко сознаются въ совершенныхъ ими преступленіяхъ. Возвращаясь къ L'uomo delinquente, я нахожу на стр. 436 слѣдующую характеристику душевно-больныхъ: душевно-больные въ отличіе отъ преступниковъ, по совершеніи преступленія, какъ бы вслѣдствіе благодѣтельнаго кризиса, вновь обрѣтаютъ чувство права и потому склонны къ сознанію. Если же они и скрываютъ свое преступленіе, то никогда не обнаруживаютъ искусства и упорства обычнаго преступника. Ясно, что эпилептики по части легкости въ учиненіи сознанія должны уподобляться не прирожденнымъ преступникамъ, а душевно-больнымъ вообще, которыхъ Ломброзо въ указанномъ сочиненіи вездѣ отличаетъ отъ прирожденныхъ преступниковъ или нравственно-помѣшанныхъ.

Весьма существенны указанія Ломброзо на причины эпилепсіи и явленіе наслѣдственности въ смыслѣ критеріевъ тождества эпилепсіи и нравственнаго помѣшательства. Я уже говорилъ выше о значеніи главнѣйшихъ причинъ эпилепсіи, стараясь показать, что анализъ таковыхъ ведетъ не къ тождеству эпилепсіи и прирожденной преступности, а къ усвоенію эпилепсіи значенія явленія производнаго, обусловливаемаго образомъ жизни преступниковъ. Что касается до вопроса о наслѣдственности, то фактъ наслѣдственности эпилепсіи, а также смѣны душевной болѣзни у родителей эпилепсіею у дѣтей, очевидно неудобенъ для теоріи отождествленія, почему авторъ и дѣлаетъ весьма общее и неопредѣленное замѣчаніе по этому поводу. Въ самомъ дѣлѣ, характеризуя прирожденныхъ преступниковъ въ L'uomo delinquente, Ломброзо нашелъ въ менѣе частой болѣзненной наслѣдственности признакъ различія ихъ отъ душевно больныхъ[222]). Если остановиться на этомъ наблюденіи, если съ другой стороны относить большинство эпилептиковъ къ душевно больнымъ, то явле-

---

221) I carcerati, 1885 г. стр. 91.

222) См. L'uomo delinquente стр. 572: наслѣдственность душевной болѣзни у преступниковъ не превышаетъ 22%.—тогда какъ у душевно больныхъ она превышаетъ 50%. Сходныя процентныя величины показаны у Sommer'a Beiträge zur Kenntniss der criminellen Irren. Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie т. 40».

ніе наслѣдственности указываетъ на необходимость отличать эпилептиковъ и тягчайшихъ преступниковъ. — Точно также мало убѣдительны доводы Ломброзо въ пользу теоріи отождествленія, основанные на количествѣ случаевъ эпилепсіи въ тюрьмахъ, сравнительно съ количествомъ такихъ случаевъ въ непреступномъ населеніи. Авторъ противупоставляетъ показаніямъ Кнехта и Соммера относительно наличности 5% эпилептиковъ въ тюремномъ населеніи ничтожный процентъ (отъ 1, 13 до 2,4 на тысячу) среди свободнаго населенія. Здѣсь авторъ дѣлаетъ крупную ошибку; указаніе его вѣрно единственно относительно показанія Кнехта [223]); что же касается до Соммера,—то Соммеръ сообщаетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ душевно больными преступниками, состоявшими въ Алленбергской лѣчебницѣ для душевно больныхъ. Таковыхъ Соммеръ насчитываетъ съ 1852—1882 г. 111 челов. (изъ нихъ впрочемъ 4 были симулянты). Среди 107 лицъ Соммеръ нашелъ въ исторіи болѣзни 2 раза эпилепсію и 5 разъ послѣ-эпилептическое слабоуміе; такимъ образомъ, эти 7 лицъ составляютъ извѣстное процентное отношеніе къ числу душевно-больныхъ преступниковъ, находившихся въ лѣчебницѣ, а не къ числу сидѣльцевъ цухтгауса и тюрьмы, изъ которыхъ больные поступали къ Соммеру. Очевидно, выходитъ громадная разница, которую Ломброзо упустилъ изъ виду: если 7 случаевъ страданія эпилептическаго свойства исчислять относительно населенія двухъ мѣстъ заключенія за 30 лѣтъ, (такъ какъ наблюденія Соммера именно относятся къ этому періоду времени), то можетъ оказаться незначительный процентъ [224]). Что пропорція Кнехта не обычная — это можно показать на двухъ примѣрахъ австрійской и прусской тюремной статистики. — По отчету Тауффера за пять лѣтъ (1878 — 1882 гг.) существовані я Лепоглавской каторжной тюрьмы видно, что за указанный періодъ времени было два случая эпилепсіи (въ 1880 году одинъ, въ 1881 году другой). Эти два случая приходились на населеніе каторжной тюрьмы, въ 1880 году въ 1035 ч., а въ 1881 году въ 1044 человѣкъ). Далѣе, изъ прусской тюремной статистики за 1881—1882 гг. оказывается, что на все тюремное населеніе за означенные годы приходятся 0,05 душевныхъ болѣзней у тюремныхъ сидѣльцевъ обоего пола [225]).

---

223) Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie T. 40. 1883 г.

224) Sommer, указ. сочин. стр. 124.

225) Die Erfolge de progressiven Strafvollzuges in der Königlichen Kroatischen Lan-

Такимъ образомъ, я прихожу къ заключенію, что доводы Ломброзо относительно тождества эпилептиковъ съ прирожденными преступниками, разъ мы выйдемъ за предѣлы темнаго вопроса объ антропологическихъ клеймахъ, не подтверждаютъ его теоріи. Остается разсмотрѣть заключительные выводы Ломброзо относительно свойствъ преступной эпилепсіи. Не касаясь вопроса о генезисѣ эпилепсіи, я замѣчу, что попытка Ломброзо обосновать понятіе идіопатическо-психической эпилепсіи еще встрѣчаетъ столько возраженій со стороны медиковъ, что юристу преждевременно было бы принимать ее [226]).

Во всякомъ случаѣ epilessia larvata, по Ломброзо, отличается отъ обыкновенной эпилепсіи только отсутствіемъ рѣзко выраженныхъ припадковъ съ незначительными отличіями относительно остроты зрѣнія и температуры тѣла у больныхъ. Значитъ, и къ этой спеціальной формѣ относятся вполнѣ возраженія противъ отождествленія эпилепсіи и прирожденной преступности. Особаго вниманія заслуживаютъ соображенія Ломброзо о преувеличеніи чертъ нравственнаго помѣшательства эпилепсіей. Едва ли можно видѣть въ этомъ положеніи что нибудь другое, кромѣ неудачной попытки примирить механически позднѣйшія воззрѣнія съ прежними. Въ самомъ дѣлѣ, какъ допустить преувеличеніе очертаній нравственнаго помѣшательства эпилепсіей, если, согласно твердо установленному въ психіатріи положенію, нравственное помѣшательство—явленіе, обусловливаемое эпилепсіей [227]). Далѣе, непонятно, какимъ образомъ въ болѣе тяжелыхъ

---

desstrafanstalt im Lepoglawa (стр. 56—107). Woltersdorff. Aus der Preussischen Gefängnissstatistik (Gerichtsaal, т. XXXV, 1883 г., стр. 435—454).

226) См. Witkowsky Bemerkungen über die Epilepsie въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie, т. 37, 1880 г. Существованіе чисто-психической эпилепсіи, говоритъ этотъ ученый, на основаніи 5-лѣтняго наблюденія надъ эпилептиками, недостаточно прочно установлено, а при односторонней оцѣнкѣ и произвольной схематизаціи представляется опасность, что опредѣленное понятіе объ эпилепсіи совсѣмъ улетучится и не будетъ замѣщено произвольной частною гипотезой (предполагаемой судорогой сосудовъ),(стр. 188 и 190). Ср. также Ziino, Fisiopatologia del delitto Cap. VI. Epilessia e delitto. Ziino—сторонникъ идіопатической эпилепсіи въ смыслѣ страданія, необъяснимаго поддающейся демонстраціи причиною (стр. 369). Но Ziino утверждаетъ, что клиническія наблюденія не подтверждаютъ теоріи Гризингера и Легранъ дю Солль, отводящихъ для epilessia larvata неограниченный просторъ. Многія изъ психическихъ разстройствъ, причисляемыхъ къ эпилепсіи, относятся къ начальнымъ періодамъ паралитическаго френоза и къ явленію апоплексіи (стр. 407).

227) Говоря о психической дегенераціи эпилептиковъ, Крафтъ Эббингъ заявляетъ, что она достигаетъ до истиннаго нравственнаго помѣшательства, до погашенія нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій. (Lehrbuch der gerichtlichen Psychopatologie, стр. 208.)

случаяхъ эпилепсія только присоединяется къ нравственному помѣшательству, а въ менѣе тяжелыхъ сливается съ нимъ. Наконецъ, заключительный выводъ, что преступность и нравственное помѣшательство—двѣ спеціальныя формы эпилепсіи, такъ какъ двѣ вещи, равныя третьей, равны между собой, возбуждаетъ слѣдующее недоумѣніе: «если говорить о двухъ спеціальныхъ формахъ, то значитъ нравственное помѣшательство и прирожденная преступность не одно и тоже, иначе была бы только одна спеціальная форма эпилепсіи [228]).

VIII.

Попытка Ломброзо объяснить явленіе тягчайшей преступности эпилептическимъ страданіемъ вызвала вѣскія возраженія въ средѣ не только юристовъ, но и ученыхъ, посвятившихъ себя одинаковой спеціальности съ Ломброзо и даже до послѣдняго времени согласныхъ съ

---

228) Въ подтвержденіе ученія о преступной эпилепсіи, Ломброзо весьма скоро нашелъ отдѣльные случаи въ практикѣ. Въ Archivio di Psichiatria, 1885 г. Fas. 1 и 2, напечатана экспертиза Ломброзо и Морселли относительно графа К. (Epilessia larvata pazzia morale, стр. 29—43). Отягощенный болѣзненной наслѣдственностью, злоупотреблявшій in Bacco et Venere, графъ К. имѣлъ въ 1884 г. приливы крови къ головѣ, послѣ которыхъ осталась общая слабость. Затѣмъ, у графа К. обнаружилась перемѣна характера, выразившаяся жестокимъ обращеніемъ съ женою и безумнымъ мотовствомъ; эти психическія явленія сопровождались безсонницей и ночными волненіями. На основаніи обнаруженныхъ у графа К. анальгазіи, приливовъ крови къ головѣ, головокруженій, краткихъ потерь сознанія, а равно его чрезмѣрной раздражительности, малодушія и недостатка нравственнаго чувства, Ломброзо и Морселли признали его одержимымъ e p i-lessia larvata и вмѣстѣ съ тѣмъ объявили его весьма опаснымъ субъектомъ. «Такіе эпилептики, говорятъ эксперты, даже много опаснѣе нравственно помѣшанныхъ, съ которыми они имѣютъ величайшую аналогію; эпилепсія и нравственное помѣшательство полнѣйшимъ образомъ связываются съ точки зрѣнія патогенезиса, вслѣдствіе чего они могутъ считаться конституціональными аномаліями въ развитіи личности. Въ экспертизѣ относительно графа К. любопытно показаніе экспертовъ, что графъ К. краснѣетъ при ничтожнѣйшихъ поводахъ и въ особенности вслѣдствіе нравственной эмоціи, при чемъ лицо его дѣлается багровымъ (cianotico). Между тѣмъ, при изслѣдованіи delinquente nato и pazzo morale, Ломброзо самымъ рѣшительнымъ образомъ настаивалъ на отсутствіи способности краснѣть у таковыхъ субъектовъ. Сверхъ указанной экспертизы, Ломброзо напечаталъ въ III вып. Archivio за 1885 г. въ пользу тождества прирожденной преступности и эпилепсіи сообщеніе подъ заглавіемъ: Nuovi dati sulla epilessia e pazzia morale. Эти данныя относятся къ: 1) религіозному чувству, проникнутому суевѣріемъ, подобно тому, что найдено у преступниковъ, у 16 лицъ изъ 30 эпилептиковъ, 2) къ mancinismo, найденному Bianchi и Sepilli у 9 среди 70 эпилептиковъ, 3) къ уголовному типу у 3 изъ 26 эпилептиковъ, 4) къ явленіямъ уродства черепа у 31 эпилептика, найденнымъ Bianchi (стр. 293—295).

нимъ въ исходныхъ точкахъ изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи поучителенъ конгрессъ уголовной антропологіи въ Римѣ 16 ноября 1885 года. Пятый докладъ, представленный Ломброзо и Фригеріо на разрѣшеніе конгресса, былъ посвященъ «эпилепсіи и нравственному помѣшательству въ тюрьмахъ». Ломброзо заявилъ, что между нравственнымъ помѣшательствомъ и прирожденной преступностью съ одной стороны и эпилепсіей съ другой—основное тождество; можно сдѣлать многочисленныя сближенія между органическими или психическими признаками этихъ формъ дегенераціи. Эти положенія вызвали многочисленныя возраженія со стороны Тамбурини, Моте, Молешотта, доказывавшихъ, что разнообразныя формы эпилепсіи не всегда преступнаго свойства. Лакасань замѣтилъ, что терминъ «epilessia larvata» недостаточно опредѣленный, чтобъ видѣть въ немъ эквивалентъ преступности. Такая маскированная эпилепсія, можетъ быть, скрываетъ лишь нашу неспособность истолкованія нѣкоторыхъ нервныхъ феноменовъ. Было бы опасно для будущности антропологіи употреблять передъ присяжными или судьями сравненіе или терминъ, значеніе котораго не могло бы быть въ точности установлено. Энрико Ферри заявилъ себя приверженцемъ теоріи Ломброзо, указавъ, что нѣкоторые симптомы у преступниковъ находятъ естественное объясненіе въ признаніи основнаго тождества эпилепсіи, нравственнаго помѣшательства и наслѣдственной преступности. Такимъ образомъ, легко объясняются убійства безъ мотива, крайняя жестокость нѣкоторыхъ убійствъ, полное забвеніе совершеннаго преступникомъ. Конгрессъ однако не согласился съ предложенной ему теоріей [229]). Странное увлеченіе атавизмомъ въ объясненіяхъ

---

229) Изложенныя данныя извлечены изъ отчета о Римскомъ Конгрессѣ, помѣщеннаго въ Archives de l'anthropologie criminelle et des sciences penales № 2. 15 Mars 1886 г. Congrès d'anthropologie criminelle de Rome (стр. 167—182). См. также отчетъ Бруза о конгрессѣ уголовной антропологіи въ Rivista penale 17 вып. 31 августа 1886 года Il terzo congresso internazionale penitenziario e quello antropologico giuridico стр. 183—192, а также Rapport sur les travaux de premier Congrès international d'anthropologie criminelle, exposé par m. le professeur Enrico Ferri dans la séance pléniere de clôture de 23 Novembre 1885, Archivio di Psichiatria Vol VII. Fasc. I. 1886 г. стр. 3—18-ая. Въ отчетѣ о Римскомъ конгрессѣ доктора Motet (Bulletin de la Societé generale des prisons № 2. Fevrier 1886) находятся слѣдующія подробности относительно доклада о тождествѣ прирожденной преступности, нравственнаго помѣшательства и эпилепсіи: второй докладчикъ д-ръ Frigerio, причисляя преступниковъ къ семьѣ эпилептиковъ, не считалъ нужнымъ для удостовѣренія эпилепсіи наличности конвульсивныхъ состояній, довольствуясь въ этомъ отношеніи чрезмѣрными и болѣзненными преступными импульсами. Далѣе Frigerio и Lombroso утверждали, что нѣкоторые поступки эпилептиковъ нужно считать проявленіемъ атавизма: послѣ припадковъ эпилептики лаютъ, кусаются,

Ломброзо и Фригеріо вызвало энергическій протестъ со стороны Мантегацца въ засѣданіи итальянскаго общества антропологіи во Флоренціи. «Когда я слышу, что эпилептикъ кусается въ силу атавизма,—что у эпилептика много общихъ чертъ съ прирожденнымъ преступникомъ, я качаю головой съ непреодолимымъ отвращеніемъ, находя что во имя экспериментальной науки производится самое странное смѣшеніе сужденій и фактовъ. Кто изъ немногихъ наблюденій и случайныхъ совпаденій извлекаетъ теоріи, думая основать на нихъ новую науку, тотъ, конечно, не ученикъ той школы, которой учителями были Galileo и Redi» (Rivista penale 1886 Disp. 12. Cronaca, письмо Mantegazza въ Nazione отъ 28 декабря 1885 г.). На письмо Мантегацца, въ коемъ передана его рѣчь въ антропологическомъ обществѣ, Ломброзо въ своемъ отвѣтѣ отъ 12 января 1886 года возражаетъ крайне слабо: онъ упрекаетъ Мантегацца за то, что послѣдній говоритъ единственно о кусаніи, тогда какъ самъ Ломброзо, находя у эпилептиковъ признаки атавизма, восходящаго къ низшимъ животнымъ и цитуя Gowes,—указывалъ на симптомы кусанія, питія крови, мяуканія; упомянувъ лишь о кусаніи Мантегацца даетъ поводъ насмѣхаться невѣждамъ (тамъ же стр. 245 и 246).—Слѣдуетъ признать, что конгрессъ уголовной антропологіи произвелъ огромное разочарованіе и, благодаря неосторожности Ломброзо, нанесъ такой сильный ударъ научному кредиту новой школы, отъ котораго ей будетъ нелегко оправиться. Вѣроятно понемногу, незамѣтно она постарается освободиться отъ компрометтирующихъ ее положеній, или по крайней мѣрѣ значительно ограничить ихъ. Такой пріемъ будетъ не новостью: онъ уже пущенъ въ ходъ относительно пресловутаго pazzo morale.—Въ возраженіяхъ противъ Ломброзо со стороны натуралистовъ и медиковъ слышится совершенно понятное чувство неудовольствіи и досады по поводу компрометтирующихъ антропологію и медицинскую науку выходокъ. Такимъ образомъ неумирающая заслуга Ломброзо, которую дважды провозглашаетъ г. Дриль въ своей книгѣ «Малолѣтніе преступники»[230]) является все болѣе и болѣе сомнительною.

мяукаютъ и т. д. По мнѣнію доктора Motet, такіе поступки, принадлежащіе къ crise deliranle и одинаково встрѣчаемые у истеричныхъ, не поддаются объясненію Lombroso и Frigerio. На Конгрессѣ идеи двухъ названныхъ ученыхъ встрѣтили живыя возраженія, и тождество pazzia morale съ эпилепсіей не было принято.

230) Стр. 191—238.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изслѣдованіе вопроса о свободѣ воли въ антрополого-позитивной школѣ.—Ферри и его сочиненіе «Teorica dell imputabilità e la negazione del libero arbitrio».—Теорія вмѣняемости и вмѣненія, основанная на отрицаніи нравственной свободы.

Антрополого-позитивное направленіе въ Итальянской наукѣ уголовнаго права, которое, какъ указано было въ главѣ 1-ой, получило свое начало отъ трудовъ Ломброзо, на первыхъ же порахъ направило свои критическіе удары противъ одного изъ наиболѣе основныхъ положеній современной науки и законодательства по уголовному праву—нравственной свободы, нравственной вмѣняемости, выводимой изъ признаваемой за человѣкомъ способности самоопредѣленія [1]). Вопросу объ основаніи и существѣ вмѣняемости и вмѣненіи посвящена обширная работа Ферри—Teorica dell imputabilità e la negazione del libero arbitrio, 1878 г. при чемъ бо́льшая, первая часть книги отведена вопросу о свободѣ воли (La questione del libero arbitrio).

Книга Ферри—одно изъ первыхъ, юношескихъ сочиненій его, написанное съ большой горячностью, съ цѣлью, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, примѣнить положительный методъ къ изученію уголовнаго права, освободить науку отъ шаткихъ построеній теологіи и

---

[1]) Извѣстно, до какой степени та или другая терминологія бываетъ существенна для самаго характера изслѣдованія. Терминъ «свобода воли», по моему мнѣнію, является неудовлетворительнымъ вслѣдствіе того, что по общности своей онъ можетъ одинаково усвоиваться самыми разнообразными представленіями; поэтому я вездѣ употребляю въ дальнѣйшемъ изложеніи терминъ нравственной свободы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ приходится передавать итальянскій терминъ «libero arbitrio», который буквально означаетъ свободу воли.

метафизики, оживить ее приливомъ крови, окисленной изученіемъ фактовъ, внѣ которыхъ потемки. Изъ этихъ словъ автора уже видно, что онъ приступилъ къ своему изслѣдованію съ предвзятой мыслью, во имя практическаго стремленія, во имя водворенія позитивнаго направленія въ уголовномъ правѣ, для чего требовалось прежде всего разрушеніе господствующаго принципа нравственной свободы и нравственной отвѣтственности. Изслѣдованіе, посвященное «La questione del libero arbitrio», раздѣляется, на два главные отдѣла: въ первомъ Ферри послѣдовательно разбираетъ главные аргументы, приводимые въ доказательство существованія свободы воли (глава III-ья: внутренее и всеобщее сознаніе свободы воли,—нравственное сознаніе (нравственный постулатъ Канта), способность человѣка къ совершенствованію, отсутствіе вынужденія со стороны мотивовъ, непредвидимость добровольныхъ рѣшеній, отрицаніе свободы воли и нравственный порядокъ, отрицаніе свободы воли и понятіе обязательства, отрицаніе свободы воли и общественный порядокъ, отрицаніе свободы воли и воспитаніе, отрицаніе свободы воли и единство человѣческаго я). Затѣмъ въ пяти главахъ разсматриваются: аргументы противъ свободы воли (гл. IV, составляющая центральный отдѣлъ изслѣдованія), человѣческая дѣятельность (гл. V), отрицаніе свободы воли и общественный порядокъ (гл. VI-ая) отрицаніе свободы воли и уголовное право (гл. VII-ая), отрицаніе свободы воли и наука уголовнаго права (гл. VIII-ая).

Изслѣдованіе вопроса о свободѣ воли открывается установленіемъ смысла терминовъ свободы, мотива и необходимости.

Подъ нравственной свободой, свободой хотѣнія, свободой воли разумѣется, по мнѣнію автора, способность человѣка хотѣть одного предпочтительно передъ другимъ, независимо отъ причины или мотива, внутренняго или внѣшняго, опредѣляющихъ съ необходимостью къ данному рѣшенію. Въ силу такого представленія о свободѣ я могу хотѣть того или другаго, независимо отъ всякаго необходимаго мотива или причины, или въ противность таковымъ. Подъ физической свободой слѣдуетъ разумѣть отсутствіе препятствій для осуществленія извѣстной дѣятельности. Итакъ, нравственная свобода состоитъ въ возможности хотѣть одного, а не другаго,—физическая свобода состоитъ въ возможности сдѣлать то, что хочешь. Къ физической свободѣ Ферри относитъ, наравнѣ съ свободой мускулярныхъ движеній, свободу мысли, гражданскую, политическую, религіозную свободу, замѣчая, что эти виды свободы не имѣютъ ничего общаго съ нравственной свободой. Подъ мотивомъ Ферри разумѣетъ всякую причину,

но спеціально причину психическую: мысль или ощущеніе, ассоціацію таковыхъ или привычку; явленія эти служатъ разуму элементомъ для постановленія рѣшенія. Необходимость наконецъ въ философскомъ смыслѣ обозначаетъ неизбѣжную связь между причиной или совокупностью причинъ и эффектомъ или послѣдствіемъ; при этомъ авторъ предупреждаетъ читателя, что, защищая принципы фатализма, онъ имѣетъ въ виду не богословскій, а научный фатализмъ, или другими словами ученіе о причинности [2]).

Прежде, чѣмъ перейдти къ дальнѣйшему изложенію о критикѣ изслѣдованія Ферри по «вопросу о свободѣ воли», должно остановиться на его опредѣленіяхъ, коими обусловливается послѣдующая аргументація. Какъ будетъ показано далѣе, вообще все сочиненіе въ сущности направлено противъ понятія «liberum arbitrium indifferentiae», за которое въ настоящее время никто не стоитъ и которое для науки уголовнаго права не имѣетъ никакого значенія. Опредѣленіе «свободы воли», даваемое авторомъ, есть именно опредѣленіе liberum arbitrium indifferentiae, т. е. хотѣнія безъ достаточнаго основанія. Нравственная свобода, которая можетъ быть положена въ основаніе уголовнаго права, состоитъ единственно въ томъ, что нормальному человѣку приписывается способность самоопредѣленія къ дѣйствію, согласно внутреннихъ мотивовъ, соотвѣтствующихъ предписаніямъ нравственнаго закона и открываемыхъ ему разумомъ. По этому воззрѣнію, мотивы разсматриваются, какъ свободно усвоиваемые человѣкомъ критеріи рѣшенія по началу согласія ихъ съ принципами, лежащими въ основаніи помышленія и воли. При этомъ, разъ мотивъ волею усвоенъ, предпринятое дѣйствіе должно считаться совершающимся съ необходимостью. Такое понятіе о нравственной свободѣ рѣзко отличается отъ понятія свободы воли, выставляемаго Ферри, и поэтому не опровергается, какъ будетъ показано ниже, изслѣдованіемъ автора. Что касается до понятій мотива и необходимости, то разборъ опредѣленій автора будетъ у мѣста въ дальнѣйшемъ изложеніи [3]).

---

[2]) Parte prima la Questione del libero arbitrio. Cap. I. Definizioni стр. 15—20-ая.

[3]) Данное въ текстѣ опредѣленіе нравственной свободы связывается съ воззрѣніями Канта (Kritik der praktischen Vernunft) которому принадлежитъ великая заслуга обоснованія человѣческой свободѣ въ связи съ понятіемъ нравственнаго закона. См. опредѣленіе свободы воли у Чичерина: Собственность и государство, т. I, глава 1-я: Свобода—«Только о человѣкѣ мы можемъ сказать, что онъ по природѣ свободенъ, ибо онъ одинъ въ отличіе отъ животныхъ представляется намъ какъ разумное существо,

I

Перехожу къ главѣ II-й, озаглавленной Libero arbitrio limitato, т. е. «объ ограниченной свободѣ воли».

Эта глава начинается съ заявленія, что большинство писателей, вслѣдствіе непреодолимаго вліянія позитивнаго направленія въ наукѣ, были принуждены отступиться отъ стариннаго абсолютизма и допускать единственно ограниченную свободу. Такое отношеніе къ данному вопросу, по мнѣнію Ферри, непозволительно. Воля можетъ быть или свободной, или несвободной: при допущеніи ограниченной свободы защитники ея не въ состояніи представить критерія различенія дѣйствій свободныхъ отъ несвободныхъ. Въ подтвержденіе высказанныхъ положеній авторъ разбираетъ заявленія итальянскихъ ученыхъ Canonico и Gabelli: по словамъ перваго, человѣкъ, отдавшись извѣстному теченію, не въ состояніи уже сопротивляться ему, но отъ него зависитъ отдаться или не отдаться теченію. Я не могу не слѣдовать съ извѣстнымъ поѣздомъ желѣзной дороги, но отъ меня зависѣло сѣсть или не сѣсть на поѣздъ. Ферри возражаетъ противъ этого, что нѣтъ причины, почему я свободенъ въ одинъ моментъ и несвободенъ въ другой. Далѣе, сравненіе Canonico невѣрно, потому что въ жизни мы никогда не находимся внѣ извѣстнаго теченія. Если человѣкъ неспособенъ вырваться изъ извѣстнаго теченія, то онъ, очевидно, былъ неспособенъ ввѣ-

---

способное опредѣляться на основаніи внутреннихъ разумныхъ рѣшеній (стр. 8-я). См. далѣе Witte: Über Freiheit des Willens 1882 г., ч. 3-я: Die Willensfreiheit und die Sittenlehre. II Die Freiheit des Willens als sittliches Problem im Besonderen: „Keine Freiheit für den Willen überhaupt... wird von uns behauptet,—sondern nur Freiheit für den sittlichen Willen als einen solchen (стр. 206). Hugo Sommer: Über das Wesen und die Bedeutung der menschlichen Freiheit 1882 г. Cap, I. Fesstellung des Begriffes der Freiheit: Freiheit bedeutet die Fähigkeit sich in seinem Wollen von Motiven frei zu halten, welche unserer sittlichen Bestimmung wiederstreiten (стр. 4-я). См. также Соловьева, Критика отвлеченныхъ началъ:... Въ этой возможности или способности дѣйствовать по идеямъ, а не по эмпирическимъ или чувственнымъ побужденіемъ заключается та несомнѣнная свобода, которая только и необходима съ практической или нравственной точки зрѣнія. Для того, чтобы человѣкъ могъ дѣйствовать нравственно, нѣтъ надобности, чтобъ онъ былъ свободенъ въ томъ смыслѣ, чтобъ не опредѣляться никакими мотивами, достаточно, что онъ свободенъ въ томъ смыслѣ, что можетъ опредѣляться идеальными мотивами (стр. 124).

риться другому, а не этому теченію, такъ какъ человѣкъ всегда подчиняется необходимости. Цитуя далѣе слова G a b e l l i: «Свобода не есть даръ или привиллегія природы, но награда, даваемая природой, успѣвшему подчинить ее себѣ постояннымъ совершенствованіемъ своихъ способностей», Ферри возражаетъ противъ этого положенія, что оно въ сущности сводится къ антиноміи: человѣкъ совершенствуется, потому что онъ свободенъ, а свободенъ онъ дѣлается, только сдѣлавшись совершеннымъ [4]). Изложенная критика Ферри, по мнѣнію моему, нисколько не колеблетъ вѣрности высказаемыхъ цитованными имъ писателями положеній. Мысль Canonico весьма вѣрно выражаетъ отношеніе идеи свободы къ идеѣ причинности и ихъ примиреніе. Почему, спрашиваетъ Ферри, человѣкъ свободенъ, когда онъ воздерживается отъ извѣстнаго жизненнаго теченія, и не свободенъ, когда онъ отдается ему. Потому, что, при помощи разума, человѣкъ способенъ господствовать надъ жизненными теченіями, надъ своею дѣятельностью. Свобода, выборъ между двумя возможностями, фактъ внутренній; сдѣлавъ выборъ, для осуществленія его, человѣкъ прибѣгаетъ къ закону причинности. Разъ сдѣланный выборъ неотмѣнимъ, когда осуществленіе его ввѣрено закону причинности. Но неотмѣнимость выбора, инымъ словомъ н е о б х о д и м о с т ь, является согласною съ свободой и дѣйствіемъ принципа свободы. Утверждать же, что и раньше сдѣланнаго выбора человѣкъ былъ несвободенъ поступить иначе, — значитъ, произвольно отождествлять различные моменты: «Конечно, человѣческое дѣйствіе представляется наступившимъ необходимо, въ томъ смыслѣ, что, если совокупность условій на лицо, то оно не могло не наступить, должно было наступить съ необходимостью. Но среди условій вѣдь было одно важнѣйшее —воля, опредѣлившаяся въ извѣстномъ направленіи. Не въ томъ вопросъ, что дѣйствіе было необходимо послѣ того, какъ воля направилась на него, а въ томъ, было ли оно необходимо до того, и было ли рѣшеніе воли заранѣе п р е д о п р е д ѣ л е н о. Послѣдующая необходимость совершеннаго для человѣческаго мышленія и предшествующая реальная необходимость вещи отличныя между собою, какъ небо и земля. Выводить изъ закона причинности слѣпой фатализмъ — безсмысленный произволъ [5]).

---

[4])Capit. II, стр. 20—26. Цитованныя авторомъ мѣста относятся къ сочиненіямъ C a n o n i c o: Il delitto e la libertà di volere, 1875, и G a b e l l i: L'Uomo e la scienze morali.

[5]) R ü m e l i n. Über einige philosophischen Voraussetzungen des Strafrechts, Reden und Aufsätze 1881, стр. 64-я.

Что касается до возраженія Ферри противъ Gabelli, то оно также представляется неубѣдительнымъ, если принять на видъ, что, не становясь на точку зрѣнія совершенно отвлеченную, какъ бы, страннымъ образомъ, этого хотѣлось бы автору, мы не можемъ себѣ представить нравственной свободы, какъ явленія совершенно готоваго и даннаго; возможно единственно приписывать человѣческой природѣ наличность условій къ умственному и нравственному развитію, къ развитію нравственной свободы, самое же развитіе этой способности происходитъ, благодаря самостоятельной дѣятельности человѣка.

Переходя къ обозрѣнію критики аргументовъ, приводимыхъ въ пользу свободы воли, предпосылаемой Ферри собственной аргументаціи, я долженъ замѣтить, что критика автора можетъ интересовать меня лишь по стольку, по скольку она служитъ уясненіемъ собственныхъ положеній и доводовъ Ферри, или даетъ имъ поддержку. Поэтому я ограничусь немногими отдѣлами главы III-й, трактующей объ «аргументахъ въ пользу свободы воли» [6]).

Опуская критику Ферри, направленную противъ довода въ пользу свободы воли, состоящаго въ томъ, что «свобода воли удостовѣряется индувидуальнымъ и всеобщимъ сознаніемъ людей [7]), я перехожу къ критикѣ аргумента относительно, удостовѣренія свободы воли нравственнымъ закономъ».

Авторъ первоначально излагаетъ понятіе о нравственномъ законѣ, лежащее въ основаніи этого положенія. Нравственный законъ представляется защитникамъ свободы воли, какъ нѣчто, вложенное въ человѣка, внѣ его стоящею и таинственною силой; предписанія его полагаются въ совѣсти независимо отъ человѣческаго произвола. Какъ могъ бы человѣкъ подчиняться нравственному закону, еслибъ онъ не могъ сообразовать съ нимъ своихъ дѣйствій; какъ требовать отъ человѣка подчиненія закону нравственности, еслибъ отъ него не зависѣло повиноваться ему, или отступать отъ него?

---

[6]) Cap. III. Argomenti a sostegno del libero arbitrio.

[7]) Cap. III. Argomenti a sostegno del libero arbitrio. I. Il libero arbitrio e attestato della conscienza individuale e da quella universale degli uomini, стр. 27—56. Можно согласиться съ авторомъ въ недостаточности этого аргумента, особенно въ той общей формѣ, въ которой онъ представляется. См. Соловьева, Критика отвлеченныхъ началъ, и Чичерина, Мистицизмъ въ наукѣ. Иное дѣло, если приводить сознаніе нравственной свободы въ связь съ сознаніемъ нравственнаго закона; въ этомъ случаѣ сознаніе нравственной свободы опирается на факты внутренняго опыта, поэтому я подробно разсматриваю ниже вопросъ о связи свободы самоопредѣленія съ нравственнымъ закономъ.

Противъ такого обоснованія нравственнаго закона, какъ закона a priori, Ферри возражаетъ, что оно состоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ фактами. Совѣсть—плодъ долгой работы и развитія, современный человѣкъ сознаетъ въ своей совѣсти предписанія нравственнаго закона, но это потому, что онъ всосалъ ихъ съ молокомъ матери, воспринялъ духовное имущество предковъ въ силу развитія своего организма на подобіе организма ихъ; значитъ, можно говорить объ апріоричности нравственнаго закона лишь въ относительномъ, а не абсолютномъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ метафизики. Всякое понятіе нравственности выросло изъ разума первобытнаго человѣка и развилось мало по малу. Наиболѣе общія нравственныя понятія переходятъ путемъ наслѣдственности и преданія на степень нравственнаго инстинкта; понятія добра и зла возникли не вслѣдствіе таинственнаго вдохновенія, а въ силу отношенія недѣлимыхъ, созданы человѣческимъ разумомъ, который одинъ даетъ себѣ законы. Какъ же родилась идея добра? Изъ понятія о пользѣ, пользѣ, не эгоистической, а всеобщей. Такимъ образомъ, по мнѣнію Ферри, падаетъ первый аргументъ въ пользу психической свободы, основанной на положеніи Канта: „Ты можешь потому, что ты долженъ“. Легко видѣть, что въ аргументахъ Ферри перемѣшано вѣрное и невѣрное, и что, оспаривая апріоричность нравственнаго закона, самъ авторъ допускаетъ нѣкоторыя положенія противниковъ. Должно сказать, что для обоснованія апріоричности нравственнаго закона достаточно остановиться на проявленіи его въ человѣческой совѣсти, какъ предписанія разума [8]), обязательнаго для всякаго разумнаго существа. Съ такимъ генезисомъ нравственнаго закона соглашается и Ферри. Какъ предписаніе разума, нравственный законъ обладаетъ существеннымъ условіемъ строгой всеобщности и безусловной необходимости, признаками, несуществующими во внѣшнемъ опытѣ. Существованіе нравственнаго закона удостовѣряется фактами нравственнаго сознанія

---

8) См. Kant Kritik der practischen Vernunft, § 7, Grundsätze der praktischen Vernunft. Развитіе и дополненіе понятія о нравственномъ законѣ у Канта посредствомъ указанія матеріальнаго содержанія его, а именно необходимости согласія человѣческихъ дѣйствій съ природой человѣка, см. у Zeller Über Begriff und Begründung der sittlichen Gesetze а также Über das Kantische Moralprincip und den Gegensatz der formaler und materialer Moralprincipe, Vorträge und Abhandlunge 3 Sammlung 1884 г. Ср. такъ Bouillée Lavraie conscience 1882 г. Гл. XIV и XV, La conscience et la loi morale. Identite de la conscience et de la loi morale. Bonillée опредѣляетъ нравственный законъ, какъ законъ человѣческой совѣсти, требующій согласія нашихъ дѣйствій съ разумной и свободной природой человѣка (стр. 217).

каковы чувство долга, понятія, обязанности, отвѣтственности, раскаянія. Эти факты нравственнаго сознанія также взяты не изъ опыта. Какое же значеніе принадлежитъ опыту въ вопросѣ о нравственномъ законѣ? Опытъ вызываетъ наружу, развиваетъ сознаніе нравственнаго закона въ силу сношеній, въ которыя вступаетъ отдѣльный человѣкъ съ другими людьми. Нравственный законъ побуждаетъ человѣка стремиться къ высшему благу, какъ должному. Содержаніе этого должнаго дается реальной исторической жизнью, поэтому содержаніе нравственныхъ формъ является измѣнчивымъ въ исторіи. Изъ этого дѣлаются неправильныя заключенія, что нравственный законъ, нравственность, есть нѣчто относительное. Но при этомъ упускается изъ виду, что, во первыхъ, каковы бы ни были нравственныя требованія въ извѣстную историческую эпоху,—разъ они представляютъ данное сознаніе о нравственномъ законѣ, онѣ являются съ абсолютнымъ характеромъ. Во вторыхъ, упускается изъ виду, что существуетъ рядъ нравственныхъ принциповъ, которые являются съ характеромъ полнѣйшаго тождества во всѣ историческія эпохи и которыхъ историческій прогрессъ выражается не въ томъ, что онъ что нибудь къ нимъ прибавляетъ или что нибудь измѣняетъ, а въ томъ, что онъ расширяетъ ихъ господство въ обществѣ, дѣлаетъ человѣческую совѣсть болѣе воспріимчивою къ нимъ. Попытка Ферри прибѣгнуть къ понятію о пользѣ ихъ для обоснованія предписанія нравственнаго закона крайне несостоятельна. Извѣстно, что принципъ пользы всегда приводилъ къ эвдемонизму, грубѣйшей изъ системъ нравственности. У Ферри выводъ нравственности изъ утилитарныхъ понятій тѣмъ болѣе не ожиданный, что онъ самъ приписываетъ зарожденіе нравственнаго закона разуму перваго человѣка, самъ говоритъ о безсознательныхъ инстинктахъ, сложившихся путемъ наслѣдственности [9]).

---

[9]) По вопросу объ отношеніи нравственнаго закона къ принципу пользы см. Чичерина, наука и религія, глава IX. Нравственный міръ. На стран. 127 — 129 читатель находитъ чрезвычайно мѣткое опроверженіе Миллевскаго утилитаріанизма.— Обстоятельную и талантливую критику утилитаріанизма см. также у Соловьева. Критика отвлеченныхъ началъ. III. Эмпирическое начало нравственности въ его элементарныхъ формахъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что къ значительно отличнымъ отъ воззрѣній Ферри на нравственность приходитъ другой видный членъ новой школы Garofalo въ своемъ сочиненіи «Criminologia» 1885 г. Гарофало признаетъ въ современномъ человѣкѣ врожденный принципъ, независимый отъ принципа п о л ь з ы, объясняетъ чувство альтруизма внутренней нормой обязанности. Находя данное однообразіе и неизмѣнность въ нормахъ нравственности, основанныхъ на чувствованіяхъ benevolenza и giustizia, Гарофало замѣчаетъ, что позитивистъ не долженъ провозглашать безъ оговорокъ измѣнчивость нрав-

Опуская далѣе критику у Ферри положенія, что свобода воли доказывается способностью человѣка къ совершенствованію [10]), я перехожу къ разсматриваемому Ферри вопросу о значеніи мотивовъ по отношенію къ человѣческой волѣ [11]). Воззрѣнія индетерминизма по этому вопросу Ферри формулируетъ такъ: мотивы не суть производящія причины человѣческихъ хотѣній, а конечныя; человѣка не опредѣляютъ мотивы, онъ самъ опредѣляетъ себя согласно мотивамъ. Прежде всего положеніе, что «мотивы указываютъ цѣль дѣянія», по мнѣнію автора, неправильно. Поставляемая дѣятелемъ цѣль есть конечная причина, но таковая побуждаетъ не къ извѣстному дѣйствію, а къ тому, чтобъ не оставаться въ бездѣйствіи. Человѣкъ вообще опредѣляется къ чему нибудь, предпочтительно передъ другимъ, соображеніями относительно средствъ,—эти соображенія и составляютъ мотивы, опредѣляющіе необходимо, фатально человѣческую волю и существенно отличные отъ цѣли. Поэтому когда индетерминисты говорятъ, что «мотивы указываютъ цѣль дѣянія», что дѣйствіе мотивовъ на волю означаетъ воздѣйствіе воли по отношенію къ мотивамъ, и что детерминистъ не въ состояніи объяснить, почему человѣкъ дѣлается нецесситированнымъ, ставя себѣ цѣль, то таковыя возраженія лишены основанія [12]).

Эта аргументація Ферри, очевидно, недоказательна. Она исходитъ изъ того, что мотивъ дѣянія относится всегда къ средствамъ, и что цѣль неспособна побуждать человѣка къ опредѣленному дѣянію. Конечно, соображеніе средствъ всегда играетъ роль у всякаго благоразумнаго человѣка; но изъ этого не слѣдуетъ, что цѣль лишь выводитъ человѣка изъ состоянія бездѣйствія и только мысль о средствахъ даетъ опредѣленный характеръ дѣянію. Наоборотъ, человѣкъ задается какой либо цѣлью, понятіе цѣли вызываетъ соображенія о средствахъ, о планѣ, о способѣ дѣйствія, и дѣяніе совершается. Нельзя себѣ представить дѣяніе, при которомъ человѣкъ исходилъ бы первоначально

ственности, сообразно мѣсту и времени.—Разборъ оригинальнаго ученія Гарофало будетъ сдѣланъ ниже. Правда, этотъ писатель не затрудняется сочетать указанныя положенія съ теоріей преступности, коренящейся на почвѣ ученія Ломброзо, тѣмъ не менѣе уже одно признаніе безусловнаго элемента, хотя бы въ извѣстныхъ нравственныхъ нормахъ, и отступленіе отъ исключительнаго утилитаризма существенно и выгодно отличаютъ его ученіе отъ другихъ писателей новой школы.

10) Capit. III. III. Il libero arbitrio e provato del fatto delle perfettibilità umana e dalla storia del progresso civile, стр. 63—71.

11) Capit. III, IV. Efficacia non necessitante dei motivi.

12) Cap. III, IV. стр. 71—73.

отъ соображенія средствъ и затѣмъ въ зависимости отъ нихъ стремился бы къ извѣстной цѣли. Вѣдь средства непремѣнно предполагаютъ уже существующую цѣль. Почему соображенія о средствахъ, т. е. мотивъ, фатально опредѣляютъ волю, неизвѣстно. Ферри при этомъ ссылается на то, что хотѣть цѣли недостаточно, надо хотѣть и средствъ. Но въ этомъ случаѣ не мотивы, т. е. соображенія о средствахъ, по Ферри, опредѣляютъ волю съ необходимостью, а напротивъ выборъ средствъ опредѣляется съ необходимостью цѣлью.

Авторъ переходитъ къ другому аргументу индетерминистовъ: мотивы вліяютъ на волю, но не опредѣляютъ ее, воля не дѣлается несвободною вслѣдствіе слѣдованія за руководителемъ (Тибергіенъ), мотивы не опредѣляютъ насъ, а побуждаютъ только насъ опредѣлять себя. (Ридъ).

Противъ Тибергіена авторъ замѣчаетъ, что какъ не свободенъ поѣздъ сойдти съ рельсовъ или достигнуть своего назначенія, такъ не свободенъ и путешественникъ, желающій посѣтить рудникъ, слѣдовать за своимъ проводникомъ, разъ его отвлечетъ въ сторону какой либо другой мотивъ. Очевидно, это сравненіе Ферри нисколько не затрогиваетъ оспариваемаго имъ положенія, такъ какъ рѣчь идетъ не о томъ, можно ли быть свободнымъ, отдавшись мотиву; вѣдь путешественникъ, пожелавшій посѣтить рудникъ, слѣдуетъ за проводникомъ, осуществляя собственное намѣреніе, а не волю проводника. Далѣе Ферри возражаетъ противъ замѣчанія Тибергіена, что человѣкъ подвергается воздѣйствію мотивовъ, но остается свободнымъ. «Поставьте, говоритъ Ферри, человѣка подъ дѣйствіе мотива и посмотрите, можетъ ли онъ возстать противъ него безъ помощи другого мотива. Слѣдовательно, воленіе—результатъ дѣйствія разныхъ мотивовъ, что удостовѣряется и филологіей, которая указываетъ на связь выраженій «pensare» и «pesare». И эти возраженія точно также не убѣдительны: авторъ бездоказательно утверждаетъ, что воленіе пассивный результатъ мотивовъ, тогда какъ изъ его собственныхъ словъ выходитъ, что человѣкъ можетъ противупоставить одному мотиву другой и, значитъ, въ состояніи господствовать надъ мотивами. Въ этомъ убѣждаетъ и ссылка на связь выраженій «pensare» и «pesare». Къ кому относятся эти опредѣленія, къ мотиву или дѣятелю? Очевидно, что не мотивъ взвѣшиваетъ себя, значитъ эти термины говорятъ противъ Ферри.

Наша воля, замѣчаетъ авторъ, всегда и во всякомъ случаѣ подчинена вліянію мотивовъ, при чемъ авторъ относительно доказательства этого положенія отсылаетъ къ своему дальнѣйшему изслѣдованію

закона причинности; по этому поводу авторъ вступаетъ въ полемику съ Ридомъ. На замѣчаніе, что при наличности свободы воли нельзя было бы управлять людьми, такъ какъ люди поступали бы на перекоръ всякому мотиву, внушенному законодателемъ, Ридъ отвѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ можно управлять единственно маріонетками, которыя повинуются необходимо двигающему ихъ лицу, тогда какъ люди слѣдуютъ мотивамъ, но остаются свободными опредѣляться въ одномъ или другомъ смыслѣ. Въ этихъ словахъ Рида Ферри видитъ недоразумѣніе: нельзя людей уравнивать съ маріонетками, у первыхъ въ отличіе отъ послѣднихъ остается разумъ, и я не утверждаю, что люди повинуются закону, какъ маріонетки лицу, держащему прикрѣпленныя къ нимъ нити, а говорю только, что людей возможно направлять, по скольку у нихъ не существуетъ произвола, т. е. независимости отъ всякаго мотива; при наличности такого произвола наказанія и награды были бы безцѣльны [13]).

Должно признать, что замѣчаніе Рида остается въ полной силѣ и не опровергается возраженіемъ Ферри. Въ сущности, говоря о возможности направлять людей въ силу того, что они одарены разумомъ, Ферри и самъ отступаетъ отъ своей чисто детерминистической точки зрѣнія: направлять и безусловно опредѣлять кого нибудь къ чему нибудь—двѣ вещи разныя, отождествлять то и другое, значитъ, стирать всякое различіе между терминами. Далѣе Ферри переноситъ на разумъ ту нравственную свободу, которая отрицается у воли. Въ самомъ дѣлѣ, если люди отличаются отъ маріонетокъ разумомъ, то значитъ наличностью разума обусловливается способность самоопредѣленія, которой нѣтъ у маріонетокъ. По части нецесситирующаго вліянія мотивовъ авторъ далѣе ссылается на привычку и придаетъ серьезное значеніе аргументу, что разъ усвоена привычка, человѣкъ побуждается дѣйствовать согласно съ нею. Значитъ, человѣкъ не можетъ опредѣляться къ тому или другому дѣйствію, привычка есть сумма мотивовъ, постоянно соотвѣтствующихъ [14]) Придавая такое зна-

---

[13]) Сар. III, стр. 86.

[14]) Стр. 81-я.—Можно упрекнуть антрополого-позитивную школу въ томъ, что, придавая важное значеніе привычкѣ, какъ явленію, парализующему нравственную свободу, дающему начало особому типу преступности (rei abituali), она, однако, не дала себѣ труда серьезнаго изученія этого вопроса. Изъ изслѣдованій по данному вопросу достойно вниманія Rümelin, Über das Wesen der Gewohnheit въ Reden und Aufsätze Neue Folge 1881 г., стран. 149 — 175, и далѣе Marion, de la solidarieté morale, ch. IV, Rôle de l'habitude dans la moralité. Нельзя отрицать,

ченіе привычкѣ, авторъ не останавливается надъ вопросомъ, зависитъ ли отъ человѣка или не зависитъ то, что называется привычкой? Конечно, устарѣвшей укоренившейся привычкѣ сопротивляться весьма трудно, часто это оказывается невозможнымъ, тѣмъ не менѣе человѣкъ является свободнымъ усвоивать привычку или не усвоивать таковой.

Отдѣлъ 5-й главы 3-й посвященъ изслѣдованію и критикѣ аргументовъ въ пользу свободы воли, выводимыхъ изъ невозможности предвидѣнія человѣческихъ рѣшеній и дѣйствій [15]).

Авторъ слѣдующимъ образомъ аргументируетъ противъ этого довода: невозможность предвидѣнія человѣческихъ дѣйствій проистекаетъ не изъ свободы ихъ, но потому, что, не зная безконечной цѣпи причинъ, нельзя предвидѣть и ихъ результата. Не зная въ точности всѣхъ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій, мы не можемъ точно предвидѣть волевыхъ рѣшеній; такая задача не можетъ быть рѣшена, за неимѣніемъ необходимыхъ данныхъ для ея рѣшенія; мы можемъ знать только нѣкоторые изъ преобладающихъ мотивовъ, а такъ какъ въ числѣ другихъ мотивовъ, остающихся неизвѣстными, можетъ оказаться также хотя бы одинъ преобладающій, то всякое предсказаніе не можетъ быть безусловно вѣрнымъ. Постороннему тѣмъ болѣе трудно охватить всю совокупность чужихъ мотивовъ, что онѣ остаются скрытыми даже для дѣятеля. По поводу употребляемаго имъ термина „сильнѣйшій мотивъ“, авторъ защищаетъ его отъ упрека, что въ сущности это тавтологія, изреченіе, равнозначительное тому, что человѣкъ слѣдуетъ всегда мотиву, которому

что, отдаваясь дурнымъ нравственнымъ привычкамъ, человѣкъ отказывается отъ свободы самоопредѣленія, отдается чувственнымъ побужденіямъ, въ концѣ концовъ дѣлается несвободнымъ. Но это явленіе ничего не доказываетъ противъ нравственной свободы; въ самомъ дѣлѣ, нельзя утверждать, чтобъ усвоеніе привычекъ въ видѣ общаго правила происходило помимо насъ, чтобы человѣкъ былъ неспособенъ бороться съ соблазномъ, неспособенъ старательно удаляться и оберегать себя отъ привычекъ. Съ другой стороны, привычка можетъ быть поставлена человѣкомъ именно на службу нравственной свободы; въ этомъ отношеніи вѣрно замѣчаніе Marion: N'avoir d'abord q'une liberté restreinte, conditionelle... puis.. opérer son affranchissement, se ressassir soi même et par des efforts répétés, par une constante docilité a la raison, arriver a se conduire à la fin sans effort, presque sans réflexion, de la maniere même que la raison commande, c'est la sans contredit accroitre sa perfection morale (loco cit. стр. 107). И далѣе: Ainsi la volonté, grâce a la loi d'habitude, est aussi assurée de trouver dans la nature un auxiliaire de ses bons efforts, qu' un complice de ses defaillances (стр. 108).

[15])Cap. III, V. L'imprevedibilità delle decisioni e azioni umane sta a favore della libertà morale (стр. 85—106).

онъ слѣдуетъ. Необходимость этого термина обусловливается нашей неспособностью предварительной оцѣнки мотивовъ, а не отсутствіемъ силы у самихъ мотивовъ; мы говоримъ, что человѣкъ слѣдуетъ сильнѣйшему мотиву единственно потому, что мы логически принуждены признать, что извѣстный происшедшій результатъ долженъ быть послѣдствіемъ силы значительнѣйшей, чѣмъ та или тѣ силы, которыя бы произвели другой результатъ. Не смотря на отсутствіе мѣрки силы мотивовъ, несомнѣнно, однако, что при наличности извѣстнаго количества мотивовъ, одинъ или нѣсколько таковыхъ (?!) должны быть сильнѣйшими. Всякій человѣкъ опредѣляется по мотиву сильнѣйшему для него, сами мотивы индивидуально измѣняются отъ человѣка къ человѣку, и, поэтому, то предварительное опредѣленіе ихъ силы невозможно за невозможностью познанія человѣческой личности во всѣхъ ея особенностяхъ. Противъ возраженія, что человѣкъ иногда выбираетъ рѣшенія наперекоръ своимъ желаніямъ, Ферри возражаетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ слѣдуетъ сильнѣйшему мотиву.

Однако, не смотря на изложенныя выше положенія о невозможности предвидѣнія человѣческихъ дѣйствій, Ферри возвращается къ этому вопросу и замѣчаетъ, что во многихъ случаяхъ возможно предвидѣть съ нѣкоторой основательностью, что сдѣлаетъ тотъ или другой человѣкъ, фактъ, не говорящій въ пользу свободы воли. Въ самомъ дѣлѣ, при свободѣ воли человѣческія дѣйствія должны были бы всегда являться недоступными предвидѣнію [16]).

Наконецъ, Ферри разбираетъ доводы въ пользу свободы воли, основанные на томъ, что при одинаковыхъ условіяхъ два человѣка и даже одинъ и тотъ же человѣкъ постановляютъ различныя рѣшенія.

Авторъ заявляетъ, что положеніе о нахожденіи одного или двухъ индивидуумовъ въ неизмѣнныхъ условіяхъ сомнительно; можетъ случиться, что мотивы и обстоятельства, невѣдомо для самого дѣятеля, ставятъ его въ различныя условія. Далѣе, если даны даже одинаковыя обстоятельства, при которыхъ постановляются рѣшенія двухъ лицъ, развѣ темпераментъ, характеръ таковыхъ всегда бываютъ тождественны? Вслѣдствіе этихъ опредѣленій они постановляютъ различныя рѣшенія при одинаковыхъ обстоятельствахъ. При этомъ Ферри ссылается на слова Шопенгауэра, что значеніе мотивовъ недостаточно для предвидѣнія дѣйствія, имѣющаго послѣдовать,

---

[16]) Стр. 85—92.

что нужно точное знаніе характера дѣятеля. Внѣшнія, чувственныя впечатлѣнія дѣйствуютъ различно, смотря по характеру человѣка. Дѣйствіе человѣка—есть необходимый результатъ характера его и мотивовъ, на него воздѣйствующихъ [17]).

Изложенный отдѣлъ изслѣдованія Ферри, направленный къ доказательству безусловной опредѣляемости человѣка, указываетъ на значительныя колебанія автора. Можно согласиться съ авторомъ, что непредвидимость человѣческихъ рѣшеній также удовлетворительно объясняется невозможностью знанія всѣхъ мотивовъ, сколько и нравственной свободой. Точно также справедливо и положеніе, что иногда именно преобладающій мотивъ остается *скрытымъ*. Но эти посылки представляются неблагопріятными для теоріи Ферри. Можно замѣтить автору: при такой тайнѣ мотивовъ, на какомъ основаніи разрѣшаете вы такъ смѣло вопросъ о значеніи мотивовъ и такъ рѣшительно утверждаете нецесситирующее значеніе ихъ. Если мы часто не знаемъ, что это за мотивъ, который игралъ главную роль, то тѣмъ менѣе мы въ правѣ говорить о свойствѣ отношенія неизвѣстнаго намъ мотива къ *волѣ*. Утверждать объективную и вынуждающую силу мотива значитъ приписывать извѣстныя свойства такому явленію, относительно познанія котораго мы принуждены сознаваться въ нашемъ полномъ безсиліи. Значитъ, нельзя ссылаться на *объективную силу* мотива; можно съ одинаковымъ правомъ говорить о *субъективной силѣ* мотива, силѣ, приданной ему нашимъ помышленіемъ, нашей волею. Нельзя упускать изъ виду, что, утверждая первоначально невозможность предвидѣнія человѣческихъ рѣшеній, Ферри въ дальнѣйшемъ изложеніи однако приходитъ къ тому, что эти рѣшенія можно предвидѣть съ достаточной основательностью. Такимъ образомъ создаются два противорѣчащія положенія, изъ котораго каждое, по мнѣнію автора, говоритъ противъ психической свободы. Конечно оперировать противорѣчивыми положеніями въ интересахъ одного и того же тезиса удобно,—число аргументовъ увеличивается, но сила аргументаціи несомнѣнно ослабляется.

Вообще положеніе, что мы безусловно повинуемся *сильнѣйшему мотиву*, не будучи въ состояніи воздѣйствовать на него, принадлежитъ къ слабѣйшимъ доводамъ детерминизма. Лотце весьма вѣрно замѣтилъ [18]), что это положеніе исходитъ отъ эмпирической оцѣнки *aprés coup*, по совершеніи дѣянія; при этомъ пред-

---

17) Стр. 95—102. 18) Основанія практической философіи русс. перев. стр. 20.

полагается, что мотивъ къ дѣянію былъ сильнѣйшій, тогда какъ характеристика мотива могла бы быть единственно правильной при возможности предварительной оцѣнки. Если такая преобладающая сила принадлежитъ извѣстнымъ мотивамъ, то какимъ образомъ возможно состязаніе мотивовъ, допускаемое Ферри, борьба ихъ? Значитъ, мотивы получаютъ такую объективную силу во время борьбы. Если же это такъ, то откуда получается эта сила? Детерминисты указываютъ на характеръ. При такихъ условіяхъ характеру слѣдуетъ приписать значеніе чего-то совершенно фатальнаго, но детерминизмъ не въ силахъ доказать этого; не касаясь пока вопроса о характерѣ, замѣчу только, что детерминизмъ при этомъ воззрѣніи перемѣняетъ позицію и, едва провозгласивъ силу мотивовъ, обращается къ вынуждающему значенію характера, объявляя, что характеръ даетъ окончательное разрѣшеніе; тѣмъ самымъ отрицается у самихъ мотивовъ свойство нецесситирующей силы, о которой поэтому говорить не приходится. Самъ Ферри приходитъ къ понятію индивидуальной силы мотивовъ, различной у различныхъ людей, но это только означаетъ, что объективнаго, собственнаго и независимаго значенія у мотивовъ не имѣется, что таковое придается имъ волею [19]). Если далѣе, Ферри говоритъ, что самое дѣйствіе представляетъ мѣру мотива, то это уже равно ничего не объясняетъ. Можно спросить автора,—какому именно мотиву будетъ дана мѣра дѣйствіемъ, если мы сильнѣйшаго заранѣе знать не можемъ.

---

[19]) Niemals handelt der Wille ohne Ursache, Zwecke... niemals sind seine Handlungen unmotiviert, aber es ist seine Sache, welche Motive und Zwecke zu Ursachen seiner Handlungen und Thaten werden. Witte указ. соч. стр. 210. См. также критику Gabelli La nuova scuola di diritto penale in Italia въ nuova Antologia Fasc. XVI, 1885 г. Дѣйствующій безъ мотивовъ, говоритъ Габелли, былъ бы хуже сумасшедшаго. Но иное дѣло, дѣйствіе согласно мотиву,—иное дѣло такое детерминирующее вліяніе мотива на волю, которому нельзя противиться. Эта предполагаемая невозможность ничто иное, какъ логическая связь между актомъ воли и мотивомъ по совершеніи дѣйствія. Но эта связь не была объективно необходима. Сравн. также Wundt, Essays. 1885 Die Entwickelung des Willens,—гдѣ авторъ признаетъ невозможность точнаго установленія нецесситирующей силы мотивовъ. Freilich ist das Motiv noch nicht der Wille, sondern nur eine Bedingung desselben... Von welchen Bedingungen die Stärkeverhältnisse der Motive in einem gegebenen Augenblick abhängen,—das wissen wir allerdings nicht und insoweitt verliert sich die letzte Causalität des Willens... in das Unbewusste. По части значенія мотивовъ Rümelin loco cit. стр. 63, 64 выражается слѣдующимъ образомъ: Конечно, воля связывается съ доступнымъ мотивомъ, но мотивъ представляетъ только возможность дѣянія, и получаетъ дѣйствительную силу, когда воля обращается къ нему и кладетъ собственную силу на чашку вѣсовъ.

Отдѣлъ V-ый гл. IV-ой посвященъ изслѣдованію аргумента индетерминистовъ, по которому безъ нравственной свободы невозможенъ нравственный порядокъ, немыслимо различіе добра и зла,—понятіе раскаянія и нравственнаго удовлетворенія.

Ферри утверждаетъ, что если подъ добродѣтелью и порокомъ, заслугой и виной разумѣть тѣ качества, которыя присвоиваются нашимъ разумомъ извѣстнымъ дѣйствіямъ сообразно идеалу добра и зла, свойственнымъ каждому человѣку, смотря по природѣ и воспитанію его, времени и мѣсту, то эти выражанія принимаются индетерминистами. Если же заслугѣ и добродѣтели придаютъ смыслъ единственно въ связи съ нравственной свободой, то при этомъ впадаютъ въ petitio principii, такъ какъ требовалось бы доказать первоначально существованіе нравственной свободы, и въ противорѣчіе съ практической жизнью, такъ какъ общество признаетъ добродѣтельными и достойными дѣйствія, по общему сознанію, независящія отъ свободы дѣятеля. Положеніе, что „заслуга предполагаетъ нравственную свободу“, либо только повторяетъ утвержденіе нравственной свободы, либо ложно съ точки зрѣнія практической жизни.

Послѣднее положеніе доказывается слѣдующимъ образомъ: неужели должно признать заслугу за тѣмъ, кто созданъ природой такъ, что онъ не можетъ, хотя бы и захотѣлъ, сдѣлать зло; или нужно признать вину за тѣмъ, кто родился съ органическимъ расположеніемъ къ пороку и преступленію, или нравственному помѣшательству? Припоминая замѣчаніе Рида, что если человѣкъ способенъ слѣдовать системѣ поведенія, заранѣе установленной его разумомъ, то изъ этого слѣдуетъ способность человѣка къ господству надъ своими воленіями, Ферри возражаетъ, что такое рѣшеніе—дѣло не воли, а разума, а исполненіе его дѣло не свободы, а мотивовъ, получившихъ преобладаніе и твердо фиксированныхъ въ мозгу. И здѣсь все объясняется законами природы безъ необходимости прибѣгать къ свободѣ воли

Вообще при отрицаніи свободы воли вовсе не упраздняется различіе добра и зла, заслуги и вины.

Ферри считаетъ возможнымъ принять даже положеніе Жуфруа, — что „нравственность есть согласіе нашихъ рѣшеній съ понятіемъ обязанности“, подъ условіемъ лишь, что согласіе это всегда зависитъ отъ мотивовъ, а не каприза дѣятеля; дѣйствіе будетъ нравственнымъ или безнравственнымъ, смотря по согласію или несогласію съ закономъ обязанности, формулированнымъ человѣческимъ разумомъ, а не таинственной силой. Нравственный порядокъ, значитъ, удовлетворительно объясняется и при отрицаніи свободы воли, даже

укрѣпляется при признаніи любви человѣка къ добру, какъ необходимости его природы. Очевидно далѣе, что отрицаніе нравственной свободы не мѣшаетъ одобрять добродѣтель и порицать порокъ.— Такая оцѣнка будетъ всегда имѣть значеніе, такъ какъ человѣкъ не въ силахъ измѣнить своей природы.

Какъ объяснить, спрашиваетъ авторъ, похвалу, удивленіе, оказываемое тѣмъ людямъ, которые совершили великія дѣла, какъ неизбѣжный результатъ ихъ собственной природы, какъ, напримѣръ, Микель Анджело, Рафаэль, которые были несвободны сдѣлаться или не сдѣлаться первыми художниками всего міра. По поводу замѣчанія Рида, что слово «уваженіе» имѣетъ не тождественный смыслъ по отношенію къ умственному превосходству, съ одной, и нравственной доблести—съ другой стороны, Ферри ограничивается замѣчаніемъ, что въ обоихъ случаяхъ слово «уваженіе» имѣетъ одинаковый смыслъ, что вносимое въ него различіе зависитъ единственно отъ нашихъ «предубѣжденій», во всякомъ случаѣ, при принятіи даже этого различія, таковое независитъ отъ свободы воли, при наличности которой отъ человѣка одинаково зависѣло бы сдѣлаться и ученымъ, и нравственнымъ.

Вообще идея добра и зла, заслуги и вины не имѣютъ ничего общаго съ понятіемъ свободы воли. Мы одобряемъ или порицаемъ хорошія или дурныя дѣйствія не потому, что человѣкъ способенъ слѣдовать добру предпочтительно передъ зломъ, а потому, что мы иначе не можемъ оцѣнивать извѣстныхъ дѣяній, такъ какъ достоинство или вина приписываются характеру каждаго человѣка. «Ты необходимо дѣлаешь добро, и я необходимо хвалю и вознаграждаю тебя; ты необходимо дѣлаешь зло, и я необходимо порицаю и наказываю тебя». Что касается до возраженія, что при отрицаніи свободы воли упразднялось бы всякое основаніе для чувства раскаянія по поводу дурнаго и удовлетворенія по поводу хорошаго поступка, то авторъ отвѣчаетъ, что онъ не отрицаетъ идеи свободы, производящей указанныя явленія, хотя такая идея — иллюзія. Чувство раскаянія и нравственнаго удовлетворенія зависитъ отъ нашего разума и нашихъ понятій о добрѣ и злѣ. Различіе указанныхъ чувствъ обусловливается сознаніемъ, что въ одномъ случаѣ мы дѣйствовали съ дурнымъ намѣреніемъ, въ другомъ—безъ таковаго. Раскаяніе и удовлетвореніе совмѣстимы съ фатализмомъ въ научномъ смыслѣ слова, являясь только воспроизведеніемъ (rinnovazione) испытаннаго при совершеніи извѣстнаго дѣйствія, удовольствія или неудовольствія. Если съ отверженіемъ нравственной свободы, ра-

зумъ не утрачиваетъ различенія добра и зла, то не теряетъ значенія и раскаяніе, какъ печаль по поводу совершенія дѣянія, неодобряемаго разумомъ, не теряетъ значенія и самоудовлетвореніе, какъ воспроизведеніе удовольствія, испытаннаго при видѣ гармоніи идеальнаго и реальнаго. Итакъ, отрицаніе свободы воли не затрогиваетъ основъ нравственнаго порядка; разумъ даетъ оцѣнку дѣйствія, сравнивая его черты съ идеальнымъ типомъ добра и зла, типомъ, рождающимся исключительно изъ идеи полезнаго.

Оцѣнивая указанный отдѣлъ изслѣдованія Ферри, можно замѣтить, что авторъ нерѣдко доходитъ до противорѣчій и принуждается вступать въ невольные компромиссы съ оспариваемымъ имъ ученіемъ. Тамъ, гдѣ авторъ встрѣчается съ затрудненіями, онъ прибѣгаетъ къ удобному средству—объявлять иллюзіей положенія противниковъ. Прежде всего авторъ дѣлаетъ уступку громадной важности, говоря объ идеалахъ добра и зла, даваемыхъ разумомъ, и которыми опредѣляются понятія добродѣтели и порока. Эти идеалы выводятся изъ идеи полезнаго. Но идеи полезнаго и нравственнаго добра и зла не покрываются, эти идеи принадлежатъ къ разнымъ порядкамъ человѣческой мысли и дѣятельности. Нравственный принципъ есть принципъ безусловный и строго общій, принципъ пользы — строго относительный. Если нравственное начало требуетъ осуществленія во что бы то ни стало высшаго добра, то принципъ пользы тѣмъ самымъ устраняется, такъ какъ такое осуществленіе требованія нравственнаго закона можетъ не совпадать съ пользой частнаго лица и даже цѣлаго общежитія. Мы назовемъ нравственнымъ напр. поступокъ человѣка, полнаго жизненныхъ силъ, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, оказывающаго государству или обществу вяжнѣйшія услуги своею дѣятельностью,—утонувшаго при спасеніи безроднаго и бездомнаго калѣки-нищаго; тогда какъ никакой утилитарной оцѣнки мы приложить къ этому поступку не можемъ Далѣе противъ сведенія заслуги къ нравственной свободѣ авторъ неправильно ссылается на тавтологію и на практическую жизнь. Заслугу въ нравственномъ смыслѣ мы всегда связываемъ съ добротой и чистотой помышленія [20]), состоящими въ согласіи помышленія съ

---

[20]) Witte, указ. соч. Es kann auch jede Handlung unter gewissen Umständen und vom gewissen Standpunkte aus betrachtet auch sittlich werden. Sie wird es dadurch, das sie unsre Werthschätzung über diesen rein in ihr selbst liegenden Masstab herausfordert. Von selbst jedoch legen wir letzteren nur bei eigentlich sittlichen Thaten. Das jenen Thaten, die des Masstab ihrer Werthschätzung nur in sich selber tragen, zu Grunde

идеей обязанности. Для дѣйствія, согласно обязанности, приходится преодолѣвать всѣ другія, чувственныя побужденія, опредѣлять себя къ дѣйствію помимо всякихъ утилитарныхъ мотивовъ. Такое отношеніе воли къ идеѣ обязанности единственно возможно при наличности нравственной свободы или практическаго разума. Допуская указанное явленіе,— подчиненія воли идеѣ обязанности, авторъ, однако въ виду того, что оно не всеобщее, отрицаетъ нравственную свободу и все объясняетъ дѣйствіемъ мотивовъ. Но мотивы внѣ человѣческой воли, охватывающей ихъ, мыслимы только въ отвлеченіи. Противупоставляя мотивы нравственной свободѣ, авторъ дѣлаетъ изъ нихъ какое то самостоятельное, таинственное существо. Отчего извѣстные мотивы встрѣчаются у такого то человѣка, а не другаго? При недостаточности одного понятія мотивовъ автору приходится переходить къ индивидуальному характеру, но индивидуальный характеръ и есть извѣстный устойчивый способъ, извѣстная привычка в о л е н і я. Для отрицанія нравственной свободы требовалось бы признать независимость характера человѣка отъ его собственныхъ усилій, отъ его собственыхъ стремленій: но этого доказать нельзя, какъ это долженъ былъ признать позитивистъ Милль [21]). Поэтому и ссылка на соотвѣтствіе мотивовъ индивидуальному характеру лишена доказательнаго значенія. Далѣе отверженіе понятія заслуги съ точки зрѣнія практической жизни и ходячихъ мнѣній представляется въ той же мѣрѣ лишеннымъ основанія. Замѣчательно, что когда индетерминисты ссылаются на общее сознаніе человѣческой свободы, то детерминисты упрекаютъ ихъ за этотъ доводъ, какъ не научный, и затѣмъ сами обращаются къ нему,

---

liegende praktische Bewusssein nennen wir die G e s i n n u n g. Während das Nützliche oder Schädliche nur desshalb gelobt oder getadelt wird, weil es einem besonderen empirischen Zwecke entspricht oder wiederspricht, wird die sittliche Handlung gewürdigt nach dem Werth, den ihr Gegenstand als ein völlig in Willen selbst enthaltenes Object, als Object der Gesinnung und der Güte des letzteren hat. (3 T h e i l. Die Willensfreiheit und die Sittenlehre стр. 158). См. также превосходное обоснованіе нравственной цѣнности человѣческихъ дѣйствій у Z e l l e r, Über Begriff und Begründung de sittlichen Gesetze: критеріи такой цѣнности, ч и с т о т а и к р ѣ п о с т ь воли, сводятся авторомъ къ чисто нравственному мотиву,—чувству обязанности по отношенію къ собственной природѣ «Die Motive, welche unser Verhalten einen sittlichen machen, beruhen auf der Werthschätzung der geistigen Seite unsrer Natur, auf der Überzeugung, dass nur ihr entspringende Thätigkeiten und Genüsse ein letzter Zweck für uns sein dürfen (указ. соч. стр. 211—215).

21) Система логики, пер. Резенера, т. II, кн. VI, гл. 2, стр. 406 и сл., стр. 423 и сл.

когда имъ можно воспользоваться для собственной теоріи. Замѣчаніе Рида относительно различія терминовъ «уваженія и заслуги» по отношенію къ умственному и нравственному превосходству глубоко справедливо. Смѣшивать нравственное, умственное и художественное превосходство возможно лишь при смѣшеніи нравственности, какъ практической дѣятельности, науки, какъ теоретической, и искусства, какъ эстетической дѣятельности. Великій ученый и великій художникъ не всегда представляютъ и великую нравственную личность. Но если нравственная высота также мало наша заслуга, какъ и ученое и художественное превосходство, то почему же мы не думаемъ упрекать нашего ближняго за то, что онъ не ученый или художникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ порицаемъ его, если онъ безнравственный, безчестный человѣкъ [22]). Дѣло въ томъ, что способность отзывчивости на предписанія нравственнаго закона есть свойство, присущее всякому психически нормальному человѣку. Органическія вліянія могутъ быть болѣе или менѣе сильны, но отъ человѣка зависитъ бороться съ ними и преодолѣвать ихъ. Исключительные случаи, подходящіе подъ понятіе душевной болѣзни въ широкомъ смыслѣ, какъ исключеніе, только подтверждаютъ общее правило. Объяснять различеніе понятія заслуги въ примѣненіи его къ нравственному превосходству съ одной, къ умственному съ другой стороны только иллюзіей, значитъ, ничего не объяснять. То, что Ферри называетъ иллюзіей, есть ничто иное, какъ одно изъ наиболѣе твердыхъ пріобрѣтеній человѣческой культуры, наиболѣе могучій рычагъ нравственнаго прогресса. Эта мнимая иллюзія, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ общественныхъ отношеній, гдѣ существуютъ крѣпкіе здоровые нравы, прекрасно формулируется мастеромъ новой школы науки нравственности, который самъ въ жизни представлялъ образецъ необыкновенно чистыхъ нравовъ, Кантомъ, слѣдующимъ образомъ: «Человѣкъ можетъ быть для меня предметомъ любви, страсти или удивленія, доходящаго до изумленія, не дѣлаясь—предметомъ уваженія. Фонтенель говоритъ: Я склоняюсь передъ сильнымъ, но мой духъ не склоняется передъ нимъ.

---

[22]) Очень хорошо различіе научной, художественной и нравственной заслуги указано у Witte: Einem wissenschaftlichem Ergebniss kann Ich gleichgültig sein, wenigstens zu Zeiten, ähnlich kann es mir den höchsten Genüssen der Kunst gegenüber ergehn. Einem Morde gegenüber kann Ich nie gleichgültig sein, einer That edler Selbstüberwindung zolle Ich stets Beifall und ein Versäumniss in dieser Richtung ruft stets Missbilligung hervor. (Указ. соч. 3 Theil Willensfreiheit und Sittenlehre b. Die Stimme des Gewissens).

Я же прибавлю: передъ низко поставленнымъ простолюдиномъ, у котораго я замѣчаю нравственную чистоту въ такой степени, какой я не сознаю въ себѣ, склоняется мой духъ, независимо отъ того, хочу я или нѣтъ, и не смотря на то, что я высоко поднимаю голову, чтобъ онъ не упустилъ изъ виду моего высшаго надъ нимъ общественнаго положенія. Уваженіе — дань, въ которой мы безсильны отказать достоинству, хотимъ ли мы этого, или нѣтъ» [23]). Конечно, относительно замѣчательнаго художника, великаго ученаго нельзя сказать, что за ними нѣтъ заслуги, которой можно было бы отнести къ ихъ волѣ, что они невольный продуктъ природныхъ дарованій. Ни искусство, ни наука не даются никому даромъ, безъ чистоты и высоты помышленія, безъ крѣпкой воли, направленной на достиженіе цѣлей изящнаго и истиннаго. Но если сдѣлаться художникомъ или ученымъ не зависитъ единственно отъ воли, то быть нравственнымъ, воздерживаться отъ порока обусловливается въ человѣкѣ именно чистымъ помышленіемъ, содержаніемъ его воли. Къ такому помышленію всякій человѣкъ способенъ [24]), но для того, чтобъ развить его въ себѣ, далѣе дѣйствовать, согласно нравственному закону, требуется постоянное усиліе, постоянное преодолѣніе чувственной стороны, поэтому мы и ставимъ въ заслугу нравственнымъ дѣйствіямъ, что они результатъ волеваго усилія и работы человѣка надъ собою. Несостоятельность попытки къ обоснованію понятія вины и заслуги помимо нравственной свободы ярко обнаруживается тамъ, гдѣ авторъ считаетъ возможнымъ присоединиться къ опредѣленію нравственности, какъ согласія человѣческихъ рѣшеній съ понятіемъ обязанности, формулированнымъ человѣческимъ разумомъ. Допустивъ такое понятіе о нравственности, авторъ тѣмъ самымъ implicite отступаетъ отъ своей точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ человѣческій разумъ не можетъ изрекать предписаній, которыя бы связывали человѣка подобно механической необходимости, то

---

23) Kritik der practischen Vernunft, III, 1 B. III Hauptstück Von den Triebfedern der practischen Vernunft стр. 132.

24) Ср. вѣрное замѣчаніе Рюмелина: «Языкъ не знаетъ выраженій слабой или сильной, большой или малой совѣсти, но говоритъ о чуткой или притупленной, бдительной или спящей совѣсти. Въ этомъ выражается психологическій фактъ, что человѣческая совѣсть не знаетъ видовъ или подвидовъ, а законченно представляется для всѣхъ въ видѣ простой основной функціи: Ты долженъ, — ты не долженъ. Отдѣльныя лица отличаются не различіемъ совѣсти, а тѣмъ, что имъ представляются различные соблазны и неравныя вспомогательныя силы для совѣсти каждаго». (Rümelin, Reden und Aufsätze Neue Folge 1881 г. указ. соч. стр. 67-я.

слѣдованіе имъ возможно единственно подъ условіемъ нравственной свободы, такъ, какъ далѣе, въ противоположность указаннымъ предписаніямъ, существуетъ цѣлая масса чувственно-органическихъ побужденій, то, значитъ, для того, чтобы повиноваться первымъ, человѣкъ долженъ подавлять послѣднія. И здѣсь Ферри налегаетъ на значеніе мотивовъ въ противоположность капризу человѣка: разумѣется, никакому защитнику нравственной свободы не приходитъ въ голову видѣть въ нравственности продуктъ каприза; что же касается до мотивовъ, то мотивы нравственнаго дѣйствія не внѣ человѣка,—а въ немъ самомъ, дѣйствіе является нравственнымъ въ виду содержанія воли, повинующейся нравственному закону. А если такъ, если нравственный законъ и по признанію Ферри дается разумомъ, то, значитъ, человѣкъ повинуется наиболѣе принадлежащему къ его собственному существу предписанію.

Остается, наконецъ, остановиться на тѣхъ возраженіяхъ, которыя дѣлаются Ферри по поводу аргумента въ пользу нравственной свободы а именно, что отрицаніемъ нравственной свободы устраняется всякое основаніе для раскаянія по поводу дурнаго и самоудовлетворенія по случаю хорошаго поступка. Очевидно, нравственно-хорошее, нравственно-дурное можетъ быть только согласное или несогласное съ голосомъ совѣсти, въ которомъ сказывается нравственный законъ. Раскаяніе—санкція, наступающая въ случаѣ несогласія помышленія и проникнутаго имъ дѣйствія съ предписаніемъ нравственнаго закона. Допуская этотъ важнѣйшій въ области нравственности фактъ, Ферри однако утверждаетъ, что связь его съ нравственной свободой иллюзія, но такое положеніе ведетъ къ отрицанію не только нравственной свободы, но и къ отрицанію реальнаго значенія совѣсти и раскаянія. Что такое голосъ совѣсти, предостерегающій отъ извѣстнаго дѣянія или порицающій насъ послѣ его совершенія, если человѣкъ долженъ сказать себѣ, что онъ не можетъ упрекать себя за совершенное и что онъ не могъ поступить иначе? Ради чего разумъ обращается къ автомату, невольному слѣдовать ему? Ферри сводитъ раскаяніе и самоудовлетвореніе къ воспроизведенію чувства неудовольствія и удовольствія, наличнаго при совершеніи дѣянія. Но здѣсь авторъ просто игнорируетъ противные и очевидные факты. Человѣкъ можетъ съ чувствомъ тяжкаго лишенія совершить нравственно-требуемое дѣяніе; вслѣдъ за совершеннымъ онъ однако чувствуетъ нравственное удовлетвореніе, отрадное чувство, совершенно противуположное тому, которое ощущалось при совершеніи дѣянія; точно также наступающее послѣ

нравственно-дурнаго дѣянія раскаяніе можетъ смѣнять то мимолетное чувство удовольствія, которое испытывалось при совершеніи дѣянія. Гдѣ же здѣсь воспроизведеніе (rinnovazione) чувства, соприсутствующаго дѣйствію?

II.

Изслѣдованіемъ соотношенія вопроса о свободѣ воли съ понятіемъ добра и зла, раскаянія и нравственнаго удовлетворенія, собственно оканчиваются важнѣйшіе отдѣлы критики Ферри аргументовъ въ пользу свободы воли[25]). Перехожу къ анализу главы четвертой «Negazione del libero arbitrio»,—гдѣ авторъ, объявивъ, что ни одинъ изъ аргументовъ въ пользу нравственной свободы не выдерживаетъ критики, обращается къ непосредственнымъ доказательствамъ противъ нравственной свободы.

Эти доказательства группируются авторомъ подъ слѣдующими рубриками: 1) психическая свобода человѣка несовмѣстима съ аттрибутами Божества; 2) свобода представляется идеей, непринадлежащей волѣ; 3) человѣкъ въ своихъ сужденіяхъ не можетъ быть свободнымъ, потому что законы логики строго необходимы; 4) законъ причинности, всеобщій и непререкаемый, доказываетъ отсутствіе нравственной свободы; 5) данныя статистики служатъ подтвержденіемъ логической демонстраціи необходимости человѣческихъ дѣйствій; 6) выводы опытной физіологіи утверждаютъ несуществованіе свободы воли.

Я остановлюсь преимущественно на обоснованіи авторомъ закона причинности и значенія по разсматриваемому вопросу статистическихъ данныхъ. Изслѣдованіе закона причинности, по обстоятельности изложенія, составляетъ ядро всей книги автора, къ которому всѣ остальные отдѣлы относятся какъ придаточные [26]). Это изслѣдованіе дробится на рядъ отдѣльныхъ параграфовъ, содержа-

---

25) За разобраннымъ отдѣломъ у Ферри идетъ критика слѣдующихъ аргументовъ въ защиту нравственной свободы: VII. Tolto il libero arbitrio manca ogni base per i giuramenti e le obbligazioni—(при отрицаніи нравственной свободы падаетъ всякое основаніе обязательствъ и присяги). VIII. Tolta la libera volontà, crolla ogni ordine sociale perchè scompare la responsabilità individuale. (при отрицаніи нравственной свободы падаетъ соціальный порядокъ въ силу отмѣны индивидуальной отвѣтственности). IX. Tolto il libero arbitrio ogni educazione degli uomini diventa inutile ed assurda. (Всякое воспитаніе при отрицаніи свободы воли лишается смысла). Я опускаю анализъ этихъ отдѣловъ, такъ какъ читатель встрѣчаетъ въ нихъ уже знакомые ему доводы, сверхъ того указанные доводы индетерминистовъ не имѣютъ, за исключеніемъ послѣдняго, опирающагося на вопросъ о воспитаніи, существеннаго значенія; къ вопросу же о воспитаніи мнѣ прійдется возвратиться при разборѣ другихъ сочиненій Ферри.

26) Cap. IV Argomenti contro libero arbitrio, стр. 149 и сл.

щихъ обоснованіе слѣдующихъ частныхъ тезисовъ: 1) Всякое послѣдствіе предполагаетъ причину. 2) Причина производитъ послѣдствіе съ необходимостью. 3) Восходящая цѣпь причинъ и послѣдствій безконечна. 4) И человѣческія воленія — послѣдствія, вытекающія изъ причинъ. 5) Поэтому онѣ вытекаютъ изъ своихъ причинъ съ необходимостью. 6) Слѣдовательно свободы не существуетъ. Первый отдѣлъ (всякое послѣдствіе предполагаетъ причину) открывается заявленіемъ, что въ отличіе отъ метафизическаго опредѣленія причинности, какъ необходимаго произведенія послѣдствій со стороны причинъ, позитивная наука не считаетъ возможнымъ идти далѣе факта даже при установленіи закона. Законъ для нея—отвлеченіе того, что есть общаго въ фактахъ. Закону усвоивается всеобщность при отсутствіи исключенія въ видѣ противоположнаго факта. Подобнымъ закономъ представляется законъ тяготѣнія тѣлъ. Но когда человѣкъ говоритъ, что тѣло ничѣмъ неподдерживаемое, падаетъ въ силу закона тяготѣнія, онъ въ сущности утверждаетъ: тѣло падаетъ потому, что падаетъ, человѣческое знанія не можетъ обнаружить существа явленій. Познавать извѣстный предметъ значитъ объяснить его, т. е. сочетать съ нимъ идеи, которыя имѣютъ къ нему соотношеніе. Въ наукѣ существуютъ единственно фактъ и понятіе или законъ т. е. фактъ, разсматриваемый in concreto и in abstracto. Наука можетъ единственно указывать на сосуществованіе, преемственность и сходство фактовъ. Когда въ явленіяхъ замѣчается слѣдованіе извѣстнаго послѣдующаго за извѣстнымъ предъидущимъ, то получается отвлеченіе, законъ причинности, съ усвоеніемъ ему характера всеобщности по неоткрытію какихъ либо исключеній изъ правила, вслѣдствіе чего законъ причинности становится необходимостью человѣческаго разума [27]).

Принявъ такое опредѣленіе причинности, заимствованное имъ у Милля, авторъ заявляетъ, что законъ, по которому всякое послѣдствіе должно имѣть свою причину, исключительно выводится изъ опыта. Сила этого принципа безусловная, такъ какъ нельзя найти ни одного внутренняго или внѣшняго факта, противорѣчащаго отношенію послѣдовательности между двумя феноменами. Однако одного признака послѣдовательности еще мало: противъ Юма, довольствовавшагося имъ для понятія причинности, было выставлено возраженіе, основанное на томъ, что мыслима

---

[27]) Стр. 154—156.

преемственность двухъ явленій безъ возможности установленія между ними причинной связи; такова преемственность дня и ночи; отсюда былъ сдѣланъ выводъ, что понятіе причинности проистекаетъ не изъ опыта, а изъ сознанія нашего я, свободно дѣятельнаго, изъ различенія простой преемственности двухъ явленій отъ произведенія одного явленія другимъ [28]).

Вслѣдствіе этого Ферри дополняетъ опредѣленіе причинности, какъ послѣдовательности двухъ явленій, признакомъ постоянства. При наблюдаемомъ постоянствѣ послѣдовательности двухъ явленій допускается начало причинности. Далѣе авторъ утверждаетъ вслѣдъ за Миллемъ, что хотя бъ извѣстный фактъ всегда сопровождался другимъ фактомъ, но если всеобщій опытъ научаетъ насъ, что такая преемственность можетъ и не быть, если опытъ указываетъ намъ на возможность неизвѣстныхъ намъ случаевъ, тогда предшествующее не составляетъ причины, именно потому, что нѣтъ увѣренности, что оно неизмѣнное предшествующее [29]).

Однако, по мнѣнію автора, постоянства преемственности двухъ явленій для закона причинности недостаточно: этимъ признакомъ не устраняется возраженіе, выставляющее примѣръ дня и ночи, связь которыхъ, не будучи причинною, тѣмъ не менѣе постоянная. По этому поводу Ферри заявляетъ слѣдующее: день, будучи, постояннымъ антецедентомъ ночи, не составляетъ причины послѣдней единственно потому, что намъ доступны данныя солнечной системы и оптическихъ явленій. Не имѣя понятія объ этихъ данныхъ, мы бы смѣшивали постоянную преемственность съ причинностью. Чтобы поддержать свое опредѣленіе, Ферри прибѣгаетъ къ новому признаку: требуется не простое, но безусловное постоянство преемственности; явленіе называется причиной не тогда, когда оно только предшествуетъ неизмѣнно другому явленію, а лишь тогда, когда эта преемственность независима отъ третьяго феномена; лишь въ послѣднемъ случаѣ позднѣйшее, вытекая изъ предшествующаго съ необходимостью, составляетъ, его послѣдствіе. Такъ ударъ кинжала въ сердце человѣка— причина его смерти не только потому, что таковое дѣяніе, согласно опыту, неизмѣнный антецедентъ этого результата, но и потому, что смерть слѣдуетъ за ударомъ въ сердце независимо отъ всякаго другаго явленія. Возвращаясь къ примѣру преемственности дня и ночи,

---

28) Стр. 157—158

29) Стр. 164.

авторъ указываетъ, что эта преемственность постоянная, но лишь подъ условіемъ наличности солнца и нахожденія между нами и солнцемъ непрозрачнаго предмета: при отсутствіи этихъ условій отсутствуетъ и преемственность, поэтому день не можетъ считаться причиной ночи. Въ полярныхъ странахъ въ теченіе полугода, при отсутствіи феномена поглощенія лучей непрозрачнымъ тѣломъ, за днемъ не слѣдуетъ ночь, и вторая не составляетъ послѣдствія перваго.

Такимъ образомъ, получается первоначальное опредѣленіе причинности. Не трудно показать, что заимствованное почти цѣликомъ у Милля, оно страдаетъ тѣмъ же, существенными недостатками и противорѣчіями при чемъ у Ферри поразительнымъ образомъ противорѣчія группируются, незамѣтно для автора, почти рядомъ.

Въ основаніе закона причинности, Ферри кладетъ главнѣйшимъ образомъ признакъ преемственности двухъ явленій во времени. Но этотъ внѣшній признакъ, безъ внутренней связи явленій, мыслимой разумомъ, связи, по которой причина является явленіемъ производящимъ, а послѣдствіе явленія производимымъ, до такой степени недостаточенъ, что Ферри долженъ прибѣгать къ аттрибутамъ—постоянству и безусловности, которые однако ему не помогаютъ. Будемъ ли мы брать день и ночь, или замерзаніе воды и извѣстный градусъ, показываемый термометромъ (примѣръ Целлера), или заходъ солнца, за которымъ слѣдуетъ зажиганіе огней въ человѣческихъ жилищахъ (примѣръ Стэнли-Джевонса), мы постоянно будемъ имѣть дѣло съ постоянной преемственностью, которой однако нельзя считать причинной связью. Когда же авторъ прибѣгаетъ къ признаку безусловности, то этотъ признакъ вноситъ полную дезорганизацію въ построеніи автора. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ одно явленіе считалось причиною другаго, авторъ требуетъ, чтобъ не было никакого третьяго, отъ котораго бы первое зависѣло. Поэтому причинности нѣтъ въ преемственности дня и ночи. Но, прибѣгнувъ къ признаку безусловности, авторъ позабылъ, что черезъ нѣсколько страницъ онъ выставляетъ противорѣчащія положенія. На стр. 168, гдѣ авторъ трактуетъ о пропорціональности причины и послѣдствія, мы читаемъ, что когда говорится о причинѣ, то слѣдуетъ разумѣть ея дѣйствіе совмѣстно съ условіями, составляющими другія причины, на стр. 169 авторъ указываетъ на неточность выраженія о произведеніи послѣдствія извѣстной причиной, такъ какъ послѣдствіе всегда продуктъ комплекса причинъ, условія ни что иное, какъ конкуррирующія причины, сопричины (concause).—Приходится констатировать, что между первоначальнымъ положеніемъ Ферри о

причинности, какъ связи двухъ явленій въ полной независимости отъ какихъ либо иныхъ явленій, и позднѣйшимъ положеніемъ его о совмѣстномъ дѣйствіи причины съ другими сопричинами, условіями, то есть между двумя утвержденіями о безусловномъ и условномъ характерѣ причинности — прямое противорѣчіе. Первое положеніе не только противорѣчитъ второму, но и всему позитивному міровоззрѣнію. Но, и помимо указаннаго противорѣчія, признакъ безусловности повелъ автора къ натянутымъ положеніямъ. На основаніи этого признака онъ отвергаетъ свойство причинности у преемственности дня и ночи, въ виду того, что для ихъ преемственности требуется наличность солнца и далѣе непрозрачное тѣло, способное не пропускать лучей солнца. Напротивъ, характеръ истинной причинности, по мнѣнію автора, принадлежитъ производящему смерть удару кинжала, направленнаго въ сердце. Но оказывается, что, руководствуясь аргументаціей автора и слѣдуя ей, мы и тутъ истинной причинности найти не можемъ: въ самомъ дѣлѣ для смертоноснаго результата требуется, чтобъ между кинжаломъ и сердцемъ жертвы не было бы непроницаемаго тѣла, напр. брони.

Если у автора опредѣленіе закона причинности вышло совершенно недостаточнымъ и противорѣчивымъ, такъ какъ, исходя отъ факта и чисто эмпирическаго постоянства, онъ пришелъ къ признаку безусловности, а далѣе тѣмъ неменѣе отождествилъ причину и условія, то точно также неудовлетворительнымъ представляется изслѣдованіе генезиса причинности. Опытъ объявляется авторомъ единственнымъ источникомъ причинности, путемъ наведенія получается общее начало, законъ, коему придается всеобщій характеръ вслѣдствіе ненахожденія исключеній. Но ясно, что такимъ образомъ всеобщаго закона получить нельзя. «Въ опытѣ, какъ таковомъ, понятіе причины содержаться не можетъ, опытъ показываетъ намъ событіе, отличительный же признакъ каузальнаго отношенія,—необходимость совершившагося, не дается опытомъ. Изъ опыта мы заключимъ, что во всѣхъ случаяхъ, наблюдаемыхъ нами, при наличности извѣстныхъ условій, наступаетъ извѣстный результатъ, но чтобъ этотъ результатъ долженъ былъ наступить и что поэтому онъ всегда при нихъ наступаетъ, этого опытное наблюденіе удостовѣрить не можетъ. Съ другой стороны законъ причинности не можетъ быть данъ и. апріористическимъ мышленіемъ. Апріористичны могутъ быть законы нашей собственной духовной дѣятельности, вытекающіе изъ нашей тѣлесной и духовной природы. Законы же объективныхъ событій, отъ которыхъ зависятъ совершающіеся внѣ насъ процессы,

проистекаютъ изъ природы тѣхъ вещей, для которыхъ они дѣйствуютъ.... Къ такимъ объективнымъ законамъ принадлежитъ и законъ причинности: содержа показаніе... объ основаніяхъ и связи вещей, онъ не можетъ быть найденъ самонаблюденіемъ, безъ помощи наблюденія внѣшняго міра. Но если законъ причинности не дается непосредственно наблюденіемъ, то онъ посредственно дается имъ. Законъ причинности получается вслѣдствіе обсужденія опыта по апріористическому закону мышленія — закону достаточнаго основанія. Мышленіе состоитъ въ приведеніи разнообразія къ единству, къ связи, отрицательное условіе для такого связыванія отсутствіе противорѣчія, положительное же условіе состоитъ въ томъ, чтобъ связуемость многообразнаго была необходимая, требуемая содержаніемъ связуемыхъ представленій. Всякое сочетаніе разнообразія въ мышленіи происходитъ въ силу отношенія между основаніемъ и послѣдствіемъ. Изъ этого закона мышленія слѣдуетъ, какъ условіе его примѣненія, чтобъ въ вещахъ и процессахъ, подлежащихъ мышленію, находилась связь, которая бы дозволяла сочетаніе одного съ другимъ, сочетаніе по принципу необходимости, и это сочетаніе бываетъ только тамъ, гдѣ два явленія бываютъ въ отношеніи причины и послѣдствія, или же оба проистекаютъ изъ третьяго по тому же началу. И такъ принятіе причинной связи есть результатъ мышленія, получаемый однако лишь вслѣдствіе обсужденія какого либо предмета по закону мышленія, а такъ какъ предметы даются опытомъ, то законъ причинности нельзя считать чѣмъ либо апріористическимъ, а лишь послѣдствіемъ апріористическаго закона, примѣненнаго къ опыту [28]).

Таково, правильное обоснованіе источника закона причинности, восполняющее ученіе Канта по этому предмету. Только такимъ путемъ можно объяснить присущій причинности признакъ необходимости, не находящій себѣ мѣста въ теоріи Милля и слѣдующаго ему Ферри. Оставаясь при одномъ фактѣ и опытѣ получается единственно преемственность, далѣе когда выставляется понятіе безусловности дѣлается логическій скачекъ, потому что безусловное недоступно опыту.

На сколько Ферри остается малопослѣдовательнымъ положенію о происхожденіи причинности единственно изъ опыта, это видно изъ

---

[28]) Eduard Zeller, Über Bedeutung und Aufgabe der Erkenntnisstheorie стр. 516—517 въ Vorträge und Abhandlungen 2 Sammlung Leipzig 1877 г.

его анализа положенія, что всякое послѣдствіе предполагаетъ свою причину. Согласно этому началу должно признать, по мнѣнію автора, что послѣдствіе всегда пропорціонально причинѣ. Но тогда какъ чистое понятіе причины почерпается изъ опыта, понятіе пропорціональности послѣдствія относительно причины, по мнѣнію Ферри, болѣе непосредственно почерпается изъ самаго разума, составляя переработку матеріала, даваемаго опытомъ. Упомянувъ, что путемъ работы разума человѣкъ приходитъ къ понятію достаточнаго основанія, авторъ однако заявляетъ, что начало пропорціональности въ сущности означаетъ, что извѣстная причина всегда сопровождается извѣстными послѣдствіями на основаніи свидѣтельства опыта [29]).

Здѣсь авторъ вступаетъ въ полемику съ Гартманомъ по поводу высказаннаго имъ въ «Философіи безсознательнаго» положенія, что если равныя причины производятъ одинаковое послѣдствіе, то точно также одно и то же послѣдствіе можетъ имѣть различныя причины. Авторъ возражаетъ, что, если, напримѣръ, качество теплоты, производимой различными причинами, одинаково, то все же бываетъ различіе въ количествѣ теплоты, производимой разными причинами. Далѣе въ дѣйствительности послѣдствія производятся всегда комплексомъ причинъ, нѣтъ феномена, зависящаго только одной причины, и эти многія причины, называемыя условіями суть причины конкуррирующія или сопричины; поэтому еслибы даже послѣдствіе, произведенное треніемъ, химической комбинаціей или электрическимъ токомъ, было бы тождественнымъ не только по качеству, но и по количеству, это не доказывало бы, что тождественныя послѣдствія производятся разными причинами, а что тождественному послѣдствію соотвѣтствуетъ тождественный комплексъ причинъ. Когда говорятъ, что каждая изъ указанныхъ причинъ производитъ теплоту, нужно имѣть въ виду, что каждая всегда соединена съ совокупностью другихъ причинъ, опускаемыхъ въ просторѣчіи, потому что онѣ мало замѣтны, но которыя тѣмъ не менѣе дѣйствуютъ. Многіе мыслители не допускаютъ примѣненія принципа пропорціональности причинъ и слѣдствій къ явленіямъ психическимъ. Такъ говорятъ о величайшихъ послѣдствіяхъ, произведенныхъ ничтожными причинами; но это неточный способъ выраженія. Тѣ условія, которыя вмѣстѣ съ незначительной причиной производятъ значительное послѣдствіе, не что иное какъ конкуррирующія причины. Поэтому, признавая при-

---

[29]) Стр. 167—168.

чиной необходимое условіе, авторъ имѣетъ въ виду не единственную причину, а одну изъ нѣсколькихъ причинъ, производящихъ результатъ; условіе не есть причина, а сопричина, одного условія не достаточно для произведенія результата, но и одной причины не достаточно для наступленія результата при отсутствіи условія; сочетаніе условій и причинъ составляетъ комплексъ антецедентовъ, достаточное основаніе. То, что называется причиной, есть лишь наиболѣе замѣтное изъ условій, за которымъ слѣдовалъ данный феноменъ [30]).

Въ заключеніе авторъ возвращается къ происхожденію понятія причины изъ опыта преемственности разныхъ феноменовъ. Въ виду частаго смѣшенія причинности и преемственности, замѣчаемаго, между прочимъ, въ изслѣдованіяхъ ученыхъ, между простой преемственностью и причинностью нѣтъ существеннаго различія, а лишь случайное различіе, и отсутствіе основнаго критерія различенія между причиной и простымъ предшествующимъ лучшее доказательство, что принципъ причинности есть принципъ простой преемственности [31]). На основаніи указанной аргументаціи авторъ считаетъ возможнымъ формулировать положеніе, что всякое послѣдствіе предполагаетъ достаточную причину и всегда пропорціонально таковой. Затѣмъ авторъ напоминаетъ, что, проистекая изъ опыта, понятіе причинности необходимо ограничивается опытомъ, имѣетъ значеніе непререкаемой достовѣрности лишь для той части міра, которая, по словамъ Милля, открывается, намъ точнымъ изслѣдованіемъ, съ разумнымъ расширеніемъ на смежные случаи. Распространенный за предѣлы опыта, законъ причинности будетъ абстракціей, а не достовѣрностью, безусловно основанной на нашемъ опытѣ [32]).

Въ изложенномъ отдѣлѣ изслѣдованія Ферри, вопреки утвержденія о заимствованіи закона причинности изъ опыта, мы встрѣчаемъ объясненіе этого закона чисто-логическимъ принципомъ достаточнаго основанія; далѣе на ряду съ наименованіемъ закона причинности основаніемъ нашего мышленія, непререкаемымъ и безусловнымъ, авторъ называетъ различіе преемственности и причинности случайнымъ, обращая такимъ образомъ законъ причинности въ пустое слово и заставляя пожалѣть о тѣхъ усиліяхъ, которыя были по-

---

30) 169—174.
31) Стр. 175—176.
32) Стр. 177—178.

ложены самимъ авторомъ на отысканіе критеріевъ различенія преемственности и причинности. Уже выше мною указано было на противорѣчіе критерія безусловности для причинности и отождествленія совокупности условій и причины [33]). Понятіе безусловности требовалось для отличенія причинности отъ простой преемственности; отождествленіе условій и причины, иначе условность причинной связи, потребовалось для конструкціи пропорціональности причины и послѣдствія. Я остановлюсь на отождествленіи совокупности условій и причины. Такое отождествленіе, обязанное своимъ происхожденіемъ исключительно эмпирическому воззрѣнію на причинность, не признающему въ ней характера внутренней потенціальной необходимости, характера силы, творящей послѣдствіе [34]), появившееся въ человѣческой мысли весьма рано и считающее въ числѣ своихъ первыхъ противниковъ Сократа, весьма существенно для науки уголовнаго права, въ которую оно введено вслѣдъ за Миллемъ талантливымъ и вліятельнымъ Бури [35]).

---

33) См. указанія на это противурѣчіе теоріи Милля у Чичерина, Наука и религія, гл. III-я Логика стран. 23 и у Льюиса, Вопросы о жизни и духѣ, русскій переводъ т. II, проблема V, Сила и причина стр. 360.

34) О связи понятія о причинѣ съ понятіемъ о силѣ, см. Льюисъ, указ. сочин. стр. 361, а также Вундтъ, Logik 4. Causalität und Substanz, a der physikalische Krafttbegriff.

35) Buri послѣдовательно развилъ свою теорію въ цѣломъ рядѣ работъ, изъ коихъ главнѣйшія: Über Causalität und deren Verantwortung 1873 г. «Zur Causalitätsfrage въ Gerichtssaal т. XXIX 1877, Versuch und Causalität тамъ же, т. XXIII, 1880 года. Über Causalität udn Theilnahme въ Zeitschrift fur die gesamte Strafrechtswissenschaft. T. II 1882 г. и, наконецъ, въ послѣдней работѣ: Die Causalität und ihre strafrechtlichen Beziehungen (Beilageheft zum Gerichtssaal 1885 г., направленной противъ критики теоріи Бури профессора Birkmeyer'a въ Gerichtssal 1885 г. Über Ursachenbegriff und Causalzusammenhang im Strafrecht). Теорія Buri страдаетъ кореннымъ раздвоеніемъ: отождествляя совокупность условій и причину, онъ считаетъ возможнымъ, однако, придавать значеніе причинъ и отдѣльнымъ условіямъ. «Вся совокупность силъ, произведшихъ результатъ, говоритъ онъ, должна разсматриваться какъ причина явленія, но съ такимъ же правомъ причиною явленія можетъ быть признана и всякая отдѣльная изъ этихъ силъ, такъ какъ наступленіе его столь сильно зависитъ отъ каждой отдѣльной силы, что если исключить хотя одну—явленіе не произойдетъ (Über Causalität und Verantwortung, стр. 1-я). Очевидно, здѣсь два параллельныя положенія, которыя другъ друга взаимно исключаютъ; на это вѣрно указываетъ Birkmeyer въ указанной выше статьѣ, стр. 268, и г. Колоколовъ въ своей книгѣ «О соучастіи» 1881 г. стр. 12-я. Воззрѣнія Buri относительно тождества причины и совокупности условій усвоены изъ числа нѣмецкихъ криминалистовъ Гельшнеромъ, Das gemeine deutsche Strafrecht 1881 г. § 104,

Отождествленіе понятій причины и условія обосновывается преимущественно слѣдующими доводами: точное различеніе причины и условія невозможно; далѣе для того, чтобъ дѣйствовала причина, всегда требуется извѣстное количество условій, результатъ не наступаетъ, когда хотя бы одно условіе отсутствовало, поэтому всѣ факторы относительно произведеніе результата равнозначительны. Первое соображеніе лишено доказательнаго значенія: понятіе причины не теряетъ ни на волосъ своего значенія отъ того, что въ дѣйствительной жизни мы ошибаемся и смѣшиваемъ причину и условіе, какъ не теряетъ значенія причинность отъ смѣшенія ея съ простою преемственностью, а безусловность законовъ логики и математики отъ возможности логическихъ и математическихъ ошибокъ.

Что извѣстная совокупность условій необходима для дѣйствія причины, противъ этого никому и не приходитъ въ голову спорить; но отождествлять на этомъ основаніи причину и условіе нѣтъ основанія. Достаточно, если при отличеніи причины отъ условія, способъ

стр. 221. Листомъ, Lehrbuch des deutschen Strafrechts 1884 г. § 30 стр. 10. Janka, Das österreichische Strafrecht 1884 г. Contra Hugo Mayer Lehrbuch des deutschen strafrechts изд. 2-е § 35. Binding die Normen und ihre Übertretung T. I стр. 42, (Binding характеризуетъ причину, какъ созданіе преобладанія въ условіяхъ, содѣйствующихъ результату, надъ условіями, препятствующими результату) Merkel, см. его рецензію указанной книги Гельшнера въ Zeitschrift Листа T. I 1881. Birkmeyer въ вышеуказанной статьѣ опредѣляетъ причину, какъ одно изъ многихъ условій, наиболѣе содѣйствующее результату (указ. соч. стр. 272). Изъ русскихъ криминалистовъ г. Таганцевъ во 2 вып. своего Курса русскаго уголовнаго права даетъ опредѣленіе причины тождественное съ опредѣленіемъ Биндинга (стр. 299 сл.); въ третьемъ же выпускѣ (о соучастіи) г. Таганцевъ, повидимому, держится воззрѣній Бури назначеніе термина причины (стр. 55 сл.). Г. Сергѣевскій (О значеніи причинной связи I.) различаетъ философскую и практическую точку зрѣнія въ вопросѣ о причинности: съ первой точки зрѣнія авторъ одобряетъ Миллевскую теорію причинности, — съ точки зрѣнія юридическихъ наукъ, онъ находитъ возможнымъ признавать за причину только дѣйствіе человѣка, подводя все остальное подъ понятіе условій (стр. 25 и сл.). Теоріи Бури съ указанной выше оговоркой держится также г. Колоколовъ (О соучастіи). Точное различеніе понятій условія и причины находимъ у Wundt Logik 6 Abschnitt 2 Kapit. Das Causalgesetz, Die Erscheinungform des Causalgesetzes. Причина, по мнѣнію Вундта, то условіе, которое объясняетъ качество и величину послѣдствія, то условіе, изъ котораго результатъ можетъ выйдти количественно и качественно во всей полнотѣ. Причина болѣе тѣсное, условіе—болѣе широкое понятіе. Въ отличіе отъ условій причина — событіе (Geschehen), которое неизмѣннымъ образомъ связывается съ результатомъ (стр. 536—537). См. также наглядное обоснованіе различія понятія причины и условія на примѣрѣ развитія и роста растенія у Lotze, Mikrokosmus, изд. 3-е II Buch, 4 Kapitel. Das Erkenntniss und die Wahrheit стр. 271 и сл.

дѣйствія причины не будетъ изолированъ отъ сопровождающихъ ее или привступающихъ условій. Говорятъ, не будь на лицо малѣйшаго условія, результатъ не наступитъ; значитъ, всякое условіе, какъ одинъ изъ факторовъ результата, равняется всякому другому, слѣдовательно равняется и тому фактору, который называется причиной, потому что различные факторы могутъ измѣряться относительно своего значенія единственно по признаку наступленія результата. При этомъ упускается, однако, изъ виду слѣдующее: указанное разсужденіе исключительно принимаетъ въ соображеніе отрицательный критерій: т. е. если не будетъ хотя одного извѣстнаго условія, то причина не произведетъ своего послѣдствія. Затѣмъ никакого вывода изъ этого сдѣлать нельзя относительно обладанія условіями положительныхъ качествъ для произведенія результата, одинаковыхъ съ тѣмъ факторомъ, который мы называемъ причиной. Между тѣмъ именно въ этомъ отношеніи оказывается существенное различіе между причиной и условіемъ: причина—факторъ, коему принадлежитъ, сравнительно съ условіями, преобладающее, коренное значеніе относительно произведенія результата. Но въ чемъ выражается это преобладающее значеніе? Оно обнаруживается въ томъ, что условія содѣйствуютъ произведенію результата въ направленіи, даваемомъ причиной. Если растеніе развивается изъ зерна, какъ своей причины, то благопріятныя условія, напр., климатическія, содѣйствуютъ развитію его но онѣ не въ силахъ измѣнить закона органическаго развитія, не въ силахъ напр. изъ желудя заставить вырости не дубъ, а другое дерево [36]). Далѣе тотъ же признакъ преобладанія причины надъ условіями проявляется слѣдующимъ образомъ. Между факторами, при наличности которыхъ происходитъ результатъ, существуетъ различіе въ томъ смыслѣ, что одни изъ нихъ находятся на лицо постоянно, при недостаткѣ ихъ легко восполняются или замѣняются, другіе же такого свойства, что они болѣе рѣдки, менѣе восполнимы, а поэтому болѣе цѣнны для результата. Послѣдніе факторы мы въ правѣ отличать отъ другихъ, какъ причины. Такими причинами является обыкновенно человѣческая личность въ кругу другихъ условій. При наличности матеріала, нужнаго для результата, матеріалъ этотъ безплоденъ, если нѣтъ мастера. Далѣе мастеръ въ извѣстной степени не лишенъ возможности восполнить недостатокъ однихъ средствъ

---

[36]) Ср. Lotze Microkosmus 2. 4 Кар. 272.

(т. е. однихъ условій) пріисканіемъ и замѣною ихъ другими (другими условіями). Преобладаніе одного фактора надъ другими объясняетъ, почему мы постоянно относимъ извѣстный результатъ къ извѣстному лицу, въ которомъ мы видимъ причину, опуская при этомъ другихъ факторовъ: такъ произведеніе художества, науки, ремесла — зданіе, статую, книгу мы относимъ къ архитектору, скульптору, ученому, какъ къ причинѣ. Никто не подумаетъ насъ упрекнуть въ логической неточности, если мы скажемъ, что виновникъ появленія такой-то книги—такой-то авторъ, не упоминая при этомъ фабриканта, у котораго куплена бумага, типографщика, у котораго она печаталась, наборщика и корректора. Наконецъ, пропорціальность причины и послѣдствія единственно мыслима при различеніи причины въ тѣсномъ смыслѣ отъ условій. Такъ какъ условія, присоединяющіяся къ причинѣ, могутъ быть самаго разнообразнаго свойства (въ томъ числѣ отрицательныя), то, допустивъ равнозначительность причины съ другими условіями, мы должны бы были упразднить этотъ признакъ пропорціональности. Въ самомъ дѣлѣ, защитники отождествленія условія и причины признаютъ невозможнымъ опредѣлить долю участія каждаго условія въ произведеніи результата, но это только и означаетъ, что результатъ не можетъ быть приведенъ въ соотвѣтствіе съ отдѣльными условіями, которыя, въ совокупности, признаются причиной.

Такимъ образомъ соотвѣтствіе между причиной, и результатомъ можетъ быть отнесено единственно къ причинѣ, какъ преобладающему фактору, а не къ условіямъ, присоединяющимся къ нему.

Это положеніе не затрогивается аргументаціей Ферри противъ Гартмана. При различіи послѣдствій, производимыхъ одною и той же причиной, можно, допуская даже вспомогательное значеніе условій, все-таки связывать данныя послѣдствія съ причиною, а не условіями. Такъ, если солнце одинаково и вызываетъ, и убиваетъ растительность, то оба послѣдствія необходимо связываются съ теплотой. Если, далѣе, различныя причины производятъ одинаковыя послѣдствія, напр. радость и печаль производятъ сходное психическое возбужденіе, производятъ сходные физіологическіе процессы, то означенныя послѣдствія также необходимо связываются съ различными причинами. Дѣло въ томъ, что противоположность и одинаковость послѣдствій не отмѣняетъ въ указанныхъ случаяхъ неизмѣнности, свойственной причинности, и качественнаго соотвѣтствія причины и по-

слѣдствія. Физическое качество теплоты не измѣняется отъ благодѣтельности или вредности результатовъ.

Наконецъ, возраженія автора противъ отрицанія понятія пропорціональности причины и послѣдствія въ психическомъ мірѣ представляются существеннымъ недоразумѣніемъ. Дѣло въ томъ, что законъ причинности вовсе не означаетъ единственно механической причинности, т. е. причинности внѣшняго міра; отъ послѣдней существенно отличается причинность психическая; объ этой причинности и можетъ идти рѣчь, когда говорятъ о процессѣ измѣненій въ психическомъ строѣ человѣка, а такъ какъ психическій міръ человѣка не можетъ быть сведенъ къ одинаковымъ свойствамъ съ міромъ матеріальнымъ, то и очевидно, что усматриваемый въ послѣднемъ пропорціональности между причиной и послѣдствіемъ и не можетъ быть въ психическихъ феноменахъ. Различіе той и другой причинности наглядно дается Вундтомъ, свидѣтельство котораго тѣмъ важнѣе въ данномъ случаѣ, что указанный писатель приверженецъ опытнаго психологическаго изслѣдованія: понятіе причинности механической, т. е. измѣненія матеріи подъ вліяніемъ дѣйствующихъ силъ, не примѣняется, по мнѣнію Вундта, къ психологическимъ феноменамъ всецѣло, въ виду того, что въ нихъ нельзя установить присутствія этихъ двухъ обусловливающихъ понятіе причины элементовъ. Если законы представленія и ощущенія, въ сущности, воспроизведеніе законовъ мозга и мало отличаются отъ законовъ физическаго міра, то въ нашемъ сознаніи есть еще дѣятельность, совершенно духовная (сопротивленіе представленіямъ, измѣненіе и комбинація ихъ), относительно которой мы не познаемъ никакого субстрата и которую не можемъ связывать съ матеріальной субстанціей. Эта духовная дѣятельность, составляющая наше «я», не подчиняется механическому закону сохраненія силъ, однимъ словомъ, она свободна. Такая дѣятельность, апперцепція, не есть произволъ: апперцептивный актъ связанъ съ мотивомъ, (совокупностью склонностей, наслѣдственныхъ расположеній, руководящихъ идей), составляющихъ основу физіономіи. Тѣмъ не менѣе психическая свобода существуетъ: психическая дѣятельность, хотя и обусловленная, превыше законовъ вещества, далѣе не существуетъ постоянно измѣряемаго отношенія между мотивомъ и реакціей апперцепціи. Въ этомъ коренится различіе между психологическимъ и механическимъ детерминизмомъ. Законъ разума не есть законъ сохраненія силъ, напротивъ, это неограниченное произведеніе энергіи въ мірѣ совѣсти, эффектъ можетъ далеко превзойти причину, и можетъ быть меньше ея, отсюда законы аппер-

ценціи избѣгаютъ той необходимости, которая характеризуетъ законъ природы [37]).

Такимъ образомъ, опровергается мнѣніе Ферри, сводящаго единственно къ недостаточному знанію различеніе психологической и механической причинности. Но развѣ аргументація Вундта нарушаетъ положеніе о пропорціональности причинъ и послѣдствія? Соотвѣтствіе или пропорціональность указываютъ на существенное тождество, такъ же гдѣ таковаго тождества не можетъ быть найдено, между механической причиной и психическимъ эффектомъ, нельзя и требовать потому пропорціональности.

Второе положеніе, служащее для Ферри къ выясненію понятія причинной связи, состоитъ въ томъ, что причина съ необходимостью влечетъ за собою послѣдствіе (La causa porta necessariamente l'effetto suo). Когда человѣкъ вслѣдствіе міріады опытовъ, произведенныхъ имъ самимъ или его предшественниками, находитъ, что различные феномены слѣдуютъ другъ за другомъ постоянно, безъ исключенія, онъ примѣняетъ къ ихъ связи преемственности идею необходимости, неизбѣжности, безусловности. Такимъ образомъ, всякое послѣдствіе происходитъ отъ причины съ необходимостью, съ неизбѣжностью. Термины необходимости, неизбѣжности, фатальности — синонимы относительно причинности, потому что необходимость есть неотклонимая связь послѣдствій и причинъ. Будучи дана причина, необходимо, фатально появленіе послѣдствія, притомъ даннаго послѣдствія, съ исключеніемъ всякаго другаго [38]).

По поводу указанной аргументаціи замѣчу, что авторъ собственно не въ правѣ говорить о безусловной, неизбѣжной необходимости, какъ аттрибутѣ причинности: необходимость можетъ быть для Ферри лишь относительная, условная, въ виду сведенія причинности къ сочетанію и совокупности условій. Что же касается до фатальности, то фатальность и необходимость понятія вовсе не тождественныя и, принимая послѣднюю для закона причинности, нѣтъ надобности говорить о фатальности. Фатальность такъ и остается субъективнымъ представленіемъ автора, доказать которое онъ безсиленъ. Въ самомъ дѣлѣ

---

[37]) Ср. Lachelier. Les lois psychologiques dans l'école de Wundt Revue philosophique 1885. г. Wundt Essays 1886 г. Die Entwickelung des Willens. стран. 304 и 305. Logik т. I. 5 гл. IV. 6. гл. II, т. II. 4. гл. 1-ая.

[38]) Стр. 188—201.

предположимъ, что по неосторожности огонь былъ поднесенъ къ пороху и произошелъ взрывъ. Если говорятъ, что при данныхъ условіяхъ взрывъ не могъ не послѣдовать, что онъ долженъ былъ произойти неизбѣжно, то это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что происшедшее послѣдовало съ необходимостью. Когда же говорится о фатальности результата, то утверждается нѣчто большее, чѣмъ необходимость, т. е. связь причины и послѣдствія (воспламенившагося пороху и взрыва), утверждается, что условія, при которыхъ послѣдовало дѣйствіе, не могли отсутствовать, т. е. что виновникъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ не могъ не поднести его къ пороху. Такимъ образомъ, смѣшиваютъ двѣ вещи: причинную связь двухъ явленій (воспламененіе пороха и взрыва) и фатальное наступленіе предшествующихъ событій. Ясно что никакой неизбѣжности въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ. Мы говоримъ, что былъ неосторожный поступокъ и подвергаемъ его отвѣтственности, такъ какъ съ большимъ вниманіемъ его можно бы было избѣжать. Для Ферри же, на основаніи его аргументаціи, указанная неосторожность является столь же фатальной, сколько неизбѣженъ взрывъ пороха при сообщеніи съ нимъ огня.

Третье положеніе, относящееся къ изслѣдованію причинности, формулируется слѣдующимъ образомъ: серія послѣдствій въ отношеніи къ причинѣ безконечна. (La seria degli effetti alle cause e infinita) [39]). Развитіе и обоснованіе этого положенія, по словамъ автора, необходимо потому, что защитника свободы воли могутъ ссылаться на первыя причины, причины самихъ себя. Таковыми являются Богъ и человѣческая воля. Когда говорятъ, что такая-то вещь послѣдствіе другой вещи, мы приписываемъ вещамъ совершенно относительныя качества, законъ причинности не затрогиваетъ существа вещей, является лишь какъ настоящая преемственность, которая можетъ быть только относительною. Исходя отъ извѣстной вещи и восходя вверхъ мыслью по цѣпи явленій, мы говоримъ, что явленіе—послѣдствіе, слѣдуя по цѣпи явленій въ нисходящемъ порядкѣ, мы говоримъ, что явленіе причина, и такъ одна и та же вещь является послѣдующей къ своему предыдущему, предыдущей къ своему послѣдующему. По мнѣнію автора, это положеніе указываетъ на то, что законъ причинности—верховный законъ человѣческаго разума, который безъ него лишается своей основы, поэтому отрицать

---

39) Стр. 201—224.

его ради первыхъ причинъ, значитъ, отрицать самую мысль, отнимать ея основаніе.

На возраженіе, что нужно принять первоначальную причину вслѣдствіе необходимости нашего разума, такъ какъ иначе, не имѣя точки опоры, нельзя бы и мыслить, авторъ возражаетъ,—что положеніе о первыхъ причинахъ невѣрно, излишне и безполезно: невѣрно потому, что связывая единую причину съ разнообразіемъ послѣдствій, оно противорѣчитъ началу пропорціональности; излишне потому, что люди въ своихъ разсужденіяхъ останавливаются на той изъ предшествующихъ причинъ, далѣе которой они идти не могутъ, безполезно потому, что человѣкъ въ силу необходимости мышленія всегда спрашиваетъ, откуда происходитъ первая причина. Переходя къ примѣненію понятія первоначальныхъ причинъ къ волѣ, авторъ утверждаетъ, что непостижимо, какимъ образомъ одна и та же причина можетъ производить разнообразныя послѣдствія. Напротивъ, при отрицаніи свободы воли можно объяснить феноменъ человѣческой дѣятельности разумомъ, который не отрицается изъ отрицаніи свободы воли, а напротивъ именно въ этомъ случаѣ пріобрѣтаетъ громадную важность. Разъ ставя на мѣстѣ первыхъ причинъ безконечную серію послѣдствій, мы въ сущности удовлетворяемся обладаніемъ основанія, исходной точкой для причины, установленной опытомъ, такъ какъ безконечность не можетъ быть понимаема въ смыслѣ реальности.

Въ изложенномъ отдѣлѣ, вмѣсто безусловно-фатальнаго дѣйствія причинности, провозглашавшагося ранѣе, оказывается, что причинность—начало чисто относительное, на столько условное, что все зависитъ отъ того, будетъ ли человѣческая мысль подниматься вверхъ, или опускаться внизъ по цѣпи причинъ и послѣдствій. Постоянство преемственности, для котораго требовался на стр. 165-й признакъ безусловности, признается уже относительнымъ. Далѣе, несмотря на то, что ранѣе авторъ настаивалъ на опытномъ происхожденіи понятія причинности, тезисъ о безконечной цѣпи причинъ и послѣдствій защищается уже необходимостью человѣческаго разума. Но можно сказать съ одинаковымъ правомъ, что разуму нельзя остановиться на представленіи безконечной цѣпи причинъ и довольствоваться имъ. Именно при такомъ представленіи разумъ теряетъ основу. Вслѣдствіе этого мышленіе, слѣдя за цѣпью причинъ и послѣдствій, выставляетъ понятіе первой причины. Такимъ образомъ примиряется потребность разума, по которой всякая причина сводится къ послѣдствію другой причины, и необходимость

замкнуть цѣпь причинъ и послѣдствій [41]). Что касается до возраженія, выставляемаго Ферри противъ понятія о первой причинѣ, то ни одно изъ нихъ не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Что касается до упрека въ нарушеніи принципа про-

---

[41]) Необходимость принятія первой причины, какъ исходной для цѣпи причинъ и послѣдствій тщательно обоснована въ аргументаціи «метафизиковъ», приводимой in extenso у Ardigo въ книгѣ «Della formazione naturale nel fatto del sistemo solare и воспроизведенной у Ферри вмѣстѣ съ критикой Ardigo на стр. 209—216 главы IV. Аргументація эта состоитъ въ слѣдующемъ: взявъ серію A, a″, a‴, a″, a′, a, — въ которой a, фактъ, имѣющій реальное бытіе приходится признать, что a — послѣдствіе a, a′ — послѣдствіе a″, a″ — послѣдствіе a‴ Наличность a предполагаетъ предшествующую серію. Спрашивается, конечная это или безконечная серія? Допустивъ реальный фактъ a, нужно допустить реальность и остальныхъ членовъ серіи, значитъ, и всей серіи. Но можетъ ли быть реальною безконечная серія?—При отрицательномъ отвѣтѣ разсматриваемая серія должна бы считаться конечной и имѣть передъ опредѣленнымъ числомъ членовъ первый членъ, который можно назвать a^n. Реальная серія—данная серія, данная серія есть данное число, данное число—конечное число, значитъ, реальная серія—конечное число. Конечное число опредѣляется тѣмъ, что оно уменьшается при отнятіи единицы и увеличивается при присоединеніи таковой. Что означаетъ выраженіе: число безконечно? Оно означаетъ, что будь дано число, которое не можетъ быть инымъ, какъ конечнымъ, остается постоянно возможность присоединить единицу. Значитъ, безконечность дается возможностью. Но такъ какъ возможность есть противуположность дѣйствительности, то значитъ предложеніе; данное число, какъ таковое, безконечно,—противорѣчіе въ терминахъ, абсурдъ; значитъ несостоятельно и положеніе, что серія фактовъ предшествующихъ какъ причина реальнаго факта a, безконечна. Наша серія, долженствующая быть законченной, должна примыкать къ первичному факту a^n. Но такъ какъ a^n фактъ, — подобный a, стоящему въ концѣ серіи,—приходится и для a^n принимать причину. Но мы должны это сдѣлать иначе чѣмъ для a, иначе получилась бы безконечная серія, признанная абсурдомъ. Какъ же сдѣлать это? Нужно признать причиной a^n—A, принимая A не за фактъ, составляющій послѣдствіе, а за реальность, производящую a^n, неимѣющую причины и составляющую причину самого себя. Такимъ образомъ, серія замыкается и фактъ *a* объясняется. Онъ объясняется вслѣдствіе восхожденія конечной серіи фактовъ до перваго, составляющаго послѣдствіе нѣкотораго, который не есть фактъ. Это положеніе соотвѣтствуетъ положенію,что естественное предполагаетъ сверхъестественное,— другими словами перваго двигателя, двигающаго, но недвижимаго, п е р в у ю п р и ч и н у. Противъ этой, по моему мнѣнію, убѣдительной аргументаціи Ферри цитуетъ возраженія Ardigo, которыя покоятся на томъ, что безконечное неразличимо что при понятіи о причинѣ и послѣдствіи получается различеніе, но не безусловное, что если отличать ихъ съ точки зрѣнія индивидуальнаго бытія получается a, a′, a″, но можно оставить ихъ неотдѣлимыми и получится A; когда берутся a, a′, a″, — то тѣмъ самымъ приходится возвращаться къ неразличимому, такъ какъ терминъ берется безразлично, какъ причина и послѣдствіе; a′—причина a и послѣдствіе a″. Тоже логическое основаніе соотвѣтствія, по которому a требуетъ a′, основано на другомъ неразличимомъ - безконечномъ, въ которомъ они неразрывно свя-

порціональности, то должно сказать, что непропорціональность являлась бы при механическомъ понятіи сцѣпленія конечныхъ причинъ и слѣдствій, потому что единый и стройный порядокъ мірозданія сводился бы къ взаимодѣйствію слѣпыхъ, частныхъ причинъ. Что касается до безполезности этого понятія первой причины, такъ какъ люди всегда прибѣгаютъ къ ближайшему комплексу причинъ, то точно также, при этихъ условіяхъ, безполезно прибѣгать и къ безконечной серіи причинъ и послѣдствій. Наконецъ, что касается до пытливости человѣческаго ума, спрашивающаго, откуда взялась первая причина, то такая пытливость ничто иное, какъ противорѣчіе въ терминахъ. Можно спорить противъ понятія о первыхъ причинахъ, но нельзя спрашивать о происхожденіи ея отъ какой либо другой причины, такъ какъ въ такомъ случаѣ споръ шелъ бы уже не о первой причинѣ. Наконецъ, отвергать понятіе о первой причинѣ на томъ основаніи, что оно, какъ безусловное условіе, составляетъ противорѣчіе въ терминахъ, тоже недопустимо, такъ какъ это противорѣчіе принадлежитъ не понятію о первой причинѣ, а создается смѣшеніемъ понятія условія и причины, которое оказывается у автора и которое именно ведетъ у него къ созданію безусловнаго условія.

Четвертое положеніе, относящееся къ началу причинности, гласитъ, что и человѣческія воленія—послѣдствія, проистекающія изъ извѣстныхъ причинъ [41]).

зуются и которое составляетъ природу и бытіе. Это аргументація Ardigo представляется мнѣ совершенно безплодной: оно все покоится на невѣрномъ тезисѣ, что безконечное — есть неразличимое въ природѣ. Вмѣсто точнаго математическаго значенія, придаваемаго этому термину, Ardigo оперируетъ произвольнымъ придаваемымъ ему значеніемъ. Далѣе никакого существеннаго различія между конечнымъ и безконечнымъ не оказывается, такъ какъ Ardigo считаетъ возможнымъ одинаково оперировать неразличимымъ относительно к о н е ч н а г о и б е з к о н е ч н а г о. По части обоснованія понятія первой причины см. Чичерина «Наука и религія» гл. VIII стр. 105. «Весь этотъ безконечный рядъ (причинъ и слѣдствій) непремѣнно предполагаетъ безусловную причину его производящую,—ибо условное никогда не могло бы существовать, еслибъ оно не имѣло безусловнаго начала. Это безусловное начало не принадлежитъ къ числу явленій, а потому и не начинаетъ дѣйствовать во времени, но вѣчно пребываетъ и дѣйствуетъ, проявляясь въ безконечномъ рядѣ конечныхъ опредѣленій, связанныхъ закономъ причинности». Любопытно припомнить отношеніе къ идеѣ абсолютнаго Спенсера: относительное, по его мнѣнію, непостижимо, если оно не состоитъ въ отношеніи съ реальнымъ абсолютнымъ; именно въ этомъ случаѣ оно сдѣлалось бы вторымъ абсолютнымъ (Premiers Principes фр. перев. гл. IV стр. 93—103). Очевидно, что это положеніе Спенсера вполнѣ примѣняется къ представленію о цѣпи причинъ и послѣдствій съ отрицаніемъ первой причины. Ср. объ отношеніи позитивистовъ къ понятію безконечнаго Caro, M. Littré et le positivisme 1883 гл. II § 2.

41) Стр. 224. Anche le volizioni umane sano effetti, derivanti da cause.

Авторъ прежде всего обращается противъ положенія, исходящаго отъ понятія свободныхъ и первоначальныхъ причинъ, что человѣкъ составляетъ исключеніе изъ естественнаго закона причинности. Это понятіе свободныхъ причинъ какъ будто допускаетъ причинность и для актовъ воленія, но въ сущности отрицаетъ ее. Далѣе, оперируя понятіемъ свободныхъ причинъ, метафизики облекаютъ лишь свое утвержденіе о свободной волѣ въ иное выраженіе. Вообще въ наше время главные аттрибуты, приписываемые человѣку, въ отличіе отъ иныхъ существъ, сводятся къ происхожденію человѣка, разуму, свободѣ воли. Три упомянутыя мнимыя привиллегіи еще продолжаютъ признаваться не потому, чтобъ онѣ были реальны, а потому, что метафизикѣ остается еще нѣсколько шаговъ до той пропасти, къ которой ее тѣснитъ позитивизмъ [42]). Въ самомъ дѣлѣ новѣйшая наука доказываетъ, что человѣкъ имѣетъ общее происхожденіе со всѣми живыми существами, что разумъ его отличается отъ разума животныхъ не по природѣ, а по степени, соотвѣтственно развитію организма, что наконецъ его способность воленія подобна таковой способности воленія всякаго другаго жителя земли. Нужно считать доказаннымъ, что человѣкъ со всѣми свойственными ему функціями—составляетъ интегральную часть природы и поэтому безусловно подчиненъ законамъ природы [43]).

Возвращаясь къ основному положенію (человѣческія воленія суть послѣдствія, истекающія изъ извѣстныхъ причинъ), Ферри разбираетъ по этому поводу положеніе Кузена, что превыше отдѣльныхъ воленій есть воля, первоначальная причина, достаточная для себя самой, причина, которая не есть послѣдствіе. Противъ этого авторъ утверждаетъ, что воли, какъ отдѣльной способности не существуетъ, воля единственно отвлеченіе отъ отдѣльныхъ актовъ, обладающихъ общимъ характеромъ импульсивности. Согласно позитивной психологіи, нѣтъ воли, а есть только отдѣльные психическіе акты, какъ нѣтъ души, а есть только отдѣльные психическіе акты, воспоминаніе о которыхъ даетъ понятіе о душѣ, сверхъ того противъ положенія Кузена прямо говоритъ безконечная цѣпь причинъ и послѣдствій, которая, по мнѣнію автора, непререкаемо доказана. Однако, стоя за подчиненіе воли естественному закону причинности, авторъ не хочетъ утверждать, что этотъ законъ проявляется внѣшне одинаковымъ образомъ (colla stessa apparenza) въ различныхъ классахъ тѣлесныхъ явленій; иными сло-

---

[42]) Стр. 224—228.

[43]) Стр. 228—237.

вами, дѣйствіе его всегда одинаково, но манифестація различна. Пусть человѣкъ не подвергается одинаково со всѣмъ неорганическимъ и органическимъ міромъ дѣйствію внѣшнихъ причинъ, онъ все же подчиненъ закону причинности. Этотъ законъ принимаетъ различные виды, соотвѣтствующіе дѣленію всего сущаго на неорганическія, органическія и животныя тѣла, а именно причиненія (causazione) для тѣлъ неорганическихъ, возбужденія (eccitazione) для растеній, и мотивацiи (motivazione) для животныхъ, каковой видъ причинности достигаетъ высшей степени въ человѣкѣ.

Дѣйствіе причинности обнаруживается однимъ образомъ въ области минераловъ, иначе въ царствѣ растеній, иначе въ царствѣ животныхъ: въ первомъ случаѣ дѣйствіе его проще и очевиднѣе, чѣмъ въ двухъ послѣднихъ; въ человѣкѣ оно даже принимаетъ характеръ таинственности, тѣмъ не менѣе дѣйствіе причинности въ существѣ единое, различіе проявленій ея принадлежитъ нашей мысли, «не существуя въ реальности вещей, какъ естественная граница разныхъ порядковъ фактовъ» [44]).

Положеніе автора, что и человѣческія воленія являются послѣдствіемъ извѣстныхъ причинъ, путемъ котораго авторъ намѣревается поддержать свою теорію фатализма, не ведетъ къ предположенной цѣли. Согласно сдѣланнаго мною въ началѣ опредѣленія, нравственная свобода состоитъ въ способности слѣдованія человѣкомъ внушеніямъ своего разума, отклоняясь отъ котораго человѣкъ отдаетъ себя во власть чувственныхъ побужденій [45]). Такое обоснованіе нравственной свободы нисколько не противорѣчитъ закону причинности, хотя при этомъ не допускается подчиненія человѣческихъ воленій механической причинности и полнѣйшая несвобода ихъ, согласно воззрѣніямъ Ферри. Ссылки на положенія новѣйшей науки въ той общности, какъ ихъ дѣлаетъ Ферри, несправедливы. Въ самомъ дѣлѣ положеніе, что разумъ человѣка различается отъ разума животныхъ не по существу, а по степени, что воленія человѣка подобны воленіямъ всякаго другаго живаго существа, это общія мѣста, на которыя нельзя ссылаться какъ на аксіомы, не приводя доказательствъ [46]).

---

[44]) Стр. 238—240.

[45]) Ср. книгу Luigi Ferri, профессора философіи римскаго университета (однофамильца нашего автора) La Psychologie de l'association. «L'activité ne devient la volonté et ne se développe comme telle, qu'a la condition d'être determinée par l'intelligence et de pouvoir l'être. Sa loi propre, celle qui lui permet de s'appeller libre, est la loi de l'entendement et non celle de la sensibilité (стр. 275). [46]) Luigi Ferri въ названномъ сочиненіи

Что касается до утвержденія относительно существованія единственно воленій, а не способности воли въ человѣкѣ, то это хо-

---

слѣдующимъ образомъ показываетъ различіе точекъ зрѣнія механической и динамической на вопросъ объ отношеніи природы животныхъ къ природѣ человѣка: Embrassez les deux côtés de l'être humain, considérez cette partie de la vie, par laquelle il est enchaîné a la succession des sensations et a la série automatique des images, confiés á sa mémoire, mais distinguez aussi cette énergie par laquelle il s'en détache, se concentre en lui même, supperpose... les catégories de la pensée a celles de la nature extérieure pour dominer les phenoménes», les reconstruire et les élever a la forme ideale de l'universel, et il vous faudra avouer que la diversité de ses deux états de son énergie est si profonde, que l'homme ne serait pas ce quil est, s'il n'y avait en lui une faculté capable de franchir la distance qui les sépare. Nous avons cette faculté, l'animal ne lapas. Nous pouvons nous détacher du phénomene sensible, nous éléver par l'application des lois de la pensée a l'universel, a l'absolu, l'animal ne le peut pas. Nous pouvons reflechir sur les causes, nous rendre libres par le pensée et la verité: l'animal ne peut rien faire de tout cela. Достойно вниманія, что весьма мѣткая аргументація противъ упраздненія существеннаго различія между человѣкомъ и животнымъ принадлежитъ Diderot, пришедшаго отъ чисто матеріалистическаго міровоззрѣнія къ реакціи противъ матеріализма Гельвеція. См. анализъ его Refutation de l'ouvrage d'Helvetius, intitulé Homme въ статьѣ Paul Jannet «Le dernier mot d'un philosophe (Les Maitres de la pensée moderne, 1883), по поводу послѣдняго изданія сочиненія Diderot. По части отсутствія существеннаго различія разума человѣка и другихъ животныхъ поучительны слова такого ученаго, какъ Вирховъ. Упрекнувъ Naegeli за его требованіе распространенія духовной области на весь органическій міръ, требованіе, приводящее къ тому, что ощущаетъ и мыслитъ клѣточка, ненавидятъ или любятъ атомы, указавъ далѣе, что онъ не имѣетъ ничего противъ того, чтобы атомы углерода обладали разумомъ или пріобрѣтали таковой при сочетаніи ихъ съ Plastidul—Genossenschaft, но рѣшительно не знаетъ, изъ чего можно познать все это, Вирховъ формулируетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: «Für uns ist zweifel los die ganze Summe psychischer Erscheinungen an bestimmte Thiere, nicht an die Gesammtheit aller organischen Wesen, ja nicht eimal an alle Thiere überhaupt geknüpft—das behaupte Ich ohne Anstand. Wir haben keinen Grund jetzt schon davon zu sprechen, dass die niedrigsten Thiere psychische Eigenschaften besässen; wir finden dieselben nur bei den höheren und ganz bestimmt nur bei den höchsten (Die Freiheit der Wissenschaft im modernen Staat. 1877 стр. 21-я). Радикальная мысль относительно различія человѣка отъ другихъ животныхъ лишь по степени психическаго развитія выразилась между прочимъ въ фантастическихъ построеніяхъ животныхъ государствъ; обстоятельную критику, хорошо показывающую шаткость этой идеи см. у Wundt'a, Essays, Die Thierpsychologie. Перенесеніе представленія о человѣческомъ обществѣ на животное, Вундтъ называетъ однимъ изъ идоловъ разума, которыхъ Бэконъ совѣтовалъ разрушать, дурной аналогіей. Все сходство человѣческихъ и животныхъ государствъ ограничивается общею жизнью. «Въ зоологіи терминъ: животныя государства или колоніи, означаетъ единственно соединеніе недѣлимыхъ съ извѣстнымъ, чисто физіологическимъ раздѣленіемъ труда. Въ этомъ смыслѣ всякій животный или растительный недѣлимый, состоящій изъ болѣе простыхъ единицъ, клѣточекъ или системъ клѣточекъ, можетъ быть названъ государствомъ (стр. 156—157).

дячее положеніе позивитизма ничѣмъ достаточно не обосновывается. Утверждая наличность однихъ отдѣльныхъ воленій, авторъ забываетъ, однако, что онъ самъ не разъ ссылается на характеръ человѣка. Что же такое, однако, характеръ человѣка, какъ не постоянная его психическая основа, опредѣляемая волей, путемъ избранныхъ ею правилъ и нормъ помышленія и поведенія. Допуская единственно отдѣльныя воленія, не предполагающія постояннаго виртуальнаго источника, авторъ допускаетъ игру слѣпыхъ явленій, непрестанную смѣну лишенныхъ корня хотѣній. Въ этомъ вопросѣ, какъ и постоянно, авторъ исходитъ отъ предположенія объ иллюзіи. Мы говоримъ о волѣ, по мнѣнію Ферри, только потому, что отъ отдѣльныхъ воленій отвлекается общій характеръ импульсивности, но недостаточно сослаться на импульсивность, слѣдовало бы опредѣлить, откуда берется она и что это за явленіе? Авторъ ограничивается тѣмъ, что импульсивность приписывается идеямъ. Но если ограничиваться однимъ понятіемъ импульсивности, то представляется необъяснимымъ, почему человѣкъ реагируетъ на идеи, анализируетъ ихъ, сопротивляется имъ и полагаетъ рѣшеніе, въ силу котораго онъ можетъ совершенно устранить дѣятельность, внушаемую идеей. Такой актъ, очевидно, не можетъ объясняться импульсивностью идей; импульсивно, т. е. не находя отпора, идея дѣйствуетъ на человѣка умственно и нравственно слабаго. Сопротивляясь отдѣльнымъ идеямъ, человѣкъ исходитъ отъ накопленнаго капитала нравственныхъ и умственныхъ понятій. Въ такомъ случаѣ говорятъ о крѣпкой, закаленной волѣ. Непонятно, какимъ образомъ иллюзія, отвлеченіе отъ отдѣльныхъ воленій, могла бы произвести такую сплоченную способность самоопредѣленія, не подчиняющуюся отдѣльнымъ идеямъ или мотивамъ и реагирующую противъ ихъ импульсивности. Разсматриваемый отдѣлъ оканчивается различеніемъ причиненія, возбужденія и мотивацiи; это различеніе, уступка, къ которой Ферри былъ приведенъ силою необходимости, въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ его понятіемъ о причинности, какъ фаталистическомъ принципѣ.

Въ самомъ дѣлѣ одно изъ двухъ: или причинность дѣйствуетъ, какъ законъ желѣзный, одинаковый для всего сущаго; тогда не можетъ быть различія причиненія, возбужденія, мотивацiи, или же существуютъ различныя формы причинности и тогда должно признать различіе механической и психической причинности. Замѣчательны колебанія, въ которыя впадаетъ Ферри при установленіи трехъ формъ закона причинности: по мнѣнію автора, эти формы дѣло нашей мысли и различія въ сущности вещей нѣтъ. Но на стран. 186 разбираемой

книги авторъ, защищая Юма отъ упрека въ отрицаніи закона причинности, настаиваетъ на томъ, что можно знать единственно явленія преемственности, сущности же причинной связи, существа производящей силы метафизики объяснить не могутъ. На стр. 188 Ферри на возраженія противниковъ Юма, что послѣдній не идетъ дальше феномена, упрекаетъ ихъ въ претензіи на знаніе существа причинъ, субстанцій. Наконецъ, на стр. 221, возражая противъ самостоятельности душевныхъ явленій, авторъ говоритъ, что сверхъ факта мы ничего не знаемъ какъ по отношенію къ тяжести и свѣту, такъ и по отношенію къ электричеству и мысли. Далѣе спрашивается, какъ можно называть различеніе видовъ причинности дѣломъ нашей мысли, т. е. чисто субъективнымъ положеніемъ, когда самъ авторъ утверждаетъ, что человѣкъ не подвергается одинаковымъ образомъ съ животными и растеніями дѣйствію причинности? Говоря такимъ образомъ, авторъ, очевидно, уже имѣетъ въ виду не теоріи и не отвлеченія, а реальные факты, доступные опыту и наблюденію.

Наконецъ, авторъ приступаетъ къ обоснованію положенія, что воленія суть послѣдствія, которыя съ необходимостью проистекаютъ изъ причинъ [47]).

Ферри возвращается въ этомъ отдѣлѣ къ различію дѣйствія причинности въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ. Можно признать по мнѣнію Ферри, до извѣстной степени, непропорціональность послѣдствія причинамъ въ органическомъ мірѣ, если ограничивать понятіе пропорціональности матеріальнымъ или внѣшнимъ подобіемъ интенсивности или качества. При этомъ однако не принимаютъ въ разсчетъ другія условія, т. е. конкуррирующія причины. Внѣшняя причина дѣйствуетъ на воленіе при помощи этихъ другихъ причинъ, какъ бы состоящихъ въ запасѣ (immagazinate). Единственное различіе между органическимъ и неорганическимъ міромъ по части пропорціональности причины и послѣдствія—въ томъ, что если въ послѣднемъ послѣдствіе слѣдуетъ за причиной непосредственно, въ органическомъ, гдѣ дѣйствіе причины обусловливается воспринятіемъ мотивовъ, послѣдствіе можетъ явиться и черезъ большой промежутокъ времени. Впрочемъ, правило это небезусловное: и въ мірѣ физическомъ послѣдствіе можетъ быть отсрочено (въ случаяхъ скрытыхъ силъ) и, наоборотъ, въ мірѣ органическомъ—можетъ обнаруживаться немедлен-

---

47) La volizione è un effetto che deriva necessariemente dalle sue cause стр. 241.

но. Вообще понятіе пропорціональности должно пониматься въ томъ смыслѣ, что извѣстныя причины могутъ сопровождаться только извѣстными послѣдствіями, что различнымъ причинамъ должны соотвѣтствовать и различныя послѣдствія. Этого достаточно для отрицанія свободы воли, при принятіи которой слѣдовало бы допустить тождественныя послѣдствія, т. е. воленія, при различіи конкуррирующихъ причинъ и мотивовъ, а при тождествѣ таковыхъ различныя воленія.

Все различіе пропорціональности въ мірѣ механическомъ и мірѣ органическомъ сводится къ тому, что проявленіе пропорціональности въ первомъ очевидно и поддается формулированію, во второмъ же оно осложняется и поэтому формулированію не поддается [48]). Законъ причинности не исключается и тогда, когда дѣйствіе причины не только воспринимается органомъ, но и представляется разуму: начиная отъ внѣшней причины до послѣдняго эффекта, психическаго представленія и воленія, существуетъ неразрывная серія причинъ и послѣдствій, пропорціональныхъ другъ другу. Если психологія не успѣла доказать непосредственно и повсюду пропорціональность причинъ и послѣдствій и въ мірѣ психическомъ, логика требуетъ, чтобы она объясняла это исключительно нашимъ невѣдѣніемъ, такъ природа всегда тождественна, и законъ причинности не терпитъ исключенія.

На основаніи указанныхъ соображеній Ферри считаетъ себя въ правѣ сказать, что при современномъ состояніи науки и человѣческія дѣянія суть послѣдствія, необходимо проистекающія изъ причинъ. При необходимой зависимости, такимъ образомъ, человѣческихъ воленій отъ мотивовъ, какъ ихъ причинъ, отдѣльное воленіе не только не можетъ быть инымъ, чѣмъ оно есть, но и не можетъ проявиться въ иной моментъ, чѣмъ оно проявляется. Я лишь благодаря иллюзіи, могу сказать себѣ: я могу захотѣть сдѣлать то или другое, сегодня или завтра; сдѣлать что нибудь сегодня или завтра зависитъ необходимо отъ мотивовъ, дѣйствующихъ въ разумѣ; при данныхъ физическихъ или психическихъ условіяхъ человѣкъ можетъ дѣйствовать только однимъ, а не другимъ образомъ [49]).

Тезисъ, что воленія суть послѣдствія, которыя съ необходимостью проистекаютъ изъ причинъ, въ сущности ближайшее обоснованіе предъидущаго. При этомъ авторъ снова прибѣгаетъ къ понятію пропор-

---

[48]) Стр. 241—244.
[49]) Стр. 245—249.

ціональности причины и послѣдствія, при чемъ къ анализу этого понятія, даннаго имъ въ одномъ изъ предъидущихъ отдѣловъ, въ сущности не прибавляется ничего существеннаго. За то въ указанномъ отдѣлѣ читатель встрѣчаетъ новыя колебанія. Такъ, допустивъ обнаруживаемую въ психическомъ мірѣ наружную непропорціональность причины и послѣдствія, авторъ объясняетъ это явленіе припятіемъ въ разсчетъ единственно матеріальнаго или внѣшняго подобія. Но спрашивается, становясь на точку зрѣнія автора, что же можетъ существовать для него кромѣ факта, т. е. именно матеріальнаго или внѣшняго явленія? Вѣдь Ферри самъ же сводитъ понятіе закона къ факту, законъ тяготѣнія означаетъ, что предметы падаютъ, потому что падаютъ. Затѣмъ и запасныя причины, вмѣстѣ съ которыми внѣшняя причина дѣйствуетъ на мое воленіе, понятіе, недопустимое съ точки зрѣнія автора. Запасныя причины указываютъ на существованіе причинъ, которыя до поры, до времени не дѣйствуютъ, но обладаютъ способностью дѣйствовать, т. е. на существованіе силъ. Но самъ же Ферри не допускаетъ воли, какъ потенціи и принимаетъ лишь отдѣльныя воленія. Значительной уступкой представляется положеніе Ферри, что если въ мірѣ механическомъ послѣдствіе слѣдуетъ немедленно за причиной, то въ мірѣ органическомъ, гдѣ дѣйствуютъ мотивы, послѣдствіе можетъ быть отсрочено. Правда, сдѣлавъ такую уступку, авторъ беретъ ее тотчасъ назадъ, указывая на возможность отступленія отъ указаннаго правила, какъ въ мірѣ механическомъ, такъ и въ органическомъ. Какъ первоначальное различеніе, такъ и слѣдующее за тѣмъ обобщеніе, распространяющее понятіе отсрочки послѣдствія на міръ механическій, въ явномъ противурѣчіи съ прежде высказанными положеніями автора. Такъ на стр. 191—192, полемизируя съ Galuppi относительно понятія свободныхъ причинъ, авторъ утверждаетъ, что разъ дана причина, появленіе послѣдствія и притомъ опредѣленнаго послѣдствія фатально. Если же возможна отсрочка послѣдствія, то очевидно дѣйствіе причины не будетъ фатально, далѣе несомнѣнно, что отсроченное послѣдствіе можетъ и не быть тождественнымъ съ тѣмъ, которое наступило бы при отсутствіи отсрочки. Подъ вліяніемъ обиды человѣкъ, можетъ, быть нанесъ бы обидчику увѣчье, сдержавшись и смиривъ первоначально раздраженіе, онъ черезъ нѣсколько дней можетъ предпочесть самораспрaвѣ жалобу въ судъ. Гдѣ же фатальное дѣйствіе причины, ведущее къ неизмѣнному послѣдствію?

Выводъ автора, что свобода воли противурѣчитъ положенію, что извѣстныя причины производятъ только извѣстныя послѣдствія—petitio

principii. Слѣдуетъ обратить вниманіе на ссылку автора на логику относительно необходимости признанія пропорціональности причинъ и послѣдствій въ органической и неорганической области. Логика отнюдь не требуетъ безразличнаго объясненія неизвѣстнаго понятіемъ объ извѣстномъ; мы можемъ руководиться этимъ требованіемъ при направленіи нашего изслѣдованія, оно можетъ нѣкоторымъ образомъ служить намъ руководителемъ, идти же дальше этого, значитъ вносить въ науку произволъ. Ссылка автора на логику характеристична: неоднократно Ферри и писатели одного съ нимъ направленія возстаютъ противъ злоупотребленія формальной логикой, подставляемаго на мѣсто опытнаго изслѣдованія. Въ указанномъ же мѣстѣ ссылка, притомъ неправильная, на логику, указываетъ на трудность защиты тезиса автора. Самая ссылка характеристична для всего направленія антрополого-позитивной школы: она постоянно стремится къ однообразному объясненію всѣхъ явленій съ чисто матеріалистической точки зрѣнія, руководствуясь абстрактнымъ принципомъ тождества и не заботясь о томъ, что логика знаетъ принципъ двойственности, различенія.

Съ цѣлью поддержать свое положеніе, что воленія—необходимыя послѣдствія извѣстныхъ причинъ, Ферри обращается къ опроверженію Миллевскаго различенія необходимости въ смыслѣ непреодолимости или неизбѣжности, и необходимости въ смыслѣ связи преемственности, путемъ котораго Милль въ своей Логикѣ приходитъ къ тому, что зависимость воли отъ мотивовъ не приводитъ къ фатализму, такъ какъ дѣйствіе извѣстныхъ мотивовъ непредставляется безусловнымъ въ смыслѣ устраненія всякихъ другихъ мотивовъ. Ферри противъ этого положенія заявляетъ, что при наличности причины наступленіе послѣдствія во всѣхъ случаяхъ одинаково неизбѣжно, лишь обращая вниманіе исключительно на одну причину и упуская изъ виду комплексъ причинъ, можно говорить о болѣе или менѣе неизбѣжныхъ причинахъ. Не останавливаясь на подробностяхъ аргументаціи Ферри противъ Милля, и проводимыхъ послѣднимъ примѣровъ (смерть отъ голода или недостатка воздуха неизбѣжна, смерть же отъ яда не неизбѣжна вслѣдствіе возможности дачи противоядія), укажу на замѣчаніе Ферри, что въ послѣднемъ случаѣ неприкосновенность жизни является послѣдствіемъ двухъ причинъ: яда и противуядія, точно также, какъ отдѣльное воленіе необходимое послѣдствіе даннаго порядка мотивовъ въ связи съ серіей иныхъ мотивовъ. Вообще останавливаясь на отношеніи мотивовъ къ воленію, авторъ повторяетъ уже прежде выставленное положеніе: нельзя приписывать извѣстной причинѣ безусловной возможности произведенія любаго

эффекта; лишь произведенное послѣдствіе неизбѣжно производится причиной. Такъ мотивъ обязанности не будетъ непремѣнно для извѣстнаго лица мотивомъ героическаго дѣянія, но можетъ быть достаточнымъ основаніемъ для нравственнаго поступка: по отношенію къ таковому онъ составитъ необходимую причину. Если же къ этому мотиву прибавится мотивъ любви, то эти два слитые мотива могутъ произвести героическій поступокъ. Мотивъ обязанности самъ по себѣ не можетъ считаться причиной героическаго поступка, но таковой поступокъ съ необходимостью проистекаетъ изъ мотива обязанности и мотива любви, какъ послѣдствіе «неприкосновенности жизни съ необходимостью проистекаетъ отъ яда въ связи съ противуядіемъ» [50]).

Отъ критики Милля Ферри переходитъ къ вліянію воли на теченіе мыслей. Приведя мнѣніе Шопенгауэра, что человѣкъ способенъ произвольно вызывать мотивы и ставить ихъ передъ трибуналомъ своей собственной воли, (за что нѣмецкому философу дѣлается строгій выговоръ въ противурѣчіи съ собственными положеніями о несвободѣ воли), авторъ заявляетъ, что разъ признано господство причинности въ мірѣ психическомъ, нельзя допускать господства человѣка надъ ходомъ своего мышленія. Далѣе господству человѣка надъ мышленіемъ противятся законъ ассоціаціи, господствующій въ области мысли, а равно зависимость мысли отъ условій времени и мѣста, отъ унаслѣдованныхъ особенностей, отъ индивидуальнаго развитія нервныхъ центровъ [51]).

Споръ Ферри съ Миллемъ представляется чрезвычайно любопытнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ это не разъ было указано, Милль дѣлаетъ невѣрное различеніе двухъ видовъ механической причинности; въ этомъ отношеніи Ферри было легко на примѣрахъ, приводимыхъ Миллемъ, опровергнуть англійскаго мыслителя. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что прибѣгая къ невѣрной аргументаціи, Милль исходилъ отъ вѣрнаго основнаго представленія, что мотивамъ нельзя приписывать непреодолимой силы надъ воленіемъ, иначе, что дѣйствіе мотивовъ не отмѣняетъ самодѣятельности воли [52]). Для Ферри было конечно, существенно опровергнуть это мнѣніе. Но нельзя сказать, чтобъ опроверженіе удалось ему. Пока дѣло шло о

---

[50]) Стр. 256—259.

[51]) Стр. 261—263.

[52]) См. Система логики русск. пер., кн. VI. О логикѣ нравственныхъ наукъ, гл. II-я. О свободѣ и необходимости, стр. 406—415-я.

демонстраціи, что полагать различіе, подобно Миллю, между смертью отъ яда и смертью отъ голода нельзя, аргументація Ферри совершенно вѣрная. Но утвержденіе, что въ случаѣ дачи противуядія,— причиной, вслѣдствіе которой не воспослѣдовала смерть, является дача яда и противуядіе, странное заблужденіе. Здѣсь хорошо видно, какъ автору пришлось прибѣгать къ натяжкамъ, ради доказательства несвободы воли отъ мотивовъ. Вѣдь очевидно, если послѣ дачи яда дано достаточное противуядіе и человѣкъ остался въ живыхъ, то, значитъ, ядъ былъ парализованъ противуядіемъ и все равно какъ бы никогда не былъ введенъ въ организмъ. Вслѣдствіе паралиціи яда человѣкъ остался живымъ; но разъ дѣйствіе яда было упразднено, то нельзя и говорить, что человѣкъ остался живымъ вслѣдствіе яда и противуядія, а единственно въ силу противуядія. Въ алгебрѣ плюсъ (ядъ) и минусъ (противуядіе) даютъ минусъ. По мнѣнію же Ферри получается плюсъ минусъ. Согласно аргументаціи Ферри, если бы отравленный человѣкъ, которому дали противуядіе умеръ, то онъ умеръ бы не отъ яда, а отъ яда и противуядія. Въ разматриваемомъ мѣстѣ для опроверженія Милля потребовалось понятіе достаточной причины, т. е. совокупности условій., Въ подтвержденіе своей мысли авторъ беретъ примѣръ сочетанія мотива обязанности и мотива любви и чрезвычайно произвольно оперируетъ ими. Такъ мотивъ обязанности у извѣстнаго лица произведетъ добродѣтельный поступокъ; въ связи же съ мотивомъ любви, тотъ же мотивъ произведетъ героическій проступокъ. Въ обоихъ случаяхъ послѣдствіе будетъ необходимо и неизбѣжно. Но почему же мотивъ обязанности можетъ произвести героическій поступокъ лишь въ связи съ мотивомъ любви, а не самъ по себѣ? Это можно единственно объяснить только тогда, когда имѣется въ виду извѣстное лицо, такъ или иначе, относящееся къ тому или другому мотиву. Но тогда дѣло не въ томъ, есть ли одинъ или два мотива, а дѣло въ свойствѣ воли и помышленіи извѣстнаго лица. Можно съ равнымъ правомъ взять примѣръ, гдѣ лицо въ виду наличности мотива обязанности и мотива любви, жертвуетъ своей обязанностью своему чувству и совершаетъ безчестный поступокъ; мотиву чувства будетъ данъ перевѣсъ надъ мотивомъ обязанности. Если же слѣдовать Ферри, то придется сказать, что мотивъ обязанности вмѣстѣ съ мотивомъ любви произвели общими силами поступокъ безчестный, противный обязанности.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ останавливается на анализѣ мышленія. Первый и единственный элементъ человѣческаго разума—ощущеніе; идея—только абстракція общаго отъ различныхъ порядковъ ощу-

щенія, такъ понятіе о красномъ цвѣтѣ—отвлеченное воспоминаніе о цвѣтѣ, общее безконечной серіи предметовъ производившихъ цвѣтовыя ощущенія на рядъ поколѣній. Понятіе причины, силы времени, тоже отвлеченіе общаго отъ безконечнаго количества послѣдовательныхъ феноменовъ. Основаніемъ мышленія служитъ законъ ассоціаціи, который регулируется принципомъ причинности (нашъ разумъ всегда спрашиваетъ почему, исходя отъ причинности). Такимъ образомъ процессъ ассоціаціи исключаетъ всякую свободу воленія. Возникновеніе идеи, влекущей за собою ассоціированныя съ нею представленія, всегда и безусловно зависятъ отъ достаточнаго основанія. Доказательствомъ несвободы мышленія служатъ открытія Архимеда, Ньютона, Леверрье; при зависимости мышленія отъ нашей воли, всякій одаренный сильнымъ умомъ и стремящійся открыть философскій и естественный законъ, непремѣнно могъ бы исполнить свое желаніе. Мы не всегда находимъ возраженіе когда это нужно,—оно раждается въ нашемъ мозгу помимо нашей воли. Послѣдніе выводы мысли, независя отъ воли, являются необходимымъ послѣдствіемъ предшествующей мысли. Кто не знаетъ, что память не подчинена волѣ, мы не можемъ иногда припомнить чего либо, при сильнѣйшемъ желаніи, точно также не можемъ позабыть чего нибудь, какъ бы не хотѣлось этого. Указанные факты свидѣтельствуютъ о безсиліи воли надъ психической жизнью, которое объясняется очень просто: отдѣльное воленіе есть только физіологическая импульсивность, свойственная всякому психическому представленію, актъ воленія слѣдуетъ за психическимъ актомъ: поэтому онъ направлять его не можетъ, такъ какъ послѣдующее безсильно надъ предъидущимъ. При этомъ Ферри старается обезсилить возраженіе, что если актъ воленія слѣдуетъ за первоначальной мыслью,—то все же онъ предшествуетъ дальнѣйшей и способенъ направлять таковую, ссылаясь на очевидное свидѣтельство фактовъ. Но вмѣсто фактовъ приводятся лишь заявленія Спенсера, Бастіана, Молешотта о безсиліи воли надъ мыслью. Ферри отрицаетъ возможность усилія воли даже по части вниманія: при сильномъ впечатлѣніи мы невольно сосредоточиваемся на немъ; наше сознаніе, испытывая сильное впечатлѣніе, впадаетъ въ иллюзію, что наше вниманіе предшествовало впечатлѣнію и было добровольное [53]).

Аргументація Ферри противъ нравственной свободы, основанная на

---

[53]) 263—273.

теоріи ассоціаціи, вызываетъ слѣдующія возраженія. Авторъ здѣсь вскользь затрогиваетъ важнѣйшіе вопросы, признаетъ теорію ассоціаціи несомнѣнно доказанною и игнорируетъ существенныя возраженія, выставленныя противъ нея въ послѣднее время его ученымъ однофамильцемъ Луиджи Ферри, а также Вундтомъ относительно неспособности объяснить высшіе процессы психической жизни принципомъ ассоціаціи [54]). Не имѣя возможности входить въ оцѣнку теоріи ассоціаціи, что завело бы меня слишкомъ далеко, укажу только на утверж-

---

[54]) Въ своемъ трудѣ La Psychologie de l'association Луиджи Ферри разбираетъ теорію ассоціаціи въ преемственномъ развитіи ея у Юма, Гартлея, Милля, Бэна, Спенсера. Въ части II-й (Appreciation générale et conclusions) Ферри показываетъ, что теорія ассоціаціи должна ограничиваться ощущеніемъ и чувственнымъ феноменомъ, не имѣя возможности даже въ этой области создать единство феноменальнаго предмета безъ помощи синтеза. Объяснить же единство сужденія, умственную перцепцію въ отличіе отъ чувственной, единство и энергію сознанія, волю и свободу ея опредѣленія—теорія ассоціаціи безсильна. Вундтъ различаетъ при изученіи феноменовъ сознанія двѣ точки зрѣнія: можно разсматривать ихъ въ зависимости отъ организма, въ этомъ случаѣ они подлежатъ психофизическому изслѣдованію, или же въ зависимости отъ дѣятельности разума, и тогда приходится становиться на точку зрѣнія собственно психологическую. Психическіе феномены зависятъ отъ ощущеній и мозга съ одной, отъ мышленія съ другой стороны. Ни одинъ изъ феноменовъ духа не является либо чисто физіологическимъ, либо чисто психическимъ. Такъ несмотря на то, что ассоціація представленій является функціей органической, наша мысль путемъ вниманія можетъ измѣнить серію ассоціативныхъ представленій. Впрочемъ роль мышленія бываетъ болѣе или менѣе значительная; въ произведеніи психо-физическихъ феноменовъ (какъ, напримѣръ при воспроизведеніи состояній сознанія) роль его второстепенная; напротивъ въ отвлеченіи, въ обобщеніи, въ сужденіи—роль его преобладающая. Низшія функціи духа управляются законами физическихъ наукъ, законами ассоціаціи. Эти законы относятся къ пассивнымъ феноменамъ духа, указываютъ на комбинацію матеріаловъ добытыхъ внѣшними чувствами. Законы высшихъ функцій духа — законы апперцепціи, активные. Подъ апперцепціей Вундтъ разумѣетъ въ отличіе отъ перцепціи (вступленія представленія въ поле зрѣнія сознанія), введеніе представленія въ зрительный пунктъ сознанія. Такой процессъ тождественъ съ волевымъ дѣйствіемъ. Апперцептивные законы являются всего яснѣе въ явленіяхъ, въ которыхъ надъ ассоціаціями господствуетъ волевая дѣятельность, каковы логическій актъ мышленія, произвольное произведеніе фантазіи, произвольное внѣшнее дѣйствіе. Каждый изъ этихъ апперцептивныхъ актовъ движется въ предѣлахъ, установленныхъ готовыми ассоціаціями, но не эти послѣднія опредѣляютъ волю, а воля, т. е. опредѣленное индивидуальное развитіе личности, переработываетъ чувственный матеріалъ въ новые продукты. Въ силу независимости отъ непосредственно данныхъ чувственныхъ элементовъ сознанія апперцептивный актъ является свободной дѣятельностью; признакъ свободы еще увеличивается творческой природой этой дѣятельности. Законы апперцептивной дѣятельности становятся въ явную противоположность не только съ естественными законами, но и съ подлежащими естественнымъ опредѣленіямъ психологическими ассоціаціями. Поэтому эти законы являются нормами, т. е. правилами, дол-

деніе Ферри, что законъ ассоціаціи мышленія регулируется причинностью. По части этого положенія слѣдуетъ сказать, что если понятіе причинности, какъ это указывалось выше Ферри, есть отвлеченіе общаго отъ множества частныхъ ощущеній, то ассоціація мысли совершалась бы не въ силу причинности, а напротивъ причинность была бы отвлеченіемъ отъ процесса ассоціаціи.

Что касается до частныхъ аргументовъ (независимости отъ нашей воли нахожденія научныхъ законовъ, нахожденія желаннаго возраженія въ данный моментъ), то при всей вѣрности этихъ фактовъ имъ дается невѣрное освѣщеніе. Никакой защитникъ нравственной свободы не придаетъ ей возможности производить измѣненія во внѣ, въ силу одной присущей ей мощи. Нахожденіе какъ научнаго закона, такъ и удачнаго возраженія, не зависитъ, разумѣется, исключительно отъ воли, а отъ таланта, знанія и множество другихъ причинъ. Но должно замѣтить, что если имѣются достаточныя данныя для указанныхъ фактовъ, то сильная энергическая воля въ значительной степени содѣйствуетъ ихъ наступленію. Великія научныя открытія были бы немыслимы при отсутствіи страстнаго научнаго интереса, проникающаго волю изслѣдователя, и побуждающаго его постоянно сосредоточиваться мыслью не искомомъ предметѣ. Сила воли даетъ возможность послѣ долгихъ, тщетныхъ попытокъ отыскивать разрѣшеніе труднаго вопроса, который при слабости воли былъ бы просто отложенъ въ сторону. Если извѣстное возраженіе приходитъ въ голову не сразу, когда мы его ищемъ, а совершенно неожиданно, позднѣе, это незначитъ, что оно явилось помимо насъ, оно все таки результатъ нашей прежней дѣятельной мысли, которую мы сознательно въ силу акта воли направляли въ извѣстномъ направленіи. Такъ ораторъ можетъ долго раздумывать надъ аргументомъ, который ему требуется предъявить на судѣ, и аргументъ приходитъ какъ разъ въ то время, когда его надо выставить. Въ этомъ случаѣ мы, правда, имѣемъ дѣло какъ бы съ результатомъ единственно безсознательной работы мысли; но то, что мы называемъ безсознательной работой есть продолженіе прежней усиленной сознательной работы мышленія и резуль-

---

женствующими дѣйствовать (gültig sein sollen) для извѣстныхъ явленій, хотя эти явленія и не всегда слѣдуютъ имъ (Lachelier вышеуказанная статья стр. 132. Wundt Logik T. II. 4. Von des Logik der Geisteswissenschaften 1 Capitel 3. b. Die Psychologichen Gesetze стр. 508—514. Philosophische Studien 1 B. 2 Heft. Der Begriff der Apperception in der neueren Psychologie von Staude стр. 139—212).

татъ несомнѣнно связывается съ нею [55]). То же должно сказать о памяти: процессъ памяти для насъ не распознаваемъ, можно допустить, что законъ ассоціаціи особенно сильно примѣняется къ ней, но мы актомъ воли можемъ воздѣйствовать на память (забывъ извѣстное имя, стараемся мысленно называть имена подобныя, чтобы вызвать искомое) [56]). Что касается до вниманія, то зависимость его отъ нашей воли есть фактъ, до такой степени очевидный, что для удостовѣренія его достаточно простѣйшаго опыта. Возможность безсознательнаго вниманія этимъ не отрицается, случаи такого рода не исключаютъ обусловленнаго волей вниманія.

III.

За изложеніемъ теоріи причинности, авторъ переходитъ къ изслѣдованію данныхъ статистики, которыя, по его мнѣнію, не составляя непосредственнаго доказательства противъ свободы воли, даютъ однако косвенныя удостовѣренія, блистательно утверждающія заключенія автора, выведенныя изъ закона причинности [57]). Авторъ первоначально пересматриваетъ разныя попытки сочетать свободу воли съ необходимостью человѣческихъ дѣйствій, удостовѣряемою статистикой. Исходя отъ своего произвольнаго опредѣленія свободы, какъ возможности опредѣленія помимо всякаго правила, авторъ безъ труда опро-

---

[55]) По части вопроса о независимости результатовъ умственной работы отъ воли интересно собраніе свидѣтельствъ разныхъ мыслителей о способѣ выработкѣ ими новыхъ идей въ ст. Adolphe Bloch: «L'intelligence est elle en rapport avec le volume du cerveau (Revue d'anthropologie 1885 г. № 4). По Бюффону le genie est l'attention. Ньютонъ такъ поясняетъ свой методъ работы: «Je tiens le sujet de mes recherches devant moi, j'attends que les premieres lueurs commencent a s'ouvrir lentement, et peu à peu jusqu'a se changer en lumiére claire et entiere». Такой способъ Ньютонъ называетъ pensée patiente. Ради разрѣшенія занимавшей его проблеммы Ньютонъ часто оставался сидящимъ въ постели неодѣтымъ и путемъ такого постояннаго мышленія приходилъ къ рѣшенію. (стр. 598—601).

[56]) Wundt Logik T. I. 3. Beziehungen der Association zur Apperception. Вундтъ различаетъ память и воспоминаніе: первая запасъ представленій, удерживаемый памятью въ силу ассоціативныхъ связей; второе — актъ апперцепціи, опредѣляющее, какое представленіе поступаетъ въ зрительный пунктъ сознанія. При этомъ апперцепція бываетъ или пассивная, или активная; первая избираетъ извѣстное представленіе по чувствительной цѣнности его (Gefühlswerth) для сознанія, вторая сама намѣчаетъ, какое представленіе охватывается вниманіемъ стр. 25 и 26 сл.

[57]) Cap. IV. V. I dati della statistica riconfermano la dimostrazione logica, fondata sulla legge di causalità, стр. 316 и сл.

вергаетъ Lampertico, различающаго regolarità (законосообразность) статистическихъ данныхъ отъ necessità, (т. е. неизбѣжности). Противъ Messedalia, утверждающаго, что для объясненія единообразія статистическихъ данныхъ достаточно принять, что люди, хотя и обладая свободой воли, руководствуются одинаковыми мотивами, что свобода есть выборъ, а не капризъ, Ферри заявляетъ, что при представленныхъ имъ доказательствахъ значенія мотивовъ и закона причинности, онъ въ виду заявленія Messedalia въ правѣ отрицать всякую свободу воли. Ферри затѣмъ переходитъ къ критикѣ воззрѣнія Morpurgo. Этотъ статистикъ признаетъ безусловное различіе законовъ физическаго и нравственнаго порядка. Противъ первыхъ сопротивленіе немыслимо. Вторымъ повинуются большія человѣческія группы, но отдѣльныя лица могутъ сопротивляться и дѣйствительно сопротивляются имъ. Ферри противъ Morpurgo прибѣгаетъ къ излюбленному аргументу иллюзіи, ссылаясь на то, что нравственные законы извѣстны намъ менѣе законовъ физическихъ [58]).

Переходя къ обоснованію своего тезиса, — объ удостовѣряемомъ статистикой отсутствіи нравственной свободы, — авторъ заявляетъ, что онъ будетъ оперировать конкретными данными. Въ извѣстной странѣ совершается такое-то количество преступленій, которыя изъ года въ годъ повторяются въ правильной смѣнѣ. Предполагая, что въ будущемъ году будетъ столько-то убійствъ, мы, конечно, не можемъ предсказать несомнѣнно, что Кай будетъ убійцей, Титъ самоубійцей, а Семпроній останется непричастнымъ кровопролитію; но если двое вслѣдствіе непреодолимой необходимости, должны быть виновниками убійства, то невозможность ихъ поименованія зависитъ отъ невозможности опредѣленія индивидуальной организаціи каждаго, склонностей, воспитанія. Допустимъ предположеніе о свободѣ воли? Прійдется признать, что никто изъ трехъ названныхъ лицъ не захочетъ совершить кровопролитія. Однако двое изъ нихъ должны быть убійцами. Если допустить, что одинъ изъ трехъ обладаетъ свободой выбора, то разъ имъ выборъ сдѣланъ, — двое другіе уже выбора не имѣютъ. Выходитъ абсурдъ [59]).

Предшествующая аргументація, заимствованная Ферри у профессора Герцена изъ статьи послѣдняго «Polemica contro lo spiritualismo» въ Rivista Europea 1876 представляетъ хорошій примѣръ со-

---

[58]) Стр. 324—333.
[59]) Стр. 336—337.

фистики. Установивъ извѣстныя посылки, легко было свести положеніе о нравственной свободѣ къ абсурду. Ферри дѣлаетъ слѣдующее искусственное построеніе: то, что случилось, а именно, что двое совершили преступленіе, а третій не совершилъ его, разсматривается какъ нѣчто предопредѣленное. Справедливое положеніе, что разъ А и В совершили преступленіе, фактъ становится неотмѣнимымъ, подмѣняется другимъ, невѣрнымъ, а именно, что А и В были вынуждены фатально совершить преступленіе. Чѣмъ это доказывается? Авторъ, вмѣстѣ съ Герценомъ, говоритъ, что въ случаѣ признанія нравственной свободы никто изъ названныхъ имъ трехъ лицъ (Кай, Титъ, Семпроній) не захочетъ быть виновникомъ убійства.

Но это замѣчаніе—лишено основанія. Допуская нравственную свободу извѣстнаго лица, мы не можемъ сказать опредѣленно, что кто нибудь поступитъ такъ или иначе. Точно также и Ферри утверждаетъ, что не зная всѣхъ мотивовъ, мы не можемъ предсказать дѣйствія человѣка. Значитъ мы не можемъ и сказать, что Кай или Титъ не захотятъ быть убійцей. Далѣе, можно, конечно, предположить, что въ извѣстномъ населеніи нѣсколько человѣкъ не захотятъ быть убійцами. Но нельзя сказать этого о Титѣ, Каѣ, Семпроніѣ, по той простой причинѣ, что прежде чѣмъ они совершили то или другое дѣяніе, мы, не зная объ ихъ дѣятельности, совершившейся лишь въ послѣдствіи,—разумѣется, не можемъ разсуждать, захотятъ ли они совершить преступленіе или воздержаться отъ него.

Далѣе Ферри говоритъ, что разъ одинъ сдѣлалъ выборъ, два другія лица уже не могутъ сдѣлать его. Опять софизмъ: выходитъ такъ, какъ будто Титъ, Семпроній, Кай бросили жребій, кому быть и кому не быть убійцей, и разъ жребій палъ одному, два другіе уже связаны исходомъ рѣшенія. Однако стоитъ только припомнить, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не бываетъ и быть не можетъ. Прежде, чѣмъ Кай сдѣлался убійцей, а Титъ самоубійцей, должно ожидать, что нѣкто, напр., изъ тысячи людей будетъ у б і й ц е й, нѣкто с а м о у б і й ц е й. Когда же Кай дѣйствительно сдѣлался убійцей, а Титъ самоубійцей, то при этомъ ни одинъ изъ нихъ не связывался въ своемъ рѣшеніи рѣшеніемъ другаго, ни одинъ изъ нихъ не думалъ справляться съ процентными статистическими отношеніями. Такимъ образомъ вся аргументація Ферри—ничто иное, какъ продуктъ фантазіи на тему о фаталистической необходимости въ статистикѣ. Она остается таковой, если даже согласиться съ знаменитымъ положеніемъ о бюджетѣ преступленій. Но дѣло въ томъ, что это положеніе, какъ его высказывалъ Кеттле и защищалъ Бокль, уже составляетъ «über-

standener Standpunkt», какъ выражаются нѣмцы. Новѣйшая наука статистики, допуская законосообразность общественныхъ явленій, исправляетъ мысль Кеттле о сказанномъ бюджетѣ преступленій, видитъ въ ней мистическую мысль, противорѣчащую правильному воззрѣнію, по которому неизмѣнность послѣдствій связывается съ неизмѣнностью причинъ, вслѣдствіе чего предсказать извѣстныя послѣдствія можно, лишь предполагая наличность въ будущемъ однихъ и тѣхъ же причинъ Законосообразность является, такимъ образомъ, не въ видѣ неподвижныхъ, а относительно видоизмѣняющихся явленій [60]).

Отъ изложенныхъ соображеній авторъ переходитъ къ вопросу о среднихъ числахъ, которыя, по мнѣнію, защитниковъ нравственной свободы не связываютъ отдѣльнаго недѣлимаго. Этотъ вопросъ, по словамъ Ферри, послѣдняя траншея, куда удаляются индетерминисты. Для разрѣшенія вопроса о совмѣстимости нравственной свободы съ данными статистиками, Ферри считаетъ нужнымъ положить различіе между среднимъ числомъ и общимъ закономъ.

Если среднее число не отмѣняетъ свободы воли, то должно сказать, что законъ, лежащій въ основаніи средняго числа, отмѣняетъ это понятіе. Допустивъ тождество средняго числа съ закономъ, пришлось бы признать, что при наибольшей преступности въ извѣстной странѣ, напр. въ Январѣ, несвобода людей могла бы быть установлена, подъ условіемъ, чтобы всѣ совершали преступленіе въ этомъ мѣсяцѣ. Но явленіе наибольшей преступности въ Январѣ мѣсяцѣ предполагаетъ совершеніе преступленій въ другіе мѣсяцы, совершеніе таковыхъ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Январѣ и воздержаніе, наконецъ, большинства гражданъ отъ преступленій вообще. И такъ для созданія средняго числа требуется три указанные факта. Вслѣдствіе этого кто вообще не совершаетъ преступленія, а равно виновники преступленій, совершаемыхъ не въ Январѣ, одинаково подчиняются статистическому закону и, значитъ, несвободны нравственно [61]).

---

[60]) См. Georg Mayr Die Gesetzmässigkeit im Gesellshaftsleben III Abschnitt Moralstatistik стр. 342. «Школа Кеттле по части движенія преступности во времени является склонною признавать, вмѣстѣ съ ея учителемъ, бюджетизированіе преступленій... Но масса матеріала собраннаго въ новое время статистикой указываетъ на несостоятельность абсолютнаго бюджетизированія преступленій. Абсолютная, предписанная міру мѣра преступности не можетъ быть доказана. Напротивъ весьма значительны колебанія преступности во времени, несмотря на неизмѣнность законодательства».

[61]) Стр. 342.

При такой аргументаціи автору не трудно отдѣлаться отъ замѣчанія Месседаліа, что «для установленія вліянія постоянства общаго результата на отдѣльныхъ лицъ требовалось бы доказать, что въ этомъ результатѣ участвуетъ каждое отдѣльное лицо безъ исключенія, согласно пропорціи, тоже неизмѣнной, т. е. что каждый недѣлимый обладаетъ собственнымъ участіемъ въ преступности. Но этого доказать нельзя». Ферри замѣчаетъ, что онъ уже доказалъ и еще полнѣе докажетъ, что требованіе Месседалія удовлетворяется статистикой. Очевидно числомъ лицъ, которыя будутъ совершать преступленія, опредѣляется число тѣхъ, которые преступленія совершать небудутъ, такъ какъ эти двѣ цифры совпадаютъ, какъ лицо и изнанка матеріи. Кто не совершаетъ преступленія, конкуррируетъ конечно лучшимъ, но все же необходимымъ образомъ въ составленіи средняго числа, свидѣтельствующаго о преступности народа. Значитъ всѣ участвуютъ въ составленіи средняго числа, всѣ повинуются ему, всѣ лишены свободы воли. Въ самомъ дѣлѣ, свобода воли была бы доказана, если бы напр. всѣ вступали въ бракъ отъ Января до Апрѣля, возмущаясь такимъ образомъ противъ общаго закона, по которому большая часть людей, а не всѣ вступаютъ въ это время въ бракъ.

Среднее число указываетъ, что большинство вступаетъ въ бракъ съ Января до Апрѣля, законъ же напротивъ говоритъ, что изъ 100 человѣкъ 70 женятся въ указанный періодъ, остальные 30 въ другіе мѣсяцы. Если признавать свободу воли за однимъ изъ этихъ 30, въ силу того, что онъ не подчинился среднему числу, а женился въ Августѣ, то при этомъ упускается изъ виду, что онъ подчинился закону гласящему, что 30 изъ 100 человѣкъ не вступаютъ въ бракъ отъ Января до Апрѣля. Нельзя утверждать, что статистическій законъ дается среднимъ числомъ: онъ шире средняго числа, составляющаго лишь наиболѣе выдающееся выраженіе закона.

Если принять фальшивую аргументацію, основанную по недостаточномъ понятія о статистическомъ законѣ, нужно придти не къ принятію пассивности и свободы въ каждомъ лицѣ, какъ полагаютъ защитника ограниченной свободы, а къ тому, что извѣстное число субъектовъ (напр. 70 на 100) совершенно пассивна, въ силу подчиненія ихъ среднему числу, извѣстное число другихъ субъектовъ (30 на 100) вполнѣ свободны. Оставаясь послѣдовательнымъ, пришлось бы при указаніи статистики, что 70% извѣстнаго числа преступленій совершается несовершеннолѣтними, а 30% совершается стариками и совершеннолѣтними, наказывать только 30 лицъ въ виду того, что

они будто бы свободны сопротивляться среднему числу и не наказывать несовершеннолѣтнихъ въ виду того, что они подчиняются среднему числу [62]).

Легко видѣть, что вся изложенная аргументація Ферри представляется цѣликомъ, начиная съ исходныхъ точекъ и до конечныхъ выводовъ ея, невѣрной.

Для установленія статистическаго закона, по мнѣнію автора, требуется сложеніе статистическихъ среднихъ, составляющихъ лишь составныя части закона. Такъ 20% лицъ, вступающихъ въ бракъ съ Января до Апрѣля и 30% вступающихъ въ бракъ въ другія мѣсяцы—это два статистическія средніе числа, изъ сочетанія которыхъ образуется законъ. Статистическія средніе не связываютъ отдѣльныхъ лицъ, но статистическій законъ ихъ связываетъ, чѣмъ и упраздняется возможность свободы воли. Прежде всего нужно признать крайне странными эти выводы: если средніе числа указываютъ на единообразія, которому подчиняются частные лица, — то очевидно ихъ нельзя считать отличными отъ закона. Если они входятъ въ общій законъ, то они частные законы,—значитъ различія между статистическимъ закономъ и среднимъ числомъ нѣтъ. По части преступности, наличность статистическаго закона признается авторомъ, когда большинство преступленій совершено въ извѣстномъ мѣсяцѣ, меньшинство въ другіе мѣсяцы и когда большинство гражданъ совсемъ воздержалось отъ преступленія. Такому закону подчиняются и лица непреступныя. Подчиненіе непреступныхъ лицъ закону преступности авторъ объясняетъ тѣмъ, что и они участвуютъ въ средней, указывающей на преступность народа.

Согласно аргументаціи автора приходится сказать: уголовный законъ запрещаетъ такія-то и такія-то дѣянія; 70% населенія не нарушаетъ закона, 30% преступили его;—однако и непреступники участвовали въ нарушеніи уголовнаго закона, участвуя въ составленіи 30% преступнаго населенія, возможныхъ только тогда, когда на лицо 70% непреступниковъ. Ясно, что статистическій законъ сводится къ простѣйшему ариѳметическому закону вычитанія: при наличности ста, чтобъ получить 70, требуется вычесть изъ перваго 30,—чтобъ получить 30, требуется вычесть 70. Но очевидно, что такой законъ ничего не объясняетъ и ничего не доказываетъ, что статистическій законъ долженъ заключаться въ чемъ нибудь дру-

---

62) Стр. 343—345.

гомъ и что найденный Ферри законъ къ свободѣ воли никакого отношенія не имѣетъ. Выводъ аргументаціи—явно абсурдный: не участвующіе въ преступности люди участвуютъ въ законѣ преступности.

Нельзя пройти молчаніемъ замѣчаніе Ферри, что свобода воли была бы доказана, еслибъ напр., всѣ женились бы отъ Января до Апрѣля. Очевидно въ такомъ случаѣ Ферри долженъ признать свободу воли за животными, брачныя сопряженія которыхъ неизмѣнно происходятъ въ опредѣленныя времена года. Наконецъ несостоятельно возраженіе Ферри, что при допущеніи нравственной свободы, несмотря на однообразіе статистическихъ данныхъ, нужно принимать, что 70% преступниковъ вполнѣ не свободны, а 30% вполнѣ свободны, что при совершеніи извѣстнаго преступленія лицами, изъ коихъ 70% несовершеннолѣтнихъ, а 30% совершеннолѣтнихъ и стариковъ, приходилось бы наказывать только послѣднихъ, какъ вполнѣ свободныхъ. Reductio ad absurdum, къ которому прибѣгаетъ авторъ совершенно неудается ему: принявъ, что въ извѣстномъ преступленіи участвуетъ 70% несовершеннолѣтнихъ, а 30% совершеннолѣтнихъ и стариковъ, мы отнюдь не въ правѣ говорить что одни повинуются, а другіе неповинуются среднему числу. Авторъ смѣшиваетъ двѣ вещи: среднее число и процентное отношеніе. Въ его примѣрѣ имѣются сравнительныя процентныя отношенія по части преступности несовершеннолѣтнихъ, съ одной, совершеннолѣтнихъ и стариковъ съ другой стороны. Можно сказать на основаніи приведеннаго примѣра, что старческій возрастъ даетъ меньшій контингентъ, но утверждать, что одинъ возрастъ подчиняется, а другой сопротивляется среднему числу, считая таковымъ 70%, совершенно немыслимо, не нарушая самымъ явнымъ образомъ статистическихъ, твердо установленныхъ терминовъ. Отсюда нельзя и противуполагать полную свободу однихъ и полную пассивность другихъ, что требовалось бы для reductio ad absurdum.

Такимъ образомъ Ферри своего тезиса о выясненіи путемъ статистическихъ данныхъ призрачности нравственной свободы недоказалъ. Попытка Ферри еще разъ показываетъ, что наука нравственной статистики философскаго вопроса о нравственной свободѣ отрицательно разрѣшать не можетъ. Такой выводъ подтверждается цѣлымъ рядомъ сочиненій значительныхъ статистиковъ. Такъ Эттингенъ въ своемъ выдающемся сочиненіи признаетъ на основаніи изслѣдованія нравственной статистики сочетаніе необходимости и свободы человѣческихъ дѣйствій въ высшемъ понятіи нравственнаго міропорядка [63]). Далѣе Георгъ

[63]) Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für die Socialethik, изд. 3-е 1882 г. Schlusserörterung § 84, стр. 795—797. Авторъ объясняетъ законообразность въ кажущихся

Майръ въ своемъ сочиненіи Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben представляетъ образецъ трезвой, осмотрительной научной мысли по обсужденію вопросовъ нравственной статистики посредствомъ свойственнаго ему точнаго установленія задачъ и истинныхъ выводовъ этой науки. Вмѣсто фатализма, господствующаго надъ человѣческими дѣйствіями, является законосообразность въ массовыхъ данныхъ, являются статистическіе законы, которымъ не поддаются чисто нравственные факты, и слѣдовательно нравственная свобода [64]).

То же относительное понятіе о статистической законосообразности, не затрогивающей человѣческой свободы, находимъ выраженнымъ чрезвычайно ясно у Дробиша, указывающаго, что постоянная законосообразность въ кажущихся произвольныхъ дѣйствіяхъ коренится не въ законѣ, требующемъ непремѣннаго исполненія и предшествующемъ отдѣльнымъ воленіямъ, а сама является послѣдствіемъ относительно постоянныхъ, но не неизмѣнныхъ отношеній и совокупно дѣйствующихъ причинъ, подлѣ которыхъ существуютъ безконечно иныя, видоизмѣняемыя причины, не подходящія подъ общее правило [65]).

произвольныхъ дѣйствіяхъ четырьмя общими законами: Continuität, Motivität, Tenacität, и Sensibilität въ нравственномъ движеніи жизни. Но эти законы не дѣйствуютъ фатальнымъ образомъ: въ исторіи осуществляются традиціонныя нормы, въ которыхъ выражается способность человѣка къ нравственной свободѣ, въ противуположность естественнымъ организмамъ и животнымъ группамъ. Изъ существованія этихъ нормъ вытекаетъ законъ Normativität (leges normativae), истинный нравственный законъ. Всякій нормативный законъ былъ бы абсурдомъ при недопущеніи нравственной свободы; онъ обращается къ человѣку не съ абсолютной неизбѣжностью выполненія требованія, а является закономъ произволенія (Spontaneität), по которому человѣческія дѣйствія на основаніи внутренней дѣятельности воли слѣдуютъ высшимъ нормамъ.

64) По части недоступности для статистики внутреннихъ фактовъ нравственности см. отд. I-й (Beziehungen der Statistik zum Staate) и отдѣлъ III (Moralstatistik) указаннаго сочиненія. Объявивъ, что «никогда не будетъ статистики нравственной неправды, какъ таковой», Майръ ограничиваетъ область статистическаго наблюденія по части общественныхъ фактовъ нравственнаго характера фактами, получающими отъ уголовнаго законодательства штемпель противуправности (стр. 19-ая).

65) Moralische Statistik und die Willensfreiheit стр. 15 и 19. Цитата взята у Binding'a, Die Normen II Die Freiheit als Voraussetzung der Handlungsfähigkeit im Rechtssinn стр. 20—21. Въ означенномъ мѣстѣ Binding слѣдующимъ образомъ высказывается противъ предопредѣленія отдѣльныхъ дѣйствій статистическимъ «желѣзнымъ» закономъ: Sobald eine constante Summe von Erscheinungen den Grund ihrer Beständigkeit in einem Gesetze finden soll, und die Ursachen der e i n z e l n e n Erscheinungen von jenem Gesetze doch nicht beherscht sind,—sowird eben der Causalzusammenhang zwischen den Ereignissen und dem sie angeblich beherschendem Gesetze durbrochen, es kann also die Summe der Erscheinungen unmöglich auf ein Gesetz zuruckgeführt werden стр. 23).

Таковы воззрѣнія трехъ столь значительныхъ нѣмецкихъ статистиковъ. Какъ далеко отъ этого тонкаго и трезваго научнаго анализа до фатализма Ферри! Точно также и Итальянскіе статистики Месседаліа и Морпурго, цитованные выше Ферри, высказываются за невозможность извлеченія изъ статистическихъ данныхъ законосообразности какого либо рѣшительнаго довода противъ нравственной свободы. Но если противъ этихъ двухъ ученыхъ можно, пожалуй, возразить, что воззрѣнія ихъ въ сферѣ статистики обусловливаются ихъ философскими воззрѣніями (возраженіе это было сдѣлано между прочимъ Эттингену), то особенно существенно по занимающему меня вопросу свидѣтельство Морзелли, детерминиста по міросозерцанію и психіатра по профессіи. Въ извѣстной книгѣ своей «О самоубійствѣ». Морзелли заявляетъ по вопросу о среднихъ статистическихъ числахъ, что утверждать подчиненіе человѣческой совѣсти среднему числу, значитъ утверждать ея подчиненіе проявленіемъ собственной дѣятельности. Цитуя далѣе слова Габелли, что среднія числа не раскрываютъ внутреннихъ фактовъ, отъ которыхъ они отвлекаются, именно потому что они среднія, авторъ свидѣтельствуетъ, что статистическая наука не думаетъ опровергать своими средними числами никакой метафизической идеи: поэтому возможно вѣрить въ статистику и защищать при этомъ свободу воли (Кеттле, Эттингенъ, Гершель, Месседаліа, Морпурго [66]).

Указанными заявленіями поименованныхъ ученыхъ ясно раскрывается значеніе статистическихъ наблюденій и данныхъ, какъ не могущихъ служить оружіемъ противъ принципа нравственной свободы; такой выводъ съ другой стороны подтверждается психологическимъ анализомъ постоянства и однообразія явленій удостовѣряемыхъ статистикой. Въ этомъ отношеніи даровитый Витте на нѣсколькихъ страницахъ, посвященныхъ въ сочиненіи его «О свободѣ воли» уголовной статистикѣ, мастерски опровергаетъ ходячія представленія по этому предмету: указавъ на то, что статистическія данныя не затрогиваютъ внутреннихъ мотивовъ отдѣльныхъ дѣяній, что они оперируютъ лишь надъ отношеніемъ внѣшнихъ условій къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, авторъ слѣдующимъ образомъ высказывается о возраженіяхъ, дѣлаемыхъ на основаніи статистики противъ нравственной свободы. «Преступленіе представляетъ высшую ступень нравственной отверженности. Но

66) Il Suicidio, saggio di statistica morale comparata del Professore E. Morselli. Biblioteca scientifica internazionale Vol. XXI. 1879 г. стр. 27-я.

таковая не послѣдствіе отсутствія свободы, а лишь недостатка положительной свободы. Она—послѣдствіе виновнаго отреченія отъ всякой попытки къ свободѣ, полнѣйшаго подчиненія естественнымъ силамъ (Naturgewalt). Однообразіе средствъ воздѣйствіе, какими природа опредѣляетъ волю, свидѣтельствуетъ лишь о постоянствѣ естественныхъ условій, коимъ подчинилась воля, отказавшись отъ положительной свободы, но нисколько не удостовѣряетъ однородности мотивовъ, по которой это случилось. Нужно всегда имѣть въ виду, что свобода абсолютная и нравственная единственно состоитъ въ способности постановлять рѣшенія, эта же способность въ отдѣльности недоступна никакому внутреннему или внѣшнему опыту. Съ другой стороны рѣшеніе вступаетъ въ область внѣшняго міра и вмѣстѣ съ дѣяніемъ, проявляющимся во внѣ, обусловливается механическими причинами, присущее же явленію измѣненіе происходитъ совершенно механически. Безусловная испорченность преступника является полнѣйшимъ извращеніемъ стройнаго порядка нравственныхъ правилъ, въ силу котораго, вмѣсто безусловно цѣннаго, мотивомъ для воли становится внѣшняя природа. Такой безусловный отказъ отъ воздѣйствія на послѣднюю дѣлаетъ невозможной всякую положительную свободу; но этотъ отказъ проистекаетъ изъ собственной иниціативы злой воли, вслѣдствіе своеобразія которой, всѣ дѣянія субъекта такой воли являются не дѣяніями, а исключительно естественными событіями. Данныя статистики показываютъ единственно, что послѣдствія вины во внѣшнемъ мірѣ, какъ результатъ созданной самимъ виновнымъ зависимости отъ природы, проявляются одинаково, вовсе не удостовѣряя, что воля при созданіи виновнымъ дѣйствія сама зависѣла отъ природы и слѣдовала одинакимъ мотивамъ. Истинно-нравственнымъ, бываютъ лишь дѣянія осуществляющіе добро, какъ предметъ безусловнаго предпочтенія и слѣдованія нормѣ. Но точныя знанія годныя для оцѣнки такихъ дѣяній, лежитъ внѣ статистическаго горизонта... Дѣянія благія кажутся чѣмъ-то обычнымъ и поэтому являются безразличными. Онѣ или возвышаются надъ естественными условіями, тогда для оцѣнки ихъ статистику не достаетъ маштаба, или онѣ состоятъ въ гармоническомъ сочетаніи чувственности и разума, и какъ таковыя легко незамѣчаются. Наконецъ злостныя дѣянія влекутъ за собой опасность, ради предупрежденія которой изслѣдованіе такихъ дѣяній представляется большей необходимостью, чѣмъ подведеніе итога сдѣланнаго добра [67]).

---

[67]) Witte, Über Freiheit des Willens. Bonn 1882 г. 3 Theil, V. Die Freiheit des Willens im Leben der menschlichen Gesellschaft, Statistik der Verbrechen,

IV.

Перехожу къ анализу послѣднихъ 3-хъ главъ шестой, седьмой и восьмой «La Questione del libero arbitrio [68]).

Въ главѣ шестой, озаглавленной «Отрицаніе свободы воли и общественный порядокъ» Ферри возвращается къ аргументу въ пользу свободы воли, гласящему что съ отрицаніемъ ея рушится общественный порядокъ въ силу исчезновенія индивидуальной отвѣтственности.

Противъ этого аргумента авторъ заявляетъ, что у человѣка, при отрицаніи свободы воли, не отнимается разумъ, что животныя обще-

---

стр. 273, 274. Вѣрныя точки зрѣнія на значеніе статистическаго метода при изслѣдованіи преступности находимъ въ солидномъ изслѣдованіи г. Неклюдова, Уголовно-статистическіе этюды 1865 г. Авторъ исходитъ отъ положенія, что философія преступленія (изслѣдованіе данныхъ статистики) имѣетъ предметомъ не изслѣдованіе отношенія преступленія къ нашему духу, т. е. есть ли оно продуктъ безусловной или условной свободы лица, или слѣдствіе неизбѣжнаго рока, а разсмотрѣніе внѣшнихъ условій, при которыхъ произволъ лица, его злая воля «имѣютъ наиболѣе шансовъ къ воплощенію себя во внѣшнемъ мірѣ, наиболѣе наклонности употребить свои духовныя силы и способности на злое дѣло (стр. 300 и 400). Въ указанномъ сочиненіи см. мѣткія возраженія противъ фатализма, внесеннаго въ уголовную статистику Кеттле (стр. 12 и 13), далѣе справедливую и сильную аргументацію противъ положенія Кеттле о томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ извѣстную наклонность къ преступленію, направленную къ выясненію, что это положеніе никогда не можетъ быть подтверждено статистикой, какъ объективной философіей, неимѣющей данныхъ для оцѣнки духа и внутренняго акта и разсматривающей не отдѣльное преступленіе, а родовое понятіе, идею (стр. 33). Ср. также новѣйшее замѣчательное изслѣдованіе: Uso ed abuso della statistica, studio d'Emilio Salpace. Roma 1885 (псевдонимъ извѣстнаго члена Итальянской магистратуры Pascale). Авторъ въ живой и привлекательной формѣ (въ видѣ писемъ къ пріятелю) опровергаетъ на основаніи богатаго матеріала итальянской уголовной статистики фаталистическія воззрѣнія, опирающіяся на единообразіе статистическихъ данныхъ. Siciliani, Socialismo, Darwinismo e Sociologia moderna 1879 г. въ статьѣ L'uomo delinquente, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ значеніе статистическаго закона по отношенію къ волѣ: поразительное единообразіе среднихъ чиселъ указываетъ, очевидно, на силу мотивовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряетъ, что мотивы не имѣютъ фатальнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ статистическія цифры показываютъ, что извѣстные мотивы воздѣйствуютъ на извѣстное только число лицъ (стр. 233).

[68]) Глава IV заканчивается у Ферри отдѣломъ VI, озаглавленнымъ слѣдующимъ образомъ: Le conclusioni della fisiologia riconfermano la inesistenza d'ogni libero arbitrio. Такъ какъ этотъ отдѣлъ почти весь цѣликомъ состоитъ изъ выдержекъ изъ книги Герцена: Analisi fisiologica del liqero arbitrio, переведенной на французскій языкъ Letourneа подъ заглавіемъ« Physiologie des volontes. 1874 г., то не представляется достаточныхъ основаній для разбора его. Глава 5-я, о заглавленная «L'attività umana» посвящена полемикѣ съ ученіемъ о нравственной свободѣ Jouffroi, Seletti, Galuppi, Scolari.

ства обходятся безъ свободы воли, что человѣку доступны мотивы повиновенія закону, наличностью которыхъ общественный порядокъ охраняется несравненно болѣе, чѣмъ при свободѣ, независимой отъ мотивовъ и самопричинной. Наконецъ авторъ разбираетъ возраженіе противъ детерминизма, по которому нравственная свобода — первое условіе свободы политической и гражданской, оговариваясь при этомъ, что онъ не думаетъ отрицать ни воли, ни физической свободы, которой только и требуется для человѣческой дѣятельности. Для послѣдней необходимо, чтобы человѣкъ могъ дѣлать то, что онъ хочетъ дѣлать. Такая возможность — spontaneità (произволъ). Можно назвать дѣйствіе произвольнымъ, когда оно зависитъ отъ воли извѣстнаго лица, хотя и опредѣляемой причинами, но причинами, составляющими интегральную часть лица, а не волею другаго лица. Если мое дѣйствіе опредѣляется индивидуальными причинами, образующими личность каждаго человѣка, тогда дѣйствіе проистекаетъ изъ моей воли, хотя нецесситированной, и тогда оно произвольное [69]).

Такимъ образомъ при отрицаніи свободы воли остается человѣку разумъ, воля, дѣятельность. Всего этого достаточно для всѣхъ видовъ физической свободы, которой человѣкъ можетъ разумно пользоваться. Понятіе права не имѣетъ ничего общаго съ нравственной свободой,—право есть ограниченная физическая свобода, правило человѣческой дѣятельности, соціальной и индивидуальной. Всякій человѣкъ вынуждается дѣйствовать (e necessitato ad agire), но всѣ на одинъ и тотъ же предметъ не могутъ воздѣйствовать своею дѣятельностью, т. е. физической свободой; необходимо, чтобы каждый ограничивалъ свою дѣятельность въ интересахъ другихъ, которые также вынуждены дѣйствовать [70]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Ферри, очевидна, возможность соціальнаго порядка и при отрицаніи нравственной свободы.

Обсуждая аргументацію Ферри въ этомъ отдѣлѣ, можно сказать, что подъ маской spontaneità авторъ проводитъ, какъ будто контрабандой начало нравственной свободы. Подъ spontaneità онъ разумѣетъ внутренія причины, лежащія въ человѣкѣ и обусловливающія его дѣятельность. Стоитъ только поставить вопросъ: зависитъ ли отъ человѣка, при наличности разума, который оставляется Ферри, вліять на созданіе этихъ внутреннихъ причинъ, усиливая однѣ, ослабляя другія, и, при утвердительномъ разрѣшеніи вопроса, мы получаемъ возможность

---

[69]) Стр. 397—406.

[70]) Стр. 408—410.

психической или нравственной свободы. Нужно только сказать, что связывая возможность произвольныхъ дѣйствій съ разумомъ, самъ авторъ впадаетъ съ собою въ противурѣчіе. Вѣдь и разумъ, сообразно развитымъ выше авторомъ положеніямъ, не свободенъ. Такъ авторъ утверждаетъ, что всякая мысль опредѣляется предшествующимъ ходомъ психическихъ представленій, согласно закону ассоціаціи, т. е. причинности, поэтому отъ насъ не зависитъ и направленіе нашей мысли [71]). Значитъ, человѣкъ можетъ руководствоваться лишь вынуждающими его мотивами, значитъ, даже способность человѣка дѣлать, что хочешь, будетъ способность мнимая, иллюзія, человѣкъ будетъ дѣлать не то, что онъ хочетъ, а хочетъ какая-то сзади его стоящая слѣпая сила, слѣпая потому, что никто не можетъ знать всѣхъ мотивовъ, далѣе никто не въ силахъ устранять идущихъ извнѣ ощущеній. Неизвѣстно на какомъ основаніи авторъ свое понятіе произвольности отождествляетъ съ внѣшней невынужденностью, отсутствіемъ внѣшняго принужденія. Внутреннее или внѣшнее принужденіе одинаково нарушаютъ свободную дѣятельность, одинаково устраняютъ понятіе произвольныхъ дѣйствій. Иначе дѣйствительно пришлось бы признать душевно-больныхъ дѣйствующими свободно. Въ самомъ дѣлѣ, если разумъ самъ по себѣ не свободенъ, если затѣмъ внутренней психической свободы нѣтъ, то въ силу чего слѣдуютъ дѣйствія душевно-больныхъ подвергать иной оцѣнкѣ, чѣмъ дѣйствія душевно здоровыхъ [72]).

Глава VII изслѣдованія автора посвящена отрицанію нравственной свободы въ области уголовнаго права. Авторъ указываетъ прежде всего на то, что при отрицаніи нравственной свободы объявляются невозможными, какъ право наказанія, такъ и наука уголовнаго права. Однако при отрицаніи нравственной свободы не устраняется соціальная отвѣтственность отдѣльнаго лица. Похвалы и награды воздаются тому, кто создаетъ дивныя произведенія въ силу единственно естественнаго и оригинальнаго дарованія (solo ingegno naturale e spontaneo), а не тому, для котораго природа была мачихой. Нѣтъ ничего нелогическаго поэтому въ томъ, что общество

---

71) Гл. IV, стр. 268.

72) Ср. у. Крафтъ Эббинга, Болѣзненныя настроенія души, перев. Чацкина, характеристику состоянія нѣкоторыхъ душевно-больныхъ: душевное разстройство, при отсутствіи безумныхъ идей и обмановъ чувствъ, обусловливается тѣмъ, что въ связи съ болѣзненнымъ настроеніемъ, доступъ къ сознанію получаютъ лишь представленія, однородныя съ этимъ настроеніемъ; такое состояніе авторъ признаетъ самымъ неотразимымъ насиліемъ, насиліемъ внутреннимъ, имѣющимъ органическую почву (стр. 18 и 45-ая).

заставляетъ преступника платиться за свои дѣйствія. Это тяжкая необходимость, которой общество должно подчиняться и вина за которую на общество падать не можетъ. Такія послѣдствія, какъ наказуемость несвободнаго преступника, представляются абсурдными лишь вслѣдствіе привычки къ иллюзіи свободы воли; если же бы люди съ самаго начала сознавали, что нравственной свободы нѣтъ,—имъ показались бы дикими выводы, дѣлаемыя изъ принципа свободы [73]).

Въ опроверженіе тезиса о невозможности уголовнаго права при отрицаніи нравственной свободы авторъ ссылается на то, что человѣкъ одинаково обращается съ себѣ подобными, коимъ присвоивается свобода, и съ животными, относительно которыхъ свобода отрицается. Человѣкъ налагаетъ наказанія на животныхъ, а равно даетъ имъ награды. По поводу этого авторъ разсказываетъ анекдотъ относительно исправленія собаки, имѣвшей дурную привычку торчать въ столовой во время обѣда: хозяинъ этой собаки придумалъ нѣсколько разъ побить ее, въ то время, когда столъ накрывался скатертью, и собака была исправлена. «Законодатель, издавая уголовный кодексъ, дѣйствуетъ не иначе, какъ указанный оригиналъ. Въ самомъ дѣлѣ, гражданинъ, испытывая, что каждой изъ уголовныхъ угрозъ, соотвѣтствуетъ примѣненіе мучительнаго наказанія, воздерживается отъ мысли о преступленіи... при мысли объ уголовной санкціи». Но если, несмотря на угрозу закона кто нибудь совершаетъ преступленіе, то это свидѣтельствуетъ о наличности мотива, болѣе сильнаго и непредвидѣннаго законодателемъ. Самыя преступленія совершаемыя наперекоръ закону, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи свободы, объ опредѣляемости человѣка наиболѣе сильнымъ мотивомъ. Правда, страхъ наказанія, присоединяясь къ сдержкамъ религіи, къ предписаніямъ морали, къ чувству собственнаго достоинства, будетъ въ видѣ общаго правила преобладать надъ мотивами ко злу; но никакой законодатель не въ состояніи будетъ разсчитывать на совершенное исчезновеніе преступленій, такъ какъ неразумно сопротивляться необходимости вещей [74]).

Далѣе авторъ спрашиваетъ, какое оправдательное основаніе приводится криминалистами современной итальянской школы, для карательной дѣятельности общества? Единственно юридическая необходимость, выводимая изъ необходимости государственнаго общежитія, не-

---

[73]) Стр. 413—416.
[74]) Стр. 419—418.

обходящагося безъ законовъ, дѣйствіе которыхъ гарантируется карательной санкціей. Если карательная власть оправдывается необходимостью верховнаго юридическаго порядка, то при отрицаніи свободы воли, предполагающей нѣчто противуположное идеѣ порядка, способность, независимую отъ закона и порядка, съ гораздо большимъ основаніемъ утверждается карательная власть, такъ какъ именно признается неизбѣжная необходимость самого порядка.

Закономъ борьбы за существованіе достаточно оправдывается карательная власть общества и необходимая оборона честнаго лица. Поэтому признаніе или отрицаніе свободы воли не затрогиваютъ карательную власть государства. Если преступникъ можетъ ссылаться въ свое оправданіе на невозможность воздержаться отъ преступленія, то государство обязано отвѣчать ему, что и оно не свободно не наказывать. «Полная обоюдность и по этому полнѣйшая справедливость». Наказаніе было бы абсурдно тогда, если бы одна изъ двухъ сторонъ (наказываемая или наказывающая) была бы свободна; если же законодатель вынужденъ наказывать, все становится логичнымъ и естественнымъ [75]).

Недовольствуясь такимъ обоснованіемъ права наказанія при отрицаніи нравственной свободы, Ферри пытается доказать, что признаніе оспариваемаго имъ начала должно отнять всякое основаніе у права наказанія. Держась своего произвольнаго представленія о нравственной свободѣ, какъ отчужденности отъ всякаго мотива, авторъ утверждаетъ, что наказаніе, разъ мы признаемъ свободу, будетъ лишено примѣрности, будетъ лишено значенія воздѣйствія на самого преступника и третьяго лица. Напротивъ, при отрицаніи свободы воли, наказаніе становится, согласно опредѣленію Беккаріа, «чувствительнымъ, противуполагаемымъ преступленію мотивомъ». Припоминая замѣчаніе Саго, что при усвоеніи такого характера угрозѣ наказанія, въ сущности предполагается въ будущемъ преступникѣ то, что отрицалось въ его прошедшемъ, а именно сила—дать перевѣсъ добрымъ мотивамъ надъ злыми, авторъ возражаетъ, что мысль о наказаніи, понесенномъ самимъ мыслящимъ лицомъ или другими лицами, необходимо воздѣйствуетъ на волю, безъ всякаго участія свободы. При этомъ Ферри ссылается на заявленія криминалистовъ классической школы, Буччеллати и Каррара о преодолѣніи воли преступника путемъ угрозы и примѣненія наказанія, о динамикѣ противуположныхъ страстей,

---

[75]) Стр. 419—423.

преступной страсти и противуполагаемаго страха наказанія, которой пользуется уголовное, право. Динамика предполагаетъ, замѣчаетъ Ферри «систему законовъ, система законовъ предполагаетъ безусловное послушаніе (obbedienza incontrastata), а безусловное послушаніе было бы невозможнымъ въ нравственномъ мірѣ при свободѣ воли» [76]).

Ферри припоминаетъ далѣе слова Рида, что если награда или наказаніе не составляютъ достаточно сильнаго мотива, чтобъ произвести послушаніе закону, то виновнымъ относительно нарушенія закона должно признать законодателя, а не преступника, машинально вынужденнаго силой мотива. Противъ этого мѣткаго замѣчанія шотландскаго философа, что же отвѣчаетъ Ферри? Преступникъ виновенъ въ томъ, что онъ не послѣдовалъ руководству юридическаго мотива, которому послѣдовали всѣ другіе. Преступникъ отвѣтственъ за индивидуальное свойственное ему: если большинство гражданъ опредѣляется легальнымъ мотивомъ, онъ же наравнѣ съ незначительнымъ меньшинствомъ противится ему, то онъ обязывается отдать отчетъ обществу. Рѣшающее значеніе во всѣхъ этихъ вопросахъ принадлежитъ большинству. Для иллюстраціи своего положенія, авторъ обращается къ усиленной наказуемости рецидивистовъ: рецидивистъ наказывается строже другихъ преступниковъ именно потому, что наказаніе, оказавшееся достаточнымъ для совершившаго однажды преступленія и болѣе не впадавшаго въ преступленіе, является для него недостаточнымъ. Рецидивисты представляютъ меньшинство, относительно котораго преступники не впадающіе въ преступленіе вновь, являются большинствомъ.

Таковъ рядъ попытокъ, выставляемыхъ авторомъ ради обоснованія уголовнаго права путемъ ученія детерминизма. Аргументація автора преимущественно покоится на понятіяхъ необходимости уголовнаго права и чувствительнаго мотива, даваемаго угрозой наказанія. Что касается до перваго понятія, то авторъ упускаетъ изъ виду, что необходимость можетъ быть двоякая: нравственная и физическая. Область второй—внѣшняя природа въ обширномъ смыслѣ, область первой нравственный міръ человѣка. Нравственная необходимость требуетъ должнаго (das Sollen) въ противуположность существующаго. Только на нравственной необходимости и можетъ покоиться уголовное право, ибо, иначе, всякое совершенное, вопреки запрета, преступленіе упраздняло бы его существованіе. Эквива-

---

[76]) Стр. 429—430.

лентомъ отсутствія физической необходимости исполненія закона служитъ санкція наказанія.

Если несмотря на существованіе карательной санкціи наказанія,—преступленія, по мнѣнію самого Ферри, никогда не исчезнутъ, то спрашивается, какъ можно утверждать, что понятіемъ «чувствительнаго мотива» достигается болѣе устойчивое основаніе для уголовнаго права,—чѣмъ понятіемъ о нравственной свободѣ». Самъ Ферри принужденъ допускать существованіе мотивовъ сильнѣйшихъ, чѣмъ мотивъ предстоящаго наказанія, — а такъ какъ по его собственному заявленію вначалѣ его сочиненія, совокупность мотивовъ извѣстнаго дѣйствія не только остается скрытой для лицъ постороннихъ, но и для самаго дѣятеля, то непонятно, чѣмъ оправдывается «бо́льшая устойчивость» понятія чувствительнаго мотива сравнительно съ понятіемъ нравственной свободы. Если же, по мнѣнію Ферри, самое совершеніе преступленій, несмотря на угрозу закона, свидѣтельствуетъ все-таки о нецесситированности человѣческихъ дѣйствій,—то автору приходится выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ угрозы наказанія, какъ чувствительнаго мотива, такъ какъ мотивъ для него неотличается отъ физической причинности, затѣмъ, по его же собственнымъ словамъ, физическая причина дѣйствуетъ всегда неизбѣжно, поэтому причина, уступающая другой причинѣ, по его теоріи уже не причина,—или же автору слѣдуетъ признать, что чувствительный мотивъ угрозы наказаній,не имѣя характера механической причинности, можетъ быть усвоенъ или неусвоенъ человѣческой волей, т. е. придать мотиву характеръ болѣе скромный, недопускающій устраненія понятія нравственной свободы. Въ первомъ случаѣ автору пришлось бы усматривать въ наказаніи одно средство выдѣленія (elimination) преступника путемъ смертной казни или безсрочнаго заключенія, къ чему и приходятъ болѣе послѣдовательные приверженцы антропологопозитивнаго направленія. Ссылка автора на карательныя мѣры относительно животныхъ ярко обнаруживаетъ несостоятельность основнаго тезиса въ связи съ неразборчивостью доводовъ. Сообщая свой анекдотъ о собакѣ и находя, что законъ поступаетъ съ людьми, точно также какъ поступалъ хозяинъ этой собаки, авторъ безцеремонно упускаетъ изъ виду все, что подрываетъ возможность этой паралелли. Хозяинъ бивалъ собаку въ моментъ положенія скатерти на столъ; спрашивается, есть ли что либо подобное въ объявленіи закона о томъ, что извѣстное діяніе, если оно будетъ совершено, повлечетъ за собою извѣстное наказаніе. Аналогія была бы тогда на лицо, если бы напримѣръ, подозрительный человѣкъ при взглядѣ на драго-

цѣнныя вещи, немедленно подвергался наказанію безъ всякаго предварительнаго запрета; но едва ли и самъ авторъ одобритъ такую мѣру.

Что касается до ссылки автора на криминалистовъ Каррара и Бучеллати, то аргументація Ферри и здѣсь, какъ и ранѣе опирается единственно на смѣшеніи нравственной свободы съ полной независимостью отъ закона. Если же подъ нравственной свободой разумѣть способность самоподчиненія воли идеальному мотиву вмѣсто слѣдованія чувственному побужденію,—то допущеніе возможности этой способности нисколько не должно вести къ детерминизму въ смыслѣ ученія Ферри, такъ какъ такое воздѣйствіе идеальнаго мотива будетъ въ сущности согласно съ истиннымъ существомъ человѣческой воли. Если же Ферри въ связи съ понятіемъ динамики, т. е. системы законовъ требуетъ какого-то безусловнаго послушанія, невозможнаго при нравственной свободѣ,—то странно предъявлять такое требованіе, разъ осуществленіе его оказывается недостижимымъ въ практикѣ уголовнаго права, разъ, по словамъ самаго автора, законодатель не можетъ добиться полнаго исчезновенія преступленій. Значитъ понятіе нравственной свободы противурѣчитъ не способу осуществленія нормативныхъ законовъ въ дѣйствительности, а какому-то чисто отвлеченному представленію о дѣйствіи ихъ.

Остается разсмотрѣть полемику автора съ Ридомъ. Положеніе Рида отнюдь не опровергается Ферри, который въ своихъ возраженіяхъ Риду только ясно обнаруживаетъ недостаточность своего критерія наказуемости. Въ самомъ дѣлѣ, по Ферри, вся вина въ индивидуальности преступника, въ томъ, что онъ не слѣдуетъ мотиву, которому слѣдуетъ большинство людей. Но не говоря уже о томъ, — что при уравненіи понятій мотива и причины, изъ коихъ послѣднее характеризуется неизбѣжнымъ произведеніемъ эффекта, Ферри не въ правѣ говоритъ о неповиновеніи мотиву, спрашивается, почему преступникъ долженъ отвѣчать за свою индивидуальность? Вѣдь подъ этимъ терминомъ можно разумѣть единственно его индивидуальный характеръ,—который, согласно фаталистической теоріи Ферри, отъ преступника не зависитъ. Слѣдовательно преступникъ долженъ отвѣчать за отличіе собственнаго характера, въ которомъ онъ неповиненъ, отъ характера большинства другихъ людей, въ которомъ таковые тоже неповинны. Слѣдовательно законодатель обращается къ лицу, имѣющему сдѣлаться преступникомъ, съ мотивомъ чувствительнымъ не для него, а для большинства другихъ людей. Не ясно ли, что соціальная отвѣтственность, какъ она понимается Ферри, представляется крайней несправедливостью, и кри-

терій наказуемости извѣстнаго дѣянія полагается въ отрицательномъ признакѣ, что большинство членовъ общества этого дѣянія не дѣлаетъ. Изъ этого страннаго критерія, слѣдовало бы, что съ умноженіемъ числа преступниковъ виновность и наказуемость каждаго изъ нихъ должна бы уменьшаться. Ферри ищетъ точки опоры своего мнѣнія въ наказуемости рецидивистовъ,—но именно явленіе рецидивы говоритъ весьма сильно противъ избраннаго имъ критерія. Во-первыхъ, начавъ съ противопоставленія меньшинства преступниковъ большинству людей, воздерживающихся отъ преступленія и выводя изъ этого критерій наказуемости вообще, авторъ не имѣетъ права противупоставлять меньшинство — преступниковъ рецидивистовъ, большинству—преступникамъ не рецидивистамъ. Будутъ ли преступники, рецидивисты или не рецидивисты, вопросъ о наказуемости вообще единственно обусловливается, согласно съ исходной точкой автора, различіемъ непреступнаго большинства и преступнаго меньшинства. Но независимо отъ этого соображенія, Ферри упускаетъ изъ виду, что въ извѣстныхъ преступленіяхъ рецидивисты могутъ быть и болѣе многочисленны чѣмъ не рецидивисты, (напримѣръ, при преступленіи кражи, мошенничества). Что дѣлать въ этихъ случаяхъ съ критеріемъ большинства? Этотъ критерій, примѣняемый къ преступникамъ рецидивистамъ по отношенію ихъ къ не рецидивистамъ, долженъ приводить къ тому, что въ тѣхъ случаяхъ гдѣ рецидивисты по своему значительному числу являются особенно угрожающими общественному порядку, они тѣмъ не менѣе должны наказываться слабѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ когда они меньшинство по отношенію къ другимъ преступникамъ.

Послѣдняя восьмая глава изслѣдованія о свободѣ воли посвящена отрицанію нравственной свободы въ связи съ наукой уголовнаго права (La negazione del libero arbitrio e la scienza criminale).

Въ этой главѣ авторъ задается цѣлью показать возможность построенія науки уголовнаго права безъ помощи понятія о нравственной свободѣ. Авторъ и здѣсь повторяетъ нѣсколько разъ высказанное, успокоительное замѣчаніе, что при отрицаніи нравственной свободы у человѣка не отнимается его разума, «возносящаго его превыше всего остальнаго существующаго». Бѣшеная собака убивается безъ околичностей, человѣкъ же судится именно потому, что онъ не животное, а существо одаренное чувствованіями и разумомъ. Въ силу присущаго виновнику преступленія человѣческаго достоинства, его права священны не менѣе правъ общественныхъ, поэтому при наложеніи наказанія должно имѣть въ виду какъ права общества, такъ и

отдѣльнаго лица, дабы не совершить другаго преступленія путемъ полнѣйшаго подавленія послѣднихъ правъ. Поэтому бытіе науки уголовнаго права, и при отрицаніи нравственной свободы, «требуется прерогативной разумнаго существа, присущей человѣку» [77]).

Таковы вступительныя соображенія автора относительно науки уголовнаго права, освобожденной отъ понятія о нравственной свободѣ. Въ этихъ соображеніяхъ читатель признаетъ знакомое ему уже явленіе, вынужденное отступленіе отъ общихъ началъ, выставляемыхъ ранѣе, когда автору приходится высказываться по спеціальному вопросу, самая постановка котораго невозможна при наличности фаталистическаго міровоззрѣнія автора. И въ самомъ дѣлѣ въ главѣ 8-й автору пришлось между грубо-эмпирическимъ объясненіемъ практической дѣятельности государства въ сферѣ уголовнаго права и предпринятой имъ попыткой обоснованія науки уголовнаго права перебросить мостъ, сдѣланный изъ матеріаловъ, ранѣе отвергавшихся. Любопытно сопоставить разсматриваемую главу восьмую съ главой седьмой. Въ главѣ седьмой гдѣ рѣчь шла объ уголовномъ правѣ, какъ практической дѣятельности государства, авторъ не затруднялся приравнивать человѣка къ остальнымъ животнымъ, распространять какъ на него, такъ и на нихъ одинаковыя средства воздѣйствія противъ преступности, наконецъ, уравнивать наказаніе нормальнаго человѣка и заключеніе душевно-больнаго въ manicomio (ст. 415—423). Въ главѣ 8-й—рѣзкая перемѣна: авторъ распространяется о духовныхъ дарахъ человѣка, отличающихъ его отъ животныхъ, настаиваетъ не только на умѣ, но и на чувствованіяхъ, и наконецъ прямо говоритъ о священныхъ правахъ человѣка. Какъ же согласить главу 7-ую и 8-ую? Очевидно при высокомъ значеніи человѣческой личности, при неприкосновенности его правъ, странно рекомендовать законодателю успѣшный пріемъ, придуманный однимъ оригиналомъ, для исправленія своей собаки.

Авторъ уже прямо различаетъ процедуру относительно бѣшеной собаки и относительно преступника. Но и по мимо указаннаго противорѣчія важно отнесеніе къ прерогативамъ человѣка не только разума, но и чувствованія. Признаніе этого существеннаго элемента человѣческаго духа—нововведеніе сравнительно съ предшествующимъ изложеніемъ. Пассивный субъектъ уголовнаго права—преступникъ постепенно представляется болѣе идеализированнымъ. Философія уголовнаго

---

77) Гл. VIII, стр. 445—447.

права, которую авторъ называетъ метафизической, именно признаетъ способность чувствованія, какъ одну изъ главныхъ сторонъ человѣческаго духа, и связываетъ ее съ способностію нравственной свободы, приписываемой человѣку. Воспринятый и переработанный разумомъ, усвоенный чувствованіемъ—м о т и в ъ, данный извнѣ, лишается механическаго своего значенія. Ниже мы увидимъ мастерское опроверженіе, сдѣланное товарищемъ Ферри, по принадлежности къ одному и тому же научному направленію, Гарофало противъ его детерминистической теоріи воли, исходящее отъ признанія самимъ Ферри самостоятельныхъ способностей разума и чувствованія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Ферри, кратко пересматривая важнѣйшіе вопросы науки уголовнаго права, старается показать, что ихъ удовлетворительное разрѣшеніе не только не зависитъ отъ понятія нравственной свободы, но и выигрываетъ отъ отрицанія таковой. Таковы вопросы: о дѣйствіи закона въ пространствѣ и времени, вопросъ объ уголовномъ судѣ, о правѣ наказанія [78]). Коснувшись теоріи права наказанія, авторъ заявляетъ, что при отрицаніи нравственной свободы, карательное право государства опирается на основномъ принципѣ—необходимости защиты, направленной преимущественно на отклоненіе (dissuadere) отъ преступности путемъ устрашительнаго мотива, и регулированной вычисленіемъ преступнаго побуда и карательнаго противупобуда (spinta criminosa e controspinta penale). По поводу этого обоснованія права наказанія, авторъ вступаетъ въ длинную полемику съ защитниками индетерминизма. Разбирая ихъ возраженія, сводящіяся къ тому, что при отрицаніи нравственной свободы приходится либо подвергать одинаково всѣхъ преступниковъ смертной казни или вѣчному заключенію, либо прибѣгать къ не столь безусловнымъ наказаніямъ и подвергать опасности юридическій порядокъ, авторъ доказываетъ, что наоборотъ, именно индетерминизмъ долженъ приходить къ указаннымъ результатамъ, теорія же, непризнающая нравственной свободы, стремится установить пропорцію между преступленіемъ и наказаніемъ, чтобъ создать наиболѣе надежное побужденіе къ воздержанію отъ преступленія.

Всѣ эти возраженія Ферри противъ нравственной свободы, какъ необходимаго элемента въ ученіи о преступленіи и наказаніи, представляютъ не что иное, какъ повтореніе многократно высказывавшихся авторомъ въ предшествующемъ изложеніи доводовъ, которые уже

78) Стр. 447—450.

были оцѣнены мною выше. Очевидно, все дѣло въ томъ, позволительно ли отождествлять нравственную свободу съ libero arbitrio indifferentiae. Разъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, вся аргументація Ферри относительно постановки вопроса о правѣ наказанія на основахъ безусловнаго детерминизма лишается всякаго значенія. Должно замѣтить, что вопросъ о нравственной свободѣ имѣетъ капитальное значеніе въ отдѣлѣ о вмѣняемости и вмѣненіи; конечно, не трудно показать, что вопросъ о нравственной свободѣ не играетъ особенной роли въ постановленіяхъ о дѣйствіи уголовнаго закона, въ вопросѣ уголовнаго суда. Вопросъ же о правѣ наказанія связывается тѣснымъ образомъ съ обоснованіемъ вопроса вмѣняемости и вмѣненія, разсматриваемаго Ферри во второмъ отдѣлѣ разбираемой книги (Teorica dell' imputabilità), при разсмотрѣніи котораго можетъ быть провѣрено, удается ли автору установить вмѣняемость на одномъ понятіи человѣческаго разума, оторванномъ отъ свободы самоопредѣленія, а вмѣненіе на понятіе о мотивѣ, къ которому такъ часто прибѣгаетъ авторъ.

V.

Изслѣдованіе Ферри вопроса о свободѣ воли составляетъ лишь вступленіе къ новой теоріи вмѣняемости и вмѣненія (Teorica del l'imputabilità), долженствующей, какъ указано въ предисловіи автора, доказать возможность и законность ученія о вмѣняемости, основаннаго на отрицаніи свободнаго опредѣленія воли [79]).

Въ главѣ 1-ой (обоснованіе и критерій вмѣняемости)

---

[79]) La Negazione del libero arbitrio. Parte seconda. La teorica dell'imputabilità. Avvertimento стр. 464. Приступая къ разбору второй части книги Ферри, я долженъ указать на перемѣну воззрѣній, совершившуюся въ настоящее время у автора. Ферри, Ломброзо, Гарофало и Фьоретти сочли нужнымъ выпустить въ свѣтъ цѣлую книгу въ опроверженіе многочисленныхъ сдѣланныхъ новой школѣ возраженій подъ заглавіемъ «Polemica in difesa delle nuova scuola penale Bologna 1886 г. Возражая въ этой книгѣ на цитованную мною не разъ статью Gabelli, Ферри между прочимъ заявляетъ, что онъ отказался отъ своей теоріи вмѣняемости и вмѣненія, основанной на понятіи неприкосновенности разума, оставаясь вѣрнымъ отрицанію свободы воли (стр. 56-ая). Тѣмъ не менѣе, я не могу отказаться отъ разбора теоріи вмѣняемости, — такъ какъ, не смотря на отреченіе отъ нея Ферри, она остается во многихъ отношеніяхъ весьма знаменательной для новой

авторъ заявляетъ, что человѣкъ, нарушающій юридическое равновѣсіе, на которомъ зиждется жизнь общества, долженъ быть наказанъ общественной властью въ силу естественной необходимости охраны правоваго порядка. Право наказанія обусловливается совершеніемъ виновнаго внѣшняго дѣйствія (внѣшній физическій элементъ преступленія) и наличностью въ преступникѣ разумнаго существа (внутренній психическій элементъ). Развитіе природы этого психическаго элемента составляетъ теорію вмѣняемости. Основное начало теоріи гласитъ, что человѣкъ наказуемъ, обладая вмѣняемостью; цѣль теоріи выяснить,—когда именно человѣкъ можетъ считаться вмѣняемымъ.

Для обоснованія вмѣняемости требуется наличность неприкосновенности разума въ дѣятелѣ и раціональное основаніе наказанія, заключающееся въ охранѣ правоваго порядка[80]). Наказаніе справедливо, человѣкъ вмѣняемъ, когда среди мотивовъ его дѣянія на лицо пренебреженіе къ законодательной угрозѣ. При неспособности познавать и взвѣшивать авторитетъ мотива законной угрозы, человѣкъ невмѣняемъ вслѣдствіе ненормальнаго состоянія разума. Однако, прибавляетъ авторъ, человѣкъ можетъ находиться и въ полномъ обладаніи разума, и все таки не быть вмѣняемымъ за свои дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, дѣяніе человѣка подпадаетъ подъ карательный законъ при его противуправности. Но человѣческія дѣйствія являются необходимымъ и непререкаемымъ послѣдствіемъ мотивовъ, которыя квалифицируютъ ихъ. Поэтому эти дѣйствія бываютъ наказуемыя или ненаказуемыя, смотря по правомѣрности или противуправности мотивовъ. Отсюда человѣкъ, нарушая чужое право или даже весь юридическій порядокъ, долженъ считаться невмѣняемымъ, если онъ дѣйствовалъ при отсутствіи неприкосновенности разума или

школы. Къ тому же Ферри продолжаетъ оперировать нѣкоторыми положеніями, играющими существенную роль въ «Teorica dell'imputabilità:» таково различеніе преступности и непреступности дѣянія, на основаніи свойства мотивовъ,—положенное въ основаніе сочиненія Omicidio-Suicidio (2 изд. 1884 г.) и сохраненное во второмъ изданіи Nuovi orizzonti di diritto e procedura penale. 1884 г. Наконецъ въ Polemica на стр. 90 авторъ называетъ этотъ критерій мотивовъ—жизненной частью его старой доктрины, которая удержана и будетъ вѣчно удерживаться имъ. Отказъ Ферри отъ своей теоріи даетъ мнѣ основаніе ограничиться наиболѣе существенными сторонами ея,—въ особенности же провѣрить вопросъ о состоятельности критерія мотивовъ.

[80]) Teorica de l'imputabilità стр. 466—468.

же вслѣдствіе правомѣрныхъ мотивовъ (motivi giuridici). Предшествующее изложеніе ведетъ автора къ установленію фундаментальнаго для его теоріи различенія двухъ видовъ вмѣняемости, потенціальной и эффективной. Обладая разумомъ, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ способностью быть вмѣняемымъ виновникомъ приступленія, т. е. обладаетъ потенціальной вмѣняемостью (imputabilità potenziale). Если же къ нарушенію чужаго права онъ побуждается противуправными мотивами, (motivi antiguiridici), то тогда онъ обладаетъ эффективной вмѣняемостью (imputabilità effettiva). Такимъ образомъ, человѣкъ, compos sui, можетъ быть невмѣняемъ эффективно, если встрѣчаются обстоятельства, отнимающія всякій характеръ незаконности у его дѣйствія. На оборотъ сумасшедшій, лишенный потенціальной вмѣняемости, лишенъ вмѣняемости эффективной и эффективная вмѣняемость такимъ образомъ всегда предполагаетъ потенціальную, какъ необходимое условіе для индивидуальной отвѣтственности [81]).

Въ другомъ мѣстѣ, передъ изложеніемъ отдѣльныхъ причинъ, исключающихъ эффективную вмѣняемость, авторъ снова возвращается къ установленію общихъ началъ своей теоріи. Здѣсь мы встрѣчаемъ прежде всего указаніе на понятія физической вмѣняемости (совершеніе дѣянія преступникомъ), нравственной (совершеніе дѣянія при неприкосновенности разума) и виновности. Нравственная вмѣняемость совпадаетъ съ потенціальной, виновность съ эффективной. Виновность или эффективная вмѣняемость должна присоединиться къ двумъ первымъ (физической и нравственной) для возможности наказуемости. Человѣкъ виновенъ, т. е. наказуемъ за совершенное имъ дѣйствіе, если онъ является нравственнымъ и физическимъ виновникомъ дѣянія, нарушающаго юридическій порядокъ.

Авторъ увѣряетъ, что виновное и невиновное дѣйствіе исключительно отличаются на основаніи свойства мотивовъ—правомѣрности и противуправности. Рѣшеніе о свойствѣ мотивовъ принадлежитъ исключительно народной совѣсти, формулированной въ законѣ. Но нѣсколько далѣе Ферри даетъ народной совѣсти даже преобладающее значеніе надъ закономъ, говоря, что нардоная совѣсть, воплощенная въ законѣ или даже несогласная съ нимъ,

---

[81]) Стр. 469—470.

всегда верховный судья неправомѣрности или правомѣрности мотивовъ извѣстныхъ дѣйствій и, слѣдовательно, наказуемости послѣднихъ.

Нужно сказать, что, отрицая нравственную свободу, Ферри тѣмъ неменѣе строитъ понятіе о вмѣняемости, по образцу найденному имъ въ ученіи уголовнаго права, исходящемъ отъ нравственной свободы. И въ самомъ дѣлѣ нравственная вмѣняемость, по означенному ученію есть способность человѣка, обладающаго неприкосновенностью разума, сознательно руководиться предписаніемъ закона и самоопредѣляться на этомъ основаніи къ дѣятельности, вслѣдствіе чего преступное дѣяніе вмѣняется ему въ вину, какъ свободно избранное. Существенное различіе опредѣленія Ферри состоитъ въ томъ, что моментъ самоопредѣленія имъ опускается и такимъ образомъ въ его понятіи вмѣняемости является капитальный пробѣлъ, при которомъ у отвѣтственности преступника отнимается основаніе. Какъ бы то ни было, различеніе потенціальной и эффективной вмѣняемости, съ точки зрѣнія даже Ферри, не имѣетъ достаточнаго основанія. Неприкосновенность умственной дѣятельности, полагаемая у Ферри въ основу потенціальной вмѣняемости, можетъ быть названа потенціальной, въ смыслѣ извѣстнаго постояннаго психическаго состоянія, проявляющагося въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ. Но такъ какъ уголовное право имѣетъ дѣло съ этимъ психическимъ состояніемъ, именно, въ виду отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, то и нельзя говорить о потенціальной вмѣняемости въ различіе отъ эффективной. Всякій разъ, когда преступленіе совершается вмѣняемымъ лицомъ, вмѣняемость дѣятеля является эффективною и въ силу таковой онъ дѣлается юридически отвѣтственнымъ[82]).

Что касается до термина эффективной вмѣняемости, то этотъ терминъ у Ферри означаетъ вмѣненіе — т. е. отнесеніе извѣстнаго преступнаго дѣянія къ волѣ дѣятеля, какъ хотѣннаго и причиненнаго имъ при наличности вмѣняемости [83]).

---

[82]) Гл. 2-я стр. 520—826.

[83]) Основное различеніе вмѣняемости, Zurechnungsfähigkeitu вмѣненія (Zurechnung), составляетъ весьма прочное достояніе господствующей классической школы. Извѣстно обоснованіе вмѣняемости у Berner'a. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Изд. 12-е, § 77, какъ самосознанія, сознанія внѣшняго міра и развитаго чувства обязанности. Наиболѣе полное обоснованіе понятія о вмѣняемости и вмѣненія у. Hälschner'a Gemeines deutches Strafrecht. T. I 1881 г. Вмѣняемость — тождественна съ

Не касаясь пока вопроса о послѣдствіяхъ, создаваемыхъ для теоріи Ферри устраненіемъ элемента свободнаго самоопредѣленіи воли въ вопросѣ о вмѣняемости, я остановлюсь главнѣйшимъ образомъ на обоснованіи понятія вмѣненія или эффективной вмѣняемости, по терминологіи Ферри. Авторъ сводитъ вмѣненіе дѣянія къ свойству мотивовъ. Смотря потому, будутъ ли мотивы согласны или несогласны съ правомъ (правомѣрные или противуправные), дѣяніе вмѣняется или не вмѣняется въ вину. Слѣдуетъ положительно сказать, что авторъ положилъ въ основаніе уголовнаго вмѣненія критерій крайне неудовлетворительный. Въ самомъ дѣлѣ, что такое мотивъ? Это понятіе, играющее низшую роль въ уголовномъ правѣ. Въ преступленіи мож-

---

дѣеспособностью. Дѣеспособность предполагаетъ мѣру умственнаго развитія, необходимаго для самосознанія и сознанія окружающаго міра, и способность свободнаго самоопредѣленія воли. Отнесеніе дѣянія къ волѣ человѣка требуетъ установленія вмѣняемости въ моментъ совершенія дѣянія. I Кар. Die Zurechnungsfähigkeit стр. 201 и 202. Подъ Zurechnung Гельшнеръ разумѣетъ оцѣнку дѣянія со стороны отношенія воли къ результату, ради опредѣленія, есть ли на лицо дѣяніе, за которое дѣятель отвѣтствуетъ, или случайное причиненіе. Такая оцѣнка, — подъ условіемъ наличности причинной связи воли и результата, получаетъ ближайшее отпредѣленіе, смотря по тому, является ли результатъ причиненнымъ умышленно или виновно-неосторожно (Kapit. I. III. Die formelle Zurechnung). Подобное различеніе психическаго состоянія въ дѣятелѣ, вмѣняемости, какъ субъективнаго свойства становиться отвѣтственнымъ виновникомъ преступленія, и вмѣненія, т. е. отнесенія результата къ виновному человѣческому дѣянію, какъ причинѣ, проводится у криминалистовъ классической или юридической школы, несмотря на различіе психологическихъ воззрѣній, отражающихся на содержаніи вмѣняемости.—Ср. Liszt, указ. соч. W. Das Verbrechen als schuldhefte Handlung, § 36, Die Zurechnungsfähigkeit § 38, Die Schuld, Wächter, указ. соч. § 53—54, Binding Die Normen. T. II, кн. 2-я § 32 и 33. Janka—указ. соч. § 44 — 47, Wahlberg Kleine Schriften, T. II. Grundzüge der strafrechtlichen Zurechnungslehre (вмѣняемость—способность разумнаго мышленія и основанной на ней способности самоопредѣленія по свободно избраннымъ волевымъ основаніямъ, стр. 32). Ограничиваясь сдѣланными указаніями на Германскую литературу по части понятія вмѣняемости и вмѣненія (ср. монографію Bruck'a, 2 ч. Lehre von der Zurechnungsfähigkeit 1878), укажу на основныя воззрѣнія по данному вопросу въ Итальянской литературѣ. Современная блестящая классическая школа въ Италіи, восходящая къ Beccaria, Romagnosi, Filangieu, ближайшимъ образомъ связывается съ Carmignani, который опредѣляетъ нравственную вмѣняемость наличностью воли, способной руководиться разумомъ и обладающей свободой. Къ нравственной вмѣняемости присоединяются вмѣненіе гражданское (civile) т. е. изслѣдованіе физической и психической связи внѣшняго дѣйствія съ волей и политическое (politica) т. е. наказуемость. Elementi di diritto

но различать вредъ и умыселъ, нарушеніе права и направленную на такое нарушеніе волю. Въ противуположность этимъ опредѣленнымъ элементамъ, мотивъ такою опредѣленностью не обладаетъ. Мотивомъ можетъ быть и представленіе, и чувствованіе, можетъ быть правило поведенія, выработанное твердымъ характеромъ, и мимолетное настроеніе. Мотивъ бываетъ первоначальнымъ звеномъ волевого процесса, при чемъ его значеніе перевѣшивается послѣдующими стадіями, чрезъ которыя проходитъ воля (умысломъ, рѣшеніемъ). Побуждая человѣка къ законопротивной дѣятельности, мотивъ мысленно ставится въ концѣ дѣйствія какъ субъективная цѣль, но для того, чтобы дѣйствіе состоялось, необходимо намѣреніе (Absicht), т. е. направленіе воли на опредѣленное нарушеніе права (на объективную цѣль), назрѣвшій умыслъ (Vorsatz), состоящій въ изобрѣтеніи и приспособленіи средствъ, окончательный актъ рѣшимости (Entschluss). Есть на лицо внѣшнее преступное дѣяніе, есть указанный психическій процессъ, и преступленіе на лицо, независимо отъ свойствъ мотива. Мотивъ же самъ по себѣ не создаетъ и не отмѣняетъ, по общему правилу преступности дѣянія, противурѣчащаго уголовнымъ нормамъ, составляя лишь одинъ изъ элементовъ, входящихъ въ субъективную сторону преступленія и притомъ далеко не важнѣйшій. Затѣмъ за мотивами остается лишь вліяніе на величину субъективной виновности, которая можетъ увеличиваться или уменьшаться сообразно свой-

---

criminale 1863 г. L. I. Tit. II, стр. 31—38. Тѣ же основныя положенія у ученика Carmignani, Francesco Carrara Programma I § 59—65. Pessina Elementi di diritto penale изд. 2-е L. II, Cap. III § 51—57. Brusa, Saggio di una dottrina del reato, Parte generale, Sezione I § 1—15. (Brusa принимаетъ нравственную вмѣняемость, основанную на нравственной свободѣ и на способности руководиться идеей обязаности. Изъ русскихъ криминалистовъ см. обоснованіе вмѣняемости и вмѣненія у г. Таганцева Курсъ I. § 35—37. Почтенный авторъ различаетъ по примѣру нѣмецкой литературы вмѣнимость (Zurechenbarkeit), вмѣняемость и вмѣненіе. Вмѣнимость—свойство факта, вызывающаго уголовное преслѣдованіе. Вмѣняемость—способность къ вмѣненію. Вмѣненіе предполагаетъ сознаніе совершаемаго и его результатовъ, оцѣнку сознаннаго и выборъ опредѣленія по закону достаточной причины, предполагающій запасъ съ одной стороны идей, извѣстный умственный капиталъ, а съ другой—способность имъ пользоваться. Такое опредѣленіе, по мнѣнію моему, implicite содержитъ признакъ нравственной свободы. На этомъ воззрѣніи на вмѣняемость и вмѣненіе основаны постановленія о томъ же предметѣ проэкта новаго Уголов. Уложенія (ст. 36). Критику этой статьи см. въ Юридич. Вѣст. 1883 г. Коммиссія Московскаго Юридическаго Общества о проэктѣ уголовнаго Уложенія, мое отдѣльное мнѣніе (стр. 130—144). Весьма неопредѣленны воззрѣнія г. Кистяковскаго (Элемент. учебникъ § 168: нравственное вмѣненіе—вмѣненіе въ вину дѣяній, которыя были результатомъ умышленнаго хотѣнія).

ству мотива. Напротивъ, по теоріи Ферри, мотивъ даетъ мѣру различенія между виновнымъ и невиннымъ, преступнымъ и непреступнымъ дѣломъ. Поэтому преступность дѣянія, несмотря не наличность вмѣняемости и преступный умыслъ дѣятеля, несмотря на противурѣчіе дѣянія нормѣ и причиненное имъ нарушеніе права, должна исчезать и обѣляться въ виду извѣстнаго свойства мотива [84]).

Такое исключающее вину свойство мотивовъ, по Ферри, состоитъ въ ихъ правомѣрности въ отличіе отъ противуправности. Но что означаетъ правомѣрность мотива? Можно разумѣть подъ правомѣрностью мотива сознаніе обязанности, налагаемое юридическимъ закономъ,—твердое рѣшеніе руководиться этимъ сознаніемъ; но тогда нельзя говорить о мотивѣ, можно говорить о свойствѣ намѣренія и помышленія и различать преступное отъ невиннаго и согласнаго съ

---

84) Различеніе понятій Vorsatz и Absicht, данное въ текстѣ, ср. у Berner'a указ. соч. § 93, V. Schwarze Commentar zum deutschen Stafgesetzbuch 1879 г. Exc. I стр. 17 и слѣд., Janka, указ. соч. § 31, Haelschner указ. соч. стр. 276 A Der Vorsatz, Ortloff въ Gerichtssaal 34 1883 г. Изъ русскихъ криминалистовъ за отличіе намѣренія и плана въ смыслѣ Absicht и Vorsatz высказывается г. Таганцевъ, Курсъ II отд. III 211—214. Что касается до понятія мотива и его значенія, то превосходнѣйшее и исчерпывающее изложеніе этого вопроса даетъ Haelschner указ. соч. Отдѣлъ 2-ой, гл. I, II. Die sittliche Schuld 1. Zweck und Motiv 2. Das Motiv in seiner äussern Veranlassung. 3. Das Motiv in seinem sittlichen Werthe. 4. Das Motiv im Verhältniss zum Character. Усвоивъ объективный характеръ нравственному и юридическому свойству дѣяній, Гельшнеръ признаетъ, что цѣль или мотивъ дѣятеля никогда неспособны уничтожать правовой и нравственной вины наказуемаго дѣянія. Установивъ затѣмъ, что наказуемое дѣяніе предполагаетъ поставленіе человѣкомъ своего блага въ противорѣчіе съ обязанностью, Гельшнеръ выводитъ отсюда понятіе виновности, признавая, что мѣра вины опредѣляется свойствомъ и мѣрой этого противорѣчія, познаваемыми изъ свойства мотивовъ. Существенное значеніе принадлежитъ нравственному достоинству и недостоинству мотива. Такое свойство обусловливается нестолько существомъ отдѣльныхъ мотивовъ, какъ таковыхъ, такъ какъ изъ одного и того же побужденія могутъ развиться и порокъ, и добродѣтель, сколько отношеніемъ по цѣнности между отдѣльными мотивами и различными обязанностями. Чѣмъ малоцѣннѣе является мотивъ, сравнительно съ обязанностью, чѣмъ легче значитъ было преодолѣть его, тѣмъ больше и мѣра вины. (ст. 509—510, 521—532). Тщательную характеристику значенія мотива, какъ обстоятельства, неуничтожающаго вообще виновности и преступности дѣянія, но вліяющаго на мѣру вины, см. у г. Таганцева Курсъ вып. II-ой стр. 61, 21. Обоснованіе различія между Zweck и Ziel (объектиной цѣлью дѣянія, намѣреніемъ, и субъектиной — мотивомъ) находимъ у Carrara въ Studi sul delitto perfetto 1879. Definizione стр. 3—15: авторъ пользуется понятіями obiettività giuridica (нарушеніе права), и obiettività ideologica (мотивъ дѣятеля)—для конструкціи понятія совершеннаго преступленія.

правомъ дѣянія, можно говорить однимъ словомъ о злой или не злой волѣ. Свойство такого намѣренія и воли не совпадаетъ съ свойствомъ мотива: мотивъ можетъ быть не одобряемый нравственностью или правомъ, можетъ быть неправомѣрный; но если намѣреніе направляется на дѣяніе, не нарушающее юридическаго порядка, то на лицо не будетъ преступной воли. Напротивъ мотивъ можетъ корениться въ идеѣ, согласной съ нравомъ и тѣмъ не менѣе сопровождаться намѣреніемъ, направленнымъ на нарушеніе приказа или запрета. Такъ самоуправство можетъ связываться съ мотивомъ осуществленія и охраны существующаго или мнимаго права (мотивомъ правомѣрнымъ), но оно отъ этого не перестаетъ быть преступнымъ дѣяніемъ. Напротивъ недобросовѣстный гражданскій искъ, не смотря на неправомѣрность мотива,—захвата чужаго имущества за недостаткомъ формальной защиты у отвѣтчика,—не дѣлается преступнымъ дѣяніемъ, въ преступномъ дѣяніи неправомѣрный мотивъ связывается съ внутреннимъ и внѣшнимъ составомъ, полагаемымъ законодателемъ, т. е. съ волей, направленной къ нарушенію права и правонарушающимъ дѣяніемъ. Самъ Ферри не твердо держится шаткаго критерія мотивовъ: такъ говоря объ эффективной вмѣняемости,—авторъ упоминаетъ объ обстоятельствахъ, отнимающихъ всякій характеръ незаконности у дѣйствія человѣка. Но очевидно, что внѣшнія обстоятельства и мотивъ дѣятеля вещи разныя, и что авторъ незамѣтно для себя переходитъ къ составу преступленія, обусловливающему наказуемость и упраздняемому при наличности извѣстныхъ обстоятельствъ.

Говоря о необходимой оборонѣ авторъ долженъ былъ признать, что при наличности всѣхъ требуемыхъ закономъ условій необходимой обороны мотивъ мести у дѣятеля не содѣлываетъ непреступнаго дѣянія преступнымъ [85]). Должно также признать неправильнымъ сведеніе

---

85) Сар. II стр. 583. Авторъ такъ формулируетъ свою мысль: если дѣяніе, совершенное въ силу правомѣрнаго мотива, къ коему присоединяются мотивы противуправные, не превышаетъ того, что было бы сдѣлано при наличности однихъ правомѣрныхъ мотивовъ, то дѣяніе не вмѣняется въ той части, въ которой конкуррируютъ противуправные мотивы. Взявъ примѣръ истинной необходимой обороны, къ которой примѣшивается мотивъ мести, авторъ признаетъ дѣяніе ненаказуемымъ, утверждая, что наказывать за дурные мотивы, значитъ наказывать помышленіе. Противуправный мотивъ—источникъ вмѣненія, когда онъ производитъ дѣйствіе, которое не случилось бы при правомѣрномъ мотивѣ. Ясно, что здѣсь авторъ опровергаетъ собственную теорію, такъ какъ, по смыслу его аргументаціи, къ противуправному мотиву присоединяется извѣстный придатокъ, а именно

къ народной совѣсти вопроса о различеніи правомѣрныхъ и не правомѣрныхъ мотивовъ. Если бы допустить справедливость этого утвержденія, то уголовное законодательство извѣстнаго народа, отражая народное сознаніе, должно бы сводиться не къ указанію и перечисленію вредныхъ и нарушающихъ право дѣяній, а къ указанію вредныхъ и опасныхъ мотивовъ.

Мнѣ остается остановиться на вопросѣ о распознаваемости свойства мотивовъ. Замѣчательно, что въ первой части своей книги, посвященной «отрицанію свободы воли», Ферри приходитъ къ выводамъ, не допускающимъ оцѣнки мотивовъ. На стр 85-й и 86-й Ферри въ самомъ дѣлѣ утверждаетъ, что изъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ наши дѣйствія, мы знаемъ только часть и самую притомъ незначительную, и на этомъ основаніи формулируетъ слѣдующее положеніе: «именно по тому, что мы не знаемъ всѣхъ мотивовъ человѣка, мы и не можемъ предвидѣть его добровольныхъ рѣшеній, по невозможности разрѣшенія задачи при неизвѣстности всѣхъ входящихъ въ нее величинъ». Если мы не знаемъ всѣхъ мотивовъ будущаго человѣческаго дѣйствія, то точно также отъ совершеннаго дѣйствія нельзя безошибочно заключать къ побуждавшимъ человѣка мотивамъ. Значитъ мы можемъ узнать только нѣкоторые мотивы, а такъ какъ по словамъ Ферри, дѣйствіе есть послѣдствіе всѣхъ вліявшихъ мотивовъ, то никогда нельзя составить ясной оцѣнки дѣйствія по предполагаемымъ мотивамъ. Если далѣе, мы всѣхъ мотивовъ знать не можемъ, то мы тѣмъ болѣе не можемъ усвоивать мотивамъ свойство правомѣрности или противуправности.

Отъ общаго опредѣленія понятія о вмѣняемости авторъ переходитъ къ причинамъ, уничтожающимъ потенціальную вмѣняемость.—Эти причины сводятся къ слѣдующимъ пяти: 1) Отсутствіе разумѣнія; 2) Душевныя болѣзни; 3) Сонъ; 4) Опьяненіе; 5) Аффектъ[86]). Я остановлюсь на этомъ отдѣлѣ,—поскольку необходимо показать способъ разрѣшенія Ферри затрогиваемыхъ вопросовъ въ связи съ отрицаніемъ нравственной свободы. Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію вопросовъ о душевныхъ болѣзняхъ, авторъ предвидитъ извѣстное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано и пытается оп-

---

объективное отношеніе дѣяній къ закону, охватываемое волею дѣятеля. Безъ этого противуправный мотивъ, объявленный ранѣе единственнымъ критеріемъ эффективной вмѣняемости, является ничтожнымъ.

86) Cap. II. Cause dirimenti l'imputabilità стр. 471 и сл.

ровергуть его. Возраженіе это состоитъ въ слѣдующемъ: если сводить нравственный міръ единственно къ разуму, съ исключеніемъ свободы воли,—то должно признать, что сумасшествіе можетъ быть причиной, исключающей вмѣняемость только тогда, когда оно извращаетъ условія здравой дѣятельности разума, т. е. лишаетъ человѣка разумѣнія. Но въ такомъ случаѣ нравственно помѣшанный (pazzo morale), познающій различіе добра и зла и только неспособный хотѣть и творить добро, долженъ будетъ считаться, согласно указанной теоріи, вмѣняемымъ въ силу неприкосновенности разума.

Ферри отвѣчаетъ на указанное возраженіе, что оно логическое послѣдствіе метафизическихъ воззрѣній относительно нравственной природы человѣка. Обычное различеніе между разумомъ, чувствомъ и нравственными инстинктами возможно лишь какъ удобство для изученія и способа выраженія, при чемъ должно помнить, что какъ разумъ, такъ и чувство, далѣе моральные инстинкты, являются постояннымъ результатомъ дѣятельности нервныхъ центровъ. Всякая идея или представленіе одарено собственною импульсивностью и воля ничто иное, какъ абстракція импульсивныхъ актовъ, реализующихъ идеи и представленія.

Такимъ образомъ, говоритъ Ферри, утверждая, что разстройство разума исключаетъ потенціальную вмѣняемость, я разумѣю не только мыслительную способность въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и чувства, нравственные инстинкты, а также все то, что называется волей, каковые процессы въ ихъ совокупности ничто иное, какъ единый и сложный эффектъ дѣятельности нервныхъ центровъ, затронутой душевной болѣзнью. Сославшись на Dagonet и Maudsley въ пользу невозможности отдѣленія функцій разума, чувства, воли, авторъ полагаетъ, что критерій разумѣнія, достаточный для установленія потенціальной вмѣняемости въ случаяхъ глухонѣмоты и малолѣтства, недостаточенъ въ случаяхъ душевной болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ помѣшательство (la pazzia) оставляетъ иногда, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, способность разсуждать, нарушая при этомъ нравственное чувство до такой степени, что неприкосновенность мышленія является чѣмъ-то жалкимъ въ этомъ крушеніи всей психической дѣятельности. Всѣ предшествующія соображенія относительно нераздѣльности воли отъ другихъ психическихъ функцій служатъ, по мысли Ферри, достаточнымъ основаніемъ для того,—чтобы выставить слѣдующее положеніе: всякая потенціальная вмѣняемость исчезаетъ, когда въ моментъ дѣянія преступникъ былъ

аффектированъ такимъ страданіемъ, которое вносило смуту или разстройство въ психическую дѣятельность организма, т. е. въ случаяхъ отсутствія, слабости развитія или разстройства здраваго разума, обнаруживающихся въ свою очередь въ депрессіи или экзальтаціи[87]).

Нельзя не признать весьма важнаго значенія для критики теоріи Ферри тѣхъ оговорокъ, которыя пришлось ему дѣлать, построивъ зданіе вмѣняемости на неприкосновенность разума и устранивъ, какъ несуществующую, способность самоопредѣленія воли. Эти оговорки, это расширеніе фундамента вмѣняемости, вынужденное процессомъ изложенія, противъ первоначально намѣченнаго плана, были оцѣнены по достоинству Гарофало, который будучи товарищемъ Ферри по оружію, въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, смѣло расходится со своей школой, не боясь при этомъ упрека въ научномъ «неправовѣріи», не страшась подъ часъ и большаго упрека—недостатка послѣдовательности. Въ сочиненіи своемъ Di un criterio positivo della penalità 1880 г. Гарофало ставитъ въ упрекъ Ферри, что его критерій привелъ къ установленію объстоятельствъ, ограничивающихъ вмѣняемость, т. е. на почву существующаго Итальянскаго уголовнаго кодекса съ его неудачными ст. 94 и 95. Затѣмъ, по мнѣнію Гарофало, философія уголовнаго права непремѣнно поставитъ Ферри вопросъ: отчего, отбросивъ нравственную свободу человѣка, вы объявляете виновнымъ того, чей разумъ не устоялъ передъ мотивами, побуждающими его къ преступленію. Зачѣмъ ставить разумъ въ основу вмѣняемости, если вы сами думаете, что человѣкъ неизбѣжно долженъ дѣйствовать въ смыслѣ, противномъ разуму. Если въ силу разума человѣкъ могъ уразумѣть, что его дѣйствіе нарушало юридическій порядокъ, то преступникъ оказывается несчастливцемъ, видѣвшимъ зло, на которое онъ былъ обреченъ, но не могшимъ сопротивляться. Его безсильный разумъ дѣлаетъ его достойнымъ сожалѣнія. Какъ же ставить разумъ въ основаніе права наложенія наказанія ? А такъ какъ разумъ предполагаетъ разнообразіе степеней и Ферри въ числѣ уничтожающихъ или ограничивающихъ вмѣняемость причинъ полагаетъ «недостатокъ» воспитанія, разумѣя подъ этимъ терминомъ принадлежность къ средѣ грубыхъ, невѣжественныхъ лицъ, то выходитъ, что такъ какъ большинство преступниковъ именно относятся

87) Сар. II стр. 485—489.

къ этому классу, то большинство ихъ и воспользуется этимъ уменьшающимъ отвѣтственность объстоятельствомъ. Затѣмъ трудно дать опредѣленіе и точную оцѣнку элемента разума, допускающаго множество ступеней между полной культурой и совершеннымъ невѣжествомъ. Наконецъ Ферри распространяетъ понятіе разума на чувство, нравственные инстинкты, слѣдовательно и на то, что называется волей, и ведетъ такимъ образомъ рѣчь не о разстроенномъ только разумѣ, но и о порочномъ чувствѣ, объ испорченномъ сердцѣ. А такъ какъ трудно допустить наличность преступленія, гдѣ не входитъ порочное чувство и испорченное сердце, то много ли останется вмѣняемыхъ преступниковъ. И такъ нельзя признать, чтобъ разумный человѣкъ считался отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, если не допускать, что онъ одаренъ свободной волей. Разстройство разума исключаетъ вмѣняемость только тогда, когда оно одновременно исключаетъ свободу воли [88]).

Глубоко вѣрное возраженіе Гарофало, противъ невозможности конструкціи вмѣняемости на основаніи одной неприкосновенности разума и безъ принятія одновременно начала нравственной свободы, имѣло рѣшительное значеніе для послѣдующаго направленія какъ антропологого-позитивной школы вообще, такъ и Ферри въ частности по пред-

---

88) Garofalo Di uno criterio positivo della penalità Стр. 33—35. Аргументація Гарофало вполнѣ примѣняется и къ попыткѣ г. Сѣченова построить вмѣняемость и вмѣненіе на неприкосновенности разума, (Вѣстникъ Европы 1881 г. Ученіе о несвободѣ воли). По вопросу о взаимной связи двухъ элементовъ вмѣняемости, разума и воли, смот. Haelschner указ. выше соч. т. I. Die allgemeinen strafrechtlichen Lehren стр. 202: отличаясь отъ разума, воля достигаетъ до способности свободнаго самоопредѣленія въ дѣятельности лишь при условіи, что человѣкъ успѣлъ дойти до сознательнаго отношенія къ волѣ, какъ свободной, неопредѣляемой чѣмъ либо инымъ, а именно естественными побудами. Выводъ отъ нормальнаго свойства разума, самосознанія, къ способности свободнаго волеопредѣленія, покоится на предположеніи, что нормальное самосознаніе предполагаетъ свободную волю, что осуществленіе силъ разума, по мѣрѣ свойственныхъ ему законовъ, невозможно безъ свободы воли, что разумъ и воля другъ друга обусловливаютъ и опредѣляютъ. Эти слова Гельшнера, цитованныя изъ его послѣдняго труда, представляющаго наиболѣе зрѣлый плодъ классической школы уголовнаго права въ Германіи, служатъ прекраснымъ комментаріемъ къ вышеприведеннымъ словамъ Гарофало, что разумъ можетъ быть критеріемъ вмѣняемости лишь въ связи съ понятіемъ свободы, самоопредѣленія. Представители идеалистическаго направленія—Гёльшнеръ и антропологопозитивнаго Гарофало, такимъ образомъ, сходятся вполнѣ по вопросу о связи разума и нравственной свободы, несмотря на то, что первый утверждаетъ, а второй отрицаетъ это понятіе.

мету отвѣтственности преступника передъ обществомъ: отвергнувъ свою первоначальную теорію вмѣняемости и вмѣненія, въ силу убѣжденія въ невозможности держаться первоначальнаго критерія по случаю необходимости сочетанія его съ началомъ, ранѣе подвергшимся проскрипціи (нравственной свободы), Ферри въ Nuovi orizzonti di diritto e della procedura penale долженъ былъ создать принципъ соціальной отвѣтственности, совершенно оторванный отъ наличности въ субъектѣ такой отвѣтственности нормальнаго состоянія психическихъ функцій. Такимъ образомъ существенное различіе между душевнобольнымъ и преступникомъ рушилось: оба одинаково подпадали подъ принципъ соціальной отвѣтственности и понятіе вмѣняемости оставалось пустымъ словомъ, котораго содержаніе совершенно улетучилось. Этимъ путемъ получался принципъ отвѣтственности чисто односторонній: право потребовать отчета юридически усвоивалось обществу относительно частнаго лица; обязанность же этого частнаго лица выводилась не изъ условій, свойственныхъ ему и дававшихъ ему возможность отвѣтствовать, а опять же изъ понятія объ общественномъ строѣ.

При обозрѣніи въ дальнѣйшемъ изложеніи причинъ, отмѣняющихъ эффективную вмѣняемость—Ферри перечисляетъ таковыхъ три: a) отсутствіе намѣренія; b) коллизія права и c) физическое насиліе[89]).

Вопросу о коллизіи права авторъ придаетъ особо важное значеніе въ виду своей теоріи вмѣняемости безъ нравственной свободы. «Будетъ ли принята или будетъ отвергнута свобода воли, говоритъ Ферри, все же бо́льшая часть теоріи вмѣняемости остается возможною, несмотря на голословныя утвержденія тѣхъ, которыя провозглашаютъ ея невозможность безъ миѳа libero arbitrio. Но разногласіе возбуждается при коллизіи права, въ этомъ случаѣ разумъ, оставаясь вполнѣ неприкосновеннымъ, не можетъ служить критеріемъ утвержденія или отрицанія вмѣняемости. Коллизію правъ авторъ опредѣляетъ, какъ совокупность обстоятельствъ, гдѣ одно право необходимо должно уступить другому; въ такихъ случаяхъ дѣяніе ни у какого гражданственнаго народа не наказывается, несмотря на то, что человѣкъ съ полнымъ сознаніемъ нарушаетъ чужое право.

Авторъ обозрѣваетъ попытки обосновать ненаказуемость дѣяній, совершенныхъ при коллизіи правъ, основанныя на критеріяхъ стол-

---

89) См. (II ст.) 520 и сл.

кновенія обязанностей, смятенія чувствъ, прекращенія права наказанія, непреодолимости импульсовъ, уменьшенія или недостатка свободы. Авторъ, руководствуясь ученіемъ Каррара въ его Programma, опровергаетъ два первые критерія. По поводу третьяго Ферри приводитъ мотивировку Каррара, сводящуюся къ тому, что карательная функція законна, когда она отправляется ради охраны юридическаго порядка, поэтому законно и дѣйствіе того, кто, защищая собственное право, подвергшееся несправедливому нападенію, охраняетъ такимъ образомъ юридическій порядокъ [90]). Объявивъ,

---

[90]) Мѣткое и вѣрное обоснованіе необходимой обороны, представленное у Каррара, какъ охраны отдѣльнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическаго порядка (см. Programma del Corso di diritto criminale т. I, § 294 и Discorso sul diritto della difesa publica e privata, Opuscoli т. I, стр. 35) въ существенныхъ чертахъ раздѣляется и Brusa указанное сочиненіи § 194 и 198. Къ тому же началу примыкаетъ и превосходное обоснованіе права необходимой обороны у Niccolini Quistioni di diritto изд. 1870 г. I. XXV. Такое же обоснованіе необходимой обороны, какъ отправленія права, у Glaser'a Kleine Schriften изд. 2-е т. I. Nothwehr стр. 109—193, а также у Binding'a Handbuch des Strafrechts т. I, 1885 г. § 150. Die Notwer. Таже мысль у Liszt'a, Lehrbuch 34, признающаго въ необходимой оборонѣ поддержку правоваго порядка, у Wächter'a, Deutsches Strafrecht, 1881 г. § 14 (необходимая оборона—борьба права противъ угрожающей неправды) у Hälschner'a вышеук. соч. т. I. 2 Abschnitt, Cap. 2 C. Die Nothwehr (необходимая оборона—самоутвержденіе права противъ неправды), Janka, Das Osterreichische Strafrecht 1884 г. § 58 (необходимая оборона—спеціальная форма охраны правоваго блага). Сходныя, вѣрныя точки зрѣнія—у русскихъ криминалистовъ: Спасовича, Учебникъ Уголовнаго Права вып. 1, гл. III, раздѣлъ I, статья 3-я, § 42 *В.* Таганцева, Курсъ Русскаго Уголовнаго Права, вып. I, § 4 *А* необходимая оборона 134. Кистяковскаго, Элементарный учебникъ Уголовнаго Права, отд. III, гл. VIII, стр. 413. Противъ ученія Каррара о необходимой оборонѣ въ недавнее время возсталъ одинъ изъ наиболѣе молодыхъ писателей антропологo-позитивной школы Fioretti въ монографіи Su la legittima difesa (Biblioteca antropologico - guiridica Vol. VI, 1886 г.), книгѣ, которую его сотоварищи по оружію успѣли провозгласить замѣчательнѣйшимъ трудомъ, какъ и все, что становится подъ новое знамя. Фьоретти нападаетъ первоначально на выводъ права необходимой обороны изъ естественнаго закона человѣческой природы, а не изъ соціальнаго порядка, и, затѣмъ пытается показать противурѣчіе, въ которое будто бы впадаетъ Каррара, — подводя понятіе о необходимой оборонѣ подъ принужденіе и усматривая въ ней одновременно право (Legittima difesa. V. Le opinioni degli scrittori стр. 59 — 62). Должно признать, что критикѣ Фьоретти отнюдь не удается разбить построенія великаго Пизанскаго ученаго. Что касается до свойства права необходимой обороны, какъ права, тѣснѣйшимъ образомъ связывающагося съ правами личности, то невозможно оспаривать этого воззрѣнія, въ виду того, что право необходимой обороны несомнѣнно предшествовало всякой карательной функціи государственнаго

что означенная аргументація совершенно правильна, авторъ находитъ однако ее недостаточною въ смыслѣ измѣряющаго критерія для установленія степеней вмѣняемости при коллизіи правъ. Поэтому Ферри предпочитаетъ критерію, защищаемому Каррара, собственный критерій противуправности мотивовъ—какъ дающій и оправдательное основаніе и измѣряющій критерій эффективной вмѣняемости. Но прежде обоснованія въ подробности собственнаго критерія

союза. Въ настоящее время, какъ всякое другое право, оно нормируется законами государства, признающаго, но не создающаго его. Что касается до мнимаго противурѣчія между coazione и понятіемъ о правѣ, то никакого противурѣчія нѣтъ. Во-первыхъ Каррара подъ общую рубрику coazione подводитъ и право необходимости обороны и право крайней нужды. То же дѣлаетъ и Buri, признавая въ Nothwehr видъ Nothstand (Gerichtssaal XXX. Nothstand und Nothwehr стр. 466-я). Можно конечно сказать, что въ указанномъ вопросѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ понятію о принужденіи. Иное дѣло—усматривать, какъ это дѣлаетъ Фьоретти, противурѣчіе между понятіемъ coazione и осуществленіемъ права. Это совершенно невѣрно и свидѣтельствуетъ о поверхностномъ отношеніи къ предмету. Есть права, къ осуществленію которыхъ носитель ихъ прибѣгаетъ въ крайности. Таково и право необходимой обороны, къ которому обороняющійся дѣйствительно принуждается прибѣгнуть дѣйствіемъ преступника и неминуемостью нападенія. На это и указываетъ нѣмецкій терминъ Nothwehr. Такимъ образомъ у Каррара никакого противурѣчія не существуетъ. Къ какому же рѣшенію относительно основанія необходимой обороны приходитъ самъ Фьоретти? Въ главѣ VII-й, торжественно озаглавленной: La dottrina positivista della legittima difesa, Фьоретти объявляетъ, что все, что устраняетъ, вмѣстѣ съ опасностью для подвергшагося нападенію, преступныя силы нападчика (le forze agressive del agressore) дѣлается въ интересѣ общества; отражающій преступное нападеніе совершаетъ актъ соціальной юстиціи (курсивъ въ подлинникѣ), дѣйствіе его—отправленіе права не менѣе, чѣмъ наказаніе, налагаемое обществомъ (стр. 81-я). Такимъ образомъ оказывается, что Фьоретти, заимствовавъ ядро мысли у Каррара, исказилъ ее посредствомъ приспособленія ея къ «канонамъ» школы и облеченія въ обязательную для школы форму. Очевидно, что необходимая оборона исключаетъ дѣйствіе государственнаго правосудія (соціальной юстиціи) или государственной функціи предупрежденія преступленій въ силу присущаго необходимой оборонѣ условія неминуемости нападенія: въ этомъ случаѣ государство не можетъ прійти на помощь поставленному въ опасность праву. Значитъ изъ словъ Фьоретти слѣдуетъ, что въ необходимой оборонѣ представляется то учрежденіе (соціальная юстиція), которое, напротивъ, исключается необходимой обороной, хотя оба одинаково стремятся къ возстановленію права. Слѣдуетъ прибавить, что право необходимой обороны существуетъ и тамъ, гдѣ перестаетъ дѣйствовать право наказанія, относительно несовершеннолѣтняго и сумасшедшаго. Если антропологи криминалисты и не отступаютъ in thesi отъ казни душевнобольныхъ, то все же они рекомендуютъ организовать противъ нихъ репрессію въ видѣ пожизненнаго заключенія въ manicomio. Значитъ во всякомъ случаѣ лишеніе, напримѣръ, жизни душевнобольнаго при отраженіи нападенія его не будетъ отправленіемъ соціальной юстиціи.

Ферри разсматриваетъ еще два критерія: непреодолимости импульсовъ и недостатка или уменьшенія свободы воли.

По поводу этой формулы Ферри вступаетъ въ безконечную и совершенно безплодную полемику на 15 страницахъ (стр. 538—553). Я считаю эту полемику безплодною, такъ какъ написавъ огромную книгу объ отрицаніи свободы воли, можно было бы ограничиться этимъ и не возобновлять обсужденія того же вопроса вновь, или же наконецъ ограничиться немногими существенными положеніями. Опуская эту полемику, такъ какъ вступать въ подробный разборъ ея было бы столь же безплодно, я прямо перейду къ изложенію тѣхъ положеній Ферри, которыя приводятся имъ въ пользу избраннаго имъ критерія мотивовъ. Кто убиваетъ для защиты себя отъ нападающаго на него, кто крадетъ кусокъ хлѣба для спасенія отъ голодной смерти, кто убиваетъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, кто крадетъ вслѣдствіе желанія незаконной выгоды, всѣ эти лица хотятъ и дѣйствуютъ не свободно, а необходимо. Почему же въ двухъ первыхъ случаяхъ голосъ общественной совѣсти справедливо требуетъ безнаказанности? Потому что охраняя себя отъ нападенія или голодной смерти, человѣкъ дѣйствуетъ въ силу правомѣрныхъ мотивовъ, тогда какъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ является мотивъ противуправный. Правомѣрнымъ мотивовъ при необходимой оборонѣ бываетъ защита собственной жизни; поэтому при эксцессѣ самообороны, если обороняющійся считалъ нужнымъ только нанести рану, но по противуправному мотиву превысилъ потребность обороны, онъ дѣлается за это вмѣняемымъ. Авторъ увѣряетъ, что формула правомѣрности или неправомѣрности мотива никогда не можетъ оказаться недостаточной, какъ показываютъ приведенные примѣры, служащіе пробнымъ камнемъ (pietra di paragone) для научнаго критерія. [91])

Несмотря, однако, на то, что авторъ вполнѣ убѣжденъ въ правильности избраннаго имъ критерія, онъ вступаетъ въ любопытную полемику, на этотъ разъ съ Ортоланомъ. Ортоланъ говоритъ въ своихъ Éléments de droit penal, что не должно смѣшивать преступнаго умысла съ мотивомъ и цѣлью преступника, что преступленіе всегда остается преступленіемъ и цѣль не освящаетъ средствъ. Это вѣрное замѣчаніе, которое невольно напрашивается

---

91) Cap. II стр. 554—556.

противъ критерія автора, вызываетъ длинную тираду. До сихъ поръ затронувъ только мимоходомъ вопросъ объ умыслѣ, Ферри замѣчаетъ, что онъ допускаетъ различіе мотива и умысла. Умыселъ—окончательное состояніе мысли послѣ того состязанія мотивовъ, въ которомъ заключается волевое обсужденіе (deliberazione volontaria). Затѣмъ Ферри разбираетъ положеніе, что цѣль не оправдываетъ средствъ. По мнѣнію автора, это положеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя въ силу недостатка серьезнаго изслѣдованія и въ силу традиціи получаютъ характеръ аксіомы. Цѣль оправдываетъ средства, когда на лицо условія справедливаго примѣненія ихъ. Средства не оправдываются цѣлью, когда самая цѣль не подлежитъ оправданію (цѣль тирана обезпечить за собой власть, достигаемая пролитіемъ народной крови). Напротивъ, при нравственномъ качествѣ цѣли, и средства для ея достиженія дозволительны подъ условіемъ ихъ необходимости. Отсюда, при возможности достиженія хорошей цѣли законными средствами и незаконными, послѣднія подлежатъ порицанію, если же выбора нѣтъ, то законность цѣли узакониваетъ и средства. Въ мірѣ людей все относительно, поэтому извѣстное средство законно или незаконно не само по себѣ, а въ связи съ условіями, при которыхъ оно полагается. Убить человѣка, по общему признанію, дѣло незаконное, но когда это единственное средство—достигнуть законной цѣли, оно является дозволеннымъ. При указанномъ условіи законное побужденіе, законная цѣль дѣятеля исключаетъ наказуемость за нарушеніе чужаго права, слѣдовательно средства оправдываютъ цѣль. Иллюстрируя свой тезисъ, авторъ припоминаетъ дѣятельность іезуитовъ и замѣчаетъ, что, конечно, цѣль распространенія католичества неоправдывало употреблявшихся ими средствъ—подкупа и подавленія образованія: если они даже стремились единственно къ насажденію религіи, цѣли законной, употреблявшіяся ими средства были не единственно возможныя. На оборотъ цѣль оправдываетъ средство, когда, напримѣръ, солдатъ нарушаетъ правила дисциплины для достиженія благородной цѣли, ради выигрыша сраженія. Считая положеніе Ортолана опровергнутымъ, авторъ сознается однако, что формула правомѣрности и противуправности мотивовъ не объясняетъ, почему можно наказывать дѣянія, совершенныя по неправомѣрному мотиву. Рѣшеніе о томъ, есть ли на лицо правомѣрный или противуправный мотивъ есть дѣло инстинкта, зависитъ отъ нравственнаго чувства народа, которое, въ противуположность свободы воли, есть твердый и непререкаемый фактъ дѣйствительности, и сводится къ тому, имѣютъ ли отдѣльное

лицо или общество извѣстное право, противъ котораго направляется этотъ мотивъ [92]).

Послѣ всѣхъ этихъ отступленій авторъ наконецъ анализируетъ понятіе о коллизіи правъ. Право есть правило дѣятельности. Когда лицо вступаетъ въ чужую юридическую сферу, происходитъ нарушеніе равновѣсія въ правахъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ. Нарушеніе это можетъ быть устранено лишь ненормальнымъ способомъ нарушенія одного изъ правъ, и тогда является юридическая коллизія. Лицо, нарушающее при этомъ чужое право, бываетъ невмѣняемо эффективно, когда оно защищаетъ собственное право и ограничивается единственно дѣйствіями, необходимыми по его разумному мнѣнію. Юридическая коллизія имѣетъ мѣсто въ четырехъ формахъ: необходимой обороны, приказа, угрозы и крайней нужды. По поводу необходимой обороны авторъ опять повторяетъ положеніе о правомѣрности мотивовъ обороняющагося и замѣчаетъ, что дѣяніе послѣдняго нарушаетъ не юридическій, а матеріальный порядокъ, и что напротивъ юридическій порядокъ былъ бы нарушенъ, если бы обидчикъ успѣлъ исполнить свое намѣреніе. Для необходимой обороны авторомъ требуются: незаконность нападенія, цѣль защиты собственнаго права, невозможность защиты иными средствами, умѣренность въ способахъ защиты. По поводу приказа авторъ полагаетъ, что исполняющій приказъ вслѣдствіе мотива обязанности повиновенія или уваженія къ отдавшему приказъ, при отсутствіи неправомѣрныхъ мотивовъ, эффективно невмѣняемъ. Говоря объ угрозѣ, Ферри видитъ основаніе невмѣняемости въ побужденіи чувства страха, при отсутствіи неправомѣрнаго мотива. Тоже основаніе—отсутствія неправомѣрнаго мотива, выставляется и для невмѣняемости дѣянія, совершеннаго въ состояніи крайней нужды (похищенія куска хлѣба для спасенія отъ голодной смерти). Послѣдней причиной, уничтожающей эффективную вмѣняемость, признается физическое принужденіе, гдѣ жертва принужденія бываетъ орудіемъ въ рукахъ другаго лица [93]).

Изслѣдованіе Ферри вопроса о коллизіи правъ вызываетъ рядъ возраженій. — Авторъ въ этомъ вопросѣ вездѣ оперируетъ положеніемъ о правомѣрности и противуправности мотивовъ, при помощи котораго всѣ труднѣйшіе вопросы разрѣшаются съ поразительной

---

92) Сар. II стр. 558—561.
93) Сар. II 562—568.

легкостью, — несмотря на то, что относящіеся сюда вопросы (о крайней нуждѣ напр.) составляютъ до сихъ поръ контроверсіи. Можно прежде всего замѣтить, что общій терминъ—коллизія правъ, представляется неточнымъ. При необходимой оборонѣ нельзя говорить о коллизіи правъ, а о борьбѣ права и неправды. Затѣмъ коллизіей правъ можетъ быть названо единственно только состояніе крайней нужды, — а никакъ не исполненіе незаконнаго приказа или принужденіе. Въ первомъ случаѣ коллизія между мнимой и дѣйствительной обязанностью, въ послѣднемъ коллизія между обязанностью и правомъ на самосохраненіе [94]).

Спрашивается, можетъ ли служить правомѣрность мотивовъ во всѣхъ этихъ случаяхъ критеріемъ для установленія ненаказуемости. Я говорилъ уже выше, что понятіе мотива вовсе не представляется годнымъ для сужденія о свойствѣ извѣстнаго дѣянія. Остается подтвердить это на понятіяхъ необходимой обороны, крайней нужды и незаконнаго приказа. Ферри утверждаетъ, что понятіе необходимой обороны коренится въ правомѣрности мотива обороняющагося. Нельзя, конечно, оспаривать правомѣрности мотива въ необходимой оборонѣ,—но все же законность ея покоится вовсе не на этомъ основаніи. Мнѣніе Ферри прежде всего не объясняетъ условій неминуемости и незаконности нападенія для необходимой обороны. Не значитъ ли это, что есть нѣчто болѣе существенное, чѣмъ свойство мотива, а именно объективныя условія, отнимающія у дѣянія, въ другихъ случаяхъ, противузаконнаго, свойство противузаконности. Если объяснять необходимую оборону правомѣрностью мотива, то отчего такой мотивъ, при отсутствіи указанныхъ условій, не имѣетъ погашающаго наказуемость значенія. Предположимъ, что

---

[94]) Ср. Haelschner, Das gemeine deutsche Strafrecht I. Cap. II. c 4. Nothwehr D. Nothstand. стр. 473—501, также Berner, Lehrbuch изд. 12, 1882 г. § 85 и 86. Schaper въ Holtzendorff Handbuch des deutschen Strafrechts II. VI. § 15 и 16. Liszt § 34 и § 35 различаетъ необходимую оборону и крайнюю нужду, признавая первую борьбой за право, вторую борьбой управомоченнаго интереса противъ одинаково управомоченнаго интереса. Binding Handbuch des Strafrechts, 1885, видитъ въ крайней нуждѣ (Nothstand) либо коллизію юридическихъ благъ, либо коллизію таковыхъ и юридическихъ обязанностей, либо коллизію обязанностей (cap. 759). Buri (Gerichtsaal XXX loc cit.) не видитъ существеннаго различія между необходимой обороной и состояніемъ крайней нужды. Изъ русскихъ криминалистовъ въ указанномъ мною смыслѣ высказываются: Таганцевъ указ. соч. I. 2. § 4. Б. Крайняя необходимость, 158 и 159., Кистяковскій указ. соч. отд. II гл. VIII. § 213. Будзинскій Начала Уголовнаго Права. Кн. II гл. II-я III. § 144.

извѣстное лицо достовѣрно узнаетъ о грозящемъ ему нападеніи съ цѣлью убійства; предвидя невозможность успѣшной защиты въ моментъ нападенія и не считая возможнымъ предупредить его законнымъ образомъ, указанное лицо отправляется къ своему врагу и убиваетъ его. Въ предположенномъ случаѣ будетъ наличность правомѣрнаго мотива, охраны собственной жизни, а необходимой обороны не будетъ. — Далѣе, если держаться относительно необходимой обороны критерія правомѣрнаго мотива, то этимъ самымъ парализуется положеніе, по которому нѣтъ обороны противъ необходимой обороны, иными словами, что необходимая оборона — отраженіе единственно незаконнаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, правомѣрный мотивъ (охраны жизни) одинаково правомѣренъ для обороняющагося и для нападчика. Слѣдовательно и воръ, застигнутый на мѣстѣ кражи, котораго хозяинъ имущества въ правѣ при извѣстныхъ условіяхъ убить, долженъ быть свободнымъ отъ наказанія, если онъ изъ правомѣрнаго мотива (защиты своей жизни) убьетъ указаннаго хозяина. Правда, Ферри упоминаетъ объ *условіи* незаконнаго нападенія въ необходимой оборонѣ, но дѣло въ томъ, что критерій правомѣрности мотива не совпадаетъ съ объективной правомѣрностью *дѣянія*. Понятіе правомѣрности мотива примѣняется у Ферри и къ случаяхъ *крайней* нужды. Такъ мотивъ спасенія жизни — мотивъ правомѣрный и этимъ оправдывается похищеніе куска хлѣба нищимъ. Нельзя не замѣтить однако, что между этимъ случаемъ и случаемъ убійства-нападчика при необходимой оборонѣ существенная разница и по отношенію къ свойству мотива. Дѣйствіе лица, находящагося въ состояніи необходимой обороны, охраняя его право, охраняетъ тѣмъ самымъ и юридическій порядокъ. Когда же нищій крадетъ кусокъ чужаго хлѣба для спасенія себя отъ голодной смерти — нельзя сказать, что его дѣяніе служитъ къ охраненію юрядическаго порядка. По отношенію къ охранѣ собственной жизни мотивъ—правомѣренъ; по отношенію же къ нарушенію чужой собственности онъ неправомѣрный. Очевидно, что при состояніи крайней нужды имѣется *столкновеніе* двухъ правъ и безнаказанность нарушителя права единственно обусловливается тѣмъ, что законъ охраняетъ бо́льшее право преимущественно передъ меньшимъ. Понятіе же мотива ничего не объясняетъ въ этомъ случаѣ. Точно также понятіе правомѣрнаго мотива не помогаетъ въ вопросѣ объ исполненіи незаконнаго приказа и принужденіи. Ферри замѣчаетъ, что нельзя наказывать того, кто руководится обязанностью повиновенія. Замѣчаніе это справедливо, но дѣло вовсе не въ правомѣрномъ мотивѣ, а въ недостаткѣ пре-

ступнаго намѣренія. Сознаніе обязанности повиновенія незаконному приказу, хотя и ошибочное, устраняетъ преступное намѣреніе въ виду наличности заблужденія, отсутствія сознанія противузаконности дѣянія [95]). Можно показать наглядно на примѣрѣ, какъ мало значенія и здѣсь принадлежитъ правомѣрному мотиву: положимъ, исполнитель, сознавая незаконность приказа, тѣмъ не менѣе считаетъ, что исполненіемъ таковаго будетъ дѣйствительно охранено какое либо право (публичное или частное) и вслѣдствіе этого исполняетъ его. Здѣсь на лицо объективный и субъективный составъ преступленія, при наличности правомѣрнаго мотива. Что же касается до угрозы, то Ферри видитъ въ чувствѣ страха достаточное основаніе для невмѣненія дѣянія въ вину въ виду отсутствія неправомѣрнаго мотива. Это положеніе указываетъ на то, что для устраненія виновности не нужно даже наличности правомѣрнаго, а достаточно отсутствія неправомѣрнаго мотива. Этимъ создается для нарушителя закона чрезвычайно льготное положеніе. Законъ предъявляетъ, напр., требованіе дѣлать то и то, извѣстное лицо совершаетъ опущеніе, сознавая, что оно наружаетъ законъ, но не имѣя намѣренія причинить вреда какому либо праву, т. е., безъ противуправнаго мотива. Выходитъ, по Ферри, что нарушеніе закона нельзя вмѣнить въ вину. Ограничиваясь этими замѣчаніями по вопросу о коллизіи правъ,—я остановлюсь на полемикѣ Ферри съ Ортоланомъ. Положеніе, что цѣль не освящаетъ средствъ, лучшее опроверженіе теоріи правомѣрныхъ мотивовъ. Ферри возражаетъ противъ него, что при нравственномъ характерѣ дѣянія всякія средства дозволительны при ихъ необходимости и тутъ же ссылается на необходимую оборону. Но такая ссылка недопустима: автору нужно доказать непреступность дѣянія въ силу правомѣрности мотива или субъективной цѣли (Ziel). Поэтому нельзя ссылаться на дѣяніе, объявляемое во всѣхъ законодательствахъ непреступнымъ при опредѣленныхъ объективныхъ условіяхъ. Еслибъ нравственная цѣль освящала избранныя частнымъ лицомъ средства при ихъ необходимости, то закону нечего было бъ говорить о необходимой оборонѣ, достаточно было бы говорить о правомѣрности мотивовъ. Различеніе необходимыхъ и необходимыхъ средствъ въ особенности неудачно вслѣд-

---

[95]) Въ этомъ смыслѣ высказываются Carrara, Programma, Haus, Principes du droit ėenal belge, а также Garraud Précis de droit criminel Livre 1. Titre II chap. IV. L'ordre du chef civil ou militaire sera pour le subordonné une cause de non imputabilité, quand il aura conduit l'agent à la croyance raisonnée qu'il ne commettait pas de délit (стр. 229).

ствіе исходныхъ точекъ зрѣнія у Ферри: въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ припомнить, что авторъ отрицаетъ въ первой части своего изслѣдонія, что бы какіе бы ни было мотивы могли дѣйствовать иначе, какъ съ необходимостью. Но если всякій человѣкъ дѣйствуетъ вслѣдствіе необходимаго опредѣленія мотивовъ, то, ясно, что и выборъ средствъ не можетъ составлять какого-либо исключенія изъ этого правила. Если же это такъ, то съ точки зрѣнія Ферри нельзя и говорить о средствахъ необходимыхъ и необходимыхъ, такъ какъ разъ они избраны, они избраны съ необходимостью. Крайне неубѣдителенъ примѣръ дѣятельности іезуитовъ. Іезуитовъ можно упрекать за многое, но только не за выборъ необходимыхъ для достиженія цѣли средствъ. Можно порицать нравственный и практическій характеръ средствъ, избираемыхъ практическимъ дѣятелемъ, и на этомъ основаніи утверждать, что онъ долженъ отказаться отъ дѣятельности. Когда же ему говорятъ, что избранныя имъ средства не необходимы, то дѣятель съ полнымъ правомъ можетъ отвѣчать, что онъ въ этомъ вопросѣ единственный и во всякомъ случаѣ лучшій судья— чѣмъ тотъ, кто судитъ о его дѣятельности. Очевидно далѣе, что когда авторъ обращается къ примѣру солдата, нарушившаго дисциплину, ради цѣли выиграть сраженіе, онъ смѣшиваетъ разныя вещи: цѣль и исходъ дѣянія. Положимъ, солдатъ, выигравшій сраженіе, путемъ нарушенія дисциплины, не наказывается. Нельзя сказать, что это происходитъ потому, что цѣль оправдываетъ средства. Если бъ это было справедливо, то и солдатъ, поставившій себѣ ту же цѣль, но не достигшій ея, не долженъ бы наказываться. Почему же послѣдній наказывается? Единственно потому, что мотивъ не уничтожаетъ въ видѣ общаго правила преступности дѣянія. Когда же солдатъ, нарушившій дисциплину при одержаніи побѣды надъ непріятелемъ, не наказывается, то это происходитъ уже въ виду исхода, счастливаго результата: наказаніе отмѣняется изъ видовъ политики, неимѣющихъ ничего общаго съ вопросомъ объ освященіи средствъ цѣлью.

Изложеннымъ разборомъ примѣненія понятія правомѣрныхъ мотивовъ къ ученію объ обстоятельствахъ, уничтожающихъ законопротивность дѣянія—я оканчиваю обсужденіе Teorica dell'imputabilità. Критерій свойства мотивовъ Ферри приложилъ позднѣе къ вопросу о наказуемости участія къ самоубійству и убійству по просьбѣ убитаго въ работѣ Omicidio-Suicidio [96]). Задавшись

---

96) Biblioteca antropologica giuridica Ser. II Vol. IV Fratelli Bocca 1884 г. Къ этому изданію приложены любопытныя рецензіи этой работы Ферри, появившейся сна-

вопросомъ о правѣ частнаго лица распоряжаться своею жизнью и разрѣшивъ его въ томъ смыслѣ, что такое право несомнѣнно принадлежитъ ему, сдѣлавъ отсюда выводъ, что данное кѣмъ либо полномочіе другому лицу на лишеніе перваго жизни дѣйствительно, авторъ приходитъ къ положенію, что убійца, по согласію или просьбѣ жертвы, является юридически неотвѣтственнымъ, если только онъ руководился при согласіи жертвы, мотивомъ юридическимъ или соціальнымъ, и напротивъ, признается отвѣтственнымъ, если мотивъ былъ противуправный или анти-соціальный [97]).

Авторъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ свою мысль: принятый имъ критерій придаетъ значеніе не одному признаку согласія жертвы, но и мотивамъ, опредѣляющимъ убійцу. Совершившій убійство при исторгнутіи отъ кого-либо силою согласія его, совершившій убійство несовершеннолѣтняго по согласію его, наказываются не только потому, что согласіе жертвы въ этихъ случаяхъ недѣйствительно, но и потому, что мотивъ, руководившій убійцей, былъ противуправный или антисоціальный. Если же въ случаяхъ недѣйствительности согласія жертвы (если жертвой былъ душевно-больной или несовершеннолѣтній) окажутся на лицо мотивы правомѣрные, соціальные, гуманитарные, то, хотя наказуемость дѣянія не отмѣняется, очевидно ни одинъ судья не преминетъ уменьшить отвѣтственность подсудимаго.

Такимъ образомъ, по теоріи Ферри, убійство по согласію или просьбѣ жертвы не наказуемо, дѣлаясь таковымъ при наличности противуправныхъ или противусоціальныхъ мотивовъ. Менѣе наказуемо убійство при согласіи недѣйствительномъ, но въ силу правомѣрныхъ, соціаль-

---

чала въ Archivio di Psich., слѣдующихъ писателей: анонимнаго критика Nuova Antologia, далѣе Tarde, Caluci, Balestrini, Precone и Pugliese. Сверхъ того указанная работа Ферри вызвала критику Giulio de Notter Della necisione del consenziente 1885 (вступительная лекція въ Scuola di scienze sociali во Флоренціи).

97) Omicidio.—Suicidio § 1-й и 2-й стр. 1—31. Не имѣя возможности разбирать всѣ капитальные вопросы, возбужденные этимъ трудомъ Ферри (вопросы о различіи правъ отчуждаемыхъ и неотчуждаемыхъ, отвергаемомъ авторомъ, о значеніи и примѣненіи принципа Volenti non fit injuria), я единственно остановлюсь на различеніи характера убійства по согласію или просьбѣ убитаго на основаніи свойства мотивовъ дѣятеля. Болѣе общій вопросъ о допустимости отказа субъекта отъ своихъ правъ въ связи съ раздѣленіемъ ихъ на отчуждаемыя и неотчуждаемыя, подвергся именно въ послѣднее время въ литературѣ значительной разработкѣ: ср. Kessler Die Einwilligung des Verletzten 1884 г. и вызванныя этой монографіей работы. Pro Kessler: rödenbeck Gerichtssaal XXXVII. 2. Contra Kessler: Ullmann въ Gerichtssaal. 1885. 7. Binding Handbuch I, § 148.

ныхъ или гуманитарныхъ мотивовъ. Спрашивается, можно ли критеріемъ наказуемости или ненаказуемости убійства по согласію выбирать свойство мотивовъ?

Если бы дѣло шло объ уменьшеніи виновности въ силу наличности того или другого опредѣленнаго мотива,—вопросъ представлялся бы гораздо менѣе спорнымъ. Мысль же Ферри по своей общности и неопредѣленности вызываетъ крайнія затрудненія: въ самомъ дѣлѣ авторъ говоритъ о мотивахъ правовыхъ, о мотивахъ соціальныхъ, гуманитарныхъ, уничтожающихъ наказуемость дѣянія. Попробуемъ придумать мотивъ правомѣрный, побуждающій убить кого либо при наличности согласія послѣдняго? Такимъ мотивомъ можетъ быть лишь мотивъ, согласный съ юридической нормой. Какая норма права можетъ руководить меня при убійствѣ другаго лица по согласію его? Такой нормы не существуетъ. Правомѣрный мотивъ былъ бы возможенъ, еслибъ законъ, напр., гласилъ, что не наказывается тотъ, кто убиваетъ тяжко-больнаго, по просьбѣ его, изъ состраданія къ нему.— Но точно также не найдется примѣра и противуправнаго мотива. Такой мотивъ можетъ быть единственно побужденіемъ совершить дѣяніе, запрещенное закономъ; разъ же дѣяніе само по себѣ закономъ, по мысли Ферри, не запрещается, то и противуправный мотивъ немыслимъ. Что же касается до мотивовъ соціальныхъ, — то тутъ можетъ оказаться величайшее затрудненіе относительно истиннаго соціальнаго значенія мотивовъ. Слѣдуетъ-ли подъ понятіе соціальныхъ мотивовъ подводить мотивы, коренящіеся въ дѣйствительномъ соціальномъ порядкѣ, или въ идеальномъ? Какимъ образомъ судья признаетъ такой то мотивъ соціальнымъ, или антисоціальнымъ? Это будетъ потруднѣе установленія вопроса о нравственной свободѣ. Соціалистъ и манчестерецъ будутъ разсуждать совершенно различно, — при обсужденіи случая, напр., что кто нибудь просилъ другаго убить его, обѣщая за это пожертвовать немедленно своимъ имуществомъ обществу и уничтожить завѣщаніе въ пользу дѣтей. Затѣмъ остаются мотивы гуманные. Въ этихъ мотивахъ можно было бы скорѣе всего найти основаніе, уменьшающее или уничтожающее наказуемость убійства по согласію жертвы. Если же говорить о гуманитарныхъ мотивахъ вообще, то опять судьѣ ставится крайне трудная задача. Къ тому же гуманитарный мотивъ можетъ оказаться антисоціальнымъ: убійство кого либо, по его просьбѣ, ради избавленія его отъ мучительной для него военной службы, будетъ мотивомъ антисоціальнымъ. И такъ въ теоріи Ферри нѣтъ ничего сколько нибудь твердаго и стоитъ только вообразить себѣ, что эта теорія будетъ перенесена въ законъ (напр. въ такой формѣ: не наказывается убійство по согласію

жертвы, если убійца дѣйствовалъ подъ вліяніемъ мотива правоваго, соціальнаго или гуманитарнаго), чтобы наглядно убѣдиться въ непрактичности этого построенія.

Попытка Ферри была оцѣнена по достоинству въ перечисленныхъ мною выше рецензіяхъ. Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаетъ критика Ballestrini, въ связи съ отвѣтомъ ему Ферри, отвѣчавшаго также всѣмъ остальнымъ критикамъ своимъ.

Ballestrini утверждаетъ, что критерій мотивовъ не подвигаетъ науки ни на шагъ впередъ, и доказываетъ свою мысль ссылкой на разрѣшеніе у Каррара вопроса о наказуемости тѣлесныхъ поврежденій при согласіи жертвы—замѣчая при этомъ, что сдѣланная имъ ссылка очевидно обнаруживаетъ несправедливость обвиненій Ферри противъ классической школы, а также «поразительную научную точность» Каррара. Въ самомъ дѣлѣ, Каррара, взявъ примѣръ ненаказуемости хирурга за хирургическую операцію, объясняетъ это явленіе невинностью цѣли, устраняющей злой умыселъ; при этомъ Каррара указываетъ, что каждый разъ, когда въ причиненіи тѣлеснаго поврежденія при согласіи обнаруживается злой умыселъ, то признается и наказуемость дѣянія, напримѣръ, членовредительство для освобожденія отъ военной службы. Въ послѣднемъ случаѣ на лицо злой умыселъ, направленный на нарушеніе права государства и другихъ лицъ, т. е. тѣхъ новобранцевъ, которые поступятъ на мѣсто неправильно-освобожденнаго.

Криминалисты классической школы, вопреки упрека, сдѣланнаго имъ Ферри, что они ограничиваются недостаточнымъ признакомъ согласія пострадавшаго, прибѣгаютъ къ твердымъ признакамъ нарушенія права и злаго умысла. Противъ критерія мотивовъ Ballestrini заявляетъ, что въ силу различія нравственнаго и юридическаго закона,—если всякое преступное дѣяніе безнравственно, то не всякое безнравственное дѣяніе преступно; мотивы нравственные могутъ уменьшать, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, и уничтожать вмѣненіе преступнаго дѣянія или наказаніе за него,—но наоборотъ, однихъ антисоціальныхъ мотивовъ недостаточно для приданія дѣянію характера преступнаго. Далѣе критерій мотивовъ не поддается введенію въ законодательство въ формѣ, предлагаемой Ферри, такое указаніе можетъ быть лишь однимъ изъ критеріевъ для совѣсти присяжныхъ. Вообще усвоеніе противуправнымъ мотивамъ вліянія на вмѣненіе дѣянія, по мнѣнію Ballestrini, есть возвращеніе къ теоріи злаго умысла, поэтому противная школа только повторяетъ теорію, широко развитую классической школой.

Впрочемъ критикъ считаетъ возможнымъ исправить теорію Ферри: предположивъ, что Тицій, напримѣръ, съ согласія жертвы убиваетъ ее изъ мести, нужно принять объектъ, затрогиваемый его дѣйствіемъ. Этимъ объектомъ будетъ общественная нравственность, права которой нарушаются такимъ дѣйствіемъ. Убивающій другаго, по согласію послѣдняго, юридически отвѣтствуетъ за преступленіе противъ общественной нравственности, если совокупностью обстоятельствъ, при коихъ совершено дѣяніе, нарушается нравственное чувство гражданъ [99]).

Защита Ферри своей теоріи въ отвѣтѣ его Ballestrini вышла мало удачной: Ферри долженъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству,—объявить, что до сихъ поръ онъ не выработалъ полной и закругленной теоріи вмѣненія и вмѣняемости, которая появится въ предстоящемъ къ выходу сочиненіи его Sul Omicidio, чѣмъ и объясняются недоразумѣнія и несогласія съ нимъ критиковъ его.

Авторъ винитъ себя за «показаніе архитекторамъ части зданія прежде предъявленія всего плана» — и спѣшитъ объявить, что онъ несомнѣнно признаетъ существенный признакъ нарушенія права въ преступленіи, составляющій основаніе (ragione), или лучше сказать, condizione вмѣняемости и наказуемости. Но разъ на лицо нарушеніе права, позитивная школа вмѣсто нравственной свободы принимаетъ понятіе о правомѣрныхъ или противуправныхъ мотивахъ. Упрекъ въ шаткости понятія соціальныхъ и антисоціальныхъ мотивовъ Ферри отстраняетъ отъ себя обѣщаніемъ, что во 2-мъ изд. Nuovi Orizzonti будетъ указана постепенность (graduabilità) перехода отъ анти-соціальныхъ къ противуправнымъ мотивамъ. Наконецъ Ферри соглашается допустить объектъ преступленія лишенія жизни по согласію (при наличности противуправнаго мотива мести), признавая таковымъ всеобщее право публичной безопасности, а не общественной морали, какъ предлагаетъ Ballestrini [99]).

Отвѣтъ Ферри оканчивается объясненіемъ своего разногласія съ критиками его теоріи, объясненіемъ, способнымъ ввести въ заблужденіе, что авторъ будто бы вышелъ побѣдителемъ изъ научнаго спора. Встрѣченныя имъ возраженія, по мнѣнію Ферри, послѣдствія нѣкотораго безсознательнаго отвращенія—принять практическія послѣдствія принципа, признаваемаго всѣми въ абстракціи. Противники автора на-

---

[98]) L'omicidio Suicidio стр. 83—88.

[99]) Указ. соч. стр.

ходятся въ состояніи незакончившейся эволюціи, и, вѣроятно черезъ нѣсколько лѣтъ, болѣе усвоивъ новыя идеи, охотно присоединятся къ сдѣланнымъ изъ нихъ послѣднимъ выводамъ.

Эти заключительныя соображенія автора, гдѣ читатель встрѣчаетъ обычный пріемъ оспаривать противниковъ, ссылаясь на предразсудки и иллюзіи, ни отъ кого не скроютъ истиннаго положенія вещей. Ферри слишкомъ поздно, подъ вліяніемъ сдѣланныхъ ему возраженій, прибѣгаетъ къ понятію нарушенія права, безъ котораго немыслимо преступное дѣяніе, но затѣмъ принятый имъ принципъ общественной безопасности долженъ совершенно видоизмѣнить его теорію. Въ самомъ дѣлѣ, теорія его исходила отъ безнаказанности убійства по согласію, въ силу права распоряженія жизнью, принадлежащаго жертвѣ; исключеніе дѣлалось для этого вида лишенія жизни при неодобряемыхъ мотивахъ у виновнаго. Принявъ же право общественной безопасности, какъ объектъ убійства по согласію, авторъ долженъ необходимо перестроить свою теорію въ томъ смыслѣ, что убійство по согласію жертвы наказуемо; ненаказуемымъ будетъ дѣяніе при исключающемъ вину обстоятельствѣ, наличности соціальнаго или гуманитарнаго мотива, а такъ какъ понятіе общественной безопасности чрезвычайно широко, то, очевидно, въ практикѣ область исключающихъ вину обстоятельствъ будетъ стѣснена. Практически теорія автора не будетъ ничѣмъ отличаться отъ законодательствъ, сложившихся подъ вліяніемъ классической школы, поэтому не было и надобности прибѣгать къ разрѣшенію вопроса, сдѣланному, вопреки методу новой школы, чисто отвлеченнымъ образомъ, безъ помощи антропологіи, психологіи и статистики, о томъ, въ правѣ ли человѣкъ распоряжаться собственной жизнью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Второй фазисъ научной дѣятельности Ферри.—Изученіе явленія преступности по антропологическому и статистическому методу. Обоснованіе соціальной отвѣтственности, классификаціи преступниковъ, предупрежденія преступности. Сочиненія Ферри: Nuovi Orizzonti di diritto e della procedura penale 1881 г. Diritto penale ed antropologia criminale. (Archivio di Psichiatria 1881 г.), Il diritto di punire come funzione sociale, тамъ же 1882 г. La scuola positiva di diritto criminale 1883 г. Socialismo e criminalità 1883 г., 2-е изданіе Nuovi Orizzonti 1884 г. Polemica in difesa della scuola criminale positiva 1886 г. (Polemica di Enrico Ferri стр. 153—177).

Сочиненіе «La teorica dell'imputabilità e la negazione del libero arbitrio» было завершеніемъ перваго, наиболѣе ранняго фазиса научной дѣятельности Ферри. Несмотря на горячность, съ которой было написано указанное сочиненіе, на отрицательное отношеніе къ существующей наукѣ и современному положительному законодательству уголовнаго права—Ферри въ названномъ сочиненіи еще находился подъ сильнымъ вліяніемъ оспариваемой имъ школы, благодаря вѣроятно вліянію его учителя, предшественника по каѳедрѣ въ Болоньѣ, Pietro Ellero. Съ 1880 года съ начала изданія «Archivio di Psichiatria, d'anthropologia criminale e scienze penale», этого спеціальнаго органа новой школы, начинается новый поворотъ въ его дѣятельности, подъ вліяніемъ съ одной стороны бо̀льшаго сближенія съ Ломброзо, бо̀льшаго усвоенія теоріи Ломброзо, — подъ вліяніемъ съ другой стороны Гарофало, выступившаго съ теоріей «о позитивномъ критеріѣ наказуемости», долженствовавшей поддержать и дополнить теорію Ломброзо. Съ 1880 года Ферри развиваетъ чрезвычайно энергическую дѣятельность: на ряду съ дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ Archivio de Psichiatria онъ выпускаетъ въ свѣтъ Nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale 1881 г., (вступительная лекція курса въ Болонскомъ университетѣ), которая содержитъ краткую, но рѣзкую программу основныхъ возрѣній автора на вопросы

науки уголовнаго права, далѣе выпускаетъ брошюру La scuola positiva di diritto criminale 1883 г. Въ указанныхъ работахъ Ферри пытался обосновать и выяснить генезисъ антропологопозитивной школы, ея задачи и цѣли въ отличіе отъ таковыхъ классической школы, понятіе о преступности и разныхъ видахъ преступниковъ, соціальной отвѣтственности, средствахъ борьбы съ преступностью, далѣе важнѣйшіе вопросы судопроизводства (напр. вопросъ о судѣ присяжныхъ [1]).

Въ 1883 году Ферри выпускаетъ книгу «Socialismo e criminalità», гдѣ онъ вступаетъ въ бой уже не съ классической школой уголовнаго права, а съ соціализмомъ, воспользовавшимся его теоріей о разныхъ факторахъ преступности, въ томъ числѣ соціальномъ, и пытавшагося доказать, что современная преступность — продуктъ анормальнаго соціальнаго строя, съ реформой котораго должна исчезнуть и преступность [2]). Наравнѣ съ этими работами, Ферри неутомимо отдавался работамъ по части уголовной статистики, работамъ весьма замѣчательнымъ, свидѣтельствующимъ о большомъ талантѣ и необыкновенномъ трудолюбіи, и которымъ вѣроятно суждено изъ всего написаннаго Ферри сохранить наиболѣе значенія, а также работамъ по антропо-

---

1) Сюда относятся работы: Dei Sostitutivi penali, Diritto penale ed antropologia criminale въ T. I. 1880 г. Archivio; послѣдняя работа заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что Ферри въ ней допускаетъ еще различіе уголовнаго права, какъ юридической дисциплины, и уголовной антропологіи, какъ вспомогательной науки, отвергнутое имъ позднѣе, далѣе въ ней впервые предложена классификація преступниковъ. Въ слѣдующ. томѣ Archivio напечатаны: Studi comparativi di antropometria criminale e normale (T. 2-й). Il diritto di punire come funzione sociale, Il riordinamento di statistica guidiziaria in Italia. Sullà criminalità in rapporto alle variazioni termometriche annuali, Evoluzione del omicidio, Su Faella въ сотрудничествѣ съ Ломброзо (T. 3-й); Educazione, ambiente, criminalità, Omicidio Suicidio Responsabilità guiridica, Studi die antropometria su criminali, pazzi e sani. (T. 4-й). Далѣе Il contegno dei delinquenti, Il rimorso dei delinquenti. (T. 5-й). «limprevidenza negli omicidi communi (T. 6-й). Psichopatologia del omicidio: Il momento deliberativo negli omicidi pazzi; I discorsi inaugurali del Publico ministero (1884—1885). T. 7-й. 1886 г. По части статистическихъ работъ Ферри укажу на его Studi sullà criminalità in Francia dal 1826 al 1878, 1881.,— а также Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit von dem jährlichen Temperaturwechsel въ Zeitschrift Листа 1881 г. Кромѣ того въ указанныхъ выше статьяхъ, въ особенности же въ Nuovi Orizzonti изд. 2-е, разбросано очень много частныхъ статистическихъ изслѣдованій. Сравнительное изученіе хода убійства и самоубійства см. въ l'Omidicio Suicidio изд. 2-е 1884 г.

2) Ср. книгу Turati, Il delitto e la questione sociale 1883 г., на которую Ферри и отвѣчалъ въ указанномъ сочиненіи своемъ.

логическому и психологическому изслѣдованію преступниковъ, по методу и образцу Ломброзо.

I.

Всѣ предшествовавшія изслѣдованіи Ферри въ 1884-омъ году слилъ и обработалъ въ окончательномъ видѣ во второмъ изданіи Nuovi Orizzonti di diritto e procedura penale, которое содержитъ въ себѣ изложеніе, дополненное, сравнительно съ первымъ изданіемъ и согласованное съ воззрѣніями другихъ писателей новой школы, ученія автора о преступности, соціальной отвѣтственности, категоріяхъ преступниковъ и способовъ борьбы съ преступленіемъ. Это второе изданіе Nuovi Orizzonti и кладется мною въ основаніе критики воззрѣній Ферри. Одною изъ первыхъ потребностей новой школы было указать на свое такъ сказать, историческое право, на разумныя основанія, вызвавшія ее къ жизни. Это было сдѣлано Ферри въ работѣ La scuola positiva 1883 г. и затѣмъ во введеніи Nuovi Orizzonti 1884 г. [3])

Ферри начинаетъ съ указанія, что наука уголовнаго нрава обязана необыновенно сильнымъ движеніемъ впередъ Беккаріа, выразителю идей и чувствъ своего времени, и современныхъ ему мыслителей. Съ Беккаріа связывается столь славная итальянская классическая школа уголовнаго права, поставившая практическою цѣлью смягченіе и отмѣну многихъ средневѣковыхъ жестокихъ наказаній, теоретической же цѣлью: апріористическое изученіе преступленія, какъ отвлеченнаго юридическаго существа. Практически она достигла широчайшаго и даже излишняго смягченія наказанія; въ теоретической же области она произвела непревзойденный трудъ Каррара Programma,—гдѣ изъ апріористическаго принципа (преступленіе есть юридическое существо, ente giuridico) выведены съ поразительной силой логики всѣ положенія, могущія вытекать изъ этого начала.

Съ Каррара и другими наиболѣе замѣчательными представителями классической школы замыкается научный циклъ, начавшійся съ Беккаріа, что доказывается очевидною скудостью новыхъ произведеній по части уголовнаго права ея, на почвѣ классической школы, какъ въ Италіи, такъ и внѣ ея, а также обращеніемъ криминалистовъ къ

---

3) Nuovi Orizzonti, Introduzione, Ragioni storiche della scuola positiva di diritto criminale.

изученію по преимуществу уголовнаго процесса. Съ этимъ явленіемъ совпадаетъ по времени другое явленіе, печальное, именно постоянное усиленіе преступности, обнаруженіе недостаточности современныхъ системъ наказанія противъ преступности. При этихъ условіяхъ зародилась немного лѣтъ назадъ новая школа, иниціатива которой принадлежитъ по части антропологической Ломброзо, по части юридической Ферри. Новое направленіе встрѣтило отпоръ консервативнаго чувства, на него посыпались обвиненія въ «научномъ нигилизмѣ», маніи нововведеній. Тѣмъ не менѣе оно быстро распространилось въ Италіи и внѣ Италіи, вслѣдствіе чего оно и могло заявить себя новой научной школой [4]).

---

[4]) Introduzione стр. 8-я и 9-я. По этому поводу Ферри упоминаетъ о періодическихъ изданіяхъ въ Италіи и другихъ странахъ, защищающихъ новое направленіе въ уголовномъ правѣ, каковы изъ итальянскихъ: Rivista delle discipline carcerarie, Temi Veneta, Il Gravina и Rivista di Guirisprudenza,—а изъ иностранныхъ Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft Листа. Эта ссылка на обиліе научныхъ силъ, состоящихъ въ распоряженіи новой школы, очень интересна, какъ стратегическій пріемъ. Ср. главу 1-ую моей настоящей работы о Ломброзо стр. прим. 7-е и статью мою «О русскихъ позивитистахъ въ уголовномъ правѣ» въ Жур. Гражд. и Угол. Права 1886 г. книга 4-я. Что касается до ссылки на солидарность съ новой школой Rivista delle discipline carcerarie и Zeitschrift Листа, то эта ссылка должна быть принята съ весьма существенными ограниченіями. Такъ Rivista, несмотря на симпатіи ея почтеннаго директора Beltrani Scalia къ возрѣніямъ новой школы уголовнаго права, на одну изъ задачъ, поставленныхъ ею себѣ—изученіе преступника и факторовъ преступности, тѣмъ не менѣе журналъ съ рѣзкой опредѣленной, самостоятельной физіономіей и поэтому не состоящій на службѣ какой либо теоріи. Это въ особенности ярко обнаруживается въ первой книжкѣ Rivista за 1886-й годъ (Fasc. 1—2), гдѣ помѣщена программа директора журнала Beltrani Scalia. Beltrani Scalia говоритъ, что изслѣдованіе фактовъ, предложенныхъ новой школой уголовнаго права, составитъ одну изъ главныхъ задачъ журнала. Каковы бы ни были наши личныя убѣжденія, прибавляетъ Scalia, мы будемъ имѣть единственную цѣль: ничего не принимать a priori и ничего не отвергать a priori, руководствуясь принципомъ Цицерона: quaero omnia, dubitans plerumque et mihi diffidens. Изъ этихъ прекрасныхъ словъ уже видно, насколько справедливо, что Rivista органъ новой школы. За предисловіемъ, въ той же книжкѣ идетъ списокъ сотрудниковъ, гдѣ рядомъ съ учеными антрополого-позитивной школы, медиками, натуралистами, очень замѣтно выступаютъ имена Antonio Buccelati, Enrico Pessina, Giampaolo Tolomei, Ferdinando Meccacci, Emilio Brusa, Giuseppe Orano, всѣ классиковъ-метафизиковъ, по установившейся кличкѣ, все почтенныхъ бойцевъ за самостоятельность и свободу уголовнаго права, какъ юридической дисциплины. Одинъ изъ иностранныхъ сотрудниковъ, Giannelia, въ письмѣ на имя редакціи положительно оговариваетъ свое несогласіе съ криминалистами-антропологами. Слѣдующіе выпуски самымъ положительнымъ образомъ подтверждаютъ

Новая школа не представляетъ какого либо дружественнаго союза между существующимъ уголовнымъ правомъ и уголовной антропологіей, она прежде всего—примѣненіе опытнаго метода къ наукѣ о

обѣщаніе Beltrani Scalia, что журналъ его не будетъ служить исключительно какой нибудь теоріи: въ выпускѣ 3 на ряду со статьей Sergi Relazione fra delinquenza e le malattie mentali напечатана статья вонистваннаго Buccellati, Il positivismo e le scienze giuridiche, гдѣ развивается мысль, что борьба такъ называемыхъ классиковъ идетъ не противъ sperimentalismo, а противъ materialismo, одѣтаго по новѣйшей модѣ. Далѣе помѣщено письмо Бруза, въ которомъ, обѣщая свое сотрудничество, этотъ значительный классикъ—криминалистъ подробно излагаетъ основанія своихъ несогласій съ новой школой. Что касается до Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, то прежде всего надо сказать, что редакторъ этого журнала, профессоръ Листъ—представитель реалистическаго направленія въ Германской литературѣ, чуждый однако всякихъ естественно-историческихъ увлеченій; сходясь въ отдѣльныхъ требованіяхъ и воззрѣніяхъ съ антрополого-позитивной Итальянской школой, онъ отнюдь не можетъ считаться ея приверженцемъ, и прежде всего потому, что онъ строго отдѣляетъ юридическую дисциплину уголовнаго права отъ уголовной соціологіи (см. Lehrbuch Листа § 1 — 3). Для характеристики Листа важна его работа: «Der Zweckgedanke im Strafrecht» (Zeitschrift III), гдѣ, указавъ на революціонныя воззрѣнія итальянцевъ, Листъ говоритъ, что онъ хочетъ не революціи, а реформы въ уголовномъ правѣ (стр. 8 и 46-я). Вообще Листъ очень озабоченъ о сохраненіи преемственности въ наукѣ сочетаніемъ и сближеніемъ прежнихъ и новыхъ воззрѣній (см. ту же работу VI. Zielpunkte). Что касается до его журнала, то въ этомъ образцовомъ изданіи проявляется искреннее и широкое служеніе научнымъ интересамъ, а не какой либо партіи. Вслѣдствіе этого приверженцы противныхъ лагерей сходятся на страницахъ его, какъ на нейтральной почвѣ. Любопытно, что самъ Листъ указываетъ на неправильныя воззрѣнія, высказываемыя въ особенности въ Италіи на научное положеніе, занимаемое Zeitschrift (указанный журналъ т. VI вып. 6-й, отдѣлъ библіографіи). Въ томъ же выпускѣ Листъ даетъ вѣрную оцѣнку воззрѣній Garraud, издателя новаго французскаго журнала Archives de l'anthropologie criminelle et des sciences pénales, издающагося съ 1886 года, замѣчая, что Garraud держится одинаковыхъ воззрѣній съ нимъ, приближающихся къ возрѣніямъ Ферри, но несовпадающихъ съ ними. Листъ съ удареніемъ указываетъ на то, что имя Garraud ручается за отведеніе въ журналѣ уголовной соціологіи самостоятельнаго мѣста рядомъ съ уголовнымъ правомъ, безъ попытки вытѣсненія послѣдняго (Litteraturbericht, стр. 395). Вышедшія шесть книгъ новаго французскаго журнала свидѣтельствуютъ, что онъ не намѣренъ служить тенденціознымъ цѣлямъ ново-итальянской школы; огромное мѣсто отведено въ немъ судебной медицинѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, итальянскіе антропологи-криминалисты поспѣшили возвѣстить, что новый журналъ является ихъ союзникомъ (Polemica in difesa della scuola penale positiva стр. 168 и 169). Однако, какъ видно изъ программы новаго изданія, статья Garraud въ 1-омъ № Archives: Rapport du droit pénal et de la sociologie criminelle, авторъ, признавая самостоятельное значеніе уголовной соціологіи, рядомъ съ уголовнымъ правомъ, подобно Листу, и усвоивая себѣ относительно первой науки общія положенія Итальянской новой школы, существенно расходится съ нею, признавая нравствен-

преступленіяхъ и наказаніяхъ. Усвоенный въ естественныхъ наукахъ, этотъ методъ оспаривается въ наукахъ нравственныхъ, но, очевидно, что разъ онъ оказался плодотворнымъ въ отношеніи къ однимъ наукамъ, нѣтъ причины противиться введенію его въ другія. Несмотря на вызванное имъ сопротивленіе, экспериментальный методъ, благодаря Конту, Спенсеру, Вундту, утвердился въ психологіи. Далѣе этотъ методъ смѣнилъ въ медицинѣ метафизическій методъ нозологіи, описанія и леченія болѣзней, какъ отвлеченныхъ существъ, поставивъ цѣлью леченіе не болѣзни, а больныхъ людей. Между новымъ направленіемъ въ медицинѣ и направленіемъ новой школы уголовнаго права—полнѣйшая аналогія. Въ самомъ дѣлѣ уголовное право, по ученію новой школы, должно быть соціальной патологіей и клиникой. А между тѣмъ нынѣшніе криминалисты изучаютъ преступленіе, какъ абстракцію, съ помощью отвлеченной логики, приписываютъ преступникамъ чувствованія, одинаковыя съ честными людьми, усвоиваютъ преступленію предустановленныя наказанія, какъ извѣстныя лекарства въ старину заранѣе предназначались извѣстнымъ болѣзнямъ.

Въ противуположность классической школѣ и ея цѣлямъ, новая школа преслѣдуетъ двѣ благородныя цѣли: уменьшеніе преступленій съ одной,—конкретное изученіе преступленія не какъ юридическаго отвлеченія, а какъ человѣческаго дѣянія и естественнаго факта, съ другой стороны.

Далѣе въ отличіе отъ тенденціи классической школы, выступившей въ защиту индивидуализма и правъ личности, новая школа стремится ограничить крайній индивидуализмъ, возстановить равновѣсіе между соціальнымъ и индивидуальнымъ элементомъ. Впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, въ теоретическомъ порядкѣ мы съ благодарностью принимаемъ все, что до сихъ поръ было сдѣлано классической школой по части юридическаго изученія преступленія, съ полной свободой, конечно, дальнѣйшей разработки и преобразованія. «Мы готовы признать, что безъ славныхъ трудовъ нашихъ предшественниковъ мы не могли бы идти впередъ, какъ впрочемъ это требуется всеобщимъ закономъ эволюціи».

Новая школа уголовнаго права не полагаетъ себѣ иной цѣли, какъ

ную свободу (стр. 11), опредѣляя цѣль карательной власти, какъ охрану права (стр. 21), оставляя, наконецъ, за судьею просторъ по избранію мѣры наказанія (стр. 23). Всѣ три положенія принадлежатъ классической школѣ, всѣ три положенія оспариваются новой Итальянской школой.

внести въ науку о преступленіи и наказаніи оживляющее движеніе послѣднихъ и непререкаемыхъ открытій науки о человѣкѣ [4]).

Перечисляя существенныя различія между новой и старой школой, Ферри отмѣчаетъ слѣдующія основныя начала старой, существующей школы: 1) человѣкъ одаренъ свободой воли или нравственной свободой; 2) преступнику свойственны идеи и чувствованія, одинаковыя со всякимъ другимъ человѣкомъ; 3) главнымъ результатомъ наказанія является противудѣйствіе увеличенію и размноженію преступленій. Этимъ положеніямъ противурѣчатъ слѣдующіе выводы опытныхъ наукъ: 1) позитивная психологія доказала, что такъ называемая свободная воля есть субъективная иллюзія; 2) уголовная антропологія доказываетъ фактами, что преступникъ, не будучи нормальнымъ человѣкомъ, составляетъ спеціальный классъ съ органическими и психическими аномаліями, классъ, воспроизводящій въ извѣстной долѣ преступниковъ, первоначальныя дикія расы, у коихъ нравственныя чувства и идеи, если и бываютъ, то бываютъ въ эмбріональномъ состояніи; 3) статистика, наконецъ, доказываетъ, что возникновеніе, увеличеніе и уменьшеніе преступленій зависитъ отъ другихъ причинъ, а не отъ наказаній, опредѣляемыхъ кодексами и примѣняемыхъ судьями. На основаніи этихъ положеній авторъ задается цѣлью показать, что уголовное право сохраняетъ право на существованіе подъ условіемъ необходимаго обновленія въ коренныхъ началахъ, въ направленіи и въ практическомъ примѣненіи [5]).

Изложенное вступленіе, излагающее raison d'être новой школы, ея возникновеніе, отношеніе ея къ такъ называемой классической школѣ въ Италіи и внѣ Италіи, составляетъ какъ бы обязательное для каждаго изъ ученыхъ антрополого-позитивной школы предисловіе къ собственнымъ трудамъ. Такой пріемъ, конечно, необходимый и законный; иной вопросъ, на сколько вѣрно и безпристрастно представленъ генезисъ новой школы, на сколько вѣрно показаны истинныя причины и побужденія къ ея созданію, на сколько вѣрно и правдиво очерчены предшественники и противники. Что касается до классической итальянской

---

[4]) Стр. 10—29.

[5]) Сообразно указанныхъ положеній книга Ферри дѣлится на слѣд. главы: глава I-ая La negazione del libero arbitrio e la responsabilità penale. Глава II-я I dati dell' antropologia criminale. Глава III-я I dati della statistica. За этой главой слѣдуетъ глава IV-ая: La procedura penale e l'ordinamento carcerario и Conclusione, L'avvenire della scienza.

школы, то прежде всего надо сказать, что характеристика ея сдѣлана весьма пристрастно. Въ самомъ дѣлѣ, она представлена, какъ отвлеченное, оторванное отъ жизни ученіе, какъ ученіе, довольствующееся единственно логическими построеніями. Однако уже одно указаніе на Беккаріа, какъ на главу классической школы, свидѣтельствуетъ противъ автора. Въ самомъ дѣлѣ, глубокій смыслъ знаменитой книги Беккаріа коренится въ попыткѣ внести реформу въ современные ему полуварварскіе законы, оживить уголовное законодательство просвѣтительными идеями конца XVIII столѣтія [6]). Далѣе, къ классической школѣ, принадлежитъ между прочимъ Романьози, ужели и его причислить къ метафизикамъ? Странно, что при отрицательномъ отношеніи къ классической школѣ Ферри, Ломброзо относитъ Романьози къ писателямъ, наиболѣе родственнымъ новой школѣ. Если Романьози, сенсуалистъ по воззрѣніямъ, не подходитъ подъ характеристику классической школы, сдѣланной Ферри, то можно указать, далѣе, на знаменитую лекцію о смертной казни Карминьяни, на цѣлый рядъ работъ Каррара по животрепещущимъ вопросамъ уголовнаго права и процесса въ его «Opuscoli», на огромный вкладъ, внесенный итальянской классической школой по обработкѣ новаго итальянскаго уголовнаго уложенія, на проэктъ уголовнаго уложенія съ знаменитой объяснительной запиской Манчини, какъ на факты, говорящіе противъ характеристики Ферри. Симпатичны ли эти труды для новой школы, вопросъ иной, но невозможно отрицать сильнѣйшаго чувства практической дѣйствительности въ итальянской классической школѣ уголовнаго права и яснаго сознанія, что наука должна служить жизненному осуществленію права. Конечно, классическая школа уголовнаго права не занималась изслѣдованіемъ преступниковъ путемъ анатомическаго, психіатрическаго, антропологическаго метода. Но это могло бы составить упрекъ только въ томъ случаѣ, еслибы методъ, торжественно провозглашенный новой школой, былъ единственно необходимый, исключающій всякіе другіе, еслибы уголовное право сводилось бы къ такъ называемой уголовной соціологіи. Но это коренное заблужденіе, это теоретически незрѣлая мысль, которая возможна въ недавно возникшей школѣ, ув-

---

6) Dei delitti e delle pene, миланское изд. 1833 г. предисловіе: a chi legge. Ср. также прекрасный трудъ г. Заруднаго: Беккаріа о преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ сравненіи съ главою X наказа Екатерины II и современными русскими законами, 1879, дающій не только точный переводъ, но и тщательное изслѣдованіе отношеній Беккаріа къ русскому законодательству.

лекающейся болѣе исканіемъ славы для своихъ членовъ, чѣмъ интересами науки. Не говоритъ ли самъ Ферри, что въ теоретической части новая школа принимаетъ съ благодарностью все, что было сдѣлано по части юридическаго изслѣдованія преступленія? Значитъ, есть юридическая сторона въ ученіи уголовнаго права, отличная отъ соціологической, антропологической и т. д. Въ своей работѣ «Scuola positiva di diritto penale 1883 г.» Ферри шелъ еще дальше: «слѣдуетъ признать, говорилъ онъ, что безъ славной работы нашихъ предшественниковъ, мы бы не могли слѣдовать впередъ» [7]). Если это такъ,—то значитъ и нельзя отвергать всякую связь съ классической школой. А между тѣмъ на ряду съ этимъ положеніемъ, авторъ заявляетъ, что антропологическая позитивная школа отвергаетъ всякій «дружественный союзъ» съ господствующей школой и противупоставляетъ ея отвлеченному методу—методъ экспериментальный. Очевидно, здѣсь есть нѣкоторое колебаніе; или существуетъ самостоятельное юридическое изученіе преступленія, и тогда классическая школа занималась не одной схоластикой; или такого изученія не должно быть,—но тогда не зачѣмъ быть благодарнымъ классической школѣ, не съумѣвшей оперировать экспериментальнымъ методомъ, изучавшей преступленіе съ отвлеченной стороны, полагавшей произвольно придуманныя наказанія, судившей преступниковъ по внутреннему опыту непреступнаго человѣка. Отрицательное отношеніе къ классической школѣ должно быть объяснено, помимо несомнѣнныхъ увлеченій ролью новаго научнаго направленія, неяснымъ сознаніемъ съ одной стороны самостоятельности науки уголовнаго права, какъ юридической дисциплины, трактующей о преступленіи и наказаніи, въ отличіе отъ вспомогательныхъ дисциплинъ (уголовной соціологіи, статистики, психологіи), невѣрнымъ представленіемъ о перенесеніи экспериментальнаго метода въ нравственныя и соціальныя науки съ другой стороны.

---

7) Стр. 30. Къ этому замѣчанію, опущенному во 2 изд. Nuovi Orizzonti, въ Scuola positiva примыкали слѣдующія соображенія: не совсѣмъ неправы тѣ представители классической школы, которые признаютъ приверженцевъ позитивной школы не-юристами. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдователи новаго направленія были принуждены оставить на время въ сторонѣ техническое и юридическое изученіе преступленія и отдать преимущество антропологическимъ, психологическимъ и статистическимъ занятіямъ. Но это лишь временное положеніе и прійдетъ время, когда новая школа займется строго юридическимъ изслѣдованіемъ преступленія, наказанія, уголовнаго суда (Scuola positiva di diritto criminale 1883 г.).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что уголовное право—какъ самостоятельная юридическая дисциплина, отличная отъ вспомогательныхъ и родственныхъ наукъ, будутъ ли они называться уголовной соціологіей или уголовной антропологіей, никогда не потеряетъ своего значенія.—Въ наше время вошло въ моду говорить о томъ, что предметомъ уголовнаго права должно быть изученіе преступности, а не преступленія, но это модное вѣяніе не отдаетъ себѣ отчета даже въ значеніи и взаимномъ соотношеніи терминовъ. Терминъ преступности употребляется или въ смыслѣ особенностей личности преступника, или въ смыслѣ открываемой въ извѣстной странѣ и данное время интенсивной или экстенсивной силы преступной дѣятельности.—Въ послѣднемъ случаѣ терминъ преступность указываетъ на отвлеченіе отъ множества конкретныхъ преступныхъ дѣяній, обработанныхъ по статистическому методу. Ни въ первомъ, ни во второмъ смыслѣ преступность не можетъ составлять предмета уголовнаго права. — Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что уголовное право должно заниматься преступникомъ, а не преступленіемъ, но тогда выходитъ вотъ что: вмѣсто изслѣдованія внѣшняго человѣческаго дѣянія, съ которымъ имѣетъ дѣло всякое право,—уголовное право будетъ обращаться къ виновнику этого дѣянія съ нѣкоторымъ запросомъ, могущимъ обусловливаться только внѣшнимъ дѣяніемъ, коему, по указанному возрѣнію, дается, однако, значеніе второстепенное.—Въ самомъ дѣлѣ преступникомъ, если не злоупотреблять терминами, извѣстное лицо можетъ быть только потому, что оно совершило преступленіе, поэтому заниматься имъ можно, только обращаясь первоначально къ преступленію. Значитъ требованіе, чтобы уголовное право занималось преступникомъ, а не преступнымъ дѣяніемъ, предполагаетъ, строго говоря, преступника, не могущаго называться такимъ, преступника in hypothesi, неприспособленнаго къ обществу, дефективнаго человѣка—въ коемъ кроятся зародыши будущихъ преступленій. Но въ такомъ случаѣ наука уголовнаго права обратилась бы въ науку общественной патологіи. Пусть итальянскіе новые криминалисты желаютъ этого, но научнымъ парадоксамъ никогда еще неудавалось вытѣснять научной дисциплины, съ законно-принадлежащаго ей мѣста. Уголовное право можетъ заниматься преступникомъ по стольку, по скольку на лицо преступное дѣяніе, непосредственный и первый объектъ юридической дисциплины уголовнаго права. Преступникъ, конечно, причина преступленія; но преступленіе въ свою очередь причина, почему къ совершившему его человѣку карательная

власть обращается съ требованіемъ отчета, называя его преступникомъ [8]).

Въ виду этого, наука уголовнаго права прежде всего должна имѣть въ виду преступное дѣяніе, въ связи съ которымъ является и преступникъ, какъ объектъ изученія.

Значитъ преступность въ смыслѣ личности преступника не можетъ быть первостепеннымъ объектомъ юридической дисциплины уголовнаго права и, поэтому, остается въ силѣ старое и вѣрное опредѣленіе науки уголовнаго права, какъ ученія о преступленіи и наказаніи. Точно также преступность въ смыслѣ отвлеченія отъ цѣлой совокупности преступныхъ дѣяній извѣстной страны тоже не можетъ быть предметомъ уголовнаго права, такъ какъ такое понятіе о преступности предполагаетъ первоначальное установленіе понятія о преступномъ дѣяніи. Преступность во второмъ смыслѣ слова—предметъ уголовной статистики, дисциплины огромной важности для уголовнаго права. Преступность въ первомъ смыслѣ слова, т. е. въ смыслѣ причинъ преступленія, лежащихъ въ преступникѣ, предметъ уголовной соціологіи, антропологіи, психологіи, цѣлаго ряда отдѣльныхъ методовъ изученія, отличныхъ отъ метода изслѣдованія преступленій. Будемъ называть эти отдѣльные методы общимъ именемъ уголовной соціологіи и тогда въ отличіе отъ науки уголовнаго права въ строгомъ смыслѣ слова, мы получаемъ вспомогательную дисциплину, изучающую преступниковъ. Никто не станетъ отрицать важности этой дисциплины, необходимости ея, какъ подспорья для уголовнаго права въ строгомъ смыслѣ. Уголовная соціологія изучаетъ соціальныя, физическія, антропологическія причины преступной дѣятельности, различныя свойства, присущія виновникамъ тѣхъ или другихъ преступныхъ дѣяній, то или другое дѣйствіе карательныхъ мѣръ на отдѣльныхъ преступниковъ, нравы, жизнь, обычаи, страсти преступниковъ. Такое изученіе можетъ дать матеріалъ для юридической дисциплины уголовнаго права, можетъ вліять на ученіе о преступномъ дѣяніи и наказаніи. Но допуская все это, дальше идти нельзя; требовать под-

---

[8]) Ср. очень вѣрныя замѣчанія у Brusa Saggio относительно неправильности поставленія преступника, а не преступленія—предметомъ изученія уголовнаго права. Будущаго преступника должна имѣть въ виду полиція, общія и спеціальныя мѣры воспитанія. Если бы преступленіе было бы только поводомъ наложить руку на преступника и подвергнуть его режиму предупрежденія будущаго преступленія или режиму выдѣленія изъ общества, то субъективный элементъ преступленія поглощалъ бы все преступленіе. преступное намѣреніе оцѣнивалось бы по поводу одной будущей опасности,—а не по части объективнаго нарушенія правоваго мира (стр. 67).

мѣна юридической дисциплины соціологической, — значитъ быть совершенно лишеннымъ всякаго сознанія необходимости изученія теоріи и практики юридическихъ институтовъ. Уголовная соціологія относится къ уголовному праву, какъ наприм., политическая экономія къ праву гражданскому, всеобщая исторія—къ праву государственному и международному [9]).

Отмѣтивъ такимъ образомъ различіе между уголовнымъ правомъ и уголовной соціологіей, по предмету и содержанію, я укажу, въ отличіе отъ соціологическаго метода изученія преступности, на методъ науки уголовнаго права въ изслѣдованіи преступленія и наказанія. Прежде всего ея методъ — методъ наблюденія и обработки дѣйствительности: понятія о преступленіи и наказаніи не создаются кабинетной работой, а берутся изъ жизни, изъ извѣстнаго момента исторической жизни народа. Поэтому исторія права имѣетъ для уголовнаго права огромное значеніе. Исторически сложившіеся факты преступленія и наказанія изслѣдуются, анализируются, классифицируются, какъ юридическіе феномены, съ точки зрѣнія отношеній людей между собою и къ закону, изданному государственной властью; подобные факты сближаются, отъ отдѣльныхъ фактовъ дѣлается отвлеченіе характерическихъ признаковъ, по которымъ они признаются преступными, различается внутренняя сторона въ преступномъ дѣяніи, воля преступника, отъ внѣшняго результата—нарушенія права, преступная дѣятельность разчленяется на отдѣльные моменты, согласованные съ свойствомъ и мѣрой реакціи, по критерію ихъ важности для затрогиваемаго преступленіемъ права, создается лѣстница преступленій и соотвѣтственныхъ имъ наказаній и т. д. Вся эта дѣятельность направляется на внесеніе строгаго порядка, технической стройности въ науку уголовнаго права, которая въ свою очередь воздѣйствуетъ на законодателя и облегчаетъ ему своей работой созданіе уголовнаго уложенія, соотвѣтствующаго данной степени цивилизаціи и прогрессу научнаго сознанія въ уголовномъ правѣ. Такимъ образомъ наука уголовнаго права изучаетъ преступленіе и наказаніе путемъ анализа, обобщенія и систематизаціи этихъ понятій,—

---

9) По части законности и пользы уголовной соціологіи, какъ вспомогательной дисциплины, и несомнѣннаго значенія опытнаго метода въ разумныхъ предѣлахъ, допускаемыхъ самымъ свойствомъ факта преступленія, высказываются Brusa La morale ed il diritto criminale al limbo (1880 г. стр. 33—35) и Bucceliati Il Nihilismo Parte II. Cap. 1 § 109 Concorso delle scienze empiriche e razionali al progresso della nostra scienza.

ради правильной конструкціи, истолкованія и практическаго примѣненія уголовныхъ законовъ [10]).

Сдѣланныя указанія показываютъ, какъ мало основателенъ упрекъ, дѣлаемый Ферри классической школѣ, по части метода изученія преступленія. Юридическій методъ въ уголовномъ правѣ, исходя отъ преступнаго дѣла, какъ явленія дѣйствительной жизни, сознавая потребности дѣйствительности и проникаясь ими при изученіи преступленія, не можетъ обходиться безъ отвлеченія,—безъ логическихъ пріемовъ анализа и синтеза понятій. Такой методъ совершенно необходимъ какъ въ общей, такъ и въ особенной части. Замѣчательно, что, когда Ферри началъ изучать вопросъ объ убійствѣ по согласію жертвы, онъ именно этимъ методомъ и оперировалъ. Такъ онъ задавался вопросомъ, можетъ ли человѣкъ распоряжаться своею жизнью, далѣе имѣетъ ли юридическое значеніе согласіе убитаго. За разрѣшеніемъ перваго вопроса, онъ разсматривалъ частный вопросъ, существуютъ ли прирожденныя и неотчуждаемыя права, разсматривалъ происхожденіе отдѣльныхъ правъ, отличая права, возникающія при рожденіи человѣка отъ права, имѣющаго соціальную причину и т. д. Спрашивается, не есть ли этотъ методъ тотъ самый, за который криминалисты классической школы подвергаются осужденію.

Что касается до требованія Ферри о перенесеніи экспериментальнаго метода въ нравственныя науки, то оно недостаточно обосновано. Приложеніе извѣстнаго метода изученія къ извѣстной области фактовъ предполагаетъ первоначально точное опредѣленіе свойствъ и характера этихъ фактовъ. Когда предполагается изучать факты, принадлежащіе къ разнымъ областямъ знанія, методомъ, оказавшимся годнымъ относительно одной области, то такое стремленіе можетъ имѣть смыслъ при предварительномъ установленіи, что факты обѣихъ областей однородны. Вѣдь методъ ничего другаго не означаетъ, какъ извѣстный пріемъ, приспособленный къ познанію извѣстныхъ явленій и обусловленный свойствомъ этихъ явленій. Если переносить цѣликомъ, безъ всякихъ ограниченій, естественно историческій методъ на науки нравственныя,

---

10) Ср. различеніе юридической дисциплины уголовнаго права отъ уголовной соціологіи у Garraud Archives de l'anthropologie criminelle Т. I. Вып. 1 стр. 14 и 15. Различеніе юридическаго и соціологическаго изслѣдованія чрезвычайно рельефно и вѣрно показано у Сергѣевскаго Das Verbrechen und die Strafe als Gegenstand der Rechtswissenschaft Zeitschrit Листа I. стр. 211 — 212 путемъ различенія цѣлей и метода. Сліяніе двухъ дисциплинъ, при различіи цѣлей и метода, можетъ быть, по вѣрному замѣчанію автора, лишь механическое.

то это означаетъ, что факты нравственныхъ наукъ ничѣмъ не отличаются отъ фактовъ наукъ естественныхъ. Далѣе указаніе на опытный методъ предполагаетъ возможность не только наблюденія, но и эксперимента въ сферѣ наукъ нравственныхъ. Но надо сказать, что Ферри высказывается за исключительное господство опытнаго метода совершенно апріористически, ничѣмъ не доказывая своего положенія и довольствуясь увѣреніемъ, что то, что оказалось хорошимъ въ одной области, окажется хорошимъ и въ другой. Не трудно однако видѣть, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ «идоломъ» разума, о которыхъ говоритъ Бэконъ.

Въ самомъ дѣлѣ экспериментальный методъ естественныхъ наукъ не можетъ быть всецѣло перенесенъ на изслѣдованіе о преступленіи и наказаніи. Преступное дѣяніе нельзя ни взвѣсить на вѣсахъ, хотя Ѳемида и изображается съ вѣсами, ни измѣрить мѣрою измѣренія, ни подвергнуть химической реакціи. Тоже слѣдуетъ сказать и о карательныхъ средствахъ. Можно конечно измѣрять, взвѣшивать преступниковъ, подвергать ихъ разнообразнымъ воздѣйствіямъ медицинскихъ инструментовъ. Лишь время покажетъ, будутъ ли эти пріемы плодотворны въ будущемъ. Можно наконецъ наблюдать нравы, аффекты, психологическій строй преступниковъ, но кто же не видитъ, что опытный методъ въ этомъ отношеніи будетъ иной, чѣмъ относительно объектовъ естественно-историческаго изслѣдованія [11]). Ссылка автора на опытную психологію, далѣе, далеко не убѣдительна. Опытная психологія (психо-физика) до настоящаго времени безсильна объяснить высшія и сокровеннѣйшія функціи человѣческаго духа. Ферри ссылается на Вундта, но Вундтъ именно самымъ рѣшительнымъ образомъ разрушаетъ иллюзіи о перенесеніи безразлично экспериментальнаго метода на факты нравственные. Изъ различія механическихъ и психическихъ законовъ, механической и психологической причинности, Вундтъ выводитъ различіе наукъ нравственныхъ и физическихъ. Факты историческіе, соціальные и нравственные, по мнѣнію этого автора, имѣютъ психологическія причины, но эти причины не дѣй-

---

11) Современныя изслѣдованія надъ гипнотизмомъ представляютъ хорошій примѣръ ограниченій, которымъ подвергается экспериментальный методъ: доказано, что процессъ гипнотизаціи въ рукахъ неразборчиваго экспериментатора можетъ крайне вредно отзываться на гипнотизированныхъ субъектахъ. Любопытно, что на эту общественную опасность указываетъ страстный приверженецъ экспериментальнаго опыта Ломброзо (см. Archivio di Psich. Vol. VII, Studi sull'ipnotismo: E evidente il grande pericolo ed i grandi danni, che possono nascere del abuso ed anche del solo uso del ipnotismo artificiale (стр. 213).

ствуютъ въ смыслѣ закона сохраненія силы и поэтому нельзя заранѣе опредѣлить ихъ послѣдствія. Наука права и нравственности регулируются принципами, заимствованными изъ психологіи, формулирующей ихъ на основаніи внутренняго наблюденія, сравнительнаго и историческаго метода [12]).

Вотъ что единственно говоритъ Вундтъ. Значитъ опытный методъ въ наукѣ уголовнаго права имѣетъ иной болѣе ограниченный смыслъ, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ. Ферри для своего тезиса прибѣгаетъ далѣе къ аналогіи медицины, которая будто бы тоже прежде занималась болѣзнями, а въ наше время больными. Не будучи медикомъ, можно, однако, спорить противъ этого явно несправедливаго положенія. Медицина точно также не имѣетъ дѣла практически съ болѣзнями, помимо больныхъ людей, какъ уголовное право съ преступленіями, помимо преступниковъ. Но это вѣрное положеніе облекается въ невѣрную форму, когда говорятъ, что она лечитъ не болѣзни, а больнаго. Какъ представить себѣ больнаго безъ болѣзни. И что означаетъ медицинскій діагнозъ, если подмѣнять понятіе болѣзни понятіемъ о больномъ? Далѣе, какъ при такихъ условіяхъ, объяснить изслѣдованіе причинъ и происхожденія болѣзни, изслѣдованіе эпидемій, причинъ ихъ зарожденія и распространенія, помимо леченія отдѣльнаго больнаго. Очевидно, что медицина ставится Ферри въ одинаковое положеніе съ уголовнымъ правомъ: больной является самъ по себѣ, независимо отъ болѣзни, какъ преступникъ самъ по себѣ, независимо отъ преступленія.—Но при такомъ взглядѣ на медицину, какъ вѣрно замѣчаетъ Lucchini, медиками надо признать развѣ—тѣхъ шарлатановъ, которые лечатъ всякаго больнаго извѣстнымъ снадобьемъ, не заботясь о свойствѣ болѣзни [13]).

Не останавливаясь на указаніи, что классическая школа въ противоположность позитивной, стремящейся къ охранѣ общества отъ

---

12) Wundt Logik т. II, Отдѣлъ 4-й. Von der Logik der Geisteswissenschaften 2. Die Hülfsmittel und Methoden der Psychologie. 3. Die Principien der Psychologie. 4. Die methodischen Hülfsmittel der speciellen Geisteswisseaschafen. 2. Die Historik. b. Die historische. Interpretation. Ср. того же автора Essays; Die Aufgaben der experimentellen Psychologie, гдѣ Вундтъ, защищая экспериментальный методъ въ психологіи, энергически высказывается противъ сведенія его къ изученію мозговой механики. Wo in aller Welt sollen wir nachdem jene ideale Mechanik des Gehirnes (т. е. будущая) zu Stande gekommen ist, die Gewissheit hernehmen, dass irgend ein specieller Gehirnvorgang einem bestimmtem psychischem äct entspreche (стр. 142).

13) I Semplicisti (antropologi, psicologi e sociologi del diritto penale) Saggio critico di Luigi Lucchini Torino Maggio 1886 г. С. II. стр. 23.

преступленія, стремится къ уменьшенію и смягченію строгости наказаній, указаніе, которое обращаетъ въ упрекъ важную услугу Беккаріа и преемственныхъ ему по направленію криминалистовъ относительно новѣйшей гражданственности, отмѣчу, что невѣрно и замѣчаніе Ферри о нѣкоторой безплодности по части ученыхъ работъ, наступившей въ классической школѣ за послѣднее время. Можно единственно сказать, что у криминалистовъ классической школы нѣтъ той лихорадочной продуктивности, которая отличаетъ новую школу, нѣтъ той поспѣшности, которая несомнѣнно должна отражаться на качествѣ работъ и которая напр. у Ферри ведетъ къ тому, что послѣ двухъ теорій вмѣняемости обѣщается въ скоромъ будущемъ — третья, а у Ломброзо послѣ delinquente nato, pazzo morale создается еще дополнительный типъ того же природнаго преступника-эпилептика. Указанной пріостановки въ ученой производительности нѣтъ, какъ въ классической школѣ Италіи, такъ и родственной ей германской и французской наукѣ Достаточно указать на слѣдующіе вышедшіе въ послѣднее время труды: Brusa Appunti per una introduzione al corso di diritto e procedura penale и Saggio di una teoria generale del reato, Buccellati Il nihilismo e la ragione del diritto penale, 1881. Istituzioni di diritto e procedura penale 1884. Pessina, новое изданіе его Elementi di diritto penale 1882. Carrara Ricordi di Cattedra e foro 1884. Paoli Esposizione storica e scientifica dei lavori di preparazione del Codice penale Italiano 1884, на богатую юридическую журналистику, во главѣ которой Rivista penale Lucchini, вступившая во 2-ое десятилѣтіе своего существованія. Изъ сочиненій германской литературы, принадлежащихъ къ той же школѣ, а не антрополого-позитивной, достаточно, указать на новѣйшіе труды столь значительныхъ ученыхъ какъ Lucas, Mayer, Glaser, Geyer, Binding, John, Bar, Haelschner, Wächter, Löning, относящіеся къ послѣднему времени, времени возникновенія новой школы; правда въ настоящее время приходится отстаивать зданіе, выстроенное съ великимъ трудомъ, зданіе, которое дало Италіи первенство въ наукѣ уголовнаго права въ Европѣ, какъ нѣкогда та же Италія служила образцомъ другимъ странамъ по части права гражданскаго, поэтому въ классической школѣ преобладаютъ сочиненія съ полемическимъ характеромъ. Къ этимъ сочиненіямъ принадлежитъ и цитованная выше ѣдкая критика новой школы профессора

Luchini—I Semplicisti, а также цѣлый рядъ полемическихъ работъ противъ новой школы [14]).

II.

Изслѣдованіе вопроса о свободѣ воли въ связи съ уголовной отвѣтственностью начинается у Ферри съ указанія на современную постановку вопроса о вмѣненіи и вмѣняемости: человѣку, одаренному нравственной свободой—способностью выбирать между добромъ и зломъ, рѣшать окончательно между двумя противуположными возможностями, вмѣняется въ отвѣтственность свободно избранное имъ. Авторъ бѣгло приводитъ доводы противъ возможности и дѣйствительности нравственной свободы. Такими доводами служатъ: указаніе на законъ причинности, выводы экспериментальной психологіи, по которой даже проникнутый мышленіемъ актъ воли (atto deliberato) составляетъ явленіе, лишь превосходное по степени, рефлективной дѣятельности, подчиненіе, наконецъ, акта воли, обязаннаго своимъ происхожденіемъ чисто физическому акту центро-стремительныхъ ощущеній и переходящаго въ физіологическій актъ (центробѣжнаго движенія), всеобщему закону превращенія силъ [15]).

Ферри впрочемъ замѣчаетъ, что послѣ спеціальнаго изслѣдованія по этому вопросу, ему было только нужно оговорить положительно отрицаніе нравственной свободы, въ началѣ своего изслѣдованія [16]).

Если впрочемъ и принять, что вопросъ о нравственной свободѣ неразрѣшенъ окончательно въ отрицательномъ смыслѣ, какъ полагать въ основу уголовнаго права такое спорное понятіе? Необходимо изъять уголовное право изъ области философскихъ споровъ и поставить регулированную имъ соціальную функцію на почву точныхъ фактовъ. Уже въ традиціональной философіи и въ старой школѣ уголовнаго права замѣчается извѣстная тенденція къ уступкамъ. Такъ есть психологи, отрицающіе истинную и настоящую свободу воли, но поддерживающіе извѣстную, дурно опредѣляемую ими свободу. Но подъ

---

14) Въ дополненіе къ указаннымъ въ примѣч. 1-омъ къ главѣ 1 работамъ противъ новой школы, укажу еще на слѣдующія: Mario del Mauro, La Selezione nel principio organico del diritto penale 1885. Materialismo e Spiritualismo Discorso di Rafaello Mattei профессора патологической анатоміи въ Сіенѣ 1884 г. Campolongo Studi sul rinnovamento della scienza criminale 1885 г.

15) Nuovi Orizzonti Cap. I. La negazione del libero arbitrio e la responsabilità penale стр. 34—38.

16) Стр. 45—46.

этой свободой либо слѣдуетъ разумѣть лишь физическую свободу, либо разумѣется нѣкоторая свобода воли, смягченная и освобожденная отъ очевидныхъ противорѣчій; но такая свобода только двусмысленное положеніе. Истинно логичны единственно понятія о безусловной свободѣ и о безусловномъ детерминизмѣ. Если наконецъ подъ свободой разумѣть внутреннюю энергію, посредствомъ которой человѣкъ проявляется индивидуальнымъ образомъ, то тогда мы далеки отъ нравственной свободы и стоимъ на почвѣ детерминизма. Упрекъ обращенный къ детерминизму, что онъ сводитъ человѣка на степень автомата, основанъ на недоразумѣніи: всякій человѣкъ обладаетъ собственною индивидуальностью, нравственной и физической. Поэтому дѣйствіе, совершенное человѣкомъ, показатель и необходимый эффектъ его организма. Таково первое основаніе вмѣняемости: всякому человѣку вмѣняется въ счетъ совершенное имъ дѣйствіе. Человѣкъ есть машина, но онъ только не сдѣланъ, какъ машина. Онъ машина въ томъ смыслѣ, что онъ ничего не даетъ въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе того, что получаетъ отъ внѣшней среды, онъ машина превращенія силъ, подчиненная закону причинности, по которому онъ особеннымъ образомъ реагируетъ на внѣшнія причины, сообразно предшествующимъ физическимъ и физіологическимъ причинамъ [17]).

Такъ называемая ограниченная свобода воли, смѣнившая старинное представленіе о безусловномъ libero arbitrio, и за которую стоятъ нѣкоторые классики-криминалисты, какъ напр. Buccellati, или говорящій о свободѣ разума Lucchini, создаетъ многочисленныя затрудненія и общественную опасность. При рядѣ оттѣнковъ въ человѣческой дѣятельности отъ безусловнаго детерминизма къ нравственной свободѣ, какъ выдѣлить изъ нея долю нецесситированную отъ свободной. Какъ сказать, что нравственная свобода оканчивается въ такомъ-то пунктѣ, а не въ другомъ? Къ тому же новыя научныя изслѣдованія указываютъ на невозможность для судьи проникнуть во внутреннюю область человѣка и взвѣсить хотя бы приблизительно его нравственную свободу. Отъ судьи пришлось бы требовать установленія множества элементовъ или факторовъ, стоящихъ внѣ преступника. Такъ онъ долженъ былъ бы взвѣсить и опредѣлить, на какомъ градусѣ широты, при какомъ состояніи земледѣльческой или мануфактурной промышленности совершено преступленіе, какимъ количествомъ воздуха дышалъ обвиняемый при этихъ условіяхъ. Судья долженъ былъ бы предпринять оцѣнку физи-

---

17) Стр. 48—52.

ческую, физіологическую, психическую и соціальную, безусловно превосходящую его силы. Если судья долженъ принимать въ разсчетъ, кромѣ традиціонныхъ фактовъ, ограничивающихъ нравственную свободу: дѣтства, душевной болѣзни и т. д., еще многочисленные факторы воспитанія, профессіи, темперамента преступника, метеорологическія явленія, соціальную среду и проч., гдѣ найдется остатокъ (residuo) нравственной свободы, необходимый для отвѣтственности. Въ принятіи же всѣхъ этихъ данныхъ, на сколько возможно, огуломъ (ingrosso) коренится общественная опасность; привитіе нѣкоторыхъ, наиболѣе безспорныхъ выводовъ позитивной физіо-психологіи на старомъ корнѣ безусловной вмѣняемости производитъ скандалъ и опасность нелогическихъ оправданій или чрезвычайныхъ смягченій наказанія въ силу признанія нравственнаго помѣшательства или «непреодолимой силы».

Теорія ограниченной свободы воли приводитъ къ абсурду, согласно ежедневнаго опыта, по той простой причинѣ, что нравственная отвѣтственность расширяется или съуживается, сообразно расширенію или съуженію понятія объ ограниченной свободѣ воли; при умноженіи, благодаря естественнымъ наукамъ, обстоятельствъ, вліяющихъ на опредѣленіе воли, оправданія и смягченія наказаній должны будутъ постоянно увеличиваться.

Такимъ образомъ, помимо явнаго опроверженія понятія свободы воли со стороны современной психо-физіологіи, очевидна невозможность построить на этомъ началѣ отвѣтственность человѣка за совершенныя имъ преступленія [18]). Правда, могутъ возразить, замѣчаетъ Ферри, что если человѣкъ совершаетъ преступленія въ силу тиранніи собственнаго анормальнаго организма или среды, гдѣ же основаніе для его отвѣтственности и наказуемости. Нужно въ этомъ случаѣ растворить тюрьмы и запереть суды. Допуская эти послѣдствія можно, лишь оставаясь при логическомъ противурѣчіи, все еще продолжать говорить объ уголовномъ правѣ и уголовномъ правосудіи.

Такое столько же естественное, сколько и мало основательное возраженіе затрогиваетъ основную задачу новой школы, находящую ясное и точное рѣшеніе единственно въ изслѣдованіи соціальныхъ фактовъ. Но для разрѣшенія указанной задачи требуется поставить ее на почву, совершенно отличную отъ той, на которую она ставилась до сихъ поръ. Требуется, поэтому, разрывъ съ принципами, коимъ слѣдовали до сихъ поръ, иначе разрѣшеніе задачи сдѣлается

---

18) Стр. 54—64.

компромиссомъ, частнымъ исправленіемъ, вносящимъ двусмысленности или затрудненія [19]).

Ферри въ изложенномъ отдѣлѣ снова возвращается къ критикѣ представленія о нравственной свободѣ, хотя и самъ оговаривается, что не столько имѣетъ въ виду вновь изслѣдовать его, сколько положительно указать на вполнѣ отрицательное отношеніе свое къ этому вопросу. Тѣмъ не менѣе авторъ вновь ссылается на законъ причинности, на данныя физіологіи, говорящія противъ нравственной свободы. Остановлюсь на доказательствѣ противъ нравственной свободы, почерпнутомъ изъ физіологіи. Во всякомъ человѣческомъ дѣйствіи бываетъ, по Ферри, физическій фазисъ (напр. звуковое ощущеніе), двойной физіологическій фазисъ, центростремительное движеніе ощущенія къ нервному центру и далѣе центробѣжное движеніе къ периферіи, наконецъ вторичный физическій фазисъ—внѣшнее дѣйствіе. Ощущеніе либо сознается въ нервномъ центрѣ (психическій фазисъ), либо остается внѣ сознанія (рефлективный актъ). При сознательномъ воспріятіи ощущенія является иллюзія волевой свободы. Но въ обоихъ указанныхъ случаяхъ одинаково происходитъ превращеніе акта физическаго въ физіологическій, а послѣдняго снова въ физическій. Подводя это явленіе подъ всеобщій законъ превращенія силъ, авторъ замѣчаетъ, что, допустивъ свободу воли, способную что либо измѣнить или прибавить въ этомъ процессѣ, пришлось бы признать ее способной создавать или уничтожать существующія силы.

Эта аргументація ничего не доказываетъ; она повидимому исключительно понадобилась для указанія закона превращенія силъ, который можетъ быть нарушенъ допущеніемъ свободы воли. Но во 1-хъ о превращеніи силъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Дѣло въ примѣрѣ Ферри идетъ о физіологическомъ и психическомъ моментѣ. Извѣстный фазисъ или моментъ можетъ быть названъ физическимъ, но понятіе о моментѣ или силѣ нельзя смѣшивать. Далѣе во 2-хъ о созданіи или уничтоженіи силы волею тоже говорить нельзя. Рефлективный актъ отличается отъ волеваго тѣмъ, что послѣдній происходитъ сознательно т. е. вслѣдствіе сочетанія и воспроизведенія представленій. При наличности сознанія, тѣснѣйшимъ образомъ связаннаго съ волею, реакція на внѣшнее ощущеніе выразится либо дѣйствіемъ, либо воздержаніемъ отъ дѣйствія, при чемъ то, что Ферри называетъ иллюзіей, можетъ оказаться дѣйствительностью [20]).

---

19) Стр. 64—67.

20) Ср. Вундтъ Основанія физіологической психологіи, переводъ

Приходится далѣе остановиться на положеніи, что человѣкъ машина, хотя онъ и не сдѣланъ, какъ машина.

Это положеніе понадобилось Ферри для опроверженія тѣхъ, которые упрекаютъ его за фаталистическія построенія, сводящія людей къ автоматамъ. Но это положеніе не представляетъ никакой ясной мысли. Указавъ на то, что человѣкъ-машина превращенія силъ, авторъ оговаривается, что онъ не есть неорганическій механизмъ и что будучи опредѣляемъ предшествующими причинами, человѣкъ представляетъ индивидуальныя различія по различію комбинаціи многообразныхъ опредѣляющихъ причинъ. Однако эти ограниченія не убѣдительны: при исключительномъ господствѣ механической причинности, принимаемомъ авторомъ, различіе органическаго и неорганическаго упраздняется; далѣе различіе отдѣльныхъ экземпляровъ несомнѣнно существуетъ по различію механизма въ настоящихъ машинахъ, и все же они не утрачиваютъ отъ этого своего свойства. Въ этомъ случаѣ можно сказать, пользуясь любимымъ аргументомъ Ферри противъ него самого, что различіе человѣка и машины, значитъ, въ степени, а не существѣ. Болѣе сложная, менѣе сложная машина, вотъ и все различіе.

Наконецъ слѣдуетъ остановиться на возраженіяхъ Ферри противъ ограниченія вносимаго въ понятіе нравственной свободы. Авторъ утверждаетъ, что понятіе ограниченій нравственной свободы недопустимо, что возможно допускать либо абсолютную свободу, либо не свободу. Отмѣчу прежде всего странную тенденцію у позитивиста стоять за безусловныя понятія. Конечно было бы легче опровергать libero arbitrio indifferentiae т. е. безусловную, совершенно безпричинную въ какихъ либо опредѣленіяхъ свободы. Но наука уголовнаго права, одинаково остерегающаяся всякихъ крайностей, ничего не принимающая и ничего не отвергающая только аргіогі, можетъ единственно признавать нравственную свободу не безусловную, а относительную. Присущая человѣку, какъ существу, у коего на ряду съ разумной стороной существуетъ сторона чувственная, нравственная свобода не есть явленіе постоянное, одинаковое, неизмѣнное и готовое, она раз-

---

Кандинскаго, вып. I, Введеніе стр. 3-я. Въ рефлективномъ движеніи, непосредственно зависящемъ отъ раздраженія, отсутствуетъ психологическій моментъ. Но по мѣрѣ появленія психологическаго момента между впечатлѣніемъ и движеніемъ, послѣднее все болѣе и болѣе становится независимымъ отъ внѣшняго впечатлѣнія, необходимо все болѣе и болѣе обращаться къ моментамъ внутренняго опыта, такъ что только этотъ послѣдній будетъ наконецъ въ состояніи дать отчетъ о движеніи. Здѣсь нѣтъ физіологическаго начала, или, по крайней мѣрѣ, оно недоступно нашему наблюденію.

лична по возрасту, по состоянію умственныхъ способностей, по образованію. Она даже исчезаетъ совершенно въ силу подмѣченныхъ законодательствомъ обстоятельствъ, исключающихъ вмѣняемость и общее свойство которыхъ обусловливается нарушеніемъ необходимаго для нравственной свободы minimum'а умственной неприкосновенности. Было бы тщетно въ практическомъ дѣлѣ уголовнаго правосудія стоять за безусловное явленіе. Но не будучи безусловнымъ фактомъ, нравственная свобода все таки остается необходимымъ и непререкаемымъ требованіемъ какъ теоріи уголовнаго права, такъ и практики уголовнаго законодательства. Было бы невозможно обращаться къ волѣ дѣятеля и одновременно предполагать ее предопредѣленной заранѣе; было бы невозможно разсчитывать на психическое дѣйствіе уголовнаго закона, въ смыслѣ воздержанія отъ преступленія большинства членовъ общества, предполагая, что никто не въ силахъ воздержаться отъ преступленія; было бъ невозможно связывать уголовное право съ коренными нравственными понятіями человѣчества, если бъ видѣть въ преступникахъ несчастныхъ автоматовъ, фатально предопредѣленныхъ. Къ тому же должно сказать, что уголовное право обращается съ minimum'омъ требованій къ способности самоопредѣленія лица: оно настаиваетъ преимущественно на такихъ требованіяхъ: какъ не убій, не укради, предъявляемыхъ первоначальнымъ закономъ, съ которымъ человѣкъ знакомится въ дѣтствѣ, благодаря религіозному преподаванію. Приходится признать, что пока наука не достигнетъ до того, чтобы доказать неоспоримо и непререкаемо невозможность и лживость понятія о нравственной свободѣ, законодателю нельзя разстаться съ нимъ, если онъ не захочетъ порвать связь съ communis consensus большинства гражданъ, практически поступающихъ на основаніи этого принципа, и съ наиболѣе возвышеннымъ представленіемъ о нравственномъ законѣ и нравственной обязанности [22]).

---

[22]) Относительно необходимости для законодателя сообразоваться съ практически господствующимъ въ обществѣ понятіемъ о нравственной свободѣ, ср. Gabelli Sulla «Scuola positiva» въ Rivista penale 1886 Dis 15, а также вышеуказанную статью: въ Nuova Antologia. Уголовное законодательство ничего не можетъ выиграть, показывая человѣку, что онъ не свободенъ. Весьма сомнительно, чтобъ, желая отвратить людей отъ преступленія, слѣдовало бы говорить имъ, что они не могутъ воздерживаться отъ преступленія. (Nuova Antologia, стр. 591). По части указаннаго понятія относительной нравственной свободы см. Carrara Libertà è spontaneità, вступительная лекція 28 ноября 1883 г. Указавъ, что свобода не исключаетъ мотивовъ, что нормальное состояніе психической свободы состоитъ въ томъ, что изъ многообразія мотивовъ выбирается опредѣленный мотивъ, Каррара признаетъ, что извѣстныя обстоятельства

Слѣдуетъ оцѣнить, въ чемъ состоятъ затрудненія, связывающіяся на практикѣ съ понятіемъ объ ограниченной нравственной свободѣ? Ферри усматриваетъ эти затрудненія въ необходимости для судьи принимать въ разсчетъ массу недоступныхъ строгому опредѣленію условій, воздѣйствующихъ на нравственную свободу, но такое затрудненіе одинаково при всякомъ критеріи отвѣтственности—нравственной ли свободы — или temibilità (внушаемаго пре-

---

(дурное воспитаніе, дурной примѣръ родителей, тѣлесные недостатки) могутъ содѣйствовать движенію лица по преступному пути, но изъ этого положенія дѣлается недоказанный выводъ, когда утверждаютъ, что лицо вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ не могло удержаться на пути чести и обязанности. Фаталистическое воззрѣніе, отрицающее нравственную свободу, смѣшиваетъ, по мнѣнію Caggara, spontaneità (бо́льшее или меньшее отсутствіе воздѣйствующихъ на волю обстоятельствъ) и libertà (стр. 514 и 516. Reminiscenze di Cattedra è foro). Ср. также Buccellati Il'Nihilismo: установивъ, что свобода есть способность самоопредѣленія къ дѣйствію, перцепированному разумомъ, Buccellati замѣчаетъ, что конечно рѣчь идетъ не о libertà assoluta; questa e inconcepibile in rerum natura (Parte II, Cap. IV. § 185). Точно также смотритъ на этотъ вопросъ Brusa Saggio: L'inteletto puo esser piu o meno illuminato, le volontà piu o meno libera 150. Весьма важно по вопросу о границахъ вмѣняемости изслѣдованіе Spitta, Die Willensbastimmungen und ihr Verhältniss zu den impulsiven Handlungen 1881. Установивъ понятіе психической свободы, какъ способности воли руководиться нормами, а понятіе вмѣняемости, какъ способности самоопредѣленія, складывающееся изъ мышленія и соотвѣтствующаго практическаго осуществленія мыслимаго, Спитта тщательно изслѣдуетъ соотношеніе Willenshandlung и Triebhandlung (стр. 75—108). Авторъ показываетъ особую зависимость лицъ слабаго, болѣзненнаго строенія отъ тѣлесныхъ побудовъ, вслѣдствіе чего имъ труднѣе, чѣмъ здоровымъ лицамъ, сохранить порядокъ въ своемъ«духовномъ хозяйствѣ» (geistigem Hanshalt). Появляющіеся у такихъ лицъ бѣглые образы, идеи, желанія, которыя не удается удалить изъ сознанія, хотя упомянутыя лица и сопротивляются ихъ осуществленію, Спитта характеризуетъ какъ антилогію между волей и побудомъ (т. е. какъ состояніе сильнѣйшаго стремленія сдѣлать что нибудь, при внутреннемъ отвращеніи къ этому стремленію). Это явленіе встрѣчается иногда у совершенно здоровыхъ людей, не приводя къ какимъ либо важнымъ послѣдствіямъ. Но бываютъ случаи, гдѣ побудъ, при указанномъ отношеніи къ нему воли, толкаетъ на преступленіе. Изъ примѣровъ, сообщаемыхъ у Maudsley, Marc, Gall видно, что лица, одержимыя чудовищными побудами, ужасались ихъ, боролись съ ними и обращались къ врачамъ, близкимъ лицамъ, дѣйствительно находя избавленіе. Въ этихъ случаяхъ воля выходила побѣдительницей. Но бывали случаи обратные—преодолѣнія воли побудомъ. Спрашивается, отмѣняетъ ли невмѣняемость эти состоянія, пограничныя между полной психической свободой и полной несвободой? Авторъ констатируетъ, что въ цитованныхъ имъ случаяхъ удачной борьбы или непреодолимаго побуда не было,—въ нихъ было далѣе на лицо самосознаніе и сознаніе причинности, отсутствовали иллюзіи и галлюцинаціи, предрасполагающія мѣстныя, спеціальныя заболѣванія, наслѣдственность, наконецъ было на лицо самоопредѣленіе, согласно нравственнымъ нормамъ; характеристическаго признака

ступникомъ страха), защищаемаго, какъ увидимъ ниже, Ферри. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, если придавать одинаковое значеніе различнымъ факторамъ, болѣе или менѣе распознаваемымъ, надо считаться съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, при установленіи категорій преступности новая школа принимаетъ однимъ изъ признаковъ различія большую или меньшую необузданность импульсовъ къ преступленію, но очевидно, что факторы, указываемые Ферри и недоступные точному опредѣленію, могутъ различно воздѣйствовать и въ этомъ отношеніи. Далѣе, разъ придается огромное значеніе отовсюду приливающимъ на преступника факторамъ преступленія, теорія благожелательныхъ и противуположныхъ имъ мотивовъ должна также потерять значеніе. Благожелательнымъ, при этихъ условіяхъ, мотивомъ будетъ мотивъ, возникшій при относительно слабомъ дѣйствіи независящихъ отъ преступника факторовъ, антисоціальнымъ мотивомъ будетъ мотивъ, возникшій при особо неблагопріятномъ стеченіи этихъ факторовъ. Очевидно, что, допуская одинаковое значеніе для всемозможныхъ факторовъ, нужно будетъ устранить этотъ критерій различныхъ мотивовъ.

Всякій человѣкъ подвергается вліяніямъ атмосферическимъ, климатическимъ, соціальнымъ;—они могутъ отражаться на состояніи его тѣла, на психической дѣятельности, но не доказано, чтобъ всѣмъ таковымъ факторамъ было свойственно общее, одинаковое и непре-

---

помѣшательства, по которому лицо вводится въ обманъ своими ощущеніями, не было; если же лицо ясно сознаетъ свои ощущенія, о несвободѣ не можетъ быть и рѣчи. Относительно тѣхъ случаевъ, гдѣ побудъ беретъ верхъ надъ волей, не смотря на предшествующую борьбу, Спитта замѣчаетъ, что при отсутствіи данныхъ, указывающихъ на психическую несвободу, недостатокъ успѣшнаго сопротивленія побуду можетъ быть вмѣненъ въ culpa при справедливомъ соображеніи съ нервнымъ состояніемъ дѣятеля, затруднившимъ нормальное самоопредѣленіе воли. Невмѣненіе совершеннаго подъ давленіемъ побуда единственно возможно при удостовѣреніи существеннаго нарушенія психическихъ функцій. Указанные выводы Spitta, находящіе поддержку въ такихъ авторитетныхъ писателяхъ, какъ напр. цитуемый имъ психіатръ Schwarzer, несомнѣнно крайне важны для вопроса объ уголовной вмѣняемости и вмѣненіи. Очевидно, что принимая въ основаніе вмѣняемости относительную, практическую нравственную свободу и отступая въ этомъ отношеніи отъ понятія о безусловной свободѣ, теорія нравственной вмѣняемости одинаково не допускаетъ безусловныхъ построеній психической несвободы, выводимой изъ наличности какихъ бы то ни было порочностей психо-физической организаціи. Въ этомъ отношеніи очень вѣрно, говоритъ Спитта: «Куда бы мы пришли, еслибъ всякое дурное состояніе духа, всякое чувство возбужденія или истощенія, всякое недомоганіе, всякая мигрень, всякое преходящее состояніе усталости, слабости, всякій, однимъ словомъ, натискъ тѣла на духъ—считать психически обременяющимъ состояніемъ (стр. 102).

одолимое вліяніе на дѣятельность человѣка, интересующее уголовное право. Эти факторы могутъ производить, какъ сказано, извѣстныя подлежащія оцѣнкѣ послѣдствія, состоящія въ связи съ фактомъ преступленія. Но тогда они и принимаются въ разсчетъ, какъ обстоятельства, исключающія отвѣтственность (напримѣръ, болѣзненный припадокъ отъ сильнѣйшаго зноя), или вліяющія на степень и свойство вины. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что существуютъ условія, къ которымъ человѣкъ приживается, привыкаетъ, приспособляется; таковы климатическія, даже соціальныя условія; значитъ принимать ихъ во всякомъ случаѣ argiori, какъ причины уменьшенія нравственной свободы, будетъ весьма часто совершенно невѣрнымъ пріемомъ [23]).

---

23) По части климатическаго фактора въ жизни народовъ, которому придавалось такое большое значеніе со временъ Монтескье, ср. вѣрныя замѣчанія Лотце, что при многочисленности элементовъ, входящихъ въ природу страны и природу ея обитателей, всегда можно комбинировать нѣкоторые изъ нихъ (Mikrokosmus II. Кн. 6. Кар. 1. стр. 357). О связи преступности противъ личности съ жаркимъ климатомъ и противъ собственности съ холоднымъ ср. Tarde Criminalité comparée (Paris, 1886). Этотъ талантливый писатель высказывается относительно значительной условности такой связи, указывая на примѣръ Франціи, гдѣ ее статистикой доказать нельзя, и придавая соціальнымъ условіямъ, вліянію цивилизаціи перевѣсъ надъ условіями климатическими. Противъ выводовъ Ферри и Ломброзо о тѣсной связи преступности съ жаркимъ климатомъ и потребленіемъ спиртныхъ напитковъ въ итальянской литературѣ выступили Organo La criminalità nelle sue relazioni col clima (1882), придающій нравственнымъ и соціальнымъ причинамъ преобладаніе надъ естественными, а въ самое послѣднее время Napoleone Colajanni въ работахъ «La delinquenza della Sicilia e sue cause» 1885 и «L'alcoolismo, sue conseguenze morali e sue cause, 1887». Высокую преступность Сициліи Colajanni объясняетъ преимущественно соціальными и политическими условіями. Важны указанія автора на высокія статистическія цифры преступности въ болѣе сѣверныхъ, сравнительно съ Сициліей, мѣстностяхъ Италіи (по статистикѣ 1864—1870 на 100.000 жит. приходится случаевъ убійства въ Basilicata 28, 17; въ Abruzzi 21, 56; въ Сициліи 21, 40), а равно на огромныя колебанія преступности сообразно различію мѣстностей въ Сициліи. (Книга Colajanni цитована по рецензіи Гольцендорфа въ Gerichtsaal 1886). Въ книгѣ Alcoolismo Colajanni показываетъ на примѣрахъ французской, итальянской, прусской, шведской, англійской и швейцарской статистики невозможность статистической демонстраціи усиленія преступности противъ лицъ и имуществъ въ связи съ усиленіемъ потребленія спиртныхъ напитковъ. Ср. также статью того же автора въ Archives de l'anthropologie criminelle № 6 1886 Oscillations thermométriques et délits contre les personnes, представляющую мѣткую критику работъ Ферри и Ломброзо о связи климата съ извѣстными преступленіями. Какъ бы ни относиться къ этимъ изслѣдованіямъ Tarde и Colajanni, во всякомъ случаѣ весьма талантливымъ и основательнымъ, они существенно опровергаютъ требованіе Ферри о необходимости для судьи принимать въ разсчетъ всѣ возможные, мыслимые in abstracto факторы преступности.

III.

Приступая къ разрѣшенію вопроса объ отвѣтственности человѣка, Ферри заявляетъ, что подобно зоологу, геологу, соціологу, не могущимъ ограничиваться современной дѣйствительностью и, поэтому, изучающимъ прошедшее, и криминалистъ долженъ отыскивать въ наиболѣе отдаленныхъ проявленіяхъ жизни первые зачатки уголовнаго правосудія. Такъ поступалъ авторъ при изученіи явленія убійства, изслѣдуя зародыши и эволюцію этого преступнаго дѣянія въ доисторическую эпоху и среди животныхъ видовъ, предшествовавшихъ человѣку [24]). При опредѣленіи природы соціальной функціи, — права наказанія, нужно опредѣлить біологическіе и соціальные элементы, изъ коихъ оно слагается.

Всякое существо борется за свое существованіе. Дѣйствія, нарушающія естественныя условія его существованія, индивидуальнаго или общественнаго, вызываютъ въ немъ реакцію непосредственной или посредственной обороны, смотря по тому, нужно ли отразить нападеніе, или предупредить его въ будущемъ.—Таковъ первичный фактъ, обнаруживающійся въ наиболѣе элементарныхъ формахъ жизни, простой протоплазмѣ и растеніи, и постепенно развивающійся до сложной формы человѣческой оборонительной реакціи.

Ферри даетъ очеркъ эволюціи оборонительной реакціи въ органическомъ мірѣ. Двѣ формы обороны, соціальная и индивидуальная, встрѣчаются всюду, гдѣ только есть животная и человѣческая жизнь. Упомянувъ о царствѣ протистовъ, обладающихъ оборонительной реакціей въ видѣ раздражительности, авторъ указываетъ на соціальную оборону въ животныхъ общежитіяхъ (у пчелъ), съ наибольшимъ прогрессомъ ея у млекопитающихъ (лошадей, обезьянъ, слоновъ), гдѣ оборонительная реакція ввѣряется главѣ общежитія, дѣйствующему не только по личному, но и по общественному интересу [25]).

---

[24]) Сар. I. 67—68. Ферри имѣетъ здѣсь въ виду свою работу Evoluzione delomicidio (Archivio di Psich.III 1882),составляющую первую главу приготовляемаго авторомъ къ печати большаго сочиненія: L' omicidio in rapporto alla scienza, alla legislazione e alla guiris prudenza. Указанной работой широко воспользовался Ломброзо въ 1-ой части L' Uomo delinquente. Embriologia del delitto. См. гл. 1-ую моей работы стр. 9—11-ую.

[25]) Сар. I. 68—71.

Соціальная реакція у дикарей характеризуется Ферри слѣдующимъ образомъ: въ первобытномъ обществѣ бываетъ переходъ отъ личной реакціи и мести къ коллективной мести, отправляемой первоначально союзомъ (семьей и родомъ), а потомъ главою рода или племени. Такая замѣна личной мести коллективной происходитъ вслѣдствіе соціальной пользы, такъ какъ убійство членовъ рода ослабляетъ его, а также вслѣдствіе необходимости для союза положить конецъ безконечнымъ распрямъ. Первоначально глава племени соединяетъ въ себѣ предводительство на войнѣ, званіе первосвященника, судьи и исполнителя приговоровъ. Впослѣдствіи отдѣльныя полномочія уступаются имъ приближеннымъ лицамъ. Однако первоначальное сочетаніе въ одномъ лицѣ званія вождя и первосвященника съ функціями обороны и репрессіи объясняетъ основную особенность существующаго уголовнаго правосудія и науки уголовнаго права. При оборонительной реакціи въ индивидуальной формѣ, побужденіемъ для лица, подвергшагося нападенію и отражающаго таковое служитъ непреодолимая тенденція самосохраненія. Понятіе вины, какъ послѣдствія нравственной злостности, чуждо индивидуальной оборонѣ. Тоже должно сказать и о коллективной реакціи, исходящей изъ необходимости самосохраненія союза. Такой же характеръ простой функціи соціальной обороны, свободной отъ понятія о нравственной винѣ преступника, остается въ новомъ обществѣ, въ случаѣ прямой и непосредственной реакціи (на войнѣ или при предупредительной дѣятельности полиціи). Когда же происходитъ оборонительная реакція косвенная, то на первый планъ выступаетъ элементъ нравственной вины преступника, который въ дѣйствующемъ законодательствѣ и наукѣ признается условіемъ sine qua non индивидуальной отвѣтственности. Это различіе авторъ сводитъ къ первоначальному соединенію въ главѣ племени военной власти съ званіемъ первосвященника. Оборонительная реакція репрессіи, бывшая въ рукахъ частнаго лица частной местью, становится въ рукахъ главы племени публичной местью, а въ рукахъ жреческаго сословія божественной местью, местью оскорбленнаго божества, превратившись изъ простой функціи защиты въ функцію религіозной и нравственной миссіи.

Изъ трехъ фазисовъ эволюціи идей и чувствованій относительно наказанія: религіознаго, нравственнаго, юридическаго, мы находимся во второмъ фазисѣ, хотя принципы религіозный и этическій постоянно смягчаются даже у классиковъ-криминалистовъ въ пользу принципа соціальнаго интереса. Шагъ впередъ, сдѣланный новой школой, составляетъ завершеніе эволюціоннаго цикла вслѣдствіе усвоенія

уголовному правосудію естественнаго и природнаго характера соціальной функціи, принадлежавшаго ему при его возникновеніи, съ устраненіемъ, впрочемъ, всякаго духа грубой мести [26]).

Такимъ образомъ основной критерій наказуемости преступленія сводится къ необходимости самосохраненія, безусловно дѣйствующей какъ въ соціальномъ, такъ и животномъ организмѣ [27]).

Авторъ отмѣчаетъ при этомъ, что если понятіе объ уголовномъ правосудіи, какъ функціи обороны и самосохраненія — всеобще признанное, то полное отдѣленіе функціи обороны отъ всякаго критерія нравственной свободы является совершенно новымъ, почему приходится выяснить его въ виду дѣлаемыхъ возраженій. Такъ Каррара утверждаетъ, что право наказанія нельзя отождествлять съ правомъ обороны; первое направляется противъ совершеннаго, второе—противъ несовершеннаго еще дѣянія: принципъ соціальной защиты или охраны, какъ единое основаніе наказанія, составляетъ регрессъ сравнительно съ принципомъ правовой защиты или охраны (Tutela giuridica), возстановленія права (redintegrazione giuridica) современной итальянской классической школы, въ виду того, что первый принципъ освящаетъ всякое превышеніе власти со стороны государства по отношенію къ правамъ частнаго лица,—принципъ же защиты права не допускаетъ этой возможности (Programma Introduzione al Vol II. Opuscoli T. I). Ферри защищаетъ усвоенный имъ принципъ наказанія слѣдующимъ образомъ: соціальная оборона, обладая значеніемъ предупрежденія будущихъ преступленій, не тождественна съ обороной противъ внѣшняго врага, съ охраной частныхъ лицъ путемъ полицейской дѣятельности. Естественная эволюція карательнаго права не дозволяетъ видѣть въ правѣ наказанія чего нибудь иного, кромѣ чистой обороны соціальнаго порядка: въ самомъ дѣлѣ, карая преступниковъ, общество отправляетъ ту функцію, которая въ первобытныя времена выражается въ мести потерпѣвшаго—функцію обороны противъ будущихъ преступленій. Однако криминалисты классики, замѣчаетъ Ферри, возражаютъ, что когда говорятъ о соціальной защитѣ или охранѣ, болѣе или менѣе проистекающей изъ чувства мести,—тѣмъ самымъ дается поводъ къ незаконнымъ захватамъ общества въ сферѣ правъ личности, къ подавленію таковыхъ. Но такая забота, по мнѣнію автора, лишь продуктъ индивидуалистическаго теченія, столь чрезмѣрнаго въ наше время, и въ силу котораго государство считается врагомъ

---

26) Стр. 71—85.
27) Стр. 87.

отдѣльнаго лица, какъ въ средніе вѣка. Это теченіе должно ослабѣть при новомъ уравновѣшеніи личности и общества, къ которому стремится новая соціологія [28]).

Обращаясь къ оцѣнкѣ указаннаго отдѣла книги Ферри о соціальной реакціи противъ преступленія, приходится прежде всего отрицать всякую законность у попытки сближенія человѣческой преступности съ животнымъ міромъ. Выше были показаны странныя представленія Ломброзо о животной преступности. Точно также ничего, кромѣ поверхностныхъ и невѣрныхъ аналогій, нельзя видѣть въ соціальной и индивидуальной реакціи, выражающейся, наприм., въ раздражительности протистовъ, въ соціальной оборонѣ у пчелъ, лошадей и обезьянъ. Вся эта зоологическая соціологія требуется для подкрѣпленія нѣкоторыхъ любимыхъ положеній, безъ которыхъ не было бы и новой школы, въ родѣ того, что преступленіе есть фактъ естественный, какъ рожденіе, какъ зачатіе, какъ смерть, что человѣкъ отличается отъ животныхъ не по существу, а по степени.

Но изслѣдованіе уголовнаго правосудія, указывающее его объективныя цѣли, ничего не можетъ выиграть отъ изученія животнаго міра, въ коемъ отсутствуютъ сознательно цѣлевыя понятія. Такъ знаменитый авторъ «Цѣли въ правѣ» приходитъ къ тому, что животныя стремятся къ цѣлямъ, поставляемымъ природой, а не ими. Установивъ затѣмъ, что волевая функція животныхъ исчерпывается заботой о сохраненіи и передачѣ другому жизни, дарованной природой, Іерингъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Если даже допустить, что... колоссальною разницею въ результатахъ волевой дѣятельности того и другаго (т. е. человѣка и животнаго), человѣкъ обязанъ исключительно фактору, которымъ человѣкъ отличается отъ животнаго и которымъ послѣднее не обладаетъ, то и тогда между волею человѣка и животнаго остается различіе, исключающее всякую возможность ихъ уравненія. Животное можетъ дѣйствовать только ради самаго себя, человѣкъ же и ради другихъ, т. е. онъ не заимствуетъ, подобно животному, основанія и цѣли своего хотѣнія исключительно у самого себя. Именно эта способность человѣка дѣйствовать ради чего то внѣ его находящагося, будутъ ли то отдѣльныя лица, или иныя цѣли, и придаетъ человѣческой жизни тотъ характеръ и значеніе, какое они имѣютъ [29]).

---

[28]) Стр. 89—95.

[29]) Цѣль въ правѣ русскій переводъ 1881 г. стр. 23, 24-ая. Ср. вѣрныя замѣчанія г. Чичерина (Собственность и государство ч. 1 К. 1-ая право гл.

Изслѣдованіе о преступности у дикарей,—точно также представляется тенденціознымъ очеркомъ, предназначеннымъ поддержать теорію автора о современной соціальной реакціи. Характеристика индивидуальной и соціальной мести у первобытныхъ народовъ и дикарей дѣлается безъ всякой попытки воспользоваться богатыми историческими изслѣдованіями по этому предмету и представляетъ лишь обрывки фактовъ, произвольно связанныхъ.

Индивидуальная и коллективная месть сводится Ферри единственно къ тенденціи самосохранія недѣлимаго или союза, при чемъ съ удареніемъ указывается на полнѣйшіе отсутствіе понятія о нравственной винѣ нападчика. Но таковое объясненіе обычая мести опускаетъ важную черту, удостовѣренную всѣми историческими свидѣтельствами. У всѣхъ народовъ, начиная съ Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Германцевъ, Франковъ—месть является съ характеромъ нравственно-религіозной обязанности, обязанности, принятой потомкомъ передъ предкомъ, священнымъ долгомъ, упущеніе котораго признается позоромъ [30]).

1-ая Свобода стр. 2-ая), что самыя сложныя общества замѣчаются у низшихъ животныхъ (пчелъ, муравьевъ), высшія животныя (млекопитающія) живутъ стадами безъ опредѣленной организаціи или въ одиночку.

30) Ср. книгу г. Ковалевскаго Современный обычай и древній законъ т. II. Уголовное право Осетинъ А. Кровная месть, гдѣ обычное право Осетинъ излагается въ связи съ сравнительнымъ очеркомъ ранняго уголовнаго права у арійскихъ племенъ, (стр. 10—53). Нравственно религіозный характеръ кровной мести выражается въ многочисленныхъ обычаяхъ Осетинъ: такимъ представляется приходъ совершившаго кровомщеніе на могилу убитаго родственника для оповѣщенія его объ исполненномъ долгѣ (стр. 9-я). Относительно нравственно религіознаго характера мести у Индусовъ, Грековъ, Римлянъ, см. тщательно обработанный отдѣлъ Das römische Strafrecht въ Handbuch des deutschen Strafrechts Бара т. I 1882 года, гдѣ авторъ показываетъ, что у древнихъ народовъ месть является обязанностью въ виду высшей идеи и поэтому связывается съ религіей(стр. 5-я). По части нравственно-семейнаго значенія функціи «Гоэля» у Евреевъ ср. «Древнѣйшая жизнь Евреевъ» Фентона русскій переводъ 1884 г. § 26; у Евреевъ замѣчательнымъ образомъ кровная месть связывалась съ понятіемъ нравственной вины обидчика (Loiseleur Les crimes et les peines гл. 1-я Les Hebreux. стр. 9-я и книга Чисел. гл. XXXV). О нравственно религіозномъ характерѣ мести въ Германскомъ и Скандинавскомъ правѣ см. Wilda Das Strafrecht der Germanen B. Von der Rache. C. Von der Blutrache im besondern. О мести въ древнемъ римскомъ правѣ ср. указанія у Ihering Geist des römischen Rechts I, гдѣ чрезвычайно ярко представлено значеніе Sacratio, какъ принципа мести, перенесеннаго народомъ на своихъ боговъ. Это указаніе свидѣтельствуетъ о невозможности противуположенія религіознаго принципа принципу частной мести. Ср. также Адаты Кавказскихъ горцевъ изд. Леонтовича Вып. II. Адаты Осетинъ, стр. 6: каждый родственникъ убитаго обязывается священнымъ долгомъ мстить убійцѣ; не исполнившій сего подвергается жесточайшему безчестію.

Что касается до цѣли самосохраненія недѣлимаго или союза, то эта цѣль мало совмѣстима съ местью, приводившей нерѣдко къ истребленію цѣлыхъ родовъ. Наконецъ мысль Ферри противурѣчитъ исторической дѣйствительности и въ томъ отношеніи, что въ изложеніи его индивидуальная и соціальная реакція мести связывается съ преступленіями противъ жизни и собственности, тогда какъ на дѣлѣ месть практиковалась по поводу самыхъ разнообразныхъ преступленій [31]).

Если изслѣдованіе института мести является у Ферри несогласнымъ съ историческими данными, то точно также чрезвычайно сомнительно объясненіе генезиза нравственной вины въ современномъ законодательствѣ переходомъ карательной власти въ руки жреческаго сословія.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ эпоху частной мести всякое нарушеніе личныхъ правъ, всякій причиненный вредъ влекли за собою реакцію, независимо отъ умышленности или неумышленности дѣянія, тѣмъ не менѣе обычай мести, какъ показано выше, связывался съ нравственно-религіозными воззрѣніями. Затѣмъ такое голословно-общее объясненіе выработки понятія о нравственной винѣ вліяніемъ жреческаго сословія ничего не объясняетъ. Кажется не подлежитъ сомнѣнію, что выясненіе развитія столь тонкихъ понятій, какъ нравственная вина, и основаннаго на ней понятія объ юридической отвѣтственности, понятій, для развитія которыхъ требовались цѣлыя столѣтія,—предполагаетъ самое тщательное изученіе историческихъ памятниковъ и не можетъ ограничиваться произвольной догадкой [32]).

Какъ бы то ни было, историческій очеркъ первобытной реакціи противъ преступленія даетъ случай автору воздать себѣ и своей школѣ хвалу за усвоеніе уголовному правосудію того характера, которымъ оно обладало въ первобытномъ обществѣ,—характера функцій самообороны, но безъ чувства мести. Такимъ образомъ, совре-

---

31) Ср. указ. книгу г. Ковалевскаго стр. 27—37.

32) Догадка Ферри заимствована имъ у психіатра Kräpelin'a, см. его Abschaffung des Strafmasses. Такое истолкованіе, однако, требовало бы точнаго анализа историческихъ свидѣтельствъ. Ср. вступительную лекцію Löhning'a по курсу уголовнаго права, въ Іенскомъ университетѣ: Über geschichliche und ungeschichtliche Behandlung des Strafrechts: указавъ на необходимость для объясненія современнаго карательнаго права государства внимательнѣйшаго изученія отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, Лёнингъ цитуетъ слѣдующія слова Savigny: Eine Rechtsgeschichte, die nicht auf dieser gründlichen Erforschung des Einzelnen beruht, kann nichts anderes geben, als ein gemeines und flaches Raisonnement über halbwahre Thatsachen (Zeitschrift Листа, III, стр. 230).

менности ставятся, какъ идеалъ,—коренныя цѣли первобытной реакціи противъ преступленія. Я пытался показать, что эти цѣли самоохраны личной или общественной никогда сознательно не ставлялись,—а еще менѣе достигались. А между тѣмъ Ферри сближаетъ первобытную и современную реакцію противъ преступленія, хотя и съ устраненіемъ чувства мести. Понятно однако, что такого рода сближеніе немыслимо: если первобытная реакція была проникнута чувствомъ мести, то съ устраненіемъ таковаго отъ нея ничего не остается. Значитъ современная дѣятельность правосудія сближается съ понятіемъ лишеннымъ всякаго реальнаго содержанія [33]).

По части спора Ферри съ криминалистами классиками,—относительно двухъ формулъ «соціальной обороны» и «охраны правъ», я постараюсь показать, что послѣдняя формула заслуживаетъ предпочтенія по слѣдующимъ основаніямъ. Когда прибѣгаютъ къ термину «общество» и соціальной функціи, то при этомъ безъ всякой надобности употребляется терминъ общій, родовой тамъ, гдѣ умѣстнѣе болѣе опредѣленный, спеціальный терминъ. Терминъ «общество» обнимаетъ всякое общежитіе, всякій союзъ людей. Есть союзъ высшій, охватывающій собой частные союзы, — этотъ союзъ государство, т. е. народъ, какъ единое цѣлое подъ одной верховной властью. По отношенію къ нему вся совокупность отдѣльныхъ союзовъ съ ихъ разнообразными интересами можетъ быть названа обществомъ. Государство въ отличіе отъ общества преслѣдуетъ двѣ цѣли: внѣшнюю—поддержаніе собственной безопасности и независимости въ кругу другихъ государствъ, и внутреннюю—обезпеченіе и защиту права [34]).

---

33) Любопытно припомнить въ виду отношенія Ферри къ первобытной юстиціи воззрѣнія Ломброза, который, напротивъ, порицаетъ современное правосудіе за остатки въ немъ первобытной юстиціи (см. гл. 1-ю, стр. 15-ю).

34) О различіи понятій общества и государства ср. Чичерина, собственность и государство 1883 г. Часть 2-ая—Кн. 3. Государство гл. 1-ая Государство и Гражданское общество стр. 187. Въ той же главѣ указаны различныя значенія термина «общество: въ смыслѣ отвлеченнаго родоваго названія, общество означаетъ лишь существованіе извѣстной связи между людьми (стр. 183). Въ противуположность государству авторъ признаетъ гражданское общество, какъ совокупность частныхъ отношеній, опредѣляемыхъ правомъ (стр. 192). Государство есть народъ, какъ единое цѣлое (стр. 187). Противъ преувеличенія понятія объ «общественномъ элементѣ» у Іеринга, а равно чрезмѣрнаго понятія о «благѣ общества» приводящаго государство на степень «Zwangsarbeit Sanstalt» — Dahn, Die Vernunft im Recht (стр. 180—181, а равно г. Чичеринъ въ указанномъ сочиненіи кн. 3 гл. 1-ая.— Ночтенный авторъ замѣчаетъ,—что у Іеринга самое государство является только орудіемъ въ рукахъ новаго Левіаѳана, Общества, которое представляется столько не безпредѣльнымъ, сколько неопредѣленнымъ» (стр. 173).

«Всѣ другія задачи государства отступаютъ передъ задачей развитія и обезпеченія права на задній планъ,—онѣ выступаютъ лишь когда первая важнѣйшая выполнена, безотлагательное ея разрѣшеніе является необходимымъ предположеніемъ достиженія остальныхъ задачъ,—забота и попеченіе о правѣ.... составляютъ важнѣйшую жизненную функцію государства» [35]). Задача охраны права осуществляется путемъ гражданскаго и уголовнаго правосудія. Въ чемъ же цѣль уголовнаго правосудія, осуществленія карательнаго права государства? На это можно отвѣчать лишь въ связи съ установленіемъ понятія уголовнаго преступленія. Іерингъ опредѣляетъ преступленіе, какъ вредоносное посягательство на жизненныя условія общества. Но эти жизненныя условія не могутъ заключаться въ чемъ либо иномъ,—какъ въ устойчивости правоваго порядка, т. е. неприкосновенности правовыхъ благъ и созданныхъ ради обезпеченія таковыхъ юридическихъ институтовъ [36]). Такимъ образомъ ближайшая характеристика уголовнаго преступленія—слѣдующая: преступленіемъ отрицаются основныя учрежденія государственнаго общежитія,—непризнаніе которыхъ подрываетъ общность правосознанія, communis consensus, служащаго основаніемъ для юридическаго порядка на столько, что чѣмъ чаще повторяются такія дѣянія, тѣмъ сильнѣе ослабляется эта общность сознанія. Въ такихъ случаяхъ нарушеніе отдѣльнаго правоваго отношенія дѣлается нарушеніемъ публичнаго правопорядка. Поэтому государственная власть вынуждается къ реакціи противъ преступленія, направляясь противъ виновника его и проявляя на

---

35) Цѣль въ правѣ гл. VIII Государство стр. 229. Въ этомъ взглядѣ на преимущественную цѣль государства съ Іерингомъ вполнѣ сходится Каррара, при полнѣйшемъ разногласіи ихъ основныхъ точекъ зрѣнія. Мысль Каррара развита въ цѣломъ рядѣ работъ, изъ коихъ послѣдняя Genesi antropologica del diritto criminale e penale, вступительная лекція 15 ноября 1879 г., въ Reminiscenze di cattedra e foro. Въ указанной работѣ понятіе о верховной власти въ обществѣ выводится изъ необходимости защиты правъ человѣка, какъ юридическаго существа по природѣ своей (стр. 20-я).

36) Цѣль въ правѣ гл. VIII. 3. Преступленіе, стр. 357. Іерингъ въ означенномъ отдѣлѣ высказывается противъ опредѣленія уголовнаго преступленія, какъ нарушенія юридическаго порядка, въ виду того, что послѣднее объемлетъ и гражданское право, неохраняемое угрозой наказанія (стр. 353). Противъ этого, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно замѣтилъ Dahn, что множество нарушеній благъ, принадлежащихъ гражданскому праву, являются уголовными преступленіями (напр. кража, растрата). Въ связи съ этимъ положеніемъ Dahn усматриваетъ наличность уголовнаго преступленія въ томъ случаѣ, когда правовое сознаніе видитъ въ извѣстномъ поступкѣ наравнѣ съ нарушеніемъ частнаго права потрясеніе, поставленіе въ опасность общежитія (Die Vernunft im Recht стр. 171).

немъ невозможность для отдѣльнаго лица ставить себя выше публичнаго правопорядка; этимъ охраняется отъ ослабленія психическая основа права, общность убѣжденій относительно его безспорной дѣйствительности [37]).

Такимъ образомъ право наказанія связывается тѣснѣйшимъ образомъ съ понятіемъ о государствѣ и представляющей его верховной государственной власти съ одной стороны,—съ понятіемъ объ охранѣ публичнаго правопорядка, устойчивость котораго составляетъ необходимое условіе достиженія отдѣльными лицами всѣхъ жизненныхъ цѣлей въ общежитіи, съ другой стороны. Значитъ, не цѣли охраны общества (difesa sociale) должно достигать государственное отправленіе правосудія, а охраны права въ смыслѣ правопорядка. Этимъ достигается обезпеченіе правъ цѣлаго и правъ недѣлимыхъ,—чисто утилитарныя цѣли ставятся въ подчиненіе интересамъ и требованіямъ нравственно-правовымъ. При усвоеніи карательной дѣятельности цѣли соціальной обороны (salus publica suprema lex esto) права личности,естественно ставятся на второе мѣсто. При защищаемомъ мною понятіи о значеніи уголовнаго права и уголовнаго правосудія выясняется и различіе обороны отъ внѣшнихъ и внутренныхъ враговъ—войны и отправленія уголовнаго правосудія, выясняется различіе уголовно-судебныхъ законовъ отъ законовъ благоустройства и благочинія. Послѣдніе имѣютъ именно цѣлью оборону общества отъ обще-вредныхъ явленій, не затрогивающихъ правопорядка, — каковы напр. эпидеміи, наводненія и проч. Не должно забывать, что въ уголовномъ кодексѣ несравненно большее мѣсто, сравнительно съ нарушеніями политическаго и соціальнаго характера, занимаютъ именно пре-

---

37) Изложенная въ текстѣ характеристика уголовнаго преступленія и карательнаго права государства принадлежитъ Глазеру (Handbuch des Strafprozesses т. I, § 3, стр. 11 и 12). Эта характеристика связывается весьма близко съ воззрѣніями Dahn'a, а равно Carrara, Buccellati и Brusa, съ коими знаменитый австрійскій ученый несомнѣнно находился въ близкомъ духовномъ общеніи. Такъ Саггага приписываетъ наказанію цѣль возстановленія нарушеннаго порядка посредствомъ психическаго воздѣйствія, воздерживающаго отъ преступленія порочныхъ гражданъ, укрѣпляющаго въ добрѣ хорошихъ. (Programma II, Cap. II, § 598—626, Cap. IV, § 627). Во вступленіи ко 2 т. Programma любопытно письмо Гольцендорфа отъ 1875 г. по поводу присланной ему Каррара работы: Cardini della scuola penale Italiana, оканчивающееся слѣдующими словами: «La tutela giuridica nel senso nel quale Voi la intendete é cardine anchè della nostra scienza germanica». Указанный принципъ охраны правоваго порядка положенъ въ основаніе понятія о наказаніи между прочимъ у Haelschner'a цитов. соч. § 222—224 и Liszt'a цит. соч. 2 Buch § 60. Buccellati опредѣляетъ наказаніе, какъ redintegrazione del ordine giuridico (Il Nihilismo Parte II, cap. V).

ступленія противъ частныхъ лицъ. Если слѣдовательно говорить о карательной дѣятельности, какъ о соціальной оборонѣ, то этимъ именно извращается отношеніе, существующее въ дѣйствительности между двумя коренными классами преступныхъ дѣяній, направленныхъ противъ государственнаго цѣлаго и направленныхъ противъ частныхъ лицъ. Наконецъ, если Ферри возражаетъ противъ понятія tutela del diritto, замѣчая, что неизвѣстно о какомъ правѣ, раціональномъ или положительномъ идетъ рѣчь,—то это возраженіе совершенно невѣрно. Очевидно, указанное понятіе имѣетъ въ виду положительное право: всякая теорія уголовнаго права существуетъ не для себя, а ради проведенія въ положительное законодательство, а чрезъ него въ дѣйствительную жизнь раціональнаго понятія о наказаніи. Точно такое же возраженіе возможно, впрочемъ, и противъ difesa sociale [38]).

Отъ спора съ криминалистами-классиками Ферри обращается къ освобожденію карательной функціи государства отъ всякаго критерія нравственной вины и отвѣтственности и къ установленію позитивнаго критерія для этой функціи. Для этого, по словамъ Ферри, требуется единственно простое наблюденіе фактовъ. Къ фактамъ, ранѣе указаннымъ и относящимся къ эволюціи оборонительной функціи, нужно присоединить изученіе нѣсколькихъ фактовъ, столь же общихъ и характеристичныхъ, свойственныхъ современному обществу.

Въ колоніяхъ зоофитовъ, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, жизнь недѣлимаго представляетъ смѣну дѣйствій и воздѣйствій. По различію порядковъ физическаго, біологическаго и соціальнаго существуютъ и соотвѣтствующіе виды санкціи. Нарушая законы природы, человѣкъ и животное подвергаются неизмѣнной санкціи или реакціи. Высунувшись слишкомъ далеко въ окно, человѣкъ падаетъ, разбивается и умираетъ (санкція физическая), объѣвшись, человѣкъ разстраиваетъ себѣ желудокъ (санкція біологическая). Въ современномъ обществѣ Ферри усматриваетъ слѣдующіе

---

38) Къ теоріи о difesa sociale примѣняются вѣрныя замѣчанія у Dahn'a, Vernunft in Recht противъ «das eminent praktische Motiv der Sicherung der Gesellschaft, мотива, полагаемаго Іерингомъ въ основаніе карательной дѣятельности государства. Замѣтивъ, что наказаніе не есть «практически утилитарное учрежденіе, а постулатъ разума», Dahn указываетъ, что «das eminent praktische Motiv» велъ къ заботѣ государства объ истребленіи хищныхъ звѣрей еще въ старо-германскомъ правѣ, но какъ въ тѣ времена, такъ и нынѣ охрана отъ волковъ и наказаніе, совершаемое надъ убійцей, исходятъ отъ совершенно различныхъ порядковъ мысли (стр. 111).

примѣры санкціи: толкнувшій другаго безъ умысла, по неосторожности и разсѣянности, встрѣчаетъ реакцію словами и дѣйствіемъ. Торговецъ, впавшій въ несостоятельность по излишнему довѣрію, является несостоятельнымъ должникомъ. Помѣшанный, напавшій на прохожаго, убивается имъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ соціальной санкціи есть нѣчто общее, а именно независимость санкціи отъ нравственной вины подвергшагося ей, что сближаетъ ее съ санкціей физической и біологической. Почему же общество для реакціи и санкціи относительно извѣстныхъ антисоціальныхъ дѣяній не требуетъ элемента нравственной вины, а между тѣмъ обязано требовать его для санкціи относительно другихъ, болѣе важныхъ, антисоціальныхъ дѣяній, истинныхъ преступленій, каково напр. воровство, грабежъ? Это можно объяснить лишь безсознательной традиціей, оставшейся отъ предшествующихъ фазисовъ эволюціи. Благодаря такой традиціи, для наказанія дѣлается произвольное исключеніе изъ другихъ видовъ санкціи, притомъ не только порядка естественнаго, но и соціальнаго. Впрочемъ, мысль о соціальной санкціи, помимо нравственной вины, проявляется и въ современныхъ законодательствахъ въ постановленіяхъ объ отвѣтственности за вредъ, причиненный безъ намѣренія, за вредъ причиненный животными [39]).

Какой же критерій, спрашиваетъ авторъ, поставить на мѣсто критерія нравственной вины, чтобы не оправдать упрека, что «мы сводимъ уголовное право на степень механической борьбы слѣпыхъ и грубыхъ силъ, низводя судью на уровень убійцъ». Отрицая основы отвѣтственности въ лицѣ, замѣчаетъ Ферри, остается перенести ее на общество. Отдѣльное лицо существуетъ единственно какъ членъ общества. Право или естественная необходимость самосохраненія государства не можетъ подвергаться сомнѣнію. Можно, конечно, замѣтить, что и нынѣ граждане отвѣтствуютъ за свои дѣйствія, но общественное мнѣніе относится къ нимъ различно, клеймя позоромъ виновника истинно преступнаго дѣянія, а не виновника неосторожнаго поступка. Однако въ указанныхъ случаяхъ лишь различіе въ степени, далѣе чувствованія общества измѣняются, сообразно прогрессу. Такъ менѣе столѣтія тому назадъ душевно-больные возбуждали негодованіе въ обществѣ, болѣзнь принималась за злую волю и, лишь благодаря Пипелю и Кіаружи, этотъ взглядъ измѣнился. Авторъ убѣж-

---

39) Стр. 102—113 ая.

денъ, что и нынѣшнее негодованіе противъ преступниковъ смѣнится признаніемъ въ нихъ жертвъ анормальнаго организма [39]).

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній и возраженій противникамъ новой теоріи, Ферри считаетъ возможнымъ дать слѣдующій критерій отвѣтственности лица: «Человѣкъ подлежитъ вмѣненію и отвѣтственности въ силу жизни въ обществѣ».

Вмѣненіе можетъ быть матеріальное (Титъ—виновникъ такого то дѣйствія,) и юридическое (Титъ—обязанъ нести юридическія послѣдствія своего дѣянія). Обоснованіе матеріальнаго вмѣненія жизнью въ обществѣ—очевидно: содѣянное можетъ быть вмѣнено человѣку лишь другимъ человѣкомъ, но и юридическое вмѣненіе совершеннаго обусловливается единственно соціальной жизнью, такъ какъ право мыслимо только въ обществѣ. Значитъ, можно сказать, что всякій человѣкъ всегда отвѣтственъ за всякое противуправное свое дѣяніе единственно потому, что онъ живетъ въ обществѣ.

Возращаясь къ различнымъ видамъ санкціи физической, біологической и соціальной, авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: если санкція, какъ таковая, постоянна во всѣхъ случаяхъ и независима поэтому отъ свойства воли дѣятеля, то качество санкціи, интенсивность ея мѣняется, сообразно видамъ и случаямъ ея примѣненія. Кто слишкомъ далеко высовывается въ окно, тотъ разбивается и умираетъ; оступившійся на улицѣ отдѣлывается вывихомъ; кто принимаетъ ядовитое вещество—умираетъ, тогда какъ разстроившій себѣ желудокъ по невоздержности недолго болѣетъ. Въ соціальной области тотъ, кто толкнулъ другаго, подвергается иной реакціи, чѣмъ несостоятельный торговецъ или душевнобольной, бросающійся на людей. Мало того: во всѣхъ указанныхъ видахъ реакціи, если качество ея въ сущности тоже, мѣняются степень ея и интенсивность по разнообразнымъ условіямъ, коренящимся въ дѣятелѣ и соціальной средѣ его жизни: такъ изъ двухъ несостоятельныхъ торговцевъ одинъ внушаетъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ другой, и получаетъ поэтому болѣе матеріальныхъ вспомоществованій. Во всѣхъ случаяхъ соціальная санкція независима отъ намѣренія и воли недѣлимаго,—но измѣняется количественно и качественно по спеціальнымъ условіямъ отдѣльнаго лица и общества, среди котораго онъ живетъ.

Если это справедливо относительно всѣхъ случаевъ соціальной отвѣтственности, то, очевидно, и санкція противъ уголовныхъ пре-

---

[39]) 119—124.

ступленій должна мѣняться сообразно разнообразнымъ условіямъ, въ коихъ находится дѣятель при совершенномъ ихъ дѣяніи и воздѣйствующее противъ дѣятеля общество [40]).

Уже выше я указывалъ, что соціальная отвѣтственность, защищаемая Ферри,—оригинальное построеніе, при которомъ субъектъ отвѣтственности привлекается не въ силу лежащаго въ немъ основанія, а въ силу основанія, лежащаго внѣ его и отъ него независимаго. Конечно и въ настоящее время отвѣтственность частнаго лица за совершенное имъ дѣяніе, если принимать во вниманіе субъекта карательнаго права и карательной власти, соціальная, или, точнѣе говоря, лицо отвѣтствуетъ передъ государственнымъ союзомъ за свои противуправныя дѣянія. Но при этомъ лицо считается отвѣтственнымъ въ силу принадлежащей ему способности отвѣтствовать за свои дѣйствія. Понятіе юридической отвѣтственности связывается съ понятіемъ о вмѣняемости, какъ объ условіи личной отвѣтственности. Ферри тоже говоритъ о вмѣняемости, вмѣненіи, отвѣтственности, но всѣ эти понятія сливаются и упрощаются въ силу одного факта, — житія человѣка въ обществѣ. Не смотря на громадное значеніе этого факта, пребываніе частнаго лица въ общественномъ союзѣ неспособно само по себѣ объяснить принципа юридической отвѣтственности, такъ какъ ни несовершеннолѣтніе до извѣстнаго возраста, ни душевно больные, ни совершившіе проступокъ вслѣдствіе чисто случайнаго сочетанія обстоятельствъ не признаются отвѣтственными за совершенное. На вопросъ, по какому праву дѣлается упрощеніе существующаго понятія юридической отвѣтственности, Ферри отвѣчаетъ, что за невозможностью выводить отвѣтственность изъ личности не остается ничего иного, какъ переносить ее на общество. Нельзя было лучше выразить неразборчивости новой теоріи: если отвѣтственность будетъ перенесена на общество, то на какомъ же основаніи къ отвѣтственности привлекать частное лицо, которое во всякомъ случаѣ имѣетъ отдѣльное отъ общества бытіе и значеніе? [41])

---

[40]) Стр. 128—132.

[41]) Слѣдующія замѣчанія по этому поводу дѣлаетъ Brusa, Saggio: Cinico è il motivo per cui l'uomo è chiamato a dar conto delle sue azioni secondo questa pazza idea delle responsabilità. Così una nozione di dovere come quella di responsabilità, è surrogata della nozione del fatto puro e semplice di vivere nella società. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Бруза замѣчаетъ, что выдвигаемая Ферри соціальная отвѣтственность недѣлимаго исключительно можетъ объясняться тѣмъ, что общество сильно, а человѣкъ слабъ. — Gabelli

Если обусловливать отвѣтственность частнаго лица исключительно жизнью его въ обществѣ, устраняя всякую нравственную вину, то выходитъ слѣдующее: существуютъ многочисленные соціальные факторы преступности, на которыхъ указываетъ самъ Ферри; разъ за частнымъ лицомъ признается способность сопротивляться воздѣйствію этихъ факторовъ, — лицо справедливо отвѣтствуетъ за свои волевыя дѣянія; если же устранить эту способность, какъ не существующую, то придется признать, что частное лицо несетъ отвѣтственность за прегрѣшенія и вины общества, и притомъ передъ тѣмъ, который является настоящимъ виновникомъ. Выходитъ совершенно безнравственный порядокъ, напоминающій сѣченіе въ старину мальчиковъ при проведеніи межъ. При оригинальной теоріи соціальной отвѣтственности нельзя далѣе указывать, какъ это сдѣлалъ ранѣе Ферри, что человѣкъ отвѣчаетъ за дѣянія, соотвѣтствующія его индивидуальности. Онъ отвѣтствуетъ, напротивъ, за все, что согласно и что несогласно съ его индивидуальностью; такъ какъ если все зависитъ отъ житія въ обществѣ, то, понятно, послѣднему до особенностей частнаго лица не можетъ быть дѣла. При понятіи соціальной отвѣтственности приходится дѣйствительно равнять всякихъ виновниковъ вредоноснаго дѣйствія, будутъ ли это сознательные и вмѣняемые преступники, или несчастные идіоты и душевно-больные. — Но самое явленіе душевной болѣзни особенно явственно выражается тѣмъ, что человѣкъ теряетъ свою усвоенную имъ индивидуальность, воспринимаетъ чуждую ему индивидуальность въ силу рѣзкаго измѣненія вслѣдствіе болѣзненнаго процесса характера, наклонностей, чувствованій. Не даромъ душевно больные поэтому называются alienés, alienati, каковые термины указываютъ на отчужденіе индивидуальности.

Доводы, приводимые Ферри въ пользу своего критерія (простое наблюденіе фактовъ), никого не способны убѣдить, а убѣждаютъ только въ необыкновенной мѣткости клички «Semplicisti» (упростителей), данной Lucchini новой школѣ. Въ самомъ дѣлѣ, аналогіи между санкціями

(Sulla «scuola positiva, di diritto penale in Italia) замѣчаетъ, что для того, чтобы переносить отвѣтственность, нужно сначала установить ее,—если же говорятъ, что ея нѣтъ въ преступникѣ, то что же будетъ перенесено? Отвѣтственность передъ обществомъ всегда признавалась, но не будучи отвѣтственнымъ передъ своимъ разумомъ и совѣстью,—человѣкъ не можетъ отвѣчать и передъ обществомъ. (Rivista penale 1886 г. Disp. 15). Lucchini I Semplicisti. Cap. IV. Responsabilità Sociale указываетъ на то, что отвѣтственность относится къ послѣдствію (къ поставляемому на счетъ),—вмѣняемость къ causa (къ основанію поставленія въ вину), то и другое «позитивистами» спутывается (стр. 57-ая).

біологическаго, физическаго и соціальнаго порядка до такой степени произвольны, что, при всемъ желаніи Ферри, изъ нихъ извлечь ничего нельзя. По части примѣровъ соціальной реакціи, приводимыхъ авторомъ, первый же примѣръ показываетъ различіе физическаго и соціальнаго порядковъ. Авторъ говоритъ о толчкѣ, по неосторожности или разсѣянности; но неосторожность и разсѣянность—недостатки, относимые къ психическому состоянію дѣятеля и въ которыхъ онъ повиненъ. Если кто нибудь толкнетъ другаго въ толпѣ безъ малѣйшей вины,—то никакой санкціи не бываетъ, да и видѣть въ этомъ какое либо соціальное явленіе нѣтъ основанія; если толкнувшій кого либо встрѣтитъ реакцію словомъ или дѣйствіемъ, то дѣло можетъ дойти до мироваго суда и окончиться санкціей, отнюдь несходной съ физической или біологической. Отвѣтственность за причиненіе вреда, далѣе, немыслима безъ minimum'а неосторожной вины, vis major отмѣняетъ гражданскую отвѣтственность. Наконецъ убіеніе душевно-больнаго въ примѣрѣ Ферри есть ничто иное, какъ случай необходимой обороны. Сближать въ этомъ случаѣ соціальную санкцію съ физической крайне несправедливо: душевнобольной погибаетъ въ силу разумнаго, нравственно-юридическаго принципа необходимой обороны; убившій душевнобольнаго долженъ доказать наличность такого состоянія, иначе, что дѣяніе не можетъ быть вмѣнено ему, какъ виновное; онъ можетъ отвѣчать за превышеніе предѣловъ необходимой обороны. Очевидное дѣло, что при такихъ условіяхъ аналогія біологической санкціи улетучивается.

Какъ ни успѣшны экскурсіи автора въ біологическую и физическую область для отысканія подобія санкцій этихъ порядковъ съ санкціей соціальной, авторъ чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ затрудненіи относительно замѣны критерія нравственной свободы другимъ критеріемъ, въ виду различнаго отношенія общественнаго мнѣнія къ нарушителямъ закона, сообразно свойству ихъ дѣянія. По этому поводу Ферри крайне неудачно ссылается на практиковавшееся въ старину жестокое обращеніе съ душевными больными и на имѣющую послѣдовать въ обществѣ перемѣну въ воззрѣніяхъ на преступниковъ.

Должно припомнить, что никто болѣе писателей новой школы не настаивалъ на мысли, что душевнобольные преступники существенно не отличаются отъ здоровыхъ, вслѣдствіе чего даже нѣтъ основанія безусловно освобождать ихъ отъ смертной казни. Что сказалъ бы Пинель, о коемъ вспоминаетъ Ферри по поводу этого нововведенія, честь котораго принадлежитъ новой школѣ? Очевидно далѣе, что относиться къ преступникамъ съ состраданіемъ, какъ къ анормальнымъ

субъектамъ, значитъ идти противъ тенденцій новой итальянской школы, которая считаетъ сентиментальностью всѣ попытки смягченія уголовныхъ каръ [42]).

Установивъ, что человѣкъ отвѣтствуетъ за всякое противуправное дѣяніе, Ферри, при отысканіи критерія отвѣтственности, незамѣтно отступаетъ отъ ранѣе выставленныхъ безусловныхъ положеній относительно равенства санкцій біологической, физической и соціальной. При неизмѣнности соціальной санкціи въ существѣ, качество и интенсивность ея мѣняются. Что же однако остается неизмѣннаго въ санкціи при измѣненіи ея въ качествѣ и интенсивности? При измѣненіи далѣе качества и интенсивности соціальной санкціи по особенностямъ дѣятеля, совершаемаго имъ дѣянія и реагирующаго общества, является огромное усложненіе соціальныхъ санкцій. Такимъ образомъ авторъ отходитъ чрезвычайно далеко отъ первоначальныхъ простыхъ фактовъ. Когда кто нибудь падаетъ изъ окна и разбивается,—физическая санкція не зависитъ отъ того, будетъ ли это душевнобольной или здоровый, старый или малый, преступный или непреступный человѣкъ, самъ ли человѣкъ былъ неосторожень или толкнулъ его кто нибудь. Аналогіи ничему не помогаютъ и приходится возвращаться къ тѣмъ вопросамъ, которыми занимались криминалисты-классики, о субъективной винѣ дѣятеля, объ объективной важности дѣянія. Эти вопросы авторъ и разсматриваетъ ниже и возвращается къ понятію о свойствѣ мотивовъ. Это понятіе, во всякомъ случаѣ предполагающее нравственную оцѣнку дѣятеля и его дѣянія, совершенно

---

42) Ср. Prefazione къ L'Uomo delinquente стр. XXVIII, гдѣ, излагая ходъ развитія новой школы, Ломброзо говоритъ слѣдующее: позднѣе мы постоянно поддерживали противъ теоретиковъ-сентименталистовъ усиленіе строгости наказаній, даже смертную казнь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изъ-за которой такъ много проливается чернилъ и бабьихъ слезъ (lagrime donnesche). Ср. Garofalo Criminologia: Лицамъ и націямъ, у коихъ особенно сильно развито нравственное чувство, свойственна бо́льшая антипатія къ извѣстнымъ преступникамъ, а именно убійцамъ. Цивилизація стремится постоянно увеличивать эту антипатію (Сар. II, стр. 48). Точно также Фьоретти въ Polemica упрекаетъ современное общество за его «isterica e tanta vantata filantropia», увлекающую въ пропасть нравственность и человѣчество (стр. 263). Если Ферри въ указанномъ мѣстѣ становится въ противорѣчіе съ собственной школой, то не обходится и безъ противорѣчій съ самимъ собой: на стр. 86-й Nuovi Orizzonti, защищаясь отъ упрека Filomusi Guelfi, что новая школа хочетъ возстановить порядокъ первобытной мести,—Ферри отвѣчаетъ, что если чувство мести и будетъ въ извѣстной степени сопровождать борьбу съ преступленіемъ, это будетъ чувство отличное отъ первобытнаго, — чувство, освѣжающее въ обществѣ нравственное сознаніе, по выраженію Ardigo. Какъ сочетать это нравственное чувство мести и состраданіе къ преступникамъ, какъ анормальнымъ лицемъ?

несовмѣстимо съ понятіемъ о безразличной соціальной отвѣтственности.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ ставитъ два вопроса: каковы формы соціальной санкціи, опредѣляющія юридическую отвѣтственность гражданина за совершенное имъ? Каковъ критерій для указанія въ отдѣльномъ случаѣ наиболѣе приспособленной формы санкціи [43]).

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти два вопроса, авторъ пользуется случаемъ похвалить «превосходство» позитивнаго метода: «Новая школа можетъ похвалиться двумя великими заслугами». Классическая школа стремилась подавить преступленіе посредствомъ наказанія, направленнаго противъ преступника и къ возстановленію нарушеннаго права,—поэтому она придавала лишь второстепенное значеніе мѣрамъ предупрежденія и средствамъ гражданскаго права, какъ способамъ реакціи противъ противуправныхъ дѣяній уголовнаго свойства. Первая заслуга новой школы состоитъ въ сочетаніи различныхъ мѣръ общественной охраны, въ координаціи средствъ карательныхъ и предупредительныхъ, средствъ гражданскаго и уголовнаго права. Упомянувъ о томъ, что имъ, вмѣстѣ съ Гарофало и Пулья, впервые было указано на необходимость сочетанія предупрежденія и репрессіи, какъ моментовъ одной и той же функціи, авторъ утверждаетъ, что лишь такимъ образомъ избѣгаются увлеченія въ ту или другую сторону. Что касается до рѣзкаго разграниченія карательныхъ средствъ отъ средствъ гражданскаго права,—то такой пріемъ не можетъ считаться позитивнымъ. Между этими двумя отраслями права нѣтъ различія по существу. Не отличаясь другъ отъ друга въ первобытной фазѣ человѣческой эволюціи, онѣ остаются и въ наше время двумя точками зрѣнія на факты одного и того же порядка—юридическаго. Другая заслуга позитивной школы состоитъ въ предложеніи новыхъ средствъ обороны, каковы напр., спеціальныя заведенія для душевнобольныхъ преступниковъ (manicomi criminali), уже ранѣе предложенныя психіатрами, а также различныя мѣры общественной безопасности, составляющія въ системѣ уголовной соціологіи четвертую категорію средствъ обороны [44]).

Ферри даетъ слѣдующую классификацію формъ соціальной реакціи, въ которыхъ воплощается юридическая отвѣтственность частнаго лица.

1) Средства предупредительныя или общественной гигіены (mezzi preventivi). Они дѣлятся на средства: а) прямой по-

---

[43]) Стр. 135.

[44]) Стр. 136—143.

лиціи (polizia diretta), направленныя къ подавленію преступленія, когда причины его успѣли уже развиться и b) косвенной полиціи, направленныя къ устраненію или ослабленію самыхъ причинъ, производящихъ преступленіе. Эти послѣднія средства у Ферри носятъ названіе Sostitutivi penali т. е. замѣстителей наказанія. 2) Средства возмѣщающія (mezzi riparatori), сводящіяся къ тремъ видамъ: устраненію противуправнаго состоянія, объявленію ничтожности послѣдствій преступнаго дѣянія, вознагражденію за вредъ, причиненный преступнымъ дѣяніемъ. Возмѣщающія средства должны примѣняться либо въ видѣ главныхъ, либо въ видѣ второстепенныхъ мѣръ, смотря по психо-антропологическимъ особенностямъ дѣятеля и экономическому значенію дѣянія, при всѣхъ противуправныхъ дѣяніяхъ, хотя бы и непреступныхъ въ строгомъ смыслѣ слова (при дѣйствіяхъ, совершенныхъ по неосторожности или небрежности, и даже при дѣйствіяхъ чисто случайныхъ). Сочетаніе средствъ возмѣщающихъ и средствъ карательныхъ въ одну общую систему соціальной реакціи даетъ возможность изъятія изъ области послѣднихъ дѣяній, не имѣющихъ свойства истинно преступныхъ, несмотря на ихъ противуправное и противусоціальное свойство. Сюда, кромѣ дѣяній неосторожныхъ, присоединяются еще и нѣкоторыя умышленныя, наприм. дуэль, прелюбодѣяніе. Въ такихъ правонарушеніяхъ возмѣщающія средства замѣняютъ карательныя или по крайней мѣрѣ предшествуютъ имъ. 3) Средства карательныя (mezzi repressivi). Сюда принадлежатъ нѣкоторыя существующія наказанія временнаго лишенія свободы, заслуживающія сохраненія (заключеніе въ тюрьму, земледѣльческія колоніи для взрослыхъ и малолѣтнихъ, удаленіе изъ извѣстной мѣстности, лишеніе права отправленія должности или профессіи). Такія наказанія должны примѣняться къ менѣе значительнымъ проступкамъ, относительно которыхъ, по мнѣнію Гарофало, нужно сдѣлать рецидиву менѣе вѣроятною и которыя не представляютъ большой опасности либо по свойству дѣянія (роса gravità), либо по характеру дѣятеля (delinquente d'occasione или per passione). 4) Средства исключенія изъ общества (mezzi eliminativi). Эти средства, долженствующія содѣлать рецидиву невозможною, должны примѣняться къ наиболѣе вреднымъ и опаснымъ дѣяніямъ, сообразно ихъ важности или характеру виновниковъ ихъ. Эти средства имѣютъ цѣлью выдѣлить навсегда изъ соціальнаго тѣла элементы, неподдающіеся ассимиляціи и являющіе вѣчную опасность. Такими средствами при отмѣнѣ смертной казни, по крайней мѣрѣ для нормальнаго времени, будутъ, сообразно различію антропологическихъ признаковъ

преступниковъ: лечебницы для душевно больныхъ преступниковъ, учрежденія для неисправимыхъ, земледѣльческія колоніи въ мѣстахъ, подвергающихся маляріи, простая безсрочная депортація для менѣе опасныхъ [43]).

При обсужденіи предлагаемыхъ Ферри формъ соціальной реакціи необходимо оцѣнить двѣ заслуги новой школы—а именно: предложеніе о сочетаніи мѣръ предупрежденія и карательныхъ средствъ, средствъ гражданскаго и уголовнаго права—въ одной общей функціи соціальной реакціи. Независимо отъ того, что, какъ показано будетъ ниже, необходимость мѣръ предупрежденія преступленій сознавалась давно, чего не отрицаетъ и самъ Ферри,—мысль о сліяніи разныхъ порядковъ государственной дѣятельности скорѣе регрессъ, чѣмъ прогрессъ. Мѣры предупрежденія преступленія необходимы, конечно, наравнѣ съ средствами карательными—но тогда, какъ средства карательныя имѣютъ въ виду опредѣленную цѣль, опредѣленную область примѣненія, мѣры предупрежденія, которыя преимущественно имѣются въ виду Ферри (мѣры косвенной полиціи), гораздо сложнѣе, и не связываются съ одною какою либо цѣлью. Мѣры полицейскія въ тѣсномъ смыслѣ слова (прямой полиціи по терминологіи Ферри), какъ напр., наблюденіе за подозрительными лицами, питейными заведеніями, неблаговидными промыслами, и въ настоящее время въ благоустроенныхъ государствахъ связываются съ репрессіей. Такъ полиція прекращаетъ, пресѣкаетъ извѣстныя незаконныя дѣйствія или опущенія, извѣстные неправильные порядки, запрещаемые именно въ виду связанной съ ними вѣроятности развитія преступной дѣятельности. Далѣе полиція либо сама возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе по обнаруженнымъ ею преступнымъ дѣяніямъ,—либо содѣйствуетъ въ этомъ отношеніи прокурорскому надзору. Что касается до мѣръ предупрежденія преступленія въ смыслѣ широко затрогивающихъ весь государственный и общественный строй законодательныхъ мѣропріятій, составляющихъ предметъ права управленія въ обширномъ смыслѣ,—то, очевидно, сліяніе этихъ мѣръ съ карательной дѣятельностью не мыслимо. Возьмемъ ли мы учрежденія воспитательныхъ домовъ, лечебницъ для душевно больныхъ, законы о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ — всѣ эти законодательныя мѣры въ значительной степени, хотя, конечно, не исключительно, будутъ служить цѣли предупрежденія преступленій?—Но что значитъ слить завѣдываніе этихъ различныхъ отраслей права упра-

---

[43]) Стр. 148—154.

вленія, съ репрессіей преступной дѣятельности. Такое требованіе можетъ имѣть единственный смыслъ, что въ случаѣ преступныхъ дѣяній, составляющихъ нарушеніе наприм. законовъ о работѣ малолѣтнихъ, эти нарушенія влекутъ за собою уголовное преслѣдованіе. Но существующій порядокъ несомнѣнно признаетъ это начало. Болѣе же ничего въ этомъ отношеніи требовать нельзя: указанныя отрасли управленія необходимо должны оставаться раздѣльными отъ судебной дѣятельности по преслѣдованію преступленій. Различествуя по предмету, государственная функція управленія различается отъ карательной функціи и по органамъ. При сліяніи же, сообразно мысли Ферри, функцій нредупредительной въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ онъ ее понимаетъ, и функціи карательной,— пришлось бы нарушать безспорный и плодотворный принципъ о строгомъ отдѣленіи судебной и административной власти. Однимъ словомъ одна изъ заслугъ новой школы—вносить дезорганизацію въ одно изъ коренныхъ положеній современнаго государственнаго права безъ всякой практической необходимости, безъ всякаго раціональнаго основанія и съ большой опасностью для нормальной дѣятельности государства [46]). Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что отъ многообразныхъ законодательныхъ мѣръ, — обусловленныхъ различными основными интересами государства, можно требовать единственно одного—чтобъ онѣ не раскрывали лишней двери для преступной дѣятельности. Государство, коего всѣ порядки были бы разсчитаны на предупрежденіе ростковъ преступности, было бы одинаково лишено и народнаго благосостоянія, и гражданской и политической свободы.

---

[46]) Lucchini (Semplicisti Cap. VIII. Prevenzione) съ большимъ основаніемъ возражаетъ противъ преувеличеннаго значенія предупредительной дѣятельности государства въ теоріи Ферри: признавая обязанностью государства содѣйствовать благу и интересамъ его подданнымъ всѣми средствами, какъ предупредительными, такъ и карательными, нельзя однако допустить,—чтобы государство въ своихъ многоразличныхъ мѣропріятіяхъ руководствовалось единственно соображеніями относительно угрожающихъ имъ преступленій «Государство не есть страховое общество противъ преступленій, подобное страховымъ отъ огня или града обществамъ. Люди не соединяются въ государствѣ изъ за исключительной мысли о преступленіи, какъ будто призракъ убійцы или вора, постоянно представляется имъ. Связь солидарности и взаимной помощи, интересы совмѣстнаго развитія и преуспѣянія, общее усиленіе гражданственности — вотъ наиболѣе общіе коефиціенты мѣропріятій и учрежденій, въ которыхъ проявляется правительство, законодательство и управленіе извѣстной страны. Указавъ на различныя учрежденія гражданскаго, промышленнаго, торговаго права Lucchini заявляетъ, что цѣль таковыхъ— признаніе законныхъ и дозволенныхъ дѣяній участниковъ союза, исходящее отъ предпо-

Точно также лишено основанія и требованіе Ферри о ближайшемъ сочетаніи средствъ гражданскаго и уголовнаго права. Такое сочетаніе существуетъ, составляя заслугу современнаго юридическаго строя. Въ сферѣ права матеріальнаго оно выражается въ постановленіяхъ объ обязанности виновника преступленія относительно вознагражденія потерпѣвшаго отъ преступленія за причиненный ему вредъ и убытокъ. То же начало выражается въ сферѣ процессуальнаго права важнымъ институтомъ гражданскаго иска, дающимъ возможность потерпѣвшему искать возстановленія своего права въ порядкѣ суда уголовнаго, порядкѣ, представляющемъ ему обыкновенно гораздо болѣе значительныя удобства, чѣмъ порядокъ суда гражданскаго. Постановленія о гражданскомъ искѣ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ ведутъ къ высшей степени важному постановленію о томъ, что гражданскій истецъ, въ случаѣ отказа прокурорскаго надзора отъ преслѣдованія, призывается къ такъ называемому в с п о м о г а т е л ь н о м у обвиненію (Subsidiarанklage) и достигаетъ такимъ образомъ осуществленія своего гражданскаго интереса путемъ одновременнаго служенія публичному интересу. Спрашивается, въ чемъ же можетъ состоять еще бо́льшее сочетаніе средствъ гражданскаго права съ средствами уголовнаго права?

Упреки Ферри криминалистамъ-классикамъ не заслужены: очевидное дѣло, что, разрабатывая самостоятельную область уголовнаго права, они могли касаться вопросовъ гражданскаго права только тамъ, гдѣ являлось дѣйствительное соприкосновеніе этихъ двухъ областей,—въ вопросахъ о различіи гражданской и уголовной неправды, въ вопросахъ особенной части уголовнаго права, въ вопросахъ уголовнаго процесса [47]).

ложенія о законности ихъ дѣйствій и чуждое мысли предупрежденія преступности (стр. 182 и 183).

47) Упрекъ въ совершенномъ разрывѣ средствъ гражданскаго права отъ средствъ уголовнаго права, обращенный къ класической школѣ, опровергается слѣдующими словами Carrara въ Cardini delle pena («Programma Parte generale», Vol II. Introduz): «мы никогда не думали формулой *tutela giuridica* дать оправданіе единственно права наказанія принадлежащаго общественной власти. Наказаніе въ нашихъ глазахъ не есть изолированный фактъ, оно звено большой цѣпи, дополняющей н р а в с т в е н н ы й п о р я д о к ъ, установленный въ человѣчествѣ Создателемъ. Всѣ отдѣльныя звенья сходятся въ служеніи высшей, безусловной цѣли. Эта высшая цѣль—верховенство права. Въ этой цѣли я нахожу единственное основаніе дѣятельности по охранѣ права (*tutela del diritto*). Это понятіе освящаетъ для меня законность всѣхъ государственныхъ порядковъ, въ присущихъ имъ соотвѣтствующихъ границахъ: мѣръ благоустройства, г р а ж д а н с к а г о

Четыре вида средствъ соціальной реакціи соотвѣтствуютъ мысли о необходимости слитія предупредительныхъ и карательныхъ средствъ и далѣе мысли о спеціальныхъ средствахъ обороны, выходящихъ изъ ряда карательныхъ (средствахъ исключенія, eliminazione). По части предупредительныхъ средствъ слѣдуетъ прибавить къ сказанному ранѣе, что Ферри средствамъ прямой полиціи (полиціи предупрежденія и пресѣченія преступленія) придаетъ слишкомъ мало значенія, — не смотря на то, что это наиболѣе практическія и осуществимыя средства, отдавая преимущество общимъ мѣрамъ законодательнаго свойства (sostitutivi penali). Средства возмѣщающія (средства гражданскаго права) ничего не вносятъ существеннаго въ постановленія современнаго процесса о гражданскомъ искѣ. Затѣмъ требованіе о примѣненіи этихъ средствъ къ нѣкоторымъ проступкамъ, совершеннымъ по неосторожности или небрежности,—не составляетъ также ничего новаго, оно осуществлено въ должной мѣрѣ въ законодательствахъ новѣйшихъ государствъ, частью въ видѣ денежныхъ взысканій въ пользу потерпѣвшаго (Bussen германскаго права), частью въ видѣ многочисленныхъ денежныхъ штрафовъ, коимъ благопріятствуютъ новѣйшія законодательства.

Правда, новымъ представляется сочетаніе возмѣщающихъ средствъ съ такими преступленіями, какъ дуэль, прелюбодѣяніе. Но еслибъ и согласиться съ такой реформой,—то этимъ не оправдывается теорія, требующая сліянія областей уголовнаго и гражданскаго права [48]).

правосудія, уголовнаго правосудія; все это силы, исходящія отъ одного источника и направляющіяся къ тождественной цѣли» (стр. 22 и 23).

48) Крайне любопытно, что своимъ предложеніемъ о сліяніи средствъ гражданскаго и уголовнаго права въ общемъ понятіи соціальной отвѣтственности Ферри впадаетъ въ крупное противурѣчіе съ Гарофало и Ломброзо. Гарофало въ статьѣ: Ciò che dovrebbe essere un giudizio penale (Archivio di Psich. III 1882 стр. 85 и сл.), помѣщенной рядомъ со статьей Ферри «Del diritto di punire come funzione sociale, въ которой въ первые была намѣчена теорія о средствахъ гражданскаго права, примѣняемыхъ соціальной реакціей противъ преступныхъ дѣяній, идетъ какъ разъ противъ предложеній Ферри. Въ самомъ дѣлѣ Гарофало доказываетъ, что гражданское и уголовное право—scienze afatto eterogenee, и что, конечно, путемъ отвлеченія возможно восходить къ началу соціальнаго общежитія, гдѣ коренится происхожденіе той или другой дисциплины, но что посредствомъ такихъ упрощеній, semplificazioni (эти упрощенія мы постоянно видимъ у Ферри и онѣ послужили Lucchini для клички «Semplicisti») дается единое наименованіе для разнообразныхъ вещей. — Далѣе авторъ доказываетъ различеніе гражданскаго и уголовнаго права тѣмъ, что первому свойственъ строго юридическій характеръ и требуетъ особаго судебнаго персонала для каждой изъ этихъ двухъ областей,—называя «печальнымъ смѣшеніемъ» то явленіе, что

Средства исключенія изъ общества, различаемыя отъ средствъ карательныхъ, т. е. наиболѣе употребительныхъ современныхъ видовъ лишенія свободы, оставляемыхъ и Ферри для менѣе тяжкихъ преступленій и преступниковъ, составляютъ, по словамъ Ферри, вторую важную заслугу новой школы. Они представляютъ, однако, лишь видоизмѣненіе нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ современному уголовному законодательству мѣръ, каковы депортація, учрежденія для содержанія подъ стражей неисправимыхъ, соотвѣтствующія нынѣшнему пожизненному лишенію свободы. Оригинальны по новизнѣ, какъ въ практическомъ, такъ и теоретическомъ отношеніи, земледѣльческія колоніи въ мѣстахъ, подверженныхъ маляріи, иными словами медленное отравленіе осужденныхъ посредствомъ помѣщенія ихъ въ нездоровомъ климатѣ. Невольно по этому поводу приходится вспоминать о рекомендуемомъ Ферри состраданіи къ преступникамъ, какъ анормальнымъ субъектамъ [49]).

Ферри даетъ слѣдующія общія указанія относительно критерія наиболѣе пригодной формы и степени соціальной реакціи противъ преступленія въ отдѣльныхъ случаяхъ. Принявъ предложенный Гарофало «критерій наказуемости, по признаку temibilità (т. е. внушаемаго преступникомъ страха относительно будущаго), выводимый изъ комбинаціи признаковъ объективной важности преступленія и субъективной опасности его виновника, какъ согласный съ цѣлями спе-

---

одни и тѣ же судьи, которые разрѣшаютъ гражданскій споръ, вслѣдъ за тѣмъ призываются постановлять уголовные приговоры. Для уголовнаго суда требуются судьи, изучившіе не римское право, а статистику, уголовную антропологію и тюрьмовѣденіе. Привычкой къ юридическимъ отвлеченіямъ судей цивилистовъ Гарофало объясняетъ неудовлетворительность уголовныхъ приговоровъ, не принимающихъ въ разсчетъ живой личности обвиняемаго. Тоже самое говоритъ Гарофало и въ Criminologia P. III Cap. I I giudici.—Замѣчательно, что Ферри, сближая средства гражданскаго и уголовнаго права въ гл. 1-й Nuovi Orizzonti, въ гл. IV, посвященной уголовному процессу, вторитъ Гарофало о необходимости отдѣльныхъ судей по дѣламъ уголовнымъ, замѣчая, что облаланіе наукой гражданскаго права совершенно безполезно въ области примѣненія уголовнаго права (стр. 451 и 452). Наконецъ, въ противуположность Ферри о сочетаніи карательныхъ средствъ и средствъ возмѣщающихъ, Ломброзо высказывается за устраненіе разсмотрѣнія гражданскаго иска въ порядкѣ суда уголовнаго въ виду смѣшенія при этихъ условіяхъ имущественныхъ и личныхъ интересовъ съ соціальными (примѣч. къ статьѣ Гарофало о проэктѣ реформы Итальянскаго Уст. Уг. Суд. Villa въ Archivio 1880 стр. 265).

49) Критика отдѣльныхъ карательныхъ средствъ и обсужденіе вопроса о средствахъ исключенія вообще и manicomi criminali въ частности будетъ сдѣлано въ отдѣльной главѣ настоящаго изслѣдованія.

ціальнаго, общаго и косвеннаго предупрежденія [50]), Ферри видитъ въ немъ лишь общее начало, нуждающееся въ дополненіи болѣе точными признаками, въ виду разнообразія жизненныхъ явленій, а также опущенія у Гарофало области средствъ предупрежденія. Рѣшеніе вопроса о томъ,—какая форма соціальной реакціи и какая степень оборонительнаго средства, установленнаго для извѣстнаго преступленія, необходимы въ отдѣльномъ случаѣ, должно быть дано антропологіей, психологіей и уголовной статистикой.—Почерпнувъ изъ этихъ наукъ различіе категорій преступниковъ, законодатель приспособитъ различныя мѣры реакціи къ различнымъ категоріямъ: такъ средства выдѣленія изъ общества будутъ назначены противъ прирожденныхъ и душевно-больныхъ преступниковъ,—временныя репрессивныя средства и средства возмѣщающія противъ преступниковъ по страсти и случайному поводу. На основаніи полученнаго изъ статистики положенія, что наказанія обладаютъ малой дѣйствительностью противъ преступленія, законодатель придастъ первенствующее значеніе средствамъ предупрежденія. Для опредѣленія степени юридической отвѣтственности за данное преступленіе въ отдѣльномъ случаѣ,—нужно держаться критерія temibilità съ двумя слѣдующими дополнительными нормами: должно принимать въ разсчетъ, во-первыхъ, качество болѣе или менѣе антисоціальное дѣянія,—и во-вторыхъ качество болѣе или менѣе антисоціальное дѣятеля.

Первая норма складывается изъ двухъ признаковъ: 1) свойства нарушеннаго права и 2) мотива, опредѣляющаго къ преступленію,—каковой послѣдній признакъ обладаетъ, по мнѣнію Ферри, важнѣйшимъ значеніемъ въ позитивной теоріи юридическаго вмѣненія. Вторая норма существенно сводится къ категоріямъ преступниковъ, сообразно даннымъ антропологіи и соціологіи. Чтобъ показать наглядно цѣлесообразность защищаемой имъ теоріи Ферри беретъ случай доказаннаго убійства. Прежде всего относительно такого событія пре-

---

[50]) Изложеніе теоріи temibilità см. въ слѣдующей главѣ.—Здѣсь достаточно указать,—что на основаніи признака temibilità Гарофало даетъ четырехъ-членную классификацію не преступниковъ, а преступныхъ дѣяній (явленіе весьма характеристичное!) сообразно различнымъ комбинаціямъ объективнаго и субъективнаго признаковъ. Схема Гарофало слѣдующая: 1) Наиболѣе тяжкія преступныя дѣянія (напр. умышленное убійство), совершенныя наиболѣе опасными преступниками. 2) Преступныя дѣянія не важныя, совершенныя обычными преступниками. 3) Преступныя дѣянія важныя, совершенныя необычными преступниками. 4) Преступныя дѣянія не важныя, совершенныя необычными преступниками. (Di uno criterio positivo di penalità стр. 55-ая.)

ступленія возбуждается вопросъ, былъ ли убійца душевно-больной или здоровый. При признаніи его душевно больнымъ, къ нему должно примѣнить средство выдѣленія изъ общества. Если же онъ душевно-здоровый, нужно изслѣдовать, были ли мотивы его дѣйствія—законные или незаконные, соціальные или антисоціальные. Въ первомъ случаѣ (при исполненіи, напримѣръ, велѣнія закона или при необходимой оборонѣ) фактъ теряетъ противуправный характеръ. Если же мотивы были антисоціальные—и дѣяніе, поэтому, преступное, надо изучить убійцу и антропологическую категорію, къ которой онъ принадлежитъ. При такомъ изслѣдованіи могутъ оказаться годными или возмѣщающія средства (по отношенію къ дѣянію неосторожному или обусловленному порывомъ страсти), или средства возмѣщающія вмѣстѣ съ средствами карательными (относительно убійцы по случайному поводу). При мотивѣ въ высшей степени антисоціальномъ (месть, корысть)—убійца долженъ признаваться прирожденнымъ, неисправимымъ преступникомъ, безполезны всякія разглагольствованія о нравственной отвѣтственности, требуется средство вѣчнаго выдѣленія. Наоборотъ, если оказывается, что мотивъ былъ мало антисоціальный (неосторожность, любовь, не встрѣтившая взаимности),—виновный долженъ быть признанъ преступникомъ по страсти или по случайному поводу.

Глава 1-я книги Ферри оканчивается заявленіемъ, что позитивная школа своими предложеніями не только обезпечиваетъ необходимую защиту противъ злоумышленниковъ,—но придаетъ позитивный характеръ справедливости, низводя ее «къ земной дѣйствительности съ облачныхъ высотъ классической школы» [51]).

Такимъ образомъ опредѣленіе формъ и степени соціальной реакціи противъ преступленія, т. е. видовъ и мѣры наказаній, по существующей терминологіи, покоится у Ферри на двухъ началахъ. Различныя формы соціальной реакціи сочетаются съ различными классами преступниковъ. Критерій temibilità, заимствованный Ферри у Гарофало, примѣняется къ конкретнымъ преступнымъ дѣяніямъ для опредѣленія наказанія въ данномъ случаѣ. Но къ критерію temibilità присоединяются еще два дополнительные критерія—объективный и субъективный. Противъ всего этого построенія слѣдуетъ замѣтить, что принципъ temibilità (внушаемаго преступникомъ въ будущемъ страха) дѣлается безполезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ это понятіе уже заключаетъ въ себѣ сочетаніе объективной важности и

---

51) Стр. 154—171.

субъективной опасности преступника. Дополнительные же критеріи вносимые Ферри только производятъ путаницу въ стройной во всякомъ случаѣ классификаціи преступныхъ дѣяній Гарофало, потому что они повторяютъ эти коренные признаки, но формулируя ихъ иначе. Въ самомъ дѣлѣ, Гарофало установляетъ свою классификацію преступныхъ дѣяній въ связи не съ пяти-членной классификаціей преступниковъ Ферри, а съ двучленной, обычныхъ и необычныхъ преступниковъ, такъ что эта классификація Ферри и не можетъ быть приведена въ связь съ теоріей Гарофало. Кромѣ того надо замѣтить, что, различая объективную и субъективную сторону въ конкретномъ преступномъ дѣяніи, странно относить къ первой сторонѣ свойство болѣе или менѣе антисоціальнаго мотива. И здѣсь свойство мотива, какъ не разъ приходилось указывать, обладаетъ роковымъ для теоріи Ферри свойствомъ. Это обнаруживается еще лишній разъ на демонстраціи Ферри о примѣненіи на практикѣ его теоріи соціальной реакціи, на примѣрахъ, гдѣ авторъ предполагаетъ различіе мотивовъ у убіицъ. Такъ при наличности мотива страсти, мотива, возбужденнаго случайнымъ поводомъ, къ преступному дѣянію примѣняются либо возмѣщающія средства, либо таковыя же вмѣстѣ съ карательными. При особенно-антисоціальномъ мотивѣ должны примѣняться средства выдѣленія. Но по поводу послѣдняго положенія можно ясно видѣть, какъ неудачно и обманчиво чисто отвлеченное и лишенное разнообразія жизненныхъ оттѣнковъ понятіе объ антисоціальномъ мотивѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ примѣръ особенно антисоціальнаго мотива берется паравнѣ съ корыстью месть. Месть можетъ считаться, однако, таковымъ мотивомъ въ случаяхъ такъ называемой животной злостности, когда изъ за ничтожнѣйшаго оскорбленія, или изъ за обиды, причиненной ребенкомъ взрослому, совершается жестокое и гнусное убійство. Но могутъ быть случаи, гдѣ чувство мести коренится въ глубоко-законномъ раздраженіи, по случаю вопіющаго нарушенія права, случаи, отмѣчаемые спеціальнымъ терминомъ justus dolor, giusto dolore. Давъ такимъ образомъ мотиву мести безразличное и поэтому несправедливое значеніе, авторъ тутъ же рядомъ даетъ примѣръ, опять невѣрный, мотива менѣе антисоціальнаго, каковымъ для него представляется любовь, невстрѣтившая сочувствія. Но дѣло въ томъ, что такой мотивъ, при внушеніи имъ убійства, создаетъ случаи, къ коимъ законодатель долженъ относиться наиболѣе безпощадно. Этотъ мотивъ, какъ очень хорошо показываетъ Гарофало,—ведетъ къ тому, что въ низшихъ классахъ Неаполя дѣвушка, отвергнувъ какого-нибудь обожателя, боится сблизиться съ другимъ молодымъ че-

ловѣкомъ, такъ какъ ей грозитъ въ этомъ случаѣ sfregio—обезображеніе лица бритвой со стороны отвергнутаго обожателя, который, сверхъ того, нерѣдко убиваетъ болѣе счастливаго соперника. Такимъ образомъ, менѣе анти-соціальный мотивъ, указанный Ферри, приводитъ ни къ чему иному, какъ къ грубѣйшему и беззаконнѣйшему насилію преступника надъ чувствованіями другихъ лицъ, которое, очевидно, терпимо быть не можетъ [52]).

Помимо недостаточности понятія объ анти-соціальномъ мотивѣ для опредѣленія важности или неважности преступнаго дѣянія и виновности подсудимаго, нужно имѣть въ виду, что понятіе о мотивѣ можетъ стать въ противорѣчіе съ понятіемъ о принадлежности преступника къ тому или другому классу. Какъ придется поступать съ прирожденнымъ преступникомъ, совершившимъ убійство вслѣдствіе не особено анти-соціальнаго мотива или совершившаго sfregio? Если форма реакціи опредѣляется принадлежностью къ той или другой категоріи, то значитъ прирожденный преступникъ, напр., долженъ подлежать выдѣленію изъ общества при дѣяніи, совершенномъ въ силу порыва страсти или случайному поводу. Наоборотъ, лицо, принадлежащее къ категоріи преступниковъ по случайному поводу, въ случаѣ совершенія имъ дѣянія, хотя бы по мотиву особенно отверженному, должно подвергаться только карательнымъ средствамъ. Но въ такомъ случаѣ, ясно, что ставить мотивы въ качествѣ самостоятельнаго, опредѣляющаго наказуемость основанія наравнѣ съ классификаціей преступниковъ нельзя, что два критерія другъ друга взаимно исключаютъ.

IV.

Въ главѣ II-ой своей книги «I dati dell' antropologia criminale» Ферри начинаетъ съ указанія важности антропологическихъ данныхъ: они произвели возрожденіе уголовнаго права, отъ нихъ получила свое имя новая школа, называемая антропологo-криминальной (antropologico criminale [53]). Наука уголовной антропологіи обязана

---

52) Ср. Garofalo Criminologia Parte. II. Cap. I, III Delinquenti fortuiti. «Не проходитъ дня, чтобъ одно изъ четырехъ исправительныхъ отдѣленій Неапо-литанскаго суда не обсуждало дѣлъ о sfregi изъ-за эротическаго мотива (стр. 119).

53) Избранный мною терминъ: «антрополого-позитивная школа уголовнаго права» оправдывается тѣмъ, что выраженіе: «антрополого-уголовная школа» не соотвѣтствовало бы особенностямъ отечественнаго языка;—далѣе это выраженіе недостаточно бы характеризовало новую школу, которая занимается неисключительно антропологическими из-

созданіемъ научнаго организма Ломброзо, съумѣвшаго слить отрывочныя и разсѣянныя наблюденія надъ преступниками и оживить ихъ могучимъ вкладомъ собственныхъ оригинальныхъ идей и изслѣдованій. Впрочемъ трудъ Ломброзо «L'uomo delinquente» родился на свѣтъ съ двумя коренными недостатками: въ немъ, во первыхъ, придавалось чрезмѣрное преобладаніе краніометрическимъ и антропометрическимъ даннымъ надъ психологическими; далѣе въ первыхъ двухъ изданіяхъ всѣ преступники были слиты въ одинъ типъ, за исключеніемъ душевно больныхъ и преступниковъ по страсти.—Этимъ не умаляется однако значеніе двухъ фактовъ: быстраго появленія послѣ книги Ломброзо въ Италіи и внѣ Италіи библіотеки уголовной антропологіи, — и зарожденія новой школы съ единымъ методомъ, едиными исходными точками и едиными выводами [54]).

Ферри опредѣляетъ уголовную антропологію, какъ естественную исторію преступнаго человѣка. Уголовная антропологія занимается изслѣдованіемъ органическаго и психическаго строенія, а также соціальной жизнью преступнаго человѣка, ставя себѣ тѣже цѣли, которыя антропологія ставитъ себѣ относительно человѣка вообще и разныхъ человѣческихъ расъ. Тогда какъ юристы классики изучаютъ преступленіе съ отвлеченной стороны, антропологи криминалисты, напротивъ, изучаютъ преступнаго человѣка путемъ непосредственнаго наблюденія на анатомическомъ столѣ, въ тюрьмахъ и домахъ душевно-больныхъ, съ органической и психической стороны, сопоставляя признаки преступника съ признаками нормальнаго человѣка и душевно-больнаго. Такое изученіе повело къ указанію, составляющему одну изъ величайшихъ заслугъ Ломброзо, на воспроизведеніе въ современномъ преступникѣ чертъ первобытныхъ расъ въ силу атавизма, дегенераціи и пріостановки развитія, чертъ, совершенно отличающихъ его отъ нормальнаго типа человѣка здороваго, взрослаго и гражданственнаго [55]). Но если первообразомъ преступника служитъ дикарь, то, съ другой стороны, въ преступникѣ сказывается и ребенокъ, выростающій среди современной гражданственности. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что

слѣдованіями. Къ тому же самъ Ферри употребляетъ терминъ «Scuola positiva di diritto penale». Принятый много терминъ, вмѣстѣ съ указаніемъ на антропологическій методъ, какъ частный пріемъ, указываетъ на общій методъ—о п ы т н ы й, п о з и т и в н ы й, свойственный школѣ, по мысли ея главныхъ дѣятелей, которой не всегда соотвѣствуетъ дѣйствительность.

54) Nuovi Orizzonti cap II, стр. 173—182.

55) Стр. 183—186.

развитіе недѣлимаго (ontogenia) воспроизводитъ фазисы развитія видовъ, предшествующихъ ему на зоологической лѣстницѣ (filogenia), каковое явленіе обнаруживается и въ психической дѣятельности. Поэтому, къ преступникамъ можно примѣнить то, что было сказано о дикаряхъ, а именно, что они большія дѣти. Въ преступникѣ наблюдаются постоянныя черты, которыя у гражданственнаго человѣка бываютъ преходящими въ дѣтствѣ.

Существенный вопросъ, разрѣшаемый антропологіей, состоитъ въ томъ: представляется ли преступникъ всегда, или въ извѣстныхъ случаяхъ нормальнымъ или анормальнымъ? Если преступникъ представляется анормальнымъ, то чѣмъ объясняется его анормальность,— есть ли она далѣе прирожденная или пріобрѣтенная, поправимая или непоправимая [56]).

Изложивъ въ сжатомъ очеркѣ данныя, обнаруженныя относительно преступнаго человѣка посредствомъ краніологическаго, антропометрическаго, анатомическаго и психологическаго способа изслѣдованія, Ферри останавливается на сравнительномъ значеніи органическаго и психическаго строенія преступниковъ, какъ предметовъ изученія.

Прежде всего при изученіи преступнаго человѣка было естественно начать съ изученія органической стороны, какъ потому, что ранѣе функціи должно изучать органъ, такъ и потому, что въ научныхъ изслѣдованіяхъ приходится прежде всего занимать болѣе отдаленныя позиціи, чтобъ приблизиться къ позиціямъ, непосредственно связаннымъ съ феноменомъ, который нужно объяснить. Упрекъ, дѣлаемый уголовной антропологіи, что она слишкомъ много изучаетъ краніологію преступниковъ, былъ бы справедливъ, если бы она исключительно занималась такими изслѣдованіями. Но органическое изслѣдованіе служитъ ей лишь вступленіемъ для психологическаго изслѣдованія, открывающаго двѣ крупныя основныя аномаліи: нравственной нечувствительности и непредусмотрительности. Первая особенность проявляется въ отсутствіи отвращенія къ преступной идеѣ и преступному дѣянію, до совершенія его, въ отсутствіи раскаянія послѣ него. Отсутствіе нравственной чувствительности отражается на всѣхъ другихъ чувствованіяхъ преступниковъ (чувствѣ чести, гордости, религіозномъ чувствѣ); эти чувствованія у преступниковъ общія со всѣми другими людьми, но не составляютъ силъ, отвлекающихъ отъ преступленія,—оставаясь либо безсильными, либо побуждая преступ-

---

56) Стр. 186—188.

ника къ преступленію. Къ нравственной нечувствительности присоединяется непредусмотрительность преступника, обусловленная недостаточностью ассоціаціи идей. При отсутствіи предвидѣнія невыгодныхъ послѣдствій преступнаго дѣянія рушится послѣднее основаніе отвращенія къ преступленію [57]).

Отъ очерка значенія антропологическихъ данныхъ авторъ обращается къ одному обычному возраженію противъ уголовной антропологіи, которое затрогиваетъ одну изъ ея главныхъ задачъ. Возраженіе состоитъ въ томъ, что анормальные органическіе признаки у преступниковъ встрѣчаются часто у людей непреступныхъ и, поэтому, не могутъ считаться типическими чертами преступниковъ. На это возраженіе Ферри отвѣчаетъ указаніемъ на неполную точность, свойственную всѣмъ наукамъ жизненныхъ феноменовъ и неизбѣжную въ началѣ развитія каждой науки. Если наблюденія уголовной антропологіи не достигли еще математической точности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что факты противные уничтожаютъ ихъ значеніе. Ферри опровергаетъ возраженіе противъ уголовной антропологіи, основанное на томъ, что антропологическія клейма встрѣчаются у непреступныхъ людей, слѣдующими доводами: I. Прежде всего, говоритъ авторъ, у людей непреступныхъ встрѣчается одинъ или нѣсколько признаковъ, которые въ бо́льшемъ количествѣ встрѣчаются у преступниковъ съ врожденными аномаліями. Къ тому же неспеціалисты относятъ къ криминальному типу признаки, могущіе не имѣть никакого значенія для антрополога (напр. уродливый лобъ, косматую бороду). II. Когда у непреступныхъ людей встрѣчаются признаки, наблюдаемые у преступниковъ, то выраженіе лица въ связи съ другими антропологическими признаками исправляетъ первоначальное сужденіе объ нихъ. III. Если исправляющихъ сужденіе данныхъ не находится, то должно припомнить законъ различнаго преобладанія двухъ родителей по передачѣ своихъ особенностей дѣтямъ. Такъ, можетъ случиться, что одинъ родитель передалъ сыну или дочери внѣшнія анормальныя формы,—другой, напротивъ, нормальное нервное и слѣдовательно психическое строеніе. Указанные случаи составляютъ единственное истинное исключеніе изъ правила объ антропологическихъ клеймахъ. IV. Не слѣдуетъ приписывать антропологіи претензій старой френологіи. При указаніи на тѣ или другія аномаліи—этимъ аномаліямъ

---

57) Стр. 188—192. Ср. гл. 1-ую моего труда стр. 92, прим. 131, гдѣ изложены результаты работъ Ферри: Il contegno dei delinquenti, Il rimorso dei delinquenti.

не придается значенія явленій, безусловно и исключительно производящихъ преступность. Имъ могутъ соотвѣтствовать не только преступленіе, но и помѣшательство, самоубійство, проституція, даже странности и безнравственность характера. V. Не всѣ лица, чуждыя столкновенію съ уголовнымъ закономъ, могутъ считаться безукоризненными,—можно представить себѣ лицо, рожденное быть преступникомъ, но не дѣлающееся таковымъ въ силу богатства, вліянія общественнаго мнѣнія. VI. Нельзя утверждать относительно лицъ честныхъ, носящихъ антропологическія клейма, что они останутся таковыми на всю жизнь. Даже прирожденный преступникъ можетъ до поры, до времени, при благопріятныхъ условіяхъ, оставаться честнымъ,—уступая лишь позднѣе прирожденнымъ инстинктамъ. VII. Но всего важнѣе, что относительно многихъ лицъ, принадлежащихъ въ особенности къ классамъ, гдѣ преступность особенно развита, нельзя сказать на вѣрное,—принадлежитъ ли субъектъ съ антропологическими клеймами къ людямъ честнымъ; много преступленій не открывается; далѣе отбывшіе наказаніе преступники смѣшиваются съ людьми честными по невѣдѣнію о ихъ судимости. Наконецъ, когда преступникамъ приписываются извѣстныя аномаліи, — это не значитъ, что онѣ встрѣчаются у всѣхъ преступниковъ и не встрѣчаются у непреступниковъ, а только значитъ, что онѣ встрѣчаются у первыхъ чаще, чѣмъ у вторыхъ [58]).

Останавливаясь на защитѣ Ферри уголовной антропологіи вообще и типа delinquente nato въ частности, замѣчу, что опытное изученіе преступниковъ на анатомическомъ столѣ и въ тюрьмахъ нисколько не подвигаетъ вопроса о загадочномъ типѣ прирожденнаго преступника. Все яснѣе обнаруживается, что этотъ типъ — только плодъ теоретической мысли, только мало опредѣленный эпитетъ, получившійся путемъ сочетанія разнообразныхъ и далеко не установившихся понятій. Сюда входятъ понятія и наслѣдственности, и атавизма, и дегенераціи, и рецидивы, и дѣтскаго возраста, и нравственнаго помѣшательства. Затѣмъ смѣсь всѣхъ этихъ біологическихъ, психіатрическихъ и юридическихъ принциповъ предлагается, какъ несомнѣнный фактъ, съ готовностью указать среди толпы злоумышленниковъ на прирожденнаго преступника. Конечно, можно сослаться на массу наблюденій, на тысячи осмотрѣнныхъ лицъ или череповъ, но эти наблюденія очевидно ничего, кромѣ частныхъ фактовъ, давать не мо-

---

58) Стр. 193—200.

гутъ,—реальности же прирожденнаго преступника этими фактами не дается [59]).

Типу прирожденнаго преступника принадлежитъ одно неотъемлемое свойство: чѣмъ болѣе занимаются имъ, тѣмъ болѣе онъ становится неяснымъ и спорнымъ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія уподобленіе преступнаго человѣка у Ферри съ нашимъ европейскимъ ребенкомъ. По мнѣнію Ферри, воспроизводя собою дикаря, взрослый преступникъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма близокъ къ цивилизованному ребенку нашего времени. Но съ этимъ сближеніемъ связываются непреодолимыя трудности: если преступникъ—дикарь въ силу атавизма, то надо думать, что онъ бываетъ таковымъ съ дѣтства; въ такомъ случаѣ онъ долженъ походить не на какого либо европейскаго ребенка, а на ребенка изъ дикаго племени. Противъ этого возраженія можно сослаться, конечно, на точныя наблюденія и на ихъ превосходство надъ формальной логикой, и сказать, что и европейскія дѣти представляютъ страсти и привычки, вкусы и пороки дикихъ людей. Но это возраженіе приводило бъ къ слѣдующему результату: если европейскимъ дѣтямъ свойственны наклонности дикарей, то что же дѣлается съ наслѣдственностью, съ постепенной передачей болѣе и болѣе мягкихъ нравовъ, усиленныхъ съ прогрессомъ цивилизаціи альтруистическихъ чувствъ т. е. съ явленіемъ, которымъ новая школа объясняетъ такъ настойчиво современную цивилизацію, отличную отъ образа жизни дикарей [60]). Очевидно, при сходствѣ дѣтей нашей гражданственности съ дѣтьми дикарей о наслѣдственной передачѣ альтруистическихъ чувствъ и смягченныхъ нравовъ говорить нельзя.

Поэтому, одно изъ двухъ: или нашъ преступникъ—дикарь и на европейскаго ребенка онъ, поэтому, походить не можетъ; или онъ похожъ на нашихъ дѣтей, но тогда онъ не дикарь. Мы имѣемъ здѣсь тоже самое несовпаденіе, что и при знаменитомъ тезисѣ о тождествѣ прирожденнаго преступника и нравственно-помѣшаннаго.

Особаго вниманія заслуживаетъ попытка Ферри объяснить факты, противные даннымъ уголовной антропологіи,— а именно нахожденіе

---

59) Buccellati очень вѣрно замѣчаетъ, что въ книгѣ Ломброзо надо отличать двѣ стороны: l'uomo delinquente ed il delinquente Lombrosiano; подъ первымъ терминомъ нужно разумѣть — дѣйствительные факты физическаго или физіологическаго свойства, относящіеся къ преступнику, подъ вторымъ—субъективную обработку этихъ фактовъ, представляющую искуственное построеніе (Il Nihilismo Parte I, Cap. I. § 8 и 9).

60) По части вліянія постепенной наслѣдственной передачи смягченныхъ нравовъ, болѣе и болѣе развитыхъ альтруистическихъ чувствъ на современную культуру ср. Garofalo Criminologia, La Selezione, стр. 78, гдѣ авторъ ссылается на Ribot, L'heredité.

у непреступныхъ лицъ тѣхъ же антропологическихъ клеймъ, какъ у преступниковъ.—Этимъ вопросомъ, какъ было показано въ главѣ 1-ой, занимался и Ломброзо. Попытка Ферри устранить это возраженіе противъ «клеймъ» преступника едва ли болѣе удается ему, чѣмъ и Ломброзо. Первое замѣчаніе, — что у преступника встрѣчается сочетаніе нѣсколькихъ антропологическихъ признаковъ, тогда какъ у людей непреступныхъ они встрѣчаются по одиночкѣ, мало убѣдительно. — Если антропологическіе признаки имѣютъ какой либо смыслъ, то очевидно они должны разниться между собою по относительной важности, по большей или меньшей связи съ психическими фактами. Самъ Ферри замѣчаетъ, что неспеціалисты смѣшиваютъ существенные и несущественные признаки. Но если это такъ, то ариѳметическое большинство или меньшинство ничего не значитъ. Одинъ одиночный признакъ можетъ перевѣшивать сочетаніе нѣсколькихъ. Въ ученіи Ломброзо, впрочемъ, помимо нѣкоторыхъ клеймъ, которымъ придается первенствующее значеніе, существуетъ масса признаковъ, сравнительная важность которыхъ нисколько не выяснена. Значитъ относительно ихъ антропологъ будетъ бродить въ такой же тьмѣ, какъ и неспеціалистъ [61]). Что касается до выраженія лица, которое, по мнѣнію Ферри, должно исправлять истолкованіе найденныхъ у непреступниковъ признаковъ, то новая школа никогда не убѣдитъ своихъ противниковъ въ состоятельности этого критерія. Третій тезисъ Ферри опирается на возможности передачи отцомъ анормальныхъ чертъ, а матерью психическаго строенія. Принявъ это истолкованіе, любопытно прослѣдить, что изъ него слѣдуетъ. Если авторъ допускаетъ такую возможность относительно непреступныхъ людей,—то почему не допускать ее относительно преступниковъ? Но въ такомъ случаѣ приходится отказаться что либо объяснять антропологическими признаками. Они становятся коварнымъ искусителемъ, вводящимъ въ обманъ изслѣдователя, который подъ грозными чертами, унаслѣдованными отъ отца, можетъ и не замѣтить у преступника хорошаго нрава, унаслѣдованнаго отъ матери, и впасть въ вопіющую ошибку при классификаціи преступника. При возможности такого явленія упраздняется вообще значеніе антропологическихъ клеймъ въ смыслѣ непререкаемыхъ и постоянныхъ наружныхъ показателей о внутреннихъ психическихъ аномаліяхъ. Четвертый тезисъ

---

61) По части попытки различенія антропологическихъ особенностей, сдѣланной Маго, см. слѣдующее примѣчаніе.

въ крайней степени подрываетъ довѣріе къ антропологическимъ признакамъ. Критерій, который все объясняетъ, ничего не объясняетъ. Если антропологическіе признаки обнаруживаютъ не только преступника, но и проститутку, причудливость или безнравственность характера, то это означаетъ, что они опредѣленнаго значенія въ дѣлѣ изслѣдованія преступниковъ не имѣютъ. Нужно имѣть въ виду, что прирожденный преступникъ по самому свойству своему безусловная величина, человѣкъ, вслѣдствіе особенно сильныхъ порочныхъ особенностей, роковымъ образомъ предназначенный для преступности. Въ виду этого—положеніе, что антропологическія клейма, которыя особенно характеризуютъ прирожденнаго преступника, могутъ сочетаться не только съ преступною дѣятельностью, но и съ другими анормальными состояніями (помѣшательство, проституція и даже просто безнравственный характеръ) становится въ противурѣчіе съ понятіемъ прирожденнаго преступника. Оно очевидно допускаетъ вліяніе иныхъ факторовъ, такъ или иначе видоизмѣняющихъ прирожденную наклонность къ преступленію. Тезисы пятый, шестой и седьмой у Ферри проникаются принципами законовъ противъ подозрительныхъ. Нельзя сказать, что человѣкъ, до сихъ поръ жившій безупречно, не впадетъ въ преступленіе. Но точно также, если послѣ долгой безупречной жизни, человѣкъ впадаетъ въ преступленіе, нельзя выводить отсюда наличности бывшаго у него въ скрытомъ состояніи расположенія къ преступности. Этимъ аргументомъ оперировать очень трудно: иначе общество могло бы воздавать заслуженное уваженіе своему сочлену, на бѣду свою носящему клеймо преступника, не ранѣе, какъ дождавшись, чтобъ его снесли въ могилу. Если далѣе лицо, даже рожденное быть преступникомъ, можетъ не дѣлаться таковымъ, по мнѣнію Ферри, въ силу неблагопріятныхъ преступности условій, напр., богатства, — то это объясненіе представляется крайне страннымъ; развѣ богатство подавляетъ всѣ источники преступности; развѣ нѣтъ богачей, совершающихъ преступленія не только противъ лицъ, но и имущества? Можно, конечно, представить себѣ богачей развратныхъ и порочныхъ, не совершающихъ преступленій, но нельзя говорить о прирожденномъ преступникѣ, остающемся въ скрытомъ состояніи, разъ положено въ основаніе этого понятія необычайно сильное сочетаніе толкающихъ на преступленіе физіо-психическихъ условій, отличающее его отъ всѣхъ другихъ преступниковъ.

Правда, много преступленій остается скрытыми,—правда не всегда можно установить, что лицо, признаваемое честнымъ, было всегда таковымъ. Но это не уничтожаетъ значенія частной и общественной

оцѣнки лица, какъ честнаго. Развѣ съ другой стороны возможность судебныхъ ошибокъ совершенно устранена, — развѣ всегда мы можемъ навѣрное сказать, что свѣтлыхъ сторонъ въ преступникѣ не существуетъ [62])?

---

62) Къ многочисленнымъ противникамъ теоріи антропологическихъ клеймъ въ томъ видѣ, какъ она формулирована Ломброзо въ L'uomo delinquente, и которые указаны у меня въ главѣ 1-й (Manouvrier, Bonfigli, Rüdinger, Mantegazza), принадлежатъ также изъ числа антропологовъ Monti въ Италіи и Heger въ Бельгіи, воззрѣніями которыхъ я не могъ воспользоваться при разборѣ ученія Ломброзо и результаты изслѣдованія которыхъ я, поэтому, сообщаю здѣсь по изложенію Lucchini въ гл. VI Semplicisti стр. 105—106. Monti, на основаніи измѣренія 92 череповъ убійцъ въ Болонскомъ музеѣ и сравненія ихъ съ черепами душевно больныхъ и непреступныхъ людей, нашелъ по части головнаго показателя, что таковой у лицъ изъ одной и той же провинціи, будь они преступники, душевно больные или здоровые, не мѣняется: ассиметрію черепа Monti нашелъ менѣе часто у преступниковъ, чѣмъ у душевно-больныхъ и непреступныхъ лицъ; окружность длинника черепа почти одинакова у преступниковъ, душевно-больныхъ и непреступниковъ. При сравненіи лицевыхъ костей преступниковъ съ таковыми непреступныхъ лицъ, Монти не нашелъ какихъ либо отличій, поэтому свойство выраженія, находимаго у убійцъ, должно быть отнесено къ мягкимъ частямъ физіономіи и объясняется мимическими движеніями. Heger изслѣдовалъ сто тридцать череповъ, большей частью казненныхъ преступниковъ, и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: головной показатель у преступниковъ не представляетъ особенностей, средне-затылочная ямка, найденная столь часто Ломброзо у итальянскихъ убійцъ, у бельгійскихъ не находится,—не обнаруживается также огромнаго развитія скуловыхъ костей, найденнаго Ломброзо у убійцъ. На этомъ основаніи Heger пришелъ къ заключенію, что краніологическіе типы убійцъ зависятъ отъ типа расы, къ которой они принадлежатъ, не составляя особаго человѣческаго вида.—Въ настоящее время, во время печатанія моей работы, вышло въ Италіи огромное сочиненіе доктора Marro—I caratteri dei delinquenti, 1887 г., удостоившееся преміи на международномъ конкурсѣ уголовной антропологіи, учрежденномъ Rivista delle discipline carcerarie. Не имѣя возможности воспользоваться богатымъ матеріаломъ, который представляется въ этомъ сочиненіи, я укажу на главные выводы автора: Марро изучилъ тѣлесныя и психическія особенности 507 преступниковъ—мужчинъ и 35 преступницъ—женщинъ. Результаты изслѣдованій изложены въ 15 чрезвычайно полныхъ богатыми свѣдѣніями таблицахъ; всѣ наблюдавшіеся субъекты распредѣлены авторомъ въ 11 классахъ по главнѣйшимъ преступленіямъ противъ лицъ и имуществъ. Изслѣдованіе преступниковъ произведено параллельно съ изслѣдованіемъ 100 лицъ, состоявшихъ на свободѣ, не подвергавшихся судимости и о благонадежности которыхъ авторомъ были собраны свѣдѣнія.—По части аномальныхъ тѣлесныхъ признаковъ авторъ дѣлаетъ важное различіе: онъ различаетъ среди прирожденныхъ аномальныхъ особенностей (caratteri) таковыя, которыя указываютъ на атавизмъ,—воспроизведеніе первобытныхъ формъ,—отъ особенностей, представляющихъ характеръ болѣзненной наслѣдственности. Первыя носятъ названіе атавистическихъ, вторыя—атипическихъ. Наконецъ, пріобрѣтенныя особенности авторъ называетъ патологическими или болѣзненными. Къ атавистиче-

V.

Возвращаясь къ вопросу о значеніи и распространенности антропологическихъ данныхъ въ средѣ преступниковъ, авторъ вновь напоминаетъ, что лишь часть преступниковъ представляетъ совокупность аномалій и что, поэтому, требуется различать категоріи преступниковъ. Указавъ, что мысль о категоріяхъ преступниковъ, получивъ право гражданства послѣ сдѣланной имъ критики книги Ломброзо, встрѣчается ранѣе у Gall, Toulmouche, Fregier, Ferrus, Despine Lauvergne [63]), далѣе у Maudsley и Thompson, указавшихъ на классъ людей съ особенными чертами, представляющій вырожденную или болѣзненную разновидность человѣческаго рода,—у Nicholson, Valentini,

---

скимъ особенностямъ авторъ относитъ напр. косину глазъ, torus occipitalis, свойственный гориллѣ,—microcefalia, oxycefalia, чрезмѣрныя скуловыя дуги. Къ атипическимъ особенностямъ относятся косина черепа, гидрокефалія, страбизмъ, аномаліи носа, зубовъ. Къ патологическимъ особенностямъ, пріобрѣтеннымъ помимо рожденія и наслѣдственности, авторъ относитъ парезъ лица, кардіопатіи, невропатіи, поврежденія двигательныхъ аппаратовъ (стр. 64 и 65). Тѣ и другія особенности располагаются различно у разныхъ преступниковъ; убійцы, виновники изнасилованія, грабители, виновники кражъ со взломомъ представляютъ преобладаніе признаковъ атавистическихъ,—патологическія явленія убійцъ обусловливаются преимущественно внутренними причинами; поджигатели представляютъ преобладаніе атипическихъ признаковъ, хотя у нихъ встрѣчается много патологическихъ признаковъ; виновники тѣлесныхъ поврежденій, обмановъ, домашніе воры, бродяги характеризуются преобладаніемъ признаковъ патологическихъ (стр. 440 и 491).

63) Gall различаетъ преступниковъ по страсти и по прирожденнымъ инстинктамъ. Toulmouche преступниковъ по бѣдности и невѣжеству, по необузданной страсти и по природной порочности. Fregier, Lauvergne, Ferrus, Despine различаютъ: первый—воровъ по ремеслу, по слабости характера, по нуждѣ, второй—преступниковъ по страсти, по устойчивому волеопредѣленію, по животнымъ и прирожденнымъ инстинктамъ; третій—1) преступниковъ рѣшительно неисправимыхъ, одаренныхъ разумомъ, выше средняго, влекомыхъ ко злу собственной организаціей; 2) преступниковъ средняго ума, со слабо развитымъ чувствомъ, толкаемыхъ на преступленіе половыми инстинктами, заброшенностью въ дѣтствѣ, привычками къ бродяжеству—не въ силу прирожденныхъ тенденцій, а въ силу потребности разврата и праздности; 3) преступниковъ неспособныхъ къ занятію, требующему напряженія ума и воли, влекомыхъ къ преступленію неспособностью выдерживать конкурренцію болѣе способныхъ людей и познавать собственныя соціальныя обязанности. Despine (Psychologie naturelle) отличаетъ преступниковъ «хладнокровныхъ отъ преступниковъ по страсти»,—и преступниковъ по нравственному помѣшательству или непатологической нравственной аномаліи, отъ преступниковъ по истинно «патологическому» помѣшательству или душевной болѣзни.

Bittinger Sewichey, графа Соллогуба, Hastings, Du-Cane, Guillaume, Virgilio, Morselli, Michaux, Petit, остановившихся на различеніи преступниковъ обычныхъ, delinquenti veri e d' abitudine и преступниковъ по случайному поводу, delinquenti accidentali, d' occasione, Ферри дѣлаетъ изъ обзора мнѣній указанныхъ ученыхъ слѣдующіе три вывода. Наблюденія опытныхъ изслѣдователей приводятъ, во первыхъ, къ несомнѣнному заключенію о полной неисправимости извѣстной доли преступниковъ, не поддающихся никакому пенитенціарному режиму. Это заключеніе подтверждается и объясняется антропологическими изслѣдованіями. Во вторыхъ, изъ указаннаго обзора мнѣнія разныхъ писателей явствуетъ преобладаніе въ попыткахъ классификаціи преступниковъ критеріевъ тюрьмовѣдѣнія и описательнаго свойства, а не критеріевъ генетическаго свойства, выясняющихъ происхожденіе преступнаго дѣянія въ преступникѣ и особенно существенныхъ для соціологовъ. Наконецъ, въ третьихъ, обзоръ классификаціонныхъ попытокъ свидѣтельствуетъ объ устойчивости различенія между преступниками по случайному поводу и обычными. Это различеніе предчувствовалось въ римскомъ правѣ, сознавалось средневѣковыми Итальянскими юристами, было принято въ новѣйшемъ англійскомъ законѣ (Habitual criminal act 1868 г.), наконецъ было формулировано даже у криминалистовъ, далекихъ отъ уголовной антропологіи. (Росси, Каррара, Ортоланъ, Вальбергъ), не съумѣвшихъ, однако, сдѣлать изъ этого различенія систематическихъ выводовъ по части соціальной обороны отъ преступленія [64]).

Въ силу постояннаго изученія тюремныхъ сидѣльцевъ авторъ пришелъ къ заключенію, что антропологическія данныя, не простираясь на всѣхъ преступниковъ, сосредоточиваются въ извѣстной долѣ ихъ. Принадлежащія къ ней лица могутъ быть названы прирожденными, обычными, неисправимыми (delinquenti nati, abituali, incorregibili). Отъ нихъ различается классъ преступниковъ по случайному поводу (delinquenti d'occasione), лишенныхъ особенностей анатомическихъ, патологическихъ, физіо-психологическихъ, свойственныхъ типической фигурѣ преступнаго человѣка, или же обладающіе таковыми въ меньшей, сравнительно съ первыми, мѣрѣ [65]).

Эта классификація, намѣченная авторомъ уже въ 1875 году и разработанная въ критикѣ L'uomo delinquente въ Archivio di Psich.

---

64) Стр. 203—213.

65) Стр. 213—214.

(Diritto penale ed antropologia criminale) можетъ быть удостовѣрена положительнымъ образомъ путемъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ антропологическихъ изслѣдованій надъ преступниками, а также путемъ статистическихъ данныхъ относительно рецидивы и формъ преступности, изученныхъ антропологами. Отсылая относительно доказательствъ, добываемыхъ антропологическимъ изслѣдованіемъ преступниковъ, къ своему сочиненію Del omicidio, Ферри обращается къ доказательствамъ, представляемымъ статистикой. Не смотря на недостаточность статистики рецидивы въ европейскихъ государствахъ, Ферри однако принимаетъ, что рецидива въ Европѣ колеблется приблизительно между 50% и 60%, изъ чего можно заключить, что она составляетъ скорѣе правило, чѣмъ исключеніе. Затѣмъ статистика открываетъ тѣ преступныя формы, въ коихъ наиболѣе преобладаетъ рецидива и въ которыхъ всего болѣе встрѣчаются обычные и неисправимые преступники. Такъ по итальянской статистикѣ осужденныхъ рецидивистовъ 1863-го и 1870 годовъ оказывается, что рецидива превышаетъ средній процентъ (8%) въ слѣдующихъ сужденныхъ ассизными судами преступныхъ дѣяніяхъ: насильственныхъ кражахъ, плотскихъ преступленіяхъ, убійствѣ по животному побуду (per sola brutalità), вооруженныхъ сообществахъ; по дѣламъ, сужденнымъ исправительными судами процентъ рецидивы, выше средняго, даютъ бродяжество и праздность. Напротивъ рецидива ниже средней является въ преступныхъ дѣяніяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности, въ неквалифицированныхъ убійствахъ, неосторожныхъ и по внезапному побужденію, каковыя преступныя дѣянія въ отличіе отъ первыхъ, относятся къ преступности по случайному поводу. Обращаясь къ французской статистикѣ рецидивы за 1877—1881 годы, авторъ указываетъ, что среди преступленій въ техническомъ смыслѣ (crimes) высшую средней рецидиву точно также даютъ наиболѣе тяжкіе виды убійства, а равно посягательства на половую честь. Высокія цифры рецидивы имѣются въ преступленіяхъ противудѣйствія и сопротивленія властямъ, бигаміи, похищенія несовершеннолѣтнихъ, нанесенія ранъ; эти цифры однако не имѣютъ особенной важности, будучи извлечены изъ незначительнаго числа фактовъ. По части преступленій противъ личности подтверждается наблюденіе, что неквалифицированныя убійства обладаютъ меньшей рецидивой и, поэтому, совершаются скорѣе по случайному поводу, чѣмъ квалифицированныя. По части преступленій имущественныхъ изъ французской статистики слѣдуетъ, что кража представляетъ наибольшую рецидиву, за исключеніемъ немногихъ видовъ съ характеромъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ по случайному поводу, каковы похищенія, совер-

шенныя домашними ворами. Съ такимъ же характеромъ являются подлоги въ торговыхъ обязательствахъ и банкротство, въ особенности же преступленіе растраты со стороны чиновниковъ. По части проступковъ (delits) высшія цифры рецидивы принадлежатъ проступкамъ, совершаемымъ по привычкѣ (бродяжеству, мошенничеству, кражамъ), на равнѣ съ проступками, кои по природѣ своей требуютъ рецидивы (напр. нарушеніе правилъ о полицейскомъ надзорѣ), или сопутствуютъ обычной преступности (пьянство, оскорбленія публичныхъ должностныхъ лицъ). Такимъ образомъ статистика общей рецидивы и рецидивы въ отдѣльныхъ преступленіяхъ и проступкахъ служитъ подтвержденіемъ положенія, что во всей совокупности преступниковъ лишь извѣстная часть представляетъ индивидуальныя аномаліи, отмѣченныя антропологіей. Этотъ выводъ можетъ быть подтвержденъ и тѣмъ, что до сихъ поръ антропологи-криминалисты изучали лишь извѣстныхъ преступниковъ, либо наиболѣе выдающихся по животной грубости (maggiore brutalitá) убійцъ, либо всего чаще находимыхъ въ тюрьмахъ воровъ.

Замѣтивъ, что не существуетъ вполнѣ прочнаго основанія для исчисленія доли истинно обычныхъ преступниковъ, Ферри принимаетъ для этого класса, согласно съ Ломброзо, до 40—50% всего преступнаго населенія [66]).

Таковая приблизительно численная величина перваго класса преступниковъ, выведенная путемъ антропологическихъ наблюденій, дается, по мнѣнію Ферри, по мимо статистики рецидивы, еще и другими *статистическими данными*. Изъ составленной имъ таблицы отношенія обычной преступности (въ составъ которой введены осужденные за убійство квалифицированное и простое, кражи, преступныя сообщества, насильственныя плотскія преступленія, изнасилованіе, разбой, зажигательство, бродяжество, мошенничество, подлогъ) ко всему количеству осужденныхъ ассизными судомъ и исправительными трибуналами во Франціи, Италіи и Бельгіи оказывается, что въ Италіи обычная преступность даетъ 38%, нѣсколько менѣе во Франціи (35%) и Бельгіи (30%). Изъ этой же таблицы явствуетъ, что обычная преступность преобладаетъ въ преступленіяхъ, подсудныхъ ассизнымъ судамъ, сравнительно съ проступками, подвѣдомственными исправительнымъ трибуналамъ, что обнаруживается какъ въ Италіи (84% обычной преступности въ дѣлахъ ассизовъ противъ 32% въ дѣлахъ трибуналовъ), такъ и Франціи (90% въ ассизахъ, 34% въ трибуналахъ), и въ Бельгіи (86%

---

66) Стр. 215—226.

въ ассизахъ, 30% въ трибуналахъ). Если же посмотрѣть, какъ распредѣляется вся совокупность обычной преступности между ассизами и трибуналами, то оказывается, что послѣдніе разсматриваютъ гораздо большее число принадлежащихъ къ обычной преступности дѣяній, что объясняется наибольшей многочисленностью на преступной лѣстницѣ дѣяній менѣе тяжкихъ (обмановъ, бродяжества, простыхъ кражъ [67]).

Въ разсматриваемомъ отдѣлѣ о классификаціи преступниковъ у Ферри крайне существенно,—что авторъ, въ отличіе отъ 1-го изданія Nuovi Orizzonti начинаетъ не съ пяти членной классификаціи преступниковъ, — а съ стараго дѣленія преступниковъ на обычныхъ и необычныхъ, пытаясь демонстрировать его антропологически и статистически.—Конечно было необходимо упомянуть объ этой столь распространенной и столь укоренившейся классификаціи, но доказывать ея реальности не было никакой надобности. Вопросъ не въ томъ, существуютъ ли обычные преступники, а въ томъ, — чтобъ наиболѣе правильно установить признакъ преступной привычки, уловить связь привычки съ тѣми или другими преступными дѣяніями и, поэтому, правильно оцѣнить ихъ опасность для правоваго порядка. Установленіе, однако, того или другаго характера преступныхъ дѣяній не было главной цѣлью Ферри, ищущаго классификаціи преступниковъ, а не преступленій и удостовѣренія выводовъ антропологіи статистикой. Та же мысль—потвердить антропологическіе выводы уголовной статистикой, руководила и Ломброзо въ главѣ L'uomo delinquente о рецидивѣ. Попытка Ферри вышла неболѣе удачною, такъ какъ антропологическія особенности отдѣльныхъ преступниковъ и статистическія данныя о движеніи преступности несоизмѣримыя величины. Статистика можетъ указать на фактъ рецидивы и изъ этого факта можно вывести разныя заключенія, напр., что рецидивисты не исправлялись понесеннымъ имъ наказаніемъ,—но вотъ и все, что можно сказать. Вывести же изъ статистики рецидивы, чтобъ вновь впадавшіе въ преступленіе преступники были вообще антропологически анормальныя лица, на это не имѣется достаточныхъ данныхъ. Статистика оперируетъ большимъ числомъ событій преступленія, а потому очевидно никакихъ индивидуальныхъ особенностей преступниковъ удостовѣрять не можетъ. Затѣмъ принципіальная несостоятельность попытки Ферри

---

67) Стр. 226—229.

вполнѣ потверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ сдѣланнаго имъ анализа статистическихъ данныхъ.

По указанію автора, въ итальянской уголовной статистикѣ 1863 и 1870 года рецидива превышающая среднюю (8%) обнаруживается въ сужденныхъ ассизными судами дѣлахъ: о кражѣ, подлогѣ, грабежѣ, насильственныхъ плотскихъ преступленіяхъ, убійствѣ по животному побуду, вооруженныхъ сообществахъ. Виновники этихъ преступленій — рецидивисты т. е. анормальные антропологически, обычные преступники. Но при разсмотрѣніи приведенной Ферри таблицы оказывается, что высшую цифру рецидивы даетъ проступокъ побѣга арестантовъ (30%), далѣе идетъ кража (16%), подлогъ (13%), укрывательство краденнаго (12%), разбой, грабежъ (11%), убійство безъ опредѣленной причины, по животной грубости (10%), вооруженныя сообщества (8%). Сочетаніе рецидивы съ извѣстнымъ преступнымъ дѣяніемъ такимъ образомъ очень прихотливо: высшая цифра связывается съ преступленіемъ, неуказывающимъ на высшую испорченность; убійство по животной грубости на 2% единственно превышаетъ среднюю рецидиву, а вооруженныя сообщества, характеризующія по Ферри, преступниковъ, наиболѣе далекихъ отъ нормальнаго человѣка, даже не превышаютъ средней рецидивы. Что касается до предлагаемыхъ Ферри таблицъ итальянской статистики рецидивы по дѣламъ, сужденнымъ ассизными судами за 1877—1881 г. и рецидивы по дѣламъ, сужденнымъ исправительными судами за 1875—76 годы, то самыя высокія цифры рецидивы представляются по преступленіямъ противъ государственной безопасности (60%), по части полевыхъ похищеній (furti campestri 30%), праздности и бродяжества (41%). Высокія цифры рецидивы по неважнымъ преступнымъ дѣяніямъ даютъ полное основаніе заключить, что «delinquenti nati встрѣчаются въ большинствѣ среди виновниковъ полевыхъ похищеній, бродяжества и праздности, побѣга изъ тюрьмы» [68]).

По дѣламъ, сужденнымъ исправительными трибуналами, Ферри обращаетъ вниманіе на высшую рецидиву „бродяжества и праздности“,— проступковъ, имѣющимъ то же антропологическое значеніе, какъ и проступокъ составленія шаекъ. Но виновники указанныхъ проступковъ представляютъ весьма рѣзкія индивидуальныя различія. Именно въ вопросѣ о бродягахъ необходимы различенія, которыхъ Ферри не дѣлаетъ. Вообще бродяжество—явленіе крайне опасное и съ

---

[68]) Lucchini Semplicisti Cap. V стр. 76 и 77-я.

которымъ государству необходимо энергично бороться. Но наравнѣ съ бродягами, опасными для государственнаго общежитія, есть бродяги, почти исключительно ограничивающіеся прошеніемъ милостыни. При обсужденіи французскаго закона о рецидивистахъ Berenger замѣтилъ, что бродяжество чаще происходитъ отъ прирожденнаго порока и слабости характера, чѣмъ отъ настоящей испорченности. Поэтому часто среди множества осужденій за бродяжество не встрѣчается ни одного осужденія за другой проступокъ [69]). Подобный же отзывъ даетъ о бродягахъ докторъ Марро, который, объясняя проступокъ бродяжества состояніемъ полной физической и умственной слабости, видитъ въ этомъ причину, почему бродяги не совершаютъ другихъ преступленій. Одинъ бродяга, по показанію этого изслѣдователя, даже говорилъ ему, что для зла требуется воля, онъ же столь боязливъ, что боится оставаться одинокимъ въ своей камерѣ [70]).

Мало убѣдительны и данныя французской статистики въ смыслѣ указанія извѣстной доли преступниковъ съ индивидуальными аномаліями. Вопреки указываемаго Ферри съ удареніемъ процента рецидивы выше средней у виновниковъ тягчайшихъ убійствъ и плотскихъ преступленій—эти два преступленія занимаютъ по его таблицѣ, первое преступленіе—седьмое (42,3%), а второе—шестое (44,%) и десятое мѣсто (38,5%) по различію посягательствъ на взрослыхъ и малолѣтнихъ. Затѣмъ первыя мѣста принадлежатъ: насильственнымъ дѣйствіямъ противъ должностныхъ лицъ = 85,% бигаміи = 59,3, бунту (ribellione)=55,5%. Между тѣмъ эти преступленія трудно сближать съ біологическими особенностями преступниковъ. Изъ преступленій противъ имуществъ высочайшія процентныя отношенія выпадаютъ на долю разныхъ видовъ кражи, — фактъ, общій уголовнымъ статистикамъ разныхъ странъ и объясненіе котораго не нуждается въ анормальныхъ особенностяхъ преступниковъ.

---

[69]) См. Tournade Commentaire de la loi sur les récidivistes 1885 г. стр. 38. Tournade съ своей стороны также потверждаетъ показаніе Berenger.

[70]) Marro J. caratteri dei delinquenti 1887 г. стр. 388—392. Ср. Macé Police Parisienne Service de la Sureté 1885. Ch. XV. Le vagabondage: авторъ раздѣляетъ vagabonds на три класса: 1) Les necessiteux, 2) Les paresseux mendiants et recidivistes. 3) Les voleurs et repris dejustice. Первый классъ очень рѣдко, по словамъ Масé, представляетъ общественную опасность. Бродяги 2-го и 3-го класса гораздо опаснѣе и гораздо многочисленнѣе. Не смотря однако, на это различеніе Масé замѣчаетъ, что tout vagabond possède l'étoffe d'un malfaiteur et le devient tôt ou tard (267—24).

Средній процентъ обычной преступности, исчисляемый Ферри въ 40—50% на основаніи сравнительныхъ данныхъ уголовной статистики Италіи, Франціи, Бельгіи и сближаемый съ исчисленіемъ Ломброзо о наличности антропологическихъ клеймъ у 40—50% преступниковъ, совершенно недостовѣренъ по способу его исчисленія. Въ предложенной Ферри на страницѣ 228 таблицѣ, авторъ связываетъ delinquente abituale съ рядомъ перечисленныхъ имъ преступленій и опредѣляетъ процентное число осужденныхъ за такія преступленія лицъ ко всѣмъ осужденнымъ въ ассизныхъ судахъ и исправительныхъ трибуналахъ. Такимъ образомъ получается для Италіи 84% обычной преступности по дѣламъ ассизныхъ судовъ, 32% по дѣламъ исправительныхъ трибуналовъ, 38% по всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ. Спрашивается, однако, почему избранныя Ферри преступленія относятся къ обычной преступности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, неразрѣшаемый въ Nuovi Orizzonti, можно найти, обращаясь къ одной изъ первоначальныхъ работъ Ферри Diritto penale ed antropologia criminale въ Archivio di Psichiatria т. I [71]), гдѣ разсмотрѣвъ виды преступленій, виновники коихъ послужили объектами изслѣдованій, сведенныхъ во 2 изд. L'uomo delinquente Ломброзо, — Ферри утверждаетъ, что психическія и физическія аномаліи, найденныя у обычныхъ преступниковъ, встрѣчаются у виновниковъ слѣдующихъ преступныхъ дѣяній: простое и предумышленное убійство, кража, далѣе въ нисходящемъ порядкѣ разбойничество, каморра, изнасилованіе, грабежъ, поджогъ, бродяжество, мошенничество [72]). Въ этихъ преступленіяхъ преобладаетъ типическая, обычная преступность,—что подтверждается изученіемъ рецидивы, которая составляетъ характеристическій признакъ таковой. Представивъ затѣмъ таблицы рецидивы въ Италіи и Франціи (тѣ самыя, которыя помѣщены и въ разбираемомъ мною 2-мъ изданіи Nuovi Orizzonti) и указавъ, что рецидива выше средней преобладаетъ именно въ перечисленныхъ имъ преступленіяхъ,отнесенныхъ къ преступной привычкѣ, авторъ строитъ таблицу обычной преступности въ Италіи, Франціи и Бельгіи за года 1871—72 для первой, 1873—77 для второй, 1871—75 для третьей, складывая для каждой изъ этихъ странъ процентныя числа осужденныхъ за отдѣльныя преступленія, признанныя имъ ранѣе за проявленія обычной преступности. Такимъ образомъ получаются про-

---

71) Стр. 444—483.

72) Указ. соч. стр. 457.

центныя отношенія обычной преступности для указанныхъ странъ, тождественныя съ таковыми же на стр. 228 Nuovi Orizzonti. Однако въ подробной таблицѣ на стр. 466 Diritto penale ed antropologia criminale значатся такія преступленія, которыя къ обычной преступности никакого соотношенія не имѣютъ, какъ напримѣръ убійство, дѣтоубійство, подлогъ въ паспортахъ. Да и самъ Ферри, комментируя эту таблицу въ указанной статьѣ, положительно говоритъ, что указанное имъ процентное отношеніе только приблизительное и даже нѣсколько преувеличенное, такъ какъ многія преступленія, показанныя въ ней, не совершаются по преступной привычкѣ (дѣтоубійство); далѣе многія другія преступленія противъ жизни, указанныя въ этой таблицѣ, совершены не по преступной привычкѣ и не обычными преступниками, а преступниками по страсти или по стеченію неблагопріятныхъ объстоятельствъ, каковое замѣчаніе относится также къ преступленію поджога, подлога, обмана [73]).

Всѣ эти крайне существенныя оговорки опущены въ Nuovi Orizzonti при сохраненіи тѣхъ же итоговъ; такія характеристическія преступленія, какъ дѣтоубійство, отцеубійство, скрыты подъ общей рубрикой лишенія жизни. Такимъ образомъ таблица обычной преступности — хорошій примѣръ abuso della statistica [74]). Конечно, эта таблица гораздо болѣе внушительнаго свойства, чѣмъ таблицы рецидивы. Изъ таблицъ рецидивы въ Италіи и Франціи можно было убѣдиться, что по наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ процентное отношеніе осужденныхъ рецидивистовъ представлялось ниже сравнительно съ таковымъ же отношеніемъ виновниковъ менѣе тяжкихъ преступленій. Между тѣмъ въ таблицѣ обычной преступности это отношеніе стирается; далѣе слѣдуетъ также имѣть въ виду, что приведенныя Ферри таблицы рецидивы итальянской и французской статистики лишь указывали на осужденныхъ по тѣмъ или другимъ преступленіямъ, ранѣе судившихся и осужденныхъ, а не на однородную рецидиву. Поэтому лица, судившіяся за тягчайшія убійства, квалифицированныя кражи и т. д., являются рецидивистами и въ томъ случаѣ, если ранѣе они были осуждены за сравнительно маловажныя дѣянія (délits). Между тѣмъ таблица обычной преступности можетъ подать поводъ читателю подумать, что рѣчь идетъ неизмѣнно объ убійцахъ и преступникахъ противъ женской

73) Указ. соч. стр. 467.

74) Ср. книгу Salpace Uso ed abuso della statistica 1885.

чести, что въ обычной преступности Бельгіи, Франціи и Италіи существуетъ цѣлый значительный процентъ убійцъ по ремеслу.

До какой степени сомнительна эта таблица обычной преступности, можно убѣдиться, сравнивъ процентныя цифры, выведенныя Ферри напр. для Италіи въ этой таблицѣ, съ процентными отношеніями рецидивы въ той же странѣ, которыя я заимствую не у Ферри, а изъ другихъ источниковъ. Тогда какъ Ферри принимаетъ процентное отношеніе осужденныхъ обычныхъ преступниковъ ко всѣмъ осужденнымъ въ 38%, по оффиціальной статистикѣ Италіи за 1880 г. осужденные рецидивисты нѣсколько менѣе 22% [75]). По даннымъ итальянской тюремной статистики 1879 г. въ Bagni считалось 14%,—въ Case di pene 33% рецидивистовъ [76]). Рецидива въ Италіи за 1884 годъ на основаніи доставленныхъ прокурорскимъ надзоромъ свѣдѣній достигала среди осужденныхъ трибуналами 25%, ассизами 17% [77]). Эти цифры представляютъ значительное разногласіе и къ тому же обратное отношеніе относительно двухъ порядковъ подсудности съ таблицей Ферри, дающей 84% и 32% для осужденныхъ ассизами и трибуналами. При такой разноголосицѣ нужно выбирать критеріемъ обычной преступности что либо одно: или число осужденныхъ рецидивистовъ, или число осужденныхъ за преступныя дѣянія, которыя отнесены къ обычной преступности въ силу весьма спорныхъ антропологическихъ изслѣдованій, а равно болѣе частаго признака рецидивы у виновниковъ таковыхъ дѣяній. Хотя нельзя безусловно признавать каждаго рецидивиста настоящимъ обычнымъ преступникомъ, но первый критерій все же болѣе опредѣленный. Второй же критерій крайне обманчивый. Такъ по итальянской статистикѣ 1863 и 1870 годовъ разбой и грабежъ даютъ 11%, рецидива убійства безъ опредѣленныхъ причинъ, по животной грубости 10%. Изъ того, что виновники этихъ преступленій даютъ рецидиву выше средней (8%), по критерію Ферри вы-

---

[75]) Statistica giudiziaria degli affari penali per l'anno 1880 Roma 1883 стр. LVIII. [76]) Lucchini указ. соч. гл. V. Этотъ авторъ не обратилъ вниманія на происхожденіе таблицы на стр. 228 у Ферри и, поэтому, недоумѣваетъ, откуда взялись 84% обычной преступности. [77]) Rivista penale 1885 г. Disp. 9. I discorsi d'apertura per l'anno 1884 г. По части болѣе низкой рецидивы въ Италіи сравнительно съ другими странами см. гл. 1-ю моего труда стр. 91 примѣч. 131. Ср. также Beltrani Scalia Riforma penitenziaria in Italia 1879 стр. 215, гдѣ указавъ рецидиву среди осужденныхъ въ Bagni за четырехлѣтіе 72—75 (17%, 18%, 16%, 21%) и въ Case di pene за тоже четырехлѣтіе (31% 30%, 30%, 31%), авторъ заявляетъ, что въ Италіи еще нѣтъ лицъ, составляющихъ себѣ изъ преступленія обычное занятіе.

ходитъ, что всѣ виновники разбоя, грабежа, убійства по грубости—обычные преступники, тогда какъ рецидивистовъ только 11%. А между тѣмъ самъ же Ферри говоритъ, что рецидива—характеристическій признакъ обычной преступности. Весьма существенно обратное отношеніе, по приведеннымъ мною даннымъ, процентнаго отношенія рецидивистовъ среди осужденныхъ ассизными судами и исправительными трибуналами, сравнительно съ обычными преступниками по таблицѣ Ферри среди осужденныхъ этими двумя порядками судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, у Ферри огромное преобладаніе обычной преступности среди осужденныхъ ассизными судами—84% противъ 32%, осужденныхъ исправительными трибуналами. Ферри указываетъ съ удареніемъ на этотъ фактъ, объясняя его тѣмъ, что ассизы судятъ дѣянія, составляющія основу первоначальной преступности, свойственной человѣку дикому. Но это наведеніе въ пользу уголовной антропологіи оказывается совершенно невѣрнымъ, въ виду приведенныхъ мною высшихъ процентныхъ отношеній рецидивистовъ среди осужденныхъ не ассизными, а исправительными судами.

Указаніемъ антропологической и статистической реальности основнаго различенія между преступниками обычными и по случайному поводу полагается, по мнѣнію Ферри, исходная точка для послѣдующихъ различеній, введенныхъ имъ въ науку уголовнаго права и принятыхъ болѣе и менѣе всѣми послѣдователями новой уголовной соціологіи. Изъ массы обычныхъ преступниковъ Ферри выдѣляетъ прежде всего тѣхъ изъ нихъ, которые одержимы очевидной и общей формой душевнаго разстройства, обусловливающей преступную дѣятельность. Далѣе среди тѣхъ же обычныхъ преступниковъ выдается съ одной стороны классъ лицъ, физически и нравственно приниженныхъ отъ рожденія, «живущихъ въ преступленіи, въ силу прирожденной необходимости психическаго и органическаго приспособленія, болѣе близкихъ къ душевно больнымъ, чѣмъ къ здоровымъ», съ другой стороны—классъ лицъ, живущихъ также въ преступленіи и преступленіемъ, но вслѣдствіе преобладающаго зловреднаго вліянія жизненной среды, въ связи съ присущей имъ несчастной психо-физической организаціей; лица, принадлежащія къ этому послѣднему классу—люди неисправимые и вырожденные, подобно членамъ перваго класса, отличаясь отъ нихъ единственно тѣмъ, что ранѣе окончательнаго паденія они могли бы быть спасены при другой средѣ и при наличности мѣръ предупрежденія [78]). Въ кругѣ преступниковъ по случайному поводу выдѣляется

[78]) Стр. 233—234.

спеціальная разновидность: если вообще преступность среди нихъ опредѣляется больше соблазномъ представляющагося случая, чѣмъ прирожденной тенденціей, то у нѣкоторыхъ изъ нихъ побужденіемъ къ дѣйствію бываетъ чрезмѣрная запальчивость страсти, «психологическій ураганъ». Эти субъекты, какъ замѣчено было Дельбрюкомъ и Бэромъ, приближаются къ помѣшаннымъ преступникамъ, по психической неуравновѣшенности.

Такимъ образомъ всѣ преступники класифицируются въ пяти категоріяхъ: душевно больные (delinquenti pazzi), прирожденные неисправимые (nati incorregibili), обычные по пріобрѣтенной привычкѣ (abituali per abitudine acquisita), преступники по случайному поводу (d'occasione), по страсти (per passione [79]).

Существуетъ разновидность delinquenti pazzi, которая, въ силу изслѣдованій Ломброзо въ послѣднемъ изданіи L'uomo delinquente, «не можетъ быть различена отъ истинныхъ прирожденныхъ преступниковъ», это—pazzi morali, одержимые френопатической формой до сихъ поръ столь неопредѣленной, получившей столько разныхъ названій (moral insanity, pazzia ragionante Verga) и состоящей въ отсутствіи нравственнаго чувства, при кажущейся неприкосновенности логическихъ процессовъ. Такое отсутствіе нравственнаго чувства—истинное психологическое основаніе delinquente nato. Внѣ этой разновидности, крайне рѣдкой, по сознанію самого Ломброзо, классъ delinquenti pazzi охватываетъ всю несчастную фалангу лицъ, одержимыхъ общей формой душевной болѣзни. Но въ эту же категорію входятъ и лица, принадлежащія по Mandsley къ посредствующему поясу (Zona intermedia), и которыхъ Ломброзо назвалъ маттоидами (mattoidi) [80]. Къ этимъ полу-душевно больнымъ преступникамъ принадлежатъ субъекты, заканчивающіе полную чудачествъ жизнь преступленіемъ съ политическимъ оттѣнкомъ; субъекты, одержимые страстью писать и печатать (Lazzaretti, Mangione, Passanante, Guiteau, Maclean), субъекты, совершающіе отвратительнѣйшія кровавыя преступленія безъ всякаго видимаго или достаточнаго повода, наконецъ субъ-

---

[79]) Стр. 234—235.

[80]) По части mattoidi criminali ср. Lombroso Pazzia morale и delinquente nato (Archiv. di Psich. V. 1884 г.), гдѣ mattoidi отождествлены съ pazzi morali, далѣе Lombroso Pazzi ed anomali 1886 г. I. J Mattoidi e L'antropologia criminale III. Epistolario di Cola di Rienzi XII. Davide Lazzaretti. Ср. также главу I-ую моей работы стр. 113.

екты, у коихъ сочетается кровожадность и извращенный половой побудъ (necrofilomaniaci, Bertrand, Verzeni, Menesclou [81]).

За категоріей душевно-больныхъ преступниковъ слѣдуютъ преступники прирожденные, неисправимые. Въ нихъ наиболѣе рѣзко проявляются особенности, изслѣдуемыя уголовной антропологіей. Это типъ людей дикихъ (selvaggi), съ животными побудами, не различающихъ убійства или кражи отъ честнаго ремесла, преступники, для которыхъ испытанное наказаніе менѣе страшно, чѣмъ угроза наказанія, находящіе въ тюрьмѣ пріютъ съ обезпеченнымъ содержаніемъ и наполняющіе вмѣстѣ съ обычными преступниками ряды рецидивистовъ [82]).

Третья категорія—обычныхъ преступниковъ или преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ, объемлетъ субъектовъ, которые, не имѣя вообще или не имѣя рѣзко выраженныхъ особенностей прирожденнаго преступника, тѣмъ не менѣе, по совершеніи перваго преступленія чаще всего въ юношескомъ возрастѣ и притомъ противъ имущественныхъ правъ, остаются при преступной дѣятельности и дѣлаютъ себѣ изъ преступленія привычку не столько по прирожденной тенденціи, сколько по нравственной слабости. Располагающими условіями являются бѣдность, порча въ тюрьмѣ, заброшенность и праздность среди всевозможныхъ соблазновъ, отсутствіе общественной помощи въ борьбѣ за возвращеніе къ честной жизни. Ранняя и повторенная преступность—таковы, въ связи съ антропологическими особенностями, соціологическія особенности обычныхъ преступниковъ, общія у нихъ съ прирожденными [83]).

Остаются категоріи delinquenti d'occasione и per passione. Преступники по страсти, представляющіе типъ непреодолимой силы (невѣрное выраженіе для характеристики реальнаго факта), весьма рѣдки и большею частью совершаютъ преступленія противъ личности. Ферри находитъ возможнымъ опредѣлить ихъ количество, какъ 5% всего преступнаго населенія.

Это люди безукоризненной ранѣе жизни, темперамента сангвиническаго и нервознаго, чрезмѣрной чувствительности, иногда даже безумнаго темперамента (temperamento pazzesco). Преступленіе совершается ими въ юношескомъ возрастѣ вслѣдствіе импульса разря-

---

[81]) Стр. 235—238.
[82]) Стр. 238—240.
[83]) Стр. 240—241.

жающейся страсти: гнѣва, несчастной любви, оскорбленнаго чувства чести. Психологическая причина пропорціональна преступленію и преступленіе составляетъ самоцѣль, а не средство для другаго преступленія. За дѣяніемъ слѣдуетъ быстро сознаніе и раскаяніе, приводящія часто къ мысли о самоубійствѣ. Будучи осуждены, такіе преступники исправляются въ мѣстѣ отбытія наказанія или, лучше сказать, не портятся.

Что касается до delinquenti d'occasione, то они отъ природы не получаютъ активной преступной тенденціи, но впадаютъ въ преступленіе въ силу соблазна, обусловленнаго личными условіями и виной среды. Конечно, должно признать, что извѣстная доля причинъ, производящихъ преступленіе, принадлежитъ у такихъ преступниковъ къ антропологическому порядку, внѣшніе соблазны, безъ спеціальныхъ предрасположеній, были-бъ безсильны вызвать преступленіе (не всѣ во время голода предаются кражамъ, одни совершаютъ незначительныя похищенія, другіе грабежи). Тѣмъ не менѣе основное различіе между преступникомъ прирожденнымъ и по случайному поводу состоитъ въ томъ, что у перваго внѣшній соблазнъ имѣетъ несущественное значеніе сравнительно съ внутренней преступной тенденціей, вслѣдствіе чего онъ ищетъ преступленія, тогда какъ у втораго замѣчается слабость сопротивленія внѣшнимъ соблазнамъ. Иными словами, у прирожденнаго преступника внѣшнее обстоятельство опредѣляетъ разряженіе существующей инстинктивной силы; у преступника по случайному поводу такое же обстоятельство и производитъ и вызываетъ наружу преступный инстинктъ.

Изъ двухъ присущихъ вообще преступникамъ качествъ, нравственной нечувствительности и непредусмотрительности, первое больше свойственно прирожденному преступнику, лишенному нравственнаго чувства, второе преступнику по случайному поводу, у котораго нравственное чувство остается, но, за недостаткомъ предусмотрительности послѣдствій преступленія, оно не воздерживаетъ достаточно отъ увлеченія внѣшнимъ соблазномъ [84]).

---

[84]) Стр. 249—253.—Ср. статью Dona Concepcion Arenal, ученой женщины—тюрьмовѣда въ Bulletin de la Société générale des Prisons 1886 г. № 5 Psychologie comparée du delinquant о недостаткѣ нравственнаго чувства у преступниковъ.—Означенная статья, напечатанной въ томъ же изданіи 1886 г. № 1, и совпадающая во многихъ чертахъ съ моимъ разборомъ той же работы въ главѣ 1-ой прим. 132 къ стр. 92,—кончается слѣдующими замѣчательными словами»: Il convient de favoriser la réaction commencée

Указавъ на Guyau, Siciliani, Tallack, Carrau, Garofalo, Fouillèe, Espinas, Reinach, Ten-Kate, Павловскаго, Soury, Öttingen,—повторяющихъ дѣленіе преступниковъ на обычныхъ и необычныхъ, авторъ излагаетъ класификацію Минцлова, Lebon, Tamassia, Lacassagne, Puglia, Liszt, Föhring, Poletti, Starke, въ подтвержденіе того, что, послѣ сдѣланной имъ классификаціи, изслѣдователи преступности признаютъ необходимость классификаціи не только простой, каково дѣленіе преступниковъ на обычныхъ и необычныхъ, но и болѣе сложной, болѣе дробной. Изъ обзора попытокъ классификаціи авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: I. Всѣми признается необходимость отбросить старый, единый и отвлеченный типъ преступника. Классификація преступниковъ перенесена имъ, Ферри, изъ области тюрьмовѣдѣнія въ область уголовной соціологіи, гдѣ таковая представляется непререкаемой въ качествѣ положительнаго факта. II. Между различными предложенными классификаціями нѣтъ существенныхъ и важныхъ разногласій. Правда, не всѣми принята категорія обычныхъ преступниковъ, что зависитъ отъ свойства основнаго критерія, избраннаго тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ. Въ отличіе отъ другихъ классификаціонныхъ попытокъ, основанныхъ на критеріѣ описательномъ (классификація Лакасання), на критеріѣ леченія и обороны (классификація Листа), на признакѣ рецидивы (классификація Штарке) или цѣляхъ тюремнаго патроната (классификація Феринга), собственная классификація автора—генетическая, коренящаяся въ причинахъ разнообразныхъ проявленій преступной дѣятельности и, поэтому, теоретически и практически наиболѣе удовлетворительная. Далѣе Ферри дѣлаетъ слѣдующія два замѣчанія относительно писателей, принимающихъ четырехъ-членную классификацію. Классификація Пулья, устраняющая классъ преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ, объясняется тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду преимущественно преступленія противъ личности, гдѣ конечно не бываетъ указаннаго класса.—Классификація же, принадлежащая автору, имѣетъ общее значеніе для всѣхъ формъ преступности. Къ тому же категоріи преступниковъ должны извлекаться изъ непосредственнаго изученія фактовъ и изслѣдованія преступниковъ:—«я отрицаю, говоритъ Ферри, за формальной логикой право объявлять извѣстный классъ явленій несуществующими, если ея вердиктъ не подтверждается позитивными наблюденіями». Категорія

---

contre l'idée que le delinquant est un être a part, — il convient de distinguer l'homme delinquant de l'homme monstre (стр. 655).

преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ представляетъ фактическую истину, которая можетъ быть опровергнута единственно другими фактами и другими антропологическими наблюденіями. III. Во всякомъ случаѣ разнообразіе типовъ среди преступниковъ остается, какъ одно изъ наиболѣе плодотворныхъ заключеній уголовной антропологіи. Эта идея, на степени пока слабаго, мерцающаго свѣта, проникла даже въ современныя законодательства въ видѣ двухъ параллельныхъ видовъ лишенія свободы, сообразно признаку безчестности или небезчестности дѣянія (Голландское угол. уложеніе, проэкты Итальянскаго уголовнаго уложенія Вильяни и Манчини, объяснительная записка къ проэкту Занарделли 1883 г. [85])

По поводу пятичленной классификаціи Ферри умѣстно указать на судьбу этого вопроса на римскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи 1885 г.—на доклады, представленные Ломброзо, Фригеріо и Ферри въ первой секціи этого конгресса. Ломброзо выставилъ слѣдующее

---

[85]) Стр. 260—270. Относит. классификаціи г. Минцлова ср. его статью: «Особенности класса преступниковъ» Юридич. Вѣст. 1881 г. стр. 586. Lebon признаетъ два основные класса: преступники по наслѣдственнымъ особенностямъ,—и преступники по пріобрѣтеннымъ порочностямъ. Первые дѣлятся на четыре подвида: прирожденные преступники вслѣдствіе безпощадной передачи преступныхъ тенденцій,—импульсивные преступники, подпадающіе импульсамъ въ данную минуту,—преступники по слабости характера, поддающіеся вліяніямъ среды,—и наконецъ энергическіе, лишенные нравственнаго чувства преступники.—Второй классъ опредѣляется разнообразными пріобрѣтенными душевными и тѣлесными разстройствами. Lacassagne различаетъ преступниковъ по чувству или инстинкту, неисправимыхъ (распадающихся на два подвида: преступники по наслѣдственнымъ тенденціямъ и преступники по привычкѣ къ пороку),—преступниковъ дѣла (d'actes, соотвѣтствующихъ преступникомъ d'occasione и per passione), преступниковъ по особенностямъ мышленія (душевно-больные преступники), Arboux отличаетъ преступниковъ по инстинкту, по привычкѣ и по случайному поводу. Tamassia различаетъ преступниковъ душевнобольныхъ, обычныхъ, по случайному поводу. Листъ дѣлитъ преступниковъ на неисправимыхъ, исправимыхъ и по случайному поводу. Föhring держится слѣдующей классификаціи: преступники безусловно злостные, неисправимые,—преступники, не возбуждающіе опасенія новаго впаденія въ преступленіе, — преступники по натурѣ слабые и вялые, лишенные предусмотрительности, и преступники, впадшіе въ преступленіе по легкомыслію, по внезапному соблазну. Poletti предлагаетъ дѣленіе преступниковъ на субъектовъ преступнаго и непреступнаго характера. Къ этимъ писателямъ, указаннымъ у Ферри, слѣдуетъ прибавить еще Бенедикта, предлагающаго слѣдующую классификацію: 1) преступники по случайному поводу, съ нормальной организаціей. 2) Неисправимые—прирожденный подвидъ нормальнаго типа; 3) преступники съ пріобрѣтенною болѣзнью или порочностями; 4) преступники по тяжкой прирожденной дегенераціи (отчетъ объ антверпенскомъ конгрессѣ 1885 г. въ Centralblatt für Nervenheilkunde № 19, 1885 г. (стр. 440—441).

основное дѣленіе: Criminalité par défaut organique inné (эпилептики, нравственно помѣшанные, одержимые прирожденнымъ психизомъ) или acquis (одержимые церебро-спинальными страданіями, страданіями общаго характера, maladies communes, наконецъ душевной болѣзнью), и criminalité par causes externes a l'organisme. Прирожденные преступники въ классификаціи Ломброзо представляютъ подвидъ нравственно помѣшанныхъ; имъ приписываются одинаковыя съ послѣдними особенности, только въ болѣе слабой степени. Къ criminalité par causes externes Ломброзо относитъ delinquants d'occasion et delinquants par passion. Второй видъ ставится въ зависимость отъ діэтетическихъ причинъ (алкоголь, чрезмѣрное или малое питаніе, табакъ). Delinquants d'occasion дѣлятся на двѣ группы: 1) delinquants politiques, contrebandiers, banqueroutiers, adultères; 2) delinquants habituels, condamnés plusieurs fois. Delinquants par passion дѣлятся на delinquants politiques и delinquants hyperesthétiques, mais honnêtes. По совокупности дегенеративныхъ и біологическихъ особенностей, авторъ строитъ лѣстницу, первую ступень которой занимаютъ эпилептики и нравственно-помѣшанные, вторую — прирожденные преступники. Всѣ эти ступени Ломброзо характеризуетъ признаками irrascibilité et cette intermittence de symptomes, qui forme le vrai fond de l'epilepsie. Ферри указалъ въ своемъ докладѣ на два основные типа: delinquenti stintivi (nati) и delinquenti per impeto di passione. — Къ первому типу принадлежатъ, какъ антропологическая разновидность, душевно-больные преступники, ко второму—преступники по случайному поводу. Обычный преступникъ—переходная ступень между разновидностями перваго и втораго типа. Онъ бываетъ сначала delinquente d'occasione, но, въ силу большой слабости нравственнаго чувства и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, впадаетъ въ полную нравственную нечувствительность. Всѣ преступники обладаютъ анормальной импульсивностью отъ прирожденныхъ, пріобрѣтенныхъ и преходящихъ причинъ [86]).

Относительно пяти-членной классификаціи преступниковъ у Ферри слѣдуетъ сдѣлать слѣдующее общее замѣчаніе: коренясь въ различеніи свойства побужденій, т. е. въ различеніи преступниковъ, сооб-

---

86) Отчетъ о Римскомъ конгрессѣ въ Archives d'Antropologie criminelle et sciences pénales 1886 г., № 2, стр. 167—180. По части отождествленія прирожденной преступности, нравственнаго помѣшательства и эпилепсіи въ докладахъ Ломброзо и Фригеріо тому же конгрессу, ср. гл. 1-ую моей работы, стр. 150—151.

разно тому, будутъ ли побужденія къ преступленію внушены душевной болѣзнью, или непреодолимыми прирожденными инстинктами, или простой привычкой, или же наконецъ внѣшнимъ соблазномъ, она беретъ въ соображеніе лишь два твердые признака душевной болѣзни и привычки. Что же касается до признака прирожденныхъ преступныхъ инстинктовъ, до случайнаго повода, до страсти, то, какъ показано будетъ при обозрѣніи отдѣльныхъ категорій, эти признаки— неустойчивые для классификаціи, сливающіеся съ другими признаками и не дающіе твердыхъ отличій отдѣльныхъ категорій. Свидѣтельствомъ искусственности и недостаточности этой классификаціи служитъ уже то, что Ферри понадобилась сначала болѣе общая классификація преступниковъ обычныхъ и по случайному поводу. Пяти-членная классификація относительно первой представляетъ подъвиды, изъ коихъ три соотвѣтствуютъ виду обычныхъ, а два виду не обычныхъ. Но когда изъ всей совокупности обычныхъ преступниковъ, этого первоначальнаго хаоса, авторъ выводитъ на свѣтъ душевно больныхъ, прирожденныхъ и обычныхъ по пріобрѣтенной привычки преступниковъ, то можно спросить, развѣ привычка къ преступности является характеристичнымъ признакомъ для душевно больныхъ вообще? Если нѣтъ, то почему же они охватываются общимъ понятіемъ обычныхъ преступниковъ? Далѣе, если Ферри считаетъ возможнымъ, какъ онъ дѣлалъ относительно статистическихъ изслѣдованій, называть обычными въ широкомъ смыслѣ преступниковъ прирожденныхъ и по пріобрѣтенной привычкѣ, то это предполагаетъ признаніе за первыми «прирожденныхъ привычекъ». Но понятіе «прирожденныхъ привычекъ» также мало состоятельно, какъ и понятіе «прирожденныхъ идей».

Анализъ отдѣльныхъ категорій покажетъ, что искусственное построеніе не могло быть выдержано въ подробностяхъ и вышло крайне сбивчивымъ.

Что касается до душевно больныхъ преступниковъ, то эта категорія возбуждаетъ слѣдующія возраженія: во первыхъ авторъ молчитъ по вопросу объ установившемся въ литературѣ дѣленіи: Verbrecherische Irren и irre Verbrecher, Criminal lunatics и insane convicts [87]). Какъ бы

---

[87]) Изъ многочисленной литературы по этому предмету укажу на работу доктора Motet о пріютѣ для душевнобольныхъ въ Broadmoor въ Bulletin de les Société générale des prisons 1884 № 2 и 3. заключающую въ себѣ между проч. переводъ ст. Nicholson A chapter of the history of Criminal lunacy in England 1877 г. и отчетъ доктора Orange за 1878—1879 г. Въ означенной работѣ достойны вниманія цитуемыя мнѣнія

ни относится къ нему, его обойти нельзя, разъ заходитъ рѣчь о душевно больныхъ, совершившихъ преступленіе лицахъ. Во вторыхъ въ первую категорію вносятся два подъ-вида: нравственно помѣшанныхъ (pazzi morali) и маттоидовъ (semi pazzi). Первый подъ-видъ въ значительной степени разлагаетъ единство классификаціи преступниковъ въ антрополого-позитивной школѣ. Какъ показано было въ первой главѣ моей работы, —Ломброзо слилъ въ 3-емъ изданіи своей книги прирожденныхъ преступниковъ и нравственно помѣшанныхъ, признавая послѣднихъ не за душевно больныхъ, а за лицъ, органически лишенныхъ нравственнаго чувства. Напротивъ Ферри отличаетъ pazzi morali и delinquenti nati, относя первыхъ къ душевно больнымъ, какъ лицъ, одержимыхъ особой френопатической формой. При этомъ, однако, Ферри упоминаетъ, что нравственно помѣшанные со времени изслѣдованій Ломброзо не отличаются отъ прирожденныхъ преступниковъ. Въ этихъ объясненіяхъ сквозитъ сильная неясность. Если нравственно-помѣшанныхъ нельзя отличать отъ настоящихъ преступниковъ,—то почему же Ферри относитъ ихъ къ душевно больнымъ? Во всякомъ случаѣ приходится констатировать первое замаскированное несогласіе по поводу первой же категоріи преступниковъ между Ферри и Ломброзо, (вопреки увѣренія перваго, что разногласія въ классификаціи не важны и несущественны). Подобно Ферри, впрочемъ, и другіе вожди новой школы, Гарофало и Пулья до сихъ поръ не приняли всецѣло мысли о тождествѣ прирожденнаго преступника и нравственно помѣшаннаго [88]). По части второй категоріи delinquenti nati, мнѣ не

такихъ авторитетныхъ авторовъ, какъ Orange и Bucknill. Первый высказывается за различеніе и различное размѣщеніе Verbrecherische Irren и irre Verbrecher: у первыхъ преступленіе—изолированный фактъ, результатъ душевнаго страданія при наличности честной, трудовой жизни, у вторыхъ болѣзнь развивается при отбытіи наказанія, связываясь съ жизнью, преданной преступности. Лица обоихъ классовъ должны быть разобщены, нельзя допускать соприкосновенія лицъ перваго класса съ душевно больными конвиктами развратнаго поведенія, распространяя одинаково на тѣхъ и другихъ дисциплину, потребную только для послѣднихъ. Сходно съ Orange высказывается и главный врачъ въ Bedlam-Hood. Bucknill стоитъ за другую классификацію, за отдѣленіе лицъ развращенныхъ отъ неразвращенныхъ, независимо отъ заболѣванія до или послѣ совершенія преступленія. Порокъ болѣе вредоносенъ, по мнѣнію Bucknill, чѣмъ преступленіе; послѣднее часто результатъ помѣшательства; порокъ причина помѣшательства. Bucknill находитъ, что нахожденіе развратныхъ душевно больныхъ въ лѣчебницѣ болѣе заслуживаетъ упрека, чѣмъ нахожденіе душевно больныхъ преступниковъ. Классификація verbrecherische Irren и irre Verbrecher положена въ основаніе прекраснаго труда Sommer'a Beiträge zur Kenntniss der criminellen Irren (Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie 1883 г. B. 40).

88) Ср. Garofalo Di una nuova scuola penale in Russia (Archivio di Psich. 1884 г.

приходится прибавлять чего нибудь къ сказанному уже ранѣе въ главѣ 1-й, а равно выше въ настоящей главѣ, напомню, что при характеристикѣ этой категоріи Ферри сближаетъ ихъ съ обычными преступниками по признаку высшаго контингента рецидивы. Но такимъ образомъ прирожденные преступники, неотличаемые съ одной стороны отъ душевно больныхъ преступниковъ, съ другой стороны весьма слабо различаются отъ обычныхъ. Все различіе въ томъ, что наклонности къ преступленію у nati прирожденныя, у abituali— пріобрѣтенныя въ силу привычки. Но такіе признаки различія представляются весьма мало опредѣленными. Въ самомъ дѣлѣ, согласно воззрѣніямъ Ферри, всѣ преступники органически и психически анормальные люди, не исключая и преступниковъ по случайному поводу. Въ столь близкихъ къ прирожденнымъ по признаку рецидивы обычныхъ преступникахъ Ферри признаетъ также весьма значительныя прирожденныя расположенія къ преступности, при наличности же такихъ расположеній неизвѣстно, почему привычка къ преступленію связывается преимущественно съ соціальными, а не антропологическими факторами. Правда, Ферри указываетъ, что у преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ нѣтъ столь рѣзкихъ антропологическихъ клеймъ, какъ у прирожденныхъ преступниковъ, но это указаніе ничего не значитъ, такъ какъ для доказательства его вѣрности требовалось бы среди извѣстнаго количества преступниковъ точно отличить сначала прирожденныхъ и преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ, а затѣмъ демонстрировать антропологическія клейма у тѣхъ и другихъ. Но этого не сдѣлано ни у Ломброзо, ни у Ферри. Въ виду указанія Ферри на раннее впаденіе въ преступленіе обычныхъ преступниковъ въ дѣтскомъ возрастѣ,—нельзя не припомнить, что это явленіе составляетъ, по Ломброзо, грустную привиллегію прирожденнаго преступника. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя привести въ пользу преступника по пріобрѣтенной привычкѣ, отличнаго отъ прирожден-

---

«Если многіе психіатры отождествляютъ pazzia morale и прирожденную преступность, инстинктивную и животную, то все таки самые многочисленные классы преступниковъ исключаются отсюда. Delinquenti nati нельзя считать больными, не насилуя значенія терминовъ» (стр. 300). Въ Criminologia Гарофало называетъ прирожденныхъ преступниковъ, отличая ихъ отъ душевно больныхъ, delinquenti istintivi. Puglia въ статьѣ «La psicofisiologia e l'avvenire delle scienze penali (Archivio di Psich. 1881 г. высказывается слѣдующимъ образомъ: можно быть лишеннымъ нравственнаго чувства вслѣдствіе недостатка въ нервныхъ центрахъ или по другимъ причинамъ, но это не значитъ быть нравственно помѣшаннымъ. Нравственное помѣшательство можетъ быть только мономаніей т. е. душевной болѣзнью» (стр. 62).

наго, то обстоятельство, что первый можетъ усвоить себѣ пагубныя привычки въ зрѣломъ возрастѣ,—если припомнить, что, по Ферри и Ломброзо, и прирожденный преступникъ въ силу благопріятныхъ условій способенъ долго оставаться въ скрытомъ состояніи.

Если имѣть въ виду, что первоначально Ломброзо (во 2-мъ изданіи L'uomo delinquente) распространялъ на всѣхъ преступниковъ тѣ черты, кои въ 3-мъ изданіи его книги усвоены уже отдѣльному виду delinquente nato, и что на эту ошибку ему указалъ Ферри, предложившій при этомъ свою пяти-членную классификацію, то этимъ освѣщается происхожденіе различенія между преступниками прирожденными и обычными по пріобрѣтенной привычкѣ, какъ попытки умѣрить слишкомъ безусловное построеніе. Оставляя неприкосновеннымъ «преступнаго человѣка» и низводя его только со степени родоваго на степень видоваго понятія, нужно было поставить на ряду съ нимъ другіе преступные виды, которые бы не затрогивали бытіе «прирожденнаго» преступника. При этомъ требовалось, чтобъ остальные виды не представляли слишкомъ рѣзкихъ различій отъ перваго, — а лишь переходныя ступени, ибо, иначе, подрывалась бы мысль объ естественномъ, физіопатологическомъ происхожденіи преступленія. Этимъ условіямъ соотвѣтствуетъ преступникъ по пріобрѣтенной привычкѣ, хотя этотъ типъ и выходитъ весьма сбивчивымъ вслѣдствіе дуализма прирожденныхъ и пріобрѣтенныхъ привычекъ.

Неопредѣленность и смутность категоріи преступниковъ обычныхъ, поставленныхъ рядомъ съ прирожденными, была хорошо понята двумя другими представителями антрополого-позитивной школы: Гарофало и Пулья. Первый, опредѣленно высказываясь въ томъ смыслѣ, что всѣ преступники психически анормальные, но только не въ одинаковой мѣрѣ, выставилъ двухчленную классификацію: инстинктивныхъ преступниковъ (istintivi), соотвѣтствующихъ прирожденнымъ, и преступниковъ по случайному поводу (fortuiti). Тѣ и другіе могутъ быть обычными, по мнѣнію Гарофало, но только вторые способны къ исправленію, когда прекращаются опредѣляющія къ преступленію вліянія среды. Очевидно, что Гарофало такимъ образомъ, во первыхъ, исправилъ логически несостоятельное различеніе Ферри, допускавшаго прирожденныя и пріобрѣтенныя привычки къ преступленію и, во вторыхъ, приблизился къ традиціонной классификаціи обычныхъ и необычныхъ преступниковъ [89]). Что касается до Пулья, то этотъ

---

89) См. Garofalo, Criminologia Parte II cap. I. III Delinquenti fortuiti, стр. 115 и 116.

ученый уже въ 1881 г. выставилъ четырехчленную классификацію преступниковъ, различая преступниковъ душевно-больныхъ (alienati), прирожденныхъ или обычныхъ, по случайному поводу (d'occasione) и по непреодолимому побуду (impulso irresistibile). Эти классы характеризуются Пулья слѣдующимъ образомъ: у преступника обычнаго или прирожденнаго нравственныя идеи либо отсутствуютъ, либо не охватываются чувствованіемъ; у преступника по непреодолимому побуду нравственныя идеи исчезаютъ подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ на лицо типъ преступника d'occasione [90]). Въ позднѣйшей работѣ «L'evoluzione storica e scientifica di diritto e procedura penale» 1882, Пулья указалъ на то, что четырехчленная классификація, предлагаемая имъ, представляется болѣе полезною въ видахъ выбора средствъ репрессіи сравнительно съ классификаціей Ферри: «обычные преступники, на мой взглядъ, должны войти въ классъ преступниковъ по случайному поводу (d'occasione); привычка къ преступности зависитъ отъ постоянства представляющихся случаевъ, между тѣмъ это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для созданія особаго типа преступниковъ съ антропологическими признаками, отличными отъ признаковъ другихъ типовъ. Это тѣмъ болѣе важно, что самъ Ферри былъ вынужденъ силою вещей допускать среди обычныхъ преступниковъ лицъ, которыхъ нельзя считать истинно неисправимыми преступниками и которые, вслѣдствіе этого, входятъ въ область уголовнаго права въ тѣсномъ смыслѣ, тогда какъ другіе (тоже обычные преступники) исключаются изъ него. Вотъ неудобство, возникающее изъ созданія категоріи, лишенной отличительныхъ признаковъ» [91]).

Мнѣ кажется, что классификація этихъ двухъ писателей избѣгаетъ тѣхъ возраженій, которыя обусловливаются классомъ обычныхъ преступниковъ у Ферри рядомъ съ классомъ прирожденныхъ и, поэтому, представляется болѣе удовлетворительною [92]).

---

90) Ср. статью Puglia: La psicofisiologia a l'avvenire della scienza criminale, въ Archivio di Psich. 1881 г. стр. 70. Та же классификація по отношенію спеціально къ убійцамъ и въ Reato d'omicidio 1881 г. (стр. 38 и 39).

91) Указанное сочиненіе (стр. 267—269, въ особенности примѣч. къ ст. 268). Должно имѣть въ виду, что Пулья возражаетъ противъ статьи Ферри Diritto penale ad antropologia criminale (Archivio 1880 г.), гдѣ Ферри признавалъ еще различіе между уголовнымъ правомъ и уголовной антропологіей и относилъ въ область послѣдней лишь прирожденныхъ и обычныхъ преступниковъ.

92) Преступленіе по привычкѣ и въ связи съ нимъ обычный преступникъ подверглись

Во всякомъ случаѣ, относительно третьей категоріи Ферри въ Nuovi Orizzonti въ существенномъ разногласіи съ Гарофало и Пулья. Это разногласіе, затрогивающее вопросъ о самостоятельной категоріи преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ, распространяется далѣе и на классъ delinquenti d'occasione, кото-

---

въ послѣднее время тщательному изслѣдованію въ наукѣ уголовнаго права, развивающейся самостоятельно рядомъ съ антропологo-позитивной школой. Сюда относятся два изслѣдованія. Dochow, Zur Lehre von dem gewerbs—und gewohnheitsmässigem Verbrechen 1876 г. и Lilienthal, Beiträge zur Lehre von den Collectivdelicten. 1879 г., въ особенности же работа Вальберга Begutachtung der Reformfrage des internationalen Pönitentiar Congresses zu Stockholm: Quel serait le meilleur moyen de combattre la récidive? Значительная заслуга Вальберга при различеніи criminels d'habitude и d'occasion состоитъ въ указаніи, что преступная привычка, производящая вырожденіе психическаго характера у первыхъ, удостовѣряется не однимъ повтореніемъ преступленія, а повтореніемъ таковаго въ теченіи краткаго времени и при всякомъ удобномъ случаѣ. Поэтому, Вальбергъ различаетъ рецидиву вслѣдствіе преступной привычки и простую. Требуя противъ обычныхъ преступниковъ усиленной репрессіи (въ видѣ безсрочнаго заключенія и повышеннаго minimum'а наказанія), а равно особаго режима тюремнаго содержанія, помѣщенія по отбытіи наказанія въ заведеніи принудительныхъ работъ, полицейскаго надзора, комбинированнаго съ попеченіемъ обществъ патроната объ освобожденныхъ рецидивистахъ, Вальбергъ тѣмъ не менѣе остается вѣренъ принципу индивидуализаціи наказанія. Поэтому, признаніе преступной привычки должно быть сдѣлано въ каждомъ данномъ случаѣ судомъ, призваннымъ оцѣнить, былъ ли мотивъ преступника при совершеніи послѣдняго преступленія однородный съ мотивами прежнихъ, не совпадаетъ ли рецидива съ стеченіемъ преступленія, и можно ли ожидать исправленія преступника. Раздѣленіе преступниковъ на обычныхъ и по случайному поводу встрѣчается у Michaux Etude sur la question des peines 1878 Ср. XVIII (crime accident et crime profession стр. 177), Yvernés La Récidive въ Bulletin de la société générale des prisons 1883 г. (malfaiteurs de profession et d'accident), Desportes De la récidive стр. 22-я, criminel d'accident et criminel d'habitude. Haelschner (указ. соч. II. Cap. II, Gewohnheits und Gesworbmässigkeitsverbrechen), видитъ признакъ преступной привычки не въ повторенномъ преступномъ дѣяніи, а въ обнаруженіи, что таковое вытекло изъ окрѣпшей преступной склонности (стр. 54). Листъ Der Zweckgedanke im Strafrecht (Zeitschrift III), различая Gewohnheits и Gelegenheitsverbrecher, допускаетъ въ первомъ классѣ неисправимыхъ и исправимыхъ (указ. работа стр. 36, а также Lehrbuch стр. 8-я). Prins Criminalité et repression 1886 различаетъ delinquants de profession, incorrigibles, récidivistes—и delinquants d'occasion, совершающихъ преступленіе въ силу временнаго ослабленія воли (стр. 20-я). Poletti (Il sentimento nella scienza di diritto penale 1882) полагаетъ, что обычная преступность, рецидива наиболѣе гнѣздится въ меньшихъ по важности преступленіяхъ (простыхъ кражахъ, бро-

рый, очевидно, будетъ существенно иной, если включать въ него обычныхъ преступниковъ, какъ хотятъ Гарофало и Пулья, или исключать изъ него этихъ преступниковъ, какъ дѣлаетъ Ферри. Ссылка Ферри на то, что исключеніе обычныхъ преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ изъ классификаціи Пулья объясняется изслѣдованіями этого ученаго преступленія противъ жизни, фактически невѣрна, какъ видно изъ приведенныхъ выше цитатъ изъ сочиненій Пулья. Самъ Ферри на антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ долженъ былъ сдѣлать уступку, что преступники по пріобрѣтенной привычкѣ— переходная форма отъ преступниковъ по случайному поводу къ преступникамъ прирожденнымъ. Но существованіе переходныхъ формъ есть именно существенное препятствіе для сложной и дробной классификаціи.

Перехожу къ категоріи преступниковъ по случайному поводу (delinquenti d'occasione). Характеристика у Ферри delinquenti d'occasione представляется крайне неопредѣленной; вмѣсто точныхъ понятій читатель встрѣчаетъ постоянно сравненія и образы,—«благодаря соблазну преступныя зерна пускаютъ ростки на подготовленной заранѣе почвѣ», «соблазнъ скользитъ по гладкой стали крѣпкой психической организаціи честнаго человѣка, проникая въ человѣка менѣе сильнаго и предусмотрительнаго... съ несовсѣмъ здоровымъ нравственнымъ чувствомъ». Замѣчательно, вопервыхъ, что сравниваются преступники прирожденные и по случайному поводу, о преступникахъ же по пріобрѣтенной привычкѣ авторъ молчитъ. Далѣе, при чрезмѣрной широтѣ, придаваемой авторомъ понятію о внѣшнемъ поводѣ или соблазнѣ, задача различенія преступниковъ прирожденнаго и по случайному поводу дѣлается неразрѣшимою. Тутъ не можетъ помочь правило, по которому у одного происходитъ лишь разряженіе существующей силы, а у другого внѣшній поводъ и порождаетъ, и вызываетъ инстинктъ. Очевидно, что это правило предполагаетъ анализъ различныхъ видовъ внѣшняго повода или соблазна, чего Ферри не дѣлаетъ.

Указанныя трудности опредѣленія преступника по случайному поводу отразились въ работѣ Ломброзо о «Delinquenti d'occasione» [93]).

дяжествѣ), опираясь въ этомъ отношеніи на австрійскую, а равно на французскую уголовную статистику, и ссылаясь на замѣчаніе Гольцендорфа, что на лѣстницѣ преступленій низшія ступени представляютъ большую силу воспроизведенія и повторенія, чѣмъ высшія, подобно тому, что замѣчается среди низшихъ животныхъ. Это замѣчаніе Гольцендорфа, находящее полное подтвержденіе въ Итальянской статистикѣ рецидивы, въ высшей степени важно по вопросу о delinquente nato.

[93]) Archivio di Psich. II, стр. 313—323.

Изслѣдуя «случайныя причины, ведущія къ преступности, Ломброзо отыскиваетъ слѣдующія: возрастъ (ребенокъ похищаетъ то, что онъ видитъ передъ собой и что ему нравится), бѣдность (искусный ремесленникъ постоянно совершаетъ въ опредѣленные мѣсяцы, за неимѣніемъ работы, кражи), климатическія вліянія (въ знойномъ климатѣ самый порядочный человѣкъ вовлекается въ драки), инстинктъ подражанія въ связи съ окружающей нравственной атмосферой (привычка современныхъ Римлянъ прибѣгать къ ножу), потребленіе вина, историческія событія (изгнаніе мавровъ изъ Испаніи произвело запустѣніе извѣстныхъ мѣстностей, гдѣ потомъ сформировались разбойничьи шайки), разнообразныя личныя обстоятельства и условія: чрезвычайная сила мускуловъ побуждаетъ, напримѣръ, человѣка реагировать съ особенной силой въ такихъ случаяхъ,—въ которыхъ другія лица не нарушили бы общественнаго мира, простая случайность (кто нибудь находитъ кошелекъ и присвоиваетъ его себѣ; случай дѣлаетъ вора). Перечисливъ всѣ эти случаи, Ломброзо дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: какія психическія особенности отличаютъ delinquente d'occasione отъ abituale и нормальнаго человѣка, — это можетъ быть установлено единственно настойчивыми изслѣдованіями, которыя до сихъ поръ не сдѣланы. Статья Ломброзо оканчивается замѣчаніемъ, что есть и прирожденные преступники, которымъ не достаетъ только случая для преступленія: авторъ самъ знаетъ трехъ лицъ со всѣми особенностями преступнаго человѣка, — застрахованныхъ отъ тюрьмы высокимъ положеніемъ и которые сами говорили ему, что если бъ они не были богаты, они были бы ворами.

Статья Ломброзо замѣчательна по искренности, съ которой авторъ заявляетъ о полнѣйшемъ невѣдѣніи истинной природы преступниковъ по случайному поводу, а также по удостовѣряемой ею эластичности понятія о таковыхъ преступникахъ. Слова Ломброзо, написанныя въ 1881-мъ году, о малой опредѣленности разсматриваемой категоріи глубоко вѣрны и до сихъ поръ по отношенію къ классификаціонной попыткѣ Ферри. Неопредѣленность понятія о delinquente d'occasione рѣзко выдается при сравненіи примѣровъ у Ломброзо истиннаго случая или соблазна (нахожденія напр. кошелька) съ примѣромъ жизненной среды и историческихъ событій, благопріятствующихъ развитію преступной дѣятельности. Такъ, говоря объ изгнаніи мавровъ, авторъ смѣшиваетъ двѣ вещи: появленіе разбойничества, конечно, можетъ обусловливаться историческими причинами, которыя авторъ называетъ случайными, но изъ этого от-

нюдь не слѣдуетъ, чтобы члены разбойничьихъ шаекъ, преданные преступной жизни въ видѣ ремесла, были непремѣнно преступники по случайному поводу. Какъ показано выше, на антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ Ломброзо приблизился къ мнѣніямъ Гарофало и Пулья о нераздѣлимости типовъ delinquente abituale per abitudine acquisita и d'occasione, признавъ въ delinquants habituels condamnès plusieurs fois только подвидъ втораго. Такимъ образомъ вышло, что рецидива, относимая у Ферри и ранѣе у Ломброзо къ отличительнымъ признакамъ nati и abituali, точно также свойственна третьей категоріи.

Если, такимъ образомъ, ясно, что категорія преступниковъ по случайному поводу, какъ она намѣчена у Ферри и иллюстрирована Ломброзо, не составляетъ плотной, однородной группы съ опредѣленными признаками, то тѣмъ не менѣе вопросъ о значеніи случайнаго повода, какъ критерія меньшей субъективной виновности, остается открытымъ. Заслуга изслѣдованія этого вопроса, наравнѣ съ изслѣдованіемъ преступной привычки, принадлежитъ Вальбергу[95]). Вальбергъ исходитъ отъ высокаго значенія для уголовнаго права психологическаго различенія Gewohnheits—и Gelegenheitsverbrecher. Gelegenheit опредѣляется имъ, какъ внѣшній поводъ или случай, представляющійся неожиданно для преступника и плѣняющій его легкостью совершенія преступленія, а равно значительной вѣроятностью удачи и безнаказанности. Отъ такого особенно благопріятнаго случая Вальбергъ отличаетъ всякій отыскиваемый преступникомъ, всякій подготовленный для него другими лицами случай, далѣе удобство совершить преступленіе, обусловленное трудностью охраны извѣстнаго правоваго блага. При классификаціи преступленій можно отличать зрѣло обдуманное преступленіе, совершенное помимо сильнаго внѣшняго соблазна,—преступленіе совершенное въ аффектѣ, продолжаемое, повторенное, одиночное преступленіе, преступленіе по случайному поводу или соблазну, наконецъ обычное преступленіе. Классификація преступленій приводитъ Вальберга къ характеристикѣ преступника по случайному поводу. Такой преступникъ обыкновенно натура слабая, дюжинный человѣкъ, смѣсь хорошихъ и дурныхъ свойствъ, остающихся безъ измѣненія, пока сильный соблазнъ не придастъ перевѣса дурнымъ свойствамъ надъ хорошими.

---

[95]) Gesammelte kleinere Schriften T. III Das Gelegenheitsverbrechen стран. 55—70.

Меньшая виновность преступника по случайному поводу коренится въ томъ, что благопріятный случай, увлекая дѣятеля, доселѣ стоявшаго на почвѣ легальности, сокращаетъ ему преступный путь, избавляетъ отъ мучительнаго колебанія при первомъ шагѣ, мгновенно ставитъ его въ надлежащее время, въ наиболѣе благопріятныя условія, безъ собственной иниціативы на поприще преступной дѣятельности. На болѣе высокой ступени нравственной вины сравнительно съ такимъ преступникомъ стоитъ преступникъ по зрѣлому рѣшенію, съ помышленіемъ, исполненнымъ презрѣнія къ праву, хотя бы впервые совершающій преступленіе. На высшей ступени, наконецъ, стоитъ обычный преступникъ въ силу устойчиваго повторенія при всякомъ случаѣ преступныхъ дѣяній, являющихся лишь послѣдствіемъ сдѣлавшейся второй природой—склонности къ преступленію. Работа Вальберга хорошо показываетъ, какъ необходимо поставить понятіе о Gelegenheitsverbrechen и—Verbrecher въ точные предѣлы, если связывать съ нимъ понятіе о меньшей субъективной виновности. Можно согласиться съ Вальбергомъ относительно психологическаго значенія установленнаго имъ понятія соблазна или случая въ смыслѣ пониженія нравственной вины преступника. Ученіе Вальберга, впрочемъ, требуетъ, по мнѣнію моему, нѣкоторыхъ существенныхъ поправокъ. По смыслу его цѣлый рядъ преступленій можетъ объединяться въ отдѣльный классъ, въ силу признака крайне благопріятнаго случая, въ виду уменьшающаго вину значенія таковаго обстоятельства. Но это положеніе представляется слишкомъ широкимъ. Самъ Вальбергъ признаетъ преступниковъ, поддающихся соблазну благопріятнаго случая, людьми дюжинными, людьми слабаго характера, съ малой нравственной устойчивостью, но неиспорченными. Однако легко видѣть, что неожиданный и сильный соблазнъ можетъ оказаться для извѣстнаго преступника при такихъ условіяхъ, что самый фактъ соблазна будетъ служить не уменьшающимъ, а увеличивающимъ вину обстоятельствомъ. Возьмемъ внезапный умыселъ убійцы, созрѣвшій при видѣ массы денегъ въ рукахъ ребенка,— при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ легкости убійства, ради цѣли ограбленія, и безнаказанности за него. Въ указанномъ случаѣ о delitto d'occasione говорить нельзя, нельзя утверждать его уменьшающее виновность свойство. Не прибѣгая къ легкому объясненію, что въ приведенномъ примѣрѣ на лицо delinquente nato, — должно сказать, что нравственная вина упомянутаго преступника чрезвычайно важна. Не соблазнъ въ указанномъ случаѣ создалъ преступленіе, а напротивъ преступникъ создалъ себѣ соблазнъ; созданный имъ соблазнъ свидѣтель-

ствуетъ о глубочайшей испорченности, не уступающей испорченности обычнаго и предумышленнаго преступника. Тѣмъ не менѣе обстоятельство, послужившее соблазномъ, могло быть совершенно неожиданной, благопріятной случайностью, сулившей легкость осуществленія задуманнаго и невѣроятность поимки. Поэтому понятіе о Gelegenheit въ смыслѣ Вальберга можно допускать лишь относительно извѣстныхъ преступленій, которыя и при отсутствіи «благопріятнаго соблазна» совершаются особенно часто—именно по большей сравнительной доступности ихъ и по неособенной тягости нарушенія права, каковы: неквалифицированныя кражи, мошенничества, растраты и т. д. Виновники такихъ дѣяній и будутъ тѣ дюжинныя лица, которыя являются болѣе слабыми, чѣмъ испорченными. Если съ одной стороны понятіе Вальберга о Gelegenheitsverbrechen приходится ограничить, то, съ другой стороны, понятіе о случайномъ поводѣ требуется расширить. Въ самомъ дѣлѣ, случайнымъ поводомъ, уменьшающимъ вину преступника, кромѣ случая, предусмотрѣннаго Вальбергомъ, можетъ быть названо и безвинное неимѣніе средствъ къ пропитанію и работѣ при кражѣ, и превышеніе необходимой обороны, и наконецъ вообще необыкновенное стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вызывающихъ преступное дѣяніе.

Если въ этихъ случаяхъ вина обвиняемаго весьма часто стоитъ даже на болѣе низкой степени, чѣмъ въ случаяхъ, предусматриваемыхъ спеціально Вальбергомъ, то съ другой стороны между понижающими вину случаями Gelegenheitsverbrechen и наиболѣе тяжкими видами преступной дѣятельности много среднихъ ступеней и оттѣнковъ. Таковы преступныя дѣянія, какъ одиночный фактъ въ жизни преступника, преступленія, совершаемыя не профессіональными ворами, а напр. нищими и проститутками, не брезгающими при своей главной профессіи никакимъ представляющимся имъ случаемъ воровства, кражи со стороны малолѣтнихъ, привыкающихъ красть напр. лакомства у торговокъ на улицахъ. Если считать такія преступныя дѣянія за преступленія по случайному поводу (они несомнѣнно подходятъ сюда въ классификаціи Ферри), то придется согласиться съ Пулья и Гарофало, что delinquenti d'occasione могутъ быть и обычными и необычными преступниками [96]).

---

[96]) Иллюстраціей переходныхъ ступеней между Gelegenheitsverbrecher въ смыслѣ Вальберга и неисправимымъ обычнымъ преступникомъ служатъ наблюденія талантливаго автора Die Verbrecherwelt von Berlin о преступности несовершеннолѣтнихъ изъ низшихъ классовъ Берлинскаго населенія (ср. отдѣльное изданіе 1886 г.). Образцомъ

Въ виду такимъ образомъ сложности понятія о случайномъ поводѣ (Gelegenheit), — я думаю, что вмѣсто того, чтобъ видѣть въ немъ критерій классификаціи преступниковъ, какъ это дѣлаетъ антрополого-позитивная школа, или критерій классификаціи преступленій, какъ это дѣлаетъ Вальбергъ, — правильнѣе видѣть въ немъ обстоятельство уменьшающее вину преступника, значеніе котораго должно быть опредѣлено судьей въ каждомъ данномъ случаѣ для установленія соотвѣтствующей винѣ преступника мѣры наказанія.

Остается наконецъ разсмотрѣть послѣднюю категорію—преступниковъ по страсти (per passione).

Авторъ упоминаетъ относительно преступниковъ по страсти о непреодолимой силѣ; далѣе, наравнѣ съ незапятнанной дотолѣ жизнью, приписываетъ имъ безумный темпераментъ(temperamento pazzesco). Но спрашивается, гдѣ же различіе преступниковъ по страсти отъ прирожденныхъ, когда страсти у первыхъ приравнива-

---

типа, посредствующаго между Gelegenheits—и Gewohnheitsverbrecher, является бѣдный крестьянинъ, о которомъ сообщаетъ Тауфферъ, занимавшійся лѣтомъ изготовленіемъ и сбытомъ деревянныхъ ложекъ, а поздней осенью воровавшій неизмѣнно у сосѣдей нѣсколько гусей и попадавшій за это ежегодно въ тюрьму на 2—3 мѣсяца. Этотъ крестьянинъ объяснялъ Тауфферу свою періодическую преступную дѣятельность тѣмъ, что осенью у него ложекъ не покупаютъ, къ иной работѣ онъ неспособенъ, нищенствовать не хочетъ, болѣе крупныхъ кражъ не дѣлаетъ, опасаясь попасть въ Лепоглаву (въ цухтгаусъ) и дорожа своей честью (Der Kroatische Strafgesetzentwurf 1880 г., стр. 27 и 28). Драгоцѣнный матеріалъ относительно разновидностей преступниковъ по случайному поводу представляетъ сборникъ Фейербаха: Actenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen 1828. Подъ delinquente d'occasione въ широкомъ смыслѣ, не указывающемъ на низкую ступень виновности, можетъ быть подведенъ Maler Franz, ein Raubmörder aus selbstverschuldeter Noth (т. I. VII). На чрезвычайно низкой ступени виновности стоитъ Joseph Auermann, tadelloser Mensch und Bürger und zuletzt doch ein Mörder (т. I. XIV). Обстоятельства интереснаго дѣла Ауэрмана вполнѣ оправдываютъ отзывъ объ немъ Фейербаха, что Ауэрманъ сдѣлался преступникомъ подъ сильнѣйшимъ давленіемъ обстоятельствъ, въ силу крайняго душевнаго огорченія, бывши дотолѣ безукоризненнѣйшимъ человѣкомъ (стр. 353). Во 2-мъ томѣ того же сборника любопытенъ типъ преступника, совершившаго преступленіе по сильному внѣшнему соблазну, и тѣмъ не менѣе стоящаго на высшей ступени виновности и нравственной отверженности (Georg Wachs oder die Verführung des Augenblicks). 19-лѣтній Wachs совершилъ убійство вслѣдствіе мгновенно явившагося у него соблазна овладѣть серебряными часами убитаго имъ сапожника. Превосходны поясненія Фейербаха къ этому дѣлу, указывающія, на основаніи показаній самаго обвиняемаго, на присущее ему при совершеніи убійства хладнокровіе, съ которымъ онъ схватилъ тяжелый молотокъ въ глазахъ убитаго, дѣлая видъ, будто хочетъ поиграть имъ, и затѣмъ направилъ ударъ въ високъ, зная, что это наиболѣе опасное мѣсто.

ются къ непреодолимой силѣ, а вторымъ приписываются прирожденныя склонности, безпощадно толкающія ихъ на преступленіе? Если преступникамъ по страсти усвоивается безумный темпераментъ, то гдѣ же ихъ отличіе отъ маттоидовъ, поставленныхъ Ферри между душевнобольными и прирожденными преступниками? [97])

Существенный недостатокъ въ построеніи этого класса преступниковъ состоитъ въ избранномъ авторомъ критеріѣ страсти. Нельзя себѣ представить почти ни одного преступника, который бы не дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страсти. Ясно, что терминъ страсти употребляется Ферри невѣрно, вмѣсто другого термина эмоціи или аффекта [98]).

Подъ именемъ страсти можно разумѣть укоренившіяся въ характерѣ состоянія чувствованія, обусловленныя влеченіемъ или отвращеніемъ, представленіемъ удовольствія или неудовольствія. Возникая изъ тѣхъ или другихъ влеченій, становясь въ характерѣ человѣка преобладающимъ элементомъ, страсть побуждаетъ къ преступленію, свойство котораго, поэтому, опредѣляется свойствомъ страсти. Такимъ образомъ страсть есть постоянное психическое состояніе, ищущее себѣ исхода и удовлетворенія,—столь сильно преобладающее, что человѣкъ становится лицомъ страдательнымъ (Leidenschaft, passion). Въ отличіе отъ страсти, какъ внутренняго фактора, аффектъ есть привходящее извнѣ возбужденіе чувства, увлекающее лицо къ дѣйствію, не дающее ему возможности ясно сообразить свойство совершаемаго и опредѣлить свою волю согласно спокойнаго размышленія. Конечно, можно

---

97) Ср. Maudsley Crime et folie Ch. II. La Zône mitoyenne, — гдѣ авторъ признаетъ tempérament fou, névrose vesanique за показатель начала вырожденія (стр. 46).

98) Недостаточность общаго понятія о страсти для созданія особой категоріи преступниковъ было справедливо замѣчено Puglia въ работѣ его Passioni ed emozioni, loro influenza sulla responsabilità dei delinquenti (Archivio di Psich. 1882 г. стр. 394—412. Установивъ различіе между страстью и эмоціей (аффектомъ) по признакамъ хроническаго и остраго состоянія, Puglia попытался основать классификацію преступниковъ по характеру двигающей страсти. Грубыя, животныя, свойственныя дикарямъ страсти (Passioni selvaggie) принадлежатъ прирожденнымъ преступникамъ, страсти небезчестныя, съ характеромъ нѣкотораго благородства, являются у преступниковъ per impulso etico. Должно замѣтить, что, не смотря на сбивчивость дѣленія страстей на безчестныя и небезчестныя, Пулья въ указанномъ мѣстѣ приходитъ къ вѣрной мысли о значеніи мотивовъ нравственнаго свойства, которые при наличности извѣстныхъ преступленій (лишенія жизни), дѣйствительно, въ высшей степени смягчаютъ субъективную виновность. Эти мотивы и принимаются въ соображеніе законодателемъ въ видѣ опредѣленныхъ понятій о провокаціи и giusto dolore, при установленіи привиллегированныхъ случаевъ лишенія жизни.

представить себя состояніе возбужденія, обусловленное наличностью страсти и вызвавшее преступное дѣяніе. Но такое состояніе возбужденія необходимо отличать отъ аффекта, обусловленнаго внѣшнимъ дѣятелю обстоятельствомъ и наступившаго безъ вины дѣятеля [99]). Наиболѣе уменьшающее виновность значеніе принадлежитъ тѣмъ случаямъ аффекта, гдѣ душевное волненіе связывается съ сильно укоренившимися въ личности этико-правовыми принципами и гдѣ аффектъ является съ характеромъ справедливаго негодованія. Сюда принадлежатъ случаи такъ называемой провокаціи, а равно giusto dolore, понятіе о которомъ, развитое въ Римскомъ правѣ, усвоено современной классической школой уголовнаго права въ Италіи.

Въ силу существеннаго различія понятій аффекта и страсти нельзя, слѣдовательно, и признавать состоятельность категоріи преступниковъ по страсти. Такая категорія сливалась бы съ прирожденными и обычными преступниками, такъ какъ привычка и удовлетвореніе извѣстныхъ склонностей и создаетъ явленіе страсти. Но созданіе отдѣльной категоріи преступниковъ по аффекту съ замѣной послѣднимъ терминомъ термина страсти точно также не представляется цѣлесообразнымъ. Можно, конечно, говорить въ смыслѣ общаго положенія, что существуетъ крупное различіе между преступленіемъ, совершеннымъ по привычкѣ, и преступленіемъ, совершеннымъ въ пылу аффекта. Но иное дало строить по этому признаку однородный классъ преступниковъ, съ спеціальной пониженной для него мѣрой репрессіи. Понятіе аффекта чрезвычайно широкое; оно способно болѣе или менѣе уменьшать мѣру вины въ связи съ тѣмъ или другимъ преступленіемъ, съ той или другой конкретной обстановкой, но оно не допускаетъ безусловнаго различенія отъ понятія о заранѣе обдуман-

---

99) По части необходимости различенія аффекта и страсти при оцѣнкѣ виновности ср. Haelschner, указанное сочиненіе I II. Die sittliche Schuld Das Handeln im Affect § 206. Haelschner справедливо указываетъ, что страсть вовсе не связывается непремѣнно съ высокой степенью аффекта и не исключаетъ спокойнаго размышленія. Различію между аффектомъ и страстью, которое я пытался установить въ текстѣ, въ извѣстной степени соотвѣтствуетъ дѣленіе страстей не ciechе (слѣпыя) и ragionanti (разсуждающія), защищаемое Каррара. Слѣпыя страсти возбуждаются предвидѣніемъ зла; страсти разсуждающія предвидѣніемъ добра. Къ первымъ принадлежатъ гнѣвъ и страхъ, коимъ однимъ Каррара придаетъ извиняющее значеніе въ силу ихъ стремительности и насильственности; любви, ревности принадлежитъ извиняющее значеніе лишь въ случаяхъ giusto dolore. При отсутствіи внезапности возбужденія и правомѣрнаго основанія, слѣпая страсть утрачиваетъ уменьшающее вину значеніе (Programma § 322 и 323).

номъ намѣреніи[100]) и не представляетъ неизмѣннаго показателя низшей виновности. Вотъ почему понятіе аффекта въ положительныхъ законодательствахъ спеціально принимается въ разсчетъ въ случаяхъ провокаціи и giusto dolore. Поэтому, вмѣсто того, чтобы видѣть въ аффектѣ признакъ, обособляющій извѣстную категорію преступниковъ, правильнѣе видѣть въ немъ уменьшающее вину обстоятельство, создающее менѣе тяжкій видъ умысла, предусматриваемое законодателемъ при опредѣленіи состава извѣстныхъ преступленій и установляемое въ каждомъ данномъ случаѣ судьею при разрѣшеніи вопроса о степени виновности даннаго лица [101]).

Предшествующій разборъ классификаціи преступниковъ у Ферри приводитъ меня къ слѣдующимъ общимъ результатамъ: 1) Пятичленная классификація Ферри страдаетъ тѣмъ, что отдѣльныя категоріи чрезвычайно легко переходятъ другъ въ друга; различія между ними смутны, произвольны и сбивчивы. Такъ, прирожденные приступники испытываютъ притяженіе къ душевно-больнымъ съ одной стороны, къ преступникамъ по пріобрѣтенной привычкѣ—съ другой; эти послѣдніе, не различаясь существенно отъ прирожденныхъ, не имѣютъ опредѣленныхъ отличій отъ преступниковъ по случайному поводу вслѣдствіе широкаго значенія, придаваемаго термину occasione; преступники по страсти, составляя лишь подвидъ преступниковъ по слу-

---

100) По части отсутствія коренного различія между заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и аффектомъ и несовпаденія съ этими двумя видами умысла наибольшей и наименьшей вины—ср. Holtzendorff. Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe 1875. гл. 23 и 24. Contra Holtzendorff—Brusa Saggio di una dottrina generale del reato, гдѣ заранѣе обдуманное намѣреніе связывается съ привычкой къ преступленію (§ 163).

101) Техническое понятіе о провокаціи, какъ вызывающемъ аффектъ обстоятельствѣ, усвоено Французскимъ, Бельгійскимъ и Итальянскими (Тосканскимъ и Сардинскимъ) законодательствами. Провокація—возбужденіе справедливаго негодованія, овладѣвающаго дѣятелемъ въ силу нападенія на его личность (Carrara Provocazione nei reati di sangue Opuscoli Vol. VI, стр. 511). Giusto dolore, по опредѣленію Carrara, связывается съ аффектомъ лица пострадавшаго, обусловленнымъ несправедливымъ нападеніемъ на собственность или на близкихъ лицъ его (Programma I § 325). Спеціальнымъ случаемъ giusto dolore является убійство жены мужемъ при flagrant délit d'adultère (ст. 324 Француз. Угол. Улож., ст. 561 Сардинскаго, распространяющая, въ отличіе отъ французскаго, силу уменьшающаго вину обстоятельства на обоихъ супруговъ) Проэкты Итальянскаго Уложенія Vigliani и Сената упоминаютъ объ этомъ случаѣ, (статн. 378 перваго, 385 и 387 втораго). Проэкты Zanardelli — Savelli (статья 322 перваго, статья 337 втораго) 1883 г. говорятъ объ убійствѣ, совершенномъ въ состояніи giusto ed intenso dolore. Относительно justus dolor въ Римскомъ правѣ ср. Codex. IX, IV, 4.—l. 38 § 8 D. ad leg. Iuliam. adult. (48,5).

чайному поводу, тѣмъ не менѣе тянутъ къ преступникамъ прирожденнымъ въ силу неистовыхъ и чрезмѣрныхъ страстей, а къ преступникамъ душевно-больнымъ — въ силу безумнаго темперемента. 2) Вопреки утвержденіямъ Ферри, классификація преступниковъ вызываетъ существенныя разногласія между Ферри и Ломброзо съ одной, между ними, Гарофало и Пулья съ другой стороны; таковы разногласія относительно значенія pazzia morale, самостоятельной категоріи преступниковъ по пріобрѣтенной привычкѣ, необходимости пятичленной или двухчленной классификаціи. 3) Нельзя ссылаться въ пользу попытки классификаціи преступниковъ, какъ это дѣлаетъ Ферри, на то обстоятельство, что въ принципѣ, въ главныхъ основаніяхъ всѣ согласны. Принципіальное согласіе единственно указываетъ на извѣстную общую мысль, въ данномъ случаѣ на необходимость признанія не одного, а нѣсколькихъ типовъ преступниковъ; можно признать эту мысль совершенно вѣрною, но отсюда до удачной классификаціи преступниковъ очень далеко; разногласіе въ попыткахъ классификаціи свидѣтельствуетъ, что вѣрную мысль не удалось воплотить въ крѣпкихъ формахъ, годныхъ для научнаго изученія и для успѣшной жизненной практики.—Можно ли утверждать, что необходимость различенія типовъ преступниковъ непремѣнно ведетъ къ классификаціи по субъективному критерію, защищаемой Ферри? На это приходится дать отвѣтъ отрицательный. Всегда будутъ преступники противъ лицъ, противъ имуществъ, противъ цѣлаго общежитія, отличные другъ отъ друга, такъ какъ выборъ той или другой цѣли преступной дѣятельности естественно обусловливается психическими и физическими свойствами дѣятеля, наличностью тѣхъ или другихъ страстей въ преступникѣ. Значитъ, мысли о разнообразіи типовъ преступниковъ одинаково удовлетворяетъ различеніе категоріи преступленій, сколько и установленіе классификаціи преступниковъ по различію ихъ физической и психической анормальности. 4) Нельзя считать удачнымъ признакъ психической анормальности, усвоиваемый у Ферри пяти категоріямъ преступниковъ, при чемъ различія ихъ обусловливаются какъ источникомъ этой анормальности, такъ и большей или меньшей степенью таковой. Сообразно пяти категоріямъ Ферри, психическая анормальность бываетъ обусловленная душевной болѣзнью, прирожденная, пріобрѣтенная въ силу преступной привычки, созданная внѣшнимъ поводомъ или страстью. Но если душевная болѣзнь можетъ явиться источникомъ преступности въ жизни дотолѣ безукоризненнаго человѣка, то психическая анормальность душевно-больнаго существенно, а не по степени только, отлична отъ

психической анормальности другихъ преступниковъ, коренящейся въ свойствѣ ихъ нравственнаго характера. Съ другой стороны прирожденный и обычный преступникъ, а равно преступникъ по страсти могутъ заболѣвать душевной болѣзнью,—поэтому признакъ психической анормальности не даетъ основанія помѣщать на ряду съ другими категоріями душевно-больныхъ преступниковъ. Если, далѣе, прирожденные преступники и преступники по пріобрѣтенной привычкѣ одинаково оказываются неисправимыми рецидивистами, то какъ установить большую или меньшую степень психической анормальности, различающую ихъ? Въ виду неразличимости ихъ въ этомъ отношеніи, остальныя черты различія теряютъ значеніе. Что же касается до преступниковъ по случайному поводу и по страсти, то за ними признается minimum психической анормальности, вызванной внѣшними и преходящими причинами. Но, не говоря уже о томъ, что бываютъ преступленія, совершаемыя въ аффектѣ, которыя нисколько не устраняютъ чертъ нормальнаго человѣка въ виновникѣ ихъ, — много ли найдется въ непреступномъ населеніи лицъ, свободныхъ отъ такого minimum'а?

Критика классификаціи преступниковъ у Ферри естественно ведетъ къ вопросу,—какая же классификація должна быть признана удовлетворительною? Выше было указано на значительное распространеніе въ современной наукѣ мысли о необходимости различенія delinquent d'habitude и delinquent d'accident, Gewohnheits и Gelegenheitsverbrecher. Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе объ обычномъ преступникѣ, для котораго преступная дѣятельность сдѣлалась профессіей,—понятіе твердое и устойчивое. Оно можетъ быть удовлетворительно пріурочено къ извѣстнымъ видамъ преступленій, составляющимъ чаще всего предметъ привычной дѣятельности, при наличности рецидивы и стеченія нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній. Что же касается до понятія о преступленіи по случайному поводу, то оно обнимаетъ множество преступниковъ, совершающихъ преступленія при весьма разнообразныхъ комбинаціяхъ и колеблящихся между наиболѣе низкой и весьма высокой степенью нравственной вины. При этихъ условіяхъ понятіе случайнаго повода не можетъ объединять собою цѣлой группы преступниковъ; оно имѣетъ одно опредѣленное значеніе—отрицательное, т. е. указываетъ на отсутствіе преступной привычки. Такимъ образомъ, нельзя установить классификаціи преступленій и преступниковъ на основаніи противоположенія преступности обычной и по случайному поводу. Затѣмъ, если придавать аффекту значеніе обстоятельства, содѣлывающаго извѣстныя, опредѣленныя преступныя дѣянія,

при наличности спеціальныхъ условій, привиллегированными по свойству отвѣтственности, то можно различать двѣ категоріи преступленій: квалифицированныхъ (совершаемыхъ по преступной привычкѣ) и привиллегированныхъ (совершаемыхъ въ состояніи аффекта). Сообразно вѣрнымъ указаніямъ современной науки уголовнаго права, преступная привычка въ смыслѣ, указываемомъ Гельшнеромъ и Вальбергомъ, не должна составлять лишь одного изъ многочисленныхъ обстоятельствъ, увеличивающую мѣру наказанія, а должна вести къ спеціальному порядку отбытія наказанія и спеціальнымъ мѣрамъ предупрежденія рецидивы [102]).

Указанная мною классификація преступленій и въ связи съ ними преступниковъ сводится къ различенію преступниковъ обычныхъ и необычныхъ, усвоенному, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, столь многими современными криминалистами и тюрьмовѣдами. Она, конечно, лишена той законченности и округленности, которая присуща дробнымъ классификаціямъ, (Ферри, Lebon и др. Но наружныя достоинства ничего не означаютъ, когда подъ ними скрываются внутренняя шаткость и неопредѣленность. Различеніе обычныхъ и необычныхъ преступниковъ не подводитъ насильственно разнообразія отдѣльныхъ личностей подъ отвлеченные типы, не жертвуетъ благотворнымъ принципомъ индивидуализаціи наказанія при отправленіи правосудія, связывается съ реальнымъ фактомъ преступнаго дѣянія, а не съ шаткими антропологопсихологическими постулатами. Очень вѣрно замѣчаетъ Габелли, что, если и теперь дѣлаются ошибки при измѣреніи наказанія соотвѣтственно винѣ обвиняемаго, то чего же должно ожидать, когда мѣра

---

102) Сверхъ цитованнаго выше доклада Вальберга по вопросу о карательномъ режимѣ противъ обычныхъ преступниковъ,—вопросъ объ отвѣтственности послѣднихъ затронутъ слѣдующими новѣйшими работами: La science pénitentiaire au Congrés de Stockholm par Desportes et Léfebure гл. IV. Des moyens de combattre la recidive, Liszt Der Zweckgedanke im Strafrecht, Desportes La récidive, Prins Criminalité et repression и, наконецъ, прекрасной статьей Гольцендорфа, внушенной ему послѣднимъ пенитенціарнымъ конгрессомъ въ Римѣ — Die Richtungen des Strafvollzugs und der gegenwärtige Stand der sachverständigen Meinungen (Gerichtssaal T. XXXIX 1886. H. 1). Резюмируя требованія современнаго тюрьмовѣдѣнія, Гольцендорфъ, наравнѣ съ уменьшеніемъ случаевъ краткосрочнаго лишенія свободы, требуетъ исключенія рецидивистовъ, болѣе трехъ разъ повторявшихъ преступленіе, а равно обычныхъ и профессіональныхъ преступниковъ, изъ нормальнаго строя карательныхъ заведеній, съ установленіемъ особаго вида или способа отбытія наказанія, дающаго лицамъ этихъ категорій возможность неограниченнаго пользованія гражданской свободой лишь по реабилитаціи въ силу доказаннаго исправленія и нравственной устойчивости (стр. 34).

наказанія будетъ зависѣть отъ помѣщенія преступника въ ту или другую категорію. Къ тому же научная школа, полагающая свои цѣли въ болѣе точномъ и тщательномъ изученіи преступниковъ, чѣмъ дѣлалось до сихъ поръ, именно должна бы отвергать искусственное дѣленіе на классы, такъ какъ преступниками являются недѣлимые; далѣе истинно реальнымъ въ природѣ является лишь частное, тогда какъ соединеніе и раздѣленіе по классамъ всегда искусственно [103]). Въ связи съ различеніемъ обычной и необычной преступности возможно дальнѣйшее различеніе въ духѣ выставленнаго Полетти дѣленія преступниковъ ad indole criminosa e non criminosa—преступленій, совершенныхъ по безчестному и не безчестному побужденію, ведущее къ установленію двухъ видовъ лишенія свободы—позорящаго и непозорящаго свойства, квалифицированнаго и простаго. Ферри придаетъ этому различенію характеръ слабаго отраженія идей и стремленій антрополого - позитивной школы, — характеръ нерѣшительной полумѣры. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Lucchini, это различеніе, будучи справедливымъ развитіемъ стараго принципа измѣренія наказанія сообразно нравственному строю преступника, одинаково даетъ твердое основаніе для оцѣнки личности преступника и точную мѣрку для дисциплины наказанія лишенія свободы [104]).

---

103) Gabelli «Sulla scuola positiva» стр. 522.

104) Lucchini I semplicisti Ср. V. стр. 88 и 89. Указанная мысль объ установленіи параллельныхъ видовъ лишенія свободы, сообразно различенію преступленій, совершаемыхъ по особой злостности (malvagità) и совершаемыхъ въ аффектѣ, является уже въ проэктѣ Итальянскаго Уголовнаго Уложенія Коммиссіи 1866 года по иниціативѣ Pessina, котораго, какъ говоритъ Lucchini, конечно нельзя считать за провозвѣстника «новой школы». Затѣмъ положеніе о двухъ параллельныхъ видахъ лишенія свободы—проходитъ во всѣхъ проэктахъ Уголовнаго Уложенія: Vigliani 1874, Сенатскаго 1875, Mancini 1877, Zanardelli 1883 и наконецъ въ послѣдней переработкѣ проекта Savelli, сдѣланной Pessina. Reclusione e prigionia, смирительный домъ и тюрьма, соотвѣтствуютъ преступнымъ дѣламъ, совершеннымъ въ силу безчестнаго помысла; relegazione e detenzione, уголовное и исправительное заточеніе, назначаются — для преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ силу небезчестнаго помышленія. при равенствѣ сроковъ заключенія, эти два вида лишенія свободы различаются признакомъ обязательности и необязательности работъ для заключенныхъ. Тоже различеніе двухъ видовъ лишенія свободы принято отечественнымъ проэктомъ Уголовнаго Уложенія: «Заточеніе, по мнѣнію Коммиссіи, должно быть назначаемо за такія дѣянія, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительной даже опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а свидѣтельствуютъ только объ его неумѣньи подчинять свои порывы требованіямъ закона. Въ виду этихъ соображеній заточеніе является наказаніемъ какъ бы параллельнымъ съ каторгой, исправительнымъ домомъ и тюрьмой. (Объясненія къ проекту общей части стр. 62 и 63).

VI.

Глава третья книги Ферри (I dati della Statistica criminale) открывается указаніемъ, что при невозможности или крайней трудности эксперимента въ соціальныхъ наукахъ, имъ остается наблюденіе, которое всего лучше осуществляется въ статистикѣ. Поэтому криминалистъ-соціологъ долженъ прибѣгать къ уголовной статистикѣ для изученія соціальной стороны преступленія. Авторъ опредѣляетъ соціологическую сторону статистики, какъ удостовѣреніе увеличенія или уменьшенія преступности въ годовомъ ея движеніи, служащее основой для изысканія болѣе общихъ соціальныхъ фактовъ[105]). Къ этой соціологической сторонѣ уголовной статистики примыкаетъ біологическая сторона (разнообразное участіе въ преступленіи пола, возраста, профессій). Послѣдняя сторона болѣе разработана, чѣмъ соціологическая, между тѣмъ послѣдствія біологическихъ причинъ подлежатъ измѣненію со стороны законодателя лишь путемъ косвеннымъ и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ послѣдствія причинъ соціальныхъ[106]).

Обширное поле новыхъ наблюденій открыто новой школой путемъ классификаціи факторовъ преступленія. Существуютъ три категоріи таковыхъ факторовъ, а именно факторы антропологическіе, или индивидуальные, факторы физическіе и факторы соціальные. Факторы антропологическіе распадаются на три класса: первый обнимаетъ органическое строеніе преступника (всѣ органическія аномаліи и общіе тѣлесные признаки, изученные Ломброзо). Къ второму относятся психическія свойства преступника. Къ третьему классу относятся личныя особенности преступника, то есть кромѣ расы, возраста и пола, еще біо-соціальныя условія (гражданская профессія, мѣстожительство, соціальное положеніе, образованіе, воспитаніе). Серія физическихъ факторовъ преступленія обхватываетъ всѣ причины, относящіяся къ

---

105) Nuovi Orizzonti Cap. III. стр. 272—288. Давая такое ограниченное значеніе уголовной статистикѣ и высказываясь противъ Эттингена относительно возможности извлеченія изъ статистическихъ данныхъ этико-соціальныхъ сужденій, авторъ значительно противурѣчитъ собственнымъ наведеніямъ, извлеченнымъ изъ уголовной статистики въ главѣ 2-й, а также и дальнѣйшимъ своимъ выводамъ въ главѣ 3-й.

106) Стр. 288—290.

физической средѣ, каковы: климатъ, свойство почвы, смѣна дня и ночи, времена года, годовая температура, метеорологическія условія, земледѣльческія произведенія. Къ соціальнымъ факторамъ относятся: различная плотность населенія, общественное мнѣніе, нравы, религія; семейный и воспитательный порядки, алкоголизмъ, публичное управленіе, устройство юстиціи и судебной полиціи, законодательство вообще и въ частности гражданское и уголовное.

Всѣ указанные факторы дѣйствуютъ въ совокупности и отдѣлять ихъ другъ отъ друга можно единственно въ отвлеченіи. Поэтому не правъ апріористическій соціализмъ, относящій всю добровольную злостность, обнаруживающуюся въ преступленіи, къ современному буржуазному обществу. Но при постоянномъ участіи всѣхъ факторовъ трехъ указанныхъ категорій въ явленіи преступленія—ихъ производительная сила по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ преступниковъ различна. Тогда какъ физическіе факторы обладаютъ приблизительно одинаковымъ дѣйствіемъ,—факторы антропологическіе преобладаютъ въ дѣятельности преступниковъ прирожденныхъ, душевнобольныхъ и по страсти,—факторы соціальные преобладаютъ въ преступникахъ по случайному поводу и пріобрѣтенной привычкѣ [107]).

Общее движеніе преступности объясняется соціальными факторами,—въ виду того, что пропорціональныя цифры, обусловленныя факторами антропологическими, наименѣе колеблятся, затѣмъ и факторы физическіе чужды рѣзкихъ измѣненій. Факторы соціальные даже первенствуютъ въ движеніи преступности вслѣдствіе наибольшей многочисленности преступниковъ по случайному поводу и по привычкѣ, состоящихъ подъ вліяніемъ преимущественно соціальныхъ факторовъ [108]).

Для обоснованія значенія соціальныхъ факторовъ въ явленіи преступной дѣятельности, Ферри даетъ таблицу движенія преступности въ Италіи, Франціи, Англіи, Ирландіи и Пруссіи съ 1826 по 1882 годъ. Эта таблица приводитъ автора къ слѣдующимъ выводамъ: общимъ явленіемъ представляется неподвижность болѣе тяжкой преступной дѣятельности одновременно съ постояннымъ подъемомъ менѣе тяжкой. Въ наиболѣе тяжкой преступной дѣятельности—преступленія противъ собственности слѣдуютъ значительному пониженію,—преступленія противъ личности представляютъ болѣе устойчивый ходъ либо съ небольшимъ пониженіемъ (Бельгія), либо съ легкимъ повышеніемъ (Франція, Англія, Ирлан-

---

107) Стр. 306—310.
108) Стр. 310—312.

дія). Количественное уменьшеніе, впрочемъ, болѣе тяжкихъ преступленій противъ собственности обусловливается системой «correctionalisation», практикуемой въ Бельгіи, Англіи, Франціи и Италіи. Точно также въ повышеніи менѣе тяжкой преступности играетъ роль и созданіе новыхъ проступковъ и новыхъ полицейскихъ правонарушеній путемъ новыхъ законовъ въ англійскомъ и французскомъ законодательствѣ въ 40 и 50 годахъ, при чемъ увеличеніе преступности въ Англіи объясняется преимущественно полицейскими правонарушеніями, тогда какъ во Франціи замѣчается бо́льшее увеличеніе истинныхъ преступныхъ дѣяній— поврежденій тѣлесной неприкосновенности и здоровья[109]).

Существенное значеніе въ общемъ увеличеніи преступности въ Европѣ должно быть приписано, помимо разнообразныхъ условій общественной среды, — увеличенію народонаселенія — съ 40-хъ и до 80-хъ годовъ въ Италіи, Франціи, Бельгіи, Англіи, Пруссіи. Въ графической таблицѣ движенія преступности въ указанныхъ европейскихъ странахъ, съ конца 20-хъ до 80-хъ годовъ, Ферри видитъ удостовѣреніе слѣдующаго явленія: преступность увеличивается въ своей совокупности, — съ годовыми колебаніями болѣе или менѣе сильными, съ серіями истинныхъ преступныхъ приливовъ (ondate). Уровень преступности опредѣляется изъ года въ годъ различными условіями физической и соціальной среды въ связи съ прирожденными тенденціями и случайными импульсами отдѣльныхъ лицъ, сообразно закону, который авторъ называетъ, по аналогіи съ химическими явленіями, закономъ преступнаго насыщенія (Saturazione criminosa). Какъ въ данномъ количествѣ воды, при опредѣленной температурѣ, растворяется извѣстное количество химическаго вещества ни больше, ни меньше, такъ въ данной соціальной средѣ, при данныхъ индивидуальныхъ и физическихъ условіяхъ, должно совершаться опредѣленное количество преступленій, ни больше, ни меньше. Статистика постоянно доказываетъ, что измѣненія среды сопровождаются относительными и пропорціональными видоизмѣненіями въ преступности. Такъ, по французской статистикѣ преступность противъ личности мало мѣняется въ теченіи 57 лѣтъ, что объясняется большею устойчивостью соотвѣтствующей среды, такъ какъ прирожденныя индивидуальныя склонности и человѣческія страсти значительно измѣняются не иначе, какъ въ силу чрезвычайныхъ соціальныхъ или естественныхъ переворотовъ. Вотъ почему большія перемѣны въ преступности противъ личности

---

[109])Стр. 313—318.

совпадаютъ въ Франціи съ политическими революціями или съ годами съ особенно жаркой лѣтней температурой, либо съ годами особенно значительнаго потребленія хлѣба, мяса или вина. Напротивъ цифры, относящіяся къ преступленіямъ противъ собственности, представляютъ бо́льшія колебанія, вслѣдствіе меньшей устойчивости спеціальной среды—экономическаго строя, обусловленнаго вліяніемъ неурожайныхъ годовъ, коммерческихъ, финансовыхъ, промышленныхъ кризисовъ, а также вслѣдствіе вліяній физической среды, (увеличеніе имущественныхъ преступленій въ суровыя зимы, уменьшеніе таковыхъ въ года съ болѣе мягкой температурой). Кромѣ нормальнаго преступнаго насыщенія существуетъ преступное пресыщеніе, въ силу исключительныхъ условій общественной среды, подобно тому, какъ въ химіи къ нормальному насыщенію, вслѣдствіе увеличенія температуры въ растворяющейся жидкости, можетъ присоединиться исключительное пресыщеніе. Типическая или главная преступность создаетъ преступность отраженную: съ болѣе важными и болѣе частыми преступленіями непремѣнно увеличивается число сопротивленій власти, оскорбленія чиновниковъ, ложныхъ показаній, побѣга изъ тюрьмы и т. д. Сверхъ того бываютъ случаи чрезвычайные и временные преступнаго пресыщенія (періоды предшествующіе государственному перевороту 2 декабря 1851-го года во Франціи и непосредственно за нимъ слѣдующіе)[140]).

Изъ закона преступнаго насыщенія, по мнѣнію Ферри, вытекаютъ два послѣдствія: знаменитое правило о постоянномъ единообразіи явленія преступности, выраженное въ извѣстномъ изреченіи Кеттли, неточно. Опредѣляясь естественной и соціальной средой, уровень преступности не можетъ оставаться постояннымъ и неизмѣннымъ, не смотря на постоянныя измѣненія среды. Другое важное послѣдствіе закона преступнаго насыщенія состоитъ въ положительномъ удостовѣреніи, что уголовныя наказанія не обладаютъ приписываемой имъ дѣйствительностью по отношенію къ преступленіямъ, такъ какъ таковыя уменьшаются и увеличиваются по другимъ причинамъ, а вовсе не въ силу наказаній, установляемыхъ законодателемъ и примѣняемыхъ судьями. Положеніе это доказывается историческими примѣрами. Такъ, христіанство восторжествовало, не смотря на преслѣдованія христіанъ; далѣе католичество не успѣло подавить реформацію уголовными наказаніями. Для доказательства своего положенія, Ферри обращается далѣе, къ судебной репрессіи въ послѣднемъ полустолѣтіи. Бо́льшая

---

110) Стр. 319—325.

или меньшая строгость судебной репрессіи опредѣляется у Ферри: a) числомъ лицъ оправданныхъ сравнительно съ лицами осужденными, b) различной пропорціей наказаній болѣе тяжкихъ, сравнительно съ общимъ числомъ осужденій [109]). По составленной имъ таблицѣ французской статистики съ 1826 по 1881 г., раздѣленной по пятилѣтіямъ, относительно процента оправданныхъ среди ста лицъ, сужденныхъ ассизными судами и исправительными трибуналами, Ферри показываетъ постоянное уменьшеніе процентнаго отношенія оправданныхъ, свидѣтельствующее о безспорной тенденціи къ большей строгости. По даннымъ итальянской статистики за года 1873—1882 процентъ оправданныхъ въ исправительныхъ судахъ понижается постепенно съ 24,5% въ 1883 г. до 21,1 въ 1882 г. Что же касается до этого процента въ ассизныхъ судахъ, то, по мнѣнію автора, позволительно утверждать, что, по наиболѣе частымъ и тяжкимъ преступленіямъ, пропорція оправданныхъ изъ года въ годъ менѣе колеблется. Во всякомъ случаѣ, по части вліянія судебной репрессіи въ Италіи на преступность можно сдѣлать, по крайней мѣрѣ, отрицательный выводъ, что въ послѣднемъ десятилѣтіи общему увеличенію преступности не соотвѣтствовало постоянное или важное уменьшеніе въ силѣ репрессіи. Обращаясь ко второму элементу судебной репрессіи, т. е. къ пропорціи осужденныхъ къ тягчайшимъ наказаніямъ, сравнительно съ общимъ числомъ осужденныхъ, авторъ, въ составленной имъ таблицѣ французской статистики за 1826—1881 года, раздѣленной на 11 пятилѣтій, указываетъ процентъ приговоровъ, постановленныхъ ассизными судами и присуждавшихъ къ смертной казни, каторжнымъ работамъ и смирительному дому (reclusion), а также приговоровъ исправительныхъ судовъ, присуждавшихъ къ тюрьмѣ. При уменьшеніи приговоровъ, присуждающихъ къ смертной казни, оказывающемся въ пятилѣтіяхъ, слѣдующихъ за двумя первыми, во Франціи, приговоры, присуждающіе къ reclusion и къ каторжнымъ работамъ, постоянно умножаются. Точно также въ исправительныхъ трибуналахъ оказывается постоянное усиленіе болѣе строгихъ осужденій съ IX пятилѣтія. Изъ данныхъ итальянской статистики о процентномъ отношеніи приговоровъ, присуждающихъ къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ, Ферри извлекаетъ также заключеніе объ умноженіи болѣе тяжкихъ приговоровъ, за исключеніемъ дѣлъ исправительныхъ трибуналовъ. На основаніи указанныхъ наведеній авторъ утверждаетъ, что судеб-

---

[109]) Стр. 326—336.

ная репрессія въ Италіи и Франціи постоянно становилась болѣе строгою, тогда какъ преступность постоянно возрастала. Этимъ опровергается распространенное мнѣніе, что строгость наказаній можетъ быть главнымъ средствомъ противъ прилива преступности, а равно обнаруживается недостаточность принятой до настоящаго времени карательной системы и тюремныхъ порядковъ [110]).

Вопросъ о различныхъ факторахъ преступленія, разработанный въ третьей главѣ Nuovi Orizzonti, составляетъ одну изъ коренныхъ задачъ новой итальянской школы, въ изслѣдованіи которой она видитъ одну изъ своихъ наибольшихъ заслугъ. Классификація факторовъ преступленія, какъ это указываетъ и самъ Ферри, находится въ тѣснѣйшей связи съ классификаціей преступниковъ, такъ что та или другая категорія факторовъ соотвѣтствуетъ той или другой категоріи преступниковъ. При этихъ условіяхъ очень важно оцѣнить, насколько настоящая глава служитъ подтвержденіемъ выводовъ главы 2-й. Если остановиться на томъ, что факторы антропологическіе приводятся въ связь съ преступниками прирожденными, факторы соціальные—съ преступниками по случайному поводу и по пріобрѣтенной привычкѣ, то спрашивается, на какомъ основаніи въ главѣ 2-й преступники прирожденные и по пріобрѣтенной привычкѣ сближались между собою и отдѣлялись отъ преступниковъ по случайному поводу? Какъ было показано выше, сближая двѣ категоріи nati и abituali, Ферри руководился преимущественно данными уголовной статистики; въ главѣ же 3-й, обращаясь также къ даннымъ уголовной статистики въ связи съ различными факторами преступленія, Ферри сближаетъ преступниковъ abituali и per occasione, изолируя прирожденныхъ преступниковъ. Далѣе, такъ какъ вообще ходъ преступности объясняется Ферри въ главѣ 3-й преимущественно факторами соціальными, обусловливающими дѣятельность преступниковъ по случайному поводу и по пріобрѣтенной привычкѣ, такъ какъ, слѣдовательно, съ статистической точки зрѣнія на преступленіе, означеннымъ преступникамъ принадлежитъ преобладающее мѣсто, то, очевидно, антропологическое и статистическое изслѣдованіе преступленія не совпадаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, антропологическое изслѣдованіе придаетъ первенствующее значеніе прирожденнымъ преступникамъ. Этимъ подтверждается высказанное мною выше положеніе, что данныя уголовной антропологіи нельзя приводить въ связь съ данными уголовной статистики.

---

[110]) Стр. 337—348.

Преобладающее мѣсто въ главѣ 3-й отведено положенію о недѣйствительности наказаній въ смыслѣ подавленія преступности. Это положеніе выводится изъ закона преступнаго насыщенія, изъ историческихъ примѣровъ и статистическихъ данныхъ. То, что Ферри называетъ закономъ преступнаго насыщенія, лишь плохая и натянутая аналогія съ химическимъ явленіемъ. До какой степени шатокъ этотъ законъ, видно изъ того, что, рядомъ съ преступнымъ насыщеніемъ, сейчасъ же ставится явленіе чрезвычайнаго пресыщенія, и что непосредственно вслѣдъ затѣмъ говорится о колебаніи въ преступленіяхъ противъ собственности вслѣдствіе неустойчивости въ экономической средѣ. Конечно, можно набрать множество примѣровъ изъ исторіи, свидѣтельствующихъ о недѣйствительности наказанія противъ того или другаго преступленія, но общій вопросъ этимъ не разрѣшается. Наиболѣе поучительна аргументація противъ дѣйствительности уголовныхъ наказаній, почерпаемая Ферри изъ данныхъ уголовной статистики, по крайней искусственности посылокъ и по обходу всякихъ противныхъ его теоріи фактовъ.

Таблица процентнаго отношенія оправдательныхъ приговоровъ во Франціи съ 1826—1881 гг., свидѣтельствуя въ пользу уменьшенія таковыхъ приговоровъ, указываетъ единственно на то, что французскій судъ присяжныхъ нельзя винить въ злоупотребленіи оправдательными приговорами, т. е. указываетъ на одно изъ первенствующихъ, хотя далеко не единственное условіе репрессіи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ указанной таблицы нельзя заключить, по какимъ именно преступнымъ дѣяніямъ постановлялись обвинительные и оправдательные приговоры,—принималось ли присяжными предъявленное имъ обвиненіе въ первоначальной или видоизмѣненной формѣ,—въ какой мѣрѣ присяжные пользовались правомъ признанія смягчающихъ обстоятельствъ. Между тѣмъ всѣ эти обстоятельства крайне существенны для сужденія о степени судебной репрессіи.

Еще менѣе данныхъ къ разрѣшенію вопроса объ усиленіи репрессіи въ утвердительномъ смыслѣ даетъ процентное отношеніе оправдательныхъ приговоровъ въ итальянской статистикѣ. Прежде всего по извѣстнымъ особенно важнымъ преступленіямъ оказывается нѣкоторое повышеніе оправдательныхъ приговоровъ: такъ процентъ оправданій по обвиненію въ квалифицированномъ убійствѣ выражается за 7 лѣтъ (1875—1881) слѣдующими цифрами: 22, 25, 23, 23, 26, 32, 32; процентъ оправданныхъ по обвиненію въ грабежѣ за тѣ же года=20, 21, 19, 19, 23, 25, 23. Къ тому же и общій процентъ оправданныхъ по всей совокупности преступныхъ дѣяній

нѣсколько усиливается къ концу семилѣтія (24,$_7$% въ 1875 г. противъ 26,$_4$% въ 1878 г. и 25,$_9$% въ 1884 г.).

Не болѣе доказательно положеніе о другомъ элементѣ репрессіи—постоянномъ усиленіи въ практикѣ французскихъ и итальянскихъ судовъ болѣе тяжкихъ наказаній надъ менѣе тяжкими. Во первыхъ, приговоры, присуждающіе къ смертной казни, какъ это признаетъ самъ Ферри, постоянно уменьшаются. Во вторыхъ, по вопросу о смертной казни важно не столько число постановленныхъ приговоровъ, сколько число дѣйствительно исполненныхъ. Пользуясь прекраснымъ трудомъ Charles Lucas «De l'état anormal en France de la repression en matière capitale», гдѣ почтенный авторъ убѣдительно показываетъ, что, при постоянномъ устраненіи смертной казни de facto путемъ помилованія и допущенія смягчающихъ обстоятельствъ, не было создано одновременно,—въ замѣну смертной казни, — достаточно репрессивнаго карательнаго средства, укажу на слѣдующія данныя, извлеченныя изъ книги Lucas. Изъ одиннадцати пятилѣтнихъ періодовъ за время съ 1826 по 1880 годъ—первый періодъ (1826—1830) даетъ 65% исполненныхъ приговоровъ о смертной казни,35% приговоровъ съ замѣной смертной казни другимъ наказаніемъ. Въ одиннадцатомъ же періодѣ процентное отношеніе исполненныхъ иригоровъ=26%, приговоровъ съ замѣною смертной казни другимъ наказаніемъ=74%. Крайне существенны далѣе данныя за періодъ 1873—1880 о процентѣ осужденныхъ за parricide, assassinat, empoisonnement, infanticide, incendie (т. е. за преступленія, влекущія смертную казнь по закону), коимъ смертная казнь была замѣнена другимъ наказаніемъ въ силу допущенія смягчающихъ вину обстоятельствъ или помилованія.—За означенный періодъ изъ 5149 обвиняемыхъ въ указанныхъ преступленіяхъ признано виновными 2628 лицъ, 199 лицъ присуждено къ смертной казни, относительно 2429 лицъ смертная казнь устранена за признаніемъ смягчающихъ обстоятельствъ, 131 лицо было помиловано, 88 лицъ были казнены. Такимъ образомъ освобожденные отъ смертной казни=92%, казненные=3%. Если относительно важнѣйшихъ преступленій, облагаемыхъ смертной казнью, нельзя говорить объ усиленіи репрессіи, — то точно также не даетъ для этого основанія практика судовъ относительно присужденія виновныхъ къ другимъ наказаніямъ. Ферри указываетъ на усиленіе процента приговоровъ ассизныхъ судовъ и исправительныхъ трибуналовъ, присуждающихъ къ каторжнымъ работамъ и тюремному заключенію. Но репрессивность уголовнаго правосудія зависитъ не отъ

отвлеченной величины наказанія полагаемаго въ уложеніи, а мѣры наказанія, положенной судомъ въ отдѣльномъ случаѣ, и способа отбытія его. Между тѣмъ travaux forcés въ Новой Каледоніи предпочитаются французскими преступниками reclusion, стоящей на лѣстницѣ наказаній ниже каторжной работы, вслѣдствіе чего ими въ тюрьмахъ совершаются преступленія, чтобъ попасть въ La nouvelle (Новую Каледонію). По указанной причинѣ былъ изданъ законъ 25 декабря 1880 года объ отбытіи въ тюрьмѣ наказанія за преступленія, совершенныя заключенными [111]).

Указаніе Ферри на увеличеніе приговоровъ исправительныхъ трибуналовъ, присуждающихъ къ тюрьмѣ, рѣшительно лишено всякаго значенія въ виду всеобще порицаемой французскими криминалистами тенденціи исправительныхъ судовъ,—присуждать къ краткосрочнымъ лишеніямъ свободы. Такъ, число рецидивистовъ, осужденныхъ, къ тюрьмѣ менѣе года, равнявшееся въ 1851—55 г. 21,229 лицъ, возросло въ 1884 г. до 52,143 лицъ [112]). Лишь $4^1/_2{}^0/_0$ обвиняемыхъ осуждено въ 1880-омъ году во Франціи къ заключенію свыше года, 108,000 обвиняемыхъ—къ заключенію меньше года [113]). Наконецъ, указанный фактъ чрезмѣрнаго назначенія краткосрочнаго лишенія свободы засвидѣтельствованъ оффиціальными документами [114]).

Что касается до увеличенія строгости приговоровъ уголовныхъ судовъ въ Италіи, то въ этомъ отношеніи имѣется рядъ противуположныхъ указаній со стороны писателей по вопросамъ пенологіи, съ которыми Ферри вообще солидаренъ. Правда, самъ Ферри не распространяетъ усиленіе репрессивности на приговоры исправительныхъ судовъ. Но противъ репрессивности отправленія правосудія въ ассизныхъ судахъ высказывается напр. Beltrani Scalia: такъ, этотъ

---

111) О малой устрашительности закона 30 мая 1854 о транспортаціи осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ ср. указ. соч. Lucas стр. 39 и сл., далѣе Vicomte d'Haussonville (Les établissements pénitentiaires en France (гл. XVI стр. 542—543). Даже защитникъ транспортаціи, Michaud требуетъ сочетанія ея съ предварительнымъ одиночнымъ заключеніемъ (Étude sur la question des peines, стр. 243). За сочетаніе предварительнаго одиночнаго заключенія съ поселеніемъ въ пенитенціарной колоніи высказывается также James Nattan La transportation deuxiéme article (Bulletin de la Société générale des Prisons 1886 г. стр. 493—498).

112) Yvernés La récidive (Bulletin dela Société générale des prisons 1883 г. стр. 332).

113) Desportes La récidive (стр. 24).

114) Ср. Compte rendu de la Justice criminelle en France de 1876 — 1880 (Bulletin de-la Société des prisons 1883 г. стр. 821). По отчету объ отправленіи уголовнаго правосудія въ Франціи за 1884 г. 79% рецидивистовъ осуждены къ тюрьмѣ менѣе года (тоже изд. 1886 г. стр. 504).

ученый указываетъ, что по уголовной статистикѣ Италіи за 1875 г. лишь 11% изъ признанныхъ виновными въ квалифицированныхъ убійствахъ осуждены безъ смягченія нормальнаго наказанія; изъ суж-денныхъ за тѣже преступленія въ Неаполитанской области и Сициліи лишь 9% подверглись смертной казни, 44—45% къ срочному уго-ловному наказанію, 6—8% къ исправительному наказанію [115]). Ga-rofalo утверждаетъ, что minimum сдѣлался нормальной мѣрой на-казанія въ Итальянской судебной практикѣ, что судьи не пользуются своимъ правомъ удвоивать рецидивистамъ исправительныя и усиливать для нихъ уголовныя наказанія[116]). Если слѣдуетъ отнестись съ нѣко-торой сдержанностью къ этимъ заявленіямъ Гарофало и признавать краски, коими онъ рисуетъ репрессію въ Италіи, слишкомъ мрачны-ми,—все же заявленія Ферри объ усиленіи репрессіи въ Италіи пред-ставляются, независимо отъ полнѣйшаго разногласія его съ другими учеными новой школы, бездоказательными.

Заключеніе о слабости вліянія наказаній на преступность, засви-дѣтельствованная уголовной статистикой, подтверждается, по мнѣнію Ферри, и тѣмъ, что психологическій мотивъ угрозы наказанія не въ силахъ парализовать естественныхъ и соціальныхъ факторовъ пре-ступности. Къ тому же, различнымъ общественнымъ слоямъ свой-ственны различныя органическія и психическія особенности и при-вычки. Въ отличіе отъ высшаго слоя, застрахованнаго отъ преступ-ленія органической честностью, нравственнымъ и религіознымъ чув-ствомъ, общественнымъ мнѣніемъ, есть низшій слой, состоящій изъ людей, лишенныхъ воспитанія, унаслѣдовавшихъ отъ предковъ анор-мальную организацію, и поставляющій прирожденныхъ преступниковъ, противъ которыхъ тщетны угрозы законодателя. Наконецъ, есть классъ людей, колеблящихся между добродѣтелью и порокомъ, не лише-нныхъ нѣкотораго образованія и для которыхъ наказаніе можетъ слу-жить психологическимъ мотивомъ; изъ этого класса выходятъ пре-ступники по случайному поводу [117]). Иллюзія относительно дѣйстви-тельности наказанія, помимо чувствъ первобытной мести, сохранив-шихся до сихъ поръ, помимо традиціи средневѣковаго ригоризма,

---

115) Riforma penitenziaria in Italia, стр. 8.

116) Criminologia Le pene, стр. 302 и слѣд. Ср. также Setti L'esercito e la sua criminalità 1886 г. стр. 173 — 158, гдѣ этотъ авторъ жалуется на обычай, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ судовъ въ Италіи, назначать наказанія въ большин-ствѣ случаевъ въ низшей мѣрѣ.

117) Стр. 348—353.

объясняется психологической ошибкой, забвеніемъ различія въ идеяхъ, привычкахъ и чувствахъ разныхъ общественныхъ слоевъ [118]). Далѣе, чрезмѣрная вѣра въ силу наказаній поддерживается смѣшеніемъ дѣйствія исключительныхъ уголовныхъ законовъ съ дѣйствіемъ нормальныхъ законовъ. Указавъ на историческіе примѣры успѣшности чрезвычайныхъ мѣръ репрессіи: Сикста V противъ разбойничества, австрійцевъ противъ разбойничихъ шаекъ въ 1849 г., закона Pica противъ разбойничества въ Неаполѣ, Ферри замѣчаетъ, что такого рода порядки военнаго времени не могутъ составлять постояннаго способа отправленія правосудія [119]). Наконецъ противъ дѣйствительности наказаній говоритъ слѣдующее положеніе, формулированное Миллемъ: дѣйствительность какого бы то ни было учрежденія въ области политической, административной, экономической всегда находится въ обратномъ отношеніи къ его насильственному характеру. Этому закону противорѣчитъ наказаніе, будучи по существу ничѣмъ инымъ, какъ первобытной реакціей силы противъ силы. Общественная реакція, поэтому, должна изъ прямой и непосредственной сдѣлаться косвенной. Какъ въ педагогіи безразличное господство палки было замѣнено стремленіемъ регулировать индивидуальную дѣятельность путемъ свободной игры тенденцій и психическихъ законовъ, точно также функція обороны общества изъ физической динамики репрессіи должна превратиться въ нравственную динамику предупрежденія, основанную на свободной игрѣ психологическихъ и соціологическихъ законовъ [120]).

Изложенный ходъ мысли приводитъ Ферри къ предложенію системы предупредительныхъ мѣръ, называемыхъ авторомъ Sostitutivi penali.—Уголовные замѣстители должны стать первыми и главными средствами соціальной функціи порядка; уголовныя наказанія должны оставаться лишь для того minimum'а преступности, который въ силу закону преступнаго насыщенія бываетъ во всякой общественной средѣ, благодаря факторамъ антропологическимъ, физическимъ и соціальнымъ. Путемъ уголовныхъ замѣстителей создаются противуядія соціальнымъ факторамъ преступности,—несравненно болѣе осуществимыя, чѣмъ попытки всеобщаго соціальнаго метаморфоза, проповѣдуемыя въ менѣе позитивной части соціализма и забывающія законъ эволюціи въ человѣческомъ обществѣ.

---

[118]) Стр. 358—359.
[119]) Стр. 362—364.
[120]) Стр. 371—373.

Понятіе уголовныхъ замѣстителей обосновывается авторомъ слѣдующимъ образомъ: законодатель, изслѣдуя происхожденіе, условія, эффекты индивидуальной и соціальной дѣятельности, узнаетъ психологическіе и соціологическіе законы, благодаря которымъ онъ можетъ дѣйствовать косвенно противъ увеличенія преступности. Иными словами, нужно, по мнѣнію автора, дать соціальному организму такія основы путемъ мѣръ законодательныхъ, политическихъ, экономическихъ, уголовно и гражданско-правовыхъ,—чтобы человѣческая дѣятельность безпрепятственно направлялась по пути дозволеннаго и непреступнаго, уменьшая въ то же время какъ можно болѣе соблазнъ и поводъ къ преступленіямъ [121]).

Затѣмъ Ферри въ семи отдѣлахъ даетъ обозрѣніе предлагаемыхъ имъ уголовныхъ замѣстителей. Въ отдѣлѣ 1-мъ, озаглавленномъ экономическій порядокъ, значатся, между прочимъ, слѣдующія предлагаемыя имъ мѣры: свобода обмѣна цѣнностей, уменьшающая возвышеніе цѣнъ жизненныхъ припасовъ и предупреждающая правонарушенія противъ права собственности; свобода эмиграціи (примѣръ Ирландіи, гдѣ уменьшеніе рецидивы обусловливалось эмиграціей болѣе 46% бывшихъ тюремныхъ сидѣльцевъ) [122]); уравненіе таможенныхъ тарифовъ (уголовный замѣститель противъ контрабанды); реформа податной системы, облагающая имущество сообразно съ цѣнностью и доходами плательщика; публичныя работы въ голодные года и суровыя зимы, дающія заработокъ нуждающимся классамъ, какъ средство противъ увеличенія преступленій противъ имущества; увеличеніе налога на производство и продажу спиртныхъ напитковъ, въ связи съ покровительствомъ продажи другихъ напитковъ, напр. чая и кофе. Указавъ на огромное повышеніе потребленія вина во Франціи (62 литра приходится среднимъ числомъ на каждаго обывателя въ 1829 году, 100 литровъ—въ 1869 г., также на повышеніе потребленія алкоголя (0,93 литра на каждаго обывателя въ 1829 г., 3,24 литра въ 1872 г.), авторъ напоминаетъ о разнообразныхъ мѣропріятіяхъ противъ усиленія пьянства въ Италіи, Франціи, С. Америкѣ, Швеціи, Бельгіи и Голландіи, признавая однако ихъ крайне недостаточными, особенно же мѣры репрессіи, согласно французскому закону 1873 года. Слѣдуютъ далѣе: замѣна бумажныхъ

---

121) Стр. 375—376.

122) По части вліянія эмиграціи на уменьшеніе рецидивы авторъ ссылается на свои изслѣдованія по итальянской статистикѣ, изъ коихъ явствуетъ, что уменьшеніе преступности въ 1881 и 1882 объясняется между прочимъ громаднымъ развитіемъ эмиграціи.

денегъ металлической монетой, какъ предупредительное средство противъ поддѣлки, въ виду того, что большинству гражданъ легче отличать фальшивую монету, улучшеніе путей сообщенія, устройство желѣзныхъ дорогъ, лучшее ночное освѣщеніе, какъ средства предупрежденія противъ насильственныхъ кражъ, разбойничества и мошенничества. Къ этимъ же средствамъ, Ферри относитъ такое устройство домовъ, при которомъ можно войти въ домъ не иначе, какъ проходя мимо привратника; далѣе, приспособленіе внутреннихъ цѣпей безопасности, составляющихъ могучее препятствіе противъ кражъ и грабежей [123]). Авторъ, наконецъ, рекомендуетъ правительственный надзоръ за порядкомъ устройства промышленныхъ заведеній, законы о работѣ несовершеннолѣтнихъ, устройство дешевыхъ квартиръ для рабочихъ, устройство обществъ взаимной помощи, установленіе сберегательныхъ кассъ, гражданской отвѣтственности предпринимателей и собственниковъ промышленныхъ заведеній.

Въ отдѣлѣ II «политическій порядокъ»—противъ возстаній, заговоровъ, мятежей, рекомендуется учрежденіе правительства національнаго и либеральнаго, уваженіе къ индивидуальнымъ и общественнымъ правамъ, по примѣру Англіи, свобода печати. Въ отдѣлѣ III «научный порядокъ» — авторъ замѣчаетъ, что если развитіе гражданственности ведетъ къ открытію новыхъ средствъ къ преступленію (каковы: печать, огнестрѣльное оружіе, ядъ, динамитъ), то оно же даетъ и противоядія, каковы: таже печать, фотографія, телеграфы, телефоны. Авторъ придаетъ большое значеніе успѣхамъ микроскопіи и токсикологіи, замѣчая, что знаменитый аппаратъ Марша уменьшилъ много случаевъ отравленія. Практика медицины женщинами отниметъ много поводовъ къ преступленіямъ противъ нравственности и семейныхъ правъ. Въ качествѣ предупредительнаго средства противъ дѣтоубійства и случаевъ умышленнаго выкидыша предлагается — распространеніе въ публикѣ теоріи Мальтуса. Авторъ серьозно считаетъ это средство превосходнымъ. За симъ слѣдуетъ отдѣлъ IV, трактующій «о законодательномъ и административномъ порядкѣ». Удовлетворительное законодательство по наслѣдственному праву должно послужить предупредительнымъ средствомъ противъ убійствъ, обусловленныхъ желаніемъ получить наслѣдство. Постановленія, относительно болѣе легкаго полученія родительскаго согла-

---

123) Стр. 377—391.

сія на бракъ, постановленія, разрѣшающія узаконеніе незаконныхъ дѣтей и розысканіе отца, могутъ служить предупредительными средствами противъ конкубината, истребленія плода, дѣтоубійства. Удовлетворительные торговые законы и хорошій конкурсный порядокъ — уменьшатъ успѣшнѣе каторжныхъ работъ случаи злостнаго банкротства. Уничтоженіе національной гвардіи, бдительный надзоръ за фабриками оружія, устранить много поводовъ къ преступленіямъ; заведенія для сиротъ, дѣтскія ясли, могутъ повести къ предупрежденію многихъ случаевъ дѣтоубійства, умышленнаго выкидыша плода. Уменьшеніе стеченія въ тюрьмахъ заключенныхъ, уничтоженіе полицейскихъ порядковъ ammonizione, sorveglianza, domicilio coatto, отмѣна излишнихъ удобствъ, коими пользуются въ тюрьмахъ заключенные, содѣйствовали бы уменьшенію преступленій [123]).

Въ отдѣлахъ V, VI и VII, подъ рубриками «религіозный, семейный и воспитательный порядки» — авторъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: искаженіе религіи ведетъ къ размноженію преступленій (таково вліяніе римскихъ вакханалій, средневѣковыхъ папскихъ индульгенцій); напротивъ, религія, направленная на общее благо, предупреждаетъ преступленія (проповѣдь Саванаролы во Флоренціи и патера Мэтью въ Ирландіи). Изъ мѣръ по части религіознаго порядка авторъ рекомендуетъ запрещеніе религіозныхъ процессій: такое запрещеніе, оказывающее будто-бы уваженіе къ вѣрованіямъ всѣхъ, предупредитъ столкновенія и безпорядки. Уменьшеніе пышности церквей отниметъ значительный стимулъ къ кражамъ. По части семейнаго порядка авторъ требуетъ развода, дозволенія брака католическимъ священникамъ, обреченнымъ на безбрачіе. Но рядомъ съ этимъ авторъ полагаетъ, что запрещеніе брака извѣстнымъ лицамъ уменьшитъ размноженіе преступниковъ, предупреждая тѣмъ гибельную наслѣдственность болѣзней и преступленій. Далѣе рекомендуется правильная организація проституціи, какъ предупредительное средство противъ половыхъ преступленій. По части воспитательнаго порядка авторъ предлагаетъ уничтоженіе жестокихъ зрѣлищъ (боя быковъ и пѣтуховъ), улучшеніе бѣдственнаго положенія учителей народныхъ школъ, уничтоженіе многихъ праздниковъ, служащихъ поводомъ къ проступкамъ по случаю народнаго скопленія, и замѣну ихъ гимнастическими и гигіеническими увеселеніями, народные театры. Наконецъ, по мнѣнію автора, слѣдовало

---

[123]) Стр. 391—398.

бы парализовать народную школу преступленій, посредствомъ запрещенія безнравственныхъ изданій, газетъ, занимающихся исключительно хроникой преступленій, которыя разрѣшаются въ угоду метафизической и мало серьезной идеи свободы, причемъ довольствуются заключеніемъ въ тюрьму отвѣтственныхъ редакторовъ, когда зло уже сдѣлано. Авторъ сверхъ того стоитъ за ограниченіе публичности судебныхъ засѣданій — какъ по отношеніи къ высшимъ классамъ, члены коихъ бѣгутъ въ суды, какъ римляне временъ упадка бѣжали въ циркъ, такъ и по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ и лицамъ ранѣе судившимся, изъ коихъ послѣдніе учатся въ судебныхъ засѣданіяхъ искусству съ наименьшимъ рискомъ совершать преступленія [124]).

---

[124]) Стр. 398—410. Рядъ мѣропріятій, подобныхъ предложеннымъ Ferri Sostitutivi penali, можно найти у Ломброзо во 2-мъ изданіи L'uomo delinquente въ гл. XVIII (Terapia del delitto). Къ вопросу о предупредительныхъ мѣрахъ противъ преступленія Ломброзо возвращается нѣсколько разъ; такъ, въ сочиненіи Del incremento del delitto in Italia, 2-е изд. 1879 г., по изслѣдованіи разнообразныхъ причинъ увеличенія преступленія, каковы: преступныя сообщества (Camorra, L'internazionale), всеобщій обычай ношенія оружія, праздность и бѣдность, пьянство, неудовлетворительность процессуальныхъ порядковъ (широкое освобожденіе изъ-подъ стражи, средства обжалованія: аппеляція и кассація, замедляющія ходъ юстиціи), невѣжественный, подкупный и подрывающій репрессію неосновательными оправданіями судъ присяжныхъ, вредные полицейскіе порядки (ammoniti, sorvegliati, coatti), вредная гласность судебныхъ засѣданій (Parte I, стр. 6—80),—Ломброзо даетъ каталогъ средствъ для пріостановки увеличенія преступности. На ряду съ реформами въ области уголовнаго процесса и тюрьмовѣдѣнія встрѣчаются и настоящіе уголовные замѣстители, а именно: обезоруженіе населенія, высокіе налоги на спиртные напитки, разныя мѣры для облегченія положенія бѣдныхъ классовъ, недопущеніе адвокатовъ, занимающихся уголовными защитами, въ парламентъ въ виду того, что они—заинтересованная сторона въ вопросахъ уголовнаго права, ограниченіе публичности судебныхъ засѣданій и печатанія in extenso отчетовъ о такихъ засѣданіяхъ (стр. 83—185). Вопроса объ уголовныхъ замѣстителяхъ Ломброзо наконецъ коснулся въ статьѣ «Delitti di libidine ed amore въ Archivio di Psich. IV, стр. 168. Странныя мѣры предупрежденія преступленій предлагаются здѣсь авторомъ! Одной изъ такихъ мѣръ противъ усиливающагося числа преступленій противъ нравственности было бы, по мнѣнію Ломброзо, «большее распространеніе» (diffusione) проституціи въ мѣстностяхъ, гдѣ скопляются моряки, солдаты, рабочіе; въ такихъ мѣстностяхъ, при неимѣніи проститутокъ, не слѣдовало бы дозволять продажи спиртныхъ напитковъ. Противъ жаркаго климата, какъ фактора преступности, законъ безсиленъ, но можетъ помочь «холодное купанье». Въ виду большаго количества профессіонистовъ среди виновниковъ плотскихъ преступленій, авторъ считалъ бы возможнымъ увеличеніе налоговъ sugli studie professioni, далѣе ограниченіе числа профессіонистовъ въ парламентѣ, равно облегче-

Окончивъ перечисленіе уголовныхъ замѣстителей, Ферри заявляетъ, что въ вопросѣ о системѣ мѣръ предупрежденія выражается особенно ясно различіе опытнаго направленія уголовнаго права отъ предшествующихъ направленій. Тогда какъ «мы» придаемъ, говоритъ Ферри, первенствующее значеніе въ смыслѣ предупрежденія преступленій соціальнымъ преобразованіямъ, изучаемымъ при помощи психологіи и соціологіи, законодатели въ Италіи и другихъ странахъ много лѣтъ носятся съ составленіемъ уголовнаго уложенія, преступность же тѣмъ временемъ дѣлается хроническихъ состояніемъ [125]).

Ферри, далѣе, пытается опровергнуть предусматриваемое имъ возраженіе, а именно, что предлагаемая имъ система уголовныхъ замѣстителей ни что иное, какъ обычное предупрежденіе преступленій. Если со временъ Монтескьё и Беккаріа была провозглашена польза предупрежденія преступленій, то лишь путемъ одинокихъ и платоническихъ заявленій, безъ систематическаго развитія, утвержденнаго на уголовной соціологіи, и, поэтому, способнаго къ непосредственному приложенію, «мы же», говоритъ авторъ, отправляясь отъ наблюденія фактовъ, приходимъ къ совершенно иному выводу, и именно—что предупрежденіе, вмѣсто придаточнаго, должно быть главнымъ оплотомъ общественнаго порядка. Затѣмъ, по мнѣнію Ферри, нужно принимать во вниманіе существенную разницу между простымъ предупрежденіемъ преступленія, какъ оно обыкновенно разумѣется, и уголовными замѣстителями наказанія, между полицейскимъ и соціальнымъ предупрежденіемъ. Первое ограничивается сдержкой преступленія, когда зерно его уже развилось, и оперируетъ средствами прямого принужденія (полицейскій надзоръ, обязательное мѣстожительство). Соціальное предупрежденіе, напротивъ, обращается къ отдаленнымъ зачаткамъ преступленія ради пораженія наиболѣе раннихъ ростковъ, изучая разнообразные факторы преступности и противуполагая имъ средства исключительно косвенныя, основанныя на свободной игрѣ

ніе женщинамъ занятія медициной. Женщины-медики сами сдѣлались бы sostitutivo penale противъ преступленій, совершаемыхъ при отправленіи медицинской профессіи (стр. 345 и 346). По поводу послѣдняго отзыва любопытно сравнить замѣчаніе того же Ломброзо въ статьѣ Delinquenti d'occasione въ томъ же Archivio (т. II, стр. 314), что если число преступницъ женщинъ увеличивается въ наиболѣе культурныхъ странахъ съ каждымъ годомъ, то это объясняется бо́льшимъ образованіемъ женщинъ (istruzione letteraria e industriale), дающимъ женщинамъ большій стимулъ къ прегрѣшеніямъ.

125) Стр. 413.

соціологическихъ и психологическихъ законовъ. Наука и законодательство до сихъ поръ занимались только вопросомъ о репрессіи преступленія и въ крайнемъ случаѣ вопросомъ о полицейскомъ принужденіи. Послѣ изслѣдованій Монтескьё, Филанджіери, Беккаріа о вліяніи формъ правленія, религіи, климата и почвы на преступленія, вопросомъ о предупрежденіи преступленій занимались Бентамъ, Романьози, Карминьяни, Эллеро, Ломброзо. Но эти ученые либо руководствовались общими соображеніями, какъ Карминьяни и Романьози, либо хотя и спускались въ область фактовъ и поднимались до концепціи соціальнаго предупрежденія, но большей частью упускали изъ виду физіопсихологическіе законы дѣйствія естественныхъ факторовъ преступленія. Ихъ поученія оставались безплодными именно потому, что имъ не доставало основы непререкаемаго и положительнаго показанія уголовной соціологіи о недостаточномъ дѣйствіи наказанія. Авторъ резюмируетъ свою мысль, сравнивая ходъ преступности съ неукротимымъ потокомъ, а карательныя мѣры съ плотинами, сдерживающими разливы потока. Вмѣсто устройства плотинъ, которыя постоянно разрушаются, полезнѣе озаботиться посадкой лѣса, углубленіемъ русла ручья. Точно также для охраны общества болѣе цѣлесообразно прибѣгать къ уголовнымъ замѣстителямъ, чѣмъ къ карательному арсеналу [126]).

Соображенія, которыми Ферри подкрѣпляетъ свои выводы, почерпнутые изъ уголовной статистики, можно признавать справедливыми, но они не подтверждаютъ крайняго вывода о недѣйствительности уголовныхъ наказаній. Указанныя Ферри отличія между высшими и низшими классами по части преступности могутъ сглаживаться, но никогда не исчезнутъ совершенно. Если для низшихъ классовъ не существуетъ сдержекъ, воздерживающихъ отъ преступленія, которыя существуютъ для высшихъ,—то угроза наказанія тѣмъ болѣе является необходимою для первыхъ. Къ тому же дѣйствіе наказанія не исчерпывается угрозой; неизвѣстно, почему Ферри, который самъ предлагаетъ средства исключенія изъ общества, въ разбираемомъ отдѣлѣ говоритъ единственно о психологическомъ значеніи угрозы наказанія. Упрекая, далѣе, уголовныя наказанія за присущій имъ насильственный характеръ, Ферри упускаетъ при этомъ изъ виду, что принужденіе есть существенный признакъ права вообще. Можно съ одинаковымъ основаніемъ говорить о насильственномъ характерѣ граждан-

---

[126]) Стр. 415—420.

скаго права, о насильственномъ характерѣ сбора налоговъ, воинской повинности и т. д. Далѣе, Ферри не въ правѣ ставить въ вину наказанію, что оно—первобытная реакція силы противъ силы, когда въ первой главѣ разсматриваемой книги онъ самъ же настойчиво доказывалъ, что соціальная оборона должна приближаться къ практикѣ частной и общественной мести. Къ тому же, наконецъ, многіе изъ предлагаемыхъ Ферри уголовныхъ замѣстителей вовсе не лишены насильственнаго характера.

Мысль о предупредительныхъ средствахъ противъ преступленій встрѣчается, какъ извѣстно, уже у древнихъ. Достаточно указать на Платона, который желалъ, чтобъ общественныя учрежденія руководили человѣка на пути добродѣтели и содѣлывали бы безполезными карательные законы. Въ новое время значительное мѣсто отводится Беккаріа средствамъ предупрежденія преступленій. Таковыми являются, по мысли Беккаріа, упрощеніе и опредѣленность законовъ, распространеніе личной свободы въ связи съ усиленіемъ образованія и воспитанія и съ устраненіемъ полу-знанія (mediocre e confuso sapere) [127]). Точно также система предупредительной противъ преступности политики развивается у Бэнтама и Романьози. Бэнтамъ всю IV часть основныхъ началъ уголовнаго кодекса посвятилъ косвеннымъ средствамъ предупрежденія преступленія. Основная мысль Бэнтама выражается въ положеніи, что верховная власть дѣйствуетъ противъ преступленій прямымъ образомъ, запрещая таковыя каждое отдѣльно, или непрямымъ, принимая мѣры для ихъ предупрежденія. Вся система Бэнтама состоитъ изъ средствъ спеціальнаго характера, направленныхъ противъ создающихъ преступленіе отдѣльныхъ причинъ, и средствъ болѣе общаго характера, каковы напримѣръ: воспитаніе чувства благосклонности, воспитаніе чувства чести, пользованіе мотивами религіи. Первымъ средствамъ посвящено 12 главъ (сюда относятся: введеніе опьяняющихъ напитковъ, введеніе гимнастическихъ игръ, доставленіе законнаго удовлетворенія ради устраненія дуэлей и т.д.)[128]). Романьози исходилъ отъ положенія, что главнѣйшія причины преступленія сводятся къ четыремъ: 1) недостатку средствъ къ жизни; 2) недостатку воспитанія; 3) недостатку бдительности, и 4) недостатку юстиціи. Первая изъ этихъ причинъ относится къ экономическому, вторая—

---

127) Dei delitti e delle pene, изд. 1834 г., стр. 115—122.

128) Избранныя сочиненія переводъ Пыпина и Невѣдомскаго 1867 г. Т. I. Основныя начала Угол. Кодекса. Ч. IV, стр. 573—678.

къ нравственному, послѣднія—къ политическому порядку. По части экономическаго порядка Романьози ставитъ государству слѣдующія задачи: не мѣшать естественному ходу вещей, покровительствовать личной предпріимчивости, обезпечивать дѣйствительность сдѣлокъ. Публичная помощь со стороны государства допускается въ случаѣ безвинной нищеты. Подъ государственными мѣрами по воспитанію Романьози разумѣетъ не прямыя мѣры педагогическаго воспитанія, а сообщеніе людямъ нравственныхъ привычекъ, побужденіе ихъ къ труду и взаимопомощи, что достигается хорошимъ законодательствомъ и правильнымъ управленіемъ, подавленіемъ праздности и вспомоществованіемъ честной недостаточности. Подъ именемъ государственной бдительности Романьози разумѣетъ надзоръ за опасными классами. Недостатку юстиціи наконецъ противуполагается хорошее законодательство по гражданскому и уголовному праву [129]).

Сверхъ Беккаріа, Романьози и Бэнтама слѣдуетъ остановиться на Эллеро, писателѣ классической школы, учителѣ Ферри, въ работѣ котораго (Della prevenzione dei crimini) можно видѣть непосредственный источникъ теоріи уголовныхъ замѣстителей. Среди предупредительныхъ средствъ противъ преступленія Эллеро придаетъ главное значеніе воспитанію въ связи съ религіознымъ культомъ, неприкосновенности и устойчивости семейнаго строя, экономическому благоустройству, содѣйствующему наиболѣе правильному производству, обороту и распредѣленію цѣнностей, хорошему устройству полиціи, какъ системы надзора, мѣрамъ предосторожности и бдительности. Для предупрежденія преступности Эллеро считаетъ нужнымъ классификацію преступленій по душевнымъ движеніямъ, лежащимъ въ основѣ различныхъ преступленій (moventi del delinquere). Таковыхъ онъ принимаетъ четыре: ambizione (честолюбіе),libidine (чувственная страсть), cupidigia (корысть) и ferocia (жестокость). Преступленіямъ, проистекающимъ изъ этихъ различныхъ побужденій, Эллеро противупоставляетъ слѣдующія противудѣйствующія средства: такъ, противъ преступленій по чувственной страсти—умноженіе побужденій къ заключенію браковъ, устраненіе ограниченій брачнаго союза, устройство легальной проституціи; противъ преступленій противъ собственности—свободу эмиграціи, торговли, профессіи, государственную помощь при общественныхъ несчастіяхъ. Кромѣ того, авторъ рекомендуетъ и

---

129) Genesi del diritto penale, изд. 1834 г. T. II. Parte 5. Del predenire l cagioni del delitto Cap. I—IV, стр. 293—395.

частныя мѣры (освѣщеніе улицъ, запретъ прошенія милостыни, надзоръ за притонами подозрительныхъ лицъ). Противъ жестокости Эллеро совѣтуетъ бороться совокупностью средствъ, даваемыхъ цивилизаціей, (таковыми являются: надзоръ за неблагонадежными лицами, запретъ жестокихъ зрѣлищъ и прежде всего отмѣна смертной казни [130]).

Вотъ въ краткомъ очертаніи результаты научнаго мышленія, предшествовавшаго теоріиФерри объ уголовныхъ замѣстителяхъ. И теоріяФерри, подобно ученіямъ его предшественниковъ, представляетъ предупредительныя средства двоякаго характера: одни изъ нихъ имѣютъ характеръ болѣе общій и широкій, разсчитанный на явленіе преступленія вообще; другія представляются эмпирическими средствами противъ совершенія отдѣльныхъ преступленій. По поводу предупредительныхъ средствъ общаго характера (каковы, напримѣръ, мѣры противъ алькоголизма) можно замѣтить, что такіе уголовные замѣстители не обходятся безъ средствъ полицейскаго и карательнаго свойства, къ которымъ Ферри относится съ пренебреженіемъ. Такъ, борьба съ алкоголизмомъ непремѣнно предполагаетъ карательныя мѣры противъ нарушителей издаваемыхъ государствомъ постановленій, требуетъ далѣе мѣръ полицейскаго надзора за торговлей напитками. Тѣ же мѣры необходимы и при другихъ уголовныхъ замѣстителяхъ, каковы: удовлетворительное устройство промышленныхъ заведеній, законы о работѣ малолѣтнихъ, запретъ безнравственныхъ изданій. Значитъ, наказанія, замѣнять которыя призваны уголовные замѣстители, остаются необходимостью, которую устранить нельзя. Нельзя не замѣтить далѣе, что извѣстные уголовные замѣстители могутъ даже содѣйствовать появленію извѣстныхъ преступленій; такъ, разрѣшеніе узаконенія незаконныхъ дѣтей ведетъ къ половой распущенности, къ конкубинату, а эти явленія съ своей стороны могутъ вести къ усиленію половыхъ преступленій.

Еще болѣе спорны чисто эмпирическія средства, предлагаемыя Ферри. Не говоря уже о цѣпяхъ безопасности, которыя попали въ этотъ отдѣлъ, очевидно, по недоразумѣнію, остановлюсь на практикѣ медицины женщинами, долженствующей служить предупрежденію преступленій противъ нравственности и семейныхъ правъ. Эта мысль покоится на значительномъ процентѣ профессіонистовъ — въ преступленіяхъ противъ нравственности. Но шаткость этого основанія видна изъ того, что Ломброзо, напримѣръ, видитъ въ усиленіи женскаго образованія одну изъ причинъ увеличенія женской

---

130) Opuscoli criminali стр. 41—83.

преступности. Далѣе, непонятно, какимъ образомъ распространеніе теоріи Мальтуса можетъ служить мѣрой предупрежденія противъ преступленій дѣтоубійства и истребленія плода. Очевидное дѣло, что проповѣдь половой воздержности совершенно безсильна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о послѣдствіяхъ дѣянія, свидѣтельствующаго, что эта проповѣдь не помѣшала половому увлеченію. Запрещеніе религіозныхъ процессій— грубо эмпирическое средство, которое, подъ предлогомъ уваженія вѣрованія всѣхъ, составляетъ крайнее стѣсненіе истинно вѣрующихъ, принадлежащихъ къ извѣстному культу. Запрещеніе брака извѣстнымъ лицамъ для предупрежденія наслѣдственности болѣзней — средство крайне насильственное и которое не рѣшаются рекомендовать психіатры, наиболѣе придающіе значеніе болѣзненной наслѣдственности. Точно также грубо эмпирическимъ характеромъ отличается предложеніе объ уменьшеніи пышности церквей. Любопытно, что Ферри одновременно стремится къ усиленію религіознаго чувства, направленнаго на общее благо, — не замѣчая, что невозможно отнимать у вѣрующихъ законнаго побужденія къ украшенію храмовъ, что пышность церквей удовлетворяетъ одновременно и религіозному, и эстетическому чувству народа. Весьма спорнымъ представляется, наконецъ, предложеніе объ устройствѣ организованной проституціи: предложенія Ферри и въ особенности Ломброзо грѣшатъ и въ этомъ отношеніи крайней односторонностью. Эти предложенія вовсе не принимаютъ въ разсчетъ спорности вопроса, что лучше, запретъ и преслѣдованіе со стороны государства проституціи, или терпимость къ ней; они, во всякомъ случаѣ, идутъ далѣе принципа терпимости, предлагая чуть ли не покровительство проституціи. Явленіе это тѣмъ болѣе поразительно, что оба автора видятъ въ проституціи эквивалентъ преступности, т. е. явленія, противъ котораго должны быть направлены уголовные замѣстители.

Не трудно видѣть, что отдѣлъ объ уголовныхъ замѣстителяхъ у Ферри не представляетъ, такимъ образомъ, никакихъ преимуществъ съ ученіемъ его предшественниковъ о предупрежденіи преступленій. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ этихъ уголовныхъ замѣстителей, составляя грубо эмпирическія средства противъ извѣстныхъ преступленій, вмѣстѣ съ тѣмъ сами создаютъ условія для другихъ преступленій, какъ путемъ отмѣны запретовъ (развитія проституціи, узаконенія незаконныхъ дѣтей), такъ и созданіемъ новыхъ запретовъ (брака для извѣстныхъ лицъ). Что касается до общихъ мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію преступленій, то нѣкоторыя изъ предложеній Ферри составляютъ или повтореніе высказаннаго ранѣе

Беккаріа, Романьози и Эллеро, или теоретическое оправданіе практическихъ мѣръ, осуществляемыхъ современными государствами, нѣкоторыя же составляютъ нововведенія, которыя не могутъ считаться удачными. Въ виду этого, упреки прежнимъ мыслителямъ, которымъ приписываются платоническія и отрывочныя соображенія въ силу невѣдѣнія дѣйствія разныхъ факторовъ преступности и малой дѣйствительности наказанія—глубоко несправедливы. Если судить по ученію объ уголовныхъ замѣстителяхъ, то позитивный методъ, защищаемый для уголовнаго права Ферри, не оправдывается полученными отъ него плодами. Искуственно выведенное и чрезмѣрно раздутое положеніе о недѣйствительности уголовныхъ наказаній повело Ферри поставить на первомъ мѣстѣ уголовные замѣстители. Но если бы авторъ съ тою же строгостью отнесся къ предлагаемымъ имъ мѣрамъ, съ какой онъ относится къ карательнымъ средствамъ, если бы онъ принялъ во вниманіе, что различныя мѣры предупрежденія преступленій, предлагаемыя имъ, могутъ затрогивать массу частныхъ интересовъ, возбуждать сильное сопротивленіе и въ силу этого оказываться нежизненноспособными, то онъ бы остерегся отъ черезчуръ радужныхъ надеждъ, возлагаемыхъ имъ на свою теорію. Такимъ образомъ, нужно признать, что наиболѣе удовлетворительными мѣрами борьбы противъ преступленія являются мѣры общаго свойства, рекомендованныя предшественниками Ферри относительно поднятія уровня народнаго воспитанія и образованія, религіознаго чувства, общаго благосостоянія, устроенія хорошей юстиціи и полиціи [131]).

---

131) Къ одинаково строгому осужденію теоріи Ферри объ уголовныхъ замѣстителяхъ приходятъ Lucchini Semplicisti Cap. VII. Prevenzione и Garofalo Criminologia Parte II. Cap. III.: Influenze sociali, несмотря на то, что они принадлежатъ къ противуположнымъ направленіямъ. Гарофало въ указанномъ сочиненіи рекомендуетъ немногія общія мѣры предупрежденія преступленія (см. слѣдующую главу моей работы).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гарофало и его работы: о позитивномъ критеріѣ наказуемости (Di un criterio positivo della penalità 1880 г.). *Criminologia, Studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repressione.* Biblioteca antropologico-giuridica Seria I. Vol. II. 1885. Le délit naturel (Revue philosophique 1887 г. № 1. Изслѣдованіе естественнаго преступленія, классификаціи преступниковъ, критерія наказуемости, очеркъ общей части уголовнаго права.

На ряду съ Ломброзо и Ферри, первенствующее мѣсто въ новой школѣ принадлежитъ барону Rafaello Garofalo, соединяющему въ себѣ талантливаго научнаго изслѣдователя и вмѣстѣ съ тѣмъ практическаго дѣятеля, члена прокурорскаго надзора. Гарофало выдается въ новой школѣ несомнѣнно большой даровитостью и весьма сильнымъ практическимъ чувствомъ дѣйствительности, вслѣдствіе чего его работы освѣжительно дѣйствуютъ на читателя, послѣ чтенія другихъ писателей новой школы, отсутствіемъ фразеологіи и натянутыхъ естественно-историческихъ аналогій.

Ученіе Гарофало представляется въ видѣ развивающагося процесса научной мысли, которая, получивъ первое выраженіе въ небольшой работѣ «Di un criterio positivo della penalità 1880 г.», окончательно формулирована въ обширномъ сочиненіи Criminologia 1885 г. Разсматривать эти двѣ работы одновременно не представляется возможности, такъ какъ въ послѣдней книгѣ Гарофало видоизмѣнилъ и передѣлалъ нѣкоторыя изъ своихъ основныхъ положеній. Поэтому я представлю сначала анализъ «Di un criterio positivo della penalità» и остановлюсь на первоначальной разработкѣ критерія преступности и наказуемости, сильно повліявшаго на другихъ членовъ новой школы и поэтому усвоеннаго Ферри, Ломброзо, Пулья. Остальные же вопросы, затронутые въ указанной работѣ, будутъ съ большимъ удобствомъ разсмотрѣны при разборѣ «Criminologia».

I.

И Гарофало, подобно Ферри, начинаетъ съ полемики противъ существующей классической или юридической школы уголовнаго права въ Италіи, возставая противъ понятія нравственной отвѣтственности, вреда, умысла и неосторожности. Понятію о свободѣ воли Гарофало, подобно Ферри, ставитъ въ упрекъ его эластичность, спорность, неопредѣленность [1]). Отъ критики теоріи классической школы Гарофало переходитъ къ критикѣ практической дѣятельности правосудія и упрекаетъ дѣйствующее законодательство за недостиженіе имъ поставляемыхъ себѣ цѣлей. Указавъ на усиленіе преступности вообще и въ частности рецидивы, Гарофало видитъ причины этого явленія въ краткосрочномъ наказаніи лишенія свободы, въ отсутствіи устрашительности вслѣдствіе крайняго смягченія и безъ того безсильныхъ наказаній судьями, въ недостаткѣ дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ рецидивой. Коснувшись предупредительныхъ средствъ противъ преступленія и относясь съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ воспитанію въ смыслѣ обученія, Гарофало высказываетъ, напротивъ, глубокое убѣжденіе въ огромномъ значеніи религіознаго воспитанія и называетъ евангельское ученіе величайшей гарантіей общей нравственности. По части репрессивныхъ средствъ Гарофало одинаково не соглашается съ теоріями, отрицающими право наказанія (Оуэнъ, Эмиль де-Жирарденъ, Герценъ), съ теоріей Деспина о traitement curatif et palliatif, ни съ современной классической школой, опредѣляющей важность преступленія причиненнымъ имъ вредомъ (теорія Карминьяни и Каррара) или важностью нарушенія обязанности (теорія Росси) [2]).

Авторъ считаетъ возможнымъ остановиться на теоріи Романьози,— объ установленіи противупобужденія (contra - spinta) преступленію угрозой наказанія, аналогической предполагаемому свойству преступнаго побужденія и пропорціональной энергіи таковаго. Замѣтивъ, что не всегда сильнѣйшія побужденія совпадаютъ съ особенной важностью обусловленныхъ ими преступленій, Гарофало заявляетъ, что принципъ contra - spinta долженъ быть

---

1) Di un criterio positivo di penalità гл. I. 1—13.

2) Указ. соч. гл. II стр. 14—43, гл. III. стр. 44—46.

подчиненъ другому началу, которое было уже предвидѣно Беккаріа [3]).

Для установленія собственнаго критерія преступности и наказуемости Гарофало начинаетъ съ общихъ признаковъ преступнаго дѣянія, каковыми являются: а) противурѣчіе такого дѣянія съ нравственнымъ чувствомъ культурнаго народа, видящаго въ нарушеніи спокойствія и безопасности общества или отдѣльныхъ гражданъ несовмѣстное съ гражданственностью явленіе, b) склонность къ размноженію или повторенію. Общественная опасность повторенія дѣянія опредѣляется нападеніемъ на свободу и безопасность и вѣроятностью воспроизведенія преступныхъ дѣйствій. Первый факторъ опасности измѣряется степенью внушаемаго извѣстнымъ преступнымъ дѣяніемъ страха. Это чувство — источникъ различной объективной важности преступленія и первой классификаціи, примѣняемой къ цѣлымъ категоріямъ преступныхъ дѣяній (разбой, убійство—особо важныя дѣянія въ сравненіи съ кражей, повторенія ихъ опасаются болѣе, чѣмъ повторенія послѣдней). Чувство страха зависитъ, какъ отъ степени зла, такъ и трудности обороны отъ него. Вторая классификація основана на вѣроятности повторенія преступленія лицомъ, уже совершившимъ преступленіе однажды. Психологическое изслѣдованіе преступника, качества, устойчивости его преступнаго побужденія, должно порѣшить вопросъ объ его испорченности и степени вѣроятности новыхъ преступленій. Такимъ образомъ строится классификація субъективной важности преступленій, — или категорій преступниковъ. При сочетаніи двухъ высшихъ категорій по обѣимъ классификаціямъ получаются самыя тяжкія преступленія. По объективной классификаціи на верху лѣстницы преступныхъ дѣяній стоитъ убійство, по субъективной классификаціи таковымъ является воровство по ремеслу. Сочетаніе типовъ той и другой классификаціи даетъ убійство изъ корысти,—виновники коего внушаютъ наиболѣе страха, и заслуживающее поэтому наиболѣе энергичной кары. Карманная кража, напротивъ, объективно не важный проступокъ, однако опасность повторенія и самый видъ преступнаго дѣянія ростутъ въ виду праздности виновнаго. Изъ двухъ

---

3) Указ. соч. стр. 46—48. Гарофало цитуетъ слова Беккаріа изъ гл. XXIII. Dei delitti e delle pene, Proporzione fra i delitti e le pene, которыя гласятъ слѣдующимъ образомъ: препятствія, отвращающія преступленія, должны быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе преступленіе противно общественному благу и чѣмъ сильнѣе побужденія, влекущія къ нему.

классификацій можно вывести, такимъ образомъ, третью, дающую признакъ temibilità (внушаемаго страха, устрашительности). Опредѣленіе наказанія по этому началу соотвѣтствуетъ задачѣ спеціальнаго предупрежденія, удовлетворяя и началу общаго предупрежденія (устраненію вреднаго примѣра). Преступникъ долженъ подлежать изслѣдованію присущей ему преступности, подведенію подъ извѣстный классъ, съ установленіемъ средства карательнаго предупрежденія, оказывающагося, согласно опыту, годнымъ. Качество и степень наказанія зависятъ отъ разрѣшенія вопросовъ: требуетъ ли общественная безопасность относительно той или другой категоріи преступниковъ средствъ, содѣлывающихъ рецидиву абсолютно невозможной, или же только средствъ, относительно предупреждающихъ рецидиву. Въ первомъ случаѣ должно порѣшить, что цѣлесообразнѣе—истребленіе (estirpazione), или отбросъ, исключеніе изъ общества преступника. Гарофало такъ резюмируетъ предшествующее изложеніе: 1) Критерій наказуемости дается внушаемымъ преступникомъ страхомъ (temibilità); это свойство измѣряется важностью преступленія, сообразно степенью страха, внушаемаго преступленіемъ всѣмъ гражданамъ (объективный элементъ) и интенсивностью, настойчивостью или вѣроятной возобновляемостью мотивовъ преступника (элементъ субъективный). 2) Такимъ образомъ принципъ temibilità коренится въ классификаціи преступленія по будущей опасности, составляющей продуктъ двухъ классификацій—объективной и субъективной. 3) Преступленіе, занимающее высшее мѣсто на двухъ лѣстницахъ (объективной и субъективной), какъ напр. убійство при разбоѣ, влечетъ высшую будущую опасность. Въ виду полнаго отсутствія нравственной нечувствительности, въ виду природной жестокости или органической неспособности противиться грубымъ импульсамъ, общество должно обращаться къ средствамъ, содѣлывающимъ рецидиву невозможной и обладающимъ одновременно наибольшей устрашительностью. Иначе разрѣшается вопросъ о карательномъ средствѣ, когда преступленіе занимаетъ высшее мѣсто на лѣстницѣ одной классификаціи и низшее на лѣстницѣ другой (преступленіе важно, но не предвидится рецидивы, или преступленіе не важно, а есть большая вѣроятность рецидивы). Указавъ на убійство, вызванное тяжкимъ оскорбленіемъ, и на карманную кражу, совершенную карманникомъ по ремеслу, Гарофало заявляетъ, что въ первомъ случаѣ мало вѣроятно повтореніе, поэтому наказаніе должно стремиться не къ спеціальному предупрежденію, а къ общему (воздѣйствію на гражданъ въ смыслѣ

противупобужденія). Не смотря на объективную неважность карманной кражи, карманникъ является обычнымъ преступникомъ, нечувствительнымъ въ угрозѣ закона; наказаніе вслѣдствіе этого должно помѣшать ему повторить свою преступную дѣятельность, хотя и нѣтъ надобности въ безусловномъ предупрежденіи рецидивы. Когда же преступное дѣяніе является на низшихъ ступеняхъ обѣихъ лѣстницъ, т. е. мало опаснымъ въ виду малой объективной важности и малой вѣроятности повторенія, то дозволительны опыты исправленія (посредствомъ обязательныхъ работъ и воспитанія).

Такимъ образомъ являются четыре категоріи преступленій:

1) Важнѣйшія преступленія, обнаруживающія тягчайшихъ преступниковъ, для которыхъ требуются наиболѣе энергичныя средства устрашенія и одновременно требуется сдѣлать рецидиву безусловно невозможною. 2) Проступки легкіе, но совершенные обычными преступниками, относительно которыхъ рецидива должна быть сдѣлана менѣе вѣроятною (спеціальное предупрежденіе). 3) Преступленія тяжкія, но совершенныя необычными преступниками, относительно которыхъ нужно устранить возможность примѣра и подражанія (генеральное предупрежденіе). 4) Преступленія не тяжкія, совершенныя лицами, не принадлежащими къ обычнымъ преступникамъ, для которыхъ наказаніе должно быть опытомъ исправленія (спеціальное предупрежденіе) [4]).

Разсматривая далѣе ученіе объ обстоятельствахъ, исключающихъ вину и наказуемость, Гарофало замѣчаетъ, что такъ называемая внутренняя непреодолимая сила (forza irresistibile interna) не должна вести къ безнаказанности. Злоумышленникъ тѣмъ болѣе опасенъ, чѣмъ болѣе онъ находится подъ давленіемъ преступныхъ импульсовъ, съ коими нужно бороться путемъ наиболѣе сильнаго противупобужденія (contra - spinta), вмѣсто того, чтобы уменьшать или отмѣнять совсѣмъ наказаніе. Но затѣмъ бываютъ патологическія состоянія человѣческой души, при которыхъ никакое наказаніе невозможно сдѣлать опредѣляющимъ мотивомъ, такъ какъ преступникъ лишенъ разумѣнія наказуемости. Въ этихъ случаяхъ (сумасшествіе, безуміе) нужно положить предѣлъ повторенію новыхъ преступленій путемъ средствъ, которыя хотя и не могутъ быть названы уголовными, должны быть нормированы однако уголовнымъ закономъ. Таковы больницы для душевно больныхъ преступниковъ

---

[4]) Стр. 49—55-ая.

(manicomi criminali). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мотивомъ преступленія было иерархическое повиновеніе или страхъ передъ лицомъ высокопоставленнымъ или родственнымъ, обманъ или угроза, наказаніе преступника должно служить примѣромъ, что указанныя обстоятельства не дѣлаютъ проступка безнаказаннымъ. Можно далѣе разсчитывать подавить въ несовершеннолѣтнихъ преступникахъ дурные зародыши путемъ воспитанія: наказаніе относительно такихъ лицъ должно быть, поэтому, направлено не къ устрашенію, а къ исправленію. Кромѣ указанныхъ, не существуетъ никакихъ другихъ смягчающихъ обстоятельствъ: таковыми въ особенности нельзя признать данныхъ, выводимыхъ изъ силы импульсовъ, характера, темперамента, болѣзненнаго состоянія обвиняемаго, вообще изъ наличности какихъ либо неподвижныхъ причинъ или причинъ, легко воспроизводящихся. Таковы именно причины, производящія испорченность преступника и долженствующія вести къ усиленію наказанія[5]).

Въ послѣдней главѣ своего сочиненія авторъ примѣняетъ свою четырехчленную классификацію къ отдѣльнымъ преступленіямъ: 1) Тунеядство, бродяжество не въ видѣ привычки, кража даже съ увеличивающими обстоятельствами въ первый разъ или при первой рецидивѣ, открытое похищеніе безъ насилія допускаютъ опытъ исправленія посредствомъ одиночнаго заключенія и работъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ. 2) Преступленія, совершаемыя обычными преступниками, рецидивистами, должны влечь за собою заключеніе безъ опредѣленія срока въ рабочихъ домахъ по Ирландской прогрессивной системѣ съ возможностью освобожденія заключенныхъ, доказавшихъ свое исправленіе или обнаружившихъ желаніе исправиться. 3) Преступленія, свидѣтельствующія о полномъ отсутствіи нравственнаго чувства, вызываютъ абсолютное предупрежденіе рецидивы путемъ искусственнаго подбора—смертной казни (убійство по животной злостности brutale malvagità, отцеубійство, убійство, сопровождавшееся истязаніемъ). 4) Преступленія, совершенныя преступниками, внушающими страхъ не столько вѣроятностью рецидивы,—сколько важностью совершеннаго преступленія: убійство по справедливому негодованію и гнѣву, изъ мести, изъ за оскорбленія чести, сопровождаются наказаніемъ, направленнымъ скорѣе на общее устрашеніе, чѣмъ на спеціальное предупрежденіе[6]).

---

[5]) Стр. 56—59.

[6]) Гл. V, стр. 65—92.

Теорія Гарофало о позитивномъ критеріѣ наказуемости въ своихъ исходныхъ точкахъ весьма близко подходитъ къ ученіямъ нѣкоторыхъ представителей классической школы. Самъ авторъ сближаетъ свою теорію съ ученіемъ Романьози о spinta и contra-spinta criminosa, съ нѣкоторыми воззрѣніями Беккаріа. Но, кромѣ указанныхъ авторовъ, первообразъ теоріи Гарофало можно найти у Фейербаха. Въ самомъ дѣлѣ, мѣру величины наказанія Фейербахъ находитъ въ величинѣ опасности дѣянія объективной и субъективной: первая опредѣляется важностью нарушеннаго права, вторая силой чувственнаго побужденія (sinnliche Triebfeder), измѣряемаго въ свою очередь интенсивностью, т. е. необузданностью его, устойчивостью, т. е. степенью неисправимости преступника и, наконецъ, широтою его, т. е. количествомъ преднамѣренныхъ преступленій. Интенсивность и твердость чувственнаго побужденія связывается съ преступной привычкой и глубокимъ одичаніемъ характера [7]). Тотъ же объективный элементъ—важность соціальнаго блага и субъективной опасности преступника—различается въ преступномъ дѣяніи у Іеринга [8]).

Уже изъ изложеннаго видно, что теорія Гарофало, связывающаяся тѣсно съ предшествующимъ ходомъ научной мысли, въ основаніи своемъ представляетъ дальнѣйшее развитіе безспорнаго и общепризнаннаго положенія—о необходимости принятія въ разсчетъ объективнаго и субъективнаго элемента въ уголовномъ преступленіи. Конечно, этимъ обстоятельствомъ не разрѣшается вопросъ о достоинствѣ попытки Гарофало, представляющей во всякомъ случаѣ оригинальную обработку основныхъ элементовъ преступности и наказуемости. Можно замѣтить прежде всего, что едва ли представлялось нужнымъ прибѣгать къ понятію страха (temibilità) и на этомъ основаніи строить теорію наказуемости. Понятіе страха примѣняется Гарофало одинаково какъ къ объективному явленію преступленія, такъ и къ личности преступника. Но это понятіе искусственно и односторонне [9]). Самъ Гарофало видитъ

---

7) Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts, 14 изданіе Миттермайера 1847 г. 2 Titel, Zweite Abtheilung, § 103—124.

8) Цѣль въ правѣ русс. переводъ гл. VIII. Преступленіе, стр. 357—360.

9) Poletti Il Sentimento nelle scienza del diritto penale. Cap. IX. Temibilità e responsabilità del delinquente — возражаетъ противъ теоріи Гарофало, что temibilità—не идея, а чувствованіе, право же, проистекая изъ факта, коренится въ идеяхъ, а не въ сопровождающихъ ихъ чувствахъ (стр. 96 и 97).

существенную сторону преступнаго дѣянія въ нападеніи на свободу и безопасность. Такое нападеніе есть ничто иное, какъ нарушеніе права, производящее вредъ для частнаго лица и общежитія. Конечно, частный и общественный вредъ, вредъ матеріальный и идеальный естественно сочетаются съ чувствомъ страха какъ у потерпѣвшаго лица, такъ и у другихъ лицъ, но этотъ признакъ представляется не кореннымъ, а второстепеннымъ для характеристики преступнаго дѣянія. Не страхъ, причиняемый преступнымъ дѣяніемъ, создаетъ его объективную важность, а объективная важность преступленія, измѣряемая тяжестью нарушенія отдѣльнаго права и общественнаго порядка, производитъ страхъ передъ извѣстнымъ преступленіемъ. Къ тому же субъективное чувство страха мѣняется отъ лица къ лицу, отъ общественнаго положенія къ общественному положенію; простолюдинъ иначе относится къ преступленію противъ личности и противъ имущества, чѣмъ человѣкъ высшаго сословія. Замѣчено, что во многихъ странахъ присяжные строже относятся къ преступленіямъ противъ собственности, чѣмъ къ преступленіямъ противъ личности — иными словами, они больше боятся первыхъ, чѣмъ послѣднихъ, тогда какъ первыя уступаютъ вторымъ по объективной тяжести. Меньшее, но болѣе частое и вѣроятное зло представляется страшнѣе, чѣмъ зло, хотя и болѣе тяжкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе отдаленное и исключительное. Вотъ почему мы обыкновенно болѣе боимся воровъ, чѣмъ убійцъ, и постоянно принимаемъ мѣры противъ первыхъ.

Что касается до субъективнаго элемента въ понятіи temibilità,— то онъ сводится у Гарофало къ испорченности преступника, къ вѣроятности воспроизведенія въ немъ преступныхъ побужденій и опасности будущихъ преступленій. Конечно, глубоко испорченный преступникъ представляетъ значительную опасность въ будущемъ. Но соображенія относительно будущаго не играютъ первенствующей роли при обсужденіи тягчайшихъ преступленій. Вредъ, причиняемый такимъ дѣяніемъ юридическому порядку и общественному миру, до такой степени значителенъ,—что и при наличности условій, ручающихся за невозможность повторенія, государство справедливо прибѣгаетъ къ высшей реакціи противъ него. А между тѣмъ будущей опасности въ указанномъ случаѣ отъ преступника можетъ и не быть [10]). Связывая

---

[10]) Poletti (указ. соч. стр. 96) замѣчаетъ, что по теоріи Гарофало судъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ оправдать преступника или подвергнуть его легкому наказанію. Въ Criminologia Гарофало отводитъ надлежащее мѣсто принципу: quia peccatum est.

убійство съ цѣлью ограбленія съ преступной привычкой, свойственной профессіальному вору, Гарофало дѣлаетъ искусственное построеніе. Такимъ убійцею изъ корысти можетъ быть запутавшійся въ дѣлахъ человѣкъ, не отмѣченный дотолѣ штемпелемъ преступности, хотя и несомнѣнно крайне низко павшій. Къ тому же, придавая коренное значеніе вѣроятному размноженію преступленій въ будущемъ, нѣтъ основанія ограничиваться опасеніемъ однородныхъ преступленій. Если отъ корыстнаго убійцы можно ожидать повторенія въ будущемъ подобныхъ преступленій, вслѣдствіе сближенія его съ профессіональнымъ воромъ по признаку преступной привычки, какъ это дѣлаетъ Гарофало,—то отчего не ожидать и отъ послѣдняго совершенія въ будущемъ корыстнаго убійства? Но тогда невозможна и классификація, которая различаетъ тягчайшихъ убійцъ,--и обычныхъ воровъ,—требуя для первыхъ абсолютнаго, а для вторыхъ относительнаго устраненія рецидивы.

Обращаясь къ оцѣнкѣ данной Гарофало классификаціи преступленій и преступниковъ, нельзя не отмѣтить присущаго ей достоинства. Не ограничиваясь типомъ обычныхъ и необычныхъ преступниковъ, она вноситъ существенныя различія въ эти типы по свойству большей или меньшей объективной важности совершеннаго. Но, несмотря на вѣрность этой мысли, на стройность четырехчленной классификаціи, она представляетъ нѣкоторыя натяжки и существенные пробѣлы. Начать съ того, что четвертый классъ преступленій и преступниковъ совершенно выходитъ за предѣлы теоріи temibilitá (внушаемаго преступникомъ страха). Въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ объ устрашительности преступниковъ, субъективно и объективно незначительныхъ? Къ тому же, невозможно ко многимъ изъ такихъ преступниковъ пріурочивать цѣли исправленія путемъ наказанія. Далѣе. и третій классъ (преступленія тяжкія, совершенныя необычными преступниками) возбуждаетъ возраженія. Въ главѣ 5-й Гарофало подводитъ сюда исключительно преступленія противъ жизни, совершенныя въ силу мести, справедливаго гнѣва, т. е. по мотивамъ, уменьшающимъ нравственную вину. Но возможны и тягчайшія имущественныя преступленія, наприм. грандіозная кража или растрата, злостная несостоятельность на громадную сумму,—преступленія, которыя при удачномъ исполненіи, содѣлываютъ преступника богачемъ на всю жизнь и избавляютъ его отъ дальнѣйшей преступной дѣятельности. Вотъ эти преступленія и преступники не находятъ себѣ мѣста въ классификаціи Гарофало. Въ самомъ дѣлѣ, трудно поставить указанныхъ мною лицъ на ряду съ тѣми преступниками, которые отнесены авторомъ въ третій классъ,

и которые, при тягости дѣянія, чужды отверженныхъ мотивовъ. Если же помѣстить ихъ въ третій классъ, то окажется, какъ вѣрно замѣчаетъ Каррара, что обогатившійся вслѣдствіе крупной кражи воръ долженъ считаться не внушающимъ страха (temibile) въ будущемъ и подлежащимъ меньшей отвѣтственности, тогда какъ мелкій воръ профессіонистъ, остающійся въ состояніи нищеты, долженъ считаться temibile и подвергаться высшей отвѣтственности [11]).

Изъ даннаго изложенія теоріи Гарофало слѣдуетъ, что, при несомнѣнной талантливости ея, она не даетъ такого критерія наказуемости, который бы долженъ считаться рѣшительно предпочтительнымъ сравнительно съ современными построеніями классической школы. Справедливо было замѣчено Бруза, что къ нѣкоторымъ выводамъ, сходнымъ съ выводами Гарофало, можно придти, не прибѣгая къ его теоріи, если придавать надлежащее значеніе истинному существу карательнаго права, коренящемуся въ справедливой оборонѣ [12]). Полнаго сочувствія заслуживаетъ мысль о сочетаніи разныхъ цѣлей наказанія съ спеціальными преступленіями и преступниками. Но не должно забывать, что наряду съ сочетаніемъ отдѣльныхъ цѣлей наказанія съ цѣлыми группами преступленій и преступниковъ, требуется индивидуализирующая дѣятельность судьи по части каждаго отдѣльнаго случая, комбинированная съ разумнымъ просторомъ завѣдывающихъ мѣстами отбытія наказанія лицъ при избраніи того или другаго карательнаго режима.

II.

Черезъ четыре года послѣ появленія въ печати работы: «Di un criterio positivo di penalità», Гарофало выпустилъ въ свѣтъ обширный трудъ «Criminologia», посвященный болѣе полному изслѣдованію преступленія, его причинъ и репрессивныхъ средствъ [13]).

1-я глава 1-й части этого сочиненія озаглавлена «Delitto naturale». Гарофало начинаетъ съ того, что, подвергая преступнаго человѣка антропологo-психологическому изслѣдованію, ученые не считали нужнымъ изслѣдованія преступныхъ дѣяній и различенія ихъ отъ другихъ дѣяній. Отсюда возникла нѣкоторая неопредѣленность, препят-

---

11) Reminiscenze di cattedra e foro 1883 г. IV Guerra agli errori, стр. 87-я.

12) Zeitschrift Листа I. Die wissenschaftlichen Leistungen Italiens auf dem Gebiete des Strafrechts, стр. 147-я.

13) Criminologia, Studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repressione. Biblioteca antropologico-giuridica Seria I. Vol. II. 1885.

ствующая приложенію научныхъ выводовъ къ законодательству. Исходной точкой для изслѣдованія преступности должно быть установленіе понятія естественнаго преступленія. Естественное преступленіе есть дѣяніе, нарушающее соціальныя нормы высшей важности и безнравственность котораго доступна всеобщему сознанію. Важность и всеобщность—признаки нормъ, нарушенія которыхъ составляютъ преступленіе [14]). Отъ естественнаго преступленія Гарофало переходитъ къ соціальнымъ нормамъ. Есть нормы условныя и измѣнчивыя по различію мѣста, времени, общественныхъ круговъ (нормы этикета и приличія); надъ ними господствуютъ нормы болѣе общія, проникающія общество сверху до низу, нормы нравственности (di morale), болѣе устойчивыя. Рѣзкія перемѣны въ нихъ наблюдаются при сравненіи различныхъ расъ и большихъ историческихъ періодовъ [15]).

Отъ нравственныхъ нормъ Гарофало переходитъ къ понятію безусловной нравственности (morale absoluta), по ученію эволюціи. Это идеалъ поведенія, предполагающій полнѣйшее преобладаніе альтруистическихъ и подавленіе эгоистическихъ чувствованій. Въ отличіе отъ безусловной, возможна во всякомъ періодѣ эволюціи, относительная нравственность, т. е. приспособленность индивидуума къ обществу. По различію нравственныхъ идей у различныхъ расъ, складываются различныя нормы соціальнаго поведенія, анализъ которыхъ ведетъ къ открытію существующихъ у народа соціальныхъ чувствованій. Нынѣ несомнѣнно во всякой расѣ существуетъ врожденное нравственное чувство, необъяснимое индивидуальными разсужденіями о предпочтительности и полезности альтруизма сравнительно съ эгоизмомъ. Правда, необходимость ограниченія эгоизма, ради общественнаго сожитія, указываетъ на первоначально-утилитарное происхожденіе нравственныхъ идей. Тѣмъ не менѣе, альтруизмъ часто связывается съ невыгодами для отдѣльнаго индивидуума, и если таковой все таки руководствуется чувствомъ альтруизма, то это явленіе можетъ быть объяснено лишь преобладаніемъ внутренней

---

14) Указ. соч. Part. I, Cap. I, стр. 2—5. Такое опредѣленіе, по мнѣнію автора, коренится въ общемъ сознаніи, самый терминъ естественнаго преступленія не есть техническій и не можетъ быть извлеченъ изъ положительныхъ законовъ. La parola delitto non appartiene al giurista (стр. 5). Ср. также: Le délit naturel, Revue philosophique № 1 1887 г. Le legislateur n'a pas creé cet mot (crime), il l'a emprunté au langage populaire (стр. 1).

15) Указ. соч. стр. 5—10.

нормы обязанности, ясно различаемой безъ всякаго усилія рефлексіи.

По вопросу, составляетъ ли нравственное чувство принадлежность извѣстной расы или же свойственно оно всѣмъ временамъ и народамъ, Гарофало отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: приверженецъ натурализма не можетъ принимать единой и одинаковой повсюду нормы нравственности; но онъ не долженъ объявлять безъ оговорокъ, что нравственность измѣнчива, сообразно различію мѣста и времени. Такое положеніе—источникъ многихъ заблужденій. Нужно отличать различные нравственные принципы, связывающіеся съ различными чувствованіями, и изслѣдовать, въ какихъ предѣлахъ, отмежеванныхъ временемъ, расою, мѣстомъ, степенью гражданственности, они встрѣчаются. Такимъ путемъ будетъ сдѣлано различеніе между чувствованіями, которыя, будучи разъ пріобрѣтены, не утрачиваются и свойственны разнымъ ступенямъ гражданственности,—отъ чувствованій, свойственныхъ извѣстному времени расы или народу. Слова Цицерона: recta ratio, naturae congruens, diffusa in omnes, constans—истина, подъ условіемъ видѣть въ recta ratio не коренной аттрибутъ человѣческой совѣсти, а продуктъ эволюціи, не распространять нравственности на доисторическія времена и современныхъ дикарей, не видѣть въ ней однороднаго цѣлаго, а отдѣльныя нормы, происшедшія отъ различныхъ чувствованій органическихъ и инстинктивныхъ [16]). Переходя къ различнымъ нормамъ нравственнаго чувства, Гарофало останавливается сначала на чувствѣ стыдливости и религіозномъ чувствѣ, которыя объявляются имъ подверженными многообразнымъ колебаніямъ. Поэтому основанныя на нихъ нормы не составляютъ морали, тождественной во всѣ времена. Однообразіе и неизмѣнность Гарофало находитъ въ нормахъ основныхъ альтруистическихъ чувствованій—благоволенія и справедливости (benevolenza e giustizia), обнимающихъ нынѣ все человѣчество и нарушеніе которыхъ всегда заключается въ естественномъ преступленіи [17]).

Терминъ «благоволенія или человѣколюбія» указываетъ преимущественно на чувство отвращенія къ страданію ближняго, ведущее къ установленію понятія преступнаго насилія. Поэтому, въ высшей степени антисоціальныя—дѣйствія, направленныя на причиненіе физическаго страданія (убійство, тѣлесныя поврежденія, поджогъ, поврежденія желѣзной дороги, преступленія противъ личной свободы ради

16) Указ. соч. стр. 10—15.

17) Указанное соч. 15—18.

удовлетворенія страдострастія или другихъ цѣлей). Сюда же принадлежитъ и посягательство на жизнь главы государства или его министровъ: «Истинно преступныя, согласно современному нравственному чувству, дѣянія не зависятъ отъ того, что жертвою преступленія становится представитель верховной власти или одинъ изъ его министровъ. Природа убійства не измѣняется отъ званія жертвы и въ указанныхъ случаяхъ политическое преступленіе не перестаетъ быть общимъ преступленіемъ»[18]).

Чувство справедливости состоитъ въ томъ, что гражданинъ уважаетъ ограниченія собственной свободы въ интересахъ неприкосновенности правъ другихъ лицъ. Ради установленія преступнаго дѣянія, составляющаго нарушеніе наиболѣе распространеннаго въ обществѣ чувства, нужно остановиться на той долѣ чувства справедливости, которая является, какъ средняя величина, въ современномъ обществѣ. Для этого нужно обратиться къ соотвѣтствующему эгоистическому чувству: всякое альтруистическое чувство предполагаетъ соотвѣтствующее эгоистическое, такъ какъ если извѣстное ощущеніе или эмоція не испытаны, то они и не могутъ быть симпатически возбуждены (Spencer). Таково чувство свободы личной дѣятельности, направленной на пріобрѣтеніе средствъ поддержанія жизни и обладанія таковыми. Отсюда чувство собственности. Эгоистическому чувству собственности соотвѣтствуетъ уваженіе къ чужой собственности и вообще къ чужой сферѣ личности, какъ въ духовномъ, такъ и матеріальномъ значеніи,—чувство честности (probitá). Однако чувство честности еще гораздо менѣе развито въ общественной средѣ, чѣмъ чувство человѣколюбія: законъ признаетъ еще ненаказуемымъ такъ называемый гражданскій обманъ, а въ глазахъ общества дозволительны еще обманы при продажѣ лошадей и антиковъ[19]). Что касается, наконецъ, до семейнаго чувства, то семейно-безнравственныя дѣйствія принимаютъ характеръ преступныхъ лишь въ случаѣ нарушенія ими чувства человѣколюбія или честности. Нарушеніе вѣрности, неповиновеніе, прелюбодѣяніе производятъ, конечно, нравственное страданіе. Но въ прелюбодѣяніи нѣтъ ни обмана, ни насилія, а лишь нарушеніе контракта. Невѣрная жена и неисправный должникъ одинаково мало преступники, въ виду от-

---

[18]) Указ. соч. стр. 19—23.

[19]) Указ. соч. стр. 23—28.

сутствія нарушенія человѣколюбія и честности. Напротивъ, двоеженецъ, подобно виновнику подлога, преступникъ [20]).

На основаніи изложеннаго, авторъ опредѣляетъ естественное или соціальное преступленіе, какъ нарушеніе той части нравственнаго чувства, которая коренится въ основныхъ альтруистическихъ чувствахъ человѣколюбія и честности (pietà e probità), сообразно средней мѣрѣ развитія ихъ въ высшихъ человѣческихъ расахъ, необходимой для приспособленія недѣлимаго къ обществу. Упомянувъ о низшихъ расахъ дикарей, лишенныхъ двухъ основныхъ чувствованій по отношенію къ чужимъ племенамъ, далѣе носящихъ черты инстинктивной жестокости и животной грубости (brutale malvagità) относительно собственныхъ родичей, Гарофало утверждаетъ, что признакъ всеобщности извѣстныхъ чувствъ, обусловливающій преступность дѣянія, относится не ко всему человѣческому роду, а лишь къ расамъ гражданственнымъ, преимущественно бѣлымъ. Отдѣльные члены этихъ расъ, лишенные основныхъ альтруистическихъ инстинктовъ, приближаются по своему органическому строенію къ типу малайскому, африканскому и монгольскому, представляя аномалію расы, подобно тому, какъ дикія племена—аномалію человѣческаго рода. Изъ области естественнаго преступленія исключаются многія нарушенія права (преступленія противъ общественнаго спокойствія, семейныхъ правъ и политическія), несмотря на то, что въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо обуздывать наказаніемъ и эти нарушенія. Чувства стыдливости, религіи, патріотизма слишкомъ мѣняются въ своей интенсивности, чтобъ нарушенія таковыхъ могли вездѣ и одинаково подвергаться осужденію. И эти дѣянія по необходимости должны наказываться, но ихъ нельзя называть уголовными преступленіями (delitti), если не усвоивать этому термину весьма относительное значеніе, которое устраняется авторомъ. «Въ преступленіи, говоритъ Гарофало, существенна безнравственность, сознаваемая во всѣхъ высшихъ расахъ человѣчества, во всѣхъ обществахъ, истинно заслуживающихъ это названіе». Но если гражданственность умножаетъ нормы поведенія, то почему же придавать значеніе преступныхъ дѣяній только нарушеніямъ нѣкоторыхъ, а не всѣхъ законовъ общества, сообразныхъ степени его развитія? Гарофало отвѣчаетъ, что, конечно, государство должно запрещать и карать большое число человѣческихъ дѣйствій; но придавать всѣмъ запрещеннымъ дѣяніямъ тождественный преступный

---

20) Стр. 29—30.

характеръ, значило бы ограничиться понятіемъ преступленія, даннымъ въ каждый преходящій моментъ исторіи народа, и связывать съ нимъ научное понятіе, которое вслѣдствіе этого сдѣлалось бы крайне неустойчивымъ. Всѣ многочисленные законы государства необходимы, но не въ одинаковой мѣрѣ: одни—условія его существованія, другія—условія его совершенствованія. Извѣстныя дѣянія, противныя общественной нравственности, затрогиваютъ такъ сильно нравственное чувство, что производятъ смятеніе въ соціальной жизни, другія не вносятъ такихъ послѣдствій именно потому, что затрогиваемыя ими чувства болѣе поверхностныя, не существуютъ вовсе въ низшихъ слояхъ [21]).

Первая глава книги Гарофало обладаетъ крайне важнымъ значеніемъ по капитальности затронутаго ею вопроса объ естественномъ преступленіи. Прежде всего, чрезвычайно существенны указанія автора на необходимость изученія преступнаго дѣянія ранѣе изученія преступнаго человѣка и отзывъ Гарофало объ ошибкѣ ученыхъ одного съ нимъ направленія. Такимъ образомъ, писатель антрополого-позитивной школы самъ принужденъ высказываться противъ ненаучнаго увлеченія этой школы, и съ своей стороны подкрѣпляетъ возраженія противниковъ ея по этому предмету. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе естественнаго преступленія вышло у Гарофало крайне искуственнымъ и недостаточнымъ, вслѣдствіе тенденціозной попытки связать его съ усвоеннымъ новой школой понятіемъ о преступномъ человѣкѣ и съ защищаемой Гарофало цѣлью наказанія—исключеніемъ изъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, при признаніи за наказаніемъ такой цѣли, при признаніи въ преступникѣ тѣлесно и духовно неподобнаго другимъ лицамъ, анормальнаго человѣка, приходилось и преступное дѣяніе характеризовать исключительными чертами.

Истинно преступное дѣяніе есть, по Гарофало, естественное преступленіе. Для Ломброзо, какъ было показано ранѣе, преступленіе есть феноменъ естественный, какъ зачатіе, какъ рожденіе, какъ смерть. У Гарофало же терминъ естественный приписывается преступному дѣянію не въ смыслѣ біологическомъ, а въ смыслѣ этико-культурномъ, въ смыслѣ нарушенія основныхъ нравственныхъ чувствованій человѣколюбія и честности, свойственныхъ различнымъ степенямъ гражданственности и чуждыхъ лишь дикимъ расамъ, а равно анормаль-

---

21) Стр. 30—37.

нымъ людямъ среди гражданственныхъ народовъ. Это же естественное преступленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальное преступленіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ тѣснѣйшая связь между нравственными нормами и нормами права вообще, уголовнаго права въ особенности. Можно сказать, что все развитіе ученія о преступленіи, о правѣ наказанія, обращается вокругъ кореннаго вопроса о соотношеніи нравственнаго и юридическаго закона. Проистекая изъ разумной и общежительной природы человѣка, право есть нравственное понятіе. Уголовное право находитъ сильнѣйшую поддержку въ нравственныхъ понятіяхъ народа и почерпаетъ изъ нихъ многія изъ своихъ исходныхъ точекъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ области нравственности и уголовнаго права всецѣло покрывали другъ друга. Нормы нравственности—абсолютныя предписанія относительно согласія помышленія и дѣянія съ обязанностью, указываемой совѣстью и вытекающей изъ разумной природы человѣка. Абсолютность предписанія и вмѣстѣ съ тѣмъ свободное, не подлежащее вынужденію, исполненіе ихъ—главный признакъ этихъ нормъ. Нормы уголовнаго права опредѣляютъ обязанности поведенія частнаго лица какъ въ отношеніи другихъ лицъ, такъ и въ отношеніи государства. Имъ чуждъ абсолютный характеръ предписаній нравственнаго закона, далѣе существенный ихъ признакъ—принужденіе путемъ наказанія. Нравственныя нормы могутъ совпадать съ предписаніями уголовнаго закона, но могутъ и не совпадать съ ними. Первый случай предусматривается Гарофало при установленіи имъ понятія естественнаго преступленія. Но и во второмъ случаѣ сохраняется связь нравственности и уголовнаго права. Нравственная необходимость лежитъ въ основаніи государственнаго строя и его существенныхъ функцій, въ томъ числѣ борьбы за охрану права съ преступленіемъ. Значитъ, нравственная санкція связывается посредственно или непосредственно со всѣми нормами уголовнаго права, исходящими отъ государства.

Въ виду указаннаго соотношенія нравственности и уголовнаго права понятно, что нѣкоторыя нарушенія права, составляющія уголовныя преступленія, не нарушаютъ какихъ либо опредѣленныхъ нормъ нравственности: въ этихъ случаяхъ есть противурѣчіе лишь общему нравственному требованію—подчиненія частной воли общей волѣ [22]). Съ

---

22) Ср. Stephen A history of the Criminal law of England 1883 II. Ср. XVII. Law and morals. Stephen указываетъ слѣдующій случай соотношенія нравственности уголовнаго права: there is a... class of cases, in which the criminal law is supported

другой стороны, такъ какъ отдѣльныя нормы нравственности не ведутъ непремѣнно къ созданію соотвѣтствующихъ карательныхъ нормъ, то послѣднія и не распространяются на множество несомнѣнно безнравственныхъ дѣяній, порицаемыхъ нравственностью. Такимъ образомъ нормы уголовнаго права съ одной стороны шире, а съ другой уже нравственныхъ нормъ.

Отсюда ясно, что представленіе объ естественномъ преступленіи у Гарофало, принявшаго въ разсчетъ исключительно нравственныя нормы, живущія въ коренныхъ нравственныхъ чувствованіяхъ, является отождествленіемъ областей нравственности и уголовнаго права, между тѣмъ какъ эти области, несмотря на ихъ тѣсную связь, всецѣло не совпадаютъ [23]).

Сведя естественное преступленіе къ нарушенію pietà и probità, Гарофало очутился въ невозможности объяснить всю совокупность постановленій уголовнаго права цивилизованныхъ народовъ. Признавая право государства наказывать многочисленныя дѣянія, сверхъ delitto naturale, Гарофало не въ силахъ привести для такого права никакого основанія. Такимъ образомъ выходитъ, что карая извѣстныя нарушенія pietà и probità, государство обладаетъ крѣпкимъ полномочіемъ, коренящимся въ нравственныхъ чувствованіяхъ народа, другія же преступленія караются въ силу какой то грубой эмпирической необходимости. Въ оправданіе исключительнаго характера, придаваемаго имъ естественному преступленію, Гарофало ссылается на условность и измѣнчивость понятія другихъ преступленій, кромѣ естественнаго. Но это объясненіе не можетъ никого удовлетворить. Самъ Гарофало смотритъ на явленіе преступленія съ высоты современнаго строя государственной жизни и современной культуры. Но съ этой точки зрѣнія въ общей схемѣ законодательныхъ постановленій Европейскихъ

---

by moral sentiment in so far as moral sentiment recognizes obedience to the law as duty, but no further (стр. 86-я). Ср. Bar Handbuch des deutschen Strafrechts, 1882 г. I. 2. D. Theorie der sittlichen Missbilligung ...Die Ordnung kann ...als solche schon einen sittlichen Werth in Anspruch nehmen. Es ergiebt sich daher, dass eine Handlung, welche die Rechtsordnung misssachtet, als solche schon mehr oder minder, direct oder indirect, unsittlich ist (стр. 313).

23) По вопросу о соотношеніи уголовнаго права и нравственности ср. весьма замѣчательную работу г. Сергіевскаго «О правѣ наказанія» (Юрид. Вѣстникъ 1881 г.), гдѣ авторъ, совершенно справедливо установивъ цѣль наказанія въ необходимости его для правопорядка, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чѣмъ нельзя согласиться, приходитъ къ заключенію, вслѣдъ за Binding'омъ, что моментъ безнравственности въ преступленіи не имѣетъ никакого существеннаго значенія (стр. 437).

народовъ, несмотря на частныя различія, можно найти значительную гармонію. Такимъ образомъ, отъ нихъ возможны общія отвлеченія. Къ тому же, измѣнчивости и весьма значительной не чужды и законодательныя постановленія о нарушеніяхъ pietà и probità, какъ можно убѣдиться изъ исторіи права, такъ какъ извѣстныя преступленія противъ личности и собственности, столь тяжкія въ наши дни, не признавались вовсе преступными у нѣкоторыхъ даже культурныхъ народовъ [24]). Гарофало, правда, ссылается на то, что среди каратель-ныхъ постановленій, одни условія существованія государства, другія необходимы для его преуспѣянія. Но между тѣми и другими нѣтъ кореннаго различія: самыя условія существованія нарушаются при непринятіи во время необходимыхъ мѣръ, требуемыхъ государственнымъ развитіемъ и составляющихъ жизненную необходимость для государства.

Если такимъ образомъ построеніе естественнаго преступленія не можетъ быть признано удачнымъ въ смыслѣ общаго принципа,—то точно также и подробное проведеніе принципа, отличеніе отдѣльныхъ дѣяній подходящихъ и неподходящихъ подъ понятіе естественнаго преступленія, не могло быть исполнено безъ натяжки. Возьмемъ, напримѣръ, государственныя преступленія. Они исключены изъ понятія естественнаго преступленія, вслѣдствіе того, что они не подходятъ, по мнѣнію Гарофало, подъ нарушенія чувства человѣколюбія и честности. Правда, авторъ дѣлаетъ исключеніе для посягательства на жизнь представителя верховной власти и должностныхъ лицъ, и надо отдать справедливость автору относительно вѣрной мотивировки этой мысли, которая примыкаетъ къ современному научному теченію о необходимости выдѣленія такихъ преступныхъ дѣяній изъ области чисто политическихъ [25]). Но если припомнить признаки, указываемые самимъ авторомъ для естественнаго преступленія (нарушеніе условій существованія общества, утрата обществомъ своей сплоченности), то очевидно, что подъ естественное преступленіе подойдутъ преступленія и чисто политическія. Возьмемъ далѣе то, что говоритъ авторъ о преступленіяхъ противъ семейнаго союза. Авторъ исключаетъ изъ понятія естественнаго преступленія прелюбодѣяніе. Можно бы согласиться, что прелюбодѣяніе—дѣяніе таковаго свойства,

---

24) Многочисленные примѣры въ пользу этого положенія у Gabelli Sulla scuola positiva del diritto penale in Italia въ Rivista penale 1886. Disp. 15.

25) Ср. мои мотивы къ ст. II проэкта Уг. уложенія Юрид. Вѣстникъ 1883 г. Мартъ стр. 471—475.

которое едва ли слѣдуетъ облагать наказаніемъ въ уголовномъ кодексѣ, положеніе, обоснованіе котораго мнѣ невозможно сдѣлать въ этомъ мѣстѣ. То же основаніе, которое приводится Гарофало, не состоятельно. Въ самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, нѣтъ въ этомъ преступленіи ни нарушенія человѣколюбія, ни честности, ни обмана, ни насилія. Между тѣмъ, что же такое прелюбодѣяніе, которое въ большинствѣ случаевъ творится тайно отъ другаго супруга, какъ не обманъ и нарушеніе довѣрія, какъ не нарушеніе человѣколюбія посредствомъ величайшаго оскорбленія, наносимаго однимъ супругомъ другому. Гарофало усматриваетъ въ этомъ дѣяніи нарушеніе контракта; но этимъ не затрогивается наличность обмана, и сверхъ того самъ Гарофало стоитъ за наказуемость гражданскаго обмана, упрекая современное законодательство за слишкомъ большое суженіе круга дѣяній, нарушающихъ честность. Затѣмъ непослѣдовательно преступникомъ признается двоеженецъ: вѣдь въ дѣяніи его точно также, съ точки зрѣнія автора, можно видѣть только обманъ относительно контракта.

Изложенныя соображенія приводятъ къ тому, что понятіе естественнаго преступленія у Гарофало грѣшитъ свойственнымъ ему исключительнымъ и апріористическимъ характеромъ, напоминающимъ теоріи «Naturrecht» недавняго прошлаго, преувеличеніемъ нравственнаго элемента надъ юридическимъ, опущеніемъ кореннаго признака— противорѣчія преступленія съ государственной нормой. Страннымъ образомъ, вопреки утилитарнымъ тенденціямъ Гарофало и новой школы вообще, его теорія абсолютная, хотя, принявъ критеріемъ преступнаго дѣянія нравственныя чувствованія, распространенныя въ народѣ, Гарофало избралъ шаткое основаніе. И въ самомъ дѣлѣ, ему приходится говорить о средней, о наименѣе высокой и чистой долѣ нравственнаго чувства, какъ объектѣ естественнаго преступленія, о различіи степеней нравственнаго чувства въ различныхъ слояхъ общества. При этомъ абсолютное понятіе естественнаго преступленія дѣлается мало распознаваемымъ, улетучивается. Чувствованія, живущія въ обществѣ, могутъ служить значительной поддержкой уголовнаго закона и содѣйствовать его жизненности, но не способны служить основой для его предписаній. Уголовный законъ, а потому и понятіе объ уголовномъ преступленіи, могутъ единственно обосновываться понятіемъ о государственномъ правѣ; они коренятся не въ наличности чувствованій человѣколюбія и честности, а въ необходимости охраны правопорядка. Естественному преступленію Гарофало, правда, даетъ названіе соціальнаго, но безъ надлежащаго основанія; въ самомъ дѣлѣ, преступленія, направленныя противъ всего обще-

житія, исключаются положительно изъ типа естественнаго преступленія, разъ они не нарушаютъ непосредственно pietà и probità. Не трудно видѣть, наконецъ, что ученіе автора объ естественномъ преступленіи представляется оригинальнымъ и новымъ лишь по виду, составляя видоизмѣненіе старинной, но гораздо болѣе значительной, гораздо болѣе вѣрной теоріи, отличавшей преступное дѣяніе по кореннымъ признакамъ vis и fraus [26]).

III.

Глава 2-ая части 1-ой книги Гарофало подъ рубрикой: «Законъ приспособленія» (La legge del adattamento) посвящена критикѣ существа и цѣлей карательной дѣятельности.

Дѣйствія лица, нарушающія принятыя въ томъ или другомъ общественномъ кругу правила поведенія, вызываютъ реакцію въ формѣ изгнанія или исключенія виновнаго вслѣдствіе неприспособленности его, полной или неполной, къ средѣ. Точно также слѣдуетъ допустить исключеніе изъ соціальной жизни лицъ, нарушающихъ нравственное чувство общества. Правда, простое изгнаніе, сдѣлалось въ наше время невозможнымъ — ни одно государство не допускаетъ къ себѣ чужихъ преступниковъ. Депортація—затруднительна; требуется выслать преступника въ пустынное мѣсто, найти же такое почти невозможно. Вѣчное заключеніе не исключаетъ возможности побѣга и прощенія. Не остается, поэтому, никакого другаго абсолютнаго, полнѣйшаго средства исключенія кромѣ смерти [27]).

Но если преступленіе есть нарушеніе нравственнаго чувства и преимущественно чувства человѣколюбія, то тоже самое чувство не нарушается ли одинаково лишеніемъ преступниковъ жизни? Противъ этого возраженія Гарофало отвѣчаетъ, что общественная совѣсть не

---

26) Теорія эта, которая встрѣчается уже у Цицерона, De officiis I. 13, выражена художественно у Данте (Inf. XI):

«D'ogni malizia, ch'odio in ciel acquista
Ingiuria è il fine, ed ogni fin cotale
O con forza o con frode altrui contrista».

Brusa обновляетъ эту теорію, принимая въ основаніе отличія уголовныхъ правонарушеній отъ гражданскихъ публичное сознаніе относительно возможности или невозможности для частнаго лица защищаться собственными силами противъ нарушающихъ его право, путемъ насилія или обмана, фактовъ (Saggio, стр. 24).

27) Указ. соч. Cap. II. La legge del addattamento. I. Reazione razionale della società contro il delitto, стр. 42—45.

оскорбляется насильственною смертью извѣстныхъ преступниковъ, возставая лишь противъ неразборчивости при примѣненіи смертной казни: «Чтобы ни говорили профессора и журналисты, — въ Италіи общественная совѣсть возмущается не отнятіемъ, а сохраненіемъ жизни нравственныхъ чудовищъ». Чувства симпатіи къ лицу, совершенно неподобному намъ, не существуетъ: симпатія рождается отъ представленія о себѣ подобномъ и удовольствія, соединеннаго съ такимъ представленіемъ. Поэтому наше человѣколюбіе не противится насильственной смерти злодѣя, въ коемъ мы не можемъ, за отсутствіемъ въ немъ присущаго намъ чувства гуманности, признать себѣ подобнаго. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему женщины, болѣе вообще сострадательныя, чѣмъ мужчины, не чувствуютъ отвращенія къ смертной казни виновниковъ ужасающихъ преступленій. Болѣе тонкій нравственный инстинктъ устраняетъ въ нихъ симпатію къ лицу, совершенно лишенному таковаго. Значитъ, большее развитіе нравственнаго чувства, запрещая примѣненіе смертной казни къ значительному числу преступниковъ, настойчиво требуетъ ея относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, показавшихъ себя совершенно безчеловѣчными [28]).

Однако, для полнаго исключенія изъ общества преступника въ силу его вѣчной неприспособленности, по отсутствію minimum'а человѣколюбія и справедливости, недостаточно одного факта нарушенія чувства человѣколюбія или справедливости. Нужно доказать, что виновникъ преступнаго дѣянія—глубоко безчеловѣчное или безчестное существо. Такимъ образомъ слѣдуетъ различать два класса преступниковъ: у однихъ преступниковъ, прирожденныхъ или инстинктивныхъ (rei nati, istintivi), преступные импульсы постоянно соприсутствуютъ внутренней жизни; у другихъ преступниковъ—по случайному поводу (fortuiti), они привходятъ извнѣ, находя благопріятную почву въ слабости субъекта. У первыхъ преступный инстинктъ соотвѣтствуетъ отсутствію нравственнаго чувства, принадлежащаго расѣ; у вторыхъ нравственное чувство—въ подавленномъ состояніи по вредоносному вліянію среды. Преступники перваго класса должны быть вытравлены (sopressi) изъ общества; напротивъ общество должно дать возможность приспособленія вторымъ. Поэтому отрѣшеніе таковыхъ лицъ отъ общественнаго сожитія не должно быть абсолютное;

---

28) Стр. 45—49. Съ этой чертой у женщинъ авторъ сближаетъ стихъ Dante: Qui vive la pietà quando è ben morta (Inf. XX, 82).

оно должно соизмѣряться съ устойчивостью неспособности къ соціальной жизни, должно ограничиваться удаленіемъ изъ той среды, гдѣ зараждаются поводы къ преступности. Критерій различенія неприспособленности преступника къ общественному строю вообще, или только къ извѣстнымъ условіямъ жизни, получается путемъ обнаруженія постоянной или преходящей аномаліи его чувствованій, — его характера. Преступность, поэтому, можетъ быть изучена единственно изслѣдованіемъ виновника преступнаго дѣянія; форма общественной реакціи опредѣляется характеромъ преступника [29]).

Въ изложенномъ отдѣлѣ о законѣ приспособленія къ общественной жизни читателю не открывается никакого устойчиваго и твердаго общественнаго закона, а лишь удостовѣряется фактъ приспособленности однихъ лицъ, неприспособленности другихъ къ общежитію. Это понятіе «приспособленія, приспособленности», которому придается значительное примѣненіе въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ нашего времени, благодаря обаянію теоріи Дарвина, лишь съ большими натяжками и безъ всякой пользы примѣняется къ наукѣ уголовнаго права. — Въ естественныхъ наукахъ законъ приспособленія объясняетъ развитіе животнаго міра въ связи съ внѣшними условіями природы, развитіе, подчиненное строго механической причинности, влекущее сохраненіе и усиленіе однихъ особей (приспособленныхъ) и уничтоженіе другихъ (неприспособленныхъ). При такомъ процессѣ не можетъ быть рѣчи о благѣ или злѣ того или другаго явленія, о желательности или нежелательности его, не можетъ быть вопроса о правѣ или отсутствіи права на жизнь тѣхъ или другихъ особей, которыя въ борьбѣ за существованіе оказались сильными или слабыми. Когда же вопросъ о приспособленіи переносится въ область человѣческаго общежитія, то онъ сейчасъ же сталкивается съ явленіями нравственнаго сознанія, требованіями права, совершенно отличными отъ приспособленія къ физической жизни въ обществѣ. Намъ говорятъ, что преступники не приспособлены къ обществу: если брать этотъ терминъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употребляется въ сферѣ знанія, откуда онъ заимствованъ, т. е. въ смыслѣ устойчиваго существованія, то въ виду того, что преступность можно единственно ослабить, уменьшить, а не уничтожить совсѣмъ, нужно признавать преступниковъ приспособленными къ обществу. Такъ какъ обществу, далѣе, не удалось окончательно подавить преступленія, то съ бо̀ль-

---

29) Стр. 49—54.

шимъ правомъ можно сказать, что общество не приспособилось къ преступникамъ, и приспособленіе произойдетъ тогда, когда послѣдніе совершенно исчезнутъ. — Если же подъ неприспособленностью преступниковъ понимать ихъ отчужденіе отъ нравственно-юридическаго общенія съ другими членами государственнаго союза, то тогда вѣрная мысль безъ всякой надобности прибѣгаетъ къ естественно-историческому термину, въ который можно вносить, что угодно. Въ самомъ дѣлѣ, неприспособленными можно, кромѣ преступниковъ, считать и людей неизлечимо больныхъ, — и порочныхъ, и пауперовъ. Терминъ «неприспособленности», наравнѣ съ подобными же терминами «неуравновѣшанности, дефективности»—въ примѣненіи къ преступникамъ, вмѣсто точнаго понятія, даетъ лишь нѣкоторую аналогію и ведетъ къ тому, что вмѣсто ясной мысли получаются смутныя построенія на тему о человѣческой преступности, гдѣ различныя вещи сливаются и получаютъ обманчивое тождество. До какой степени терминъ неприспособленности мало годенъ въ виду предшествующихъ построеній автора,—видно изъ того, что Гарофало напр. исключаетъ политическія преступленія изъ естественнаго преступленія: но спрашивается, можно ли считать, въ смыслѣ воззрѣній автора, политическаго преступника приспособленнымъ къ той средѣ, противъ которой онъ агитируетъ.—Законъ приспособленія у Гарофало приводитъ къ тому, что однихъ субъектовъ (инстинктивныхъ преступниковъ) невозможно приспособить по обществу,—и лишь преступниковъ по случайному поводу авторъ надѣется приспособить. Такимъ образомъ, законъ приспособленія относительно цѣлой отдѣльной категоріи липъ обращается въ законъ истребленія, такъ какъ лучшимъ средствомъ исключенія неприспособленныхъ изъ общества авторъ считаетъ смертную казнь. При существенномъ значеніи, придаваемомъ авторомъ смертной казни, представляется яснымъ, что теорія приспособленія понадобилась для оправданія смертной казни и цѣли исключенія преступника изъ общества.—Здѣсь не мѣсто входить въ полное обсужденіе столь крупнаго и вѣковѣчнаго вопроса, какъ вопросъ о смертной казни, поэтому, я остановлюсь только на способѣ защиты смертной казни Гарофало. Возраженіе, съ которымъ борется Гарофало, а именно что смертная казнь, нарушая чувство человѣколюбія, не можетъ удовлетворить общества, чувство человѣколюбія котораго поражено преступленіемъ, весьма сильно, не смотря на простоту его, и это возраженіе остается неопровергнутымъ. Тѣмъ не менѣе защита тезиса, — что смертная казнь не нарушаетъ чувства человѣколюбія, представляется крайне интересной. Авторъ утверждаетъ, что отно-

сительно чудовищъ нравственнаго порядка общество возмущается не смертной казнью, а оставленіемъ жизни такимъ чудовищамъ. Въ пользу этого положенія Гарофало ссылается на невозможность симпатіи къ совершенно неподобнымъ намъ извергамъ. Софизмъ этого довода покоится въ понятіяхъ симпатіи и подобія. Симпатія обнимаетъ два признака: сочувствіе къ лицу и его дѣятельности, и сожалѣніе къ нему. Эти два признака не всегда совпадаютъ: мы способны сожалѣть о лицѣ, къ которому привязанности и уваженія не чувствуемъ.—Человѣкъ хорошій не можетъ симпатизировать нравственному чудовищу. Но пусть тотъ же хорошій человѣкъ увидитъ нравственное чудовище на мѣстѣ смертной казни,—и негодованіе противъ него смѣнится жалостью.—Едва ли можно оспаривать естественность и законность чувства сожалѣнія,—при видѣ страданія, которое мы мысленно воспроизводимъ, мысленно примѣняемъ къ себѣ.—Такимъ образомъ, неподобный намъ преступникъ представляется намъ совершенно подобнымъ: мы знаемъ, что будь мы на его мѣстѣ, мы испытывали бы подобное страданіе.

Смѣлымъ парадоксомъ, далѣе, нужно признать указаніе на то, что женщины, обнаруживающія наибольшее нравственное чувство, обыкновенно не чувствуютъ отвращенія къ смертной казни. Спрашивается, откуда это взялъ авторъ, и какъ можетъ приверженецъ опытнаго изслѣдованія провозглашать такое общее и безусловное положеніе, безъ всякихъ оговорокъ и различеній, безъ всякихъ опытныхъ данныхъ? Далѣе, надо имѣть въ виду, что наши чувствованія въ значительной степени зависятъ отъ ясности и сознательности нашихъ представленій. Если бы даже признать несомнѣннымъ отсутствіе отвращенія къ смертной казни у лучшихъ женщинъ т. е. наиболѣе развитыхъ умственно и нравственно, о которыхъ только и можетъ идти рѣчь, то такое явленіе объяснялось бы совершенно удовлетворительно отсутствіемъ строго-сознательнаго отношенія къ вопросу. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ не разрѣшается на основаніи только чувства. Вопросъ о смертной казни—научный вопросъ, разрѣшаемый при помощи цѣлаго ряда научныхъ дисциплинъ: психологіи, исторіи и въ особенности уголовнаго права. Отсутствіе отвращенія къ смертной казни у женщинъ, наконецъ, можетъ удовлетворительно объясняться, помимо особенной тонкости нравственнаго чувства, свойственнымъ имъ консерватизмомъ, большимъ сравнительно съ мужчинами чувствомъ страха передъ преступленіемъ, обусловленнымъ сознаніемъ собственной физической слабости.

Отъ раціональной Гарофало переходитъ къ естественной реакціи противъ преступленія, къ дѣятельности, вытекающей изъ

чувства мести. Это чувство, открывающее, въ какой мѣрѣ нравственное чувство нарушено преступленіемъ, критерій для опредѣленія въ данной расѣ или въ данный періодъ объективной важности преступленія. Однако чувство мести не можетъ служить дѣлу раціональной реакціи общества противъ преступленія; мѣра мести зависитъ отъ различія негодованія, производимаго тѣмъ или другимъ преступленіемъ у того или другаго народа, или даже въ той или другой географической мѣстности (убійство менѣе ненавистно въ Италіи, чѣмъ въ Германіи, или Англіи). Далѣе, соціальной мести приходилось бы приспособляться къ индивидуальной мести. Но какую же мѣру мести должно было бы принять общество, мѣру сангвиника или флегматика, грубаго или воспитаннаго человѣка, христіанина или невѣрующаго? Законодательство, исходящее отъ чувства мести, воскрешало бы и обостряло это чувство, не смотря на его ослабленіе въ теченіе многихъ поколѣній, и противудѣйствовало бы прогрессу морали [30]).

Мысль о воздаяніи зломъ за зло была облагорожена въ древности и въ новѣйшее время теоріей искупленія вины (espiazione). Эта теорія (Платонъ, Кантъ) предполагаетъ, что зло преступленія можетъ быть возмѣщено въ душѣ преступника испытаннымъ имъ страданіемъ, очищающимъ его, благодаря чувству раскаянія. Указанная теорія предполагаетъ, что, мысля и чувствуя, подобно другимъ членамъ общества, преступникъ тѣмъ не менѣе захотѣлъ совершить преступное дѣяніе въ угоду своимъ страстямъ. Но въ этомъ положеніи находится явная антиномія: преобладаніе страсти указываетъ на слабость чувства обязанности; значитъ, преступникъ можетъ мыслить и чувствовать не какъ честный, а лишь какъ безчестный человѣкъ. Противъ отсутствія или слабости чувствованія можно бороться либо воспитаніемъ, либо прямыми препятствіями, а не страданіемъ [31]).

Если, строго говоря, соціальная реакція противъ преступленія не должна быть выраженіемъ чувства мести, съ другой стороны нельзя отрицать, что наиболѣе непосредственная (spontanea) и естественная реакція состоитъ въ томъ, чтобы заставить пострадать преступника. Этого даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуетъ самое нравственное чувство. «Чувство ненависти американскаго народа къ убійцѣ президента Гарфильда было единственно удовлетворено повѣ-

---

30) Reazione naturale contro il delitto стр. 54—59.

31) L'espiazione стр. 59—61.

шеніемъ Гито». Такое же чувство удовлетворенія казнь Гито произвела и по сю сторону океана. Въ основаніи этого чувства ненависти, можетъ быть, лежитъ отвращеніе къ преступнику въ силу его анормальности», недостатка наиболѣе обычной степени нравственности. Но въ такомъ случаѣ истинное удовлетвореніе общества зависѣло бы отъ удаленія преступника изъ общества. И дѣйствительно, чувство ненависти къ преступнику есть лишь желаніе наиболѣе раціональной реакціи, и страданіе виновнаго является не столько цѣлью, сколько средствомъ. Люди взываютъ къ наказанію въ надеждѣ на исключеніе преступника изъ общества; а такъ какъ наказанію свойственно страданіе,—то и къ страданію. Не будучи цѣлью реакціи противъ преступленія, страданіе естественно присоединяется къ истинной цѣли—исключенію изъ общественной среды лица неприспособленнаго.

Впрочемъ желаніе выдѣленія изъ общества преступника не зависитъ отъ соображеній непосредственной пользы. Приведя нѣсколько примѣровъ, въ коихъ общественная совѣсть требуетъ тягчайшихъ наказаній, несмотря на отсутствіе опасенія за повтореніе преступленій, Гарофало дѣлаетъ слѣдующій выводъ: наказаніе требуется общественной совѣстью не только ради: ne peccetur, но и потому что peccatum est. Въ самомъ дѣлѣ, истинное естественное преступленіе оказывается въ извѣстныхъ нарушеніяхъ чувствованій, свидѣтельствующихъ необходимо о недостаткѣ, постоянномъ или преходящемъ, элементарной и обычной доли нравственнаго чувства, анормальности преступника, т. е. неспособности полной или неполной къ общественной жизни. Значитъ, отцеубійца, напр., тщетно будетъ ссылаться на невозможность повторенія имъ преступленія; онъ не можетъ внушать къ себѣ довѣрія, онъ будетъ служить вѣчной угрозой всякому сочлену общества. Всякая связь общества съ нимъ порвана—и онъ долженъ быть выброшенъ изъ общества. Итакъ, реакція въ видѣ исключенія изъ общества есть соціально необходимое послѣдствіе преступнаго дѣянія (quia peccatum est). Между этой формулой и формулой «ne peccetur» нѣтъ противорѣчія. Основаніе наказанія, однимъ словомъ,—нетерпимость къ преступленію, постоянное усиліе подавить его [32]).

Гарофало, далѣе, разсматриваетъ значеніе угрозы наказанія, какъ мотива поведенія. Нравственное чувство постепенно измѣняется вслѣдствіе признанія за извѣстнымъ дѣяніемъ свойства преступ-

---

32) Universalità del principio di eliminazione стр. 61—69.

наго по закону.—Всѣ чувствованія вообще сводятся къ первоначальнымъ сужденіямъ мысли, сдѣлавшимся инстинктивными, или опытамъ полезности, испытаннымъ нашими предками. Къ числу таковыхъ принадлежитъ чувство страданія, обусловленнаго реакціей противъ преступленія. Нравственное чувство, даже у наиболѣе психически развитыхъ субъектовъ, обновляется и поддерживается понятіемъ объ обязанности, освященнымъ угрозой для нарушителя таковой; но, сверхъ мотива поведенія для честныхъ людей, представленіе о наказаніи составляетъ и награду для таковыхъ: побѣдившій свои страсти человѣкъ, при видѣ страданія, постигшаго того, кто не оказался съ одинаковой силой воли, испытываетъ чувство самоудовлетворенія—лучшую награду за тягость борьбы съ дурными побужденіями. Отсюда—всеобщее удовлетвореніе по случаю примѣненія заслуженнаго наказанія. Такимъ образомъ зло, причиненное преступнику, alios meliores reddit [33]).

Если указанный мотивъ для людей высоко развитыхъ придаточный, то для людей съ меньшей силой сопротивленія преступнымъ импульсамъ онъ обладаетъ значеніемъ главнаго. Многіе обуздываютъ свои страсти лишь въ силу страха передъ зломъ наказанія. Признавая основныя положенія теоріи Фейербаха и Романьози справедливыми, —Гарофало, однако, находитъ проблемму количественнаго опредѣленія наказанія ради придачи ему преобладанія надъ преступнымъ импульсами неразрѣшимою. Устрашеніе должно быть естественнымъ эффектомъ, полезнымъ послѣдствіемъ опредѣляемаго преступнику полнаго или частнаго исключенія изъ общества. Усвоеніе наказанію единственно цѣли устрашенія придаетъ ему характеръ безполезнаго и несправедливаго; устрашеніе само собою получается въ силу угрозы исключенія изъ общества, коему всегда присуще зло по отношенію къ лицу, подвергшемуся таковому [34]).

Наконецъ, авторъ переходитъ къ спеціальному изслѣдованію результатовъ, исключительно свойственныхъ средствамъ выдѣленія изъ общества. Этотъ отдѣлъ начинается съ указанія, что подавленіе наиболѣе неприспособленныхъ элементовъ производитъ улучшеніе расы. Авторъ подробно припоминаетъ по этому поводу теорію психологической наслѣдственности. Основныя формы разума, законы и условія мысли—дѣло наслѣдственности; физіологическія и психологи-

---

[33]) Efficacia preventiva motivo morale. Стр. 69—72.

[34]) Intimidazione, стр. 72—77.

ческія измѣненія передаются наслѣдственно; привычка содѣлываетъ ихъ инстинктивными въ индивидуумѣ, наслѣдственность—въ расѣ.— Мы обладаемъ нравственными чувствованіями, которыя и создаются и передаются въ силу наслѣдственности. Наслѣдственности мы обязаны представленіемъ о порокѣ и добродѣтели, добрыми и дурными склонностями. Наслѣдственность преступныхъ тенденцій имѣетъ свое строго опредѣленное значеніе [35]). Въ самомъ дѣлѣ, даже спиритуалисты въ родѣ Caro признаютъ дѣйствіе наслѣдственности въ области низшихъ психическихъ феноменовъ, наиболѣе близкихъ тѣлесному организму (инстинктовъ, рефлективныхъ актовъ). Преступленіе же указываетъ на недостатокъ наиболѣе обыкновенной, наименѣе высокой и чистой доли нравственнаго чувства,— недостатокъ, составляющій органическій феноменъ вырожденія или регресса.

Упомянувъ о наслѣдственности непосредственной, далѣе объ атавизмѣ, Гарофало утверждаетъ, что преступныя тенденціи слѣдуютъ по указаннымъ формамъ наслѣдствености съ большимъ постоянствомъ, чѣмъ всякія другія. Такія тенденціи всего чаще являютъ примѣръ прерывающейся наслѣдственности, атавизма, такъ что нравственная испорченность обоихъ родителей не обнаруживается непосредственно въ дѣтяхъ, а въ ближайшемъ затѣмъ поколѣніи. Правда, преступныя тенденціи не всегда производятъ преступленіе по недостатку случая или энергіи, но безнравственность и порокъ часто обнаруживаются въ другихъ формахъ (алкоголизмъ у мужчинъ, проституція у женщинъ). Наконецъ удостовѣрено, что часто отъ помѣшанныхъ, эпилептиковъ и пьяницъ рождаются преступники, и на оборотъ [36]).

Сославшись въ пользу указанныхъ положеній на изслѣдованія Thomson'a, Virgilio, Lombroso и генеалогію родовъ Lemaire, Chrétien и Juke, Гарофало прибавляетъ: «пусть послѣдователи энциклопедистовъ, всѣ клянущіеся принципами 1789 года, продолжаютъ утверждать, что сыновья не наслѣдуютъ добродѣтелей и пороковъ отца, тѣмъ не менѣе вѣрно, что дѣти наслѣдуютъ инстинкты добродѣтельные и порочные, чувствованія, страсти и характеръ родителей. Все показываетъ, что психическая наслѣдственность есть лишь частный случай физіологической. Не наказывать должно дѣтей преступниковъ, какъ

---

35) IV. La Selezione, стр. 78—80.

36) Стр. 80—81.

дѣлалось въ древности,—такъ заключаетъ эту главу Гарофало, а препятствовать, чтобъ у таковыхъ рождались дѣти. Путемъ смертной казни или пожизненнаго заключенія должно производить искусственный подборъ, который бы нравственно улучшилъ расу. Смертныя казни, производившіяся въ старину надъ тысячью злоумышленниковъ ежегодно, помѣшали большему развитію преступности въ наши дни. «Кто можетъ сказать, чѣмъ было бы человѣчество нынѣ, еслибъ такого подбора не было сдѣлано, еслибъ преступники могли размножаться, еслибъ среди насъ имѣлось безчисленное потомство всѣхъ воровъ и убійцъ прошедшихъ вѣковъ. Зачѣмъ же не продолжать этого вѣковаго дѣла очищенія? Всякая пріостановка въ прогрессѣ—регрессъ; будущія поколѣнія съ горечью будутъ упрекать наше поколѣніе за то, что оно дало возможность пустить ростки вредному сѣмени, которое бы слѣдовало вырвать, и которое произвело новое и многочисленнѣйшее поколѣніе преступниковъ [37]).

Въ указанномъ отдѣлѣ о разныхъ цѣляхъ наказанія читатель находитъ рядъ весьма мѣткихъ и вѣрныхъ замѣчаній, на ряду съ положеніями, которыя искусственно поддерживаютъ исключительныя воззрѣнія автора на наказаніе, какъ средство исключенія преступника изъ общества. Все то, что сказано Гарофало о невозможности удовлетворенія чувству мести въ уголовномъ законодательствѣ, справедливо, и хорошо свидѣтельствуетъ противъ нѣкоторыхъ ученыхъ, видящихъ въ наказаніи средство удовлетворенія возбуждаемаго преступнымъ дѣйствіемъ въ частномъ лицѣ чувства возмездія [38]). Но отрицая чувство мести, какъ основу законодательныхъ постановленій, Гарофало признаетъ тѣмъ не менѣе законность этого чувства въ видѣ ненависти къ преступнику и желанія заставить пострадать его. Такое чувство объясняется авторомъ безсознательнымъ желаніемъ исключенія преступника изъ общества. Чувство ненависти, возбуждаемое преступленіемъ,—несомнѣнный и хорошо знакомый фактъ. Но объясненіе, даваемое Гарофало, крайне недостаточно. Указанное чувство на лицо и тогда, когда исключеніе преступника изъ общества не представляется ни желательнымъ, ни возможнымъ. Указанное чувство связуется со всякимъ дурнымъ и безчестнымъ поступкомъ, хотя бы и не наказуемымъ; оно выражается одинаково при нравственномъ порицаніи, какъ и при уголовномъ наказаніи. Такое чувство, помимо всякой утилитарной цѣли, есть прямой

---

37) Стр. 81—83-я.

38) Ср. изслѣдованіе г. Колоколова Къ ученію о покушеніи 1884 г., отдѣлъ 2-й, стр. 188-я.

результатъ преданности нормамъ человѣческаго общежитія. Тотъ, кто глубоко проникнутъ необходимостью нравственнаго и правоваго порядка, естественно долженъ быть врагомъ всякаго посягательства на этотъ порядокъ, долженъ желать, чтобъ правопорядокъ вышелъ торжествующимъ изъ борьбы съ его нарушителями. Такой исходъ, наглядно удостовѣряемый наказаніемъ преступника, удовлетворяетъ лицъ, стоящихъ на сторонѣ правопорядка. Видѣть въ этомъ удовлетвореніи какое-нибудь дурное чувство—совершенно несправедливо. Называть его безъ дальнѣйшихъ различеній местью и осуждать на этомъ основаніи—неосновательно. Чувство ненависти къ преступленію и негодованія къ его виновнику—однимъ словомъ—свидѣтельство живости и силы нравственно-правоваго сознанія и помышленія [39]). Указанное чувство, несомнѣнно, помогаетъ дѣйствію уголовнаго закона, даетъ ему поддержку; въ этомъ смыслѣ оно является предупрежденіемъ преступности, какъ справедливо указываетъ на это Stephen [40]).

Объяснивъ ненависть къ преступнику желаніемъ выдѣленія его изъ общества,—самъ Гарофало, впрочемъ, оговаривается, что наказаніе преступника въ видѣ выдѣленія его изъ общества, требуется даже помимо всякихъ утилитарныхъ цѣлей, и поэтому, признаетъ равноправность обоихъ принциповъ «ne peccetur» и «quia peccatum est». Необходимость сочетанія этихъ двухъ принциповъ наказанія несомнѣнна. Но, очевидно, что, допуская принципъ «quia peccatum est», допуская нетерпимость общества къ преступленію, постоянное стремленіе подавить его, авторъ существенно видоизмѣняетъ свою точку зрѣнія на преступленіе и наказаніе, выясненную имъ въ его первомъ сочиненіи, и приближается къ ученію, усматривающему въ наказаніи охрану правоваго порядка. И въ самомъ дѣлѣ принципъ «quia peccatum est»—какъ видно изъ примѣра, взятаго Гарофало, не зависитъ отъ непосредственнаго заключенія о будущей опасности преступника и вѣро-

---

39) Ср. въ этомъ отношеніи Stephen указ. соч. Ch. XVII. In short, the infliction of punishment by law gives definite expression and a solemn ratification and justification to the hatred which is excited by the comission of offence... The criminal law thus proceeds upon the principle, that is morally right to hate criminals, and it confirms and justifies this sentiment... I am also of opinion, that close alliance between criminal law and moral sentiment is in all way healthy and andvantageous to the community (стр. 81 и 82). Авторъ прибавляетъ: Love and hatred, gratitude for benefit and the desire of vengeance for injuries, imply each other as much, as convex and concave, и далѣе заявляетъ, что въ наше время надо жалѣть не о слишкомъ сильномъ, а о слишкомъ слабомъ чувствѣ ненависти къ преступленію.

40) Тамъ же стр. 81-я.

ятности повторенія преступнаго дѣянія. Иначе, впрочемъ, и не могло случиться, разъ Гарофало избралъ объектомъ преступнаго дѣянія чувства человѣколюбія и честности,—какъ проявленія нравственнаго закона, такъ какъ такія чувства не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ утилитарнаго начала.

Сказанное Гарофало о цѣли устрашенія въ наказаніи представляетъ совершенно вѣрную мысль, что устрашительность, въ смыслѣ перспективы большаго или меньшаго зла или лишенія, составляетъ не цѣль, а необходимую принадлежность наказанія, безъ котораго оно немыслимо. Устрашеніе такимъ образомъ должно быть присущимъ вообще наказанію; въ этомъ его различіе отъ педагогической мѣры воспитанія. Авторомъ очень вѣрно оцѣнено внутреннее воздѣйствіе угрозы наказанія, въ смыслѣ поддержки и укрѣпленія нравственныхъ помышленій. Это воздѣйствіе часто упускается изъ виду въ силу того, что о психологическихъ процессахъ мы судимъ по внѣшнимъ, открывающимъ ихъ дѣйствіямъ,—здѣсь же внутренній процессъ выражается именно воздержаніемъ отъ дѣйствія. Объ этомъ не слѣдуетъ забывать тѣмъ, которые склонны говорить о малой дѣйствительности наказанія.

Коренное значеніе среди другихъ цѣлей наказанія отводится Гарофало принципу исключенія или подбора (selezione), лучшее осуществленіе котораго авторъ видитъ въ смертной казни.—Въ основаніе этого принципа кладется ученіе о физіо-психологической наслѣдственности, которое всецѣло принимается Гарофало.

Никто въ наше время не станетъ оспаривать значенія наслѣдственности въ смыслѣ общаго біологическаго явленія,—все дѣло въ томъ, чтобъ безъ преувеличеній и увлеченій, точно установить дѣйствіе наслѣдственности въ отдѣльныхъ сторонахъ человѣческой жизни, и опредѣлить въ частности возможность и степень примѣненія принципа наслѣдственности къ ученію уголовнаго права. Гарофало, вслѣдъ за Ломброзо, высказывается въ пользу частаго проявленія атавизма въ преступникахъ. Но при этомъ авторъ не принялъ во вниманіе трудностей, сопряженныхъ съ этимъ утвержденіемъ. Чрезвычайно наглядно было показано Lacassagne на Римскомъ конгрессѣ, что теорія атавизма въ примѣненіи къ преступникамъ,—шаткая гипотеза съ мистическимъ характеромъ, на которой нельзя основать практическаго дѣла репрессіи [41]). Какъ бы въ потвержденіе словъ Лакассаня, на томъ же

---

[41]) Ср. прим. 200 къ стр. 130-й гл. 1-й. Сверхъ Lacassagne противникомъ атавизма является Manouvrier (Crânes des suppliciés) въ Archives d'anthropologie criminelle 1886. 2 стр. 125) и въ послѣднее время докторъ Dubuisson въ томъ же изданіи 1887 г.

конгрессѣ была сдѣлана странная догадка Ломброзо объ атавистической связи эпилептиковъ съ нѣкоторыми животными [42]), а равно болѣе чѣмъ странное сообщеніе доктора Альбрехта о томъ, что человѣкъ низшая разновидность породы обезьянъ,—и что преступный человѣкъ является нормальнымъ сравнительно съ человѣкомъ честнымъ [43]). Что касается до теоріи прямой наслѣдственности, то она опирается на массу свидѣтельствъ и наблюденій, изъ коихъ, независимо отъ наслѣдственной передачи душевной болѣзни, выводится передача потомкамъ преступныхъ тенденцій отъ преступныхъ, порочныхъ, душевно больныхъ или преданныхъ алкоголю родителей. Тѣмъ не менѣе юристъ не можетъ принимать положенія о рѣшительномъ господствѣ наслѣдственности въ смыслѣ фактора порочности и преступности иначе, какъ съ большою сдержанностью и съ большими оговорками.—Прежде всего слѣдуетъ признать, что законовъ, управляющихъ наслѣдственностью, мы съ точностью не знаемъ. Никакія индивидуальныя особенности какъ въ отношеніи физическихъ, такъ и психическихъ качествъ, не передаются съ необходимостью ребенку [44]). Въ моментъ рожденія, по словамъ de Candolle, есть только вѣроятность,—а не достовѣрность наслѣдственности, внѣшнія обстоятельства являются въ видѣ цѣлаго ряда видоизмѣняющихъ факторовъ [45]). По части психической наслѣдственности такимъ факторомъ является воспитаніе. Чрезвычайно существенно установить взаимное отношеніе того и другаго фактора и только тогда, когда это будетъ сдѣлано, можно говорить о степени силы наслѣдственныхъ вліяній. До тѣхъ же поръ, можно предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существенное значеніе приписывается наслѣдственности, участвуетъ факторъ дурнаго воспитанія въ связи съ дурными примѣрами, безнравственной средой. Если же въ созданіе извѣстныхъ по-

---

№ 8 въ замѣчательной статьѣ.—De l'évolution des opinions en matiére de responsabilité, направленной противъ смѣшенія преступныхъ склонностей и патологическихъ состояній.

42) Сравн. гл. 1-ую стр. 151.

43) Archives de l'anthropologie criminelle 1886 № 3. Congrès de Rome., стр. 286. стр. 125-ая.

44) Рѣчь Chrétien, въ преніяхъ медико-психологич. общества 31 мая 1886 г. по вопросу о signes physiques, intellectuels et moraux de la folie héréditaire, Annales medico-psychologiques № 2 1886 г. Nous possédons l'intuition des lois de l'heredité, bien plus que les lois.—Противъ широкаго представленія о наслѣдственности Chretien выставляетъ примѣры Еврейскаго обрѣзанія, искусственной деформаціи головы у нѣкоторыхъ народовъ (стр. 258).

45) Цитата взята изъ Archives d'anthropologie criminelle 1887 г. № 8. Revue bibliographique стр. 175.

слѣдствій (преступности, порочности) могутъ входить два фактора,— наслѣдственность и свойство воспитанія,—то нельзя объяснять эти послѣдствія непремѣнно лишь однимъ изъ этихъ факторовъ.—Въ пользу этого вывода можно сослаться на двухъ такихъ компетентныхъ ученыхъ, какъ французскій антропологъ Manouvrier и Американскій психіатръ Gray. Указавъ на возможность объясненія ранней испорченности у дѣтей наслѣдственностью, Manouvrier считаетъ одинаково законнымъ объясненіе при помощи дурнаго воспитанія, дающаго развиваться и даже благопріятствующему дурнымъ склонностямъ, общимъ большинству дѣтей [46]). Gray утверждаетъ, что факты, объясняемые обыкновенно патологической наслѣдственностью, условливаются параллелизмомъ или сходствомъ въ окружающихъ условіяхъ и воспитаніи, безсознательнымъ подражаніемъ. Никто не родится сапожникомъ и портнымъ, замѣчаетъ Gray, какъ никто не родится преступникомъ и самоубійцей [47]). Къ указаннымъ основаніямъ, не допускающимъ принимать явленія наслѣдственности, какъ вполнѣ доказанный факторъ преступности,—присоединяется разногласіе въ показаніяхъ различныхъ писателей и сомнительная фактическая достовѣрность показаній, обусловленная многочисленными причинами. Такъ, по словамъ Legrand du Saulle, разница въ процентѣ случаевъ наслѣдственности колеблется между 4%, по мнѣнію однихъ изслѣдователей, и 85% по мнѣнію другихъ. Цитованный выше психіатръ Chrétien объясняетъ эту разницу различіемъ субъективныхъ представленій того или другаго писателя о наслѣдственности: такъ прибѣгаютъ къ атавизму, къ боковой наслѣдственности черезъ дядю или тетку, къ преобразованной наслѣдственности, hérédité transformée, при которой, по замѣчанію другаго французскаго психіатра Cotard, наслѣдственность выражается въ несходствѣ съ родителями. Малая достовѣрность многихъ таблицъ наслѣдственности обусловливается сверхъ того тѣмъ, что онѣ строятся на основаніи показаній лицъ, либо совершенно некомпетентныхъ свидѣтельствовать о болѣзненныхъ свойствахъ родителей и восходящихъ, либо заинтересованныхъ говорить неправду. Выше была показана недостовѣрность таблицы доктора Виргилію о наслѣдственности среди наблюдавшихся имъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Дѣло обстоитъ еще хуже, когда рѣчь

---

[46]) Loco cit. стр. 125. Ср. также замѣчаніе профессора Лашкевича на диспутѣ г. Дриля въ Харьковскомъ Университетѣ о большей роли воспитанія въ дѣлѣ преступности сравнительно съ наслѣдственностью (Юридич. Вѣстникъ 1885 г. № 11, стр. 476).

[47]) Heredity въ American Journal for Insanity 1884. July. Цитата взята изъ реферата въ архивѣ Ковалевскаго 1884 г. Т. IV. № 2.

идетъ о наслѣдственной передачѣ не душевныхъ болѣзней, а безнравственныхъ тенденцій и порочности. Самъ нѣмецкій врачъ Рейхъ, который является фанатикомъ наслѣдственности, говоритъ о невозможности созданія статистики грѣха, того, что люди тщательно прячутъ [48]). Новѣйшій изслѣдователь преступниковъ, докторъ Марро прямо говоритъ, что, при собраніи свѣдѣній о наслѣдственности, ему приходилось полагаться на память, способности и добрую волю преступниковъ—давать показанія, а не на правильное изслѣдованіе ихъ семействъ [49]).

Драгоцѣнныя указанія на трудность собранія свѣдѣній о наслѣдственности, которыя иногда и не подозрѣваются нѣкоторыми, слишкомъ ревностными защитниками наслѣдственности, можно найти въ капитальномъ сочиненіи Гагена, посвященномъ статистическому изслѣдованію душевныхъ болѣзней въ больницѣ для умалишенныхъ въ Эрлангенѣ [50]). Изслѣдованіе въ означенной больницѣ исходило отъ точнаго установленія моментовъ наслѣдственности, подлежащихъ удостовѣренію, по единообразной схемѣ общества нѣмецкихъ психіатровъ. Случаи ошибокъ предупреждались тѣмъ, что врачамъ, составлявшимъ исторію болѣзни принятыхъ въ лечебницу лицъ, задолго до произведенія изслѣдованія, выдавались вопросные листы съ прямымъ указаніемъ на вопросъ о наслѣдственности; къ тому же директора больницы знакомились съ больными и ихъ семействами посредствомъ частныхъ справокъ, чѣмъ постепенно получалось болѣе точное знаніе наслѣдственно-больныхъ, облегчавшееся и поступленіемъ больныхъ изъ одного и того же округа, санитарное состояніе котораго было извѣстно по многолѣтнему опыту. При всѣхъ этихъ тщательныхъ пріемахъ оставался неустранимымъ одинъ источникъ ошибокъ, на который указывается составителемъ таблицъ наслѣдственности, докторомъ Ульрихомъ; этотъ источникъ коренится въ неизвѣстныхъ случаяхъ. Эти случаи могутъ быть размѣщены, по теоріи

---

48) Die Erblichkeit der Gebrechen des Leibes und der Seele 1883. § 72.

49) I caratteri dei delinquenti 1887 г. Cap. XIII. Etiologia del delitto Eredità стр. 235—238. Марро исчисляетъ болѣзненную наслѣдственность у изслѣдованныхъ имъ преступниковъ въ высокой пропорціи 90%, принимая въ разсчетъ не только душевную болѣзнь, но и алкоголизмъ, апоплексію, эпилепсію, истерію, преступныя склонности, аномаліи характера и возрастъ восходящихъ. Особенное значеніе придается авторомъ проценту преступниковъ, рожденныхъ отъ родителей незрѣлаго (10,8%) и преклоннаго возраста (32,9). Однако у наблюдавшихся Марро непреступныхъ людей процентъ такихъ родителей (8,8% и 24,9%) не представляетъ рѣзкаго отличія.

50) Statistische Untersuchungen über Geisteskrankheiten nach den Ergebnissen der ersten fünf und zwanzig Jahre der Kreissirrenanstalt Erlangen von Hagen 1876 г. V. Die Erblichkeitsverhältnisse стр. 175—244.

вѣроятности, среди случаевъ наслѣдственныхъ и ненаслѣдственныхъ. При этомъ пріемѣ, въ виду тщательнаго способа собранія свѣдѣній въ Эрлангенской больницѣ, врачъ Ульрихъ предполагаетъ возможность большей ошибки. Или же эти случаи могутъ быть отнесены къ ненаслѣдственнымъ, но тогда послѣдніе естественно увеличиваются. Можно, наконецъ, эти случаи совсѣмъ не брать въ разсчетъ, но при этомъ процентъ наслѣдственныхъ случаевъ къ ненаслѣдственнымъ дѣлается слишкомъ великъ.

Необходимость строго-техническаго собранія свѣдѣній о наслѣдственности и неизбѣжность соединенныхъ съ этими изслѣдованіями ошибокъ служитъ такимъ образомъ предостереженіемъ для составленія преждевременныхъ и поспѣшныхъ выводовъ изъ наслѣдственности въ области уголовнаго права. По части приводимыхъ Гарофало поразительныхъ результатовъ, полученныхъ относительно родовъ Lemaire и Chrétien, а также рода Juke, нужно имѣть въ виду вѣрныя замѣчанія того же цитированнаго выше Gray, что можно, конечно, подобрать извѣстное количество фактовъ, отбрасывая массу другихъ противныхъ, что при этомъ не принимаются во вниманіе иныя условія, которыя, независимо отъ наслѣдственныхъ, усиливаютъ болѣзненнотворныя причины въ данной семьѣ и собственнымъ вліяніемъ порождаютъ умственное и нравственное паденіе. Затѣмъ имѣются въ литературѣ факты, противные теоріи наслѣдственности: сюда относится напр. изслѣдованіе доктора Мебіуса: «Über nervöse Familien», въ которомъ между прочимъ прослѣжено пять поколѣній одного семейства, гдѣ, не смотря на несомнѣнность постоянно прогрессирующаго невропатическаго діатеза, докторъ Мебіусъ не открывалъ въ членахъ семьи нравственнаго извращенія, напротивъ, находилъ у многихъ изъ нихъ здравое состояніе разума и сердечную доброту [51]). Точно также положеніе о силѣ наслѣдственныхъ вліяній на преступниковъ въ значительной степени ослабляется изслѣдованіями Соммера. Среди 63 душевно больныхъ преступниковъ лишь у четверыхъ были преступники родственники—(три родственника въ восходящихъ и двое въ боковыхъ линіяхъ); тогда какъ наслѣдственность душевной болѣзни въ Алленбергской лечебницѣ у непреступныхъ душевныхъ больныхъ 30%,—у преступниковъ она не превышала 22% [52]).

---

[51]) Algemeine Zeitschrift für Psychiatrie за 1883 г. стр. 228—242.

[52]) Beiträge zur Kenntniss der criminellen Irren (Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie 1883 г. 1 и 2 Heft стр. 88—178.

Возвращаясь къ разбираемому отдѣлу Гарофало, замѣчу, что въ заключительныхъ соображеніяхъ автора, въ этомъ гимнѣ, воспѣваемомъ въ честь смертной казни, очевидно, какъ вредно увлеченіе біологическими изслѣдованіями, понятіемъ наслѣдственнаго фактора преступности, отзывается на знающемъ и талантливомъ человѣкѣ. Варварскіе порядки среднихъ вѣковъ ставятся въ образецъ современному человѣчеству, которому предсказывается порицаніе потомства, если бы оно не послѣдовало совѣтамъ автора. Такого рода воззванія не нуждаются въ опроверженіи; достаточно указать на нихъ: само собою очевидно, какъ мало они идутъ къ серьезному трактату. Въ сущности авторъ позабываетъ, что современный порядокъ общежитія имъ самимъ построенъ на наиболѣе утонченномъ развитіи чувствъ человѣколюбія и справедливости, позабываетъ собственное раздѣленіе преступниковъ на istintivi и fortuiti,—извращаетъ значеніе естественныхъ наукъ, взывая къ нимъ за оправданіемъ общественныхъ порядковъ среднихъ вѣковъ, которые безвозвратно осуждены и къ которымъ возвратиться невозможно, позабываетъ несомнѣнныя поученія исторіи права, свидѣтельствующія, что жестокія наказанія при неразборчивости ихъ примѣненія не уменьшали, а размножали число преступныхъ дѣяній. Самъ авторъ на стр. 245 и 246-й содрогается передъ казнями бродягъ при Генрихѣ VIII. Самъ авторъ ссылается на нравственныя чувствованія, не дозволяющія расточать смертную казнь. Но что же означаетъ въ такомъ случаѣ указанное возваніе на стр. 82 и 83 Criminologia?

IV.

Часть 2-ая книги Гарофало содержитъ въ себѣ изслѣдованіе «о причинахъ преступленія». Глава 1-ая этой части посвящена «аномаліямъ преступниковъ» [33]). Припомнивъ, что ранѣе имъ были установлены двѣ категоріи преступниковъ, авторъ ставитъ себѣ задачей,—опредѣлить спеціальныя особенности той и другой категоріи, а равно причины встрѣчаемыхъ у преступниковъ аномалій. Для этого требуется повѣрить распространенное мнѣніе, что преступленіе связывается съ патологическимъ состояніемъ психическихъ способностей, и что, поэтому, преступникъ въ большей или меньшей степени—больной. Душевная болѣзнь обыкновенно опредѣляется, какъ полная потеря разума и сознанія,—но психіатрія не признаетъ здоровыми и тѣхъ, у

---

33) Parte II. Le cause del delitto. Cap. I. L'anomalia dei delinquenti. I. Pazzia e delitto стр. 87-ая.

коихъ бредъ ограничивается однимъ какимъ либо предметомъ, разстройство—одной какой либо функціей. Точное опредѣленіе душевной болѣзни представляется затруднительнымъ, такъ какъ ни одинъ изъ предложенныхъ признаковъ: потери вниманія, воленія, сравненія, не оказался устойчивымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ умственное разстройство открывается лишь послѣ долгаго изслѣдованія, наиболѣе же выдаются несообразность дѣйствій или порочность чувствованій (импульсивное или нравственное помѣшательство) [34]). Указавъ на попытки ограниченія понятія о нравственномъ помѣшательствѣ (Krafft Ebbing, Bonfigli, Bonvecchiato), Гарофало утверждаетъ, что нравственное извращеніе есть лишь симптомъ болѣзни, и что нѣтъ необходимости въ сохраненіи нозологической формы нравственнаго помѣшательства. Тотъ же признакъ нравственнаго извращенія включается у Maudsley въ понятіе о преступномъ неврозѣ, котораго тѣлесный субстратъ Ломброзо находилъ въ аномаліяхъ черепа и состояній чувствованія многихъ преступниковъ, получившихъ отъ Ферри названіе delinquenti nati, отъ Ломброзо—mattoidi criminali. Составляетъ ли, однако, нравственное извращеніе—болѣзнь? Все зависитъ отъ смысла, придаваемаго этому термину. Еслибъ преступный неврозъ имѣлъ бы единственнымъ симптомомъ преступленіе, — то его можно было бы считать болѣзнью подъ условіемъ отождествленія терминовъ «болѣзни и аномаліи». Но тогда бы исчезло всякое различіе между физіологической и патологической областью; всякое уклоненіе отъ типа, всякое уродство тѣла, всякая эксцентричность должны бы считаться болѣзнью, а такъ какъ нѣтъ лица, которое бы не представляло хотя легкой психической или физической особенности, то здоровый субъектъ не встрѣчался бы никогда въ дѣйствительности. Наука не можетъ отмѣнять общепризнанныхъ терминовъ; существуютъ состояніе здоровья и состояніе болѣзни, а между ними промежуточная полоса съ неопредѣленными границами. Если нѣтъ опредѣленія душевной болѣзни, объемлющаго всѣ случаи, тѣмъ не менѣе въ конкретныхъ случаяхъ всегда возможно отличить душевно-больнаго отъ здороваго (Taylor) [35]).

Терминъ «болѣзнь» связывается съ человѣческимъ типомъ, независимо отъ различій расы; терминъ «аномалія» (напр. прогнатизмъ, волосы въ видѣ шерсти) относится къ расамъ, означая особенности, не затрогивающія тождественныхъ у людей функцій орга-

---

[34]) Стр. 87—90.
[35]) Стр. 90—94.

низма. То же должно сказать о психическихъ аномаліяхъ: анормальныя въ нашей,—онѣ нормальны, т. е. распространены въ низшихъ расахъ. Напротивъ, нарушенія координаціи мысли, памяти, психическій процессъ, необусловленный внѣшними побужденіями, являются аномаліями вида, а не расы, душевной болѣзнью, разстройствомъ способности, коренящейся не въ расѣ, а въ человѣческой природѣ. Нравственное извращеніе безъ разстройства физіологической жизни и органической функціи не составляетъ болѣзни. Оно еще болѣе удаляется отъ понятія болѣзни въ виду зависимости его отъ различія разныхъ общественныхъ группъ. Есть общія условія человѣческой жизни—условія физіологическія,—имъ противупоставляются анормальныя условія, называемыя въ силу общаго сознанія болѣзнями. Психическія аномаліи непатологическаго свойства относятся не къ виду, а къ расамъ; таковыя аномаліи принадлежатъ delinquente nato [56]).

Къ этимъ возраженіямъ противъ объясненія преступности патологическими причинами авторъ прибавляетъ слѣдующія указанія на различія между душевнымъ больнымъ человѣкомъ съ одной, здоровымъ преступникомъ съ другой стороны. У душевно больнаго и слабоумнаго чрезмѣрныя ощущенія, внутреннее раздраженіе, даютъ толчекъ психическому процессу, не соотвѣтствующему внѣшней причинѣ. Наоборотъ, въ прирожденномъ преступникѣ психическій процессъ въ гармоніи съ внѣшними ощущеніями,—цѣль у такого преступника не отличается отъ цѣли, поставляемой нормальнымъ человѣкомъ, аномалія заключается въ избраніи преступнаго дѣянія средствомъ для цѣли. Не даромъ и Ломброзо нашелъ довольно рѣзкія различія между душевно-больными и преступниками. Но такое различеніе дѣлается затруднительнымъ, когда нравственное помѣшательство признается за видъ душевной болѣзни. Ломброзо сдѣлалъ неразличимыми нравственно помѣшанныхъ отъ душевно больныхъ, благодаря эластичности формы follia morale, которая въ тѣхъ случаяхъ, когда ее невозможно свести къ опредѣленному виду душевной болѣзни — необузданная тенденція къ преступности. А между тѣмъ, преступный человѣкъ, несомнѣнно, можетъ и не страдать чувствительнымъ нарушеніемъ умственной дѣятельности, составляющимъ главный признакъ душевной болѣзни. Если подъ follia morale разумѣть прирожденную преступность, то этотъ терминъ лишь указываетъ на аномалію, лишенную патологическаго значенія. Тождество нѣкоторыхъ

---

56) Стр. 95—97.

признаковъ не устраняетъ существеннаго различія между преступникомъ и душевно больнымъ: для перваго преступленіе средство, для втораго цѣль.

Указавъ, что предшествующее изложеніе было необходимо для установленія точныхъ терминовъ, Гарофало придаетъ, однако, различію душевной болѣзни и преступности весьма ограниченное значеніе. «Какое бы ни принять рѣшеніе въ этомъ вопросѣ, классическая доктрина уголовнаго права во всякомъ случаѣ остается пораженною на смерть, такъ какъ и непатологическія аномаліи преступниковъ объясняются ихъ психофизической организаціей и, поэтому, нельзя признавать за ними способности сопротивленія преступнымъ импульсамъ. Различіе душевной болѣзни и преступной склонности не имѣетъ большаго интереса и по части примѣненія наказанія. Нужно знать, есть ли извѣстная аномалія постоянная, есть ли извѣстная болѣзнь неизлечимая и опасная для общества, или же есть надежда на излеченіе субъекта, исчезновеніе у него преступныхъ импульсовъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ причины не исключать душевно больнаго безусловно изъ общества; во второмъ случаѣ на лицо съ одной стороны преступники, могущіе излечиться, съ другой—преступники по случайному поводу и обычные, способные видоизмѣняться при принужденіи ихъ къ новому порядку жизни [57]).

Изложенный отдѣлъ ярко указываетъ на то положеніе, въ которое становится Гарофало относительно распространенныхъ теорій, видящихъ въ преступности патологическое явленіе. Гарофало отказывается поддерживать эти воззрѣнія, и его изложеніе—вѣрная и справедливая критика этихъ ученій вообще, а равно послѣдняго изданія «L'uomo delinquente» Ломброзо въ частности.—Важно, что Гарофало приходитъ въ результатѣ къ различенію состояній душевной болѣзни и душевнаго здоровья, которыя, благодаря разнымъ эластичнымъ терминамъ: дегенераціи, нравственнаго помѣшательства, неуравновѣшанности, стираются, къ различенію физіологическихъ и патологическихъ условій преступности,—къ различенію душевно здороваго и душевно больнаго преступника.—Чрезвычайно вѣрно сдѣланное имъ различеніе между болѣзнью и аномаліей. Но оспаривая воззрѣнія нѣкоторыхъ представителей одного съ нимъ направленія,—Гарофало, тѣмъ неменѣе, заботится сохранить солидарность съ ними, почему различеніе болѣзни и аномаліи, которому посвящено столько труда авторомъ, въ заключеніе

---

57) Стр. 97—100.

объявляется маловажнымъ для дѣятельности уголовнаго правосудія. Отличать болѣзнь и аномалію, конечно, необходимо. Но дѣло въ томъ, что эти аномаліи составляютъ широкую область, въ которой опять необходимы различенія. Существуютъ аномаліи, какъ симптомъ или послѣдствіе болѣзни—и аномаліи, лишенныя такого значенія. Такія аномаліи, какъ потеря извѣстнаго органа (пріобрѣтенная слѣпота, глухота) являются послѣдствіемъ болѣзненнаго процесса помимо всякой вины извѣстнаго субъекта, несчастіемъ, но бываютъ аномаліи, какъ результатъ дурныхъ привычекъ и страстей (разгула, разврата, порочности въ обширномъ смыслѣ слова). Если относительно аномалій первой категоріи никакой отвѣтственности не возлагается на носителей ихъ, то въ сознаніи гражданственныхъ народовъ крѣпко укореняется убѣжденіе въ законности порицанія людей, у которыхъ встрѣчаются аномаліи послѣдняго рода.—Несмотря на широкое распространеніе нѣкоторой слабонервной, дряблой и сентиментальной гуманности, столь же далекой отъ истинной, какъ ханжество отъ истинно религіознаго чувства, мы совершенно иначе относимся къ слѣпцу или увѣчному, лишенному способности къ труду,—и искателю приключеній, живущему обманомъ своихъ ближнихъ, а между тѣмъ тотъ и другой одинаково неспособны къ труду. Конечно, можно спросить, справедливо ли такое различное отношеніе? Но самъ Гарофало признаетъ психическія аномаліи непатологическаго свойства. Такія аномаліи, если придавать имъ какое либо опредѣленное значеніе, могутъ означать одно,—что онѣ принадлежатъ человѣку умственно и тѣлесно здоровому.—Если же человѣкъ тѣлесно и умственно здоровъ,—то психическія аномаліи его не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ его вины передъ собой и обществомъ.—Вина эта можетъ быть конечно бо́льшая или меньшая,—упразднить же ее совершенно невозможно. Иначе мы не поймемъ возможности патологическихъ аномалій,—иначе нельзя будетъ признать, что существуютъ непремѣнно состоянія здоровья и состоянія болѣзни, какъ это утверждаетъ самъ Гарофало. Въ самомъ дѣлѣ, если не признавать вины человѣка относительно непатологическихъ аномалій, то нужно будетъ чѣмъ нибудь объяснить ихъ, т. е., либо страданіемъ тѣлеснаго организма, либо страданіемъ душевнаго строя. Но тогда онѣ уже не будутъ непатологическими аномаліями.—Поэтому, разъ различаются патологическія и непатологическія аномаліи, нельзя говорить, что существующая доктрина уголовнаго права поражена на смерть. Гарофало ссылается на невозможность преступниковъ сопротивляться импульсамъ психо-физическаго свойства; но импульсы, которымъ нельзя сопротивляться, ничто иное, какъ импульсы,

обусловленные болѣзнью. Значитъ, различивъ патологическія и непатологическія аномаліи, Гарофало невольно сливаетъ ихъ.—Дурныя привычки дѣйствительно ослабляютъ силу сопротивленія извѣстнымъ мотивамъ,—но съ импульсами, обусловленными болѣзненными страданіями, ихъ все таки вполнѣ уравнивать нельзя.—Это послѣднее положеніе подтверждается самимъ Гарофало,—указывающимъ на необходимость лѣченія страдающаго психо-неврозомъ въ больницѣ, и принужденія обычнаго преступника къ новому порядку жизни.—Далѣе, и при характеристикѣ двухъ категорій преступниковъ, Гарофало относительно наиболѣе обширной, delinquenti fortuiti, указываетъ самъ на слабость нравственнаго чувства, по которой такіе преступники не въ состояніи противиться соблазнамъ лишь опредѣленной среды.—Значитъ о непреодолимыхъ импульсахъ такихъ лицъ совсѣмъ говорить не приходится.

Вслѣдъ за изслѣдованіемъ соотношенія между душевной болѣзнью и преступностью Гарофало приступаетъ къ изслѣдованію двухъ категорій преступниковъ: delinquenti istintivi, соотвѣтствующихъ delinquenti nati Ломброзо и Ферри, и delinquenti fortuiti, объемлющихъ преступниковъ по случайному поводу и обычныхъ. Прежде всего Гарофало дѣлаетъ обзоръ антропологическихъ и психологическихъ особенностей delinquenti istintivi, представляющій краткій сводъ данныхъ изложенныхъ въ 3-мъ изд. L'Uomo delinquente Ломброзо [38]). Этотъ обзоръ оканчивается указаніемъ, что при всей достовѣрности извѣстныхъ аномалій преступниковъ, — должно разумѣть таковыя въ смыслѣ относительномъ, болѣе частаго нахожденія ихъ у преступниковъ сравнительно съ нормальнымъ человѣкомъ. Антропологія не можетъ предвидѣть преступленія; но когда преступленіе совершено,— она можетъ объявить преступника инстинктивнымъ и неисправимымъ, если въ немъ встрѣчаются наиболѣе рѣзкія особенности преступнаго типа, въ связи съ наслѣдственностью и съ самымъ свойствомъ совершеннаго имъ преступленія, — дающаго своей анормальностью первый критерій для распознанія анормальности виновныхъ. Положеніе о неисправимости преступника, доказанное новѣйшими изслѣдованіями, подрываетъ идею, что наказаніемъ можно исправлять преступниковъ.—Угрызеніе совѣсти, раскаяніе имъ неизвѣстны. — Нельзя ничего, поэтому, ожидать отъ нравственнаго и религіознаго поученія преступниковъ. Точно также нельзя расчитывать на пред-

---

[38]) Delinquenti istintivi стр. 101—110. Ср. гл. 1 моего изслѣдованія.

упреждающее значеніе системы наказаній. При отсутствіи у преступниковъ предусмотрительности, тонкой чувствительности, способности къ исправленію характера и инстинктовъ — одинъ страхъ потери жизни можетъ воздерживать преступниковъ отъ преступленія.

Вообще антропологическія особенности обладаютъ единственно значеніемъ вспомогательнаго признака для обнаруженія инстинктивнаго преступника. Важность этого критерія усиливается въ проступкахъ объективно менѣе важныхъ, но важныхъ съ субъективной стороны (таковы тѣлесныя поврежденія при отсутствіи повода со стороны потерпѣвшаго, кражи, совершенныя безъ крайней нужды, покушеніе на изнасилованіе). Во многихъ проступкахъ дѣтей антропологія можетъ обнаружить инстинктивнаго преступника, — отъ котораго общество должно быть обезпечено на всегда. Важность антропологическаго критерія, напротивъ, уменьшается, въ формахъ высшей преступности, какъ, напримѣръ, убійство лица безъ всякаго чувства ненависти къ нему, и вообще во всѣхъ злодѣніяхъ, которыя сами по себѣ доказываютъ полное отсутствіе нравственнаго чувства [39]).

Авторъ вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ категоріи преступниковъ по случайному поводу (fortuiti). Вообще нѣтъ настоящихъ преступниковъ безъ органически-анормальнаго строенія, могутъ недоставать антропологическія особенности, но всегда есть большая или меньшая психическая аномалія.—Преступникамъ вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, несчастія, бѣдности, непремѣнно свойственна неустойчивая нервная система и извѣстная слабость умственной организаціи. Такимъ образомъ, всѣ преетупники физически анормальны, многіе анормальны и психически. Психическая прирожденная аномалія представляетъ рядъ степеней: у однихъ преступниковъ (nati, istintivi) полное отсутствіе нравственнаго чувства и полное господство антисоціальныхъ импульсовъ; наслѣдственная аномалія постоянно готова проявляться во внѣ и сопровождается антропологическими особенностями. У другихъ преступниковъ аномалія не способна приводить къ преступленію безъ вліянія среды, почему ихъ можно называть fortuiti. Преступленіе совершается ими, пока продолжаются создавшія его условія, и исправленіе ихъ возможно—разъ эти условія исчезаютъ [60]).

Какъ инстинктивные, такъ и преступники по случайному поводу могутъ быть обычными (abituali), съ тѣмъ лишь различіемъ, — что

---

[39]) Conchiusioni стр. 110—113.

[60]) Delinquenti fortuiti стр. 113—116.

преступникъ инстинктивный неисправимъ, преступникъ по случайному поводу можетъ прекратить свою преступную дѣятельность, разъ прекратятся побужденія среды. Категорія обычныхъ преступниковъ, такимъ образомъ, не представляетъ психологической разновидности преступника, ей нельзя даже приписать значенія въ смыслѣ критерія для выбора карательнаго средства, такъ какъ таковое обусловливается причинами, создающими преступную привычку. Среди преступниковъ по случайному поводу Гарофало различаетъ два подъ-вида, сообразно недостатку чувствъ pietà и probità. Въ преступленіяхъ, свидѣтельствующихъ о недостаткѣ перваго чувства, человѣколюбія—инстинктивные преступники преобладаютъ надъ преступниками по случайному поводу: человѣколюбіе—чувство болѣе глубокое, болѣе физіологическое, чѣмъ честность. Напротивъ, преступники по случайному поводу преобладаютъ въ преступности, характеризуемой признакомъ безчестности (improbità), т. е. отсутствіемъ инстинкта менѣе глубокаго и обусловленнаго не столько наслѣдственностью, сколько средой и воспитаніемъ [61]).

Гарофало, далѣе, останавливается на delinquenti impulsivi. У такихъ преступниковъ рѣдко встрѣчаются антропологическія клейма, чаще патологическій элементъ, какъ то происхожденіе отъ алкоголиковъ, родство съ душевно больными, склонность къ гнѣву. Этотъ классъ составляетъ соединительное звено между убійцами инстинктивными и по случайному поводу. Преступленіе является реакціей, хотя и чрезмѣрной—по поводу внѣшняго факта (ссоры, драки,) умыселъ на убійство рождается мгновенно вслѣдствіе чрезмѣрности,—съ которой организмъ реагируетъ на внѣшній поводъ. При чрезвычайномъ несоотвѣтствіи, по мѣркѣ общаго чувства, между поводомъ и дѣяніемъ убійца долженъ считаться инстинктивнымъ. Напротивъ, виновникъ долженъ причисляться къ преступникамъ по случайному поводу, когда внѣшній фактъ преобладаетъ, когда онъ способенъ возбудить гнѣвъ въ большинствѣ людей (напр. тяжкая обида).

Авторъ, наконецъ, обращается къ эндемическому преступленію (delitto endemico). Нѣкоторые убійцы могутъ считаться преступниками по случайному поводу, не смотря на предумышленность дѣянія, когда оно вызывается не столько выдающимся преступнымъ инстинктомъ, сколько мотивами, не имѣющими характера преступныхъ въ жизненной средѣ преступника. Италія страдаетъ отъ эндемически кровавыхъ преступленій въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, въ особенности въ

---

[61]) Стр. 116—117.

Романьѣ, въ Сициліи и Сардиніи. Преступники по случайному поводу не доходили бы до убійства безъ страсти, зарожденной въ нихъ нравственной атмосферой. Главные элементы такой атмосферы—отсутствіе быстрой, дѣятельной, возмѣщающей зло юстиціи, подражаніе, преданіе и меньшая чувствительность расы.

Гарофало иллюстрируетъ свою мысль указаніями на особенности кровавыхъ преступленій въ разныхъ областяхъ Италіи. Такъ, въ Неаполѣ часто встрѣчается Sfregio del viso, нанесеніе рѣзаной раны на лицѣ бритвой невѣрнымъ любовницамъ или дѣвушкамъ, отвергающимъ искательство мужчины. По свидѣтельству Габелли, необыкновенная легкость, съ которой совершаются убійства въ Римѣ изъ-за ничтожнѣйшаго повода, зависитъ отъ нѣкоторыхъ господствующихъ въ народѣ обычаевъ. Тамъ есть печальный обычай — постояннаго ношенія при себѣ ножа, существуетъ мнѣніе, что кто не отвѣчаетъ на обиду ударомъ ножа, не мужчина. Романья, Неаполь, Сицилія и Сардинія представляютъ спеціальность убійства изъ мести, изъ-за угла, выстрѣлами изъ револьвера. Какъ самая преступность, такъ и слабость репрессіи въ Италіи должны быть приписаны малой чувствительности населенія, можетъ быть, унаслѣдованной отъ страстно любившихъ кровавыя зрѣлища Римлянъ. Малой чувствительностью Итальянцевъ объясняется какъ полное отсутствіе тѣхъ взрывовъ негодованія, которые въ С. Америкѣ выражаются въ Linch-justice, такъ и снисходительность суда присяжныхъ къ убійцамъ [62]).

Послѣ соціальной среды наибольшее вліяніе на преступность принадлежитъ климатическимъ вліяніямъ и алькоголю. Впрочемъ вліяніе алькоголя, несомнѣнное въ преступленіяхъ, совершенныхъ по запальчивости, не въ силахъ уменьшить пропорціональнаго отношенія преступности между различными странами. Такъ, пьянство—порокъ болѣе распространенный въ Англіи, чѣмъ въ Италіи, а между тѣмъ убійствъ въ послѣдней бываетъ въ шестнадцать разъ болѣе сравнительно съ первой [63]).

Отъ эндемической преступности Гарофало переходитъ къ ворамъ по случайному поводу (ladri fortuiti). Въ виду того, что честность менѣе инстинктивное явленіе, чѣмъ человѣколюбіе, случайные поводы дѣйствуютъ въ особенно значительной степени при созданіи виновниковъ кражи, мошенничества, подлога. Человѣкъ рождается убій-

---

62) Стр. 118—124.
63) Стр. 125—126.

цей или дѣлается таковымъ вслѣдствіе эндемическаго вліянія. Воръ же преимущественно продуктъ спеціально окружающей его обстановки,—семейныхъ вліяній, товарищескихъ отношеній. Главную роль играютъ воспитаніе и примѣры, кромѣ случаевъ врожденной склонности къ кражѣ [64]).

Послѣ разбора вопроса о классификаціи преступниковъ, предложенной Ферри, мнѣ остается сдѣлать нѣсколько немногихъ замѣчаній относительно соотвѣтствующаго отдѣла у Гарофало. Строго говоря, у Гарофало даже нѣтъ классификаціи, а обособленіе изъ всей совокупности преступниковъ наиболѣе анормальныхъ, преступныхъ органически и наслѣдственно, подъ именемъ istintivi, которымъ противуполагаются всѣ остальные подъ именемъ fortuiti [65]). При установленіи понятія тѣхъ и другихъ, Гарофало слѣдуетъ опредѣленіямъ Ломброзо и Ферри тѣхъ же двухъ категорій, носящихъ у нихъ, названія nati и d'occasione. Существенное отличіе Гарофало отъ этихъ писателей, какъ уже показано было выше, состоитъ въ его воззрѣніи на преступную привычку, которая не кладется въ основаніе отдѣльной самостоятельной категоріи, не составляетъ признака различенія, а черту соединенія между преступниками инстинктивными и по случайному поводу, одинаково могущими быть обычными преступниками, при чемъ первые только неисправимы,—а вторые исправимы. Я не стану входить въ обсужденіе этого положенія,—въ виду сдѣланнаго мною въ предшествующей главѣ обсужденія вопроса объ обычныхъ преступникахъ. Классъ таковыхъ преступниковъ, по крайнему убѣжденію моему, съ наибольшимъ основаніемъ можетъ быть выдѣленъ изъ совокупности другихъ преступниковъ. Гарофало отрицаетъ самостоятельное его значеніе на томъ основаніи, что нельзя связать его съ спеціальнымъ карательнымъ средствомъ,—такъ какъ таковое должно быть различно сообразно причинамъ, создающимъ преступную привычку. Но это возраженіе представляется мало убѣдительнымъ. Въ дѣйствительности можно надѣяться различить болѣе устойчивую и менѣе устойчивую привычку

---

64) Стр. 127—128.

65) Возраженія, которыя дѣлаются со всѣхъ сторонъ противъ типа прирожденнаго или инстинктивнаго преступника, — находятъ поддержку у Марро въ Caratteri dei delinquenti. «Не существуетъ единаго типа delinquente nato, съ спеціальными клеймами или особенностями физіономіи, обреченнаго на преступность во всевозможныхъ формахъ. Каждая изъ формъ преступности преимущественно проявляется въ субъектахъ съ спеціальными наружными признаками и съ соотвѣтствующими имъ инстинктами, облегчающими то или другое антисоціальное дѣяніе при благопріятныхъ условіяхъ среды и путемъ наиболѣе годныхъ средствъ». Къ этимъ словамъ Марро прибавляетъ, что при существованіи

къ преступленію, вопросъ же о томъ, развилась ли привычка вслѣдствіе особенно сильныхъ преступныхъ склонностей, или преимущественно вслѣдствіе внѣшнихъ условій, — вопросъ неразрѣшимый, который представляется легкимъ лишь въ теоріи, а не на практикѣ. Поэтому, признавая необходимость категоріи обычныхъ преступниковъ, я отрицалъ выше состоятельность группы прирожденныхъ, инстинктивныхъ преступниковъ. Разъ же эта группа принимается, какъ основная, —что дѣлаетъ Гарофало, то, конечно, рядомъ съ ней нѣтъ мѣста группѣ обычныхъ преступниковъ—по невозможности отличенія отъ первой.

Характеристика инстинктивныхъ преступниковъ не избѣгаетъ и у Гарофало той шаткости и той неясности, которыя были отмѣчены выше у Ферри и Ломброзо. Такъ, заговоривши въ первый разъ объ этой категоріи, Гарофало признаетъ невозможнымъ относить къ ней извѣстнаго преступника на основаніи одиночнаго случая нарушенія чувства человѣколюбія и честности и настаиваетъ на необходимости тщательнаго и основательнаго изслѣдованія преступника [66]). Въ другомъ мѣстѣ нѣсколько дальше,—Гарофало утверждаетъ, что свойство самаго преступленія, даже при отсутствіи опасенія за будущее, достаточно изобличаетъ инстинктивнаго преступника [67]).—Наконецъ въ разбираемомъ отдѣлѣ отнесеніе къ категоріи инстинктивныхъ преступниковъ обусловливается антропологическими особенностями, наслѣдственностью и анормальностью преступнаго дѣянія. Относительно значенія антропологическихъ клеймъ, — у нашего автора дѣлается слѣдующее различеніе: Гарофало признаетъ за ними наименьшее значеніе въ формахъ особо тяжкой преступности, при которыхъ они только примыкаютъ къ главному критерію, анормальному преступленію, выдѣляющему анормальнаго преступника.— Но за то указаннымъ клеймамъ придается значеніе основное въ дѣяніяхъ объективно не тяжкихъ, но тяжкихъ субъективно, въ особенности у малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Въ этихъ случаяхъ они указываютъ на инстинктивнаго преступника,—не успѣвшаго

естественныхъ расположеній, таковыя не производятъ преступленія при отсутствіи вызывающаго ихъ повода (causa occasionale), каковы острый или хроническій алкоголизмъ, тифозная горячка, траума, несчастныя соціальныя условія. Cap. XXVII. Riassunto e conclusioni. Стр. 443—444. Какъ близко сближаются, такимъ образомъ, delinquente nato и d'occasione! Нужно отмѣтить тотъ знаменательный фактъ, что Марро, оставляя въ сторонѣ классификацію преступниковъ новой школы, классифицируетъ изслѣдованныхъ имъ лицъ по свойству совершеннаго преступленія.

66) Criminologia Гл. II, стр. 51.

67) Гл. II, стр. 64—61.

окончательно сложиться, но угрожающаго постоянной опасностью въ будущемъ. Въ тоже время авторъ свидѣтельствуетъ о наиболѣе частомъ нахожденіи антропологическихъ клеймъ у тягчайшихъ преступниковъ. Изъ этого выходитъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда антропологическія клейма усиливаются въ своемъ значеніи совпаденіемъ ихъ съ особенно тяжелымъ преступнымъ дѣяніемъ, они отступаютъ въ глазахъ автора на второй планъ, и, напротивъ, цѣнятся имъ всего болѣе,—когда ихъ связь съ фактомъ преступности болѣе отдаленная, когда отъ малой тягости преступнаго дѣянія нельзя судить объ инстинктивномъ преступникѣ. Если въ послѣднемъ случаѣ антропологическія клейма — обнаруженіе будущей тягчайшей преступности, то какъ примирить съ этимъ положеніе автора, что антропологія не можетъ предвидѣть будущаго преступленія? Вообще, при указанныхъ условіяхъ, для несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ создается при помощи антропологическихъ клеймъ, въ случаѣ обнаруженія у нихъ какихъ либо порочныхъ наклонностей— praesumptio juris et de jure.—А между тѣмъ, нельзя не признать, что во множествѣ лицъ несовершеннолѣтнихъ порочныя наклонности совпадаютъ съ отсутствіемъ разумѣнія, т. е. съ умственнымъ недоразвитіемъ, и исчезаютъ по мѣрѣ наступленія полнаго развитія разума.[68]) Къ тому же существуетъ любопытный фактъ, удостовѣренный г. Рукавишниковымъ на Римскомъ конгрессѣ наглядным образомъ, путемъ предъявленныхъ имъ фотографій малолѣтнихъ преступниковъ,— постепеннаго исчезновенія у таковыхъ многихъ изъ такъ называемыхъ антропологическихъ клеймъ [69]).

Помимо разсмотрѣннаго отдѣла Criminologia, Гарофало и въ другихъ позднѣйшихъ работахъ попытался поддержать теорію Ломброзо о сочетаніи особенностей тѣлеснаго организма съ психологическими аномаліями у инстиктивнаго преступника. Таково его чтеніе въ Обществѣ психологической физіологіи въ Парижѣ 9 ноября 1885 года, подъ

---

[68]) Маггo въ указ. соч. дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: не рѣдко можно встрѣтить въ дѣтскомъ возрастѣ признаки pazzia morale,—которые позднѣе, при надлежащемъ воспитаніи и при наступленіи разумѣнія (alsoppravenire della riflessione), болѣе или менѣе вполнѣ устраняются (стр. 331). По вопросу о нравственныхъ аномаліяхъ въ дѣтскомъ возрастѣ и степени исправимости ихъ воспитаніемъ, см. главу 1 моей работы—стр. 17—26.

[69]) Congrès d'anthropologie criminelle de Rome въ Archives de l'anthropologie criminelle et des sciences pénales 1886 г. № 3, стр. 285.

заглавіемъ Contribution a l'étude du type criminel [70]). Въ этой работѣ Гарофало сообщилъ результаты наблюденій, сдѣланныхъ имъ надъ преступниками, при отправленіи обязанностей члена прокурорскаго надзора. У пяти убійцъ, признаваемыхъ инстинктивными, Гарофало нашелъ слѣдующіе признаки: холодный стекловидный взглядъ, уродливыя уши, шерстообразные волосы, ультра-брахикефалію, скафокефалію, микрокефалію, отсутствіе бороды, dolycoprosopia и brachyprosopia (чрезмѣрно длинное или короткое лицо),—каковые признаки соединялись съ величайшей отверженностью побужденій къ преступленію. Къ вопросу объ антропологическихъ клеймахъ, въ связи съ психическими аномаліями, Гарофало возвратился и въ работѣ: «L'anomalie du criminel», въ которой воспроизводится соотвѣтствующій отдѣлъ «Criminologia» съ нѣкоторыми дополненіями и ссылками на новѣйшія изслѣдованія, въ томъ числѣ—книгу Marro. Авторъ въ этой работѣ повторяетъ, между прочимъ, что изслѣдованія ученыхъ поставили внѣ сомнѣнія высшую пропорцію прирожденныхъ физическихъ аномалій среди извѣстнаго количества преступниковъ, при сравненіи таковыхъ съ одинаковымъ числомъ непреступныхъ лицъ [71]). Но дѣло въ томъ, что подъ прирожденными аномаліями разумѣются весьма многочисленныя и разнообразныя особенности,—различные авторы различно исчисляютъ распространенность тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ аномалій среди преступниковъ, а также среди преступниковъ, сравнительно съ непреступными лицами. Въ этомъ отношеніи особенно поучительно сопоставленіе результатовъ наблюденій Ломброзо и Ферри относительно антропологическихъ особенностей преступниковъ съ изслѣдованіемъ Марро, на котораго ссылается Гарофало, тѣмъ болѣе, что Марро изучалъ тѣхъ же преступниковъ Итальянскаго племени, съ которыми имѣли дѣло оба вышеуказанные изслѣдователи. Начать съ того, что значительность вѣса и роста, усвоиваемая Ломброзо преступникамъ вообще, была найдена Марро лишь у несовершеннолѣтнихъ преступниковъ,—совершеннолѣтніе преступники, изслѣдованные Марро, уступали ростомъ и вѣсомъ тѣла непреступнымъ лицамъ [72]); по части головнаго показателя Марро не нашелъ ничего подтверждающаго мысли Галля о преувеличеніи діамет-

---

70) Revue Philosophique 1886 г. № 3. стр. 303—311.

71) Revue Philosophique 1887 г. № 3. L'anomalie du criminel стр. 228. Гарофало на слѣдующей страницѣ дѣлаетъ многознаменательную уступку: «Peu importe que le fait n'ait pas pour le moment d'interêt pratique, parcequ'il ne nous donne pas le moyen de distinguer dans la foule un criminel».

72) I caratteri dei delinquenti P. II Cap. II. стр. 69 — 77.

ра поперечника у преступниковъ противъ жизни [73]); по части разстоянія между скуловыхъ костей (diametro bizogomatico), въ измѣреніяхъ свыше 14 сантиметровъ непреступныя лица и преступники относятся другъ къ другу въ пропорціи 51,2:52,1, «не допускающей видѣть въ полученныхъ измѣреніяхъ отличительный признакъ между нормальными людьми и преступниками» [74]). Нѣкоторыя атавистическія аномаліи Марро нашелъ даже чаще у непреступныхъ лицъ, чѣмъ у преступниковъ; такъ, скошенный лобъ у первыхъ оказывается въ пропорціи 4%, у вторыхъ 3,1%; torus occipitalis (признакъ весьма крупный, какъ особенность, свойственная гориллѣ) оказывается у непреступныхъ лицъ въ пропорціи 9%,—у преступниковъ же 4,7%. Точно также уши съ такъ называемымъ Дарвиновскимъ бугоркомъ оказались у людей непреступныхъ въ пропорціи 7% — у преступниковъ менѣе 1%, несмотря на то, что это именно, по словамъ Марро, свойственная обезьяньему типу особенность. Другія аномаліи того же вида являютъ слабое преобладаніе среди преступниковъ сравнительно съ непреступными лицами; такъ, лобныя пазухи у первыхъ найдены въ пропорціи 23%,—у вторыхъ въ пропорціи 18% [75]). Изъ атипическихъ аномалій Марро нашелъ торчащія уши у непреступныхъ лицъ чаще, чѣмъ у преступниковъ, тогда какъ Ломброзо приводитъ этотъ признакъ въ коренную связь съ преступнымъ человѣкомъ [76]).

Правда, Марро нашелъ преобладаніе всѣхъ трехъ видовъ аномалій, атавистическихъ, атипическихъ и патологическихъ у преступниковъ сравнительно съ лицами непреступными, но наибольшее преобладаніе относится къ патологическимъ аномаліямъ, (0,94 : 0,39). Преобладаніе атавистическихъ является меньшимъ, (80,8 : 63,0), преобладаніе атипическихъ совершенно незначительно (1,04 : 0,92) [77]). А такъ какъ изъ трехъ видовъ аномалій, только атавистическія и атипиче-

---

73) Указ. соч. стр. 113. Ломброзо почти отказался отъ мысли о связи брахикефаліи съ кровавыми инстинктами, Гарофало въ Criminologia еще держится этого воззрѣнія.

74) Указ. соч. стр. 129.

75) Garaffeгi стр. 157. 76) Тамъ же стр. 435. Отмѣтивъ существенныя разногласія Марро съ Ломброзо относительно отдѣльныхъ аномалій, укажу, что Марро приходитъ къ одинаковымъ результатамъ съ Ломброзо и Ферри относительно меньшей вмѣстимости черепа у преступниковъ, меньшаго развитія передней части черепа сравнительно съ задней, значительнаго развитія челюсти, бо́льшаго количества случаевъ недостатка бороды у преступниковъ сравнительно съ непреступными лицами (13,9% у первыхъ, 1,5% у вторыхъ).

77) I Garaffeгi стр. 156, 167, 170, 174 и 175.

скія являются прирожденными, аномаліи же патологическія — преобрѣтенныя послѣ рожденія, то, слѣдовательно, положеніе Гарофало о высшей пропорціи прирожденныхъ аномалій у преступниковъ сравнительно съ непреступными людьми получаетъ значеніе весьма условной истины, допускающей притомъ исключенія относительно крайне крупныхъ отдѣльныхъ атавистическихъ и атипическихъ аномалій.

Наиболѣе существенно въ главѣ 1-й 2-й части Criminologia распредѣленіе преступниковъ инстинктивныхъ и по случайному поводу въ преступленіяхъ противъ личности и противъ имущества, а также изслѣдованіе импульсивной и эндемической преступности. Положеніе Гарофало о различномъ преобладаніи этихъ двухъ категорій въ тѣхъ и другихъ преступленіяхъ мотивируется тѣмъ, что человѣколюбіе— чувство болѣе инстинктивное, чѣмъ честность, которая зависитъ болѣе отъ среды и воспитанія, чѣмъ отъ наслѣдственности. Въ этомъ положеніи наглядно видно, къ чему служитъ понятіе естественнаго преступленія. Оно даетъ автору удобный случай связывать тотъ или другой классъ преступниковъ преимущественно съ тѣми или другими типическими преступленіями. Но дѣло въ томъ, что человѣколюбіе и честность не составляютъ двухъ рѣзко раздѣленныхъ нравственныхъ принциповъ и не соотвѣтствуютъ вполнѣ различію преступленій противъ личности и имущества [78]). Кто рѣшится утверждать, что воръ, оставившій вслѣдствіе совершенной имъ кражи цѣлую семью безъ средствъ къ жизни, нарушилъ только чувство честности, а не человѣколюбія? Или можно ли сказать, что убійца изъ корысти нарушаетъ только чувство человѣколюбія, а не честности? Конечно, далѣе, можно допустить, что если брать тягчайшіе случаи убійства и таковые же кражи, прійдется признавать, при равенствѣ другихъ условій, виновниковъ первыхъ за людей, стоящихъ ниже вторыхъ по нравственной отверженности. Но бываютъ случаи, и весьма тяжкіе, убійства, свидѣтельствующіе о меньшей нравственной отверженности виновниковъ ихъ, сравнительно съ виновниками извѣстныхъ случаевъ кражи.

Характеристика delinquenti impulsivi у Гарофало представляетъ косвенную критику категоріи delinquenti per passione у Ферри. Разнородность элементовъ, входящихъ въ составъ этой категоріи, изъ коихъ одни болѣе близки къ человѣку анормальному и душевно-больному, а другіе къ нормальному, заставила, повидимому, Гарофало допустить не самостоятельную категорію, а пе-

---

78) Самъ Гарофало въ другомъ мѣстѣ Criminologia признаетъ это (Repressione стр. 287).

реходную ступень, въ которой встрѣчаются инстинктивные преступники и преступники по случайному поводу. Поэтому, разновидность delinquenti impulsivi и избѣгаетъ недостатковъ категоріи delinquenti per passione у Ферри. Должно, впрочемъ, замѣтить, что когда Гарофало къ средѣ импульсивныхъ преступниковъ помѣщаетъ лицъ, совершающихъ преступленіе по внѣшнему поводу, способному возбудить гнѣвъ въ большинствѣ людей, то этимъ подрывается тезисъ объ анормальности всѣхъ преступниковъ, если не считать анормальнымъ большинство всѣхъ людей [79]).

Ladri fortuiti (воры по случайному поводу) составляютъ по Гарофало большинство въ преступленіяхъ противъ собственности. Чтобъ показать трудность распредѣленія различныхъ категорій преступниковъ по разнымъ типамъ преступныхъ дѣяній, упомяну о характеристикѣ воровъ, сдѣланной Marro въ своей работѣ. Среди воровъ Marro различаетъ ladri con scasso, (воровъ, дѣйствующихъ посредствомъ взлома), borsaiuoli (карманниковъ), ladri domestici (домашнихъ воровъ). Первыхъ онъ характеризуетъ полнѣйшей независимостью отъ побужденій, внушаемыхъ бѣдностью. По поводу borsaiuoli онъ замѣчаетъ, что «моментъ случайнаго соблазна, вызывающаго преступленіе, не можетъ считаться признакомъ мало укоренившейся преступности, какъ это полагаетъ Ферри. Ни въ одномъ классѣ, кромѣ, можетъ быть, feritori, внѣшній поводъ не дѣйствуетъ такъ сильно, какъ въ borsaiuoli; но ни одинъ классъ точно также не даетъ большаго контингента неисправимыхъ рецидивистовъ, въ которыхъ склонность къ преступленію прирожденная» [80]).

Глава 2-ая 2-ой части Criminologia посвящена изслѣдованію вліянія воспитанія на инстинкты и разбору исправительнаго значенія наказанія [81]).

Поставляя задачу исправленія преступниковъ, можно требовать, по мнѣнію Гарофало, или воспитанія, даваемаго государствомъ преступникамъ, съ исключеніемъ всякой мысли о наказаніи, или усвоенія наказанію значенія нравственнаго исправленія. Первое требованіе

---

79) Въ статьѣ своей «L'anomalie du criminel» Гарофало характеризуетъ слѣдующимъ образомъ менѣе тяжкихъ преступниковъ: ces derniers (délinquents inférieurs) ne font pas des types detachés; ils se distinguent moins du commun des hommes;..... leurs crimes tout en nous revoltant ne nous paraissent pas absolument contraires a la nature des hommes. Mais que l'anomalie soit moindre, cela ne veut pas dire qu'elle soit tout à fait imperceptible.

80) Указ. соч. стр. 384 (стр. 231).

81) Cap. II. Influenza dell' educazione sugl'istinti стр. 137 и сл.

признается авторомъ несостоятельнымъ. Нельзя санкціей запрета поставить обѣщаніе блага, вмѣсто угрозы зломъ. Благо воспитанія становилось бы преміей преступнаго поведенія. Къ тому же нельзя подвергать преступника воспитательной дисциплинѣ, не прибѣгая къ принужденію, разъ же таковое допущено, получается пенитенціарная система. Значитъ, теорія исправленія можетъ ограничиваться единственно лишеніемъ свободы, разсчитаннымъ на нравственное поднятіе преступника. Упомянувъ о traitement curatif и palliatif Деспина, Гарофало называетъ эту мысль утопіей въ примѣненіи къ тысячамъ преступниковъ.—«Пришлось бы къ каждому заключенному приставить благодѣтельнаго генія, лица тюремнаго персонала должны были бы обладать самыми рѣдкими, самыми благородными качествами». Но, даже и при осуществленіи этого требованія, (что рѣшительно невозможно), преступный ростокъ оставался бы, въ скрытомъ состояніи, ожидая лишь благопріятныхъ условій, чтобъ распуститься [82]).

Переходя къ болѣе практическимъ предложеніямъ (тюремной дисциплины съ одиночнымъ заключеніемъ, принудительными работами, обученіемъ), Гарофало не удовлетворяется и ими. Трудъ можетъ имѣть благотворное вліяніе на нравы лишь при свободѣ (Mittelstädt); мысль о просвѣщеніи ума и сердца преступника посредствомъ обученія подрывается данными опыта, свидѣтельствующими о маломъ вліяніи школы на индивидуальную нравственность. При внушеніи преступнику нравственныхъ правилъ, онъ получаетъ идею, а не инстинктъ добра,—«но человѣкъ бываетъ добръ не по идеѣ, а по инстинкту» [83]).

Обозрѣвъ идеи разныхъ психологовъ (Espinas, Ribot) о вліяніи воспитанія на характеръ,—Гарофало соглашается съ Sergi о возможности прикрытія слоевъ наслѣдственнаго характера новыми слоями, создавшимися воспитаніемъ и примѣромъ, подъ условіемъ, впрочемъ, признанія за позднѣйшими слоями меньшей твердости. Въ самомъ дѣлѣ, психическій организмъ, подобно физическому, имѣетъ свой періодъ формаціи и развитія. Нельзя допустить пріобрѣтенія въ зрѣломъ возрастѣ наиболѣе обычныхъ инстинктовъ человѣколюбія и честности, недостатокъ которыхъ обусловливается физіологическимъ, унаслѣдованнымъ или атавистическимъ порокомъ [84]). Признавъ, поэтому, гипотезу о вліяніи воспитательной среды на взрослаго — несо-

---

[82]) Стр. 138—140.
[83]) Стр. 141—142.
[84]) Стр. 143—145.

стоятельной, Гарофало обращается къ вопросу о значеніи воспитательнаго вліянія въ дѣтствѣ. Нельзя допускать возможности уничтоженія дурныхъ зародышей и зарожденія хорошихъ посредствомъ воспитанія, можно единственно видѣть въ психическомъ преобразованіи ребенка процессъ эволюціи, подобный эмбріогеническому, при которомъ человѣческій зародышъ отъ первоначальныхъ органическихъ формъ переходитъ къ формамъ человѣческимъ. Такимъ образомъ, сначала развиваются грубые инстинкты первобытнаго человѣка, а потомъ, благодаря эволюціи, а не воспитанію, инстинкты, пріобрѣтенные расой, семьей, родителями. Авторъ признаетъ эту гипотезу вѣроятной, — но не подлежащей экспериментальному доказательству. Чтобъ доказать ее, требовалось бы отдѣлить то, что относится къ наслѣдственности, отъ того, что относится къ средѣ, а это невозможно, такъ какъ наслѣдственность и воспитаніе дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, исходя отъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Можно только утверждать, что вліяніе наслѣдственности доказано, вліяніе же воспитанія вѣроятно въ раннемъ возрастѣ, притомъ въ смыслѣ ослабленія, а не уничтоженія дурныхъ инстинктовъ, остающихся въ скрытомъ состояніи въ психическомъ организмѣ. Этимъ объясняются случаи ранней испорченности у дѣтей, не поддающихся исправленію на всю жизнь. Напротивъ, доказано пагубное вліяніе дурнаго воспитанія, погашающаго унаслѣдованное нравственное чувство. Это легко объясняется теоріей Ферри (Socialismo e criminalità),—по которой дурные зародыши, антисоціальные инстинкты, соотвѣтствующіе первобытнымъ временамъ человѣчества,—наиболѣе глубокіе, наиболѣе укоренившіеся въ психическомъ организмѣ, какъ наиболѣе давніе въ расѣ. Поэтому они крѣпче тѣхъ инстинктовъ, которые въ силу эволюціи явились въ видѣ позднѣйшаго наслоенія, и никогда не умираютъ, вырываясь наружу при благопріятныхъ условіяхъ [85]).

Одинъ изъ болѣе устойчивыхъ слѣдовъ воспитанія въ душѣ человѣка—это вѣра въ Божество. Нормы поведенія, внушаемыя во имя религіи, могутъ сдѣлаться въ ребенкѣ инстинктивными. Вообще, нельзя допустить, что альтруизмъ есть хорошо понятый эгоизмъ;—эта мысль опровергается на каждомъ шагу опытомъ, такъ какъ бываетъ тысяча случаевъ, въ которыхъ интересъ нашъ въ противорѣчіи съ интересомъ другихъ лицъ.—Соображенія утилитарной нрав-

---

[85]) Стр. 145—148.

ственности безсильны опредѣлять нашу волю въ подобныхъ случаяхъ. Повиновеніе нравственности можетъ быть достигнуто, либо въ силу безсознательнаго инстинкта, прирожденнаго или пріобрѣтеннаго, либо страхомъ религіозной санкціи, производящимъ на ребенка сильное впечатлѣніе. Отсюда нравственное воспитаніе взрослаго человѣка невозможно, вѣра пріобрѣтается лишь въ дѣтскомъ возрастѣ. Нельзя, впрочемъ, терять всякую надежду относительно нравственнаго исправленія взрослаго человѣка: конечно, нельзя помочь воспитаніемъ не только отсутствію, но и слабости нравственнаго чувства въ взрослом человѣкѣ. Можно, однако, попытаться уничтожить опредѣляющія къ преступленію причины, заставивъ преступника перемѣнить обычную среду или усвоить новыя привычки,—что одновременно достигается депортаціей; можно разсчитывать, что преступленіе не будетъ совершаться, если поставить преступника въ условія, благопріятствующія честной жизни путемъ представляемыхъ ею выгодъ и угрожающія одновременно вредомъ въ случаѣ преступной дѣятельности. Любовь къ труду можетъ явиться результатомъ привычки и опыта полезности. Поэтому, во всѣхъ преступленіяхъ, обусловленныхъ праздностью и дурными привычками, человѣкъ въ иной средѣ, побуждающей его къ труду, можетъ пріобрѣсть навыкъ къ нему и стать годнымъ къ общественной жизни. Таковъ единственный воспитательный процессъ, который государство можетъ испробовать на совершеннолѣтнихъ преступникахъ.

Такимъ образомъ «отъ крушенія теоріи исправленія остаются единственно слѣдующія мѣры»: рабочіе дома (case di lavoro) для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ; депортація или, при недостаткѣ колоній, рабочіе отряды, отдаленные отъ мѣста рожденія преступниковъ, оказавшихся неспособными по праздности, по дурнымъ привычкамъ или по нищетѣ къ соціальной жизни; безсрочность наказанія, т. е. неопредѣленность его срока, который долженъ зависѣть только отъ пріобрѣтенной преступникомъ способности къ общественной жизни [86]).

Вопросъ объ исправительномъ значеніи воспитанія, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, подвергнутъ Гарофало самому безпощадному анализу. И здѣсь, какъ относительно многихъ обсуждаемыхъ въ Criminologia вопросовъ, приходится признать вѣрность извѣстныхъ частныхъ положеній. Таково возраженіе автора противъ подстановки воспитанія на мѣсто наказанія, противъ теоріи Despine. Но одно

---

[86]) Стр. 148—153.

дѣло—такія радикальныя воззрѣнія, другое дѣло—отведеніе исправленію преступника законнаго мѣста въ системѣ исполненія наказаній. Исправленіе преступника, не составляя исключительной цѣли наказанія, должно приниматься въ разсчетъ, какъ одно изъ наиболѣе желанныхъ средствъ достиженія коренной цѣли наказанія,—охраны и возстановленія правопорядка, какъ средство весьма дѣйствительнаго предупрежденія преступности. Задача исправленія преступника связывается преимущественно съ опредѣленными преступленіями и преступниками, но ни одно наказаніе не должно быть лишено безусловно способовъ исправительнаго воздѣйствія. Таково ограниченное, но несомнѣнное значеніе исправительнаго элемента въ наказаніи, постигнутое современной наукой уголовнаго права и къ осуществленію котораго, по мѣрѣ возможности, стремится пенитенціарная система нашего времени [87]). Можно ли считать такое воззрѣніе за иллюзію, какъ это дѣлаетъ Гарофало? Приводимые имъ въ пользу своего мнѣнія доводы не оправдываютъ его. Такъ, напримѣръ, невѣрно возраженіе, заимствованное авторомъ у Миттельштедта (Gegen die Freiheitsstrafen) что исправительное значеніе присуще одному свободному, а не принудительному труду. И въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчено Вальбергомъ, большинство заключенныхъ выходитъ изъ классовъ, вынужденныхъ къ труду для снисканія пропитанія и лишенныхъ возможности выбора [88]). Нѣтъ сомнѣнія, что степень исправительности работъ зависитъ отъ многихъ условій, принятіе въ разсчетъ

---

87) Указанное значеніе принципа исправленія обстоятельно развивается у Ellero въ монографіи его De l'emenda penale (Opuscoli criminali), далѣе, у Pessina Dottrina dell'espiazione come fondamento del diritto penale (Opuscoli di diritto penale), видящаго въ исправленіи преступника одно изъ главныхъ условій возстановленія права путемъ наказанія (стр. 45). Ср. также Livingston Exposé d'un système de législation comparée pour l'état de Louisiane, французское изданіе, Rapport servant d'introduction au Code de réforme et de discipline des prisons т. II. — Авторъ защищаетъ необходимость сочетанія punition и réforme, съ сохраненіемъ равновѣсія этихъ двухъ принциповъ. О сочетаніи репрессивнаго и исправительнаго характера въ наказаніи высказывается цѣлый рядъ членовъ послѣдняго Римскаго конгресса въ любопытномъ сборникѣ Souvenir du III Congrès penitentiaire de Rome — содержащемъ въ себѣ сжато-изложенныя мнѣнія участниковъ конгресса по капитальнымъ вопросамъ уголовнаго права и тюрьмовѣдѣнія. Наиболѣе ясно указанная мысль выражена: у покойнаго Schwarze, Holtzendorff, Herbette, Yvernés, d'Alinge, Robin, Glaser, Lacointa, Chicherio, Hürbin, Pessina, Berenger, Cesarini, Bonneville de Marsangy, Nieuwenhuis, Brusa, Buccellati, Tolomei, Hye—Glunek.

88) Gesammelte kleinere Schriften 3 Band VI. Die Gebrechen und die Verbesserung des Gefängnisswesens in Oesterreich стр. 157.

которыхъ дѣло разумной тюремной политики. Если работы направлены на разумную цѣль, если, хотя и принудительныя, онѣ обставляются порядками, способными заинтересовать преступника и побуждать его къ прилежанію, то несомнѣнно можно ожидать хорошихъ результатовъ отъ нихъ. Онѣ во всякомъ случаѣ создаютъ навыкъ къ труду, создаютъ улучшеніе въ физическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственномъ состояніи преступника. Прекрасно замѣчаніе Глазера въ этомъ отношеніи: «что не излечивается ни огнемъ, ни желѣзомъ,—то исцѣляется иногда привычкой къ прилежанію и повиновенію, пріобрѣтаемой въ силу устойчиваго занятія работой [89]). Знатокъ тюремныхъ порядковъ Шварце свидѣтельствуетъ о томъ, что арестанты не разъ заявляли ему свое удовлетвореніе по поводу успѣховъ въ работѣ, радовались пріобрѣтенному искусству и вѣрному источнику заработка по выходѣ изъ тюрьмы [90]). Все дѣло въ томъ, чтобъ принудительныя работы были устроены наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ и въ этомъ отношеніи современная практика тюрьмовѣдѣнія, отвергая систему подряда (appalti), рекомендуетъ преимущественно работы арестантовъ на открытомъ воздухѣ, посвященныя земледѣльческимъ предпріятіямъ, большимъ публичнымъ сооруженіямъ, въ томъ числѣ постройкѣ тюремъ [91]).

Что касается до воздѣйствія на преступниковъ посредствомъ обученія, направленнаго на умственное и нравственное воспитаніе ихъ, то Гарофало относится къ нему съ крайнимъ скептицизмомъ, не признавая возможнымъ усвоенія инстинкта добра лицами, лишенными таковаго. Конечно, этотъ тезисъ весьма простъ и допускаетъ коренное

---

89) Souvenir du III Congrès de Rome стр. 58.

90) Die Freiheitsstrafe 1880 г. стр. 24.

91) Примѣръ очень благопріятныхъ результатовъ можно найти въ Опытѣ примѣненія арестантскаго труда къ кирпичному производству при Духовщинскомъ тюремномъ замкѣ (1881—1884 гг.), М. Ѳ. Кусакова. О преимуществахъ работъ на открытомъ воздухѣ— Beltrani Scalia, Riforma penitenzaria in Italia (Parte IV., гл. XX и XXI, стр. 308—311. Послѣдній тюремный конгрессъ въ Римѣ одобрилъ резолюцію, предложенную Brusa, Herbette и Gautier о желательности публичныхъ работъ заключенныхъ на открытомъ воздухѣ и о совмѣстности таковыхъ съ господствующими пенитенціарными порядками. Земледѣльческія колоніи каторжниковъ нынѣ существуютъ въ Италіи близъ Рима (Tre Fontane) и на островѣ Pianosa. Въ настоящее время въ Италіи изготовленъ проэктъ устройства земледѣльческихъ колоній двухъ типовъ: для осужденныхъ на каторгу и для осужденныхъ ко всѣмъ другимъ наказаніямъ лишенія свободы. Работы должны заключаться въ обработкѣ и улучшеніи почвы, устройствѣ дорогъ, въ вспомогательныхъ земледѣлію занятіяхъ. Въ колоніи предназначаются осужденные, признанные за хорошее поведеніе достойными поощренія (Rivista penale 1887 г. Disp. 28 Cronaca, стр. 279).

разрѣшеніе труднѣйшихъ вопросовъ; но помимо существованія крайне испорченныхъ и неизмѣримо низко павшихъ людей, нельзя, не впадая въ противорѣчіе со многими почтенными изслѣдователями тюремной жизни, игнорировать многочисленныхъ исключеній изъ правила, провозглашаемаго Гарофало, исключеній, не дающихъ возможности всецѣло руководствоваться имъ. Такъ, докторъ Марро, свидѣтель неподозрительный для автора, прямо говоритъ: «Не всѣ преступники, и даже не большинство ихъ, дѣлаются таковыми по непреодолимому природному пороку. Многіе сохраняютъ въ неприкосновенности чувство благожелательности, даже, будучи развращенными, не лишаются великодушныхъ чувствъ. Многіе изъ нихъ, разсказомъ о судьбѣ своей, могли бы разстрогать наиболѣе предупрежденныхъ противъ нихъ лицъ». Авторъ сообщаетъ нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ изъ своей практики тюремнаго врача: такъ, проститутка, родившая въ тюрьмѣ, ни за что не соглашалась отдать своего ребенка въ Ospizio di matternitá и оказывала крайнюю нѣжность къ нему; такъ, душевнобольные для большинства тюремныхъ товарищей—предметъ состраданія и заботы [92]). Такимъ образомъ, очень трудно въ видѣ общаго правила говорить объ органическомъ отсутствіи всякихъ инстинктовъ добра у преступниковъ. Въ поднятіи, развитіи и укрѣпленіи слабо развитыхъ хорошихъ инстинктовъ, въ возведеніи ихъ на степень сознательныхъ понятій объ обязанности—назначеніе тюремнаго обученія, «долженствующаго бороться противъ обычнаго у преступниковъ невѣжества и связанными съ этимъ явленіемъ умственною тупостью и косностью» [93]).

Что достиженію этой цѣли не препятствуетъ указываемая Горофало анормальность преступника, это удостовѣряется, сверхъ приведеннаго выше свидѣтельства Marro, еще и такимъ опытнымъ наблюдателемъ, какъ тюремный преподаватель, ирландецъ Organ: «Большинство людей, говоритъ этотъ авторъ, ошибается, полагая, что большая часть преступниковъ не имѣетъ ничего общаго съ другими че-

---

92) I carcerati Cap. VIII, стр. 126—127. Такой же отзывъ объ отзывчивости арестантовъ къ больнымъ товарищамъ даетъ и докторъ Перфильевъ, «Преступные люди» (изъ записокъ тюремнаго врача. С.-Петербургъ, 1886 г.). Авторъ сообщаетъ, между прочимъ, что, при завѣдываніи хирургическимъ отдѣленіемъ больницы, ему добровольно и чрезвычайно тщательно и успѣшно помогалъ въ качествѣ добровольнаго помощника арестантъ Сипуновъ (стр. 11—12).

93) Ср. 56 отчетъ Рейнско-Вестфальскаго Общества 1882—1883. IV. Conferenz der Lehrer, рефератъ тюремнаго преподавателя Розенберга, Über die Eigenthümlichkeit der Strafanstaltschule, стр. 78.

ловѣческими существами. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ до назначенія меня преподавателемъ въ Смитфильдское заведеніе, я постоянно былъ преподавателемъ взрослыхъ людей и по собственному опыту въ Смитфильдѣ никакъ не могъ убѣдиться въ существованіи какого либо различія въ отношеніи души, страстей и ощущеній между обыкновеннымъ классомъ арестантовъ и среднимъ классомъ общества, находящимся на свободѣ и ведущимъ тотъ же образъ жизни» [94]).

Конечно, тюремное обученіе—одно изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ; оно въ необыкновенно сильной степени зависитъ отъ личности преподавателя; оно можетъ быть сведено на степень рутины. Но трудность примѣненія извѣстнаго пріема еще не дозволяетъ совершенно отвергать его. Преподаваніе, ограниченное нѣкоторыми немногими предметами, съ отведеніемъ главнаго мѣста нравственно-религіозному началу, входитъ, при прогрессивной системѣ отбытія наказанія, весьма удобно въ стадій переходныхъ заведеній, какъ это показываетъ Ирландская система тюремъ и практика Леноглавской каторжной тюрьмы въ Кроаціи, представляющей крупный примѣръ осуществленія прогрессивной системы на континентѣ Европы [95]).

Самъ Гарофало справедливо указываетъ на огромное значеніе религіознаго поученія въ смыслѣ нравственнаго подъема и улучшенія, но весьма односторонне считаетъ взрослаго преступника недоступнымъ спасительному воздѣйствію религіи. А между тѣмъ существуютъ многочисленныя наблюденія самыхъ компетентныхъ авторовъ въ этомъ вопросѣ, приводящіе къ противуположному результату. Такъ, Oliverсгопа рѣшительно высказывается за благотворное вліяніе тюремнаго духовника даже на самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, путемъ въ особенности частныхъ бесѣдъ, увѣщанія и совѣтовъ, даваемыхъ съ искреннимъ чувствомъ участія [96]). Въ парламентскихъ дебатахъ о реформѣ тюремъ Tocqneville между прочимъ выразился, «что нѣтъ иной силы, подобной религіи, по части подъема преступниковъ, и въ ней покоится будущность пенитенціарной реформы». На Сток-

---

94) Гольцендорфъ, Ирландская тюремная система, переводъ Ламанскаго, 1869 г., стр. 87-я.

95) Ср. Гольцендорфъ, указ. соч. и Tauffer, отчетъ о состояніи Леноглавской тюрьмы. Послѣдній Римскій конгрессъ высказался за необходимость обученія заключенныхъ чтенію, письму, ариѳметикѣ, элементарнымъ техническимъ свѣдѣніямъ, а равно за занятія арестантовъ въ воскресные дни облагораживающими вкусъ арестантовъ предметами по ихъ выбору, каковы: чтеніе, пѣніе, рисованіе, рѣзьба по дереву, ср. отчетъ Бруза въ Rivista penale 1886, Disp. 13, стр. 369.

96) Des Causes de la récidive франц. переводъ 1873 г. стр. 142, 185.

гольмскомъ конгрессѣ, по свидѣтельству Desportes, замѣчательнымъ образомъ выразилось полное согласіе всѣхъ членовъ конгресса, собравшихся со всѣхъ пунктовъ земнаго шара, относительно важности въ пенитенціарномъ дѣлѣ попеченія объ арестантахъ, согрѣтаго религіознымъ чувствомъ, какъ со стороны тюремныхъ духовниковъ, такъ и обществъ патроната. Точно также и тюрьмовѣды Римскаго конгресса съ большой силой высказались за религіозное воздѣйствіе на заключенныхъ въ тюрьмахъ [97]). Дѣйствительность благотворнаго воздѣйствія путемъ религіознаго чувства на преступниковъ въ значительной степени гарантируется тѣмъ, что именно изъ среды духовенства выходитъ особенно много искренно самоотверженныхъ и преданныхъ дѣлу тюрьмовѣдѣнія лицъ, каковы напр. столь достойные d'Arboux и Robin во Франціи, члены Парижскаго общества тюремъ, Natorp, Stursberg въ Германіи, члены Рейнскаго Вестфальскаго общества, благотворная дѣятельность котораго у всѣхъ на глазахъ, благодаря его ежегоднымъ отчетамъ, и которое считаетъ въ числѣ своихъ сочленовъ весьма много отдающихся тюремной практикѣ духовныхъ лицъ.

Помимо критики исправительной цѣли наказанія Гарофало путемъ анализа развитія инстинктовъ приходитъ къ заключенію о крайне ограниченномъ значеніи воспитанія вообще. Авторъ при этомъ представляетъ себѣ развитіе инстинктовъ въ видѣ процесса эволюціи, выдвигающаго первоначально грубые атавистическіе, а затѣмъ инстинкты болѣе недавніе, пріобрѣтенные расой, семьей или родителями, при чемъ за воспитаніемъ признается ограниченное значеніе усиленія наличныхъ хорошихъ инстинктовъ, а не созданія таковыхъ, отрицается совершенно возможность подавленія дурныхъ инстинктовъ. Вся эта теорія, построенная авторомъ на основаніи воззрѣній Sergi, Espinas и Ferri, представляется крайне мало доказательной. Должно замѣтить, что Гарофало нигдѣ опредѣленно не установляетъ, что должно понимать, по его мнѣнію, подъ инстинктами, и тѣмъ не менѣе постоянно оперируетъ этимъ терминомъ. Подъ инстинктами или побужденіями можно разумѣть психическіе процессы стремленія или отвращенія, возбуждаемые чувствомъ удовольствія или неудовольствія [98]).

---

97) Souvenir du III-me Congrès de Rome—мнѣнія Nef, Fuchs, въ особенности Arnould Bonneville de Marsangy. Pour moi, говоритъ послѣдній авторъ, sans la morale évangelique on ne diminuera pas le nombre des mefaits, qui attristent et désolent la société (стр. 205 и 206).

98) По части понятія объ инстинктахъ, ср. Вундтъ, Основанія физіологической психологіи, русскій переводъ, 1880 г., т. II, гл. 19, стр. 881—Lotze Mikrokosmus, I, II, гл. V, стр. 286—287.

Сами по себѣ инстинкты не бываютъ ни хорошими, ни дурными; они становятся таковыми сообразно соотношенію ихъ къ высшимъ психическимъ процессамъ въ человѣкѣ. Если инстинкты не подчиняются высшимъ интеллектуальнымъ чувствамъ, нормамъ нравственнаго и юридическаго закона, если они безгранично властвуютъ въ человѣкѣ, то являются страсти, приводящія къ порочности и преступности. Дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы давать правильный исходъ инстинктамъ, регулировать ихъ. Нельзя не допустить въ отдѣльныхъ случаяхъ необузданности инстинктовъ—противъ которой безсильно воспитаніе; это явленіе бываетъ, напримѣръ, у идіотовъ, завися отъ крайней слабости или недостатка высшихъ умственныхъ функцій. Но нельзя ссылаться на роковой законъ послѣдовательнаго появленія въ человѣкѣ первоначально грубыхъ, первобытныхъ инстинктовъ, относительно которыхъ воспитаніе безсильно, а потомъ болѣе недавнихъ въ расѣ инстинктовъ. — Самъ Гарофало признаетъ, что его объясненіе не подлежитъ доказательству, а считаетъ его только вѣроятнымъ; однако нельзя признавать и такого ограниченнаго значенія за гипотезой Гарофало. — Въ самомъ дѣлѣ, авторъ идетъ далѣе простыхъ стремленій и расположеній и признаетъ какія-то опредѣленныя, сложившіяся наклонности первобытнаго человѣка, дикаря. Можно ли допускать такіе инстинкты у ребенка при рожденіи? Очевидно нѣтъ, такъ какъ инстинкты у человѣка являются результатомъ постепеннаго развитія и упражненія, а не даются готовыми [99]). —Во вторыхъ, допустивъ вѣрность гипотезы Гарофало о преемственномъ развитіи въ отдѣльномъ лицѣ разныхъ инстинктовъ, сначала первобытныхъ, далѣе позднѣйшихъ, объ особенной устойчивости первыхъ и слабости послѣднихъ, оказывалось бы невозможнымъ объяснить прогрессивный ходъ человѣчества въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ чувства человѣколюбія и честности могутъ считаться аттрибутами человѣка во всѣ времена, какимъ образомъ они могли сдѣлаться столь распространенными въ наше

---

[99]) Ср. Вундтъ указ. соч. стр. 885—886. «Относительно инстинктивныхъ дѣйствій индивидуальное развитіе играетъ ту-же роль, какъ и относительно чувственнаго воспріятія: механизмъ привносится... на свѣтъ готовымъ,—для приведенія его въ дѣйствіе необходимы чувственныя раздраженія. У человѣка тѣ и другія механизмы (чувственныхъ воспріятій и инстинктивныхъ дѣйствій) сравнительно не готовы; поэтому человѣкъ долженъ постепенно развивать въ себѣ способность даже къ простѣйшимъ движеніямъ... Чѣмъ сложнѣе устройство головнаго мозга, тѣмъ больше простора дается индивидуальному развитію, тѣмъ больше индивидуальныхъ различій будутъ представлять всѣ психическія функціи».

время, если допускать роковое появленіе атавистическихъ инстинктовъ, не подлежащихъ устраненію, а лишь ослабленію путемъ воспитанія, котораго въ добавокъ лишены столь многіе? При неизмѣнной наличности и особой крѣпости грубыхъ первобытныхъ инстинктовъ была бы невозможна та наслѣдственная передача смягченныхъ нравовъ, которою авторъ объясняетъ современную цивилизацію, было бы невозможно врожденное нравственное чувство, приписываемое Гарофало людямъ современнаго общества. Всѣ такія высшія свойства человѣческой природы должны бы быть отнесены къ разряду позднѣйшихъ пріобрѣтеній человѣчества, къ поверхностнымъ, не столь глубоко укоренившимся слоямъ. Подъ условіемъ предполагаемаго авторомъ всеобщаго увѣковѣченія атавистическихъ инстинктовъ, самое различеніе инстинктивнаго преступника и честнаго человѣка было бы единственно относительное, а не столь радикальное, какъ различіе нормальнаго и анормальнаго лица. А между тѣмъ, Гарофало допускаетъ рѣшительное преобладаніе атавистическихъ инстинктовъ лишь въ отдѣльныхъ анормальныхъ представителяхъ гражданственныхъ расъ. Если держаться этого послѣдняго воззрѣнія, и допускать одновременно широкое распространеніе чувства человѣколюбія и честности въ обществѣ непреступныхъ людей, то нужно признать, что или грубѣйшіе атавистическіе инстинкты вовсе не проявляются неизмѣнно въ современномъ человѣкѣ, или же не обладаютъ приписываемой имъ живучестью. Таковы значительныя колебанія, къ которымъ приводитъ автора его ученіе о вліяніи воспитанія на инстинкты, его воззрѣніе о различныхъ, на разной глубинѣ лежащихъ слояхъ, при чемъ образныя выраженія превращаются у автора въ реальныя вещи.

При невозможности допущенія защищаемой Гарофало гипотезы, остается одно—признавать какъ воспитаніе вообще, такъ и воспитательныя средства, присоединяющіяся къ наказанію, подъ условіемъ сохраненія за нимъ его кореннаго характера чувствительнаго зла, практическимъ пріемомъ, отъ котораго нельзя отказываться ради психо-физіологическихъ гипотезъ. Конечно, будутъ всегда неисправимые преступники, какъ бываютъ неисправимыя дѣти. Безуспѣшность принимаемыхъ противъ первыхъ средствъ исправленія будетъ побуждать къ принятію противъ нихъ средствъ, обезпечивающихъ общество отъ ихъ преступленій. Но, въ отличіе отъ воззрѣній Гарофало, и относительно признаннаго неисправимымъ преступника, нельзя безусловно утверждать, что онъ непремѣнно умретъ неисправимымъ. Школа уголовнаго права, которой противуполагаетъ себя новая школа, называющая себя позитивной, исходитъ при этомъ отъ болѣе позитивнаго ignoramus

Вирхова [100]). Она съ большимъ основаніемъ можетъ признать вмѣстѣ съ Гольцендорфомъ, что «первоначальный источникъ человѣческой виновности, наиболѣе первичные мотивы преступной воли—и въ наше время столь же мало ясно выяснены, какъ и конечные результаты карательной дѣятельности [101]). Къ абсолютнымъ объясненіямъ Гарофало генезиса преступности при помощи неисправимыхъ инстинктовъ хорошо примѣняются слова того же почтеннаго автора: «Для правовѣдѣнія, въ виду его мнимыхъ несовершенствъ, въ извѣстной степени утѣшительно, что несомнѣнный, всеобще примѣнимый фундаментъ для установленія волевой вины и дѣйствія наказанія не можетъ быть почерпнутъ изъ естественныхъ наукъ, не смотря на приписываемое имъ высокое совершенство, при ихъ современномъ состояніи [102]).

Въ главѣ III-й «Influenze sociali» [103]) Гарофало приступаетъ къ вопросу о причинахъ преступленія, лежащихъ въ соціальной средѣ. Уничтоженіе этихъ причинъ повело бы къ упраздненію той части криминологіи и пенологіи, которая занимается преступниками по случайному поводу (fortuiti). Но можетъ ли законодатель измѣнить общественный порядокъ въ указанномъ смыслѣ? На этотъ вопросъ даютъ утвердительный отвѣтъ весьма рѣшительный соціалисты, въ условной формѣ соціологи. Гарофало первоначально обращается къ вопросу объ экономическомъ неравенствѣ. Для многихъ писателей соціалистическаго пошиба преступленіе—реакція противъ соціальной несправедливости, неравнаго распредѣленія жизненныхъ благъ, осуждающаго часть населенія къ нищетѣ и невѣжеству, отсутствію воспитанія. Соціалисты видятъ даже въ наше время въ преступникѣ борца за угнетенный классъ. Такъ, Turati (Il delitto e la questione sociale 1883 г.) утверждаетъ, что всякое возстаніе противъ привилегіи, даже въ ненавистной формѣ преступленія, содѣйствуетъ, какъ полезный симптомъ, постановкѣ радикальныхъ вопросовъ. Однако, какъ объяснить съ этой точки зрѣнія, что рабочій и крестьянинъ

---

100) Рѣчь 1877 г. Ср. прекрасныя слова Herbette въ Souvenir du III Congrés penitentiaire: Même supposé incurable d'après les décisions de la justice un condamné doit être l'objet de l'attention et des éfforts des personnes auxquelless sort est remis (стр. 24). Точно та же вѣрная мысль руководитъ и Листомъ (Der Zweckgedanke im Strafrecht, когда допуская безсрочное заключеніе неисправимыхъ преступниковъ, онъ требуетъ черезъ каждые пять лѣтъ разсмотрѣнія судомъ вопроса о переводѣ таковыхъ лицъ въ мѣста срочнаго заключенія (стр. 39—41).

101) Holtzendorff, Die Richtungen des Strafvollzugs, Gerichtssaal 1886 Heft 1 стр. 32.

102) Тамъ же.

103) Capit III. стр. 160 и сл.

наравнѣ съ богачемъ подвергаются преступнымъ нападеніямъ? «Странное возстаніе противъ привиллегіи, направленное одинаково и на тирана, и на его жертву!»[140]). Гарофало, далѣе, переходитъ къ повѣркѣ положенія, что «экономическая несправедливость», создающая пролетаріатъ, будто бы является одною изъ главныхъ причинъ преступности. Подъ пролетаріемъ можно разумѣть лишеннаго недвижимой собственности человѣка, поддерживающаго свое существованіе заработной платой, цѣнность которой ограничивается цѣной безусловно необходимыхъ для пропитанія предметовъ. Пролетарій, завися отъ ежедневнаго заработка, болѣе чѣмъ кто-либо другой можетъ подвергаться голоду; можетъ случиться, что онъ будетъ принужденъ прибѣгнуть къ воровству, чтобъ добыть себѣ кусокъ хлѣба. Но человѣкъ, терзаемый голодомъ безъ вины, не дѣлается преступникомъ изъ-за украденнаго куска хлѣба. Въ этомъ случаѣ должно допустить, согласно дѣйствующему законодательству, случай непреодолимой силы (forza irresistibile). Отъ физическаго стимула голода отличенъ стимулъ нравственный, корысти, но такой стимулъ составляетъ принадлежность не одного пролетарія, а всякаго менѣе богатаго по отношенію къ болѣе богатому. Было бы наивностью думать, что безчестный человѣкъ не съумѣетъ извлечь для себя пользы, сопряженной съ чужимъ вредомъ, при всевозможныхъ общественныхъ преобразованіяхъ. Если мѣсто денежныхъ знаковъ займутъ bons de travail, то это не помѣшаетъ тунеядцамъ попытаться завладѣть таковыми обманомъ и насиліемъ. Такимъ образомъ, съ устраненіемъ бѣдности корыстныя преступленія не исчезнутъ. Но, можетъ быть, они уменьшатся въ числѣ? Для разрѣшенія этого вопроса надо принять на видъ, что полнѣйшее отсутствіе капитала (главный признакъ пролетаріата) есть постоянное экономическое состояніе, не составляющее чего-нибудь анормальнаго. Оно—тягость лишь для тѣхъ, потребности и желанія которыхъ не удовлетворяются заработной платой. Но таковая тягость возможна и въ классѣ капиталистовъ, и ничто не показываетъ, что несоотвѣтствіе между потребностями и средствами удовлетворенія сильнѣе въ низшемъ классѣ. Если же это такъ, то и нѣтъ причины, почему низшему классу должны быть свойственны сильнѣйшія побужденія къ преступности, чѣмъ высшему. Правда, указываютъ на наибольшее распространеніе кражъ среди низшаго класса, но при этомъ упускается изъ виду, что преступленіе противъ собственности проявляется и

---

[104]) Стр. 162—163.

въ высшихъ классахъ, только въ иной формѣ (подлогъ, злостное банкротство, растрата) [105]).

Указанныя положенія подкрѣпляются авторомъ статистическими данными. Такъ, по итальянской уголовной статистикѣ за 1880 годъ оказывается, что процентное отношеніе между пролетаріями и имущими, совершившими преступленіе противъ собственности,=87:13. Между тѣмъ, процентное отношеніе пролетаріевъ къ собственникамъ во всемъ народонаселеніи=89:11. Изъ этого можно заключить, что въ преступности, прямо обусловленной экономическими причинами, пролетаріатъ не участвуетъ въ болѣе значительной степени, чѣмъ другіе классы. Если, такимъ образомъ, экономическое положеніе пролетаріевъ не составляетъ предрасполагающаго условія къ нарушенію права собственности, то что же сказать о сведеніи преступности противъ личности, и вообще всякой преступности, къ экономической бѣдности? Если большинству націи присущи коренные нравственные инстинкты, то они наслѣдственно передаются и развиваются, благодаря семейному воспитанію, во всѣхъ классахъ богатыхъ и бѣдныхъ, имущихъ и неимущихъ [106]). Нищета дѣйствительно влечетъ за собою отсутствіе воспитанія и, слѣдовательно, недостаточное развитіе нравственности, но все же она не обусловливаетъ полнаго или частнаго недостатка альтруистическихъ чувствованій, элементарнаго человѣколюбія и честности, состоящихъ въ отвращеніи къ опредѣленнымъ дѣяніямъ, безнравственность которыхъ всеобще сознается въ народонаселеніи въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ. Авторъ для доказательства этого положенія опять обращается къ уголовной статистикѣ. Процентъ осужденныхъ исправительными трибуналами въ Италіи въ 1880 году имущихъ относится къ проценту осужденныхъ неимущихъ, какъ $17\frac{1}{2} : 100$,—между тѣмъ имущія лица составляютъ лишь $10\frac{1}{2}\%$ или 11% всего населенія. Среди обвиняемыхъ въ проступкахъ, подсудныхъ исправительнымъ трибуналамъ, наиболѣе бѣдный и невѣжественный классъ землевладѣльцевъ даетъ 25,39% наиболѣе же образованные классы (торговцы, артисты, студенты, чиновники, профессіонисты) даютъ 13,58%. Принявъ въ разсчетъ меньшую многочисленность этихъ классовъ сравнительно съ первымъ, оказывается, что онъ представляетъ преступность болѣе высокую. Далѣе, итальянская статистика на каждыя 345 лицъ либеральныхъ профессій даетъ 1 осужденнаго, тогда какъ 1 осужденный

---

105) Стр. 165—168.

106) Стр. 172—173.

приходится на 428 лицъ крестьянскаго сословія. Пропорціональная разница весьма чувствительна, но она еще болѣе чувствительна во Франціи и въ Пруссіи. Въ первой странѣ въ 1879 году земледѣльческій классъ (53% всего населенія) участвовалъ въ преступленіи убійства въ пропорціи 49%, классъ же профессіонистовъ, равнявшійся 4% населенія, давалъ 7% преступниковъ. Въ Пруссіи классъ профессіонистовъ=2% населенія и даетъ 4% преступниковъ. Такимъ образомъ обнаруживается меньшая преступная дѣятельность вообще, въ особенности же по важнѣйшимъ преступленіямъ, со стороны наиболѣе бѣднаго и грубаго класса [107]).

Противъ изложенныхъ положеній, по мнѣнію Гарофало, можетъ быть сдѣлано слѣдующее возраженіе: если экономическое состояніе пролетаріата не составляетъ одной изъ причинъ преступности, то какъ объяснить случаи увеличенія и уменьшенія кражъ сообразно качеству жатвы и цѣны жизненныхъ припасовъ, удостовѣряемые статистикой? При ссылкѣ на этотъ законъ не должно забывать, по мнѣнію Гарофало, объ одновременномъ дѣйствіи закона обратнаго увеличенія и уменьшенія при указанныхъ условіяхъ преступленій противъ личности. Колебанія въ экономическомъ равновѣсіи, по природѣ своей неустойчивомъ, не столько составляютъ причины преступности, сколько формы ея проявленія. Отсюда авторъ дѣлаетъ слѣдующіе окончательные выводы: 1) существующій экономическій порядокъ не составляетъ одной изъ причинъ преступности; 2) обычныя колебанія экономическаго порядка могутъ производить увеличеніе одной изъ формъ преступности,—уравновѣшиваемое въ другой [108]).

Въ слѣдующемъ отдѣленіи той же главы (Le Istituzioni sociali) Гарофало обозрѣваетъ факторы преступности въ совокупности, обыкновенно обусловливающіе, при наличности нравственной аномаліи преступника, фактъ преступленія. Такіе факторы не имѣютъ значенія относительно инстинктивныхъ преступниковъ, среди которыхъ главная роль выпадаетъ фактору индивидуальному, антропологическому. У преступниковъ по случайному поводу, напротивъ, преступленіе обусловливается преобладающей силой дурныхъ привычекъ и развращенной средой.

Физическая среда (климатъ, почва, времена года) несомнѣнно вліяютъ на явленіе преступленія,—но изученіе физическихъ условій имѣетъ лишь чисто теоретическій интересъ и не даетъ никакого практическаго

---

[107]) Стр. 174—176.

[108]) Стр. 177—181.

результата. Вліяніе физической среды на темпераментъ и характеръ народа не поддается точному измѣренію, въ виду тѣснаго слитія его съ факторами антропологическими. Къ тому же, указанное вліяніе на явленіе преступленія такъ же мало подлежитъ измѣненію, какъ и вліяніе наслѣдственности. Если, такимъ образомъ, факторы физическіе связываются съ факторами антропологическими и неотличимы отъ нихъ, то важно отдѣлить тѣ и другіе отъ условій извѣстнаго соціальнаго строя,—отъ соціальной среды. Изслѣдованіе этихъ условій поведетъ къ разрѣшенію вопроса, примѣняется ли къ вызваннымъ ими преступленіямъ теорія исключенія преступника изъ общества, ограниченная опредѣленной средой, къ которой онъ былъ неприспособленъ. Этотъ вопросъ возбужденъ мнѣніями нѣкоторыхъ соціологовъ, которые для преступности, обусловленной преимущественно соціальными причинами, предлагаютъ устраненіе производящихъ преступленіе причинъ посредствомъ законодательныхъ мѣръ [109]).

Припомнивъ, что первая мысль о необходимости соціальныхъ реформъ, ради предупрежденія преступленій, была высказана Романьози, и изложивъ въ общихъ чертахъ ученіе этого мыслителя о средствахъ предупрежденія, Гарофало замѣчаетъ, что требованія Романьози ограничиваются хорошимъ соціальнымъ и экономическимъ законодательствомъ, правильнымъ отправленіемъ правосудія и созданіемъ общихъ условій безопасности и нравственности. У Романьози ничего не предлагается ради спеціальнаго предупрежденія преступности, за исключеніемъ запрета тунеядства и бродяжества, и обязанности государства давать работу тѣмъ, которые ея не находятъ. Отъ Романьози Гарофало переходитъ къ теоріи Ферри объ уголовныхъ замѣстителяхъ. Общія мѣры законодательнаго и воспитательнаго порядковъ, рекомендуемыя Ферри, могутъ содѣйствовать подъему общей нравственности. Но за тѣмъ Ферри предлагаются спеціальныя мѣры противъ извѣстныхъ явленій общественной жизни, состоящія въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ существующихъ запретовъ—(таможенныхъ порядковъ) и въ установленіи новыхъ запретовъ—(общенародныхъ празднествъ, питейныхъ домовъ). Съ упраздненіемъ запретовъ, конечно, исчезаютъ нарушенія ихъ: уничтожьте таможни и не будетъ контрабандистовъ. Новые запреты вызовутъ и новыя нарушенія. Есть, конечно, учрежденія, обусловливающія своимъ существованіемъ извѣстныя преступленія, но такія учрежденія являются необходимымъ соціальнымъ фак-

---

[109]) Стр. 182—184.

томъ: не будь монеты и бумажныхъ денегъ,—не было бы и поддѣлки денежныхъ знаковъ; не будь брака, не было бы и двоеженства. Предложенія Ферри, направленныя къ уменьшенію спеціальной преступности, оказываются иногда прямо противными другимъ существеннымъ интересамъ государства, либо не устраняютъ преступности въ другомъ видѣ. Такъ, государство не можетъ отказаться отъ запрета брака военнымъ, не смотря на обусловленныя такимъ запретомъ извѣстныя преступныя дѣянія, изъ-за огромной выгоды имѣть въ войскѣ холостыхъ людей. «При дозволеніи развода развѣ будетъ уничтожено чувство ревности? Не сдѣлается ли таковое еще болѣе сильнымъ у отверженнаго, оставленнаго безъ семьи супруга?» [110]).

Кромѣ того Ферри распространяетъ дѣятельность государства на такіе предметы, относительно которыхъ сфера его очень ограничена. Въ этихъ случаяхъ все зависитъ не отъ государственнаго вмѣшательства, а отъ естественнаго прогресса гражданственности, бережливости и частной иниціативы. Весьма сомнительно, чтобъ широкое государственное вмѣшательство увѣнчалось успѣхомъ. Значитъ, законодательныя мѣропріятія, ради предупрежденія преступности, могутъ быть преимущественно направлены на хорошее устроеніе полиціи, удовлетворительное отправленіе правосудія, и лишь къ посредственному воздѣйствію на нравственное и публичное воспитаніе путемъ противодѣйствія дурнымъ привычкамъ. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, приходится возвращаться къ идеямъ Романьози—къ требованіямъ educazione, vigilanza e giustizia. Мѣры, которыя могутъ быть приняты для предупрежденія преступности, слѣдующія: хорошія школы, пріюты для бѣдныхъ и заброшенныхъ дѣтей, запреты безнравственныхъ печатныхъ сочиненій и зрѣлищъ, запреты появленія дѣтей въ публичныхъ засѣданіяхъ судовъ, ограниченіе свободы открытія трактирныхъ заведеній, надзоръ за подозрительными лицами, хорошіе гражданскіе законы и быстрая юстиція [111]).

Анализъ вопроса о вліяніи экономическихъ условій на преступность, сдѣланный Гарофало, весьма важенъ въ виду бокового соціалистическаго теченія, развившагося въ Италіи, на ряду съ антропологого-позитивной школой и воспользовавшагося теоріей Ферри объ уголовныхъ замѣстителяхъ, чтобъ выставить на видъ необходимость коренной мѣры предупрежденія преступности, преобразованія обще-

---

110) Стр. 185—196.

111) Стр. 199—201.

ственнаго порядка въ соціалистическомъ смыслѣ вмѣсто предложенныхъ отдѣльныхъ палліативовъ [112]). Противъ этого теченія выступилъ Ферри въ своей книгѣ «Socialismo e criminalità», и Гарофало въ разсматриваемомъ отдѣлѣ «Criminologia».

Едва ли можно оспаривать формулированныя Гарофало возраженія противъ признанія состоянія пролетаріата—главнѣйшей причиной преступности. Заявленія Гарофало противъ преувеличеннаго значенія придаваемаго бѣдности, какъ фактору преступности, находятъ подтвержденіе со стороны многихъ компетентныхъ изслѣдователей преступниковъ. Докторъ Marro, весьма близко изучившій преступниковъ въ качествѣ тюремнаго врача, замѣчаетъ, что наиболѣе рѣдко встрѣчаются случаи, гдѣ истинный голодъ, безусловная необходимость снисканія пропитанія приводили къ преступленію. Напротивъ, гораздо чаще встрѣчаются случаи, гдѣ мотивомъ къ преступленію было желаніе вести дорого стоющій образъ жизни, содержать любовницу, тратить деньги на оргіи [113]). Не столько бѣдность сама по себѣ, сколько другія условія, съ которыми она сочетается, создаютъ преступность. Сюда относятся большая скученность населенія въ большихъ городахъ вслѣдствіе отвлеченія рабочихъ изъ деревень въ города, близость соприкосновенія бѣдныхъ ремесленниковъ съ преступными людьми въ домахъ съ квартирами, занимаемыми низшимъ классомъ [114]), въ особенности же недостатокъ воспитанія. Этому по-

---

112) Главные представители этого направленія Turati Il delitto e la questione sociale 1883 г. Colajanni Il socialismo 1884 г. Его же L'alcoolismo e sue conseguenze morali 1887.

113) Указ. соч. стр. 267. Ср. также слова Moreau Christophe Le Monde des Coquins chap. III, La misère morale: .....la misère est la fille du crime bien plus que le crime le fils de la misère (стр. 21).

114) Указанныя явленія, наравнѣ съ соціалистическою проповѣдью противъ существующаго порядка и упадкомъ нравственнаго и религіознаго чувства, признаются факторами усиливающейся преступности у Illing'a Die Zahlen der Kriminalität in Preussen für 1854—1884 (цитовано по реферату въ Bulletin de le Société générale des Prisons 1886). Ср. указанія Ω Σ (Die Verbrecherwelt in Berlin 1886) на крайній приливъ въ столицу германской имперіи пришельцевъ изъ разныхъ городовъ Пруссіи, привлекаемыхъ соблазномъ заработковъ и вмѣсто таковыхъ находящихъ тамъ нужду и нищету. Tausende und aber Tausende taumeln vom Beruf zu Beruf..... sinken dabei zu Grunde.... verlassen den Weg des Redlichen und werfen sich dem Verbrechen in die Arme. (III Entstehungsursachen, Lebensweise, Organisation, стр. 39). Ср. также въ указ. отдѣлѣ о жилищахъ людей низшихъ классовъ (стр. 44—47). Вліяніе привлекающихъ пришлое населеніе большихъ центровъ на развитіе преступности наглядно показано у Bérard Le Criminalité de Lyon comparée à la criminalité dans les départements circonvoisins, Archives de l'anthropologie criminelle II, 1887 г. № 8.

слѣднему явленію несомнѣнно принадлежитъ первенствующее значеніе въ созданіи условій преступности, и попытки какъ Гарофало, такъ и Ферри, придать лишь ограниченное значеніе воспитанію въ виду наслѣдственно-прирожденныхъ истинктовъ, представляютъ лишь защиту односторонняго тезиса. Недостаткомъ воспитанія и заброшенностью дѣтей объясняются зародыши разныхъ дурныхъ привычекъ, въ томъ числѣ привычка бродяжества и созданіе ранней обычной преступности. Поэтому, въ числѣ немногихъ истинно существенныхъ предупредительныхъ средствъ противъ преступленія коренное мѣсто принадлежитъ воспитанію заброшенныхъ и порочныхъ дѣтей, исправительная дисциплина несовершеннолѣтнихъ преступниковъ,—мѣры, осуществленію которыхъ посвящается такъ много усилій, преимущественно во Франціи и Англіи [115]).

По части критики вопроса о предупредительныхъ средствахъ вообще и sostitutivi penali въ частности приходится признать полнѣйшую законность точки зрѣнія Гарофало, вносящей значительную рознь въ новую школу уголовнаго права въ виду воззрѣній Ферри и Ломброзо. Одна изъ важнѣйшихъ «заслугъ» антрополого-позитивной школы, по мнѣнію этихъ двухъ писателей, отрицается рѣшительнымъ образомъ такимъ вліятельнымъ представителемъ ея, каковъ Гарофало. Среди рекомендуемыхъ послѣднимъ мѣръ предупрежденія существенно хорошее устроеніе полиціи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ и обнимающей учрежденія какъ благотворительнаго характера, такъ и учрежденія для попеченія объ освобожденныхъ преступникахъ, комбинированныя съ системой преобразованнаго полицейскаго надзора и условнаго освобожденія изъ мѣстъ лишенія свободы, устроеніе рабочихъ домовъ для бродягъ въ связи съ карательными средствами противъ бродяжества. Всѣ такія мѣры тѣсно примыкаютъ къ карательному порядку лишенія свободы, являясь по отношенію къ нему средствами вспомогательными, дополнительными, устраняющими вредныя условія, встрѣчаемыя преступникомъ по выходѣ изъ мѣстъ заключенія и отклоняющими его отъ новаго впаденія въ преступленіе [116]).

---

[115]) Во Франціи первенствующее мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Service des enfants moralement abandonnés (о созданіи этого учрежденія ср. Reinach Les Récidivistes, приложеніе № 21. Extraits du rapport sur le Service des enfants moralement abandonnés ст. 319 и слѣд. О современномъ состояніи Reformatories и Industrial Schools въ Англіи—Du Cane The punishment and prevention of Crime Chap. VIII. The preventive system, Juveniles.

[116]) Заслуга указанія спеціальныхъ, хорошо обдуманныхъ и тѣсно связанныхъ съ

V.

Въ части 3-й Criminologia «La repressione» Гарофало подходитъ къ чисто юридическимъ вопросамъ уголовнаго права.

Глава 1-я посвящена анализу юридическаго понятія преступленія, господствующаго въ наукѣ и совершенно отличнаго отъ выставленнаго авторомъ понятія естественнаго преступленія [117]). Игнорируя понятіе о преступленіи какъ соціальномъ феноменѣ, не видя въ преступникѣ анормальнаго, неподобнаго другимъ людямъ существа, криминалисты исключительно заботятся объ установленіи точныхъ признаковъ преступленія и пропорціональнаго наказанія,—о послѣдствіяхъ же наказанія для общества и самаго преступника они не думаютъ. Указавъ на опредѣленіе преступленія у Росси, принятое Требюсьеномъ, Ортоланомъ, Гизо во Франціи, Гауссомъ въ Бельгіи, Миттермайеромъ въ Германіи, (преступленіе—нарушеніе нравственнаго закона въ предѣлахъ, отмежеванныхъ общественною необходимостью), Гарофало упрекаетъ это опредѣленіе за неуказаніе точнаго вида безнравственности, входящаго въ составъ уголовнаго преступленія [118]). Отъ французской школы уголовнаго права авторъ переходитъ къ классической итальянской школѣ. Итальянскіе криминалисты класси-

---

практикой тюрьмовѣдѣнія мѣръ предупрежденія принадлежитъ Lucchini Gli istituti di polizia preventiva въ Atti del II Congresso giuridico Italiano 1880 (изд. 1881). О полицейскомъ надзорѣ въ связи съ дѣятельностью обществъ патроната и условнымъ освобожденіемъ см. мои мотивы къ ст. 35 проекта уголовнаго уложенія (Юридическій Вѣстникъ 1883 г. № 4 стр. 703—708). Указанныя мѣры предупрежденія составляли и на послѣднемъ пенитенціарномъ римскомъ конгрессѣ самостоятельную задачу 3-й секціи, занимавшейся, между прочимъ, вопросами объ убѣжищахъ для освобожденныхъ преступниковъ, о предупрежденіи бродяжества, о воспитательныхъ воздѣйствіяхъ на заключенныхъ въ праздничные дни (Der internationale Kongress für Gefängnisswesen in Rom 1885, Bericht von Goos въ Zeitschrift Листа 1886, стр. 608—609). Чрезвычайно плодотворно изслѣдованіе вопроса о бродяжествѣ и требуемыхъ этимъ явленіемъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ, начатое въ 1885 году Парижскимъ тюремнымъ обществомъ и дѣятельно веденное въ 1886 году; богатый матеріалъ, собранный этимъ изслѣдованіемъ,—въ Bulletin de la Société générale des Prisons за 1886 годъ; сюда принадлежатъ протоколы обсужденія доклада Robin о бродяжествѣ (№ 2, 4, 7, 8), далѣе Enquête sur les moyens destinés a empêcher les mendiants et les vagabonds a tomber dans la récidive (№ 8), свѣдѣнія изъ главнѣйшихъ странъ Европы, собранныя по программѣ, разосланной обществомъ, о мѣрахъ благотворительности, о предупрежденіи и репрессіи бродяжества, о рабочихъ домахъ для освобожденныхъ изъ тюрьмы бродягъ.

117) Capit. I Criteri di punibilità 1. Il concetto giuridico del delitto, стр. 205 и сл.

118) Стр. 209—213.

ческой школы, представляемой Беккаріа, Романьози, Карминьяни, Джуліани, Каррара, видятъ принципъ карательнаго права въ соціальномъ законѣ. Нравственному закону приписывается значеніе условія, ограничивающаго дѣйствіе соціальнаго закона. Такимъ образомъ, преступленіе опредѣляется у Каррара какъ «нарушеніе закона, объявленнаго государствомъ ради охраны безопасности гражданъ, проистекающее изъ внѣшняго дѣйствія человѣка, дѣянія или опущенія, нравственно вмѣняемаго». Поэтому, для итальянской классической школы преступленіе есть дѣяніе, вносящее смуту въ соціальный порядокъ и порицаемое нравственнымъ закономъ. Это понятіе, по мнѣнію Гарофало, грѣшитъ указаніемъ на необходимость несогласія преступнаго дѣянія съ нравственнымъ закономъ, тогда какъ такое несогласіе имѣется на лицо при всякомъ нарушеніи запрета въ виду нравственной обязанности повиновенія. Далѣе, юристы классической школы дали опредѣленіе не естественнаго преступленія, а наказуемаго дѣянія. При этихъ условіяхъ преступникъ представляется не анормальнымъ лицомъ, а лишь ослушникомъ закона,—наказаніе не исключеніемъ изъ общества, а карой, принципъ уравненія требуетъ предварительнаго установленія качества и мѣры наказанія сообразно важности нарушенія, наказаніе признается юристами-идеалистами нравственнымъ возмѣщеніемъ для преступленія, а юристами классической школы, не меньшими въ своемъ родѣ метафизиками, количествомъ наказанія, необходимаго для охраны права (tutela guiridica). Приведя слова Каррара: «Я вижу основной принципъ уголовнаго права въ необходимости защиты правъ человѣка, ограниченіе функціи его въ справедливости, умѣряющее начало въ общественномъ мнѣніи», Гарофало замѣчаетъ, что, такимъ образомъ, признается нѣчто внѣшнее (справедливость), нѣчто привносимое извнѣ и въ то же самое время высшее, чѣмъ соціальная необходимость. Необходимое наказаніе и есть справедливое наказаніе, разумное сознаніе необходимости отсѣкаетъ крайности и въ этомъ лучшая гарантія для недѣлимаго [119]).

Понятіе о справедливости повело въ классической школѣ къ двумъ основнымъ положеніямъ: 1) о нравственной отвѣтственности и 2) о пропорціональномъ количествѣ наказанія съ важностью преступленій.

Бѣгло очертивъ теорію нравственной отвѣтственности, основанную на признаніи свободы человѣческой воли въ выборѣ добра и зла, вслѣдствіе чего безнравственное побужденіе къ преступленію пред-

---

[119]) II. La responsabilità morale, стр. 213—214.

ставляется свободно избраннымъ, а не присущимъ необходимо преступнику, какъ это обосновано въ теоріи автора, Гарофало упрекаетъ эту теорію за принимаемый ею метафизическій принципъ, подверженный вѣчному спору. Отклонивъ отъ себя изслѣдованіе общаго вопроса о свободѣ воли у человѣка, и ссылаясь на Деспина, который, не смотря на признаніе имъ свободы воли, отрицалъ таковую у преступниковъ, Гарофало замѣчаетъ, что такимъ образомъ лишенные свободы воли преступники должны бы признаваться совершенно безответственными. Далѣе Гарофало указываетъ, что, при принятіи свободы воли, человѣческая отвѣтственность являлась бы ограниченною множествомъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ, свобода воли степенилась бы безконечно и установленіе ея становилось бы невозможнымъ [120]).

Авторъ переходитъ отъ вопроса о свободѣ воли къ понятію о непреодолимой силѣ (forza irresistibile interna). Эта формула самымъ явнымъ образомъ противорѣчитъ требованіямъ соціальной защиты. Юристы, правда, съуживаютъ область непреодолимой силы, требуя, чтобъ побужденіе къ преступленію проистекало изъ извинительнаго мотива. Тѣмъ не менѣе подъ предлогомъ непреодолимой силы оправдывались наемные бандиты, виновники подлога, даже воры.—Если защитники въ уголовномъ судѣ не всегда прибѣгаютъ къ этому удобному средству въ случаяхъ особо гнусныхъ преступленій, то только потому, что они не надѣятся найти сочувствія въ присяжныхъ. А между тѣмъ, нѣкоторые преступники, напримѣръ, воры-рецидивисты, представляютъ образецъ человѣка, не могущаго противиться преступнымъ импульсамъ. Однако, есть высшія соображенія о невозможности оставлять на свободѣ опасныхъ преступниковъ,—а ради этого ихъ приходится осуждать и признавать способными бороться съ своими преступными импульсами [121]).

Гарофало разсматриваетъ, наконецъ, вопросъ о душевной болѣзни, въ виду упрека, дѣлаемаго антрополого-позитивной школѣ, что она подвергаетъ душевно-больнаго человѣка общественной реакціи, на равнѣ съ здоровымъ.—(Tarde Revue philosophique 1883 г. [122]). Душевнобольными преступниками авторъ не признаетъ лицъ, совершающихъ исключительно подъ вліяніемъ душевной болѣзни дѣяніе, которое у здороваго человѣка указывало бы на преступную цѣль. Такова, напр.

---

120) Стр. 215—217.

121) La forza irresistibila стр. 218—220.

122) La pazzia стр. 221.

женщина, вообразившая вслѣдствіе галлюцинаціи, что загорѣлся домъ, и поэтому выбросившая своихъ дѣтей въ окно, о которой сообщаетъ Maudsley. Единственные душевно-больные, подлежащіе наказанію, — это одержимые безчестными или безчеловѣчными тенденціями къ кражѣ, убійству, подлогу—или къ преступленію вообще. Правда, въ ученой и неученой публикѣ признается, что лицо, не обладавшее въ моментъ преступленія полнотой умственныхъ способностей, неотвѣтственно по отсутствію въ немъ вины, но такая точка зрѣнія можетъ связываться съ теоріей мести или нравственнаго искупленія,—а не съ теоріей охраны права. Несправедливо принимать двѣ различныя мѣрки, отрицать отвѣтственность душевно-больнаго и признавать отвѣтственнымъ человѣка, лишеннаго въ силу наслѣдственности или дурнаго воспитанія нравственныхъ инстинктовъ. Нельзя ссылаться на неприкосновенность разума, такъ какъ безъ нравственнаго чувства умъ способенъ даже внушить мысль о полезности преступленія [123]).

Единственно серьозное возраженіе противъ отвѣтственности душевно-больнаго состоитъ въ томъ, что для него не существуетъ воздерживающаго мотива въ видѣ угрозы наказанія. Однако и противники новой школы соглашаются на принятіе противъ душевно-больныхъ мѣръ предосторожности противъ повторенія ими преступныхъ дѣяній, мѣръ, ничѣмъ не отличающихся отъ мѣръ, принимаемыхъ противъ преступниковъ. Manicomio criminale (лѣчебница для душевно-больныхъ преступниковъ) та же тюрьма. Но и manicomio для непреступныхъ душевно-больныхъ не отличается отъ тюрьмы, такъ какъ освобожденіе душевно-больнаго зависитъ не отъ него, а отъ его семейства или директора заведенія [124]). Гарофало припоминаетъ, что рѣшительный доводъ противъ защищаемаго имъ воззрѣнія думали найти въ вопросѣ о смертной казни. Такъ, Paulhan въ виду неразличенія въ новой школѣ душевно-больнаго и здороваго преступника, спрашиваетъ, почему бы не гильотинировать опаснаго душевно-больнаго съ неизлѣчимой болѣзнью? Гарофало отвѣчаетъ на это, что онъ поддерживаетъ всѣ послѣдствія, вытекающія изъ защищаемаго имъ положенія; если душевно-больной дѣйствительно и постояннымъ образомъ опасенъ, наравнѣ съ прирожденнымъ преступникомъ, то нѣтъ и основанія различать того и другаго

---

123) Стр. 221—223.
124) Стр. 223—224.

по отношенію къ наказуемости. Впрочемъ, то, что Paulhan ставитъ въ упрекъ автору, фактически случиться не можетъ. Извѣстныя мономаніи связуются съ тенденціями къ кражѣ и поджогу. Но недостатокъ разума дѣлаетъ такихъ мономановъ мало опасными. Случайнымъ послѣдствіемъ бреда маніака можетъ быть убійство, но въ такихъ случаяхъ нѣтъ сознанія совершеннаго и, такимъ образомъ, ему нельзя приписывать преступныхъ тенденцій. Тенденція къ убійству бываетъ у одержимыхъ маніей преслѣдованія. Преступная тенденція такихъ лицъ сознательная, но она зависитъ отъ ложной идеи и съ исчезновеніемъ таковой исчезаетъ. Наконецъ, имѣется двусмысленная форма нравственнаго помѣшательства, но эта форма либо входитъ въ составъ самостоятельныхъ душевныхъ болѣзней (эпилепсіи, прогрессивнаго паралича), либо, не составляя патологическаго явленія, обнимаетъ прирожденныхъ преступниковъ. Въ первомъ случаѣ, болѣзнь неизлѣчимая, но спеціальная тенденція можетъ быть преходящею: достаточно, поэтому, помѣстить одержимаго ею—въ manicomio. Когда же рѣчь идетъ о вырожденіи и пріостановкѣ развитія, какъ источникѣ извращенія или отсутствія нравственнаго чувства, преступникъ представляется опаснымъ, пока преступленіе можетъ служить удовлетвореніемъ его страстямъ. Значитъ, по защищаемой авторомъ теоріи, не душевно-больные въ строгомъ смыслѣ слова могли бы подвергаться смертной казни, а такъ называемые нравственно-помѣшанные.

Указавъ, что наказуемостью душевно-больныхъ достигаются второстепенныя полезныя цѣли, напримѣръ, устрашеніе, такъ какъ мотивъ страха дѣйствуетъ на меланхоликовъ, маттоидовъ, нравственно-помѣшанныхъ, Гарофало прибавляетъ, что еслибъ даже эта цѣль не достигалась, наказаніе остается наказаніемъ, достигая исключенія изъ общества неприспособленныхъ лицъ [125]).

Изъ изложеннаго видно, что господствующему направленію науки уголовнаго права ставится въ упрекъ Гарофало юридическій методъ изслѣдованія уголовнаго преступленія, заботливость объ установленіи точныхъ признаковъ преступнаго дѣянія, сведеніе преступнаго дѣянія къ нарушенію государственнаго закона. Всѣ эти черты, присущія оспариваемому Гарофало направленію, могутъ представляться недостаткомъ лишь съ точки зрѣнія односторонняго и радикальнаго воззрѣнія, проникающаго антрополого-позитивную школу. Какъ я

---

125) Стр. 225—230.

старался показать выше, въ главѣ 3-ьей, юридическое и соціологическое изслѣдованіе преступленія и наказанія—два совершенно самостоятельные и равноправные пріема изслѣдованія, при чемъ второй единственно возможенъ при существованіи перваго. Преступленіе и наказаніе—это двѣ квалификаціи, даваемыя государственнымъ закономъ извѣстнымъ дѣяніямъ, совершаемымъ частными лицами, и извѣстнымъ послѣдствіямъ, которыя эти дѣянія влекутъ за собою. Созданіе этихъ квалификацій происходитъ исторически—первоначально путемъ малосознательнымъ, путемъ обычая, позднѣе являются отдѣльныя законодательныя постановленія, наконецъ болѣе и болѣе полные кодексы, точно опредѣляющіе отдѣльныя наказуемыя дѣянія и соотвѣтствующія имъ наказанія. На ряду съ развитіемъ уголовнаго законодательства идетъ развитіе науки, которая стремится внести стройный порядокъ въ законодательныя постановленія, истолковать ихъ истинный смыслъ, согласовать ихъ съ жизненными потребностями, внести въ нихъ раціональныя цѣли.—Это не можетъ быть достигнуто иначе, какъ путемъ технико-юридическаго изслѣдованія понятія о преступномъ дѣяніи, которое ставится въ вину юристамъ.—А между тѣмъ, безъ такого изслѣдованія немыслима организованная и разумная борьба съ преступленіемъ, немыслимо устроеніе правильнаго уголовнаго процесса, немыслимы гарантіи личной свободы гражданъ. Пусть будетъ отброшено это изслѣдованіе, какъ безполезное, пусть будетъ отвергнута наука уголовнаго права, какъ изслѣдованіе преступленія и наказанія,—и не только соціологическое изслѣдованіе преступности будетъ висѣть на воздухѣ,—болѣе того, общество возвратится къ тѣмъ историческимъ порядкамъ, когда не было твердыхъ нормъ для опредѣленія преступнаго характера дѣяній и не было заранѣе установленныхъ для извѣстныхъ преступныхъ дѣяній наказаній, а законодательство и теорія ограничивались понятіемъ о завѣдомо лихихъ людяхъ,—о fures famosi, отдаленныхъ предкахъ delinquenti nati и istintivi. При необычайной сложности отношеній современной жизни, при необходимости установленія новыхъ нормъ уголовнаго права, вызываемыхъ необыкновенно утонченными новыми условіями жизни и сопутствующими имъ соблазнами вновь созданныхъ потребностей, слѣдовало-бы ожидать отъ пренебреженія юридическаго изслѣдованія преступнаго дѣянія воцаренія чудовищнаго произвола, отъ котораго никакъ не спасетъ понятіе «естественнаго преступленія». Что касается частностей критики Гарофало противъ Французской и Итальянской школы уголовнаго права, то, допуская справедливость возраженій, сдѣланныхъ Гарофало противъ первой, возраженій, сдѣланныхъ неодно-

кратно [126]) и которыя могутъ быть обращены съ равнымъ основаніемъ и противъ теоріи Гарофало объ естественномъ преступленіи),—я постараюсь показать, что теорія Итальянской классической школы нисколько не подрывается критикой Гарофало.

Въ самомъ дѣлѣ, этой школѣ ставится въ вину, что она даетъ опредѣленіе наказуемаго дѣйствія, а не естественнаго преступленія, и что изъ ея опредѣленія не слѣдуетъ анормальности преступника.—Какъ я пытался показать выше,—естественное преступленіе есть крайне неудачная абстракція, исходящая отъ неустойчиваго основанія и неспособная объяснить существа государственнаго права наказанія. Гораздо болѣе опредѣленнымъ представляется понятіе о преступленіи, какъ наказуемаго со стороны государства, въ интересахъ охраны права, дѣянія, принимающее въ разчетъ публичный характеръ уголовнаго права, его независимость отъ частной воли, его назначеніе возводить нарушеніе частнаго отношенія на степень нарушенія, затрогивающаго цѣлый государственный строй. Самъ Гарофало заявляетъ, что приводимое имъ опредѣленіе преступнаго дѣянія Каррара указываетъ на условія объявленія извѣстнаго дѣянія преступнымъ и наказуемымъ, безъ указанія на точный видъ безнравственности. Но научное изслѣдованіе именно и можетъ только дать общее понятіе о преступномъ дѣяніи, съ указаніемъ его существенныхъ признаковъ, чему и удовлетворяетъ весьма полное опредѣленіе Каррара. Не удовлетворяетъ этому требованію понятіе естественнаго преступленія, такъ какъ на основаніи его можно потребовать наказуемости неподанія куска хлѣба бѣдняку въ виду нарушенія этимъ отказомъ наиболѣе обычной доли человѣколюбія. Изъ опредѣленія же преступнаго дѣянія у Каррара прямо слѣдуетъ, что указанный отказъ не можетъ составлять уголовнаго преступленія, кто бъ ни оказался виновникомъ отказа, нормальный или анормальный человѣкъ, такъ какъ въ немъ предусматривается признакъ «безопасности гражданъ», т. е. неприкосновенности правъ, нарушаемыхъ преступленіемъ. Такимъ образомъ опредѣленіе Каррара не смѣшиваетъ безнравственнаго и преступнаго поступка, каковое смѣшеніе неизбѣжно, когда говорится о «спеціальной безнравственности», положенной въ основаніе преступнаго дѣянія.

---

[126]) Критика теоріи Росси, воспринятой послѣдующими криминалистами, благодаря большой даровитости этого криминалиста—у Каррара Programma I § 182 и 186, далѣе у Chauveau Adolphe et Faustin Hélie Theorie du Code pénal Chapitre premier изд. 5-ое T. I. Principe du droit pénal, 8. У Bar'a Handbuch § 95 встрѣчается любопытный отзывъ о теоріи Росси: Theoretisch unhaltbar in der Form in welcher sie auftritt liefert diese Coalition doch praktisch die richtigsten Ergebnisse (стр. 271).

Весьма страннымъ представляется, далѣе, упрекъ, что юридическое понятіе о преступленіи не ведетъ непремѣнно къ анормальности преступника. И здѣсь просвѣчиваетъ искусственность теоріи естественнаго преступленія, созданнаго, чтобъ поддержать заранѣе формулированное апріористическое понятіе анормальнаго преступника. Справедливо, что общее понятіе о преступномъ дѣяніи ничего не предрѣшаетъ о свойствѣ личности преступника. Но это не недостатокъ, а необходимое свойство такого понятія. Руководствуясь историческимъ и жизненнымъ опытомъ, законодатель въ видѣ общаго правила опредѣляетъ, какія дѣянія признаются имъ преступными и наказуемыми. Запрещая извѣстныя группы дѣяній, законодатель не можетъ предустановлять при этомъ личныя свойства ихъ нарушителей; онъ можетъ только допускать, что нарушителями закона могутъ явиться и лица нормальныя, такъ какъ никто безусловно отъ нарушенія уголовнаго закона не застрахованъ, какъ никто не обреченъ безусловно отъ рожденія къ преступной дѣятельности. Конечно, законодателю можетъ быть ясно, что извѣстныя преступныя дѣянія будутъ совершаться особенно низко павшими въ нравственномъ отношеніи лицами. Это соображеніе можетъ повести къ принятію спеціальныхъ мѣръ наказанія относительно такихъ лицъ. Но отъ такого соображенія до необходимости предвидѣнія анормальнаго лица во всякомъ преступникѣ—цѣлая бездна. Что съ понятіемъ анормальнаго преступника въ безусловномъ смыслѣ, принимаемомъ Гарофало, законодателю не приходится считаться, это доказывается предшествующимъ изложеніемъ, изъ котораго ясно, что самъ Гарофало долженъ былъ допустить среди преступниковъ незамѣтный переходъ отъ анормальныхъ къ нормальнымъ лицамъ.

Надо, наконецъ, замѣтить, что возраженія Гарофало противъ внесенія элемента нравственнаго закона и справедливости въ понятіе о преступленіи въ классической итальянской школѣ, какъ оно формулировано у вождя этой школы Каррара, а равно Бруза, Буччеллати, точно также невѣрны. Въ самомъ дѣлѣ, Гарофало ссылается на то, что признакъ, вносимый въ понятіе уголовнаго преступленія, а именно несогласіе его съ нравственнымъ закономъ, не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ нравственный законъ требуетъ уже вообще повиновенія государственному закону. Между тѣмъ къ приводимому самимъ Гарофало опредѣленію преступленія у Каррара этотъ упрекъ вовсе не относится; въ этомъ опредѣленіи говорится о «дѣяніи, нравственно вмѣняемомъ», т. е. предполагается въ виновникѣ преступленія нравственная свобода, способность самоопредѣле-

нія на основаніи понятія объ обязательности для воли законодательной нормы.

Для Каррара право и нравственность несомнѣнно въ ближайшемъ общеніи, но онъ видитъ осуществленіе нравственной необходимости въ охранѣ правъ человѣка, какъ нравственнаго существа, путемъ наказанія, преступленіе—въ нарушеніи права. Такимъ построеніемъ Каррара счастливо избѣгаетъ сведенія преступленія къ безнравственности, которое справедливо характеризуется Бруза, какъ особенность аскетической школы [127]). Точно также нельзя согласиться съ возраженіемъ Гарофало противъ понятія справедливости, вносимаго у Каррара въ право наказанія. Гарофало возстаетъ противъ отдѣленія справедливости отъ соціальной необходимости, противъ поставленія ея превыше послѣдней и называетъ это метафизикой. Но эти возраженія являются голословными и, поэтому, лишены всякой убѣдительности. Въ сочетаніи принципа охраны права (tutela del diritto) и умѣряющихъ началъ справедливости и общественнаго сочувствія къ способу отправленія наказанія нужно видѣть необыкновенно вѣрную мысль, которая, избѣгая ненаучныхъ крайностей и всякихъ несостоятельныхъ компромиссовъ, чрезвычайно рельефно раскрываетъ истинное значеніе уголовнаго правосудія, свойственнаго культурнымъ эпохамъ. Это положеніе исходитъ отъ истиннаго, реальнаго объекта, противъ котораго направляется уголовное преступленіе, и, поэтому, ставитъ этотъ объектъ подъ охрану государственной функціи репрессіи. Но такъ какъ борьба противъ преступленія отправляется во имя и ради юридическаго правопорядка, то такая борьба и не можетъ пользоваться безразличными средствами: поэтому, по мнѣнію Каррара, способъ отправленія права наказанія долженъ быть запечатлѣнъ справедливостью. Было бы противурѣчиво стремленіе къ извѣстной цѣли и достиженіе ея средствами, нарушающими эту цѣль, иначе—достиженіе охраны права путемъ средствъ, пренебрегающихъ неприкосновенностью правъ личности и нормами нравственности. Въ умѣренности карательной власти, въ уваженіи человѣческой личности, въ воздаяніи ей только должнаго, въ достиженіи государственной необходимости лишь средствами, не отвергаемыми нравственностью, въ строгой разборчивости законодательной практики, не допускающей запрета дѣяній безразличныхъ или даже нравственныхъ—и состоитъ та граница справедливости, которая требуется Каррара [128]). Самъ Гарофало

127) Saggio, стр. 143.

128) Faustin Hélie, взглядъ котораго на право наказанія существенно совпадаетъ съ взглядомъ Каррара, очень хорошо выражается въ этомъ отношеніи: «Il est

прибавляетъ, что разумное сознаніе соціальной необходимости устранитъ всякія крайности, однако это разумное сознаніе или есть справедливость, о которой говоритъ Каррара,—или чисто утилитарныя соображенія, могущія и исказить дѣло правосудія. Въ первомъ случаѣ опредѣленное и крайне плодотворное понятіе,—понятіе, обладающее величайшимъ теоретическимъ значеніемъ и одновременно величайшей доступностью для простыхъ людей, какъ свидѣтельствуетъ о томъ опытъ многихъ приговоровъ присяжныхъ, безъ нужды замѣняется смутнымъ терминомъ. Какъ бы то ни было, нельзя ограничиваться однимъ понятіемъ соціальной необходимости. «Давая праву наказанія единственной основой необходимость общественнаго самосохраненія, общественной власти предоставляется право наказывать дѣянія, не нарушающія права, только потому, что они представляются опасными; общественная власть поощряется преувеличивать наказанія, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе примѣрными; жертвуются права недѣлимаго подъ предлогомъ покровительства цѣлаго общества». Это говоритъ Garraud [129]), писатель, въ коемъ антрополого-позитивная школа видитъ родственнаго ей по направленію юриста. Должно прибавить, что въ виду построенія естественнаго преступленія, какъ нарушенія коренныхъ нравственныхъ чувствованій, обоснованныхъ въ человѣческой природѣ,—человѣколюбія и справедливости,—трудно понять, что Гарофало считаетъ возможнымъ игнорировать справедливость, какъ элементъ уголовнаго наказанія.

Отвергнувъ юридическое изслѣдованіе преступнаго дѣянія, Гарофало, въ согласіи съ другими представителями новой школы, выступаетъ и противъ понятія нравственной свободы. Впрочемъ, отклонивъ отъ себя обсужденіе общаго вопроса, авторъ дѣлаетъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія, преимущественно практическаго свойства, относительно непригодности этого понятія въ уголовномъ правѣ. При обсужденіи доктрины Ферри мною было отведено значительное мѣсто этому вопросу, было оцѣнено возраженіе, сдѣланное относительно неопредѣленности, вносимой понятіемъ нравственной

---

certain que le législateur ne peut saisir des actes dont l'incrimination répugne a la conscience, qu'il ne peut flétrir des faits qu'elle juge innocents ou méritoires, qu'il ne peut commander des actions qu'elle réprouve ou condamne» (указ. соч. стр. 13).

129) Précis de droit criminel deuxième edition 1885, стр. 25. Принадлежа къ школѣ Росси, Garraud, какъ видно изъ приведенной цитаты, приходитъ къ выводамъ, тождественнымъ съ итальянской классической школой—къ энергическому протесту противъ понятія грубой общественной необходимости.

свободы въ уголовное право,—возраженіе, поддерживаемое и Гарофало. Не останавливаясь, поэтому, на вопросѣ о нравственной свободѣ, я перейду къ затронутому Гарофало вопросу о «неопреодолимой силѣ».

Понятіе о forza irresistibile родственно понятіямъ крайней необходимости, физическаго и психическаго принужденія [130]). Было время въ исторіи развитія уголовнаго права, когда эти понятія неправильно связывались съ вопросомъ о вмѣняемости, когда наказуемость въ случаяхъ крайней необходимости или принужденія покоилась на принципѣ уничтоженія вмѣненія [131]). Остаткомъ этихъ воззрѣній и представляется понятіе о «forza irresistibile», какъ оно сложилось, между прочимъ, въ законодательствахъ Романскаго типа, оказывающееся, какъ справедливо замѣчаетъ Гарофало, весьма сбивчивымъ и ведущимъ къ неправильнымъ приговорамъ. Какъ было указано самимъ Гарофало, юристы, допуская понятіе непреодолимой силы, имѣли въ виду существованіе особенно сильныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно почтенныхъ мотивовъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ объяснительной записки къ проекту Mancini Итальянскаго уголовнаго уложенія, гдѣ понятіе forza irresistibile было поставлено на ряду съ душевной болѣзнью (ст. 59), оказывается, что составители проекта принимали въ соображеніе «добродѣтельнѣйшія и благороднѣйшія» побужденія, которыя могутъ повлечь къ преступленію и при наличности которыхъ было бы несправедливо лишить судью возможности объявлять преступное дѣяніе въ исключительныхъ случаяхъ ненаказуемымъ [132]). Такимъ образомъ forza irresistibile у итал-

---

130) О связи понятій крайней необходимости и принужденія см. Таганцева курсъ I отд. II § 4.

131) Feuerbach Lehrbuch изд. 14-ое Миттермайера § 91. Въ означенномъ параграфѣ случаи крайней необходимости, физическаго и психическаго принужденія подводятся подъ безвинное состояніе лица, дѣлающее невозможнымъ воздѣйствіе уголовнаго закона на человѣческую волю. Въ настоящее время указанныя понятія о крайней необходимости и принужденіи правильно относятся къ причинамъ, исключающимъ не вмѣняемость дѣятеля, а законопротивность и наказуемость дѣянія. Защитникомъ прежняго воззрѣнія остается Гейеръ: Grundriss zu Vorlesungen über gemeines Deutsches Strafrecht Nothstand, Ср. въ этомъ отношеніи Таганцевъ указ. соч. I, отд. II § 4. B. 158—161. Haelschner указ. соч. I. Cap. II. 4. D. Der Nothstand. Wächter указ. соч. § 56. Liszt указ. соч. § 35. Janka указ. соч. § 59 видитъ въ состояніи крайней необходимости причину, исключающую не законопротивность, а лишь наказуемость дѣянія. Ср. также главу 2-ую моей работы стр. 244—247, 1884. I § 29.

132) Allegati al progetto del Codice penale del Regno d'Italia Allegati 2. Relazione del ministro Mancini. Roma 1883, стр. 479; ср. также Paoli Esposizione storica e scientifica dei lavori di preparazione del codice penale Italiano 1884 г. Titolo XII.

янскихъ юристовъ является широкимъ обобщеніемъ такихъ понятій, какъ напримѣръ justus dolor Римскаго права, указывая на внутреннее психическое давленіе. Неудовлетворительность указанной формулы обусловливается тѣмъ, что, справедливо оцѣнивая уважительныя нравственныя побужденія, могущія повести къ преступленію, законодатель вмѣсто того, чтобъ оговорить отдѣльные случаи или причины ненаказуемости, а равно меньшей наказуемости, вводитъ крайне общее и растяжимое понятіе, связываетъ его неправильно съ причинами, исключающими вмѣняемость, и тѣмъ вводитъ судебную практику въ соблазнъ неправильныхъ приговоровъ [133]).

Если нельзя не согласиться съ Гарофало относительно критики forza irresistibile interna, то невѣрно его утвержденіе, что будто бы это понятіе можетъ примѣняться ко всѣмъ преступникамъ въ виду свойственной имъ неспособности сопротивляться своимъ импульсамъ. Самъ авторъ совершенно справедливо въ главѣ объ аномаліи преступниковъ отличилъ побужденія къ преступности душевно-больнаго человѣка и здороваго преступника. Какъ бы ни были сильны преступные импульсы у втораго, они всегда въ извѣстной степени вырощены имъ самимъ въ силу привычки, которой преступникъ благопріятствовалъ; они укореняются и дѣйствуютъ у него «помимо разстройства какой либо органической функціи, помимо извращенія физіологической жизни», какъ это признаетъ въ указанномъ отдѣлѣ Гарофало. Это въ особенности важно, если принять въ соображеніе, что часто больные люди борятся съ настойчивыми болѣзненными побужденіями и успѣваютъ подавить ихъ.

---

133) Ср. статью 64 Французскаго уложенія, говорящую о принужденіи отъ непреодолимой силы. Французская практика подводитъ подъ этотъ случай принужденіе физическое и психическое, происходящее исключительно отъ внѣшней причины (Hélie, указ. соч. I. гл. XV § 372—376). Сардинско-Итальянское уголовное уложеніе ставитъ на ряду съ душевной болѣзнью forza irresistibile, какъ причину, исключающую вмѣняемость (ст. 94). Проектъ Vigliani 1874 принимаетъ это же понятіе, но прибавляетъ терминъ esterna (ст. 62 § 1). Проектъ Mancini 1876 г., по указаннымъ выше мотивамъ, отбрасываетъ этотъ терминъ. Таковая же формула въ проектѣ Zanardelli (ст. 46), въ проектѣ Savelli 1883 (исправленномъ изданіи предшествующаго) опять вносится терминъ esterna. Изслѣдованію непреодолимой силы посвящена книга Setti 1884 г. La forza irresistibile и Fulci подъ тѣмъ же заглавіемъ. Setti различаетъ forza irresistibile esterna и interna — подъ первую подводится инстинктивная манія, (mania omicida, suicida, cleptomania, dipsomania и т. д.) стр. 241. Fulci различаетъ въ непреодолимой силѣ motivo patologico (душевныя страданія въ обширномъ смыслѣ) и motivo passionale (Сар. XIII), не дѣлая точнаго обоснованія ненаказуемости въ обоихъ случаяхъ.

Замѣчательно однако, что, подвергнувъ справедливой критикѣ понятіе о forza irresistibile въ Criminologia, Гарофало въ статьѣ La forza irresistibile [134]), написанной по поводу послѣдняго проекта итальянскаго уголовнаго уложенія, явился защитникомъ сохраненія этой формулы. По мнѣнію Гарофало, пока неудовлетворительное современное законодательство не будетъ замѣнено законодательствомъ, построеннымъ на началахъ новой школы, сохраненіе формулы forza irresistibile является желательнымъ. Помимо случаевъ непреодолимой обороны, бываютъ случаи убійства по внезапному побужденію и даже предумышленнаго, гдѣ виновникъ, не лишенный нравственнаго чувства, побуждается къ реакціи въ преступной формѣ, именно вслѣдствіе сильнаго нравственнаго чувства, и только предупреждаетъ или исправляетъ слабость юстиціи. Сославшись на Lynch-justice въ Сѣверной Америкѣ и приведя нѣсколько случаевъ изъ итальянской практики, гдѣ убійство было взрывомъ нравственнаго негодованія, Гарофало утверждаетъ, что, въ силу основныхъ началъ его теоріи, случаи, гдѣ «рѣшительно не оказывается» аномаліи въ личности преступника, а имѣется лишь внѣшній фактъ преступленія, не должны влечь наказанія. Тамъ же, гдѣ существуетъ аномалія характера въ низшей степени, должно примѣняться карательное средство временнаго и относительнаго исключенія изъ общества. Ненаказуемый, по мнѣнію автора, случай убійства имѣется на лицо при наличности вызвавшаго его тягчайшаго и незаслуженнаго оскорбленія и мгновенной, пропорціональной реакціи противъ него. Первое условіе опредѣляется согласно всеобщему чувству, второе установляется судьею при разсмотрѣніи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Когда же реакція въ видѣ убійства противъ невыносимой обиды не слѣдуетъ непосредственно за нею, хотя является нравственно и матеріально пропорціональной обидѣ, можно признать бо́льшую аномалію преступника, можно допускать бо́льшее смятеніе въ обществѣ; виновникъ такого дѣянія, поэтому, долженъ подлежать исключенію изъ общества, но не полному, не вѣчному и безъ заранѣе опредѣленнаго срока. Когда новая теорія позитивной школы будетъ принята законодательствомъ, законъ иначе отнесется къ истинному злодѣю, чѣмъ къ лицу, которое не является таковымъ, хотя и совершило кровавое дѣяніе. Пока же господствуетъ система современныхъ законодательствъ, необходимо, чтобъ присяжные различали тѣ случаи, которыхъ не различаетъ законъ.

---

[134]) Archivio di Psichiatria 1885 г. Vol. VI, стр. 416—430.

Можно указать на слѣдующія общія черты изложенной работы въ защиту forza irresistibile interna, которыя являются значительнымъ противурѣчіемъ съ ученіемъ автора въ Criminologia и тенденціями антропологической школы. Судъ присяжныхъ—атавистическое и подкупное учрежденіе, по словамъ Ломброзо,—оправдывающій бандита и вора, по словамъ Гарофало, объявляется этимъ послѣднимъ авторомъ способнымъ дѣйствовать въ согласіи съ принципами антропологической школы. Далѣе объявляется въ существенномъ противурѣчіи съ выводами Criminologia существованіе совершенно нормальныхъ или очень мало анормальныхъ преступниковъ, при томъ же въ преступленіи, по преимуществу достойномъ названія естественнаго—въ убійствѣ. Наконецъ, опредѣленіе условій, при которыхъ должна быть признана нормальность личности преступника, поставляется въ совершенную зависимость отъ разсмотрѣнія всей совокупности фактическихъ обстоятельствъ. Понятно, что при такой оцѣнкѣ отдѣльнаго индивидуальнаго случая твердыя категоріи преступниковъ теряютъ значеніе. Противъ сдѣланныхъ мною замѣчаній нельзя возражать, что Гарофало имѣетъ въ виду современное законодательство и дѣлаетъ свои предложенія въ видѣ временныхъ средствъ за невозможностью практическаго проведенія своей теоріи. Порядокъ, одобряемый имъ, представляетъ именно всѣ характеристическія черты уголовнаго права, основаннаго на началахъ классической или юридической школы, а потому, можно только удивляться, что этотъ порядокъ можетъ удовлетворять требованіямъ школы радикально противуположной. По существу требованій Гарофало надо сказать, что они могутъ быть удовлетворены совершенно помимо формулы forza irresistibile. Въ самомъ дѣлѣ, требованіе Гарофало сводится къ тому, чтобъ случаи убійства, представляющіе полное отсутствіе или низшую степень нравственной отверженности, не подвергались незаслуженному наказанію. Но для этого вовсе не требуется формулы forza irresistibile. Судъ присяжныхъ нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ не принимаетъ достаточно въ соображеніе этическихъ моментовъ дѣянія, а развѣ въ томъ, что онъ принимаетъ ихъ иногда безъ достаточнаго основанія, видитъ ихъ тамъ, гдѣ таковыхъ нѣтъ. Поэтому, формула forza irresistibile при наличности суда присяжныхъ съ одной стороны—излишняя по отношенію къ требованію, выставляемому Гарофало, съ другой стороны —вредная въ смыслѣ неблагопріятнаго воздѣйствія на присяжныхъ и возможнаго ухудшенія слабой стороны этого суда. Затѣмъ, требованіе Гарофало удовлетворяется именно принципами классической школы и современнаго уголовнаго законодательства въ области преступленій

противъ жизни. Сюда относятся понятія провокаціи, случаи giusto dolore, — смягченная отвѣтственность за дѣтоубійство въ техническомъ смыслѣ, за убійство по настоятельной просьбѣ убитаго. Широта власти судьи при опредѣленіи мѣры наказанія дополняетъ этотъ порядокъ. Едва ли можно упрекнуть существующее уголовное правосудіе, что оно отягощаетъ сверхъ мѣры заслуженнаго убійцу, который, не смотря на совершенное имъ дѣяніе, не представляется отверженцемъ въ глазахъ публики. Съ другой стороны, Гарофало долженъ допустить, что степень вины, говоря языкомъ современной школы уголовнаго права, или анормальность преступника, по терминологіи новой школы, чрезвычайно разнообразны. А между тѣмъ широта и неопредѣленность понятія forza irresistibile только способна сглаживать эти тонкія различія, способна служить удобнымъ средствомъ для судей уклоняться отъ нравственной отвѣтственности, связанной съ опредѣленнымъ отвѣтомъ о виновности или невиновности, и въ первомъ случаи степени вины. Конечно, работа Гарофало въ значительной степени объясняется недостатками современнаго итальянскаго уложенія, излишней и неумѣстной строгостью его отдѣльныхъ постановленій. Тѣмъ не менѣе, невѣрно изъ-за этихъ недостатковъ держаться за начало, котораго неудовлетворительность теоретическая и практическая ясно выяснена [135]).

Вопросъ о душевно-больныхъ преступникахъ, какъ субъектахъ наказуемости, разрѣшается Гарофало согласно съ отрицаніемъ всякаго значенія неприкосновенности разума и нравственной свободы для преступности дѣянія и наказуемости дѣятеля, хотя и съ большими отступленіями отъ исходныхъ началъ,—чувствованій человѣколюбія и справедливости, полагаемыхъ въ основу уголовнаго законодательства.—Гарофало самъ приводитъ существенный доводъ противъ наказуемости душевно - больныхъ, — а именно неспособность ихъ руководствоваться чувствительнымъ мотивомъ поведенія, представляемымъ уголовнымъ закономъ. Казалось бы, что этого основанія совер-

---

135) По указанному вопросу ср. замѣчательную статью Lucchini по поводу проэкта 1883 г. Reato e delinquente in generale nel Progetto del Codice Italiano (Rivista penale 1885 Disp. 3). Говоря о колебаніяхъ редакціи, которымъ подвергалась формула понятія «forza irresistibile» авторъ замѣчаетъ, что они свидѣтельствуютъ о неопредѣленности и смутности этого понятія, и сѣтуетъ, что не находится министра или законодательнаго собранія, которые бы рѣшились забросить это понятіе среди ferravecchi. Ср. замѣчаніе Brusa Saggio § 202,—что forza irresistibile можетъ означать лишь разстройство умственныхъ способностей, и что для случая крайней необходимости предпочтителенъ терминъ forza maggiore Голландскаго уложенія.

шенно достаточно, чтобъ не выступать въ защиту парадоксальнаго тезиса; казалось бы, что тѣмъ самымъ полагается глубокая и рѣшительная грань между душевно-больными и здоровыми преступниками. Но авторъ пытается опровергнуть это безспорное положеніе указаніемъ на отсутствіе различія между лѣчебницей для душевныхъ больныхъ и тюрьмой. Такимъ образомъ, парадоксальное положеніе поддерживается крайне поверхностными и обманчивыми аналогіями. Въ самомъ дѣлѣ, душевно-больные преступники заключаются въ лѣчебницы на одинаковомъ основаніи, какъ и вообще душевно-больные, т. е. въ полицейскихъ интересахъ безопасности и ради ихъ лѣченія. Полнѣйшая аналогія въ состояніи тѣхъ и другихъ терпитъ ограниченіе лишь въ способѣ содержанія, въ отдѣленіи душевно-больныхъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ уголовнымъ закономъ отъ чуждыхъ этому признаку душевно-больныхъ, но эти различія отнюдь не имѣютъ карательнаго значенія. Если во всякомъ случаѣ содержаніе душевно-больныхъ преступныхъ и непреступныхъ стремится къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ отвѣчаетъ однимъ и тѣмъ же потребностямъ, то, при усвоеніи содержанію въ лѣчебницѣ душевно-больнаго преступника значенія наказанія, наказаніемъ должно быть признано и содержаніе въ лѣчебницѣ непреступнаго душевно-больнаго. Замѣчательно, что Гарофало не отступаетъ даже отъ этого положенія и признаетъ дома для обыкновенныхъ умалишенныхъ, по неспособности ихъ произвольно покидать таковые, мѣстомъ отбытія наказанія. Но ясно, что при этомъ всякія понятія о преступленіи и наказаніи преступника улетучиваются. «Въ такомъ случаѣ и кровать больнаго, и мундиръ солдата, и налогъ для плательщиковъ —наказаніе, такъ какъ отъ воли больнаго, солдата и плательщика налога не зависитъ освободиться отъ связывающей ихъ необходимости» [136]). Если manicomio criminale во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Гарофало, наказаніе,— то спрашивается, почему, при огромномъ многообразіи душевныхъ болѣзней и душевно-больныхъ преступниковъ, при необходимости признавать и среди нихъ преступниковъ инстинктивныхъ и по случайному поводу,—единственнымъ общимъ для нихъ карательнымъ средствомъ предлагается manicomio criminale? Отчего бы не допустить возможности и другихъ наказаній, помимо manicomio, относительно душевно-больныхъ преступниковъ, каковы, напр., арестъ, штрафы, ссылка. Теорія уголовнаго права, не допускающая наказуемости душевно-больныхъ, легко объясняетъ это явленіе, тѣ же, кто смѣшиваютъ мѣры предосторожности и охраны относительно душевно-

136) Lucchini I semplicisti Cap. X стр. 240.

больныхъ и ихъ наказуемость, должны признать, что душевно-больные преступники, не смотря на различіе совершенныхъ ими преступленій и категорій, къ коимъ они принадлежатъ, тѣмъ не менѣе подвергаются неизмѣнно одному и тому же наказанію.

Если авторъ и не думаетъ предлагать для душевно-больныхъ преступниковъ какихъ либо наказаній имущественныхъ или соединенныхъ съ лишеніемъ свободы сверхъ manicomio criminale, то все же для смертной казни дѣлается исключеніе, хотя бы и чисто принципіальное. Гарофало стоитъ за то, что крайне опасный душевно-больной преступникъ не долженъ быть избавленъ отъ смертной казни. Но, прежде всего, смертная казнь душевно-больнаго несомнѣнно бы нарушала вопіющимъ образомъ всеобщее чувство состраданія и человѣколюбія (pietà e benevolenza). Общественное мнѣніе не могло бы относиться равнодушно къ казни душевно-больнаго, хотя бы одержимаго свирѣпѣйшими побужденіями, (которыя бываютъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ эпилептиковъ) бывшаго до болѣзни однимъ изъ безобиднѣйшихъ членовъ общества и котораго отверженныя склонности явились продуктомъ болѣзни [137]). Тутъ не помогла бы даже точка зрѣнія автора (отсутствіе симпатіи въ безусловно неподобному намъ существу), такъ какъ въ предположенномъ случаѣ дѣло шло бы не объ инстинктивномъ отъ рожденія преступникѣ, а о человѣкѣ, преступность котораго не только чужда волевой вины, но и независима отъ всякихъ прирожденныхъ склонностей. Порочность такого человѣка не только бы не убивала состраданія къ нему,—а усиливала бы таковое въ силу воспоминанія о его добрыхъ качествахъ до болѣзни. «Какое назидательное зрѣлище, какое воспитательное чувство, какое спасительное воздѣйствіе на массу гражданъ получалось бы отъ зрѣлища душевно-больнаго, слабоумнаго или идіота на висѣлицѣ!» [138]).

Читатель можетъ, впрочемъ, убѣдиться, что принципіальный отвѣтъ, даваемый Гарофало на запросъ Paulhan, не влечетъ, по мысли автора, никакихъ тяжкихъ практическихъ послѣдствій для душевно-больныхъ, и что въ сущности душевно-больные, принадлежащіе къ твердымъ, опредѣленнымъ формамъ болѣзни, не подвергались бы смертной казни, еслибъ законодатель внесъ въ свое уложеніе защищаемое Гарофало общее начало. Въ самомъ дѣлѣ, упомянувъ о различныхъ формахъ душевной болѣзни,—мономаніи, маніи преслѣдованія, авторъ находитъ тѣ или другія причины для устраненія смертной казни. Въ этихъ доводахъ, стремя-

137) На случаи такого нравственнаго превращенія вслѣдствіе душевной болѣзни указываетъ Max Simon Crimes et délits dans la folie стр. 154.

138) Lucchini указ. соч. Cap. X. Delinquenti pazzi стр. 242.

щихся съузить дѣйствіе принципіальнаго начала о примѣненіи смертной казни къ душевнымъ больнымъ, чрезвычайно много искусственнаго; въ нихъ сквозитъ непослѣдовательность съ общимъ началомъ и желаніе упразднить его. Развѣ одержимые маніей преслѣдованія менѣе отъ того опасны, что тенденція къ убійству—результатъ ложной мысли и съ исчезновеніемъ ея исчезаетъ? [139]). Авторъ далѣе освобождаетъ эпилептиковъ отъ смертной казни вслѣдствіе того, что тенденція къ убійству бываетъ у нихъ преходящая, — но кто же возьмется опредѣлить, временное или постоянное свойство преступной тенденціи у неизлечимаго эпилептика? [140]). Мономановъ авторъ освобождаетъ отъ смертной казни по случаю состоянія бреда и отсутствія у нихъ сознанія совершеннаго; но свирѣпыя побужденія, представляющія величайшую опасность, не только не ослабляются, а усиливаются этимъ обстоятельствомъ. Не говоритъ ли ранѣе самъ авторъ, что душевно-больныхъ нельзя различать отъ инстинктивныхъ преступниковъ относительно наказуемости, такъ какъ тѣ и другіе дѣйствуютъ надъ вліяніемъ одинаково непреодолимыхъ импульсовъ, и что, поэтому, освобождая первыхъ отъ наказанія, несправедливо наказывать послѣднихъ? Въ отличіе отъ этого положенія авторъ, однако, освобождаетъ отъ наказуемости мономана по отсутствію сознанія совершеннаго, тогда какъ такое сознаніе присуще инстинктивнымъ преступникамъ. Недостатокъ такого сознанія составляетъ коренную черту цѣлаго ряда отдѣльныхъ душевныхъ болѣзней. Значитъ, придавая значеніе недостатку сознанія совершеннаго у мономана, авторъ противурѣчитъ собственному, ранѣе выставленному положенію,—что неприкосновенность разума безразлична въ вопросѣ объ отвѣтственности.

Въ результатѣ авторъ приходитъ къ тому, что изъ душевно-больныхъ могутъ подвергаться отвѣтственности нравственно-помѣшанные или инстинктивные преступники, отмѣченные непатологической аномаліей, а потому не подходящіе подъ классъ душевно-больныхъ преступниковъ. Этотъ выводъ, какъ я старался показать, получается путемъ обманчивыхъ различеній, вовсе не соотвѣтствующихъ общему критерію, что представляющій постоянную опасность душевно-больной можетъ наказы-

---

139) Ср. Max Simon Crimes et délits dans la folie Paris 1886. Въ главѣ 1-й, Le meurtre chez les aliénés, и гл. III-й Les aliénés incendiaires, собрано много примѣровъ убійствъ и поджоговъ, совершенныхъ лицами, одержимыми маніей преслѣдованія.

140) Ср. указ. соч. гл. 1-ую о непреодолимыхъ импульсахъ къ убійству у эпилептиковъ (стр. 39 и слѣд.). Таковые импульсы приписываются Simon также маніакамъ, меланхоликамъ, истеричнымъ, алкоголикамъ (стр. 44)

ваться смертью. Такимъ образомъ, тезисъ о наказуемости душевно-больныхъ, выставленный Гарофало, одинаково лишенъ какъ теоретическаго, такъ и практическаго значенія. Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не представляется безвреднымъ: допустивъ возможность различенія постоянно опасныхъ и неопасныхъ душевныхъ больныхъ, какъ поручиться, что на практикѣ всегда будетъ сдѣлано правильное отличіе между тѣми и другими? И въ настоящее время психіатры жалуются на то, что слишкомъ часто осуждаются неподлежащіе уголовной отвѣтственности душевно-больные [141]). При усвоеніи теоріи Гарофало можно опасаться, что такіе случаи будутъ повторяться несравненно чаще.

Замѣчательно, что, сверхъ Гарофало, положеніе о наказуемости душевно-больныхъ защищается знаменитымъ авторомъ A History of the Criminal law of England James Fitz-James Stephen. Авторъ утверждаетъ, что душевныя и нервныя страданія могутъ уничтожить, ослабить или оставить въ неприкосновенности способность self-control т. е. руководство со стороны больнаго собственными дѣйствіями на основаніи общихъ принциповъ и отдаленныхъ мотивовъ, ссылаясь при этомъ на Maudsley, признающаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстную мѣру отвѣтственности душевно-больныхъ и допускающаго со стороны такихъ лицъ совершеніе преступныхъ дѣяній подъ вліяніемъ тѣхъ же дурныхъ страстей, которыя вліяютъ и на людей здоровыхъ. Поэтому законъ долженъ бы признать, по мнѣнію Stephen'a различное отношеніе душевной болѣзни къ отвѣтственности, которое можетъ быть выражено въ трехъ формулахъ отвѣта присяжныхъ при доказанности душевной болѣзни: виновенъ; виновенъ, но при ослабленіи способности self control душевной болѣзнею; невиновенъ вслѣдствіе наличности душевной болѣзни. Къ тому же душевная болѣзнь во многихъ случаяхъ является по винѣ самого больного, какъ послѣдствіе разныхъ отвратительныхъ пороковъ, составляя скорѣе самостоятельное преступленіе, чѣмъ обстоятельство, извиняющее преступленіе. Правило о безотвѣтственности лица, по случаю болѣзни, лишившей его возможности руководить своими дѣйствіями, поэтому, должно ограничиваться слѣдующимъ положеніемъ: «если недостатокъ способности self control—не результатъ собственной вины дѣятеля». При отвѣтѣ присяжныхъ о виновности душевно-больнаго убійцы авторъ

---

141) Ср. Sander und Richter Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Vebrechen 1886 г. Zur Statistik der mit dem Strafgesetze in Conflict geratenen Geisteskranken. Стр. 161—177.

находитъ возможнымъ приговаривать его къ повѣшенію, если присяжные не присоединятъ къ своему отвѣту оговорки о ослабленіи у него умственныхъ способностей; въ противномъ случаѣ душевно-больной убійца подлежитъ penal servitude; душевно-больной, совершившій преступное дѣяніе, не влекущее смертной казни, подвергается всякому другому наказанію, какъ и здоровый человѣкъ. Наказаніе должно отбываться душевно-больными преступниками въ пріютахъ для criminal lunatics въ порядкѣ общаго режима, установленнаго для преступниковъ, и съ тѣми лишь различіями, которыя окажутся нужными по спеціальнымъ свойствамъ заключенныхъ. Отрицательный отвѣтъ долженъ даваться присяжными при признаніи полнаго уничтоженія power of self control, по случаю общаго упадка умственныхъ способностей, бреда, или дѣйствительно непреодолимыхъ побудовъ. Наказуемость душевно-больныхъ оправдывается въ глазахъ Stephen'a возможностью воздѣйствовать на нихъ устрашеніемъ, а такъ же практикуемыми въ домахъ умалишенныхъ «карательными мѣрами», въ томъ числѣ «chemical restraint» [142]).

Не имѣя возможности входить въ полное разсмотрѣніе мнѣній знаменитаго англійскаго законовѣда, замѣчу, что у него слиты два положенія объ уменьшенной вмѣняемости и объ обусловленности виною дѣятеля душевной болѣзни. Если первое положеніе (объ уменьшенной виновности), не смотря на его спорность, имѣетъ извѣстное ограниченное основаніе, то нѣтъ никакой возможности руководиться вторымъ въ вопросѣ объ отвѣтственности душевно-больныхъ. Слѣдуетъ признать совершенно справедливыми возраженія американскаго психіатра Walter Channing противъ теоріи Stephen'a [143]). Этотъ ученый заявляетъ, что если многіе случаи указываютъ съ полной ясностью на связь душевной болѣзни и порока, то въ бо́льшемъ количествѣ случаевъ съ такою же ясностью обнаруживается наличность причинъ совершенно невиннаго свойства, произведшихъ душевную болѣзнь, и, поэтому, болѣе основательнымъ является положеніе, прямо противуположное теоріи Sir James, а именно, что наличность душев-

---

142) Указ. соч. Ch. XIX Relation of madness to crime, Practical inference, стран. 175—184.

143) American Journal of Insanity April 1886, XIV. The connection between Insanity and Crime by Walter Channing M. D. Brooklin Mass, разборъ XIX гл., т. I книги Stephen. Противъ теоріи Stephen'a высказываются тоже Bucknill и Hack-Tuke въ указ. выше сочиненіи; допуская соотвѣтствіе необузданныхъ и преступныхъ поступковъ у душевно-больнаго съ нормальнымъ состояніемъ его характера, они вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что «всякаго

ной болѣзни должна служить презумитивнымъ доказательствомъ невиновности подсудимаго.

Отъ вопроса о душевной болѣзни Гарофало переходитъ къ вопросу объ опьяненіи (Ubriachezza). Указавъ на неправильность разрѣшенія этого вопроса въ классической школѣ, иначе относящейся къ опьяненію, чѣмъ къ душевной болѣзни, въ силу признака добровольности перваго и не принимающей при этомъ въ разсчетъ тождественности помраченія разума въ томъ и другомъ состояніи, Гарофало даетъ слѣдующее разрѣшеніе вопроса: «наказуемость пьянаго преступника (reo ubbriaco) зависитъ отъ показанія, что совершенное имъ преступленіе обусловливается въ болѣе значительной степени его характеромъ, чѣмъ возбужденіемъ вина. Если безчеловѣчныя или безчестныя дѣйствія соотвѣтствуютъ инстинктамъ дѣятеля, если опьяненіе только опредѣлило и вызвало ихъ, то можно усматривать преступника въ пьяномъ человѣкѣ; дѣйствіе вина — лишь случайная причина, присоединившаяся къ преступному инстинкту. Напротивъ, если предшествующая жизнь виновнаго показываетъ ясно несовмѣстимость его характера съ совершеннымъ имъ дѣяніемъ,—то послѣднее можетъ быть наказано, какъ недобровольное, а не какъ естественное преступленіе [144]).

Такимъ образомъ, труднѣйшій вопросъ о значеніи опьяненія въ уголовномъ правѣ разрѣшается съ изящной простотой. Классификація преступниковъ освобождаетъ отъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса, несомнѣнно требуемаго какъ теоретическими, такъ и практическими цѣлями. Неужели вопросы о полномъ и неполномъ опьяненіи, объ actiones liberae in causa, все это вопросы исключительно схоластическіе? Становясь на точку зрѣнія автора, нельзя, далѣе, упускать изъ виду лицъ, проявляющихъ неизмѣнно, но только въ состояніи опьяненія, свирѣпыя и жестокія склонности. Такія лица, не будучи даже алкоголистами въ строгомъ смыслѣ, крайне опасны, и едва ли ихъ пре-

---

рода наказаніе совершенно чуждо благодѣтельному призванію врача» (стр. 687—688). О родственныхъ теоріи Stephen'a воззрѣніяхъ американскихъ ученыхъ на наказуемость душевно-больныхъ, напр., Draper'a, ср. статью Krafft Ebbing въ Zeitschrift Листа V, 1885 г. Die gerichtliche Psychopathologie im Jahre 1883. По спорному, раздѣляющему психіатровъ и юристовъ, вопросу объ уменьшенной вмѣняемости установляется постепенное согласіе путемъ выбора болѣе точнаго термина, ср. Geyer въ Holtzendorffs Handbuch, т. IV, V, § 7, Zurechnungsfähigkeit, Liszt указ. соч. § 36—Janka указ. соч. § 46. Loening Grundriss zu Vorlesungen über deutsches Strafrecht, 1885, § 30.

144) Стр. 221.

ступныя дѣянія могутъ быть отнесены во всѣхъ случаяхъ къ недобровольнымъ [145]).

Гарофало, далѣе, кратко касается вопроса о возрастѣ (Età). Сославшись на статью Марро и Ломброзо J germi della pazzia morale nei fanciulli и указавъ, что, по мнѣнію этихъ авторовъ, для дѣтей съ непреодолимыми преступными побужденіями требуется учрежденіе домовъ вѣчнаго содержанія малолѣтнихъ (case di ricovero perpetuo pei minorenni) авторъ считаетъ это мнѣніе достаточнымъ поводомъ, чтобъ упрекнуть въ отступленіи отъ науки дѣйствующія законодательства, назначающія несовершеннолѣтнимъ отъ 14—16 лѣтъ непродолжительное лишеніе свободы въ угоду идеѣ ограниченной отвѣтственности [146]).

Обращаясь къ критикѣ уголовной пропорціи, Гарофало замѣчаетъ, что не трудно показать малую серьезность этого ученія [147]).

Однимъ изъ терминовъ пропорціи—важность преступленія, опредѣляемая въ итальянской школѣ важностью вреда, причиненнаго преступленіемъ, во французской важностью нарушенія обязанности. Вредъ преступленія, по ученію Каррара, бываетъ двоякій: непосредственный (danno diretto, immediato), причиненный охраняемому правомъ благу и посредственный (danno indiretto, mediato) (уменьшеніе чувства безопасности, смущеніе среди честныхъ гражданъ, дурной примѣръ для безчестныхъ). Понятіе вреда грѣшитъ такимъ образомъ сложностью, разнообразіемъ входящихъ въ него элементовъ. Правда, для классической школы относительная важность преступленія опредѣляется непосредственнымъ вредомъ, вредъ посредственный принимается въ разсчетъ при равенствѣ непосредственнаго вреда. Но какъ сравнивать по части величины и тягости зла такія разнородныя дѣянія, какъ напр. диффамація и тѣлесныя поврежденія, подлогъ и изнасилованіе. Можно обратиться къ общественному мнѣнію, но оно судитъ о важности преступнаго дѣянія по вызванному преступникомъ смятенію, т. е. по признаку, усвоенному для измѣренія посред-

---

145) Изъ огромной литературы даннаго вопроса укажу на теорію actiones liberae in causa въ примѣненіи къ опьяненію, тщательно развитую у Wächter'a (Sächsisches Strafrecht I. стр. 401—410). Эта теорія принимается лишь съ ограниченіями Haelschner'омъ (указ. соч. I, стр. 97), защищается Geyer'омъ (Zeitschrift Листа IV. Zur Kritik des russischen Entwurfs) и Janka (указ. соч. § 47. III.) и отвергается Schwarze Die Zurechnung im Zustande hochgradiger Trunkenheit verübter Handlungen стр. 430. Gerichtssaal 1886 г.

146) Стр. 234—235.

147) III. La proporzione penale стр. 225.

ственнаго вреда. Поэтому, непосредственный вредъ строится въ извѣстной степени на основаніи посредственнаго. Далѣе, теорія вреда оказывается недостаточною для обоснованія покушенія. На мѣсто понятія вреда ставится понятіе опасности, понесенной обществомъ или гражданиномъ. Но миновавшая опасность единственно влечетъ смятеніе, дурной примѣръ,—все элементы втораго вида вреда—косвеннаго. Значитъ, въ покушеніи непосредственный вредъ замѣняется посредственнымъ. Но въ такомъ случаѣ, какой же посредственный вредъ влечетъ за собою покушеніе? Поэтому невѣрно, что въ каждомъ преступленіи есть естественная величина, представляемая непосредственнымъ, и политическая величина, представляемая посредственнымъ вредомъ (Carrara) [148]).

Что касается до критерія французской школы—свойства нарушенной нравственной обязанности, то Росси нашелъ единственно возможнымъ обращаться къ человѣческой совѣсти для опредѣленія важности обязанности, что указываетъ на шаткость принятаго критерія. Если преступленія, подведенныя самимъ авторомъ подъ понятіе естественнаго, всегда отвергались совѣстью гражданственныхъ и полугражданственныхъ народовъ, то, съ другой стороны, даже въ европейской расѣ многія нынѣ ненаказуемыя дѣянія считались важнѣе истинныхъ преступленій. Но и въ области естественнаго преступленія сравнительная тягость отдѣльныхъ дѣяній и нынѣ почитается различною, сообразно степени гражданственности, эволюціи чувства и климатическихъ вліяній. Гарофало оговаривается, что эта аргументація не должна быть обращена противъ его собственной теоріи естественнаго преступленія. Иное дѣло говорить, что во всякомъ слоѣ народа въ большинствѣ живутъ нѣкоторые нравственные инстинкты,—иное дѣло утверждать, что на поверхности и въ глубинѣ извѣстнаго народа эти инстинкты одинаково сильны. Нѣтъ общественнаго слоя, гдѣ убійство и кража не были бы преступленіями, но ихъ сравнительная важность можетъ оцѣниваться различно.

Оцѣнка критеріевъ наказуемости итальянской и французской школы оканчивается заключеніемъ, что сравнительная важность преступленій не можетъ быть установлена безусловнымъ образомъ. Въ преступленіи существенны и важность вреда, и безнравственности, и опасности, и общественнаго смятенія. Но нельзя брать одинъ изъ этихъ элементовъ, упуская другіе [149]). Конечно,

---

148) Стр. 236—238.

149) Стр. 238—241.

эти элементы часто другъ друга взаимно проникаютъ,—этимъ объясняется сходство конечныхъ выводовъ различныхъ школъ, но тѣмъ не менѣе очевиденъ недостатокъ исключительнаго критерія, вслѣдствіе чего лѣстница наказаній является результатомъ взаимныхъ уступокъ юристовъ.

Проблема относительно мѣры наказанія была разрѣшена юристами съ замѣчательной легкостью. На ряду съ первой лѣстницей, тягости преступленія — они воздвигли вторую, составленную изъ наказаній въ порядкѣ предполагаемой ихъ важности, и связали эти двѣ лѣстницы безъ всякаго изслѣдованія предупредительнаго дѣйствія того или другаго наказанія. Это называется уголовной пропорціей. Если преступленіе X находится на второй ступени лѣстницы преступленій, то оно заслуживаетъ наказанія У, находящагося на второй ступени лѣстницы наказаній. Этимъ методомъ созданы въ значительной степени наши уголовные кодексы, признаваемые результатомъ долгихъ размышленій, ученыхъ комбинацій, возвышенныхъ доктринъ [150]).

Отъ критики принципа уголовной пропорціи Гарофало переходитъ къ принципу уголовнаго противупобуда (controspinta) у Романьози, называемаго имъ отцомъ уголовной соціологіи [151]). Впрочемъ въ ученіе этого автора — Гарофало считаетъ нужнымъ внести поправки. Въ самомъ дѣлѣ, по ученію Романьози, наказаніе должно рости пропорціонально побуду. Но сильный преступный побудъ можетъ проистекать изъ временныхъ обстоятельствъ, которыя не повторятся. Въ этомъ случаѣ тягость наказанія не оправдывается. Наоборотъ, слабый побудъ къ преступленію можетъ усилиться вслѣдствіе слабости репрессіи и слабый противопобудъ наказанія будетъ недостаточенъ. Наконецъ, существуютъ побуды, которыхъ никакой мотивъ не въ состояніи воздержать; въ этихъ случаяхъ обществу приходилось бы прибѣгать къ смертной казни въ широкихъ размѣрахъ, какъ она существовала въ средніе вѣка. Но при указанныхъ условіяхъ преступникъ не представляется непремѣнно неприспособленнымъ ко всякому общежитію; перемѣны среды иногда было бы достаточно, чтобы сдѣлать его приспособленнымъ къ человѣческому общенію. Значитъ, смертная казнь недопустима: «уваженіе къ человѣческимъ чувствованіямъ, оправдывая реакцію противъ преступленія, запрещаетъ излишество въ реакціи».

---

150) Стр. 241—242.

151) Criterio delle controspinta стр. 242.

А между тѣмъ, такое излишество на лицо, когда наказаніе полагается не вслѣдствіе будущей опасности, ожидаемой отъ преступника, а вслѣдствіе преступленій, ожидаемыхъ отъ другихъ, когда устрашеніе становится не послѣдствіемъ, а цѣлью наказанія.

Въ видѣ иллюстраціи Гарофало указываетъ на повѣшеніе въ царствованіе Генриха VIII, по свидѣтельству Hollingsched'a, 72000 бродягъ. По строгой логикѣ кровожадные законы XVI столѣтія оправдываются теоріей Романьози, въ виду того, что бродяжество несомнѣнно соціальное преступленіе, а также и того, что многочисленныя казни бродягъ, оздоровивъ англо-саксонскую расу, содѣйствовали современному уменьшенію преступности въ Англіи. Тѣмъ не менѣе, наши глубочайшія чувствованія протестуютъ противъ легальнаго убійства лица, уличеннаго только въ бродяжествѣ и праздности. Къ тому же наказанные бродяги не были совершенно не способны къ приспособленію, что доказывается Американскими колоніями и Австрійскими владѣніями, населенными злоумышленниками [152]).

Предшествующее изложеніе приводитъ Гарофало къ позитивному критерію наказуемости [153]). Требуется измѣрять не столько интенсивность преступныхъ побужденій, сколько силу сопротивленія таковымъ, иначе нравственное чувство преступника —для опредѣленія, чего отъ него съ вѣроятностью должно страшиться. Къ степени внушаемаго преступникомъ страха (temibilità) остается примѣнить наказаніе. Совершенно безполезно искать количественный критерій преступленія; при сравненіи разнородныхъ величинъ такой критерій невозможенъ; критерій, извлекаемый изъ свойства матеріальнаго вреда, требуется лишь для гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго. Критерій нарушенной обязанности принимается въ соображеніе для опредѣленія безнравственности дѣятеля и внушаемаго имъ страха. На мѣсто «уголовной пропорціи» ставится «годное карательное средство, приспособленное къ спеціальной природѣ преступника».

На вопросъ, чѣмъ же будетъ опредѣляться внушаемый преступникомъ страхъ—temibilità, авторъ отвѣчаетъ, что изъ этого понятія не исключаются ни количество вреда, какъ указаніе большей или меньшей злоумышленности, ни увеличивающія вину обстоятельства, ни способъ совершенія преступленій, особая дерзость и жестокость. Всѣ эти данныя должны быть взвѣшены съ предшествующей жизнью,

---

152) Стр. 242—247.

153) Criterio positivo стр. 247.

съ физіологическими и психическими особенностями, чтобы установить, есть ли на лицо преступникъ инстинктивный или по случайному поводу.

Вообще позитивный критерій можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: карательное средство должно опредѣляться возможностью приспособленія виновнаго, т. е. изслѣдованіемъ условій среды, при которыхъ можно предположить, что виновный перестанетъ внушать страхъ (di essere temibile). Вмѣсто критерія пропорціи требуется критерій годности наказанія [154]).

За этимъ обоснованіемъ позитивнаго критерія Гарофало отвѣчаетъ критикамъ своимъ Tarde и Poletti. Первый отозвался (въ Revue philosophique 1883), что temibilita—une singulière qualité, не указавъ ближайшихъ основаній своего разногласія съ Гарофало. Авторъ отвѣчаетъ Tarde, что признакъ temibilità можетъ быть съ точностью установленъ въ каждомъ данномъ случаѣ, при наличности опредѣленныхъ, требуемыхъ имъ условій. Такъ, наприм., если обвиняемый бродяга, то онъ считается внушающимъ страхъ, temibile, оставаясь въ этомъ состояніи. Таковымъ же онъ долженъ считаться, если будучи вовлеченъ во зло дурными товарищами, онъ не покинетъ ихъ. Если же у него въ «крови наслѣдственность отъ бродягъ, душевно-больныхъ, пропойцъ», то онъ долженъ считаться въ высшей степени внушающимъ страхъ. Въ первомъ случаѣ требуется принужденіе къ работамъ, во второмъ ссылка, въ третьемъ—заключеніе безъ опредѣленія срока.

Гарофало далѣе отвѣчаетъ на критику Poletti.—Этотъ послѣдній ученый возражаетъ противъ temibilità, что это понятіе указываетъ не столько на принципъ, сколько на чувствованіе, право же можетъ быть обосновано идеей, а не связаннымъ съ нею чувствованіемъ. Борьба съ преступленіемъ, основанная на чувствованіи, можетъ привести къ ниспроверженію понятія о вмѣняемомъ субъектѣ, къ упраздненію всякаго положительнаго отношенія между степенью репрессіи и важностью преступнаго дѣянія. Гарофало отвѣчаетъ, что temibilità—критерій, отличный отъ смущенія, произведеннаго въ обществѣ преступнымъ дѣяніемъ, или отъ страха подражанія таковому, означая мѣру зла, разумнымъ образомъ ожидаемаго отъ преступника. Понятіе temibilità не есть внушеніе чувствованія, а плодъ размышленія, наблюденія фактовъ; мѣра внушаемаго преступникомъ страха—опытная индукція приблизительной вѣрности [155]).

---

[154]) Стр. 247—249.

[155]) Стр. 249—255.

Затрудненія, возбуждаемыя Гарофало по вопросу о вредѣ, какъ критеріѣ важности и наказуемости преступленія, представляются мнимыми. Нельзя упрекать ученіе о вредѣ классической школы за сложность введенныхъ въ него элементовъ, такъ какъ эти же элементы вводятся и въ понятіе temibilità, съ тѣмъ лишь различіемъ, что, вмѣсто стройной комбинаціи, они механически соединяются въ этомъ понятіи. Далѣе, несправедливо замѣчаніе Гарофало, что вредъ непосредственный строится на основаніи посредственнаго, такъ какъ измѣреніе важности различныхъ дѣяній (напримѣръ, диффамаціи и тѣлесныхъ поврежденій) возможно лишь по признаку смятенія въ обществѣ, т. е. сообразно посредственному вреду. Спрашивается, чѣмъ обусловливается смятеніе въ обществѣ при извѣстіи о преступленіи? На это можно отвѣчать съ Каррара и Карминьяни, что указанное явленіе зависитъ отъ признаковъ, входящихъ въ понятіе непосредственнаго вреда, а именно большей или меньшей важности нарушеннаго преступленіемъ блага, большей или меньшей возмѣстимости его, большей или меньшей рефлективности нарушенія относительно другихъ благъ (diffondibilità) [136]). Поэтому, не непосредственный вредъ обусловливается посредственнымъ, а послѣдній первымъ. Къ указаннымъ объективнымъ элементамъ непосредственнаго вреда въ смыслѣ фактора вреда посредственнаго присоединяется и субъективный элементъ умысла. Такъ, по вѣрному замѣчанію Каррара, посредственный вредъ увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ умысла, проявившагося въ дѣйствіи. Поэтому большая злоумышленность преступника, при равенствѣ другихъ условій, производитъ большій страхъ въ гражданахъ и тѣмъ увеличиваетъ посредственный вредъ [137]). Ученіе Каррара прекрасно развито и дополнено Бруза: опредѣливъ непосредственный вредъ, какъ нарушеніе безопасности, а посредственный, какъ нарушеніе чувства безопасности, Бруза характеризуетъ вредъ перваго рода большей или меньшей возможностью возстановленія блага, большей или меньшей всеобщей важностью его, одиночностью преступнаго дѣянія или множественностью таковыхъ дѣяній. Чувство безопасности нарушается различно, сообразно различію силы и способности преступника побѣдить препятствія, которыя воздвигаются самой природой или человѣческой осторожностью противъ преступленія. Отъ того преступленіе изъ корысти представ-

---

136) Carrara Programma I. § 189 и сл.

137) Тамъ же § 198—199.

ляется болѣе страшнымъ, чѣмъ вызванное правокаціей, аффектомъ. Непосредственный вредъ—условіе посредственнаго, но первый въ свою очередь предполагаетъ наличность преступнаго намѣренія, чтобъ изъ нравственнаго, гражданскаго, полицейскаго сдѣлаться вредомъ уголовнымъ [158]).

Таковы весьма точныя представленія о вредѣ непосредственномъ и посредственномъ, разработанныя въ Итальянской классической школѣ уголовнаго права. Это ученіе также принимаетъ во вниманіе понятіе страха, но оно связываетъ его тѣсно съ объективнымъ фактомъ, проникнутымъ преступной волей, дѣлаетъ его послѣдствіемъ, а не первоначальнымъ критеріемъ, не выводитъ его за предѣлы совершеннаго, чтобъ связывать его съ будущей вѣроятностью ожидаемыхъ отъ дѣятеля преступныхъ дѣяній, при чемъ уже опасный преступникъ, а не правонарушающее дѣяніе становится въ сущности объектомъ карательной дѣятельности.

Нельзя признать уважительнымъ и упрекъ Гарофало за построеніе покушенія въ отступленіе отъ понятія непосредственнаго вреда. Итальянская классическая школа видитъ моментъ наказуемости покушенія въ объективномъ признакѣ опасности, въ коемъ оказалось право. Держась субъективнаго направленія въ этомъ вопросѣ, нельзя согласиться съ этимъ представленіемъ, и, по мнѣнію моему, болѣе правильно обоснованіе наказуемости покушенія по признаку опасной, направленной на нарушеніе нормы воли, объективированной во внѣшнемъ дѣяніи. Тѣмъ не менѣе, невѣрно видѣть въ понятіи «опасности» одно лишь субъективное представленіе, какъ это дѣлаетъ Гарофало. Опасность [159]) —стеченіе объективныхъ условій, благопріятствующихъ результату, но не производящихъ его, благодаря отсутствію главнаго фактора

---

158) Brusa, Saggio § 147.

159) Понятіе «опасности», какъ извѣстно, подвергается особо тщательному изслѣдованію современной нѣмецкой литературы уголовнаго права. Листъ опредѣляетъ Gefährdung, т. е. произведеніе опасности, какъ созданіе вѣроятности нарушенія правоваго блага (Lehrbuch стр. 101). За понятіе объективной опасности высказывается также Siebenhaar, Begriff der Gemeingefährlichkeit nach dem Reichsstrafgesetzbuch въ Zeitschrift Листа 1884. Весьма вѣрны цитованныя имъ слова Штюбеля: «Опасность покоится на основаніяхъ, независимыхъ отъ результата, и которыя сами по себѣ распознаваемы (стр. 253). Исключительно субъективное представленіе объ опасности у Hertz'a Das Unrecht und die allgemeinen Lehren des Strafrechts (1880), (ср. критику его воззрѣній у Siebenhaar), у Janka указ. соч. стр. 66-я. Eine objective der Sache nach bestehende Gefahr giebt es nicht. Was nicht verletzt hat, war von allem Anfang an ungefährlich... у Buri, Über die sogenannten untauglichen Versuchshandlungen (Zeitschrift Листа 1881 г.), у Lammasch Das Moment objectiver Gefährlichkeit стр. 12-я.

или неполнотѣ второстепенныхъ факторовъ. Вѣрно или невѣрно принимать основаніемъ наказуемости покушенія «испытанную правомъ опасность» (pericolo corso) — это другой вопросъ; тѣмъ не менѣе по ученію классической школы «посредственный вредъ» въ покушеніи не отпадаетъ. Конечно, непосредственнаго вреда покушеніе (за исключеніемъ, впрочемъ, такъ называемаго квалифицированнаго) не производитъ. Но изъ этого не слѣдуетъ невѣрности положенія Каррара о наличности въ каждомъ преступленіи непосредственнаго и посредственнаго вреда. Когда говорятъ о преступномъ дѣяніи, имѣется въ виду оконченное преступное дѣяніе, какъ заключающее въ себѣ въ исчерпывающей полнотѣ признаки преступнаго дѣянія. Покушеніе же есть усѣченное преступное дѣяніе, дѣяніе несовершенное, поэтому оно не отмѣняетъ значенія характеристики, имѣющей въ виду законченное преступленіе.

Что касается до критики Гарофало критерія наказуемости у Росси, то она, несомнѣнно, имѣетъ основаніе. Однако, если я не ошибаюсь, теорія естественнаго преступленія представляется съ одной стороны весьма близкой теоріи Росси, — съ другой стороны вовсе не болѣе удовлетворительной. Росси долженъ былъ обращаться къ нравственной чувствительности, къ нравственному чувству для отысканія критерія преступности и наказуемости человѣческихъ дѣяній. То же дѣлаетъ и Гарофало. Правда, послѣдній ограничиваетъ область нравственнаго критерія, прибѣгая къ спеціальной безнравственности, къ нарушеніямъ чувствованій человѣколюбія и честности. Но это ограниченіе только мнимое: можно спросить, есть ли такія дѣянія человѣка въ отношеніи ближнихъ, куда бы не входили въ большей или меньшей степени требованія человѣколюбія и честности? Далѣе, чувствованія человѣколюбія и честности способны достигать высшей степени утонченности, которой уголовный законъ въ видѣ обязанности отъ частнаго лица требовать не можетъ. Гарофало, поэтому, ограничивается мѣрою этихъ чувствованій наиболѣе распространенною, наиболѣе низкою и обычною. Но эта наиболѣе низкая и обыкновенная мѣра чувствованій—далеко не тождественная даже у одного и того же народа въ данный историческій періодъ. Гарофало самъ принужденъ допустить различные оттѣнки чувствованій человѣколюбія и честности въ различныхъ слояхъ. Это явленіе въ высшей степени важно по вопросу объ отношеніи законодательства къ чувствованіямъ общества. Законодатель несомнѣнно находится въ зависимости отъ нравственнаго развитія общества; онъ въ особенности не можетъ издавать уголовныхъ законовъ, стоящихъ ниже этого развитія. Но законодательство во-

обще, а уголовное въ частности, какъ самъ признаетъ Гарофало, представляется факторомъ нравственнаго развитія. Поэтому, законодатель не только не можетъ оставаться назади нравственнаго развитія,—онъ долженъ идти впереди его. Значитъ, руководствуясь низшей мѣрой нравственныхъ чувствованій, встрѣчаемой имъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ, законодатель поступитъ вопреки своего призванія. Въ нѣкоторыхъ слояхъ, не смотря на сознаніе безнравственности или по крайней мѣрѣ запрещенности кражи, существуютъ предразсудки, что похищеніе нѣкоторыхъ предметовъ не есть кража; существуетъ убѣжденіе, что жестокое обращеніе съ нѣкоторыми лицами—осуществленіе права. Такимъ образомъ, низшая мѣра чувствованій человѣколюбія и честности — не рѣдко отрицаніе принциповъ человѣколюбія и честности. Конечно, можно возразить, что законодатель долженъ руководствоваться чувствованіями высшихъ слоевъ, болѣе развитыхъ, болѣе образованныхъ. Но если обращаться къ чувствованіямъ и этихъ слоевъ,—и здѣсь не рѣдко окажутся своеобразные предразсудки относительно нравственнаго значенія дѣянія. Законодатель, напр,, преслѣдуетъ дуэль, а чувствованія высшихъ слоевъ не находятъ въ этомъ проступкѣ нарушенія человѣколюбія. Въ высшихъ слояхъ, далѣе, не считается безчестнымъ лишить казну какого нибудь имущественнаго дохода, утаить, напр., таможенную пошлину. Ясно,—что понятіемъ естественнаго преступленія не избѣгаются затрудненія, что критерій преступности и наказуемости не становится болѣе твердымъ, не говоря уже о томъ, что Гарофало исключилъ изъ своего изслѣдованія, подъ предлогомъ ихъ неустойчивости, многіе интересы, крѣпко живущіе въ обществѣ (семейные, религіозные), требующіе также охраны и находящіе таковую въ современномъ законодательствѣ.

Точно также одностороннею представляется и критика лѣстницы наказаній. Можно критиковать связь тѣхъ или другихъ наказаній съ тѣми или другими преступленіями, выборъ, организацію тѣхъ или другихъ наказаній. Но для созданія лѣстницы наказаній нѣтъ другаго пріема, какъ тотъ, который кажется столь недостаточнымъ Гарофало. «Наказаніе въ уголовномъ правѣ имѣетъ то же значеніе, что цѣна въ оборотѣ.—Изъ сопоставленія соціальныхъ благъ съ наказаніями получается скала цѣнностей извѣстнаго общества; сопоставленіе тѣхъ же величинъ у различныхъ народовъ въ различныя времена показываетъ, что колебанія въ оцѣнкѣ экономическихъ благъ... повторяются и въ уголовномъ правѣ, по отношенію къ соціальнымъ благамъ, къ степени охраны ихъ угрозою наказанія.... Для разрѣшенія вопро-

са о томъ, какъ дорого цѣнится человѣческая жизнь, честь, свобода, собственность, бракъ, нравственность, безопасность государства.... стоитъ только раскрыть уголовный кодексъ» [160]). Такимъ образомъ, оспариваемый Гарофало пріемъ построенія лѣстницы наказаній—отнюдь не результатъ отвлеченной мысли, а культурно историческій фактъ въ жизни народа, фактъ нравственно необходимый. Выработанная историческимъ процессомъ и сложившаяся въ связи съ важностью правовыхъ благъ для государственнаго правопорядка, лѣстница наказаній организуется соотвѣтственно частнымъ цѣлямъ воздѣйствія на преступниковъ, входящимъ въ общую цѣль—защиту правопорядка. Конечно, измѣненія въ соціальныхъ условіяхъ нашего времени требуютъ и значительныхъ реформъ въ лѣстницѣ наказаній. Однако въ результатѣ должно ожидать не сломки существующей лѣстницы,—не отверженія принципа связи ея съ благами, покровительствуемыми государственнымъ закономъ, а лишь болѣе дѣйствительныхъ и цѣлесообразныхъ средствъ охраны правъ цѣлаго и частныхъ лицъ, отыскиваемыхъ неутомимыми изслѣдованіями тюрьмовѣдѣнія, болѣе скромными, чѣмъ изслѣдованія, стремящіяся перестроить все уголовное право на основаніи біологіи, но болѣе прочными и плодотворными [161]).

Результатомъ предшествующей критики построеній классической школы, а также теоріи Романьози, является собственный критерій наказуемости, увѣнчивающій зданіе теоріи Гарофало. Этотъ критерій temibilità преступника значительно удаляется отъ разобраннаго мною выше критерія, установленнаго Гарофало въ работѣ 1880 г. «Di un criterio positivo di penalità»—хотя коренная мысль о связи карательной реакціи съ опасностью, представляемой преступникомъ, осталась все та же. Различіе въ томъ, что если въ сочиненіи 1880 года Гарофало еще крѣпко стоялъ за сочетаніе объективнаго и субъективнаго элемента, за связь видовъ преступнаго дѣянія и видовъ преступника при построеніи temibilità, то въ Criminologia онъ уже приходитъ къ полнѣйшему упрощенію. Самъ авторъ признаетъ, что, при написаніи имъ первой работы, онъ не съумѣлъ еще отдѣлаться отъ идеи пропорціи, традиціональной у криминалистовъ, и хотя попытался освободиться отъ этой идеи, объявивъ, что наказаніе должно

---

160) Іерингъ, указанное соч. стр. 358—359.

161) Ср. Holtzendorff Die Richtungen des Stravollzugs H. I. стр. 32: «In der Hauptsache; bis weitere Fortschritte der gesammten Wissenschaft auf die Denkweise der Menschen einen gründlichen und tief greifenden Einfluss gewonnen haben werden,—wird das positive Strafrecht auf seinem bisherigem Boden beharren (стр. 32-ая).

угрожаться сообразно temibilità преступника, тамъ не менѣе, при развитіи этого принципа, слишкомъ часто и какъ бы невольно у него проскакивали идеи внутренней важности преступленія и уголовной пропорціи [162]).

Такимъ образомъ, авторъ въ разбираемомъ сочиненіи стоитъ уже всецѣло на точкѣ зрѣнія субъективной, и, поэтому, единственнымъ предметомъ, существеннымъ для опредѣленія наказуемости преступника, объявляется нравственное чувство преступника.

Но и въ этомъ случаѣ, какъ и не рѣдко въ Criminologia, автору приходится силою вещей отступать отъ своей безусловной точки зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, установивъ критерій наказуемости въ нравственномъ чувствѣ преступника, авторъ тотчасъ же заявляетъ, что изъ понятія temibilità не исключаются ни признакъ количества вреда, ни нарушенія обязанности, ни способъ совершенія преступленія и квалифицирующія обстоятельства, какъ данныя для опредѣленія полнаго или частичнаго недостатка нравственнаго чувства. Но, такимъ образомъ, вмѣсто цѣльнаго критерія получается эклектическій критерій. Въ чемъ же преимущество передъ классической школой съ ея понятіями о вредѣ и умыслѣ? Преимущества нѣтъ, а есть несомнѣнный недостатокъ, есть поводъ къ тому, что всего хуже въ дѣлѣ правосудія—къ произволу. Какъ справедливо замѣчаетъ Lucchini, можно ссылаться на temibilità отцеубійцы исключительно, какъ это сдѣлалъ авторъ на стр. 65, въ силу объективнаго событія преступленія, при чемъ разныя другія средства удостовѣренія будутъ оставлены въ сторонѣ, какъ излишнія. Самъ авторъ собственными словами освящаетъ этотъ выводъ, утверждая, что относительно взрослыхъ преступниковъ нахожденіе антропологическихъ признаковъ отступаетъ по своему значенію въ смыслѣ прогноза передъ свойствомъ преступнаго дѣянія. Конечно, въ указанныхъ случаяхъ объективному элементу отводится принадлежащее ему мѣсто. Но разъ объективному элементу нарушенія права, а равно нарушенія обязанности придается значеніе второстепенное, то этимъ самымъ допускается возможность и пренебреженія этихъ элементовъ, съ отдачей преимущества другимъ способамъ обнаруженія нравственнаго чувства преступника, напримѣръ, психо-физіологическому изслѣдованію преступника, а равно удостовѣренію фактовъ наслѣдственности. Результатомъ этихъ различныхъ методовъ изслѣдованія можетъ явиться поразительный фактъ, что отце-

---

[162]) Criminologia, Criterio positivo стр. 248.

убійца и мелкій воръ окажутся на одинаковой степени наказуемости въ силу позитивнаго критерія, одинъ по полному недостатку нравственнаго чувства, обнаруженному его дѣяніемъ, другой по полному недостатку того же нравственнаго чувства, обнаруженному другими способами.

Такой фактъ былъ бы полнымъ торжествомъ, полнѣйшей побѣдой надъ принципомъ уголовной пропорціи, полнѣйшимъ воплощеніемъ принципа приспособленія къ обществу. Правда, авторъ прямо такихъ выводовъ не дѣлаетъ. Но насколько удаченъ избранный имъ критерій наказуемости, это наглядно разъясняется на защитѣ понятія temibilità противъ критики Tarde. Авторъ обращается къ проступку бродяжества и показываетъ на немъ степени temibilità. Бродяга опасенъ, оставаясь въ состояніи праздности, опасенъ, оставаясь въ общеніи съ дурными товарищами. Можно допустить эти положенія, но трудно установить степени недостатка нравственнаго чувства въ этихъ двухъ случаяхъ и различіе наказуемости. Когда же авторъ говоритъ о постоянной опасности бродяги, обремененнаго наслѣдственностью пропойцъ и душевно-больныхъ, то мы именно видимъ роковыя послѣдствія второстепеннаго значенія, отводимаго объективному элементу преступленія. Если такой бродяга объявляется вѣчно опаснымъ, то въ этомъ случаѣ возможно допустить, по разуму теоріи автора, законность полнаго и неотмѣнимаго исключенія бродяги изъ общества [163]). Мнѣ могутъ возразить, что самъ Гарофало высказывается, по поводу истребленія бродягъ въ Англіи при Генрихѣ VIII, противъ смертной казни, налагаемой за бродяжество. Но это только показываетъ, что, защищаясь отъ упрека Tarde, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ указаннымъ мѣстомъ. Затѣмъ, соображенія автора по поводу борьбы съ бродяжествомъ въ Англіи служатъ хорошимъ комментаріемъ къ понятію естественнаго преступленія и позитивному критерію наказуемости. Бродяжество, прежде всего, объявляется соціальнымъ преступленіемъ, но такъ какъ соціальное преступленіе для Гарофало и есть естественное преступленіе, а послѣднее характеризуется нарушеніемъ человѣколюбія и честности, то спрашивается, соотвѣтствуетъ ли этимъ признакамъ бродяжество? На этотъ вопросъ приходится давать отрицательный отвѣтъ. Признавая бродяжество соціальнымъ или естественнымъ преступленіемъ, допуская полезныя послѣдствія искуственнаго подбора бродягъ при Генрихѣ VIII, авторъ, однако, отвергаетъ возможность примѣненія смертной казни. Такое

---

163) Lucchini, указ. соч. С. IX, стр. 219.

положеніе мотивируется способностью бродягъ къ приспособленію, что доказывается примѣромъ американскихъ и австралійскихъ колоній. Однако, этотъ доводъ мало убѣдителенъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ не всѣ же бродяги, населившіе колоніи, исправлялись, да кромѣ того, изъ него слѣдовало бы, что, не имѣя колоній, государство могло бы казнить за бродяжество смертью. Очевидно, когда авторъ говоритъ «о глубочайшемъ протестѣ чувства противъ казни нищихъ и бродягъ», то въ основаніи этого вѣрнаго чувства лежитъ иная причина—требованіе справедливости. Невозможность смертной казни за бродяжество коренится въ томъ, что нарушеніе со стороны бродяги государственной нормы не можетъ уравниваться съ нарушеніемъ нормы, со стороны, напр., убійцы или вора, что существуетъ огромное различіе между нарушеніемъ первостепеннаго блага, охраняемаго закономъ, и нарушеніемъ запрета извѣстнаго, хотя бы и опаснаго образа жизни и поведенія,—между нарушеніемъ законовъ карательнаго и полицейскаго порядковъ. Эти различія не устраняются тѣмъ, что бродяга можетъ легко сдѣлаться воромъ, что изъ среды бродягъ можетъ выйти убійца. Иначе пришлось бы одинаково наказывать и дѣйствительнаго, и возможнаго въ будущемъ убійцу. Отсюда несомнѣнно, что количественный критерій, различающій большую или меньшую важность преступленій по признаку нарушенія той или другой нормы, имѣетъ первостепенную важность. Безъ различной оцѣнки важности преступныхъ дѣяній не обойдется никакое уголовное уложеніе. «Чѣмъ выше цѣнимъ мы то или другое благо, тѣмъ болѣе озабочиваемся мы его охраной. Того же правила держится и общество по отношенію къ его жизненнымъ условіямъ,—назовемъ ихъ соціальными благами,—и къ обезпеченію ихъ посредствомъ правовой охраны. Чѣмъ выше благо, тѣмъ строже наказаніе [164]).

VI.

Гарофало вслѣдъ за тѣмъ переходитъ къ анализу отдѣльныхъ ученій общей части уголовнаго права. Обращаясь къ вопросу о покушеніи [165]), авторъ первоначально упоминаетъ о существующихъ теоріяхъ покушенія, субъективной и объективной. Высказываясь за первую, наиболѣе тщательно формулированную въ Нѣмецкой литературѣ, ав-

---

164) Іерингъ, указ. соч. стр. 358.

165) IV. Il tentativo criminoso.

торъ противупоставляетъ ей ученіе Итальянской классической, а равно Французской школы уголовнаго права, не признающихъ покушенія, когда исполнительныя дѣйствія, обнаруживающія умыселъ, не въ состояніи довести преступленія до конца. Гарофало, далѣе, переходитъ къ спорному вопросу о приготовительныхъ дѣйствіяхъ. Этотъ вопросъ сводится къ тому, съ какого момента внѣшнія дѣйствія начинаютъ обнаруживать преступную волю,—иначе, могутъ ли быть таковыя обнаруживающія преступную волю дѣйствія ранѣе непосредственнаго и прямаго исполненія? [166]). Приготовительныя дѣйствія обыкновенно отличаются отъ покушенія въ силу свойственной имъ двусмысленности, т. е. недостаточно-опредѣленнаго выраженія въ нихъ истиннаго направленія дѣянія. Они обладаютъ фактическимъ элементомъ, составляя первый шагъ по преступному пути. Поэтому объективная теорія покушенія въ Германіи объясняетъ ненаказуемость приготовленія мотивами цѣлесообразности, дѣлая исключеніе лишь для случаевъ распознаваемаго обнаруженія въ приготовленіи фактическихъ принадлежностей преднамѣреннаго преступленія (Geyer), къ воззрѣнію котораго склоняется и Ortolan [167]).

И «нашъ» Каррара, замѣчаетъ Гарофало, допускаетъ наказуемость приготовительныхъ дѣйствій подъ условіемъ, чтобъ ихъ двусмысленность (equivocità) силою послѣдующихъ дѣйствій была устранена, и чтобъ вслѣдствіе этого они явились односмысленными (univoci). Если кто нибудь выхватитъ мечъ изъ ноженъ, затѣмъ поранитъ кого либо, то дѣйствіе stringere gladium, само по себѣ приготовительное, будетъ покушеніемъ. Но если въ моментъ вынутія меча дѣятель остановленъ какимъ либо препятствіемъ, — возможно сомнѣніе относительно намѣренія его и того, чтобы онъ бы сдѣлалъ, не будь препятствія. При отсутствіи такого сомнѣнія и для «нашихъ классиковъ» нѣтъ основанія не видѣть покушенія въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ. Положимъ, двое воровъ по ремеслу оказались у необитаемаго зданія съ орудіемъ взлома. Если нельзя усумниться въ ихъ намѣреніи, то почему не признавать въ данномъ случаѣ наказуемаго покушенія? Покушеніе должно также видѣть въ поступкѣ человѣка, который, пригрозивъ другому смертью, поджидаетъ свою жертву съ ружьемъ въ рукахъ на дорогѣ, подъ прикрытіемъ забора. И такъ, нельзя отрицать начала исполненія, если только дѣйствіе односмы-

166) Стр. 259—261.

167) Atti preparatori, стр. 261 и 262.

сленнымъ образомъ (modo non equivoco) обнаруживаетъ преступное намѣреніе [168]).

Не требуется объявлять приготовительныхъ дѣйствій вообще преступными, но можно допустить извѣстные случаи ихъ наказуемости, не прибѣгая къ критеріямъ Ортолана или Каррара. Таковы приготовительныя дѣйствія обычныхъ преступниковъ въ свойственной имъ спеціальной сферѣ (поддѣлыватель монеты, напримѣръ, приспособляетъ свои инструменты для поддѣлки, рецидивистъ по части плотскихъ преступленій завлекаетъ въ свое жилище дѣвушку). Поэтому приготовительныя дѣйствія должны наказываться, какъ истинныя покушенія, когда они совершаются преступниками прирожденными, обычными, неисправимыми, а также когда они обнаруживаютъ односмысленнымъ образомъ намѣреніе преступника [169]).

Переходя къ вопросу о негодности средствъ при покушеніи [170]), Гарофало напоминаетъ, что въ Итальянской классической школѣ ненаказуемость негоднаго покушенія считается аксіомой, съ однимъ исключеніемъ, допускаемымъ Каррара, а именно въ случаѣ, когда абсолютно годное средство оказывается относительно негоднымъ для извѣстнаго лица, и наоборотъ. Классическая школа въ лицѣ Каррара кромѣ того признаетъ, что если дѣятель, приготовивъ достаточное количество мышьяка, впослѣдствіи смѣшалъ ядъ съ безвреднымъ веществомъ, то наказуемое покушеніе на лицо. Покушеніе въ этомъ случаѣ признается на томъ основаніи, то первоначальный актъ (актъ приготовленія яда) перестаетъ быть приготовленіемъ, получая односмысленность (univocità) силою послѣдующаго дѣйствія, а, поэтому, и свойство покушенія.

По общему правилу для объективной теоріи покушенія безразлично,—зналъ или не зналъ дѣятель о негодности средствъ (Carrara, Conato § 157). Если средства оставались негодными въ теченіе всего времени, когда совершалось дѣяніе,—покушенія не существуетъ. Такое правило соотвѣтствуетъ началу, что покушеніе—частичное осуществленіе воли, объективная часть совершаемаго дѣйствія. Законъ не можетъ запрещать дѣйствій неспособныхъ произвести какого либо нарушенія правъ, наказывается не преступность дѣятеля, обнаруженная внѣшними дѣйствіями, а дѣяніе, сопровождающееся преступностью дѣятеля (Carrara).

Въ противуположность ученію Итальянской школы, Гарофало заявляетъ себя сторонникомъ субъективной теоріи, какъ она обоснована въ

---

168) Стр. 262—263.

169) Стр. 264.

170) Mezzi inidonei.

Нѣмецкой литературѣ, а равно въ извѣстномъ рѣшеніи Рейхсгерихта, считая, впрочемъ, нужнымъ внести въ нее извѣстныя ограниченія.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о наказуемости негоднаго покушенія легко разрѣшается для того, кто принимаетъ критеріемъ наказуемости принципъ temibilità. Преступленіе открываетъ преступника, а изслѣдованіе преступника откроетъ категорію, къ которой онъ принадлежитъ. Пусть преступная воля обнаружена хотя бы въ негодномъ покушеніи, этого достаточно для наказуемости [171]). Однако, если воля, хотя и преступная, не представляется опасной, то всякое основаніе наказуемости отпадаетъ. Не внушающій страха преступникъ не долженъ и наказываться. Если негодность средствъ указываетъ на отсутствіе въ преступникѣ такого качества (temibilità), то она устраняетъ наказаніе. Для различенія наличности и отсутствія temibilità, авторъ прибѣгаетъ къ различенію, отвергаемому Каррара: нужно установить, зналъ ли преступникъ дѣйствительное свойство избраннаго имъ средства, или же по ошибкѣ принималъ негодное средство за годное. Получившій отъ аптекаря подъ видомъ яда безвредный порошокъ отвѣчаетъ за наказуемое покушеніе. Спустившій курокъ заряженнаго имъ, но разряженнаго затѣмъ, невѣдомо для него, ружья отвѣчаетъ и притомъ не за наказуемое покушеніе только, а за оконченное покушеніе (omicidio mancato). Теорія автора при этомъ не можетъ приводить къ абсурду наказуемости того, кто, напр., пытался отравить другого невиннымъ порошкомъ или сахаромъ, считая эти вещества ядовитыми; въ этихъ случаяхъ преступность дѣйствія исчезаетъ не по негодности средствъ, а по отсутствію опасной воли [172]).

Впрочемъ, когда годность или негодность средства можетъ быть извѣстна лишь лицамъ, обладающимъ техническими знаніями, ошибка въ опредѣленіи качества и количества средствъ не должна быть причиною ненаказуемости. Наказуемо поэтому покушеніе на отравленіе посредствомъ дачи дозы яда меньшей, чѣмъ нужно. Далѣе, общее начало терпитъ нѣкоторое ограниченіе по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ и малолѣтнимъ. Во многихъ случаяхъ невѣдѣніе ихъ относительно употребленнаго средства не доказываетъ отсутствія вины. Ребенокъ можетъ быть delinquente nato и не знать наиболѣе простыхъ для взрослаго вещей.

Такимъ образомъ, по вопросу о негодныхъ средствахъ при покушеніи должно различать несовершеннолѣтняго и взрослаго. Общее

---

171) Стр. 261—270.

172) Стр. 270—271.

начало по разсматриваемому вопросу должно заключаться въ слѣдующемъ: нужно придавать значеніе не столько годности или негодности средства, сколько годности дѣятеля быть преступникомъ. Поэтому, негодность избранныхъ средствъ можетъ служить доказательствомъ въ пользу слабости преступной воли, а не условіемъ, устраняющимъ преступность дѣянія [173]).

Рѣшеніе вопроса о приготовительныхъ дѣйствіяхъ покоится у Гарофало на заимствованномъ имъ у Carrara критеріѣ univocità (односмысленности) дѣйствія. Теорія уголовнаго права представляетъ рядъ попытокъ отличенія приготовительныхъ дѣйствій отъ покушенія по субъективному, объективному и смѣшанному критерію. Нужно сказать, что общаго начала для вполнѣ опредѣленнаго, точнаго, годнаго для всѣхъ случаевъ рѣшенія вопроса никогда не удавалось формулировать. Изъ этого, впрочемъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобъ можно было отвергать различіе приготовительныхъ дѣйствій отъ покушенія, разумѣя подъ первыми ненаказуемыя, а подъ вторымъ наказуемыя проявленія преступной воли въ внѣшней дѣятельности. Можно согласиться единственно, что различіе первыхъ и послѣднихъ—болѣе по степени, чѣмъ по существу, что нѣтъ строго принципіальнаго основанія не наказывать первыхъ, а есть лишь соображенія цѣлесообразности и уголовной политики. При такомъ воззрѣніи на значеніе приготовительныхъ дѣйствій наименѣе удовлетворительными представляются попытки различенія покушенія и приготовленія по различію объективныхъ признаковъ,—задача, которая не безъ основанія признается Гейеромъ столь же трудною, какъ отысканіе квадратуры круга [174]).

---

173) Стр. 270—273.

174) Del Tentativo Rivista penale т. XIV 1881 г. стр. 373. Ср. изслѣдованіе г. Колоколова Къ ученію о покушеніи, отд. I гл. 1-я, Отграниченіе покушенія отъ дѣяній приготовительныхъ. Теоріи объективныя. Замѣчу, что, вопреки мнѣнія г. Колоколова, въ вопросѣ о приготовительныхъ средствахъ и ихъ отличіи отъ покушенія Гейеръ не можетъ считаться стоящимъ на почвѣ объективной теоріи. Въ указанной у г. Колоколова работѣ въ Gerichtssaal 1866 г. Гейеръ требуетъ для покушенія частичнаго осуществленія намѣренія, представляющаго распознаваемымъ образомъ составъ намѣреннаго преступленія. Какъ было замѣчено Buri (Gerichtssaal 1867 г.), Гейеръ приближается этимъ опредѣленіемъ къ его собственной характеристикѣ покушенія, какъ объективированной преступной воли. Всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи устраняются указанной выше статьей Гейера въ Rivista penale, гдѣ авторъ, сдѣлавъ приведенный въ текстѣ отзывъ о различеніи приготовленія и покушенія по объективнымъ признакамъ, считаетъ возможнымъ различать только отдаленные и ближайшіе акты покушенія. Первые (такъ называемыя приготовительныя дѣйствія) должны освобождаться отъ наказанія по ихъ двусмысленному характеру: наказуемыми должны признаваться лишь дѣянія, въ

При отсутствіи объективныхъ различій, приготовительныя дѣйствія, въ отличіе отъ настоящаго покушенія, могутъ быть дѣйствительно поставлены въ зависимость отъ отсутствія признака univocità, какъ это вслѣдъ за Carrara признаетъ и Гарофало. Если для покушенія требуется ясно выраженная, объективированная въ дѣйствіи преступная воля, то слѣдуетъ признать правильнымъ принципъ ненаказуемости тѣхъ случаевъ, когда таковая воля ясно неразличима, когда она двусмысленна по отношенію къ объекту преступленія. Этотъ признакъ equivocità, неясности, двусмысленности, нераспознаваемости преступной воли,—признакъ субъективный, относящійся къ свойству субъективнаго элемента въ покушеніи, будучи болѣе твердымъ сравнительно съ критеріемъ объективнаго различенія, даетъ къ тому же разумный просторъ судейскому разсмотрѣнію даннаго случая. Къ этому признаку, сверхъ такихъ значительныхъ представителей объективной теоріи покушенія, какъ Каррара и Гейеръ, приходятъ, съ болѣе или менѣе рѣзко выраженными оттѣнками мысли, многочисленные представители субъективной теоріи покушенія, каковы: Шварце, характеризующій приготовленіе признакомъ нерѣшительной воли [175]), Гельшнеръ, отличающій, подобно Гейеру, приготовительныя дѣйствія отъ покушенія тѣмъ, что въ нихъ не обнаруживается распознаваемаго направленія намѣренія на предустановленную цѣль [176]), Бури, видящій въ приготовленіи недостатокъ окончательной свободной рѣшимости, серьезной объективированной воли [177]). Листъ, характеризующій приготовительныя дѣйствія сомнительной твердостью умысла и сомнительностью направленія дѣянія [178]).

коихъ проявляется распознаваемымъ образомъ направленіе къ опредѣленному преступленію (стр. 373—375). Ср. также его Grundriss zu Vorlesungen 1884 г. I, гдѣ ненаказуемость отдаленнаго покушенія (приготовительныхъ дѣйствій) объясняется неопредѣленностью направленія воли на то или другое преступленіе (стр. 131).

175) Holtzendorff Handbuch II Versuch und Vollendung § 3, стр. 277—288.

176) Das gemeine deutsche Strafrecht I. 1 Kapitel III. B. Versuch, стр. 342—344.

177) Versuch und Causalität въ Gerichtssaal 1880 г., стр. 323—324, а также въ Causalität und ihre strafrechtlichen Beziehungen Gerichtssaal 1885 г. Beilageheft.

178) Lehrbuch стр. 185. Было бы, впрочемъ, невѣрно приписывать ученію Carrara въ вопросѣ о приготовительныхъ дѣйствіяхъ исключительно субъективный характеръ: установивъ въ § 137 своей монографіи о покушеніи (Grado nella forza fisica del delitto, Conato, Opuscoli I) признакъ univocità, какъ различающій приготовленіе и покушеніе, Каррара, не довольствуясь этимъ признакомъ, тщательно изыскиваетъ объективный признакъ различенія. Такъ въ Programma (§ 358) Каррара различаетъ безусловно и относительно приготовительныя дѣйствія: первыя не заключаютъ въ себѣ начала

Дополненіе, сдѣланное Гарофало къ признаку univocità, заимствованному имъ у Каррара, а именно: указаніе на извѣстныя категоріи преступниковъ, при наличности которыхъ приготовительныя дѣйствія должны всегда признаваться наказуемымъ покушеніемъ, должно считаться неудачнымъ. Вмѣсто признака относительнаго, подлежащаго разумному и добросовѣстному разсмотрѣнію судьи, создается грубая и неподвижная презумпція.

Гарофало характеризуетъ свое отношеніе къ вопросу о такъ называемомъ покушеніи съ негодными средствами приспособленіемъ доктрины Бури и практики Германскаго Рейхсгерихта къ кореннымъ началамъ новой Итальянской школы. Не вдаваясь въ обсужденіе общаго вопроса о покушеніи съ негодными средствами [179]), такъ какъ такое изслѣдованіе и не требуется для критики воззрѣній Гарофало, я постараюсь опредѣлить положенія Гарофало по указанному вопросу въ ряду другихъ писателей, а равно оцѣнить значеніе его доктрины.

Рѣшеніе вопроса о покушеніи съ негодными средствами, даваемое Гарофало, прямо воспроизводитъ извѣстную теорію Бара, котораго авторъ впрочемъ не называетъ. Въ литературѣ извѣстны разнообразныя попытки разрѣшенія вопроса о наказуемости покушенія съ негодными средствами, сообразно свойства ошибки и причинъ избранія негодныхъ средствъ. Баръ исходилъ отъ положенія, что негодное покушеніе можетъ обусловливаться или употребленіемъ почему бы то ни было негоднаго средства вмѣсто избраннаго дѣятелемъ средства вообще годнаго, или невѣрнымъ возрѣніемъ на годность извѣстнаго средства, вопреки

исполненія (пріобрѣтеніе оружія, сговоръ, собраніе свѣдѣній); вторыя заключаютъ въ себѣ начало исполненія и могли бы считаться наказуемымъ покушеніемъ, еслибъ были односмысленными. Получивъ такое недостающее имъ свойство, они становятся покушеніемъ. Въ другихъ работахъ: Reminiscenze di Cattedra e foro 1883 г. (VII. Sinopsi del conato, XII. Atti preparatori), а также въ работѣ: Essenzialità del conato punibile 1883 г., доктрина Каррара отливается въ слѣдующую форму: слѣдуетъ различать дѣйствія приготовленія (praeparatori), исполненія (esecutivi) и совершенія (di consummazione); первыя не приходятъ въ соприкосновеніе съ вещью или лицомъ, съ которымъ связывается чужое право; вторыя направляются на нарушеніе не того права, которое нарушается при оконченномъ преступленіи, а права промежуточнаго (взломъ замка при кражѣ), третьи направляются на лицо или вещи, воплощающія право, намѣченное умысломъ виновнаго. Первыя дѣйствія, какъ приготовительныя, не должны наказываться, вторыя составляютъ неоконченное покушеніе, третьи либо оконченное покушеніе (delitto mancato), либо совершонное преступленіе.

179) Ср. мои отдѣльныя мнѣнія по вопросу о покушеніи въ докладѣ Коммиссіи Московскаго Юридическаго Общества о проэктѣ новаго уголовнаго Уложенія, Юридическій Вѣстникъ 1883 г. № 5 стр. 154—164.

всеобщаго опыта и законовъ мышленія, присущихъ каждому, находящемуся въ состояніи вмѣняемости человѣку. Признавая, что истинная преступная воля предполагаетъ цѣлесообразное сочетаніе задуманной цѣли съ дѣйствительно возможными средствами, Баръ видѣлъ только въ случаяхъ перваго рода наказуемое покушеніе, отрицая его во второмъ случаѣ [180]). Противъ этой теоріи были сдѣланы вѣрныя возраженія. Такъ, по словамъ г. Таганцева, подобный объективный маштабъ представляется далеко не столь устойчивымъ, чтобъ служить маштабомъ безнаказанности; стоитъ только взять, напр., случаи отравленія, истребленія плода. Могутъ ли спорынья, казачій можжевельникъ, рута разсматриваться, какъ средства вытравленія плода? Слѣдуетъ ли опредѣлять значеніе средствъ по взгляду, распространенному въ массѣ, или же по опредѣленію спеціалистовъ? [181]). Иногда ненаказуемость выдѣленныхъ Баромъ случаевъ покушенія мотивировалась «безвредною глупостью виновника» (Hefftter). Но противъ этого мнѣнія вѣрно было замѣчено Вехтеромъ, что «вообще покушеніе вреда не причиняетъ, чѣмъ однако не устраняется его значеніе, какъ результата злой воли, обусловливающей поставленіе въ опасность права и нападеніе на него» [182]). Эти совершенно вѣрныя возраженія противъ усвоеннаго себѣ Гарофало ученія Бара еще съ большей силой примѣняются въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о томъ же ученіи, перенесенномъ на почву антрополого-позитивой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ Гарофало эта теорія торжественно объявляетъ, что она не принимаетъ въ разсчетъ умственной неприкосновенности въ вопросѣ объ отвѣтственности и наказуемости виновника. Представимъ себѣ, что идіотъ надѣется отравить кого нибудь сахаромъ, будучи твердо убѣжденъ, что сахаръ дѣйствуетъ сильнѣе мышьяка. Очевидно, избраніе имъ этого негоднаго средства нисколько не свидѣтельствуетъ о слабости или неопасности воли. По совершеніи имъ неудачной попытки нѣтъ ручательства, что онъ не прибѣгнетъ къ какому либо болѣе дѣйствительному средству. Если будетъ установлено, что у него сильнѣйшія, чрезвычайно устойчивыя побужденія къ отравленію извѣстнаго лица, онъ будетъ несомнѣнно temibile, не смотря на безсмысленный выборъ средства. Далѣе, согласно отзывамъ различныхъ представителей новой школы, преступники, особенно тягчайшіе, обладаютъ низ-

180) Zur Lehre von Versuch und Theilnahme am Verbrechen § 6, стр. 13—19-ая. Изъ итальянцевъ сходныхъ съ Баг'омъ возврѣній держится Oliva Del tentativo въ Rivista penale 1882 г. XVI стр. 27 и 28.

181) Курсъ вып. II, § 347, стр. 223.

182) Deutsches Strafrecht § 75, стр. 213.

кимъ умственнымъ развитіемъ, склонностью къ грубѣйшимъ предразсудкамъ. Можно ли сказать, въ виду этого, что избраніе явно-недѣйствительнаго или суевѣрнаго средства указываетъ у такихъ лицъ на отсутствіе опасной воли. Напротивъ, употребленіе такого средства должно послужить къ изслѣдованію преступника, и если у него окажутся ассиметрія черепа или лица, угловатыя уши и заячья губа, а въ «крови—наслѣдственность пропойцъ и душевно-больныхъ», отчего заблаговременно и прежде, чѣмъ онъ найдетъ пагубное для ближняго, годное средство, не подвергнуть его «искуственному подбору»? Справедливость этихъ возраженій доказывается необходимостью, въ которую былъ поставленъ авторъ, ограничить общее начало по отношенію къ средствамъ, требующимъ техническихъ знаній, и по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ. Но этимъ только потверждается вѣрность приведеннаго выше замѣчанія г. Таганцева. Когда авторъ замѣчаетъ, что «ребенокъ можетъ быть delinquente nato и не знать самыхъ простыхъ вещей»,—то эту фразу можно измѣнить слѣдующимъ образомъ: невѣжественный и ограниченный delinquente nato можетъ не знать простыхъ вещей, которыя извѣстны обыкновеннымъ дѣтямъ.

Въ результатѣ оказывается, что Гарофало, объявивъ себя приверженцемъ субъективной теоріи, выдаетъ, какъ новый продуктъ научной мысли, одну изъ извѣстныхъ попытокъ по вопросу о покушеніи съ негодными средствами, составляющую переходную ступень отъ теорій субъективныхъ къ объективнымъ и становящуюся особенно неудачною вслѣдствіе приведенія ея въ связь съ теоріей новой школы [182]).

Отъ вопроса о покушеніи съ негодными средствами Гарофало переходитъ къ наказуемости покушенія вообще [183]). Разъ признано, что внѣшнее дѣйствіе наказуемо въ силу проявляющейся въ немъ пре-

---

182) Впервые ученіе Гарофало о покушеніи съ негодными средствами было изложено въ работѣ: Il tentativo con mezzi inidonei въ Archivio di Psich, т. II стр. 335—344. Въ этой работѣ было указано на «простоту и ясность», съ которыми спорный вопросъ разрѣшается по критерію антрополого-позитивной школы. Но насколько удачно разрѣшенъ этотъ вопросъ, это, помимо изложенныхъ возраженій, явствуетъ изъ того, что принадлежащій къ одной школѣ съ Гарофало Puglia въ своей работѣ Del Tentativo (Messina 1884), критикуя теорію Oliva, тождественную съ теоріей Бара, отказывается видѣть ненаказуемое покушеніе при сознательномъ избраніи дѣятелемъ средствъ, по всеобщему сознанію и опыту негодныхъ, въ разсчетѣ на ихъ годность. Какъ справедливо замѣчаетъ Puglia, и въ этомъ случаѣ преступникъ можетъ быть опаснымъ, можетъ впослѣдствіи сдѣлать лучшій выборъ средства (стр. 73).

183) Pena del tentativo стр. 273—279.

ступности дѣятеля, наказаніе для покушенія и оконченнаго преступленія должны быть одинаковы. Вопросъ весь въ томъ, представляется ли опасность, обнаруживаемая покушеніемъ, тождественной съ опасностью, обнаруживаемой совершеннымъ преступленіемъ. Для отвѣта на этотъ вопросъ Гарофало считаетъ нужнымъ воспользоваться различеніемъ юристовъ классиковъ относительно покушенія простого и оконченнаго (delitto mancato). Меньшая наказуемость послѣдняго, сравнительно съ совершеннымъ преступленіемъ, отвергается Гарофало въ виду того, что въ оконченномъ покушеніи проявляется полная энергія преступной воли (temibilità). Бо́льшія сомнѣнія возбуждаются относительно наказуемости простаго покушенія, когда непредвидѣнное препятствіе встрѣтилось не въ концѣ iter criminis, какъ въ оконченномъ, а въ началѣ. Въ этомъ случаѣ не всегда можно быть увѣреннымъ, что дѣятель довелъ бы свою дѣятельность до конца; можно предположить, что онъ добровольно отступилъ бы отъ покушенія, не случись внѣшняго препятствія, изъ отвращенія къ преступленію или страха наказанія. Допустивъ же законность этого предположенія, не было ли бы несправедливостью наказывать дѣятеля? И въ самомъ дѣлѣ, разъ недостаетъ достовѣрности или вѣроятности устойчиваго злого умысла у дѣятеля, не остается доказательствъ его temibilità. Нельзя говорить, что совершенное дѣятелемъ само по себѣ составляетъ преступленіе; предшествующая дѣятельность либо содержитъ въ себѣ признаки наказуемаго дѣянія и, поэтому, наказуема, либо составляетъ только показатель вѣроятности будущаго. И такъ возможны два предположенія: или вѣроятность совершенія преступленія такъ велика, что нельзя сомнѣваться, что преступленіе было бы совершено, если бы не встрѣтилось внѣшняго препятствія, или существуетъ большая противуположная вѣроятность добровольной пріостановки ранѣе послѣдняго исполнительнаго дѣйствія. Въ первомъ случаѣ опасность одинаковая какъ при совершенномъ преступленіи или оконченномъ покушеніи; во второмъ—опасность сомнительная, и, поэтому, отсутствіе всякаго соціальнаго права на репрессію. Можно, конечно, сказать, что этотъ принципъ способенъ внести полную смуту въ законодательство и создать затрудненія для судьи. Поэтому Гарофало предлагаетъ различать два случая при разрѣшеніи вопроса о наказуемости неоконченнаго покушенія: когда виновникъ покушенія—инстинктивный преступникъ, можно утверждать, что онъ не остановился бы добровольно передъ завершеніемъ преступленія. Наоборотъ, при наличности преступника, находящагося въ состояніи временнаго помраченія

нравственнаго чувства, въ силу особаго внѣшняго и рѣдко повторяющагося вліянія, существуетъ сильная вѣроятность, что въ извѣстный моментъ хорошіе инстинкты заставили бы его повернуть назадъ.

Указанное рѣшеніе вопроса о наказуемости неоконченнаго покушенія нельзя никакъ назвать удачнымъ. Понятіе о покушеніи, какъ воплощеніи преступной опасной воли во внѣшнемъ дѣйствіи, направленномъ на опредѣленное нарушеніе нормы, но не достигшемъ въ дѣйствительности преступнаго результата, необходимо предполагаетъ перерывъ, недовершеніе преднамѣренной преступной дѣятельности, какъ коренной признакъ. Затѣмъ оно допускаетъ въ видѣ исключающаго вину обстоятельства добровольный отказъ дѣятеля отъ дальнѣйшей дѣятельности. Если начатая преступная дѣятельность прервана не по добровольному отказу дѣятеля, а по обстоятельствамъ, препятствующимъ дальнѣйшему осуществленію воли, наказуемое покушеніе на лицо. Признавать его ненаказуемымъ въ виду вѣроятности, что не будь препятствующаго обстоятельства, виновный добровольно отступился бы отъ своей дѣятельности, значитъ ниспровергать юридическое понятіе покушенія, идти наперекоръ законодательной цѣли охраны правоваго порядка не только отъ нарушенія, но и поставленія въ опасность. Къ тому же такой пріемъ недопустимъ и въ логическомъ отношеніи: вмѣсто конкретныхъ условій даннаго дѣянія (пріостановки покушенія вслѣдствіе препятствующихъ обстоятельствъ) вводятся предположенныя абстрактныя условія, (что дѣятель вѣроятно пріостановился бы добровольно ранѣе наступленія такихъ обстоятельствъ). Затѣмъ абстрактныя условія становятся на мѣсто конкретныхъ и воображаемая комбинація обстоятельствъ къ выгодѣ дѣятеля предпочитается реальной комбинаціи. Этимъ устраняется тождество дѣянія,—дѣяніе, происходящее при обстоятельствахъ, отличныхъ отъ обстоятельствъ, имѣвшихся in concreto, уже иное дѣяніе. Абстрактно представленныя обстоятельства предполагаютъ и абстрактно мыслимое дѣяніе [184])

Не должно забывать, далѣе, что, при необыкновенной снисходительности къ виновнику неоконченнаго покушенія, авторъ крайне несправедливо и строго относится къ покушенію оконченному (delitto mancato или frustrato). Бываютъ случаи оконченнаго покушенія, гдѣ виновный прямо пріостанавливаетъ по собственной волѣ завершеніе преступле-

184) Buri Über die sogenannten untauglichen Handlungen, Zeitschrift Листа I 1881 г. стр. 200.

нія: убійца, вооруженный револьверомъ, промахнувшись нѣсколько разъ и имѣя возможность выстрѣлить еще въ послѣдній разъ, бросаетъ оружіе.—Такой убійца, по теоріи Гарофало, долженъ наказываться наравнѣ съ лицомъ, дѣйствительно отнявшимъ жизнь у ближняго. А между тѣмъ, убійца, не успѣвшій выстрѣлить потому, что его схватили за руку и помѣшали, можетъ быть признанъ, какъ виновникъ неоконченнаго покушенія, свободнымъ отъ наказанія. Наконецъ, нужно замѣтить, что мысль Гарофало о ненаказуемости неоконченнаго покушенія, при вѣроятности отступленія дѣятеля и безъ встрѣченнаго имъ препятствія, грѣшитъ недостаткомъ анализа понятія добровольной пріостановки дѣятеля.—Теорія и законодательство требуютъ для наличности добровольной пріостановки, чтобы виновный не былъ остановленъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Такія обстоятельства—внѣшнія препятствія, встрѣчаемыя имъ на преступномъ пути и полагающія преграду достиженію преступной цѣли.—Подъ внѣшнія препятствія подходятъ не только факты, физически не дающіе возможность продолжать преступную дѣятельность, но и факты, возбуждающіе въ сознаніи дѣятеля мысль о невозможности или рискованности успѣха, а также о вѣроятности поимки. Подъ добровольной пріостановкой должно разумѣть внутреннее рѣшеніе отступить отъ начатой дѣятельности, по какимъ бы то ни было мотивамъ, нравственно почтеннымъ или безразличнымъ, если только это рѣшеніе не зависитъ отъ соображеній цѣлесообразности, внушенныхъ конкретной обстановкой преступнаго дѣянія [185]). При указанномъ значеніи добровольной пріі-

---

185) По затронутому вопросу о добровольной пріостановкѣ при покушеніи см. Таганцева Курсъ II § 335—336. Нельзя согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что различіе недобровольной и добровольной пріостановки сводится весьма часто къ различію посредственнаго или непосредственнаго вліянія окружающихъ условій, а равно и съ приводимыми имъ примѣрами пріостановки добровольной и недобровольной. Первая принимается въ томъ случаѣ, когда, наприм. воръ въ помѣщеніи, сосѣднемъ съ тѣмъ, куда онъ проникъ, слышитъ голоса людей и по этой причинѣ отказывается отъ задуманнаго; вторая—когда въ помѣщеніе, гдѣ находится воръ, входятъ посторонніе люди, и воръ бѣжитъ. По мнѣнію моему, въ обоихъ случаяхъ на лицо покушеніе, остановленное по независящимъ обстоятельствамъ.— Вѣрное рѣшеніе вопроса у Schwarze (Holtzendorff Handbuch des deutschen Strafrechts II, IX, § 11, стр. 305—306): добровольная пріостановка исключается при наличности всякаго обстоятельства, въ коемъ дѣятель усматриваетъ препятствіе для преступной дѣятельности. Г. Колоколовъ (Къ ученію о покушеніи стр. 120) безъ достаточнаго основанія оспариваетъ это опредѣленіе, выводя изъ него такія послѣдствія, которыя изъ него не слѣдуютъ: такъ, будто бы пріостановка покушенія вслѣдствіе мольбы жертвы не будетъ, согласно теоріи Шварце, добровольной пріостановкой. Къ Шварце примыкаютъ изъ современныхъ Нѣмецкихъ криминалистовъ Haelschner (указ. соч. стр. 361).

остановки можно двоякимъ образомъ представлять себѣ мотивы таковой: можно предположить, что преступникъ, не встрѣть онъ внѣшнихъ препятствій, отступилъ бы отъ преднамѣреннаго по раскаянію, по живучести добрыхъ свойствъ характера,—или же можно предположить тотъ же результатъ вслѣдствіе наличности мотивовъ не столь похвальныхъ, но во всякомъ случаѣ независимыхъ отъ внѣшнихъ условій и обстановки дѣянія. Стоитъ допустить послѣднее предположеніе и теорія Гарофало падаетъ. Она покоится на томъ, что вѣроятное добровольное отступленіе исключаетъ temibilità. Но это вѣрно лишь по стольку, по скольку добровольное отступленіе свидѣтельствуетъ о смѣнѣ преступной воли раскаяніемъ, противуправнаго умысла—правомѣрнымъ помышленіемъ. Допустимъ добровольное отступленіе по другимъ мотивамъ, и добровольное отступленіе будетъ на лицо, но temibilità не устраняется. Преступникъ не дѣлается менѣе опаснымъ отъ того, что, прійдя, положимъ, на мѣсто кражи, онъ вспоминаетъ, что избранный имъ день, по существующему предразсудку, считается неблагопріятнымъ для какого бы то ни было предпріятія, и, поэтому, отказывается отъ него. Между тѣмъ, если опредѣлить степень вѣроятности, что преступникъ добровольно остановился бы по собственной волѣ, не случись независящаго отъ него препятствія, очень трудно, то опредѣлить, даже приблизительно, какими именно побужденіями онъ вѣроятно руководствовался бы при добровольной пріостановкѣ, уже совершенно немыслимо. Къ указаннымъ возраженіямъ можно прибавить, что своимъ разрѣшеніемъ вопроса о ненаказуемости неоконченнаго покушенія Гарофало ставится въ противурѣчіе съ своимъ рѣшеніемъ о наказуемости приготовительныхъ дѣйствій, а также покушенія съ негодными средствами. Именно послѣднее покушеніе чаще всего остается въ степени неоконченнаго.

Критерій, предлагаемый авторомъ относительно установленія вѣроятности или невѣроятности добровольной пріостановки, крайне механическій. Все зависитъ отъ категоріи преступниковъ; вѣроятность

Liszt (указ. соч. стр. 243). Janka (указ. соч. стр. 143). Итальянская классическая школа различаетъ причины пріостановки: volontarie и casuali, изъ коихъ послѣднія дѣлятся на fisiche и morali, и склоняется въ пользу безнаказанности пріостановки въ силу совершенно произвольнаго рѣшенія, допуская смягченіе отвѣтственности при причинахъ casuali—morali. Ср. Carrara Opuscoli I, IX, 1, Conato § 107—124. Programma I § 385 исл. Reminiscenze di Cattedra e foro, Sinopsi del Conato стр. 281—283, Giuliani Istituzioni di diritto criminale I. cap. V. стр. 134 и 135. Pessina Elementi di diritto penale 1882 характеризуетъ добровольную пріостановку свободой отъ внѣшняго вліянія нравственнаго и физическаго, признавая безразличнымъ свойство мотивовъ. Т. I, стр. 257.

пріостановки въ одномъ случаѣ не допускается никогда, въ другомъ случаѣ допускается всегда [186]).

Почти одновременно съ Гарофало, хотя и совершенно независимо отъ него, мысль о ненаказуемости неоконченнаго покушенія по соображеніямъ, сходнымъ съ основаніями Гарофало, была высказана въ отечественной литературѣ г. Колоколовымъ въ его работѣ «Къ ученію о покушеніи» 1884 г.

Существующая наказуемость воспрепятствованнаго покушенія отвергается г. Колоколовымъ на слѣдующемъ основаніи: позволительно предполагать, что и безъ наличности внѣшнихъ препятствій преступникъ можетъ быть не окончилъ бы своей дѣятельности вслѣдствіе перемѣны въ своей психической сферѣ. Взявъ случай, гдѣ человѣкъ прицѣлился изъ ружья въ своего врага, но былъ схваченъ за руку, — что и помѣшало выстрѣлу, — авторъ спрашиваетъ: можемъ ли быть увѣрены, что, если бы ему не помѣшали, онъ непремѣнно бы выстрѣлилъ; развѣ его рѣшимость, направленная на убійство, не могла исчезнуть, благодаря тому или другому возникшему представленію. Ясно, поэтому, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ субъектъ, хотя бы по причинамъ внѣшнимъ, прекратилъ преступную дѣятельность ранѣе ея окончанія, вполнѣ возможно сомнѣваться въ способности виновнаго нарушить норму, на которую онъ посягалъ, принимать же такую способность—значитъ строить презумпцію, не допустимую въ уголовномъ правѣ. Поэтому, нельзя при неоконченномъ, воспрепятствованномъ покушеніи признавать субъекта таковаго способнымъ сдѣлаться дѣйствительнымъ нарушителемъ правовой нормы; признаніе такой способности возможно только тамъ, гдѣ субъектъ доводитъ до конца свою дѣятельность. Такимъ образомъ, авторъ приходитъ къ выводу, что покушеніе въ отличіе отъ delictum praeparatum предполагаетъ дѣйствительное выполненіе виновнымъ всѣхъ тѣхъ актовъ, которые онъ считалъ необходимыми для реализаціи преступнаго умысла, — т. е. единственно допускаетъ наказуемость оконченнаго покушенія [187]). При большой близости построеній Гарофало и г. Колоколова,—теорія нашего отечественнаго изслѣдователя подлежитъ тѣмъ же общимъ возраженіямъ, которыя выставлены мною и противъ теоріи Итальянскаго

---

186) Если относительно преступниковъ по аффекту Гарофало повидимому склоненъ признавать вѣроятность добровольной пріостановки, то противъ этого можно замѣтить, что аффектъ обыкновенно увлекаетъ дѣятеля къ концу дѣянія, не давая ему возможности опомниться.

187) Къ ученію о покушеніи, отдѣлъ II гл. 6-ая. Понятіе о покушеніи стр. 190—192.

юриста-антрополога. Теорія г. Колоколова, впрочемъ, представляетъ лишній недостатокъ сравнительно съ теоріей Гарофало. Послѣдній все-таки требуетъ извѣстной вѣроятности для предположенія о добровольной пріостановкѣ. Г. Колоколовъ не заботится о такой вѣроятности, имѣя единственно въ виду отвлеченную возможность. А такъ какъ отвлеченная возможность представляетъ всегда равную законность двухъ предположеній — (возможно, что виновный добровольно остановился бы, возможно, что онъ и не остановился бы добровольно), то совершенно недопустимо ставить такую отвлеченную возможность выше несомнѣнной дѣйствительности,—т. е. направленія воли дѣятеля на преступную цѣль и пріостановки дѣянія противъ воли дѣятеля. Изъ такой отвлеченной возможности авторомъ выводится невозможность признать дѣятеля способнымъ дѣйствительно нарушить норму. Но прежде всего несомнѣнно, что при неоконченномъ или воспрепятствованномъ покушеніи норма уже является дѣйствительно нарушенной. И въ самомъ дѣлѣ, покушеніе только потому и признается наказуемымъ дѣяніемъ, что воплощенная въ немъ воля направляется противъ нормы и охраняемаго ею блага, становясь въ прямое противуположеніе съ нормой въ силу нарушенія ея запрета. Въ этомъ смыслѣ покушеніе—опасное и преступное дѣяніе, нападеніе на правопорядокъ и, поэтому, дѣяніе правонарушающаго свойства. Запретъ нормы: не убей—нарушается не только окончившимъ преступное дѣяніе убійцей, но и всякимъ, посягнувшимъ на убійство. Различіе между покушеніемъ и совершеннымъ преступленіемъ не въ томъ, что первое не нарушаетъ нормы, а второе нарушаетъ таковую, а въ томъ, что свойство нарушенія при наличности того и другаго различно [188]).

Нужно, далѣе, замѣтить, что признаніе дѣятеля способнымъ или неспособнымъ дѣйствительно нарушить норму, въ смыслѣ способности совершенія оконченнаго преступленія, не можетъ быть поставлено единственно въ зависимость отъ степени развитія воли, т. е. оконченнаго или неоконченнаго покушенія. При такомъ пріемѣ упускаются изъ виду всѣ другія средства удостовѣренія о личности преступника, на основаніи которыхъ судъ съ полнымъ основаніемъ можетъ при-

---

188) Такая точка зрѣнія на значеніе покушенія съ особенной силой развивается у Hälschner'a, указ. соч. стр. 352 и 353; ея держатся также Löhning Grundriss § 39, Wächter § 73. Lammasch указ. соч. IV стр. 52 и сл. Köstlin указ. соч. § 83, стр. 220. Ср. также Carrara Essenzialità del conato punibile 1883 г. Сущность покушенія въ нападеніи на право, въ противорѣчіи между дѣяніемъ и правомъ (стр. 4-ая).

знать виновника неоконченнаго покушенія вполнѣ способнымъ нарушить дѣйствительно норму въ смыслѣ, придаваемомъ этому термину г. Колоколовымъ. Если, такимъ образомъ, г. Колоколовъ шире, чѣмъ Гарофало, ставитъ область ненаказуемаго покушенія,—то при этомъ русскій изслѣдователь поступаетъ послѣдовательнѣе Итальянскаго антрополога,—признавая ненаказуемыми приготовительныя дѣйствія, которыя у него сливаются съ неоконченнымъ покушеніемъ.

Можно, наконецъ, сказать, что обѣ теоріи и г. Колоколова, и Гарофало не отвѣчаютъ требованіямъ уголовнаго правосудія объ охранѣ юридическаго порядка посредствомъ наказанія; онѣ даютъ преступнику слишкомъ много простора для движенія впередъ, связывая наказуемость съ весьма позднимъ моментомъ на преступномъ пути,—съ субъективно оконченнымъ преступленіемъ. Этимъ уничтожается весьма дѣйствительный стимулъ, воздерживающій отъ преступленія, къ которому вполнѣ примѣняется правило о premier pas, qui coûte [189]). По теоріи г. Колоколова преступникъ ничѣмъ не рискуетъ при неоконченномъ покушеніи (точно также у Гарофало, если онъ только не инстинктивный). А между тѣмъ, это положеніе въ которое ставится преступникъ, какъ разъ противорѣчитъ защищаемой обѣими авторами мысли о предупрежденіи преступленія наказаніемъ [189]).

Гарофало, далѣе, обращается къ бѣглому обзору слѣдующихъ вопросовъ общей части уголовнаго права: соучастія, стеченія преступленій и рецидивы, давности, помилованія, мѣры наказаній и вознагражденія за вредъ и убытки [190]).

Авторъ начинаетъ съ указанія нѣкоторыхъ недостатковъ теоріи соучастія [191]). Такъ, принципъ ненаказуемости подстрекателя, если подстрекнутый не совершилъ преступленія, къ коему былъ подговоренъ, лишенъ основанія. Къ этому случаю должна примѣняться теорія о покушеніи съ негодными средствами. Негоднымъ средствомъ является подстрекнутый, начало исполненія должно видѣть въ принятіи

---

189) Geyer въ указанной выше работѣ, Rivista penale, т. XV, 1881 г., высказывается противъ освобожденія виновнаго отъ наказанія при добровольной пріостановкѣ, приводя слѣдующій доводъ: пусть преступникъ узнаетъ, что, начиная преступное дѣйствіе, онъ еще не сжегъ за собой кораблей, и преступленія будутъ совершаться съ большей легкостью, именно вслѣдствіе оставляемой виновнику возможности отказаться отъ преступленія, не подвергаясь наказанію. Il n'y a que le premier pas qui coûte (стр. 15-ая). Эти соображенія не опровергаютъ ненаказуемости добровольной пріостановки, — но въ сильнѣйшей степени mutatis mutandis примѣняются къ теоріямъ г. Колоколова и Гарофало.

190) V. Di alcune altre teorie giuridiche.

191) Complicità стр. 280—281.

имъ на себя порученія. Наказуемость подстрекателя обусловливается энергіею (serietà) воли его и цѣлесообразностью сдѣланнаго имъ выбора орудія, непосредственнаго исполнителя. Изъ здѣсь, по мнѣнію Гарофало, принципъ temibilità разрѣшаетъ всѣ трудности. Порученіе совершить убійство, данное бандиту или камористу, когда самая операція представляется легкою и мало рискованною, когда подстрекателемъ дана потребованная исполнителемъ плата, достаточно доказываетъ temibilità подстрекателя. Наоборотъ, если порученіе дано человѣку робкому или мало опытному, если плата неспособна соблазнить къ преступленію, подстрекатель не представляется серьезнымъ преступникомъ, онъ не temibile. Поэтому первый случай признается наказуемымъ, второй— не требующимъ наказанія. Вопросъ о наказуемости подстрекателя въ случаяхъ отсутствія всякой дѣятельности исполнителя,—вопросъ спорный, но разрѣшаемый значительнымъ числомъ законодательствъ и ученыхъ въ отрицательномъ смыслѣ [192]). Теорія соучастія не даетъ возможности разрѣшенія его въ утвердительномъ смыслѣ; поэтому, для обоснованія наказуемости въ неудавшемся подстрекательствѣ усматривается покушеніе, какъ это дѣлаютъ Zachariae [193]), Koestlin [194]), Haelschner [195]), Hrehorowitsch [196]), Wächter [197]), Janka [198]), Buri [199]). Какой бы ни держаться теоріи въ вопросѣ о покушеніи, ученіе, принимающее покушеніе при неудавшемся подстрекательствѣ, должно признаваться невѣрнымъ. Несомнѣнно, можно разсматривать дѣятельность подстрекателя, какъ нѣчто цѣлое, могущее быть законченнымъ и незаконченнымъ, приводящимъ или не приводящимъ къ результату; но въ такомъ случаѣ можно говорить о покушеніи на подстрекательство, а не на то преступленіе, которое должно быть исполнено подстрекателемъ [200]). Вообще, при признаніи въ неудавшемся подстрекательствѣ

---

192) См. Колоколовъ о соучастіи § 473 и Таганцевъ, Курсъ вып. III (Соучастіе къ преступленію, гл. IV, подстрекательство неудавшееся). Послѣдній авторъ приходитъ къ не наказуемости неудавшагося подстрекательства, видя въ немъ либо обнаруженіе умысла, либо приготовленіе (стр. 91—93); г. Колоколовъ допускаетъ наказуемость неудавшагося подстрекателя какъ виновника покушенія, когда подстрекателемъ употреблены при подговорѣ серьезныя усилія (ст. 182). 193) Zur Lehre vom Versuch. § 165 194) System des deutschen Strafrechts § 100. 195) Указ. соч. стр. 403—404). 196) Grundlagen des Strafrechts, стр. 277. 197) Указ. соч. § 83. 198) Указ. соч. § 70. 199) Gerichtssal, Beilageheft zum Band XXXVII. Die Causalität стр. 67. 1885 г. Противъ наказуемости неудавшагося подстрекательства Geyer Holtzendorff Handbuch § 1. Liszt указ. соч. § 51. Bar Versuch und Theilnahme § 15. Haus Principes du droit pénal belge т. I, § 515. Carrara указ. соч. Complicità § 248 (Opuscoli I) Pessina Elementi § 119. Hèlie указ. соч. I, гл. II, § 265. Garraud указ. соч. § 291. Изъ отечественныхъ писателей: Таганцевъ, Спасовичъ, Кистяковскій, Калмыковъ, Будзинскій. 200) Lammasch, указ. соч. стр. 81.

покушенія, оно ставится въ противуположность къ оконченному преступленію, тогда какъ подстрекательство и оконченное преступленіе не стадіи одного дѣйствія, а дѣянія разныхъ субъектовъ [201]).

Различеніе у Гарофало случаевъ наказуемаго и ненаказуемаго неудавшагося подстрекательства представляется неудачнымъ, если даже стать на точку зрѣнія автора на явленіе преступности. Случаи, различаемые имъ, конечно, отличны въ томъ отношеніи, что вѣроятность дѣятельности подстрекнутаго значительнѣе въ первомъ, чѣмъ во второмъ случаѣ. Но этотъ признакъ не ведетъ къ тому, чтобъ подстрекатель въ первомъ случаѣ былъ лицомъ болѣе temibile, чѣмъ во второмъ. Не говорятъ ли Ферри, Ломброзо и Гарофало о непредусмотрительности преступниковъ? Поэтому признакъ temibilità не зависитъ отъ того, что порученіе совершить преступленіе будетъ дано подстрекателемъ первому встрѣчному лицу вслѣдствіе притупленности нравственнаго строя у подстрекателя и сужденія его по собственной мѣркѣ о другихъ лицахъ.

Въ вопросѣ о рецидивѣ и стеченіи преступленій [202]) Гарофало указываетъ на неправильное, по его мнѣнію, различное отношеніе теоріи къ этимъ двумъ формамъ многократнаго совершенія преступнаго дѣянія, вслѣдствіе котораго строго относятся по рецидивѣ и снисходительно къ стеченію. Такъ, при стеченіи преступленій запрещается измѣнять природу наказанія въ виду факта множественности преступленій; различныя системы сходятся въ томъ, что возвышеніе или сложеніе наказаній всегда ограничено, запрещается переходить отъ одного наказанія къ другому. Виновникъ множества отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній наказывается легко за каждое отдѣльное преступленіе. А между тѣмъ, виновникъ двухъ или трехъ убійствъ по внезапному побужденію можетъ считаться болѣе кровожаднымъ и опаснымъ, чѣмъ виновникъ одного убійства по заранѣе обдуманному намѣренію. Понятіе о преступной привычкѣ должно вести къ мѣрамъ, необходимымъ противъ обычныхъ преступниковъ [203]).

По господствующему ученію и рецидива не влечетъ перехода отъ одного рода наказанія къ другому, отъ исправительнаго къ уголовному, отъ временнаго къ вѣчному, не должна вести къ смертной казни (Haus) [204]).

---

201) Lammasch тамъ же. Также Bar въ указ. соч. стр. 47.

202) Cumulo di reati e recidiva.

203) Стр. 283—284.

204) Стр. 284.

Припомнивъ ученіе Фаринація о третьей кражѣ, каравшейся смертью, —эдикты Генриха VIII и Елисаветы противъ бродяжества, правило французскаго законодательства, полагавшаго до 1832 года смертную казнь рецидивисту, совершившему преступленіе, влекущее безсрочное наказаніе, Гарофало замѣчаетъ, что эта система была признана слишкомъ строгою.—Вотъ почему Германское уложеніе молчитъ о рецидивѣ, за исключеніемъ спеціальной рецидивы за кражу, а новый Итальянскій проэктъ Занарделли-Савелли признаетъ лишь рецидиву при преступленіи, обусловленномъ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и прежнее (intento della medesima natura), съ факультативнымъ переходомъ къ высшей степени наказанія и запретомъ лишь назначенія наказанія въ низшей мѣрѣ; къ тому же, рецидива не принимается въ разсчетъ при истеченіи извѣстнаго срока времени.

Нельзя, однако, сказать in abstracto, какого рода рецидива, однородная или неоднородная (progrìa o improgrìa), свидѣтельствуетъ о большей испорченности преступника. Бываютъ случаи, гдѣ temibilità достигаетъ высшей степени, наприм., когда отсутствіе инстинкта честности сочетается съ отсутствіемъ инстинкта человѣчности. А между тѣмъ, по теоріи однородной рецидивы, когда воръ совершилъ убійство не по корысти, онъ не рецидивистъ. Установленіе опредѣленнаго срока между первымъ и повтореннымъ преступленіемъ, по истеченіи котораго рецидива уже не влечетъ усиленнаго наказанія, какъ бы означаетъ, что общество благодаритъ преступника, соблаговолившаго успокоиться на пять или десять лѣтъ,—или ухитрившагося схоронить концы. Если даже повѣрить, что преступникъ воздерживался извѣстное время отъ преступной дѣятельности, послѣднее осужденіе можетъ свидѣтельствовать о силѣ импульсовъ, быстро дѣйствующихъ при благопріятномъ случаѣ, не смотря на рѣдкость ихъ проявленія.

То, что авторъ называетъ снисходительностью закона, а именно меньшая въ цѣломъ отвѣтственность за нѣсколько совершенныхъ преступныхъ дѣяній, чѣмъ если бъ виновный наказывался за каждое отдѣльно по мѣрѣ его совершенія, есть неизбѣжная необходимость. Тягость отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, отбытыхъ по одиночкѣ или въ совокупности, существенно различна. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненіе всѣхъ наказаній, обусловленныхъ отдѣльными дѣяніями, является физически невозможнымъ, поэтому законодательства или берутъ при совокупности преступленій тягчайшее изъ слѣдующихъ наказаній, или усиливаютъ тягчайшее наказаніе. Справедливо, что признакъ преступной привычки долженъ быть принятъ

во вниманіе при совокупности преступныхъ дѣяній и что это начало еще мало усвоено законодательствомъ [205]).

Вопросъ о рецидивѣ—вопросъ далеко неразъясненный окончательно въ теоріи и практикѣ, и удовлетворительное разрѣшеніе котораго требуетъ еще большихъ усилій со стороны науки и законодательства. Ломброзо и Ферри не внесли никакого свѣта въ изслѣдованіе этого вопроса, а скорѣе затемнили его, благодаря знаменитой классификаціи преступниковъ и парадоксальной обработкѣ статистическихъ данныхъ. Столь же безплодно въ этомъ отношеніи и обсужденіе вопроса у Гарофало. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба съ рецидивой требуетъ особыхъ карательныхъ средствъ въ связи съ особо поставляемыми при такой борьбѣ законодательства цѣлями правосудія [206]). Но такое начало не имѣетъ ничего общаго съ жестокими мѣрами прежняго времени и съ смертной казнью, объ отмѣнѣ которой въ случаяхъ рецидивы повидимому сожалѣетъ авторъ [207]). Трудность вопроса о рецидивѣ обусловливается тѣмъ, что законодателю, при необходимости предупрежденія будущей преступности, приходится одинаково остерегаться и слишкомъ односторонней презумпціи неисправимости, и несправедливаго пренебреженія объективной важности дѣянія. Этимъ объясняется, почему криминалисты классической школы склонны видѣть въ рецидивѣ только обстоятельство, увели-

---

205) Къ законодательствамъ, вступающимъ на указанный путь, принадлежитъ отечественный проэктъ уголовнаго уложенія, различающій совокупность простую и квалифицированную, свидѣтельствующую о преступной привычкѣ (ст. 56). Квалифицирующее убійство обстоятельство,—лишеніе жизни нѣсколькихъ лицъ, предусмотрѣно въ австрійскомъ проектѣ уголовнаго уложенія 1881 г. (смертью наказывается Mord въ шести случаяхъ, указанныхъ въ § 224: подъ пунктомъ № 2 говорится о лишеніи жизни нѣсколькихъ лицъ). Ср. отечественный проектъ, часть особенную гл. 1-ую ст. 2-ую п. 5-ый: виновный въ убійствѣ двухъ или болѣе лицъ наказывается каторгой безъ срока или не менѣе десяти лѣтъ.

206) О мѣрахъ противъ рецидивы, предлагаемыхъ въ наше время, ср. примѣч. 129 къ стр. 88 гл. 1-ой, примѣч. 92 къ стр. 334 и 112 къ стр. 347 главы 3-ьей. О недостаточности репрессіи рецидивы въ Германскомъ законодательствѣ ср. Fuld Das rückfällige Verbrecherthum 1885. (Deutsche Zeit und Streitfragen Heft 220).

207) Любопытенъ отзывъ о ст. 56 Code pénal практика de Molénes. (De l'humanité dans les lois criminelles 1830 г.). Un jeune mauvais sujet avait été condamné pour vol qualifié à une peine criminelle qu il avait subie. Il commet un vol avec violences. Ces violences étaient graves il est vrai, elles avaient laissé des traces, mais enfin l'homme volé n'en etait point mort et ce nouveau crime n'etait par lui même punissable que de travaux forcés a perpetuité. La mort a été prononcée, elle etait subie. Cette condamnation etait légale..... Aprés l'arrêt je n'ai vu le fait que dans sa réalité: un vol puni de mort. Et il m'a été impossible de trouver la loi sage (стр. 325 и 326).

чивающее наказаніе не по роду, а въ степени [208]). Нѣтъ основанія всецѣло отвергать такого взгляда подъ условіемъ, чтобъ рецидива, какъ увеличивающее отвѣтственность обстоятельство, была отличена отъ рецидивы при спеціально предусмотрѣнныхъ закономъ преступленіяхъ, какъ обстоятельство, требующее особенныхъ карательныхъ мѣръ спеціальнаго предупрежденія. Это соотвѣтствовало бы принимаемой Вальбергомъ рецидивѣ, какъ показателѣ преступной привычки, и рецидивѣ простой, различію рецидивы однородной и неоднородной.

Нельзя признать вѣрными соображенія Гарофало, направленныя противъ принципа однородной рецидивы. Усиленная наказуемость рецидивистовъ, въ особенности въ смыслѣ измѣненія наказанія по роду, имѣетъ раціональное основаніе въ фактѣ устойчивой преступной привычки, котораго въ неоднородной рецидивѣ можетъ и не быть. «Не всегда рецидива—показатель большей испорченности; въ преступленіяхъ, обусловленныхъ различными побужденіями, непосредственные поводы къ преступленію, являющіеся соблазны, даже деградація, въ которую впалъ осужденный вслѣдствіе отбытія наказанія, вліяютъ на новое впаденіе въ преступленія» [209]). Какъ справедливо указывается въ пользу принципа однородной рецидивы редакціонной коммиссіей отечественнаго угол. уложенія «фикція неисправимости преступника основана на предположеніи о такомъ устройствѣ тюремъ, которое въ Западной Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности... но за то несомнѣнно, что совершившій то же или однородное дѣяніе, послѣ понесеннаго имъ наказанія... является тѣмъ лихимъ человѣкомъ, усиленіе наказанія для котораго представляется вполнѣ раціональнымъ» [210]).

Наконецъ, крайне несправедливо отрицаніе ограниченія рецидивы, полагаемаго въ установленіи извѣстнаго срока времени, лишь въ предѣлахъ котораго она признается отягчающимъ вину обстоятельствомъ. Такое начало находитъ полнѣйшее подтвержденіе въ данныхъ уголовной стати-

---

208) Giuliani указ. соч. I. cap. V. Carrara Stato della dottrina sulla recidiva (Opus coli II). Hélie находитъ, что рецидива должна наказываться сообразно высшей степени того наказанія, которое положено за совершеніе преступленія въ первый разъ, а не наказаніемъ высшаго рода: La raison en est simple, le fait ne change pas de nature, указ. соч. I. гл. X. § 199.

209) Pessina Elementi di diritto penale L. II. C. II. III della recidiva стр. 316.

210) Объясненія къ проэкту общей части редакціонной коммиссіи стр. 208. Неоднородная рецидива допускается комиссіей при второмъ болѣе тяжкомъ дѣяніи. Въ объяснительной запискѣ къ проэкту Mancini 1876 г. однородная рецидива характеризуется свойствомъ преступнаго побужденія, pravo impulso.

стики. Такъ, въ Пруссіи большинство случаевъ рецидивы относится къ первымъ двумъ годамъ послѣ освобожденія изъ тюрьмы [211]); половина освобождаемыхъ изъ maisons centrales во Франціи впадаютъ въ рецидиву очень скоро послѣ освобожденія [212]); въ Австріи половина освобожденныхъ изъ тюремъ лицъ вновь водворяются въ тюрьму въ первый годъ по освобожденіи [213]). Ссылка на особую силу преступныхъ склонностей, обнаруживаемую будто бы долгимъ бездѣйствіемъ, весьма сомнительна. Гарофало допускаетъ въ этомъ случаѣ соблазнъ, вызвавшій наружу не исчезнувшія склонности.—Но гдѣ же основаніе говорить въ этомъ случаѣ о неисправимомъ преступникѣ, а не о преступникѣ fortuito, поддающемся соблазну по слабости характера?

Не останавливаясь на вопросѣ о давности, такъ какъ Гарофало касается его весьма бѣгло, и высказываясь противъ давности наказанія, главнѣйшимъ образомъ требуетъ изъятія изъ дѣйствія давности для delinquenti istintivi [214]), перейду къ вопросу о помилованіи [215]). Исходя изъ того, что помилованіе должно ограничиваться лишь случаями исправленія судебной ошибки или чрезмѣрной строгости закона, Гарофало рѣзко критикуетъ практику института помилованія въ Италіи и Бельгіи. Смертная казнь существуетъ въ законѣ обѣихъ странъ. Каждый годъ ассизные суды приговариваютъ, не смотря на право признанія смягчающихъ обстоятельствъ, предоставляемое присяжнымъ, извѣстное количество преступниковъ къ смерти, а между тѣмъ Итальянское правительство съ 1876 г. по 1884 г. и Бельгійское съ 1863 систематически сопротивляются исполненію государственнаго закона, «свободно примѣняемаго представителями народной юстиціи». Понятно, что такой порядокъ ослабляетъ силу уголовной угрозы. Это доказывается многочисленными примѣрами: такъ Indolfi, солдатъ, убившій своего полковника, былъ убѣжденъ, что его не казнятъ; точно также не вѣрилъ исполненію смертнаго приговора убійца Misdea; карабинеръ Marino убилъ своего начальника, разсчитывая

---

211) Fuld, указ. соч. стр. 17.

212) Оффиціальный отчетъ объ отправленіи уголовнаго правосудія съ 1826 по 1880 г. III partie, des récidives.

213) Wahlberg въ Gerichtssaal 1880 г. Die neuesten Ergebnisse des österreichischen Straf vollzugs ст. 620. Оправдываемое указаннымъ фактомъ статистика ограниченіе понятія рецидивы извѣстнымъ срокомъ принято въ Германскомъ угол. уложеніи (стр. 245, 250) въ Тосканскомъ уложеніи (десяти и пятилѣтній срокъ, смотря по свойству отбытаго наказанія), въ проэктѣ Mancini, а равно Zanardelli, въ отечественномъ проэктѣ Угол. Улож. ст. 58.

214) La prescrizione стр. 289—291.

215) Amnistia e grazie.

провести на каторгѣ остававшіеся ему годы военной службы. Что же касается до Бельгіи, то тамъ убѣжденіе въ отмѣнѣ смертной казни проникло въ народъ и повело къ страшному увеличенію преступленій, какъ о томъ свидѣтельствуетъ генеральный прокуроръ Delacourt [216]).

Въ этомъ отдѣлѣ замѣчательно, что обвиненіе Итальянскаго и Бельгійскаго правительства мотивируется пренебреженіемъ, оказаннымъ голосу народныхъ судей. Правильно или неправильно это обвиненіе, оно во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что судъ присяжныхъ не такое негодное учрежденіе, какъ это вообще утверждаютъ антропологи-криминалисты,—что присяжные дѣйствуютъ въ качествѣ «суда подзаконнаго», по выраженію г. Фойницкаго. Едва ли можно видѣть въ способѣ дѣйствія присяжныхъ поддержку принципа смертной казни въ виду установившейся практики неисполненія смертной казни. Указываемыя Гарофало рѣшенія присяжныхъ скорѣе свидѣтельствуютъ о вѣрности ихъ судейскому долгу и судейской присягѣ, объ отвращеніи ихъ къ признанію смягчающихъ объстоятельствъ тамъ, гдѣ фактически ихъ не существуетъ. Что касается до ослабленія репрессіи въ силу непримѣненія смертной казни въ Италіи и Бельгіи, то относительно этихъ странъ, по крайней мѣрѣ, фактъ этотъ не потверждается. Примѣры, приведенные Гарофало, во всякомъ случаѣ исключительные; притомъ они взяты изъ спеціальной области государственной жизни, изъ сферы военнаго сословія. Далѣе, вопреки настойчивымъ утвержденіямъ антрополого позитивной школы объ увеличеніи преступности въ Италіи, такой тезисъ получилъ торжественное оффиціальное опроверженіе [217]).

Что же касается до Бельгіи, то изъ изслѣдованія хода преступности въ этой странѣ, сдѣланнаго недавно Van Alleyenes за время съ 1831—1885 г. оказывается постоянное уменьшеніе тягчайшей преступности при постоянномъ ростѣ населенія. Въ наилучшемъ состояніи относительно преступности оказывается Льежскій округъ, гдѣ

---

216) Стр. 292—295.

217) Ср. работу генеральнаго директора государственнаго статистическаго бюро итальянскаго королевства Bodio De la statistique criminelle en Italie въ Archives d'anthropologie criminelle 1886 года, стр. 385 и сл. Bodio удостовѣряетъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ за время съ 1873—1884 г., не только уменьшеніе числа лицъ, осужденныхъ исправительными судами, но и большое уменьшеніе въ числѣ осужденныхъ ассизами при сравненіи перваго и послѣдняго годовъ этого періода. Правда, есть увеличеніе по части квалифицированныхъ убійствъ: въ 1884—1,453, сравнительно съ 1875 г. (1,101), но за то уменьшеніе сравнительно съ 1879 и 1880 гг.

съ самаго созданія Бельгійскаго королевства смертная казнь была исполнена лишь однажды [218]).

Въ отдѣлѣ, посвященномъ вопросу о наказаніяхъ [219]), Гарофало утверждаетъ, что преступники постоянно подвергаются въ Итальянской судебной практикѣ ослабленной сравнительно съ требованіями кодекса репрессіи. Міпішшт наказанія сдѣлался нормальнымъ наказаніемъ, вопреки несомнѣннаго требованія законодателя; таже наклонность къ излишней мягкости выражается въ чрезмѣрномъ допущеніи смягчающихъ обстоятельствъ, въ непользованіи правомъ увеличенія наказанія рецидивистамъ вдвое при исправительныхъ и на двѣ степени при уголовныхъ наказаніяхъ. Судьи, такимъ образомъ, забываютъ, что недѣйствительное наказаніе—несправедливое наказаніе (Romagnosi).

Приведя многочисленные примѣры изъ практики относительно пониженія мѣры наказанія, Гарофало объясняетъ это явленіе малымъ усвоеніемъ себѣ судьями соціальнаго интереса. Къ тому же, они скептически относятся къ дѣйствительности наказаній; хотя «наши судьи обыкновенно больше изучали римское и каноническое право, чѣмъ антропологію», однако постоянное появленіе передъ ними неисправимыхъ преступниковъ внушило имъ мысль, что совершенно все равно, наказывать ли ихъ, напримѣръ, пяти или двухлѣтнимъ заключе-

---

218) Rivista penale 1886. Disp. 17 Statistica criminale del Belgio nel periodo 1831—1815. Сверхъ Бельгіи замѣчательный примѣръ фактической отмѣны смертной казни представляетъ Финляндія, гдѣ, не смотря на существованіе въ законѣ смертной казни, (сохраненной и въ новомъ проэктѣ), она, со времени Высочайшаго манифеста 21 апрѣля 1826 г. замѣняется постоянно каторжными работами, отбываемыми въ Сибири (Sibiri-straffet). Такая отмѣна, по свидѣтельству прокурора Финляндскаго сената г. Зедергольма въ докладѣ его сейму на основаніи статистическихъ данныхъ за цѣлый рядъ годовъ начиная съ 1836 г. и до 1880 г. не имѣла никакого вреднаго вліянія для общественнаго порядка,—такъ какъ одни изъ важнѣйшихъ преступленій не увеличились,—другія даже значительно понизились въ числѣ. «Опытъ говоритъ г. Зедергольмъ, показалъ съ очевидностью, что наша страна можетъ обходиться безъ смертной казни, и что отмѣна ея, полная—или частная, согласно проэкту новаго уложонія, не представляетъ опасности» Ср. Procuratorns i Kaiserliga Senaten for Finland Berättelse till 1882 ärs landtag om lagskipprningen och lagarnes handh fvande i landet. Helsingfors 1882, и анализъ этого доклада въ Revue critique de legislational 1881 г. Olivercrona: Sur l'experience obtenue par la suppression de la peine de mort dans le grand duché de Finla ndependant les 56 dernières années. Въ докладѣ сейму 1885 года прокурора финляндскаго сената г. Монгоммери, этотъ значительный финляндскій юристъ на основаніи данныхъ 1881, 1882, 1883 г. вполнѣ присоединяется къ заявленію г. Зедергольма (Berättelse vid 1885 ärs landtag 1885).

219) VII Le pene.

ніемъ. Но при этомъ упускается изъ виду множество совершаемыхъ обычными преступниками дѣяній, число которыхъ при увеличеніи срока наказанія уменьшилось бы. [220])

Гарофало заканчиваетъ главу о репрессіи разсмотрѣніемъ вопроса о вознагражденіи за вредъ, причиненный преступнымъ дѣяніемъ [221]).

Существующій способъ осуществленія права вознагражденія за вредъ и убытки въ порядкѣ суда уголовнаго въ итальянскомъ законодательствѣ, по отзыву Гарофало, весьма недостаточный. Поэтому авторъ предлагаетъ реформу на основаніяхъ, указанныхъ у Спенсера «Moral of Prison». По мысли Спенсера, лишеніемъ свободы должно достигаться одинаково обезпеченіе общества отъ преступника и вознагражденіе потерпѣвшаго. Послѣднее достигается тѣмъ, что продолжительность заключенія опредѣляется срокомъ, въ теченіи котораго преступнику удалось заработать столько, чтобы вполнѣ вознаградить потерпѣвшаго [222]). Противъ возможнаго возраженія о смѣшеніи въ этомъ предложеніи порядковъ гражданскаго и уголовнаго права Гарофало указываетъ на огромную разницу между обязательствомъ, возникающимъ изъ договора, и обязательствомъ, вытекающимъ изъ преступленія. Принципъ гражданской отвѣтственности въ смыслѣ Спенсера, при принятіи его въ законодательствѣ, создалъ бы одно изъ наиболѣе энергичныхъ средствъ предупрежденія преступленій. Преступникъ нынѣ разсчитываетъ, не выгодно ли ему подвергнуться наказанію, чтобы всю жизнь пользоваться похищенной суммой. Развѣ два милльона, похищенные банковымъ кассиромъ, не стоятъ пяти или шести лѣтъ смирительнаго дома? Но пусть тотъ же кассиръ узнаетъ, что ему предстоитъ на выборъ или возвратить похищенное, или подвергнуться безсрочному заключенію, и тогда онъ не станетъ взвѣшивать выгоды преступленія сравнительно съ предстоящимъ карательнымъ послѣдствіемъ. Принужденіе къ вознагражденію представляло бы истинный «уголовный замѣститель» (sostitutivo penale) и могло бы замѣнить существующія мѣры ареста, штрафовъ и денежныхъ взысканій [223]).

Упрекъ судебному персоналу въ слабости судебной репрессіи, въ склонности назначенія наказанія въ низшей мѣрѣ, долженъ быть

---

220) Стр. 303—312.

221) VIII. La riparazione del danno.

222) Стр. 312—316.

223) Стр. 317—319.

признанъ въ значительной степени справедливымъ. Мнѣ приходилось уже говорить объ этомъ выше и указывать, что такіе упреки дѣлаются въ разныхъ странахъ [224]). Кажется, однако, что вмѣсто того, чтобъ искать связи этого явленія въ маломъ изученіи судьями антропологіи и равнодушіи къ своимъ обязанностямъ, можно усматривать причины такого примѣненія закона частью въ процессуальныхъ порядкахъ, частью въ порядкахъ исполненія наказанія. Нельзя забывать, что, не смотря на неустанную работу по части реформъ уголовнаго процесса, нѣкоторые отдѣлы судебнаго разбора и до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, особенно въ Италіи. Такъ, именно въ Италіи жалуются на самый процессуальный уставъ 1865 года, какъ несовершенную передѣлку Наполеоновскаго устава угол. суд., жалуются на медленность предварительнаго производства, жалуются на чрезмѣрное примѣненіе подслѣдственнаго ареста, на неудовлетворительное устроеніе экспертизы [225]). Такія условія, какъ извѣстно, непремѣнно отражаются на достоинствѣ судебныхъ приговоровъ, отзываются ослабленіемъ репрессіи. При незаконченности, далѣе, реформы по устройству мѣстъ отбытія наказанія, при неудовлетворительности тюремныхъ порядковъ, при малой опредѣленности карательнаго режима, нельзя строго винить судей за то, что въ случаяхъ, не представляющихъ въ ихъ глазахъ особенно значительной общественной опасности, они не примѣняютъ уголовнаго закона въ его полной силѣ, не разсчитывая на дѣйствительность наказанія при продолжительныхъ срокахъ его отбытія. Указанная тенденція судей находитъ себѣ подтвержденіе въ связи рецидивы именно съ неудовлетворительными тюремными порядками [226]), въ особенности же съ

224) Ср. гл. III, стр. 356—358.

225) По части неудовлетворительныхъ сторонъ итальянскаго уголовнаго процесса см. мою статью: «Проэктъ реформы итальянскаго уст. угол. суд. министра Вилла» въ «Юрид. Вѣстникѣ» 1882 г., а также мою работу: «Очеркъ изслѣдованій Франческо Каррара объ уголовной защитѣ» 1883 г. О долговременности предварит. ареста свидѣтельствуютъ I discorsi d'apertura par l'anno giudiziario 1885 r. degli reppresentanti del publico ministero (Rivista penale 1885 r. Disp. 9. Rassegna critico statistica comparata). Ср. также Casorati, Il processo penale e le riforme 1881 r.

226) Обсуждая данныя, извлеченныя изъ Discorsi d'apertura прокурорскаго надзора за 1885 г., редакторъ Rivista penale Lucchini дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: при двухъ недостаткахъ нашихъ мѣстъ заключенія, каковы общее содержаніе заключенныхъ и недостатокъ тюремныхъ работъ, легко говорить объ испорченности и неисправимости преступниковъ. Изъ нашихъ тюремъ заключенные выходятъ совершенно испорченными, если они не были таковыми ранѣе, или болѣе испорченными—въ противномъ случаѣ (тамъ же стр. 477). О вліяніи неудовлетворительныхъ тюремныхъ порядковъ на рецидиву также свидѣтельствуетъ Orano, La recidiva nei reati.

системой общаго содержанія, которые въ болѣе значительной степени, чѣмъ непримѣненіе смертной казни, вредно отражаются на репрессіи.

Что касается до заимствованнаго у Спенсера способа взысканія гражданскаго вознагражденія за вредъ, то, не касаясь принципіальной стороны этого вопроса, признавъ даже полнѣйшую законность мысли о наилучшемъ обезпеченіи такого вознагражденія, можно усумниться въ практической осуществимости этого предложенія. При огромныхъ финансовыхъ тягостяхъ, которыя несетъ государство ради отправленія правосудія и въ частности на содержаніе мѣстъ отбытія наказанія, можно ли допустить увеличеніе этихъ расходовъ въ силу необходимости содержанія, хотя бы и отбывшихъ срокъ наказанія арестантовъ, ради принужденія ихъ къ работамъ въ пользу лицъ потерпѣвшихъ? Далѣе, такая цѣль тюремныхъ работъ требовала бы особеннаго устроенія этихъ работъ, ради приданія имъ особой доходности. Но эта задача въ силу массы разнообразныхъ условій не всегда можетъ достигаться; далѣе, она могла бы стать въ разрѣзъ съ цѣлями и потребностями уголовной политики, съ государственными интересами правосудія. Такъ, въ настоящее время рекомендуются преимущественно работы на открытомъ воздухѣ,—постройка арестантами тюремъ, устройство публичныхъ дорогъ, крѣпостныя работы и т. д. Съ другой стороны, признается необходимымъ, чтобъ изъ выручки арестантскаго труда часть его шла на содержаніе заключенныхъ, а извѣстная доля обращалась бы для составленія небольшаго запаснаго фонда по выходѣ арестанта изъ тюрьмы. Между тѣмъ при обязательномъ отнесеніи всей выручки на вознагражденіе потерпѣвшихъ приходилось бы отступить отъ этихъ началъ. Наконецъ, мысль Гарофало устраняетъ возможность нѣкоторыхъ несомнѣнно чрезвычайно полезныхъ мѣръ, какъ напр., условное освобожденіе [227]). А между тѣмъ эта мѣра сама по себѣ способна служить побужденіемъ для преступника вознаградить потерпѣвшихъ. Въ французскомъ законѣ 11 августа 1885 года о предупредительныхъ мѣрахъ противъ рецидивы, возможность реабилитаціи преступника ставится въ зави-

---

227) Условное освобожденіе играетъ первенствующую роль во Французскомъ законѣ 11 августа 1885-аго года. О благопріятныхъ результатахъ его въ Лепоглавской каторжной тюрьмѣ (за 7 лѣтъ было всего 2,2% случаевъ отмѣны на 314 слишкомъ условно-освобожденныхъ) свидѣтельствуетъ вышеуказанный отчетъ Тауффера стр. 66. О необходимости сочетанія условнаго освобожденія съ личнымъ и имущественнымъ поручательствомъ указываетъ Nocito (Della libertà condizionale Roma 1880 г.).

симость между прочимъ отъ вознагражденія имъ потерпѣвшихъ. Такимъ образомъ, приходится отказываться отъ мѣры, защищаемой Спенсеромъ и Гарофало, въ виду ея несовмѣстимости съ важными интересами государства, съ требованіями тюремной дисциплины. Затѣмъ намѣченная цѣль могла бы достигаться комбинаціей указанныхъ частныхъ мѣръ, не затрогивающихъ коренныхъ цѣлей способа отбытія наказанія въ интересѣ частныхъ лицъ и входящихъ въ составъ прогрессивной системы лишенія свободы [228]).

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

---

[228]) Ср. противъ теоріи Спенсера Beltrani Scalia указ. соч. стр. 303, гдѣ авторъ, заявляя, что она ставитъ въ особенно выгодное положеніе записнаго плута (briccone metricolato), если онъ искусный рабочій, указываетъ, что прогрессивная система стремится въ извѣстныхъ предѣлахъ къ тѣмъ же цѣлямъ (стр. 303).